Кл 36/255 НЕ КОПИРОВАТЬ
801-13/444

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ

на 1901 годъ,

собранные

книгоиздательствомъ

»Скорпіонъ.«

Москва

1901

К. Сомовъ.

Возобновляя послѣ семидесятилѣтняго перерыва альманахъ Сѣверные Цвѣты (послѣдній разъ онъ былъ изданъ въ пользу семьи Дельвига въ 1832 году), мы надѣемся сохранить и его преданія. Мы желали бы стать внѣ существующихъ литературныхъ партій, принимая въ свой сборникъ все, гдѣ есть поэзія, къ какой бы школѣ ни принадлежалъ ихъ авторъ. Придерживаясь этого *духа* прежнихъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, освященныхъ близкимъ участіемъ Пушкина, мы не нашли нужнымъ подражать ихъ внѣшности. Маленькій форматъ, мелкая печать (петитъ) и т. под., бывшее обычнымъ въ альманахахъ Пушкинскаго времени, были бы совершенно излишнимъ затрудненіемъ для современнаго читателя. Впрочемъ, мы рады, что обложку къ нашему изданію любезно взялъ на себя исполнить художникъ К. Сомовъ, который такъ прекрасно передаетъ духъ нашихъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Всѣ виньетки воспроизведены изъ изданій того же времени.

„Скорпіонъ“

ДРАМА и РАЗСКАЗЫ

СВЯТАЯ КРОВЬ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

(До поднятія занавѣса слышенъ далекій и рѣдкій звонъ колокола. Лѣсная глушь. Гладкое, плоское, свѣтлое озеро, не очень большое. У праваго берега, поросшаго камышомъ, поляна, дальше начинается темный лѣсъ. На небѣ, довольно низко, но освѣщая тусклымъ, немного красноватымъ свѣтомъ озеро и поляну, стоитъ щербатый мѣсяцъ. Рой русалокъ, блѣдныхъ, мутныхъ, голыхъ, держась за руки, кругомъ движется по полянѣ, очень медленно. Напѣвъ ихъ тоже медленный, ровный, но не печальный. Онъ заглушаетъ колоколъ, который звонитъ все время, но когда русалки умолкаютъ на нѣсколько мгновеній—онъ гораздо слышнѣе. Не всѣ русалки пляшутъ: иныя, постарше, сидятъ у берега, опустивъ ноги въ воду, другія пробираются между камышами. У края поляны, около самаго лѣса, подъ большимъ деревомъ, сидитъ старая, довольно толстая русалка и дѣловито и медленно расчесываетъ волосы. Рядомъ съ нею русалка совсѣмъ молоденькая, почти ребенокъ. Она сидитъ неподвижно, охвативъ тонкими руками голыя колѣни, смотритъ на поляну, не отрывая взора, и все время точно прислушивается. Часъ очень поздній. Но тонкій мѣсяцъ не закатывается, а подымается. По водѣ стелется, какъ живой, туманъ).

Старая русалка (надменно). Запутаешь, запутаешь волосы-то въ омутѣ, потомъ и не расчешешь. (Помолчавъ, къ молоденькой.) А ты чего сидишь, не пляшешь? Поди, порѣзвись съ другими.

Русалочка (молчитъ и смотритъ на поляну, не двигаясь).

Старая русалка (равнодушно). Опять закостенѣла! И что это за ребенокъ! Ее и мѣсяцъ точно не грѣетъ.

(Продолжаетъ расчесывать волосы. Слышно тихое и медленное, въ тактъ мѣрнымъ, скользящимъ движеніямъ, пѣніе русалокъ.)

Русалки: Мы бѣлыя дочери
озера свѣтлаго,
отъ чистоты и прохлады мы родились.
Пѣна, и тина, и травы насъ нѣжатъ,
легкій, пустой камышъ ласкаетъ;
зимой подо льдомъ, какъ подъ теплымъ стекломъ,
мы спимъ, и намъ снится лѣто.
Все благо: и жизнь! и явь! и сонъ!

(Пѣніе прерывается, движеніе круга на мгновенье безмолвно, неускоренное и незамедленное. Колоколъ слышнѣе.)

Мы солнца смертельно-горячаго
не знаемъ, не видѣли;
но мы знаемъ его отраженія,
мы тихую знаемъ луну.
Влажная, кроткая, милая, чистая,
ночью серебряной вся золотистая,
она — какъ русалка — добрая...
Все благо: и жизнь! и мы! и луна!

(Опять движеніе круга безмолвно нѣсколько мгновеній Звучитъ колоколъ.)

У берега, межъ камышами,
скользитъ и таетъ блѣдный туманъ.
Мы вѣдаемъ: лѣто смѣнится зимою,
зима—весною много разъ,
и часъ наступитъ сокровенный,
какъ всѣ часы—благословенный,
когда мы въ бѣлый туманъ растаемъ,
и бѣлый туманъ растаетъ.
И новыя будутъ русалки,
и будетъ луна имъ свѣтить,—
и такъ же съ туманомъ онѣ растаютъ.
Все благо: и жизнь! и мы! и свѣтъ! и смерть!

Старая русалка (приглаживая гребнемъ тщательно расчесанные, рѣдкіе волосы). Что жъ, такъ и не пойдешь пѣсни играть? Иди. А то мѣсяцъ нынче поздній. Разсвѣтать начнетъ.

Русалочка (не отводя взора). Не хочется мнѣ, тетушка. Пѣсня такая скучная.

Старая русалка (недовольно). Ну вотъ, скучная! Хорошая пѣсня. Какихъ же тебѣ еще?

Русалочка. Я вотъ что хотѣла тебя спросить, тетушка: говорится въ нашихъ пѣсняхъ, что живемъ мы, на луну смотримъ, а потомъ въ туманъ растаемъ, и какъ будто русалки не было. Отчего это?

Старая русалка. Чего отчего? Часъ для каждой приходитъ, ну и таемъ. У насъ вѣкъ легкій, долгій: и по триста лѣтъ живемъ, и по четыреста.

Русалочка. А потомъ и въ туманъ?

Старая русалка. И въ туманъ.

Русалочка. Дальше ничего?

Старая русалка. Ничего. Чего же тебѣ еще?

Русалочка (послѣ раздумья). Всѣ живыя твари такъ, тетушка?

Старая русалка (съ убѣжденіемъ). Всѣ. (Молчаніе.) Нѣтъ, постой, забыла. Не всѣ. Я еще отъ своей тетки слыхала, что не всѣ. Люди есть. Я видала ихъ. Да и ты видѣла, издали. Такъ вотъ, они, говорятъ, не туманомъ разлетаются. У нихъ безсмертная душа.

Русалка (широко открывая глаза). Они никогда не умираютъ?

Старая русалка. Нѣтъ, нѣтъ! Умираютъ. И вѣкъ у нихъ — страхъ какой короткій, ста лѣтъ не живутъ. Тѣло въ землю распадается, но имъ это все равно, потому что у человѣка душа безъ смерти, ну и живетъ. Я думаю, человѣку послѣ его смерти даже лучше, легче. Тѣла у нихъ плотныя, кровяныя, тяжелыя.

Русалочка. А душа — легкая, какъ мы?

Старая русалка. Ну, пожалуй, легче. На насъ все таки смерть есть, а на нее нѣтъ.

Русалочка (послѣ молчанія, внезапно, съ мольбою). Тетушка! Милая! Разскажи ты мнѣ все, что знаешь о насъ, о людяхъ, объ ихъ душѣ! Ты знаешь, ты старая, а я недавно родилась. Можетъ, такъ и въ туманѣ растаю, и не узнаю, а хочется знать!

Старая русалка (съ удивленіемъ). Вотъ такъ ребенокъ! Чего ты? Я разскажу. Дай только припомнить. Давно очень слышала. (Останавливается. Русалочка обернулась къ ней и смотритъ ей въ лицо такъ же пристально, какъ раньше смотрѣла на лугъ.) Я, дѣточка, многаго не знаю. Вотъ, слыхала, что и прежде, давно, всегда были на свѣтѣ и люди, и разныя другія живыя твари, и русалки, и разныя. Люди — съ тяжелымъ тѣломъ, съ кровью, съ короткимъ вѣкомъ и со смертью, а мы, русалки, и другія водяныя и лѣсныя, луговыя и пустынныя твари — съ легкимъ и безсмертнымъ тѣломъ.

Русалочка. Безсмертнымъ тѣломъ? А у людей была безсмертная душа?

Старая русалка. Нѣтъ, погоди, не путай. У людей тогда не было безсмертной души. И вотъ, такъ время проходило. Люди знали, что мы одни безсмертные, и почитали, и смирялись передъ нами. Но жить имъ было, съ ихъ короткимъ вѣкомъ да со смертью, очень нехорошо, и они только показывали намъ, что смиряются, а потихоньку роптали и другое думали. Тогда межъ ними родился Человѣкъ, котораго они назвали Богомъ, и Онъ пролилъ за нихъ свою кровь и далъ имъ безсмертную душу.

Русалочка. Кровь?

Старая русалка. Да, свою кровь.

Русалочка. За нихъ? За всѣхъ?

Старая русалка. Ну да, за всѣхъ людей. Но съ тѣхъ поръ мы узнали, что мы не безсмертны, и стали мы умирать. Вѣкъ нашъ дологъ, смерть наша легка, а души, для безсмертія, у насъ нѣтъ.

Русалочка. Значитъ, Онъ, этотъ Человѣкъ, или, какъ ты сказала, Богъ, — принесъ намъ смерть, а имъ жизнь? Почему же намъ смерть отъ Его крови?

Старая русалка. Кровь за кровь. У насъ нѣтъ крови.

Русалочка. Тетушка! Люди добрѣе насъ, они лучше живутъ?

Старая русалка. Ну, не знаю! Слыхала, что они злые, что у нихъ вражда, зависть, ненависть... ты не понимаешь, у насъ этого ничего нѣтъ. Мы — добрыя.

Русалочка. Такъ почему же Человѣкъ принесъ имъ жизнь, а намъ смерть, если мы лучше?

Старая русалка. Я ужъ не знаю. Говорила мнѣ моя тетка, что у людей, кромѣ злобы и ненависти, еще есть что-то другое, и въ немъ, будто, и причина, а какъ оно называется — слово я забыла. Вотъ «ненависть» помню,— а этого другого слова не помню. У насъ его тоже нѣтъ. Да. Память у меня плоха стала.

(Молчаніе.)

Старая русалка. Мѣсяцъ что-то побѣлѣлъ. Пожалуй, утро скоро. На покой бы пора.

Русалочка (точно просыпаясь). Тетенька, милая! Больше ничего не знаешь?

Старая русалка. Кажись, ничего.

Русалочка. А не знаешь ли ты... нельзя ли какъ нибудь... изъ насъ которой-нибудь... русалкѣ, положимъ... такъ сдѣлать, чтобъ себѣ тоже человѣчью безсмертную душу имѣть?

Старая русалка. Не знаю. Экая ты неугомонная! Рождена русалкой — и благо, и живи свой вѣкъ. Чего еще?

Русалочка. Такъ никакъ нельзя? Невозможно?

Старая русалка. Говорю тебѣ — не знаю! Погоди, слыхала и объ этомъ что-то, да ничего, какъ есть, не помню.

Русалочка. А кто помнитъ? Кто знаетъ?

Старая русалка. Если ужъ тебѣ такая охота —

спроси Вѣдьму. Въ лѣсу живетъ, изъ людей была, да слышно, свою душу кому-то за долгій вѣкъ продала, теперь ужъ ей лѣтъ пятьсотъ есть. Она все знаетъ. Она сюда, къ нашему озеру, каждую ночь пить приползаетъ. Мы ее не видимъ, потому что она на самой на зарѣ тащится, когда ужъ небо розовое. Намъ тогда страшно, потому что мы солнца ни краюшка не можемъ видѣть.

Русалочка. Тогда самый сильный туманъ?

Старая русалка. Да, тогда туманъ. Я, какъ была помоложе, смѣлая тоже была. До самой послѣдней минуточки сижу. И Вѣдьму видѣла. Она не солнце, она намъ ничего худого не можетъ сдѣлать. Вотъ, коли не боишься, — оставайся, жди Вѣдьму. Она тебѣ все разскажетъ. А мнѣ въ водичку, въ тинку, на покой пора. Старыя косточки болятъ. Вонъ и наши всѣ ужъ бултыхаются.

(Русалки скрываются одна за другой въ водѣ. Мѣсяцъ бѣлѣетъ, потомъ розовѣетъ. Туманъ—живѣе и плотнѣе.)

Старая русалка (тяжело подымаясь). Пойду. Недалеко утро.

Русалочка. Я не боюсь, тетенька. Можетъ, придетъ Вѣдьма. Ужъ я останусь.

Старая русалка (равнодушно). Придетъ, придетъ. Что жъ, оставайся.

(Уходитъ. Пробирается черезъ камыши, которые гнутся и трещатъ. Слышенъ всплескъ воды. Русалочка садится ближе къ дереву, прижимается къ стволу и ждетъ, неподвижная, охвативъ колѣни руками. Колоколъ умолкъ. Тишина. Небо все розовѣетъ, туманъ подымается выше. Изъ лѣсу, безъ шума, идетъ, точно ползетъ, маленькая, закутанная, въ крючокъ согнутая старуха. У нея большое желтое лицо, обращенное къ землѣ. Подползя къ озеру, она ложится на берегъ и долго пьетъ. Не слышно никакого звука. Наконецъ, старуха поднимается, медленно, нюхаетъ воздухъ и смотритъ по сторонамъ. Русалочка встала и стоитъ, держась за сучокъ. Старуха обернулась въ ея сторону и подняла руку къ глазамъ, защищаясь отъ розоваго свѣта зари.)

Русалочка (робко). Здравствуй, тетенька.

Вѣдьма. Здравствуй. Только я тебѣ не тетенька. Я Вѣдьма.

Русалочка. Я знаю, тетенька Вѣдьма. Я, вотъ, здѣсь...

Вѣдьма. Вижу, что здѣсь. Вижу изъ какихъ ты, рыбка. Что жъ такъ запоздала? Солнышко скоро взойдетъ. А оно строгое къ намъ, солнышко. Не прогадать бы тебѣ.

Русалочка. Ты поздно, тетенька Вѣдьма, приходишь. А я тебя дожидалась.

Вѣдьма. Меня? А зачѣмъ тебѣ меня ждать? Понадобилась я тебѣ, что ли? Да говори скорѣй, не мямли. И взаправду, пожалуй, солнце взойдетъ.

Русалочка (торопясь). Я сейчасъ, тетенька. Вотъ я нынче слышала разное про насъ, про русалокъ, да про людей... Что будто мы умираемъ —и туманъ изъ насъ, и больше ничего. А у людей, будто, безсмертная душа, потому что за нихъ кровь пролита. Правда это?

Вѣдьма. Правда. Что еще?

Русалочка. И вотъ я хотѣла тебя спросить,—ты, вѣдь, знаешь,— можно ли такъ сдѣлать, чтобъ русалкѣ, какой-нибудь, тоже имѣть безсмертную душу? Скажи, тетенька, милая моя! Ты знаешь!

(Вѣдьма смотритъ на нее и вдругъ начинаетъ беззвучно хохотать, тряся тѣломъ. Русалочка молчитъ, не отрывая взора, и пугается.)

Русалочка. Что ты смѣешься? Что ты смѣешься? Нельзя?

(Вѣдьма хохочетъ.)

Русалочка (дрожа и возвышая голосъ). Такъ никакъ нельзя? Невозможно?

Вѣдьма. Можно, можно! Ухъ, и забавная же ты, рыбка! Давно я не смѣялась. Давно такую рыбку, какъ ты, поджидала. Отчего нельзя? Погоди, духъ переведу.

Русалочка (съ радостью и мольбой). Тетенька! Миленькая! Значитъ можно? Научи ты меня! А я тебѣ потомъ что хочешь...

Вѣдьма. Постой, постой. Сказано — можно, значитъ можно. Я научу. И ничего мнѣ съ тебя за науку не надо.

Русалочка. Ты добрая, тетенька Вѣдьма.

Вѣдьма. Нѣтъ, что тутъ добрая! Я для своей забавы помогаю. Всѣмъ помогаю. И вотъ такимъ рыбкамъ, какъ ты, и людямъ, когда случится. Чего хочется кому-то я сейчасъ и даю — на! И ничего за это не прошу: забавушка моя есть, мнѣ и довольно. И тебя научу, какъ русалкѣ можно душу безсмертную получить, коли ужъ захотѣлось. Сядемъ-ка, дѣвушка, у меня ноги немоложенькія. Солнце подождетъ.

(Садятся на берегу у камышей.)

Вѣдьма (кряхтя и укутываясь). Холодно на зарѣ. Туманъ высокій. Ясное будетъ солнышко. (Молчаніе.) Что жъ, рыбка, очень хочется безсмертной души?

Русалочка (подымая глаза). Да.

Вѣдьма. Обидно тебѣ, что ли, что... Онъ за людей свою кровь пролилъ, а за васъ, тварей, нѣтъ?

Русалочка (думая). Не знаю... Должно быть обидно.

Вѣдьма. Такъ вотъ, слушай, дѣвушка: я научу. Надо тебѣ къ людямъ итти.

Русалочка (испуганно). Къ людямъ? Я не знаю, гдѣ люди.

Вѣдьма. Слушай, говорятъ тебѣ. Я знаю. Люди здѣсь недалеко. Пойдешь просѣкой, тутъ и будетъ тебѣ келья, деревянный такой домикъ, человѣческое жилье. А вблизи, на горушкѣ, часовня, по высокой колокольнѣ узнаешь. Ты завтра ночью и пойди туда. Пойди не въ это время, а раньше, когда потемнѣе. Только слушай, чтобы колоколъ не звонилъ. Если колоколъ звонитъ, значитъ они утреню справляютъ, не спятъ.

Русалочка. Тетенька, я боюсь. Много ихъ? И какъ мнѣ съ ними говорить?

Вѣдьма. А боишься — твое дѣло, не ходи. Я только говорю, какъ надо. Людей тамъ двое: старый да молодой. Тебѣ съ ними сначала говорить не приходится. Ты

только войди въ келійку, да смотри, чтобъ не видѣли тебя, чтобъ спали, и приникни къ которому-нибудь, поближе, да грѣйся, да чтобъ дышалъ онъ на тебя, трогай его. Онъ проснется, подумаетъ — чудится ему, начнетъ надъ тобой слова говорить, гнать тебя, бить, можетъ, станетъ,—а ты ничего, терпи, не уходи. Подышетъ онъ на тебя, потрогаетъ — и станетъ у тебя тѣло, какъ у людей, съ кровью. И солнце тогда можешь видѣть.

Русалочка (громко). И безсмертная душа будетъ?

Вѣдьма. Ну-ну, ишь ты какая скорая! Не будетъ безсмертной души. И кровь будетъ не теплая, какъ у людей, а холодная.

Русалочка (упало). Такъ зачѣмъ же это мнѣ?

Вѣдьма. А затѣмъ, что для человѣчьей души нужно человѣчье тѣло. Безъ тѣла, похожаго на человѣчье, люди тебя къ себѣ не пустятъ, и Человѣкъ, который пролилъ теплую кровь, не дастъ тебѣ души.

Русалочка. Ну хорошо, а потомъ, тетенька, когда будетъ у меня тѣло,—что же надо?

Вѣдьма. А надо, чтобы тебя люди крестили.

Русалочка. Что это, тетенька,—крестили?

Вѣдьма. Знакъ такой. Люди тебя имъ къ себѣ примутъ, станетъ у тебя кровь теплая, и Человѣкъ дастъ тебѣ безсмертную душу.

Русалочка. Люди вѣдь добрые? Такъ я завтра и попрошу ихъ, чтобы они меня крестили.

Вѣдьма. Погоди, глупенькая. Добрые ли они, нѣтъ ли, а только они тебя не крестятъ. Ты для нихъ—нечисть.

Русалочка (печально). Нечисть?

Вѣдьма. Да. Они мало знаютъ и потому многаго боятся. Ты сначала ничего не говори имъ, ничего не разсказывай, чтобъ не забоялись и привыкли. И все живи съ ними, да грѣйся, тѣло на себя принимай. И вотъ когда который-нибудь тебя.... который-нибудь станетъ очень добрымъ къ тебѣ, а ты къ нему,—тутъ ты ему и откройся, и проси крещенія.

Русалочка. Я ко всѣмъ добра.

Вѣдьма. Ну, это не считается. Когда особенно будешь добра, къ одному изъ всѣхъ.

Русалочка. И онъ тогда согласится меня крестить?

Вѣдьма. Не знаю. Можетъ, все-таки не согласится. Тогда у тебя не будетъ безсмертной души.

Русалочка. Тетенька Вѣдьма! Голубушка! Что жъ это такое? И ужъ если не согласится—тогда никакого другого средства нѣтъ?

Вѣдьма. Тише ты! Лягушку даже испугала. И не перебивай, потому что времени у насъ осталось едва-едва, какая-нибудь минуточка. Я тебѣ не говорила, что онъ не будетъ согласенъ. Я только говорю—можетъ случиться... Ну, тогда и другое средство есть...

Русалочка (радостно). Правда? Есть? Есть?

Вѣдьма. Да только оно не по васъ. Я васъ, рыбки добренькія, знаю. Ну, его пока, это средство, я тебѣ и не скажу. Ты это сначала испробуй. Что, все боишься?

Русалочка. Нѣтъ.

Вѣдьма. Видно, очень захотѣлось теплой крови да человѣчьей души?

Русалочка. Да.

Вѣдьма (долго и беззвучно хохочетъ, наконецъ останавливается). Ладно. Очень ты, рыбка, забавная. Иди завтра. Помни: грѣйся, угрѣвайся около нихъ! Станутъ спрашивать, откуда ты—говори: забыла. Разсказывать тебѣ что станутъ—слушай.

Русалочка. Ты говоришь—ихъ два въ кельѣ. Къ какому же мнѣ сначала подойти, къ старому или къ молодому?

Вѣдьма. Все равно. (Подумавъ.) Лучше къ молодому, у него сонъ крѣпче, успѣешь надышаться. Да и строгій онъ къ искушеніямъ. Онъ спуску не дастъ. Проснется—во всю тебя изобьетъ. А тебѣ того и надо! Только бы до смерти не убилъ.

(Хохочетъ.)

Русалка (соображая, серьезно). Не убьетъ. Спасибо, тетенька Вѣдьма.

Вѣдьма. Не благодари, не благодари! Мнѣ моя забава дорога. Коли понадобится что, дѣвушка, такъ я недалеко. Я въ тѣхъ мѣстахъ травки собираю. Да! Чуть не забыла! Если тебя онъ совсѣмъ убить захочетъ—ты перекрестись, онъ уймется.

Русалочка. А какъ это? Что это?

Вѣдьма. Тоже знакъ. Я тебѣ не могу показать, какъ. А разсказать могу. Возьми три пальца... Не тѣ, тѣ! Ну, вѣрно. Потомъ приложи ихъ ко лбу, потомъ къ груди, потомъ къ правому плечу, потомъ къ лѣвому. Экая непонятная! Ну... такъ, такъ... Еще разъ. Хорошо. Не забудь. А теперь, рыбка милая, торопись. Сейчасъ, сейчасъ солнце!

(Птицы подняли гамъ. Небо красное. Слышенъ колоколъ, чаще и немного громче, чѣмъ ночью. Русалочка хочетъ еще что-то сказать, но Вѣдьма махаетъ рукою, и Русалочка прыгаетъ въ воду и скрывается. Въ ту же секунду выходитъ солнце. Вѣдьма смотритъ на расходящіеся по водѣ круги и безмолвно хохочетъ, трясясь.)

Вѣдьма. Ишь прыгнула, словно лягушонокъ! Забавненькая дѣвочка. Ну-ка, что мои монашки скажутъ. Я имъ всегда помогаю. Путь имъ указываю. Пускай безсмертную душу спасаютъ. Ихъ дѣло.

(Бредетъ въ лѣсъ, продолжая смѣяться и что-то бормотать. Колоколъ все громче.)

Тихо опускается занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ

(Раннее утро, туманное, безъ солнца. Лѣсъ. Вырубленная поляна. Направо — деревянная келья. Подальше видѣнъ уголъ часовни. Налѣво — узкая дорога, въ концѣ которой чуть блеститъ озеро. Между открытой дверью въ келью и стѣной, въ уголку, свернувшись въ клубочекъ, лежитъ Русалочка. Лицо ея закрыто растрепавшимися, не очень длинными волосами. Около нея, наклонившись, стоитъ о. Пафнутій. Онъ въ старенькой монашеской рясѣ, на головѣ скуфейка. Лицо у него маленькое, свѣтлое, съ морщинами. Сѣдая борода, рѣдкая, клинушкомъ. Поодаль, опустивъ руки, Никодимъ, послушникъ. У него молодое, блѣдное, точно каменное, лицо со впавшими щеками. Густыя, сжатыя брови.)

О. Пафнутій. Живая! Живая дѣвочка, Никодимушка! вѣдь ты ребенка чуть не убилъ! Едва дышетъ. Холодная какая. Дѣвочка, а дѣвочка!

(Русалочка молчитъ.)

О. Пафнутій (наклоняясь ближе и отводя ея волосы). Право, чуть не убилъ. Что, если бъ мы крещеную душу загубили! Такъ-то, Никодимушка. И что тебѣ примерещилось? Со сна, что ли?

Никодимъ (ровно). Мнѣ было искушеніе.

О. Пафнутій. Искушеніе! Что мы, святые, что ли, что намъ будутъ искушенія! Искушеніе-то еще у Господа Бога заслужить надо. Какимъ подвижникамъ были искушенія, не намъ чета! А ты возгордился — и ребенка, дѣвочку несмысленую, человѣка живого едва не убилъ! Посмотри-ка сюда, какая дѣвочка славная! Испугалась очень.

Никодимъ (дѣлая два шага). О. Пафнутій, благословите прикрыть ее.

О. Пафнутій. Поди, поди, тамъ у меня въ кельѣ на гвоздикѣ ряска старая, короткая. Принеси сюда.

(Никодимъ уходитъ.)

О. Пафнутій. Не бойся, дѣвочка. Мы тебѣ зла не сдѣлаемъ. Скажи, ты чья?

(Русалочка медленно подымаетъ на него глаза и молчитъ.)

О. Пафнутій. Какъ звать-то тебя? Крещеная ты?

(Никодимъ возвращается съ рясой. О. Пафнутій неловко и ласково старается одѣть Русалочку. Никодимъ отвертывается.)

Никодимъ. Креста нѣтъ.

О. Пафнутій. Ну что жъ, потеряла, вѣрно. Мы ей крестъ дадимъ.

Никодимъ. Нельзя, если не крещеная.

(Русалочка смотритъ и слушаетъ. При послѣднихъ словахъ точно вспоминаетъ что-то и, подвинувъ руку, пытается сдѣлать крестное знаменіе.)

О. Пафнутій (радостно). Видишь, видишь, крестится, крещеная! Божья душа. Говорилъ я тебѣ! А ты ее чуть было не загубилъ отъ гордыни отъ своей. Ты сядь, сядь, дѣвочка. Не бойся. Вотъ теперь хорошо.

(Русалочка обнимаетъ о. Пафнутія и прижимается къ нему.)

О. Пафнутій. Ластится, какъ ребенокъ. Говорить не говоритъ. Можетъ, несмысленая. Вѣрно, и къ тебѣ такъ, по ребяческому разумѣнію, ластилась, а ты — искушеніе! Ты нѣмая, дѣвочка? Умѣешь говорить?

Русалочка (едва слышно). Умѣю.

О. Пафнутій (весело). Вотъ и благо. Скажи намъ, не бойся, ты откуда пришла?

Русалочка. Я... не знаю.

О. Пафнутій. Какъ не знаешь?

Русалочка. Не помню.

О. Пафнутій. И не помнишь, чья ты?

Русалочка. Не помню.

О. Пафнутій. А звать-то тебя какъ?

Русалочка. Не помню.

О. Пафнутій. Ну вотъ, все «не помню»! Ты постарайся-ка, припомни. Какъ тебя звали? Аннушкой, что-ли?

Русалочка. Да.

О. Пафнутій. И то благо, коли Аннушкой. Такъ и мы тебя знать станемъ. Вотъ, вспомни-ка еще что-нибудь.

Никодимъ. Навожденіе.

О. Пафнутій. Полно-ка, навожденіе! Это Божье дитя. Богъ ей разуму не далъ, къ блаженнымъ пріобщилъ. Она крестное знаменіе творитъ, а ты—навожденіе. (Къ Русалочкѣ.) Ты, Аннушка, не бойся. Дай я по головкѣ тебя поглажу. Ряска-то не длинна?

Никодимъ. О. Пафнутій, благослови къ обѣднѣ звонить.

О. Пафнутій. Постой, постой! У насъ тамъ хлѣба не осталось? Принести бы: можетъ, она поѣсть хочетъ. Хочешь поѣсть, Аннушка?

(Никодимъ молча скрывается и приноситъ хлѣбъ. Русалочка беретъ хлѣбъ изъ рукъ отца Пафнутія и ѣстъ съ жадностью.)

Никодимъ. Ѣстъ, не перекрестясь.

О. Пафнутій. Ты Богу умѣешь молиться, Аннушка?

Русалочка. Кому?

О. Пафнутій. Богу. Развѣ ты Бога не знаешь?

Русалочка. Богъ? Нѣтъ, знаю. Который кровь свою за людей пролилъ?

О. Пафнутій (радостно). Слышишь, Никодимушка? Христа, истиннаго Бога нашего, знаетъ! Знаетъ, что Онъ, Батюшка, кровь за насъ пролилъ. Блаженненькая, имя свое не помнитъ, а это помнитъ. Молиться-то Ему умѣешь, знаешь какія молитвы?

Русалочка (тихо). Не знаю. Ты меня поучи, разскажи.

О. Пафнутій. Научу, научу, дѣвочка. Какъ же, надо молиться Царю Небесному. Коли ты заблудилась,

мы тебѣ хлѣба дадимъ, молитву тебѣ скажемъ, а потомъ домой тебя отведемъ, буде помнишь, гдѣ жила.

Русалочка. Я не помню! Не знаю! Я нигдѣ не жила! Я здѣсь хочу жить, съ тобой. Ты меня молитвѣ научишь.

Никодимъ. Ее въ лѣсъ надо выпустить.

О. Пафнутій (съ укоромъ). Опять ты за свое! Какъ это дитя въ лѣсъ выпустить? Христосъ говорилъ: не мѣшайте дѣтямъ приходить ко Мнѣ, а я ребенка, голоднаго да холоднаго, въ лѣсъ выгоню? Какъ хочешь, Никодимушка, а у меня рука не подымется. Мы дитя примемъ, обогрѣть, научить должны. Коли нѣтъ у нея дома—пусть съ нами живетъ во славу Царя Небеснаго, Онъ же есть Покровъ, Сила и Милосердіе!

Никодимъ (ровно). Аминь.

О. Пафнутій (глядя Русалочку по головѣ). Коли нѣтъ у тебя пріюта, дѣвочка, живи, Богъ съ тобой.

Никодимъ. Благослови, о. Пафнутій, къ обѣднѣ ударить.

О. Пафнутій. Повремени. (Къ Русалочкѣ.) Такъ молитвъ не знаешь, Аннушка? А что жъ ты знаешь? Умѣешь что-нибудь? Вспомни-ка.

Русалочка. Я.... пѣсни знаю. Разныя пѣсни я на полянѣ играла. Я тебѣ потомъ спою.

Никодимъ. Вмѣсто молитвы — игрища знаетъ.

О. Пафнутій. Что жъ? И пѣсня молитва. Какъ кому дано. Чистой душѣ все чисто. Ты думаешь, жаворонокъ въ поднебесьѣ не молится Творцу? А вѣдь какъ звонко да весело заливается. Всѣ земные голоса — Богу хвала. Иди, Никодимушка, Господь съ тобой, благовѣстить время.

(Никодимъ подходитъ подъ благословеніе, не глядя на Русалочку, и удаляется по направленію къ часовнѣ.)

О. Пафнутій. Вправду, Аннушка, не помнишь отца съ матерью?

Русалочка. Отца съ матерью? Не знаю. У насъ все тетки.... (Быстро). У меня тетка была.

О. Пафнутій. Такъ. А гдѣ же она теперь?

Русалочка. Не знаю.

О. Пафнутій. Бѣдненькая ты! Родительской ласки не вѣдаешь.

Русалочка. Еще дѣдиньки были.... Старенькіе, какъ ты. Только ты лучше, добрѣе! Такого не было,—такого добраго! Я всегда буду съ тобой. И молиться научи меня, дѣдинька! А я тебя пѣснямъ своимъ, коли хочешь, научу!

О. Пафнутій (смѣется). Ишь, какая шустрая! У насъ свои есть пѣсни, молитвенныя. (Подумавъ.) А ты Никодима не бойся, Аннушка. У него душа Христу предана. Подвигъ его строгій. Онъ послушаніе исполняетъ, а, вѣрно, праведнѣй настоятелей своихъ. Ему Господь въ премудрости своей открывается, книги онъ святыя читаетъ, всякое слово Божіе ему извѣстно. А я по простотѣ Бога моего хвалю, былинки изъ земли подымаются, я слушаю и жизни радуюсь, о Творцѣ думаю. Можетъ, Господь не взыщетъ на моей простотѣ.

(Раздается ударъ колокола. О. Пафутій крестится, Русалочка глядитъ на него и тоже крестится. Колоколъ звучитъ все громче, пластичѣе и чаще. О. Пафутій, незамѣтно для себя начинаетъ пѣть, дрожащимъ, старческимъ и тихимъ голосомъ. Русалочка чуть слышно вторитъ ему въ концѣ, глядя на него и стараясь запомнить слова.)

О. Пафнутій. Тебя хвалимъ, Творецъ земной и небесный,
Тебѣ славу поемъ, Вседержитель.
Милосердіе Твое, крѣпость и сила
благословенны да будутъ во вѣки;
въ Тебѣ свѣтъ, упованіе и жизнь,
да пройдетъ по землѣ Твоей имя Твое,
Тебя хвалимъ, Творецъ земной и небесный.

(Колоколъ звучитъ).

Занавѣсъ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

(То же мѣсто въ лѣсу, у кельи. Послѣполуденное жаркое время. Около стѣны кельи, на камушкѣ изъ родѣ скамьи, сидитъ о. Пафнутій и съ усиліемъ плететъ лапоть. У начала просѣки стоитъ Никодимъ и, приложа руку къ глазамъ, внимательно смотритъ вдаль, въ сторону озера.)

О. Пафнутій. Что тамъ глядишь, Никодимъ? Что видать? Идетъ, что ли, кто?

Никодимъ (послѣ молчанія). Нѣтъ, никого. Только она, никакъ, опять купается.

О. Пафнутій. Аннушка? А пусть купается, Христосъ съ ней. Время жаркое.

Никодимъ. Какъ ни взглянешь въ ту сторону,—все что-то бѣлѣетъ на озерѣ. Все она купается. Все ей жарко. И послѣ вечерень купается. Звѣзды ужъ вчера затеплились, роса пала, а она — на озеро пошла. Все ей жарко.

О. Пафнутій. Нѣтъ въ водѣ Божьей грѣха. Пусть дитя купается во славу Господню. Мысли у тебя какія-то, Никодимъ. Не разберу какія, а только неладныя. Полно, не врагъ ли тебя смущаетъ? Искушеніе-то намъ посылаются невидимыя, отъ нашего сердца.

Никодимъ (молчитъ, смотритъ, потомъ опускаетъ руку и дѣлаетъ два шага къ Пафнутію). Нѣтъ, отче.... А вотъ я вчера о насъ съ тобой думалъ. Жили мы въ селеніи.... Люди къ тебѣ приходили. Ты имъ помогалъ, молился съ ними. И возлюбилъ тебя Господь за святую жизнь, силу исцѣленія болящихъ тебѣ далъ....

О. Пафнутій (испуганно, махая руками). Что ты, что ты! Остановись! Грѣхъ это! Какой я святой! Грѣшникъ я великій.

Никодимъ (не слушая). И захотѣлъ ты подвига труднѣйшаго. Захотѣлъ отъ людей удалиться, отъ себя отречься, чтобы прямѣе молитва къ Господу шла. И я того подвига жаждой возгорѣлся. Ты меня отъ себя не отринулъ, и принялъ я на себя послушаніе. Въ тишинѣ мы жили, да въ трудѣ. А нынѣ люди насъ нашли, и нѣтъ въ нашемъ подвигѣ той сладости да строгости. Какъ мыслишь объ этомъ, отче?

О. Пафнутій (отложивъ лапоть). Ты про Аннушку? (Помолчавъ.) Вотъ что скажу тебѣ, Никодимушка. Ты не взыщи, я тебѣ по моей простотѣ скажу. Ты, вотъ, говоришь, что восхотѣлъ я подвига и сюда въ келью удалился. Не знаю, Никодимушка. Я о томъ не думалъ, а страшны мнѣ люди стали, страшно жить съ ними. Какой я святой? Какъ смѣю исцѣлять? Впору мнѣ свои грѣхи замолить. Здѣсь сердце мое веселится, и не трудъ мнѣ здѣсь, а легкость великая. Можетъ, ты лучше знаешь, можетъ это грѣхъ, а только любитъ мое сердце и солнышко, и воду, и былинку малую, и Господа Бога, все сотворившаго, Ему Единому хвала во вѣки вѣковъ.

Никодимъ. Аминь. Отче Пафнутій, люди тоже созданіе Его. И если ты отъ людей отрекся не во имя труда тягчайшаго....

О. Пафнутій. Я не отрекался отъ человѣковъ, Никодимушка. Говорю тебѣ—страшно мнѣ съ ними. Страшно, очень ихъ много стало. И удалились они отъ Господа, а мнѣ, недостойному, не подъ силу ихъ учить да наставлять. Это Христосъ мечъ принесъ на землю, а я только рабъ Его, я не учитель. Очень томилось сердце мое. Я, можетъ не отъ крѣпости, а отъ слабости моей, да любви, въ пустыню ушелъ. Господь душу мою безъ хитрости сотворилъ, да не взыщетъ Онъ на моей слабости.

Никодимъ. Послушаніе я принялъ на себя не отъ любви, а отъ ревности.

О. Пафнутій. Знаю, Никодимушка, знаю. Твой подвигъ строгій. Ты, можетъ, куда достойнѣе меня. Тебѣ Господь разумомъ открывается. Всякое слово Божіе тебѣ по книгамъ извѣстно. Ты трудовъ для Господа не жалѣешь. Да съ тебя и спросится много, потому тебѣ много дано. Соблюдай въ строгости свой подвигъ, Никодимушка.

Никодимъ. Уединившись въ Богѣ—отъ всѣхъ людскихъ соблазновъ мы должны бѣжать. А къ намъ пришелъ другой—и ты принялъ его.

О. Пафнутій. Это ты опять про Аннушку? Да развѣ она человѣкъ? Она—Божье дитя. Живетъ, какъ былинка, звѣздамъ да водѣ радуется. Отъ нея развѣ страшно? Она совсѣмъ не человѣкъ.

Никодимъ. Можетъ, и не человѣкъ.

О. Пафнутій. Что она тебѣ сдѣлала? За что гонишь ребенка? Нѣтъ, нехорошія у тебя мысли, Никодимъ. Я—великій грѣшникъ передъ Господомъ моимъ, а у ребенка душа чистая. Я ее тебѣ въ обиду не дамъ. Какъ выгоню ее во имя Божье? Самъ знаешь, сказано: милости хощу, а не жертвы.

Никодимъ. Сказано еще: кто не оставитъ мать свою, и отца своего, и домъ свой и не пойдетъ за мной—тотъ недостоинъ Меня.

О. Пафнутій (грустно). Тебѣ книги разума больше открыты, чѣмъ мнѣ. А все жъ Аннушку ты у меня не обижай. Пусть живетъ.

Никодимъ. Благослови, отецъ Пафнутій, на колодезь за водой итти.

(Въ это время вбѣгаетъ Русалочка, веселая, съ мокрыми, распущенными по плечамъ, волосами. Она въ той же старенькой рясѣ, въ волосахъ у нея водяная трава, цвѣты. Она держитъ вѣнокъ, сплетенный изъ круглыхъ желтыхъ купавъ. Она не замѣчаетъ Никодима и прямо бросается къ о. Пафнутію.)

Русалочка. Дѣдинька! Добренькій ты мой! Ты лапотки плетешь? А я на озерѣ была. И посмотри-ка, дѣ-

динька, я тебѣ.... (Вдругъ видитъ Никодима и останавливается, не смѣя продолжать.)

О. Пафнутій (поспѣшно). Иди-ка, Никодимушка, за водой. Ведерко у колодца. Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Никодимъ. Аминь.

(Подходитъ подъ благословеніе и удаляется.)

О. Пафнутій (ласково). Ну что, Анпушка? О чемъ задумалась?

Русалочка (проводивъ Никодима глазами, тихо). Я его боюсь, дѣдинька.

О. Пафнутій. Полно-ка, чего бояться. Онъ зла человѣку не сдѣлаетъ. Мы съ тобой не разумные, а онъ слово Божье постигаетъ. Намъ не дано, а ему дано.

Русалочка (задумчиво). Я этого не знаю, дѣдинька. А только у него глаза—какъ двѣ свѣчки восковыя, вотъ что у васъ въ часовнѣ, чуть теплятся. А у тебя, дѣдинька, глазки словно звѣздочки ночью. Я тебя не боюсь, а его боюсь.

О. Пафнутій. Ты Бога бойся.

Русалочка. А Бога я не боюсь. Ты самъ сколько разъ говорилъ, что Богъ—добрый, добрѣе всѣхъ людей. Если Онъ даже добрѣе тебя — зачѣмъ же Его бояться?

(Садится около о. Пафнутія и начинаетъ разбирать цвѣты. Потомъ вдругъ вскакиваетъ, съ вѣнкомъ изъ желтыхъ купавъ въ рукахъ.)

Русалочка. Дѣдинька! Я и забыла! Вѣдь это я тебѣ на озерѣ сплела! Посмотри, хорошъ?

О. Пафнутій. Хорошъ, хорошъ. Красивый. Божьи цвѣточки.

Русалочка. А примѣрь-ка! Дай я тебѣ надѣну.

О. Пафнутій (смѣется). Что ты, что ты, затѣйница! На скуфейку, да вѣнокъ!

Русалочка. Самъ же сказалъ—Божьи цвѣты. Гляди, какъ хорошо! Ты совсѣмъ мой сталъ, въ цвѣтахъ! И скуфейка видна. По скуфейкѣ, по краюшку, купавы озерныя. Слышно тебѣ, какъ онѣ пахнутъ?

О. Пафнутій. Водой пахнутъ, тиной. Ничего, хорошо пахнутъ.

Русалочка. А теперь я тебѣ пѣсенку спою. Спѣть? Такъ мнѣ отъ этой воды, да травъ, пѣть захотѣлось....

(Встаетъ и становится передъ нимъ.)

Вотъ, дѣдушка, пѣсенка. Я тебѣ ужъ, никакъ, ее пѣвала. А ты за мной подтягивай.

(Поетъ, сначала тихо, потомъ все громче, съ медленными, плавными движеніями, какъ русалки въ хороводѣ.)

Вода въ камышахъ колыхается.
Въ небѣ загорѣлись зеленыя звѣзды.
Надъ лѣсомъ луна подымается.
Смотрите, сестрицы, гаснутъ звѣзды!
Туманъ, какъ живой, извивается...
Туманъ — это наша душа водяная.
Онъ рѣдѣетъ и, тая, скрывается....
Туманъ—наша жизнь и наша смерть водяная.
Въ эту ночь всѣ мы живы да радостны,
веселье наше — какъ лунный свѣтъ.
Давайте-жъ, перекликнемся,
всѣ другъ дружкѣ голосъ подадимъ!
Мы, озерные, рѣчные, лѣсные,
долинные, пустынные,
подземные и наземные,
великіе и малые,
мохнатые и голые,
всѣ другъ дружкѣ о себѣ знать дадимъ!
О-йе! О-йе!
Отвѣчайте, братцы! Отвѣчайте, сестрицы!

(Во время конца пѣсни слышно приближающееся пѣніе Никодима, который возвращается съ ведрами. О. Пафнутій и Русалочка сначала его не слышатъ.)

Никодимъ (за сценой).
Господу нашему Единому,
Справедливому и Грозному,
вѣчная хвала и слава!

Благословенна испытующая милость Его,
благословенна карающая десница Его,
рабы Твои служатъ Тебѣ, Небесный Царь,
поютъ Тебѣ хвалу и славу.
Отцу — Сына на смерть пославшему,
Сыну — брань и раздѣленіе создавшему,
Духу — на неразумныхъ сошедшему,—
хвала во вѣки вѣковъ!

(Русалочка умолкаетъ, прислушиваясь.)

Русалочка (несмѣло). Это онъ о томъ Богѣ поетъ, о которомъ ты мнѣ разсказывалъ?

Никодимъ (ближе).

Тебѣ, не миръ принесшему, а мечъ,
Тебѣ, кровью смерть побѣдившему,
въ силѣ и славѣ грядущему,
Тебѣ, Христосъ и Богъ нашъ,
хвала отъ нынѣ и до вѣка!

Русалочка. Онъ кровью смерть побѣдилъ, дѣдушка? Разскажи мнѣ опять о Немъ и о томъ, какъ Онъ далъ людямъ безсмертную душу. Дѣдушка!

(Входитъ Никодимъ съ полными ведрами. Глаза его опущены. Но у двери въ келью онъ поднимаетъ ихъ, смотритъ на о. Пафнутія и останавливается.)

О. Пафнутій. Ты что, Никодимушка?

Никодимъ. Цвѣты....

О. Пафнутій (немного дрожащей рукой снимая вѣнокъ и улыбаясь). Это она... затѣйница... убрала меня. Божьи цвѣточки. Пѣсни мнѣ тутъ по дѣтскому своему разуму играла. И убрала меня.

(Никодимъ молча смотритъ на Русалочку. Она прижимается къ старику и прячетъ лицо у него на плечѣ.)

Никодимъ. Я слышалъ пѣсни. Неподалеку былъ.

О. Пафнутій. Слышалъ? Ну, и благо. Чего ты, Аннушка? Чего прячешься? Полно, сядь. Что я тебѣ разскажу... А ты, Никодимъ, иди съ Богомъ по своимъ дѣламъ.

(Никодимъ уходитъ. О. Пафнутій гладитъ Русалочку по головѣ. Она понемногу подымается и садится у ногъ старика.)

О. Пафнутій (послѣ молчанія). Да. Ты не бойся, дѣвочка. Тутъ грѣха нѣтъ, что ты пѣсни играла. Ты—дитя неразумное. Какъ умѣешь, — такъ Бога и хвалишь. (Помолчавъ.) Только пѣсни-то у тебя, сколько я ни слышалъ, все какія-то... ночныя.

Русалочка (грустно). Да, у меня все ночныя.

О. Пафнутій. А ты тоже и молитвамъ учись. Молитвы съ тобой станемъ пѣть. Богъ такихъ, какъ ты, любитъ.

Русалочка (съ удивленіемъ). Любитъ? Что это такое, дѣдушка?

О. Пафнутій. Что что такое? Христосъ возлюбилъ людей и пролилъ за нихъ кровь, чтобы имъ спастись.

Русалочка. Про кровь я знаю, дѣдушка, и про Христа ты много мнѣ разсказывалъ; а только этого слова я какъ будто не слышала; и не понимаю.

О. Пафнутій (смѣется). Любви-то не понимаешь? Былинка ты моя неразумная! Вотъ, пойми, отчего Христосъ за тебя кровь пролилъ, тогда и любовь поймешь.

Русалочка (печально и серьезно). Онъ за меня не пролилъ крови, дѣдушка.

О. Пафнутій. Что? Что говоришь, неразумная? Грѣхъ это великій. Какъ за тебя не пролилъ?

Русалочка (глядя въ сторону). Кровь только за кровь.

О. Пафнутій. Не пойму я тебя. Давай-ка лучше молитву споемъ.

Русалочка (рѣшительно). Нѣтъ, дѣдушка! Ты мнѣ вотъ что скажи сначала: была бы я некрещеная, души бы тогда безсмертной у меня не было?

О. Пафнутій. Какъ такъ? А младенцы, послѣ рожденія умершіе? Они ангелами возлетаютъ къ престолу Бога. Человѣкъ рождается съ несмертной душой. Христосъ своей смертью побѣдилъ смерть человѣческую.

Русалочка (точно про себя). Человѣческую! (Къ о. Пафнутію). А все-таки ты бы крестилъ меня, дѣдушка, кабы зналъ, что я некрещеная?

О. Пафнутій. Да вѣдь ты крещеная. Крестное знаменіе творишь, имя твое христіанское.

(Русалочка плачетъ.)

О. Пафнутій (испуганно). О чемъ ты, Аннушка? А? Что ты, дѣтка? Вотъ, сколько времени ты у насъ живешь, печальной ты точно бывала, а слезинки у тебя ни одной никогда не видалъ. Что жъ это?

Русалочка (сквозь слезы). Я и сама, дѣдушка, не знаю, что это. Ты не оставляй меня. Ты поговори со мной.

О. Пафнутій (неловко стараясь вытереть ей глаза своимъ широкимъ рукавомъ). Ну-ну. Полно. Я ли тебя оставлю, дѣвочка? Я тебя такъ жалѣть сталъ, такъ жалѣть сталъ, ну, словно ты мнѣ родная. Какъ будто и грѣхъ оно, потому что мы—отшельники, Никодимъ говоритъ—отъ всего земного должны мы отречься. Да не могу я моей радости побѣдить. И вросла ты, дѣвочка, въ мое сердце, дочка ты моя богоданная! Хитрости въ тебѣ нѣтъ человѣческой, мнѣ съ тобой не страшно. Не плачь, дѣвочка. Ты скажи, гдѣ тебѣ больно? А я душу тебѣ готовъ отдать.

Русалочка (вдругъ порывисто обнимаетъ его). Душу? Мнѣ, душу? Ты какъ сказалъ, дѣдинька?

О. Пафнутій (нерѣшительно улыбаясь). А на что тебѣ моя душа? У тебя своя есть.

Русалочка (тихо). Я тебя не поняла, дѣдинька. Я не про твою душу спрашивала. Я думала, вотъ какъ ты добръ сталъ ко мнѣ, передъ всѣми особенно, я и думала, что ты согласишься мнѣ душу дать. Потому что у меня нѣтъ души, дѣдинька.

О. Пафнутій. Нѣтъ души? Съ нами сила крестная! Что ты, Аннушка? Что ты, милая?

Русалочка. Нѣтъ у меня души! Нѣтъ, понимаешь? Человѣкъ, Христосъ, Богъ—пришелъ только для людей,

а для насъ не пришелъ. Онъ забылъ насъ! Да нѣтъ, не забылъ, потому что Онъ намъ своей смертью смерть принесъ! Были мы безсмертные, а какъ пала на насъ Его кровь — стали мы умирать. Точно выжгла она насъ!

(О. Пафнутій смотритъ на нее въ ужасѣ и крестится.)

Русалочка (продолжая). Чего боишься меня? Не бойся. У тебя безсмертная душа, а у меня нѣту. Я, можетъ, тоже, какъ ты, за тебя душу отдала бы, потому что и ты мнѣ — близкій; такой близкій, что и назвать тебя не умѣю.... А только нѣтъ у меня души, и некому и не за кого ее отдавать. Нѣтъ у меня отца ни земного, ни небеснаго.

О. Пафнутій. Я не боюсь тебя, дитя. Какъ сказалъ, такъ и есть. Ты въ мое сердце вросла. Скажи отцу все, что мыслишь и знаешь.

Русалочка. Да, я скажу. Надо сказать. Ты послушай.

(Входитъ Никодимъ и останавливается у дерева. Ни Русалочка, ни о. Пафнутій его не замѣчаютъ.)

Кровь — мою душу выжгла, а желанія моего во мнѣ не выжгла. Я тамъ родилась (указываетъ вдаль по просѣкѣ), тамъ, на озерѣ, изъ воды вышла, изъ тины. Много тамъ насъ, живыхъ, смертью умирающихъ, безкровныхъ. Люди насъ презираютъ, нечистью зовутъ. Мы, вѣдь, въ туманъ растаемъ, и концомъ всему. Господь презрѣлъ ихъ, думаютъ люди,—какъ же намъ ихъ не презирать? Только скажи, если Богъ хотѣлъ убить насъ, зачѣмъ Онъ намъ желанье безсмертной души оставилъ? И такое желанье, такую волю, какой противиться нельзя?

О. Пафнутій (тихо). Нельзя? Такъ, можетъ, это *Его* воля? Можетъ, не твоя воля, а Его? Можетъ, зоветъ Онъ тебя, чтобъ ты навстрѣчу Ему шла? Какъ же Онъ, Благой, сдѣлаетъ, чтобъ на Его волю отвѣта не было? Коли воля Его, чтобъ ты душу безсмертную себѣ желала, стало быть хочетъ Онъ ее тебѣ дать. Молись Ему, дитя.

Русалочка (радостно). Дѣдушка! Я такъ и думала!

Ты мнѣ о Немъ разсказывалъ, а я тогда все думала. Ты меня и молиться научилъ. Къ тебѣ я и пришла оттуда, съ озера, чтобъ ты меня молиться научилъ. Но сказали мнѣ — и правда это — что не будетъ у меня безсмертной души, пока человѣкъ... вотъ такой, какъ ты... знака не дастъ мнѣ. И какъ положитъ онъ на меня знакъ — станетъ у меня кровь теплая, какъ у него, и дастся мнѣ безсмертная душа.

О. Пафнутій (строго и серьезно). О какомъ знакѣ говоришь?

Русалочка. Крести меня... дѣдушка.

(Никодимъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ).

Никодимъ. Господь справедливъ и грозенъ. И пути Его неисповѣдимы.

(Русалочка въ ужасѣ отстраняется.)

О. Пафнутій (растерянно). Ты здѣсь былъ, Никодимушка? Слышалъ, что дитя неразумное говорило? Можетъ, привидѣлось ей. Такъ-то. Чудны дѣла Твои, Господи. А только всей вѣры давать нельзя. Она и сама не знаетъ, что̀ говоритъ.

Никодимъ. Отче Пафнутій, все, что говорила она о себѣ — истина. И давно открыта она была моему разуму. Ты ли не вѣришь?

О. Пафнутій (съ усиліемъ). Что жъ? Коли и правда,— не ясенъ ли путь нашъ? Какъ не сотворимъ волю Пославшаго ее и насъ?

Никодимъ. Что говоришь, отче? Кто посмѣетъ принять отринутое Господомъ? Или не зналъ Онъ, что̀ творилъ, когда принесъ жизнь человѣкамъ и во мракъ послалъ тварей нечистыхъ? Какъ преступимъ законы небесные? Ужели посмѣешь пса крестить? А песъ чище порожденія сатаны, самимъ Господомъ смертью запечатлѣннаго. Знаешь ли, что книги святыя говорятъ объ этомъ?

О. Пафнутій. Не знаю, Никодимушка. Я книгъ не знаю. Нѣтъ у меня для книгъ святыхъ разума. А только

мнится мнѣ,—нельзя душу проклясть, если она для Бога родиться просится. Спасти ее надо.

Никодимъ. Сказано въ книгахъ разума Божія, что преступившій законъ да погибнетъ. И ежели сотворишь кощунство надъ таинствомъ крещенія — смертію умретъ душа твоя. Нѣтъ прощенія преступившему законъ.

Русалочка (съ отчаяніемъ). Дѣдинька! Что онъ говоритъ? Ты свою душу погубишь? У тебя не будетъ души? Дѣдинька, миленькій ты мой....

(Хочетъ броситься къ нему, но Никодимъ останавливаетъ ее, поднявъ руку.)

Никодимъ. Именемъ Единаго Царя Небеснаго, за насъ на крестѣ умершаго и воскресшаго въ третій день,— заклинаю тебя, созданіе врага, — отыди въ свое мѣсто. Для Господа была ты недостойна ни плоти, ни духа... Не намъ, рабамъ Его, судить и исправлять дѣла Его.

О. Пафнутій (вставая). Братъ Никодимъ! Обѣтъ послушанія твой не разрѣшенъ, а ты волей его на себя принялъ. Ревность твоя велика, книги разума тебѣ открыты. Но зачѣмъ печешься столько о душѣ моей? Ужели я не воленъ самъ о ней думать? Не воленъ потерять ее, ежели усмотрю справедливымъ? Всѣхъ не помню словъ Божіихъ, а эти помню: ищущій спасти душу свою — потеряетъ ее. — Оставь насъ теперь, братъ. Иди. Во имя Отца, и Сына и святого Духа.

Никодимъ (послѣ молчанія, съ усиліемъ). Аминь.

(Уходитъ, медленно, не спуская глазъ съ Русалочки, которая дрожитъ. О. Пафнутій провожаетъ его глазами, потомъ садится на камень, пригорюнившись, и задумывается.)

Русалочка (просто). Дѣдинька, ты меня не бойся. Скажи только, это правда?

О. Пафнутій. Что, милая?

Русалочка. Что Богъ отниметъ у тебя твою душу, если ты мою спасешь? Онъ, Никодимъ, сказалъ сейчасъ...

О. Пафнутій. Не знаю я. Никодимъ знаетъ, слово Божіе ему открыто, онъ писаніе постигъ. А я по своему

простому разумѣнію сужу. Въ книгахъ мнѣ читать не дано. Можетъ, и его правда.

Русалочка. Ты вѣришь? Ну, значитъ, правда.

О. Пафнутій. Можетъ, и погублю душу.

Русалочка. Нѣтъ, дѣдинька. Коли правда — такъ я лучше пойду. Куда онъ мнѣ сказалъ—туда и пойду.

О. Пафнутій (встрепенувшись). Куда, глупенькая?

Русалочка (махая рукой вправо). Туда, въ озеро. Тебѣ нельзя крестить меня. Нельзя душу губить.

О. Пафнутій (ясно). Послушай меня, дѣтка. Вотъ что я тебѣ по простотѣ скажу. Гдѣ правда—я не знаю, погублю ли душу — Его святая воля! А только не могу тебя отпустить. Такъ жалѣю тебя—что не осталось больше силъ никакихъ. И ты, дѣтка, противъ меня не иди. Не могу душу не отдать, коли Богъ беретъ. Пожалѣлъ тебя очень. Я ужъ тебя крещу, дитя.

Русалочка (хочетъ что-то сказать, но плачетъ).

О. Пафнутій (продолжая). Я тебѣ о Христѣ разсказывалъ, я тебя молиться Ему училъ, не мнѣ тебя отъ Него гнать.

(Слышенъ ударъ колокола. Русалочка вздрагиваетъ.)

О. Пафнутій. Ну, чего ты? Это Никодимъ къ вечерни ударилъ. Время. Ты теперь, дѣвочка, въ часовню не ходи, здѣсь побудь. Вотъ хоть у кельи посиди. А потомъ, какъ отойдетъ служба, такъ и пробирайся съ Богомъ къ часовнѣ. Смотри, не запоздай. Я поджидать буду. Послѣ вечерень тебя и крещу.

(Обнимаетъ и цѣлуетъ ее.)

Ну, не надо плакать, дочка. Радоваться будемъ. И да свершится святая воля Его. Дай я тебя благословлю. Во имя Отца, и Сына и святого Духа. Вотъ такъ. Скажи «аминь».

Русалочка (едва слышно). Аминь.

(Становится на колѣни и цѣлуетъ руку, плача. Когда о. Пафнутій удаляется, она падаетъ ничкомъ на землю. Волосы закрываютъ ей лицо. Колоколъ звонитъ рѣдко и мѣрно. Темнѣетъ. Между деревьями видѣнъ молодой, еще роковый, мѣсяцъ. По просѣкѣ идетъ Вѣдьма, закутанная, шевеля длиннымъ желтымъ лицомъ. Въ рукахъ у нея пестрядинный мѣшокъ съ травами, которыя она иногда срываетъ, наклоняясь. Она подходитъ ближе къ лежащей русалочкѣ, останавливается надъ ней и безавучно смѣется, теряясь.)

Вѣдьма. Эка забавушка-то! Славно загорѣлось, съ дымомъ, съ трескомъ! (Громче.) Здравствуй, рыбка! Признаёшь?

Русалочка (приподнимаясь и отстраняя волосы, испуганно). Кто тутъ? Вечерни отошли? Это ты, дѣдинька?

Вѣдьма (смѣется). Не дѣдинька, а вѣдьминька! Немножко не угадала. На что тебѣ дѣдиньку? Еще не пора креститься. Еще Никодимъ звонитъ.

Русалочка (садится и оглядывается вокругъ). А, это ты, тетенька Вѣдьма. Я тебя, было, не узнала. Темно ужъ. А креститься я не буду. Не отошли вечерни. Успѣю.

Вѣдьма. Что успѣешь?

Русалочка. А уйти.

Вѣдьма. Куда это собралась, дѣвушка?

Русалочка. Въ озеро.

Вѣдьма. Нынѣ, пожалуй, въ озерѣ-то потонешь. Не прежняя ты, рыбка. Кровь у тебя не теплая, да плоть крѣпкая. У людей нажила. Поостерегись озера-то.

Русалочка. А мнѣ все равно.

Вѣдьма (смѣется). Шалишь, не обманешь! Будто совсѣмъ рѣшилась? Не хочешь больше безсмертной-то души? И кто тебѣ сказалъ, что такъ ужъ навѣрно дѣдинька твой свою душу потеряетъ, коли тебя крестить? Этого, другъ, навѣрное знать нельзя. Такъ расхотѣлось души-то?

Русалочка (съ отчаяніемъ). Что ты меня мучаешь? Что тебѣ надо? Не хочу я, не могу я, если онъ не навѣрное не потеряетъ душу, если *можетъ быть* потеряетъ! Зачѣмъ ты раньше мнѣ не сказала?

Вѣдьма. А потому, что если бъ я тебѣ тогда сказала: смотри, человѣкъ, что согласится тебя крестить, можетъ быть, свою душу за твою потеряетъ... ты бы мнѣ

тогда: ну что жъ, вѣдь онъ добрый! — А теперь... Глупая ты голова! Развѣ я не вижу, какъ тебѣ томно? Я тебѣ помочь пришла, а ты меня коришь.

Русалочка (недовѣрчиво). Помочь? Какъ же ты мнѣ поможешь?

Вѣдьма. Вишь ты, гордая какая стала! Отъ людей про Человѣка узнала, такъ мнѣ ужъ и вѣрить не хочешь.

Русалочка. Ну, такъ говори скорѣе, если дѣло.

Вѣдьма. Не зазнавайся, дѣвушка. Кабы не забава не моя, я бы тебя тутъ на полдорогѣ и оставила. Будешь куражиться — и впрямь оставлю.

Русалочка. Да говори, тетенька Вѣдьма.

Вѣдьма. Вижу я, все вижу. Онъ-то согласенъ тебя крестить... А ты лучше въ озеро. А безсмертная-то душа, видно, еще нужнѣе тебѣ стала...

Русалочка. Что мучаешь меня понапрасну?

Вѣдьма. Ну, не буду, не буду. Помнишь, дѣвушка, говорила я, что коли не согласится старикъ тебя крестить, — такъ и другое средство есть? И безъ крещенія можно безсмертную душу получить.

Русалочка. И дѣдинькина душа не погибнетъ?

Вѣдьма. Ни-ни! Еще вѣщомъ отъ Того, отъ... Человѣка, прикроется. Такъ всѣ люди будутъ говорить.

Русалочка (складывая руки). Тетенька! Благодѣтельница! Научи ты меня! Я теперь ничего не боюсь. Я на все пойду.

Вѣдьма (смѣется). Вижу, много ты, рыбка, перемѣнилась. Только смотри, заранѣе не хвались. Можетъ, и забоишься. Я для тебя средство припасла. Тутъ оно у меня, въ мѣшкѣ. Да постой, чуть не забыла. Оно не на каждый случай, средство-то, годно. Ты мнѣ скажи сначала, ты вправду этого старика-то любишь?

Русалочка. Какъ... люблю?

Вѣдьма. Ну, какъ люди любятъ. Дѣтей своихъ любятъ, отцовъ любятъ, матерей, братьевъ... другъ-друга подчасъ.

Русалочка. Да слова-то я этого не понимаю, тетенька.

Вѣдьма (съ удивленіемъ). Неужто старикъ тебѣ не объяснилъ?

Русалочка. Нѣтъ, онъ говорилъ слово. Христосъ, говоритъ, любилъ людей... Я не поняла.

Вѣдьма. Ну-ну, ты мнѣ того... Человѣка-то... не называй. Вотъ старикъ глупый! Такого слова не объяснилъ. Придется мнѣ съ тобой толковать. Слушай. Любить—это ежели другой для тебя дороже самого себя сдѣлается. Смотришь на него—и радостно тебѣ, а если ему хорошо и весело—такъ и тебѣ хорошо и весело.

Русалочка (слушаетъ съ жадностью). Да, да!

Вѣдьма (продолжая). И ты, если любишь кого, ничего для него не пожалѣешь, отъ себя возьмешь и ему дашь. А если больно ему—тебѣ отъ его боли еще больнѣе. А если смерть къ нему идетъ—ты сама за него смерть примешь, чтобы ему не умирать.

Русалочка. Тетенька! Милая! Спасибо тебѣ! Все я поняла! Все я знаю, вотъ точь-въ-точь... Только слова и не знала! И еще, тетенька... (тихо и внятно)—еще, если я люблю кого, и слышу—Онъ зоветъ меня, хочетъ меня... не могу я не итти къ нему!

Вѣдьма (замявшись). Ну это... Это ужъ ты... опять про Того. Я тебѣ про человѣчью любовь говорила. Такъ вотъ, теперь ты знаешь, ну и скажи, любишь ли старика? Потому если не любишь,—вотъ какъ я тебѣ говорила, чтобы отъ пылинки, если сядетъ на него, было тебѣ больно—тогда средство не годится.

Русалочка. Дѣдиньку я не люблю? Знаешь ты, тетка Вѣдьма, зачѣмъ спрашиваешь! Вѣдь я въ озеро пойду, коли безъ моего озера душа у него умретъ. Я все назвать его хочу, какъ сижу съ нимъ и слушаю, отрадно мнѣ съ нимъ и тихо, и только вотъ назвать не умѣю, и отъ этого больно. Я вся въ немъ, точно родилась отъ него, и худо у насъ съ нимъ одно, и благо одно. А если случится, что отъ

моего худа ему будетъ благо — такъ неужели не возьму на себя худа, и не будетъ оно мнѣ благомъ?

Вѣдьма. Ну, ладно. Обрадовалась. Отворила я тебѣ плотину. Ишь ты, прижилась съ людьми-то, любить стала! Да это тебѣ на руку. Вотъ средство-то, дѣвонька.

(Вытаскиваетъ, не торопясь, изъ мѣшка ножъ съ очень длиннымъ и тонкимъ лезвеемъ. Лезвее гибкое, стальное, съ красноватыми, яркими отблесками.)

Русалочка. Что это?

Вѣдьма. А ножъ. Такой ножъ славный. Просто даже удивительный. Ты, вотъ, его возьми, да послѣ вечеренъ и ступай къ часовнѣ. Старикъ-то тебя когда, послѣ вечеренъ хочетъ крестить? Онъ, значитъ, на паперти поджидать будетъ. Онъ тоже старикъ упорный. Ты его не уговоришь. Сказалъ — хочетъ крестить — ну и покреститъ, и не оглянешься. И душу — кто его знаетъ — можетъ, и потеряетъ изъ-за тебя.

Русалочка. Сказала я, — не буду отъ него креститься! Такъ что же, тетенька, не пойму я....

Вѣдьма. А ты не перебивай. Слушай. Подойдешь къ старику своему — не давай ему заговорить, и сразу его этимъ ножомъ и ударь. Вонъ у тебя руки-то какія сильныя. Ударь его, да чтобъ поглубже ножъ вошелъ, и какъ брызнетъ на тебя кровь его, такъ сразу въ тебѣ все перемѣнится, станешь какъ люди, теплая, и войдетъ въ тебя душа. Ну, поняла? Чего глядишь? Экая безтолковая!

Русалочка (медленно). Это...чтобъ я...дѣдиньку убила?

Вѣдьма. Ну, да. Чтобъ его кровь, твоей рукой пролитая, тебя коснулась. Душу, вѣдь, его ножомъ убить нельзя. Душѣ его отъ этого еще легче будетъ. Твоей, можетъ, тяжело. Люди говорятъ, что... Онъ не прощаетъ тому, кто прольетъ кровь. Онъ и будетъ мучать твою душу въ наказаніе. Такъ люди говорятъ.

Русалочка. Нѣтъ... Вѣрно не такъ. За что мучать? Вѣдь была пролита Его кровь ради людей... А если человѣческая—ради Него?

Вѣдьма. Ну, я этого ничего не знаю. Люди говорятъ. Я тебѣ сказала, — а тамъ не мое дѣло. Выбирай, что хочешь. Крестись, а то въ озеро иди, безъ души. Тебѣ видиѣе.

Русалочка (глядя въ сторону). Ну хорошо... А только... тетенька! Пожалѣй меня! (Почти кричитъ.) Какъ же убью его, когда его боль—мнѣ своей больнѣе? Какъ сама пойду на такое мученье? Вѣдь люблю я его, точно я въ немъ живу, точно родилась отъ него, точно его кровь—моя кровь! Да нѣтъ, не то! У меня слова такого нѣту, какое нужно для этой боли! (Бросаетъ ножъ, онъ тихо и гармонично звенитъ.) Нѣтъ, я лучше въ озеро. Уйди ты отъ меня! Я въ озеро пойду. (Послѣ минутнаго молчанія.) Вотъ и легче стало.

Вѣдьма (тихонько смѣется). Я знаю, рыбка, что легче. Куда легче въ озеро-то. Я тебѣ вѣдь это такъ сказала, насчетъ ножа. Я знаю, какой тутъ трудъ; его еще ни одинъ изъ людей, да и никакая другая тварь, не смогли на себя принять. Твари-то, вотъ какъ ты въ озерѣ была, не могли, потому что они любви не знаютъ. Люди знаютъ — да отъ муки не могутъ. А безъ любви средство-то не годится.

Русалочка (повторяя). Не годится?

Вѣдьма. Нѣтъ. Хочешь жизни вѣчной—заслужи ее мукой черезсильной. Да, можетъ, какъ люди говорятъ, и будетъ она, мука,—вѣчная, коли нѣтъ прощенія за кровь.

Русалочка. Это мнѣ все равно. Я не знаю. И если Онъ хочетъ моей безсмертной души, чтобы мучать ее—не все ли равно? Онъ хочетъ.

Вѣдьма. Да силъ не далъ. Потому, что нѣтъ такихъ силъ ни у кого, чтобы исполнить. А средство есть. Справедливое средство. Кровь за кровь. За тебя кровь не пролилась, и нѣтъ у тебя ни крови, ни жизни. Прольется кровь—и сожжетъ твою смерть. А только силъ на это нѣтъ у земныхъ тварей.

Русалочка (медленно поднимаетъ ножъ и смотритъ на него.

Говоритъ тихо, почти про себя). Благословилъ меня... Крещу, говоритъ, тебя, дитя. И не надо плакать. Радоваться, говоритъ, будемъ...

Вѣдьма. Ну, давай-ка ножъ. Я, вѣдь, признаться, такъ только его принесла, поглядѣть на тебя хотѣла. Видала я тоже такихъ-то. Давай. Коли въ озеро пойдешь, такъ намъ по дорогѣ. Сестрицы да тетки никакъ ужъ выходятъ. (Присматривается.) Мѣсяцъ ранній. (Помолчавъ.) А то креститься иди. Давно ужъ звона-то не слыхать.

Русалочка (не слушая и дѣлая нѣсколько шаговъ по сценѣ съ ножомъ въ рукахъ). И еще что-то сказалъ, на прощанье. Сказалъ, а потомъ сейчасъ и благословилъ. Ручка у него такая худенькая, старенькая... Какъ это онъ сказалъ?

Вѣдьма (хохочетъ). Ну, и забава! Совсѣмъ ты, дѣвушка, не въ себѣ. Бормочешь нивѣсть что. Давай, говорю, ножъ-то сюда.

Русалочка (радостно вскрикиваетъ). Вспомнила, вспомнила, что онъ сказалъ! «Да свершится святая воля Его!»

(Убѣгаетъ направо. Вѣдьма глядитъ на нее съ изумленіемъ и перестаетъ хохотать).

Вѣдьма. Вотъ непутная дѣвка-то! Чего ее разобрало? Посѣтъ тамъ ножъ гдѣ нибудь, тутъ не до забавы. Хорошій такой ножичекъ. Подождать, не вернется ли. Да куда! Теперь старикъ ее непремѣнно окреститъ. Ужъ сразу въ озеро не пошла, такъ не пойдетъ. А вѣдь тоже, хорохорилась. (Садится на кочку.) Отдохнуть. Не подойдетъ-ли. Ножичка жалко. Хорошій ножичекъ, недержанный.

(Не смѣется, вздыхаетъ. Иногда кутается въ тряпки. Небо сильно темнѣетъ, но на землѣ свѣтло отъ золотистаго, со свѣжими тѣнями, молодого мѣсяца. Видно какъ вдали, надъ озеромъ, мелькаетъ что-то бѣлое. Чуть слышно, съ вѣтромъ, доносится не то пѣніе, не то шелестъ листьевъ.)

Пѣсня (очень тихо).
Вставайте! Вставайте!
Спѣшите! Спѣшите!
Надъ озеромъ небо.
Въ озерѣ небо.

Гдѣ конецъ небу верхнему?
Гдѣ конецъ небу нижнему?
Спѣшите! Спѣшите!...

(Едва существующіе звуки заглушаются голосомъ Никодима, тоже очень издалека, но немного ясньше, и съ противоположной стороны. Никодимъ почти не поетъ, а говоритъ.)

Голосъ Никодима.
Ты милостивъ, Господь,
долготерпѣливъ и многомилостивъ,
но придетъ часъ гнѣва Твоего,
падутъ передъ лицомъ Твоимъ незнавшіе Тебя,
и прольется на нихъ ярость Твоя.
Простришь десницу свою
и разрушишь землю и небо...

(Умолкаетъ. Тотчасъ же слышно, какъ шелестъ листьевъ, пѣніе съ озера.)

Гдѣ конецъ небу нижнему?
Гдѣ конецъ небу вышнему?

Вѣдьма (сердито кутаясь). Тутъ покою кругомъ нѣтъ. И эта нейдетъ. Чего она, бѣшеная? Просто опаска меня взяла. Забава, нечего сказать! И шумъ кругомъ. Совы, что ли, кричатъ. (Молчаніе.) Плететься. Чтобъ ей разлетѣться, каверзной!

(Вѣдьма встаетъ. Изъ глубины справа, очень медленно, выходитъ Русалочка. Лицо ея спокойно, руки опущены.)

Вѣдьма. Гдѣ ножъ? Ножъ отдай!

(Русалочка молчитъ. Вѣдьма всматривается въ нее и пятится назадъ.)

Вѣдьма. Ты...

Русалочка (спокойно). Я не могу говорить съ тобой. Уйди.

Вѣдьма. Уйду. Уйду. (Кутаясь въ тряпки и отступая). Побѣдилъ... Человѣкъ.

(Отползаетъ за дерево и тамъ сразу пропадаетъ. Русалочка стоитъ неподвижно, слегка прислушиваясь. Когда входитъ Никодимъ, она оборачивается къ нему. Никодимъ идетъ быстро, но останавливается вдругъ, въ правомъ углу сцены, далеко отъ Русалочки).

Никодимъ (громко, срывающимся голосомъ). Ты... свершила злодѣяніе? Ты пролила кровь?

Русалочка. Я.

Никодимъ. Ты отца убила?

Русалочка. Душа его жива.

Никодимъ. Кровь мученика вопіетъ къ небесамъ. Будь же ты отнынѣ и до вѣка про...

(Русалочка подымаетъ руку, Никодимъ останавливается.)

Русалочка. Я теперь—какъ ты. Свершилась *не моя* воля. За меня пролилась кровь.

Никодимъ. Чаша терпѣнія Господня переполнена. Святая кровь...

Русалочка. Да, святая кровь. А та, что за тебя пролилъ Богъ—развѣ не святая?

Никодимъ. Нѣтъ прощенія твоей душѣ. Нѣтъ предѣла гнѣву Господню. Тебя ждутъ вѣчныя муки.

Русалочка. За муку ли дастъ Онъ, Чью волю я творила, вѣчныя муки? За то, что ради Него я пролила кровь, которая была мнѣ дороже своей? Онъ знаетъ — дороже своей! Гдѣ человѣкъ, что боялся бы мукъ послѣ моей муки? Я ничего не боюсь. Я шла къ Тому, Кто звалъ меня, Кто далъ мнѣ самый трудный изъ всѣхъ путей,— и Онъ встрѣтилъ меня.

Никодимъ (отвертываясь и закрывая лицо, бевстрастно). Моя рука да не коснется тебя. Но завтра...

Русалочка (радостно). Ты слышишь колоколъ? Нѣтъ? А я слышу. Некому звонить. Онъ самъ звонитъ.

(Очень слабые удары колокола, слитые съ далекимъ пѣніемъ на озерѣ, такимъ далекимъ, что не слышно словъ.)

Никодимъ. Завтра узнаютъ люди о смерти святого и придутъ сюда. Кровь вопіетъ о мщеніи. Люди тебя убьютъ. Мученія ждутъ тебя,—твое тѣло и твою душу.

Русалочка (глядя ему въ лицо, ясно). Мнѣ все равно.

Занавѣсъ.

З. Гиппіусъ.

НОЧЬЮ

Видны были только тускнѣющіе огни оставленной гавани, да черное, какъ тушь, небо. Дулъ холодный, сырой вѣтеръ. Онъ билъ по лицамъ и насквозь пронизывалъ наши куртки. Ждали дождя и удивлялись, отчего его нѣтъ такъ долго; мы чувствовали надъ собой тяжелыя тучи, чувствовали ихъ желаніе разразиться дождемъ, и намъ было душно, несмотря на вѣтеръ и холодъ. Пароходъ нашъ качало.

Мы, матросы, столпившись у себя въ кубрикѣ, бросали жеребій. Подъ вой вѣтра и грохотъ машины раздавался громкій, пьяный смѣхъ нашей братіи.

Мелкая дрожь пробѣгала у меня отъ затылка до самыхъ пятъ, точно въ моемъ затылкѣ была дыра, изъ которой сыпалась внизъ по голому тѣлу мелкая, холодная дробь. Дрожалъ я и отъ холода, и отъ другихъ причинъ, о которыхъ хочу здѣсь разсказать.

Человѣкъ вообще гадокъ, а матросъ, признаться, бываетъ гаже человѣка, гаже самаго скверпаго животнаго, которое все-таки имѣетъ оправданіе, такъ какъ подвластно инстинкту. Можетъ быть, я и преувеличиваю, но, мнѣ кажется, все-таки у матроса больше поводовъ ненавидѣть и бранить себя, чѣмъ у животнаго. Человѣку, который каждую минуту можетъ сорваться съ

мачты или скрыться навсегда подъ высокой волной, который знаетъ Богъ, только когда утопаетъ или летитъ внизъ головой, нѣтъ нужды ни до чего, и ничего ему на сушѣ не жаль. Мы пьемъ водку, потому что не знаемъ, для чего намъ можетъ послужить трезвость, и развратничаемъ, потому что не знаемъ, кому и для чего нужна въ морѣ добродѣтель.

Но буду, однако, продолжать.

Мы бросали жеребій. Насъ всѣхъ, не занятыхъ, отбывшихъ свою вахту, было шестнадцать. Изъ этого числа только двоимъ могло выпасть на долю счастье насладиться рѣдкимъ зрѣлищемъ. Дѣло въ томъ, что «каюта для новобрачныхъ», которая была у насъ на пароходѣ, въ описываемую ночь имѣла пассажировъ, а въ стѣнахъ этой каюты было только два отверстія, которыми мы могли распорядиться. Одно отверстіе выпилилъ я самъ тонкой пилкой, пробуравивъ предварительно стѣну штопоромъ, другое же вырѣзалъ ножомъ одинъ мой товарищъ, и оба мы работали больше недѣли.

«Одно отверстіе досталось тебѣ!»

«Кому?»

Указали на меня.

«Другое кому?»

«Твоему отцу!»

Мой отецъ, старый, горбатый матросъ, съ лицомъ, похожимъ на печеное яблоко, подошелъ ко мнѣ и хлопнулъ меня по плечу.

«Сегодня, мальчишка, мы съ тобой счастливы,—сказалъ онъ мнѣ.—Слышишь, мальчишка? Счастье въ одно время выпало тебѣ и мнѣ. Это что-нибудь да значитъ!»

Онъ нетерпѣливо спросилъ, который часъ. Было только одиннадцать.

Полилъ дождь. Я вышелъ изъ кубрика, закурилъ трубку и сталъ глядѣть на море. Было темно, но, надо полагать, и въ глазахъ моихъ отражалось то, что происходило въ душѣ, такъ какъ на черномъ фонѣ ночи я

различалъ образы, я видѣлъ то, чего такъ недоставало у меня въ жизни, въ моей молодой, сгубленной жизни...

Въ двѣнадцать я прошелся мимо общей каюты и заглянулъ въ дверь. Новобрачный, молодой пасторъ съ красивой бѣлокурой головой, сидѣлъ за столомъ и держалъ въ рукахъ Евангеліе. Онъ объяснялъ что-то высокой, худой англичанкѣ. Новобрачная, молодая, стройная, очень красивая, сидѣла рядомъ съ мужемъ и не отрывала своихъ голубыхъ глазъ отъ его бѣлокурой головы. Не мнѣ описывать ея лицо. Оно казалось мнѣ неземнымъ. По каютѣ изъ угла въ уголъ ходилъ банкиръ, высокій, полный старикъ - англичанинъ съ рыжимъ отталкивающимъ лицомъ. Это былъ мужъ пожилой дамы, съ которой бесѣдовалъ новобрачный.

«Пасторы имѣютъ привычку бесѣдовать по цѣлымъ часамъ!—подумалъ я.—Онъ не кончитъ до утра!»

Въ часъ подошелъ ко мнѣ отецъ и, дернувъ меня за рукавъ, сказалъ:

«Пора! Они вышли изъ общей каюты.»

Я мигомъ слетѣлъ внизъ по крутой лѣстницѣ и направился къ знакомой стѣнѣ. Между этой стѣной и стѣной корабля былъ промежутокъ, полный сажи, воды, крысъ. Скоро я услышалъ тяжелые шаги старика-отца. Онъ спотыкался о кули, ящики съ керосиномъ и бранился.

Я нащупалъ свое отверстіе и вынулъ изъ него четырехугольный кусокъ дерева, который я такъ долго выпиливалъ. И я увидѣлъ тонкую, прозрачную кисею, сквозь которую пробивался ко мнѣ мягкій, розовый свѣтъ. И вмѣстѣ со свѣтомъ до моего горячаго лица коснулся удушающій, въ высшей степени пріятный запахъ; это былъ, должно-быть, запахъ аристократической спальной. Чтобы увидѣть спальную, нужно было раздвинуть кисею двумя пальцами, что я и поспѣшилъ сдѣлать.

Я увидѣлъ бронзу, бархатъ, кружева. И все было залито розовымъ свѣтомъ. Въ полутора саженяхъ отъ моего лица стояла кровать.

«Пусти меня къ твоему отверстію,—сказалъ отецъ, нетерпѣливо толкая меня въ бокъ.—Въ твое лучше видно!»

Я молчалъ.

«У тебя, мальчишка, глаза сильнѣе моихъ, и для тебя рѣшительно все равно, глядѣть ли издали или вблизи!»

«Тише! — сказалъ я. — Не шуми, насъ могутъ услышать!»

Новобрачная сидѣла на краю кровати, свѣсивъ свои маленькія ноги на тигровый мѣхъ. Она глядѣла въ землю. Передъ ней стоялъ ея мужъ, молодой пасторъ. Онъ говорилъ ей что-то, а что именно—не знаю. Вой вѣтра и шумъ парохода мѣшали мнѣ слышать. Онъ говорилъ горячо, жестикулируя, сверкая глазами. Она слушала и отрицательно качала головой...

«Они будутъ говорить до утра, чтобы чортъ ихъ побралъ!»—проворчалъ отецъ.

Я плотнѣе прижалъ грудь къ стѣнѣ, какъ бы боясь, чтобы не выскочило сердце. Голова моя горѣла.

Говорили новобрачные долго. Пасторъ, наконецъ, опустился на колѣни и, протягивая къ ней руки, сталъ ее умолять. Она отрицательно покачала головой. Тогда онъ вскочилъ и заходилъ по спальной. По выраженію его лица и по движенію рукъ я догадался, что онъ угрожалъ.

Новобрачная поднялась, медленно пошла къ стѣнѣ, гдѣ я стоялъ, и остановилась у самаго моего отверстія. Она въ отчаяніи ломала руки, а я пожиралъ глазами ея лицо. Я читалъ на ея лицѣ, если только способенъ грубый, каменный человѣкъ читать на лицахъ, такихъ прекрасныхъ лицахъ! Мнѣ казалось, что она страдаетъ, что она борется съ собой, колеблется и, въ то же время глаза ея выражали гнѣвъ. Я ничего не понималъ.

Минутъ пять мы простояли такъ лицомъ къ лицу, потомъ она отошла и, остановившись среди каюты, кивнула своему пастору въ знакъ согласія. Тотъ радостно улыбнулся, поцѣловалъ у нея руку и вышелъ изъ спальной.

Я услышалъ возлѣ себя шумъ. То сдерживалъ кашель мой старикъ-отецъ. Новобрачная начала быстро раздѣваться.

Черезъ три минуты дверь отворилась, и въ спальную вошелъ пасторъ, а вслѣдъ за нимъ высокій, полный англичанинъ, о которомъ я говорилъ выше. Англичанинъ подошелъ къ кровати и спросилъ о чемъ-то у красавицы. Та, блѣдная отъ стыда, утвердительно кивнула головой.

Англичанинъ-банкиръ вынулъ изъ кармана пачку банковыхъ билетовъ и подалъ ихъ пастору. Тотъ сосчиталъ и съ поклономъ вышелъ. Старикъ - англичанинъ заперъ за нимъ дверь...

Я отскочилъ отъ стѣны, какъ ужаленный. Я испугался. Мнѣ показалось, что вѣтеръ разорвалъ нашъ пароходъ на части, что мы идемъ ко дну.

Старикъ - отецъ, этотъ пьяный, развратный человѣкъ, взялъ меня за руку и сказалъ:

«Выйдемъ отсюда! Ты не долженъ этого видѣть! Ты еще мальчикъ...»

Онъ едва стоялъ на ногахъ. Я вынесъ его по крутой, извилистой лѣстницѣ наверхъ, гдѣ уже начиналась настоящая осенняя буря.

Антонъ Чеховъ.

ПОЗДНЕЙ НОЧЬЮ

Былъ ли это сонъ или часъ ночной таинственной жизни, которая такъ похожа на сновидѣніе, я не умѣю сказать. Казалось мнѣ, что осенній грустный мѣсяцъ уже давнымъ-давно плыветъ надъ землей, что на землѣ все точно вымерло въ глубокой тишинѣ и что наступилъ часъ отдыха отъ всей лжи и суеты дня. Казалось, что уже вся, до послѣдняго нищенскаго угла, заснула столица и спала долго... Долго спалъ и я, и, наконецъ, медленно отошелъ отъ меня сонъ, какъ заботливый и неторопливый врачъ, сдѣлавшій до конца свое дѣло и оставившій больного уже тогда, когда онъ вздохнулъ полной грудью и, открывъ глаза, улыбнулся застѣнчивой и радостной улыбкой возвращенія къ жизни. А когда сонъ сдѣлалъ свое дѣло, когда я, очнувшись, открылъ глаза,— я увидалъ себя въ тихомъ и свѣтломъ царствѣ ночи, наединѣ съ ея глубокимъ молчаніемъ,— наединѣ съ тѣмъ, что я переживалъ лишь въ дѣтствѣ.

Я неслышно ходилъ по ковру въ своей комнатѣ на пятомъ этажѣ и подошелъ къ одному изъ оконъ. Я смотрѣлъ то въ комнату, большую и полную легкаго сумрака, то въ верхнее стекло окна на мѣсяцъ, для чего мнѣ нужно было наклоняться въ оконную амбразуру. Мѣсяцъ тогда обливалъ меня съ головы до ногъ свѣтомъ,

и, поднявъ глаза кверху, я долго смотрѣлъ въ его лицо. Потомъ опять отклонялся въ сумракъ. И когда я смотрѣлъ и прислушивался, я опять чувствовалъ, что стоитъ мертвая тишина поздней ночи и что все, что было пережито днемъ, стало такъ далеко и такъ чуждо для меня!

Мѣсячный свѣтъ, проходя сквозь бѣлесыя кружева гардинъ, смягчалъ сумракъ въ глубинѣ комнаты. Отсюда мѣсяца не было видно. Но всѣ четыре окна были озарены ярко, также какъ и то, что было возлѣ нихъ. Мѣсячный свѣтъ падалъ изъ оконъ четырьмя блѣдно-голубыми, блѣдно - серебристыми арками, и внутри каждой изъ нихъ былъ дымчатый тѣневой крестъ, мягко ломавшійся по озаренымъ креслamъ и стульямъ. И въ креслѣ у крайняго окна сидѣла моя жена, вся въ бѣломъ и похожая на дѣвочку или ангела, блѣдная и красивая въ своей задумчивости, грустная ото всего, что мы пережили и что дѣлало насъ такъ часто злыми и безпощадными врагами.

О чемъ она думала? И отчего она тоже не спала въ эту ночь?

Избѣгая глядѣть на нее, я сѣлъ на окно рядомъ съ ней... Да, поздно,—вся пятиэтажная стѣна противоположныхъ домовъ темна,— ни одного живого окошка. Всѣ чернѣютъ, какъ слѣпые глаза. Я заглянулъ внизъ,—узкій и глубокій корридоръ улицы тоже теменъ и пустъ. Итакъ, вѣроятно, во всемъ городѣ. Только блѣдный сіяющій мѣсяцъ, какъ лицо, слегка наклоненное на бокъ, катится и въ то же время остается недвижимымъ среди дымчатыхъ бѣгущихъ облаковъ, одиноко бодрствуя надъ городомъ. Какъ давно мы не видались съ нимъ! Теперь онъ глядѣлъ мнѣ прямо въ глаза, свѣтлый, но немного на ущербѣ и оттого—печальный. Облака дымомъ плыли мимо него. Около мѣсяца они были свѣтлы и таяли, дальше отъ него сгущались, а за гребнемъ крышъ проходили уже совсѣмъ угрюмой и тяжелой грядой...

«Давно не видалъ я мѣсячной ночи!» опять поду-

малъ я съ грустью, и мысли мои опять возвратились къ далекимъ, почти забытымъ осеннимъ ночамъ, которыя съ такими же чувствами, только безъ боли за прошлое, видѣлъ я когда-то въ дѣтствѣ, на хуторѣ, среди холмистой и скудной степи средней Россіи. Тамъ мѣсяцъ глядѣлъ въ окошечко подъ мою родную кровлю и тамъ впервые узналъ и полюбилъ я его кроткое и блѣдное лицо... Незамѣтно для самого себя, я мысленно покинулъ Петербургъ, и на мгновеніе померещилась мнѣ вся Россія, точно съ возвышенности я взглянулъ на огромную низменность, затерявшуюся на югѣ. Справа — золотисто-блестящая, пустынная ширина моря, слѣва — хмурыя страны сосенъ, возрастающихъ и уходящихъ въ сумракъ къ востоку, а впереди—рѣдкіе лѣса, болота и перелѣски, за которыми начинаются безконечныя поля и равнины. На сотни верстъ скользятъ по лѣсамъ рельсы желѣзныхъ дорогъ, тускло поблескивая при мѣсяцѣ. Сонные разноцвѣтные огоньки мерцаютъ вдоль путей и одинъ за другимъ убѣгаютъ на мою родину. И вотъ передо мною пустыя, слегка холмистыя, поля, а среди нихъ—старый, сѣрый помѣщичій домъ, ветхій и кроткій при мѣсячномъ свѣтѣ... Неужели это тотъ же самый мѣсяцъ, который глядѣлъ когда-то въ мою дѣтскую комнату, который видѣлъ меня потомъ юношей и который груститъ теперь вмѣстѣ со мной о моей неудавшейся молодости? Неужели это онъ успокоилъ меня въ свѣтломъ царствѣ ночи, возвративъ мнѣ все, что, казалось, уже навсегда угасло въ моемъ измученномъ сердцѣ?

И я ходилъ и думалъ, а ночь неслышно неслась на своихъ беззвучныхъ крыльяхъ...

«Отчего ты не спишь?» робко сказала мнѣ жена.

И то, что она первая обратилась ко мнѣ послѣ долгаго и упорнаго молчанія, больно и сладко кольнуло мнѣ въ сердце. Что-то дрогнуло у меня внутри, но, подавивъ волненіе, я тихо отвѣтилъ:

«Не знаю... А ты?»

И опять мы долго молчали. Мѣсяцъ замѣтно опустился къ крышамъ и уже глубоко заглядывалъ въ нашу комнату. Ни одной души, казалось, не было во всемъ огромномъ домѣ, и мнѣ хорошо было чувствовать, что мы совершенно наединѣ съ женой.

«Инна,—сказалъ я, подходя къ ней,—прости меня.»

Она не отвѣтила и закрыла глаза руками.

«Инна...» повторилъ я несмѣло и отвелъ руки отъ глазъ.

Она опять не отвѣтила и наклонила голову. Но, взглянувъ, я увидалъ, что изъ ея закрытыхъ глазъ тихо катились слезы, а брови были подняты и дрожали, какъ у ребенка. И увидавъ это, я опустился у ея ногъ на колѣни, крѣпко обнялъ ее и прижался къ ней лицомъ, не сдерживая ни своихъ, ни ея слезъ и цѣлуя ея руки.

Она растерялась и старалась поднять мою голову съ своихъ колѣнъ.

«Но развѣ ты виноватъ?—говорила она смущенно.—Развѣ не я во всемъ виновата?»

И улыбалась сквозь слезы радостной и горькой улыбкой. Она хотѣла взять всѣ вины на себя одну, старалась во всемъ оправдать меня, а я говорилъ ей, что мы оба виноваты, потому что оба нарушали заповѣдь радости, для которой мы должны жить на землѣ. Я говорилъ, что мы оба должны прощать другъ друга, потому что злоба никогда не приносила радости. И, на мгновеніе возвратившись къ искренности и нѣжности дѣтства, мы вмѣстѣ провели остатокъ этой ночи. Мы опять любили другъ друга, какъ могутъ любить только тѣ, которые вмѣстѣ страдали, которые вмѣстѣ заблуждались, но за то вмѣстѣ встрѣчали и рѣдкія мгновенія правды. И только блѣдный грустный мѣсяцъ видѣлъ наше счастье и радость и говорилъ намъ о правдѣ Вѣчной Тишины и Вѣчной Ночи, передъ лицомъ которой, можетъ быть, простятся всѣ наши прегрѣшенія: вольныя и невольныя.

Ив. Бунинъ.

УМНЫЙ и ГЛУПЫЙ

Они родились въ одинъ и тотъ же день и даже часъ. По странной случайности, ихъ матери страдали при этомъ совершенно одинаково, и отцы взяли ихъ въ первый разъ на руки съ весьма сходнымъ чувствомъ нѣжной радости. Потомъ они стали расти, не обнаруживая между собою рѣзкаго отличія ни въ количествѣ запачканныхъ пеленокъ, ни въ умѣніи упражнять свои легкія при помощи пронзительнаго крика, ни въ цѣпкости своихъ ручонокъ, безъ разбора хватавшихъ усы, чашку, носъ или погремушку. Оба они составляли предметъ гордости своихъ родителей, а первые проблески ихъ сознанія давали нескончаемую тему для похвалъ и восторженнаго изумленія прислуги, друзей дома, даже случайныхъ посѣтителей, не говоря уже о самихъ родителяхъ. Точно такъ же оба они въ одно и то же время, къ величайшему изумленію окружающихъ, стали ходить, показывать языкъ и плеваться. Впослѣдствіи они съ одинаковымъ успѣхомъ влѣзали на деревья, падали съ крышъ и заставляли гоняться за собою по всему двору дворниковъ съ метлами и кухарокъ съ проклятіями.

Тѣмъ печальнѣе было родителямъ одного изъ нихъ убѣдиться въ довольно существенномъ различіи между обоими дѣтьми, когда наступило время указки и грифельной доски. Вскорѣ стало ясно, что одинъ изъ нихъ умный, а другой глупый.

Съ этихъ самыхъ поръ жизнь обоихъ потекла совершенно различнымъ образомъ. Въ то время, какъ умный продолжалъ лазить по деревьямъ и разорять птичьи гнѣзда, глупый сидѣлъ съ грифелемъ въ одной рукѣ и мокрой губкой въ другой и старательно складывалъ длинные ряды цифръ; покончивъ съ этимъ, онъ принимался за списываніе съ книги басенъ: «Стрекоза и Муравей», «Ворона и Лисица» и др. или зубрилъ, заткнувши оба уха указательными пальцами: «Сенюша, знаешь ли, покамѣстъ, какъ барановъ...», при чемъ во время списыванія, несмотря на всѣ угрозы своего ментора, аккуратно вмѣсто «дубъ» писалъ «будъ», а слово «еще» писалъ черезъ «ѣ». Все это повергало родителей одного въ неизъяснимую печаль, а родителей другого въ очень большую радость, потому что и тѣ и другіе не имѣли другихъ средствъ къ существованію, кромѣ собственныхъ рукъ и головы.

Но время бѣжало, упрочивая наименованіе умнаго за однимъ и наименованіе глупаго за другимъ. Вскорѣ дошло дѣло до Карѳагенской царицы Дидоны и до гибельнаго для ахеянъ гнѣва Ахиллеса, и хотя глупый не имѣлъ никакого отношенія ни къ древнимъ пророчествамъ, ни къ убійству переодѣтаго Патрокла, ему пришлось отдуваться и за то и за другое. Онъ былъ исключенъ и поступилъ на почту; тамъ его вооружили черной печатью и длинной палкой сургуча, которой хватало всего на одинъ день, и онъ началъ чрезвычайно быстро стучать штемпелемъ по чужимъ письмамъ. Между тѣмъ умный постигъ тайны логариѳмовъ и безо всякаго удовольствія, но чрезвычайно бойко могъ сказать изъ Горація:

О, часто вмѣстѣ со мной въ ранніе годы
Водимый Брутомъ, начальникомъ войска,
Кто возвратилъ тебя квиритамъ,
Отеческимъ богамъ и Итальйскому небу,
Помпей, первый изъ моихъ друзей?...

Вскорѣ онъ замелькалъ своимъ синимъ студенческимъ воротникомъ по бульварамъ, ресторанамъ, аудиторіямъ и лабораторіямъ; онъ вездѣ имѣлъ успѣхъ и возбуждалъ завистливые взгляды. Его любили хорошенькія женщины и возили лихачи на резиновыхъ шинахъ. Въ это время товарищи дѣтства уже потеряли другъ друга изъ вида.

А время бѣжало. Глупый женился на дочери бѣднаго отставного чиновника и, когда бы ни приходилъ домой, всегда заставалъ жену или за стиркой, или за шитьемъ пеленокъ, или со щекой, подвязанной платкомъ; онъ жилъ въ каменномъ подвалѣ, и аккуратно каждую осень навѣщалъ одно изъ огромныхъ городскихъ кладбищъ съ крохотнымъ розовымъ гробикомъ подъ мышкой, въ которомъ лежалъ ребеночекъ въ бумажномъ вѣничкѣ и съ чрезвычайно удивленнымъ личикомъ. Въ остальное время онъ продолжалъ сидѣть на почтѣ, обросшій бородой и волосами, въ разстегнутомъ мундирѣ, и чрезвычайно быстро и сердито стучалъ печатью.

Умный въ это время еще не былъ женатъ. Онъ написалъ книгу по химіи и защитилъ ее публично въ присутствіи факультета и при большомъ стеченіи элегантной публики, при чемъ стоялъ во весь свой ростъ на огромной каѳедрѣ, въ прекрасно сшитомъ фракѣ и галстукѣ замѣчательной бѣлизны. Его признали магистромъ. Въ то же время онъ велъ блестящую и разсѣянную жизнь, дѣля свои часы между лабораторіей, кабинетомъ, банкомъ, хорошенькими женщинами и наслажденіемъ произведеніями искусства. Потомъ онъ уѣхалъ въ провинцію, въ большой фабричный городъ, на жалованье въ нѣсколько десятковъ тысячъ, при чемъ свѣдущіе люди не безъ основанія говорили, что онъ продешевилъ.

Прошли долгіе годы. Глупый все продолжалъ стучать штемпелемъ и выучился это дѣлать съ такой быстротой, что ему дали повышеніе, заставивъ его пересчитывать чужія деньги. Онъ похудѣлъ и посѣрѣлъ; изъ-подъ щетинистыхъ его бровей теперь смотрѣли на всѣхъ желтые

раздражительные глаза, между тѣмъ какъ костлявые пальцы съ узловатыми суставами и блѣдно-синими ногтями безъустали звякали и шелестѣли деньгами. Рядомъ съ нимъ уже сидѣлъ его сынъ и неутомимо стучалъ нѣкогда отповскимъ штемпелемъ.

Попавъ въ большой фабричный городъ, умный тотчасъ женился на обладательницѣ нѣсколькихъ милліоновъ и принялся за расширеніе дѣла своей жены, въ нѣсколько лѣтъ прибавивъ около десятка высочайшихъ фабричныхъ трубъ. Лѣто и осень онъ проводилъ въ Швейцаріи, Италіи или Крыму, а зимой расхаживалъ по огромнымъ многоэтажнымъ корпусамъ своихъ фабрикъ, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ реву маховыхъ колесъ, десятковъ тысячъ ткацкихъ, прядильныхъ и набивныхъ станковъ, сливающемуся съ рокотомъ человѣческихъ голосовъ и свистомъ паровыхъ машинъ. Каждое утро онъ просыпался въ атласномъ голубомъ альковѣ, охваченный нѣжнымъ прикосновеніемъ шелка, брюссельскихъ кружевъ, въ атмосферѣ, напоенной тончайшимъ запахомъ нѣжнѣйшихъ духовъ. Рядомъ съ нимъ покоилась его жена, спящая словно на модной картинкѣ, изящная и соблазнительная, съ застывшимъ выраженіемъ милаго каприза на чувственной смазливой мордочкѣ. Черезъ пять комнатъ отъ нихъ, въ кисейной люлькѣ съ атласными лентами цвѣта чайной розы, покоился единственный плодъ ихъ нѣжнаго союза, ребенокъ, толстый, какъ пенекъ, съ пунцовыми щеками и маленькими, какъ щелки, глазками; онъ похожъ былъ на сытаго буржуа пожилыхъ лѣтъ, спеленатаго и положеннаго въ дѣтскій конвертикъ.

Между тѣмъ мѣсто, которое занималъ на почтѣ глупый, сдѣлалось вакантнымъ; тотчасъ же на него сѣлъ другой такой же чиновникъ, отличавшійся чрезвычайно длинными усами и необыкновенно грязными манжетами. А самъ онъ былъ отнесенъ на рукахъ сослуживцевъ (изъ видовъ экономіи) сначала въ церковь, а потомъ на кладбище. Онъ лежалъ въ гробу, длинный и сухой, въ мундирѣ своего

вѣдомства, и постепенно разрушался, въ то время какъ его безсмертное начало, которое было призвано въ этомъ мірѣ штемпелевать конверты и пересчитывать деньги, находилось неизвѣстно гдѣ. Съ этого момента дальнѣйшіе факты его земного существованія сосредоточились вокругъ его могилы, гдѣ внутри совершался ужасный процессъ распаденія на составныя части того, что нѣкогда съ такою ловкостью рѣзало огромными ножницами почтовыя квитанціи и неумолкаемо стучало штемпелемъ, — а снаружи возвышался маленькій бугорокъ красной глины со вкопаннымъ въ нее благодушнымъ деревяннымъ крестикомъ, который, казалось, хотѣлъ сказать: Слава Богу, теперь все кончено! стоитъ ли вспоминать о миновавшихъ столь счастливо страданіяхъ?

А время летѣло. Куполъ кладбищенской колокольни перекрасили изъ бѣлаго въ темно-синій цвѣтъ съ блестящими золотыми звѣздами. Весною оттаивали дорожки и проваливались могилы. Осенью вѣтеръ шумѣлъ въ кустахъ и опрокидывалъ подгнившіе кресты; цѣлая гора ихъ лежала за избушкой, гдѣ обиталъ кладбищенскій сторожъ съ больною женой и цѣлой кучей ребятишекъ, которыхъ онъ безплатно хоронилъ у самой ограды. Въ зимнее время вѣтеръ наметалъ на кресты и памятники сугробы снѣга, и все казалось особенно фантастическимъ. Сторожъ въ красномъ шарфѣ и нагольномъ тулупѣ бродилъ между сугробами и оступался въ провалившіяся съ весны могилы; подъ мышкой у него теперь рѣдко торчала лопата — чаще желѣзный ломъ. Ночью башенный колоколъ угрюмо и монотонно гудѣлъ свою вѣчную гамму, далеко разнося ее по окрестнымъ полямъ, одѣтымъ однообразною пеленою снѣга.

А годы бѣжали. Благодушный деревянный крестикъ почернѣлъ и въ одно прекрасное время — какъ нарочно, при самой тихой погодѣ — вдругъ упалъ. Проходившій мимо сторожъ нисколько не удивился: онъ уже замѣтилъ, что кресты часто падаютъ при самой тихой погодѣ. Онъ

молча взвалилъ его на плечо, какъ свою законную добычу, и потомъ швырнулъ въ общую груду, а вечеромъ испекъ на немъ себѣ превосходную картошку, такъ какъ время было осеннее.

Скоро безыменная могилка стала незамѣтно врастать въ землю. Сначала прохожіе съ кутьей и полубутылкой водки черезъ нее перелѣзали, потомъ просто переходили; наконецъ, черезъ нее прошла дорожка съ нечувствительнымъ возвышеніемъ.

А годы летѣли. Кладбище разросталось. Аристократическіе разряды, окружавшіе церковь, были набиты биткомъ дубовыми и металлическими гробами, полными брюссельскихъ кружевъ, бѣлыхъ и палевыхъ розъ и трухлявыхъ костей. Теперь траурныя процессіи съ роскошными, украшенными страусовыми перьями, катафалками и солидными, завинчивающимися гробами должны были продвигаться дальше и карабкаться черезъ могилы, при чемъ дамы въ траурныхъ вуаляхъ оставляли свои калоши въ мокрой, разъѣзжающейся подъ ногами глинѣ, а кавалеры въ котелкахъ и съ высокими воротничками спѣшили ихъ разыскивать и надѣвать на ножки, крохотныя и затянутыя въ полусапожки изъ лучшаго магазина. Это было въ общемъ веселѣе, чѣмъ прежде. Въ одно прекрасное время все мѣсто, гдѣ пролегала дорожка съ незначительнымъ возвышеніемъ, было куплено и загорожено высокой проволочной оградой.

Между тѣмъ умный продолжалъ украшать пейзажъ фабричнаго города новыми трубами и производилъ линючій и дрянной, но необыкновенно яркій и дешевый, ситецъ въ небываломъ числѣ аршинъ. Цѣлые караваны линючаго ситца углублялись въ оазы Средней Азіи и перекраивались на пестрые азіатскіе халаты. А фабрики пыхтѣли и выбрасывали новыя груды многоцвѣтныхъ и разнообразныхъ тканей изъ хлопка, какъ будто онѣ поклялись завалить ими весь міръ. Тщетно нагружали ими большіе пароходы, изъ которыхъ многіе, вмѣстѣ съ хорошо за-

страхованнымъ товаромъ, безо всякой видимой причины шли ключомъ ко дну. Тщетно горѣли цѣлые огромные склады, и зарево отъ нихъ освѣщало широкій просторъ деревенскихъ полей. Трубы росли, какъ грибы, выбрасывая дымъ, черный и вонючій, паровики важно сопѣли, станки грохотали, и въ окна виднѣлись мускулистыя фигуры сильныхъ людей съ потными спинами и разстегнутыми воротами рубахъ. А на смѣну имъ шли изъ окрестныхъ селъ и деревень новыя толпы, жадно вперяя свои восторженные взоры въ черныя облака дыма, поднимавшіяся надъ горизонтомъ. Нивы пустѣли и переставали родить; за-то по нимъ во всѣхъ направленіяхъ прокладывались шпалы и рельсы, землекопы рыли, каменотесы стучали своими острыми кирками у строющихся гигантскихъ мостовъ, и съ ревомъ и свистомъ бѣжали поѣзда, изъ оконъ которыхъ выглядывали щегольскія дамскія шляпки и мужскіе котелки.

Вскорѣ умный замѣтилъ, что никакихъ плантацій въ мірѣ не можетъ хватить при такомъ чудовищномъ производствѣ хлопчато-бумажныхъ тканей: онъ сталъ закрывать фабрики и строить желѣзныя дороги съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы эксплуатировать богатства отдаленнѣйшихъ окраинъ. Всѣ удивлялись его геніальности: онъ предлагалъ сѣять особаго рода мохъ на неприступныхъ и холодныхъ скалахъ Шпицбергена, разводить въ тундрахъ Пустоозерской губы въ небывалыхъ размѣрахъ клюкву и выжимать изъ нея особаго рода краску. Десятки акціонерныхъ компаній выростали по мановенію его руки... Опустѣвшіе фабричные корпуса стояли мрачные и холодные, съ выбитыми стеклами, какъ заброшенные могильные склепы. Длинныя вереницы безруkихъ и безногихъ людей тянулись по направленію отъ нихъ черезъ опустѣвшія поля; чахлыя женщины съ наглымъ взглядомъ несли на выпученныхъ животахъ своихъ паукообразныхъ дѣтей, съ тонкими шейками и тонкими же ручками и ножками. Мужчины были въ отрепьяхъ городского платья

и несли за плечами поиятые самовары и большія гармоніи съ поломанными клавишами. Они видѣли поросшіе бурьяномъ поля и огороды, посѣченные лѣса и пересохшіе ручьи, и пытались заглушить въ себѣ тоску нескладными пѣснями, въ которыхъ еще чудился грохотъ станковъ и визгъ паровыхъ машинъ. Суды наполнились подозрительными людьми въ рубищахъ и съ сифилитическимъ взглядомъ глазъ; тамъ разбирались дѣла объ изнасилованіи женщинъ, объ откушенныхъ носахъ и о кражахъ въ десятый и болѣе разъ. Тамъ и самъ воздвигались новыя тюрьмы; по дорогамъ чаще звучали цѣпи, и слышался крикъ конвойныхъ. А навстрѣчу имъ летѣли поѣзда, полные клюквы и веселыхъ пассажировъ, читающихъ газеты, гдѣ еще ничего не разсказывается о страшныхъ крушеніяхъ, жертвой которыхъ они сдѣлаются всего черезъ нѣсколько часовъ...

И вотъ въ одно прекрасное время у гостепріимныхъ кладбищенскихъ воротъ раздалось громогласное похоронное пѣніе. Была скверная дождливая погода, и со страусовыхъ перьевъ балдахина печально текли цѣлыя струйки дождевой влаги. Во главѣ погребальнаго кортежа шло нѣсколько священниковъ и дьяконовъ подъ зонтиками, съ потухшими кадилами, а сзади тянулась нескончаемая вереница каретъ и экипажей, гдѣ сидѣли смѣшливые господа и барыни. На катафалкѣ помѣщался между четырьмя ливрейными факельщиками дорогой металлическій гробъ, сплошь усыпанный драгоцѣнными цвѣтами. Далѣе на особой повозкѣ слѣдовали многочисленные вѣнки съ трогательными надписями на шелковыхъ бѣлыхъ лентахъ. Это везли умнаго къ мѣсту его послѣдняго упокоенія. Самъ онъ лежалъ въ гробу съ вынутымъ мозгомъ и выпотрошеннымъ животомъ, обильно посыпанный камфорою и политый растворомъ сулемы и карболки, съ головой, обернутою вмѣстѣ съ лицомъ, утратившимъ человѣческія черты, густымъ слоемъ гигроскопической ваты и марли. И однако же эти бренные останки предполагалось заклю-

чить еще въ два гроба, какъ нѣкую святыню или драгоцѣнность.

Онъ умеръ посреди геніальныхъ плановъ, оставивъ колоссальное состояніе, неутѣшную вдову, сына и двоихъ внучатъ, умеръ подъ шумъ газетъ и удивленныя восклицанія своихъ сотрудниковъ, которые въ глубинѣ души, наперекоръ здравому смыслу, считали его идіотомъ. Этотъ день былъ днемъ печали для многихъ газетъ, которыя пользовались особымъ расположеніемъ почившаго; музы облеклись въ трауръ, и одинъ скульпторъ, трудившійся надъ созданіемъ еще невиданной статуи, изображавшей Мечту, разбилъ ее вдребезги, какъ ненужную.

Шествіе направилось къ оградѣ изъ проволочной рѣшетки. Нѣсколько дней передъ тѣмъ тамъ кипѣла работа: сооружали склепъ и для этого вырыли огромную яму. Во время работы выкинули нѣсколько костей, полусгнившихъ досокъ и чей-то черепъ: онъ принадлежалъ когда-то глупому. Гробъ былъ на веревкахъ спущенъ въ могилу, выложенную камнемъ, и наверху было произнесено нѣсколько рѣчей. Во время одной изъ нихъ пошелъ такой сильный дождь, что провожавшіе поспѣшили разойтись по своимъ каретамъ, перепачкавъ свои перчатки въ мокрой глинѣ и унося послѣднія слова послѣдняго оратора:

«Да, ты можешь сказать смѣло, подобно новому Августу: Я нашелъ свою отчизну въ сарафанѣ и посконной рубахѣ-косовороткѣ, а оставляю въ господскомъ платьѣ и при галстукѣ. Да будетъ тебѣ земля легка!»

Вскорѣ надъ свѣжимъ бугоркомъ могилы выросъ цѣлый цвѣтникъ, пестрѣющій осенней флорой, и воздвигся огромный мавзолей съ колѣнопреклоненнымъ ангеломъ и неугасимой лампадой.

А кости глупаго были положены въ тачку вмѣстѣ съ деревянными обломками и зарыты гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ,—на краю кладбища.

Маркъ Криницкій.

КАПЛИ

Это было въ одну изъ мрачныхъ, одинокихъ ночей... Страдая мучительной безсонницей, я долго бродилъ по своему тѣсному каземату, въ угловой башнѣ тюремнаго замка, затѣмъ растянулся на арестантской койкѣ и старался развлечься чѣмъ-нибудь. Глубокій сумракъ, обнимавшій меня, не только поглотилъ краски и очертанія моей тюремной обстановки, но даже какъ будто лишилъ меня всякаго зрительнаго воспоминанія. Во всякомъ случаѣ мнѣ не удавалось вызвать въ своемъ воображеніи ни одного мало-мальски опредѣленнаго образа. Какія-то тѣни мелькали сначала передъ моими глазами, но ни одна изъ нихъ не могла хоть сколько-нибудь обособиться отъ безконечно-неподвижной темноты. Я крѣпко сжималъ свои глаза, внутренній и внѣшній мракъ наполнялся роемъ искръ, узорами изъ разноцвѣтныхъ кольцеобразныхъ пятенъ, но это мало занимало меня. Мысль была погружена въ полное оцѣпенѣніе, да признаться, мнѣ вовсе и не хотѣлось думать. Оставалось искать спасенія въ звукахъ.

Громадный городъ, въ которомъ находилась моя тюрьма, уже почти окончательно погрузился въ свой глубокій предутренній сонъ; океаническій гулъ жизни доносился до меня только въ видѣ неяснаго клокотанія перестающаго кипѣть гигантскаго котла, и ждать отъ нея от-

дѣльныхъ, болѣе опредѣленныхъ, звуковъ было невозможно. Единственное, что я могъ слышать, были гулкіе шаги наружнаго часового, тупые, рѣдкіе удары тяжелыхъ капель, падавшихъ съ крыши на выступъ за окошкомъ, да стукъ крови въ моихъ вискахъ. Остальное въ мірѣ, во всемъ Божьемъ мірѣ, была мертвая тишина.

Однообразіе этихъ звуковъ еще болѣе подчеркивало мою угрюмую пустоту. Сначала я прислушивался къ нимъ поочередно. Но кровь стучала непріятно, шаги часового часто и надолго затихали, и одно только паденіе тяжелыхъ капель, наконецъ, вполнѣ завладѣло моимъ вниманіемъ. Одна за другой, одна за другой, послѣ болѣе или менѣе одинаковаго промежутка времени, все на одно и то же мѣсто, все съ однимъ и тѣмъ же короткимъ, тутъ-же и навсегда, исчезающимъ звукомъ... Одна. Двѣ. Три... Одна. Двѣ. Три. Четыре... Я насчиталъ ихъ нѣсколько сотенъ. Нѣсколько сотенъ тоскливыхъ, уныло разбивающихся, безслѣдно исчезающихъ капель.

Отъ безсмысленнаго счета, отъ мѣрности паденія и гнетущей однозвучности глубокая тоска завладѣла моимъ сердцемъ. Непонятная печаль заволокла душу. Ночная темнота давила на грудь какою-то матеріальной тяжестью. Все мое тѣло было сковано болѣзненной неподвижностью. А капли все падали... Неожиданный порывъ вѣтра, глухо шелестя, налеталъ иногда на мое окошко, наполнялъ меня новымъ смутнымъ ощущеніемъ, но онъ скоро умолкалъ— и капли опять торжествующе стучали въ мертвой тишинѣ, при томъ еще скучнѣе, еще настойчивѣе, еще однообразнѣе. Типъ. — Топъ.— Тапъ.— Типъ...

Какъ-то убаюканный этой нищенской мелодіей, я нѣсколько отвлекся отъ томительнаго чувства внѣшняго міра и ушелъ, было, въ воспоминанія. Внезапный свѣтъ открылся душѣ, темнота широко раздвинулась и въ образовавшійся просторъ, однимъ движеніемъ, вступилъ цѣлый рядъ картинъ изъ моего давно забытаго прошлаго. Зеленый холмъ... цвѣтущая степь... синяя дуга

далекаго лѣса... Но едва я отдался тихому созерцанію ихъ, едва почувствовалъ пріятную внутреннюю остановку, какъ одна изъ капель громче ударилась о подоконникъ! и тутъ-же погасила мое свѣтлое видѣніе. За ней упала другая, третья. Брошенный въ прежнюю темноту, я сталъ замѣчать, какъ что-то удалялось отъ меня, мѣрными, отрывистыми движеніями. Каждое новое мгновеніе сопровождалось чувствомъ, что я не досчитываюсь чего-то; что-то отрывалось отъ всего моего внутренняго содержанія и падало, какъ эти капли,— такъ же безслѣдно, такъ же безвозвратно, такъ же неизвѣстно, куда... Топъ.—Тапъ.—Типъ...

Мое вниманіе достигло крайняго напряженія. Самоощущеніе моего организма утратилось: словно я растворился въ обнимавшемъ меня сумракѣ, разросся въ громадный организмъ безпредѣльной ночи, и паденіе каждой капли стало какъ бы моимъ внутреннимъ событіемъ. Я вдругъ почувствовалъ, что начинаю изсякать. Мое разрозненное до этого сознаніе начало слагаться въ какую-то опредѣленную мысль. Я обратилъ вниманіе на то, что двѣ упавшихъ одна вслѣдъ за другой капли опредѣляютъ нѣкоторый промежутокъ времени: одна его начинаетъ, другая же кончаетъ. И каждая изъ нихъ, упавъ и раздавшись, уносила съ собой часть моего времени, отсѣкала отъ моей жизни часть ея будущаго, отрывала отъ него по какому-то клочку, опредѣленно и убѣдительно твердила о стихійной быстротѣ неуловимаго потока жизни, безслѣдно исчезающей въ таинственной безднѣ смерти. Упадетъ капля—и чего-то ужъ нѣтъ. Топъ. Тапъ. Типъ.—Кончено. Прошло. Свершилось.

По всему моему тѣлу пробѣжала дрожь. Тяжелое отчаяніе овладѣло душой. Я почувствовалъ головокруженіе и неожиданную слабость, какъ будто вскрылась одна изъ моихъ артерій и эти падающія капли были каплями моей собственной крови.

Медленные шаги часового поравнялись съ моимъ окош-

комъ, гдѣ-то вдали раздался свистокъ локомотива, рѣзкій, пронзительный, одинокій,—это отвлекло меня. Я крѣпко зажалъ свои уши и немного успокоился. Прошло нѣсколько минутъ и, когда я отвелъ руки отъ головы, за окномъ попрежнему стучали тѣже ужасныя капли, холодно и однозвучно отчеканивая настойчивую ноту своего зловѣщаго сказанія. Я еще яснѣе прежняго почувствовалъ все ужасное значеніе для меня этихъ простыхъ внѣшнихъ звуковъ... Должно быть, пошелъ мелкій дождь, потому что капли съ крыши стали падать чаще. Ощущеніе ихъ ускореннаго паденія еще тѣснѣе слилось съ чувствомъ полета моего времени, перешло въ такое напряженное состояніе, что, казалось, я самъ, всею своей тяжестью, сорвался съ какой-то головокружительной высоты и несусь въ темнотѣ съ неимовѣрной быстротой, съ замирающимъ отъ ужаса сердцемъ. Это состояніе продолжалось всего одинъ короткій мигъ—сколько длится ощущеніе укола—но я былъ потрясенъ окончательно. Холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Что-то непоправимое совершилось въ моей жизни.

Тяжелая усталость и продолжительное душевное напряженіе притупили, наконецъ, мои мысли и чувства, ранняя трудовая жизнь, надвигаясь волнами возрастающаго шума, снова закипѣла вдали—и я впалъ въ сумрачную дремоту.

Когда я проснулся, чувство тяжелаго недомоганія сковывало всякое мое движеніе. Полоса яркаго солнечнаго свѣта протянулась черезъ мою комнату, но я уже не испыталъ обычной радости. Вмѣсто того, чтобы броситься къ лучамъ и грѣться, какъ я дѣлалъ это всегда, я безучастно стоялъ въ сторонѣ, собираясь съ какими-то непріятными мыслями. Все мое состояніе было состояніемъ человѣка, неожиданно попавшаго подъ власть новыхъ условій жизни и совершенно не знающаго, какъ ему быть. На первыхъ порахъ я былъ увѣренъ, что все пережитое мною въ эту злополучную ночь—ничто иное, какъ простая игра болѣзненнаго воспріятія, переутомленныхъ нервовъ. Но во всемъ существѣ моемъ, въ пережи-

ваніи того немногаго, что поступало въ душу извнѣ, глубоко чувствовалось присутствіе чего-то необычнаго. Какая-то тѣнь неотступно стояла за моей спиной и набрасывала на мои мысли и чувства свою печальную окраску. Къ моему и безъ того уже сведенному въ тѣсное кольцо существованію близилось еще новое, горькое, ограниченіе.

Не въ силахъ привести себя въ какую бы то ни было ясность, я прислонился къ стѣнѣ и сталъ смотрѣть въ клочекъ пространства, который открывался изъ моего окошка... Нѣсколько влажныхъ сѣрыхъ крышъ... Тамъ, дальше, пять вѣчно дымящихъ фабричныхъ трубъ... Десятка полтора воронъ и голубей въ воздухѣ... Все, какъ вчера, какъ всегда... Это созерцаніе обыкновенно сопровождалось у меня отрывочными воспоминаніями и мечтами о томъ живомъ будущемъ, когда я опять буду дышать святымъ воздухомъ позабытой свободы. За черной полосой моей неволи ярко рисовалась мнѣ всегда новая могучая жизнь, полная ликованія и порывовъ, но въ это утро образы будущаго плохо удавались воображенію. Я почувствовалъ, что къ планамъ, къ начинаніямъ жизни, ко всему тому, что составляетъ человѣческую заботу о завтрашнемъ днѣ, въ моей душѣ уже не было прежняго довѣрія. Вмѣсто недавнихъ грезъ о какой-то кипучей дѣятельности, о свѣтломъ, благодатномъ трудѣ, мерещилась теперь другая жизнь, маленькая и неприглядная, безъ какихъ бы то ни было ясныхъ желаній и требованій..

Но главное было то, что ни грезы, ни воспоминанія совершенно не заполняли наросшей душевной пустоты, какъ будто мое прошедшее и будущее вдругъ потеряли всякую цѣну для меня.

Пустота все расширялась и расширялась, пока я не убѣдился, наконецъ, что въ каждое мгновеніе, безостановочно, спускаюсь по крутому откосу—въ область давящей предсмертной тоски. Мною вдругъ овладѣло непонятное волненіе, а вмѣстѣ съ этимъ рѣзко, до мельчайшихъ подробностей, вспомнилась послѣдняя ночь, съ ея темнотой и съ ея

расчисленно-падающими каплями. Отсутствіе звука не позволяло воспоминанію перейти въ ощущеніе, но за-то оно вызвало во мнѣ цѣлый рядъ достаточно важныхъ мыслей. Послѣ нѣсколькихъ сопоставленій я убѣдился, что паденіемъ этихъ капель можетъ быть опредѣленъ—такъ сказать, обнаруженъ осязательно — неудержимый переходъ къ минувшему всего существующаго. Я отчетливо представлялъ себѣ, какъ вся жизнь несется къ своему концу подъ стукъ нѣсколькихъ частицъ воды, которыя падаютъ гдѣ-нибудь съ крыши или съ одного древеснаго листа на другой, съ мѣрностью неугомоннаго маятника твердя о сокращеніи остающихся часовъ, опредѣляя роковую поступательность жизни во всемъ, глухо выбивая одинъ и тотъ же мигъ частичнаго или же окончательнаго завершенія и большому и малому, и мертвому и живому...

Всѣ эти мысли имѣли для меня значительную ясность, конечный выводъ изъ нихъ—для себя—я глубоко чувствовалъ и порядочно успокоился. Но только я сталъ переходить къ какимъ-то пустякамъ, впадать въ беззаботное равнодушіе, какъ гдѣ-то по близости удары большого церковнаго колокола застонали надъ пространствомъ и разсѣяли обнимавшую меня тишину.

Это зловѣщее, вихремъ уносящееся въ даль, пѣніе сразу показалось мнѣ знакомымъ. Не какъ звукъ, а какъ нѣчто, осязательнымъ образомъ подтверждающее мои недавнія отвлеченныя мысли, мое внутреннее убѣжденіе. Все существо мое превратилось въ слухъ, воспріятіе имъ міра удесятерилось, и я опять услышалъ громовый, потрясающій душу отсчетъ мгновеній. Опять уносилъ меня чудовищный водопадъ, не давалъ мнѣ возможности ухватиться за что-нибудь, остановиться, опомниться отъ ужаса, отдохнуть. Колоколъ твердилъ мнѣ ту же самую истину, что и эти ночныя капли, только безконечно настойчивѣе, еще убѣдительнѣе, еще печальнѣе. Что-то равное каждому изъ этихъ умирающихъ криковъ уносилось изъ меня, отрывалось отъ души, заставляло меня дрожать.

Я мучительно съежился. Два безпощадныхъ демона тяжелыми молотами ударяли — одинъ въ мѣдное тѣло колокола, другой—въ мою сдавленную грудь. Наконецъ, колоколъ замолчалъ. Въ его послѣднемъ крикѣ мнѣ послышалось такое отчаяніе, столько живой боли, вся мука *послѣдняго, рѣшительнаго удара*, что я почти лишился чувствъ. Казалось бы, вся моя жизнь должна была вылиться изъ меня, какъ вода изъ опрокинутой чаши...

Съ этой минуты все кончилось. Роковая черта была перейдена. Сознаніе мутилось. Отчаяніе переходило въ горячку.

До этой ночи и до этого дня я сознавалъ и чувствовалъ, что здѣсь, въ тюрьмѣ, моя жизнь только остановилась, что, несмотря на томительный уходъ моихъ дней, мое существо, благодаря своей живучести, сохранитъ всю свою цѣлость, и я уйду изъ этого душнаго гроба тѣмъ же, чѣмъ вошелъ, — съ прежнею наличностью возможностей и силъ. Впредь эти мечты были уже безцѣльны. Я нашелъ бы въ себѣ достаточно силы снести безъ ущерба ужасы самыхъ безчеловѣчныхъ пытокъ, но вотъ налетѣло негаданное горе, предъ которымъ человѣкъ беззащитенъ! О, проклятыя капли! О, убійственная тишина непроглядной ночи!..

Прошло еще много безцѣльныхъ дней, темныхъ, томительныхъ ночей; мнѣ иногда удавалось отвлечься отъ своей идеи, но податливость душевному состоянію, вызванному паденіемъ капель въ эту непоправимую ночь, вкоренялась все глубже и глубже. Порою за моимъ окномъ—и дальше, за тюремной оградой—устанавливалась удивительная тишина. Не слыша ни малѣйшаго звука, я не чувствовалъ ухода времени, теченія жизни, и начиналъ отдыхать. Иногда тишина по нѣсколько часовъ стояла кругомъ, нарушалась какимъ-нибудь отдѣльнымъ, *не повторяющимся*, звукомъ—и я готовъ былъ вѣрить въ воскресеніе въ прежнюю жизнь. Но только эта вѣра на-

чинала согрѣвать и оживлять меня, какъ опять какой-нибудь звукъ раздавался въ тишинѣ, за нимъ другой, а тамъ и третій, и все мое спокойствіе кончалось. Опять все начинало сползать съ своихъ устоевъ, сначала медленно, потомъ все быстрѣе—сообразно съ тѣмъ, какъ ужасъ усиливался въ душѣ. Опять я уносился къ какой-то глубинѣ, подхваченный лавиной. То голубь заворкуетъ на солнышкѣ, гдѣ-нибудь по близости, то ночной вѣтеръ завизжитъ флюгеромъ на тюремной трубѣ или затрещитъ сверчокъ въ щели,—и вспыхнетъ отчаяніе и пойдетъ замирать сердце, все больнѣе и больнѣе съ каждымъ днемъ. Угомонится одно—и мучительно, цѣпенѣя отъ ожиданія, ждешь чего-нибудь другого. И при каждомъ новомъ звукѣ, налетѣвшемъ послѣ болѣе или менѣе продолжительной тишины, ужасаешься и вздрагиваешь, какъ больной, который почувствовалъ неожиданные приступы унявшейся на время неизлѣчимой болѣзни.

Наступило время самой ужасной изъ пытокъ, какія когда-либо мучили человѣческую душу, а средства облегчить ее не предвидѣлось. Чтобы ничего не слышать, я разжевывалъ куски своего хлѣба и затыкалъ имъ уши. Плохая защита! Преслѣдуемый все однимъ и тѣмъ же воспоминаніемъ, все одною и той же мыслью, я замѣтилъ, что разрушительную работу звуковъ взяли теперь на себя мои собственныя движенія.

Я бродилъ по камерѣ и ясно чувствовалъ, что каждый свой шагъ я совершаю уже въ другую секунду времени, нежели предыдущій, что съ каждымъ изъ нихъ я все ближе и ближе подхожу къ своему концу, къ неразгаданному предѣлу жизни.

Я моргалъ глазами и ясно ощущалъ, что съ каждымъ смыканіемъ моихъ вѣкъ кончается одна пора и начинается другая, что чѣмъ дольше я моргаю, тѣмъ больше мгновеній прибавляется къ прошедшему, тѣмъ короче становится мое будущее, тѣмъ рѣзче нарушается равновѣсіе моихъ дней.

Эти мысли и ощущенія повторялись на тысячу ладовъ въ чудовищныхъ кошмарахъ моего сна, которые были мучительнѣе всѣхъ ужасовъ человѣческой дѣйствительности.

Такими-то новыми внѣшними поводами къ отчаянію осложнилось мое существованіе, но я все-таки могъ не двигаться, держать глаза закрытыми и этимъ спастись отъ пытки. Самое ужасное было еще впереди. Немного забывшись, я какъ-то лежалъ на своей койкѣ и совершенно невольно сталъ слѣдить за мѣрностью своего дыханія. Не прошло десяти секундъ, какъ знакомое ощущеніе сдавило мое сердце небывалой тяжестью. Я опять почувствовалъ, что каждый мой вздохъ поднимаетъ мою грудь уже въ новый моментъ времени, что, испуская его, я выдуваю изъ себя часть своей жизни, часть своего будущаго, часть своего *здѣшняго* существа. Замѣтивъ это, я сталъ ослабѣвать, какъ будто все это было матеріальнымъ фактомъ. Я холодѣлъ отъ ужаса при мысли, что это будетъ повторяться въ каждое слѣдующее мгновеніе, ровно столько разъ, сколько еще оставалось вздоховъ для моей бѣдной груди. Въ отчаяніи я задерживалъ дыханіе, не дышалъ до удушья, но какъ мое дыханіе должно же было, наконецъ, вырваться изъ груди и безслѣдно развѣяться, такъ и мнѣ необходимо было отдавать по частямъ все время, всѣ свои силы и надежды—тому роковому, что неумолимо стояло передо мной съ широко-раскрытой пастью. Безвыходный кругъ сомкнулся окончательно. Я уже лежалъ на самомъ днѣ пропасти. Всѣ явленія громаднаго міра ополчились на одно маленькое, беззащитное существо! Въ каждое мгновеніе, при каждомъ звукѣ, при каждомъ собственномъ движеніи, при каждомъ собственномъ вздохѣ—одно убійственное утвержденіе: Прошло. Кончено. Свершилось.

Силы совсѣмъ покинули меня. Сердце разрывалось отъ боли. О, одиночество приговореннаго къ смерти! Шумъ жизни раздавался за окошкомъ моего каземата звучными

ударами океаническаго прибоя, звалъ меня на свою радость, но въ отвѣтъ ему я только глубже дышалъ, только сильнѣе чувствовалъ въ груди разрушительную силу моего недуга. А я такъ жаждалъ жизни! Признавалъ за собою такое неоспоримое право на нее, ужъ, конечно, не меньшее, чѣмъ тѣ сотни милліоновъ подобныхъ мнѣ существъ, которыми кишитъ земля!..

Я сталъ впадать въ какую-то тяжелую дремоту и полное безпамятство. Оживая и приходя въ ясность ощущенія и сознанія, я чувствовалъ, что грузнымъ обломкомъ дерева несусь по теченію рѣки, во время душевнаго оцѣпенѣнія останавливаюсь на отмели, а тамъ опять движеніе, опять дальше—изъ водоворота въ водоворотъ — все ближе къ скрытому въ туманѣ устью... Боже, поскорѣй бы!..

Я пересталъ принимать пищу. Врачъ нашелъ меня очень больнымъ. Сегодня перевели меня въ тюремную больницу...

Переходя черезъ дворъ и черезъ садъ, я впервые послѣ многихъ лѣтъ соприкоснулся съ атмосферой свободы. Меня окружала поздняя осень. Она заговорила со мной зловѣщимъ протяжнымъ шорохомъ своего вѣтра. Въ звукѣ моихъ шаговъ по мерзлой землѣ, въ стукѣ колесъ по ту сторону ограды, въ дребезжаньи тюремныхъ оконъ слышалось что-то мертвенно-гулкое, надтреснуто-звонкое, какъ будто пространство было пронизано невидимою сѣтью упругихъ струнъ, которыя ворчливо гудятъ отъ малѣйшаго прикосновенія. Вѣтеръ поднялъ съ земли вихрь сухихъ листьевъ, они потекли впереди меня по дорожкѣ шелестящей струей. Въ отдаленномъ углу тюремнаго двора, побрякивая цѣпями, мелькнула вереница арестантовъ, около дюжины сѣрыхъ привидѣній, угрюмо переступающихъ на каждомъ шагу черезъ порогъ все болѣе и болѣе сумрачной пустоты. Мнѣ позволили немного остановиться. Солнце стояло еще достаточно теплое, но это тепло согрѣвало меня какъ-то поверхностно, не отражалось внутри организма хотя бы

малѣйшей оживляющей искрой. Небесная синева казалась холодной и ужасно далекой. Да и все въ мірѣ было далеко и чуждо, совершенно непонятно для меня. Въ глубинѣ души лежало сознаніе окончательной отжитости и завершенія, какъ въ этихъ обнаженныхъ деревьяхъ, какъ въ стебелькахъ пожелтѣвшихъ травъ, какъ въ этихъ сухихъ листьяхъ, которые кружились вокругъ моихъ ногъ...

Вотъ я уже — полуживой... Предчувствіе смерти нѣсколько успокаиваетъ душу. Все—же, какая безконечная пустота! Мозгъ словно сгустился въ какую-то тяжелую массу... сдавленъ свинцовымъ кольцомъ. Хочется вспомнить о чемъ-то... Нужно что-то знать... Но ни образу ни мысли уже нельзя зародиться... Смеркается... Какая-то трясина медленно, но властно поглощаетъ меня...

За окномъ и сейчасъ ночь, такая же унылая, какъ *тогда*. Опять одинокія капли печально стучатъ въ темнотѣ... падаютъ и падаютъ наперерывъ, внятно и торопливо отмѣчаютъ бѣгъ моихъ послѣднихъ мгновеній, но сегодня я радуюсь ихъ убійственному звуку: онъ обѣщаетъ мнѣ близость освобождающей смерти. Ужъ скоро, скоро!..

Ю. Балтрушайтисъ.

СТИХИ

Твоей привѣтливой щедротой
Свободы въ память золотой,
Блестя рѣзьбой и позолотой,
Іюльскій столбъ передо мной.

И только понялъ я: свободной
Игрушкѣ мѣсто на землѣ,
Не тамъ на площади народной,
А здѣсь на письменномъ столѣ.

А. Фетъ.

РОДОДЕНДРОНЪ

Рододендронъ! Рододендронъ!
Пышный цвѣтъ оранжереи
Какъ хорошъ и какъ наряденъ
Ты въ рукахъ вертлявой феи
Рододендронъ! Рододендронъ!

Рододендронъ! Рододендронъ!
Но въ рукахъ вертлявой феи
Хороши не только розы,
Хороши большіе томы
И поэзіи и прозы!
Рододендронъ! Рододендронъ!

Рододендронъ! Рододендронъ!
Хороши и всѣ нападки
На поэтовъ, объявленья,
Хороши и опечатки,
Хороши и прибавленья!
Рододендронъ! Рододендронъ!

А. Фетъ.

ДУМЫ

Зоветъ насъ жизнь: идемъ, мужаясь, всѣ мы.
Но въ краткій часъ, гдѣ стихнетъ громъ невзгодъ,
И страсти спятъ, и споры сердца нѣмы,—
Дохнетъ душа среди мірскихъ заботъ,
И вдругъ мелькнутъ далекіе Эдемы,
И думы власть опять свое берутъ.

Остановясь горы на половинѣ,
Пришлецъ порой кругомъ бросаетъ взглядъ:
За нимъ цвѣты и майскій день въ долинѣ,
А передъ нимъ гранитъ и зимній хладъ.
Какъ онъ, впередъ гляжу я рѣже нынѣ
И болѣе гляжу уже назадъ.

Тамъ много есть, чего не встрѣтить снова,
Прелестна тамъ и радость и бѣда,
Тамъ много есть, любимаго, святого,
Разбитаго судьбою навсегда!
Ужели все душа забыть готова?
Ужели все проходитъ безъ слѣда?

Ужель вы мнѣ, безжизненныя тѣни,
Вы, взявшія съ меня въ моей веснѣ
Дань жаркихъ слезъ и горестныхъ борeній,
Погибшія! ужель вы чужды мнѣ?
И помнитесь среди сердечной лѣни
Лишь изрѣдка и темно, какъ во снѣ?

Ты, съ коей я простилася, рыдая,
Чей путь избралъ безжалостно Творецъ,
Святой любви поборница младая,
Ты приняла терновый свой вѣнецъ.
И скрыла глушь убійственнаго края
И подвигъ твой, и грустный твой конецъ.

И тамъ, гдѣ ты несла свои страданья,
Гдѣ гасла ты въ несказанной тоскѣ,
Ужъ, можетъ, нѣтъ въ сердцахъ воспоминанья,
Нѣтъ имени на гробовой доскѣ.
Прошли года, и вижу безъ вниманья
Твое кольцо я на своей рукѣ.

А какъ съ тобой разсталася тогда я,
Сдавалось мнѣ, что я другихъ сильнѣй,
Что я могу любить, не забывая,
И двадцать лѣтъ грустить, какъ двадцать дней...
И тѣнь встаетъ передо мной другая
Печальнѣе, быть можетъ, и твоей.

Безвѣстная, далекая могила!
И надъ тобой промчалися лѣта,
А въ снахъ моихъ та жъ пагубная сила,
Въ моихъ борьбахъ та жъ грустная тщета.
И какъ тебя, дитя, она убила,
Убьетъ меня безумная мечта.

Въ ночной тиши онъ кончилъ жизнь печали,—
О смерти той не мнѣ бы забывать,
Въ ту ночь два-три страдальца окружали
Отжившаго изгнанника кровать!
Смолкъ вздохъ его, разгаданный едва ли,
А тамъ ждала и родина, и мать.

Ты молодъ слегъ подъ тяжкой дланью рока!
Восторгъ святой еще въ тебѣ кипѣлъ,
Въ грядущей мглѣ твой взоръ искалъ далеко
Благихъ путей и долговѣчныхъ дѣлъ.
Созрѣлыхъ лѣтъ жестокаго урока
Ты не узналъ; — блаженъ же твой удѣлъ!

Блаженъ! хоть ты сомкнулъ въ изгнаньи вѣжды!
Къ мѣтѣ одной ты шелъ, неколебимъ,
Такъ, крестъ пріявъ на бранныя одежды,
Шли рыцари въ святой Ерусалимъ.
Ударилъ громъ, въ прахъ пала цѣль надежды,—
Но прежде палъ дорогой пилигримъ.

Еще другой! Сердечная тревога,
Какъ чутко спишь ты! — да, еще другой!
Чайльдъ-Гарольдъ правъ. Увы, ихъ слишкомъ много,
Хоть ихъ и всѣхъ такъ мало! — но порой
Кто не подвелъ тяжелаго итога,
И не поникъ, блѣднѣя, головой?

Не одного мы погребли поэта!
Судьба у насъ ихъ губитъ въ цвѣтѣ дней.
Онъ первый палъ; — вѣсть памятна мнѣ эта!
И раздалась другая вслѣдъ за ней.
Удаченъ вновь былъ выстрѣлъ пистолета.—
Но смерть *твоя* мнѣ въ грудь легла больнѣй.

И неужель, любимецъ вдохновеній,
Исчезнувшій, какъ легкій призракъ сна,
Тебѣ, скорбя, своихъ поминовеній
Не принесла родная сторона?
И мнѣ пришлось тебя назвать, Евгеній,
И дань стиха я дамъ тебѣ одна?

Возьми жъ ее ты въ этотъ часъ завѣтный,
Возьми жъ ее, когда молчатъ они.
Увы! зачѣмъ блестятъ сквозь мракъ безцвѣтный
Бывалыхъ чувствъ блудящіе огни?
Зачѣмъ порывъ и немощный и тщетный?
Кто вызвалъ васъ, мои младые дни?

Что, блѣдный ликъ, вперяешь издалека
И ты въ меня свой неподвижный взоръ?
Спокойна я; шли годы безъ намека;
Къ чему ты здѣсь, ушедшій съ давнихъ поръ?
Оставь меня! — бѣлѣетъ день съ востока,
Пусть призраковъ изчезнетъ грустный хоръ.

Бѣлѣетъ день, звѣздъ гаситъ рой алмазный,
Зоветъ къ труду и требуетъ дѣла.
Пора свершать свой путь однообразный,
И все забыть, что жизнь превозмогла,
И отрезвѣть отъ хмеля думы праздной,
И слѣдъ мечты опять стряхнуть съ чела.

К. Павлова.

Гиреево, іюль 1846.

ОТОДВИГАНЬЕ СМЕРТИ

День прошелъ въ свободномъ славословьи,
Окна улицѣ въ снѣгахъ я вскрылъ,
Много было добраго, восторга и здоровья,
И себя я искренно, хоть первый мигъ, любилъ.
Ахъ! о томъ больное безпокойство,
Все ли сдѣлано руками и умомъ?
Не забыты ли вершинъ послѣднихъ свойства?
Кто ровняется осанкой иль лицомъ?
Такъ къ концу, предъ ужасомъ, недавность вспоминаю,
Но безсмысленно въ вещахъ указыванье въ ночь иль тѣнь.
И привычно-грозной пустоты не замѣчаю,
Въ бездну палъ давно, давно не воскресаю,
А отвѣтъ пойму не въ этотъ, въ разсужденья день!

А. Добролюбовъ.

ПОДЪ МУЗЫКУ ОСЕННЯГО ДОЖДЯ

Темно, темно!.. На улицѣ пустынно...
Подъ музыку осенняго дождя,
Иду во тьмѣ... Таинственно и длинно
Путь стелется, къ теплу огней ведя.

Въ умѣ моемъ рождаются картины
Одна другой прекраснѣй и свѣтлѣй...
На небѣ тьма, а солнце жжетъ долины,
И солнце то взошло въ душѣ моей!

Пустынно все,—но тамъ журчатъ потоки,
Гдѣ я иду незримою тропой;
Они въ душѣ родились одиноки,
И сердца струнъ въ нихъ слышится прибой.

Не сами ль мы своимъ воображеньемъ
Жизнь создаемъ, къ безсмертію идя,
И міръ зовемъ волшебнымъ сновидѣньемъ
Подъ музыку осенняго дождя!..

1900 г. Октябрь.

ГРѢШНИЦА

Я такъ разстроена, я такъ разслаблена...
Ночь вся полна ароматной мечтой.
Смотритъ въ окно мое бѣлая яблоня,
Съ вѣтромъ цѣлуясь дрожащей листвой.

Будто подъ бѣлой фатою, несмѣлыя
Звѣзды мнѣ съ неба мерцаютъ едва...
Руки мои опустилися бѣлыя,
Въ мертвомъ молчаніи гаснутъ слова.

Нѣтъ ни молитвъ, ни слезы покаянія.
Чуждая міру—чужда небесамъ...
Можешь ли вымолить мнѣ оправданіе?
За оправданіе сердце отдамъ!

К. Фофановъ.

Гатчина, 1900 г. Октябрь.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ

I

Смотритъ тучка въ вешній ледъ,
Ледъ ея сіянье пьетъ.
Таетъ тучка въ небесахъ,
Таетъ льдина на волнахъ.

Обликъ тающій вдвойнѣ,
И на небѣ и въ волнѣ,—
Это я и это ты,
Оба — таянье мечты.

II

Упала молнія въ ручей.
Вода не стала горячѣй.
А что ручей до дна пронзенъ,
Сквозь шелестъ струй не слышитъ онъ.

Зато и молніи струя,
Упавъ, лишилась бытія.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.

К. Случевскій.

КОСТРЫ

Да, и жгучіе костры —
Это только сонъ игры.
Мы играемъ въ палачей.
Чей же проигрышъ? Ничей.

Мы мѣняемся всегда.
Нынче «нѣтъ», а завтра «да».
Нынче я, а завтра ты.
Все во имя красоты.

Каждый звукъ — условный крикъ.
Есть у каждаго двойникъ.
Каждый тамъ глядитъ какъ духъ.
Здѣсь тѣлесно грезитъ вслухъ.

И пока мы здѣсь дрожимъ,
Міръ всемірный нерушимъ.
Но въ желанья глянутъ внизъ
Всѣ верховные сошлись.

Каждый любитъ, тѣнь любя,
Видѣть въ зеркалѣ себя.
И сплетенье всѣхъ въ одно
Глубиной повторено.

Но во имя глубины
Мы страдаемъ, видя сны.
Всѣ мы здѣсь, наоборотъ,
Повторяемъ небосводъ.

Свѣтъ оттуда — здѣсь какъ тѣнь,
День — какъ ночь, и ночь — какъ день.
Вѣчный творческій восторгъ
Этотъ міръ, какъ крикъ, исторгъ.

Міръ страданьемъ освященъ.
Жги меня, и будь сожженъ.
Нынче я, а завтра ты.
Все во имя красоты.—

ТАЙНА ГОРБУНА

Ты, конечно, проходилъ
По обширнымъ городамъ.
Много мраковъ и свѣтилъ,
Много разныхъ чудищъ тамъ.

Поглядишь и тамъ и тутъ,
Видишь полчища людей.
Цѣлый міръ въ любомъ замкнутъ,
Міръ обмановъ и затѣй.

Почему у горбуна
Такъ насмѣшливо лицо?
Въ этомъ домѣ два окна,
Есть въ немъ дверь, и есть крыльцо

Что жъ, войдемъ и поглядимъ,
Въ этомъ скрыто что-нибудь.
Если мы душою съ нимъ,
Онъ не можетъ дверь замкнуть.

Мы заходимъ въ темный ходъ,
Видны знаки по стѣнамъ,
Опрокинутъ небосводъ,
И немножко жутко намъ.

Умъ нашъ новостью смущенъ,
Искаженность манитъ насъ.
Здѣсь нежданный свѣтъ зажженъ,
Постоянный свѣтъ погасъ.

Кто вошелъ въ такой уютъ,
Къ Сатанѣ онъ бросилъ взглядъ.
Въ этой храминѣ поютъ,
И, какъ въ храмѣ, здѣсь кадятъ.

Кверху поднятымъ лицомъ
Примешь небо и весну.
Спину выгнувши кольцомъ,
Встрѣтишь мракъ и глубину.

И невольно душитъ смѣхъ,
И ликуешь какъ змѣя,
Оттого что тайный грѣхъ
Оттѣненье бытія.

Оттого у горбуна
И насмѣшливо лицо:
Эта странная спина
Сатанинское кольцо!

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

I

ИСПАНСКІЙ ЦВѢТОКЪ.

Я вижу Толедо,
Я вижу Мадридъ.
О, бѣлая Леда! Твой блескъ и побѣда
Различнымъ сіяньемъ горитъ!

Крылатымъ и смѣлымъ
Былъ тотъ, кто влюбленъ.
И бѣлый на бѣломъ, ликующимъ тѣломъ,
Онъ бросилъ въ столѣтья свой сонъ.

Иныя есть птицы,
Иные есть сны.
Я вижу бойницы, въ нихъ гордость орлицы,
Въ нихъ пышность сѣдой старины.

Застыли громады
Оконченныхъ сновъ.
И сумрачно рады руины Гранады
Губительной силѣ вѣковъ.

Здѣсь дерзость желанья
Не гаснетъ ни въ чемъ.
Вездѣ изваянья былого вліянья,
Крещенья огнемъ и мечомъ.

О, строгіе лики
Умѣвшихъ любить!
Вы смутно-велики, красивы и дики,
Вы поняли слово — убить.

Я васъ не забуду,
Я съ вами вездѣ.
Жестокому чуду я вѣрнымъ пребуду,
Я преданъ испанской звѣздѣ!

II

NECESSITAS.

Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать,
Быть внѣшнимъ и жестокимъ, быть нѣжнымъ безъ конца,
И всѣхъ манить волненьемъ красиваго лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:
Мы всѣ стремимся къ Богу, мы тянемся къ Нему,
Но Богъ всегда уходитъ, всегда къ себѣ маня,
И хочетъ мглы — за свѣтомъ, и послѣ ночи — дня.

Всегда разнообразныхъ, Онъ хочетъ новыхъ сновъ,
Хотя бы безобразныхъ, мучительныхъ міровъ,
Но только полныхъ жизни, бросающихъ свой крикъ,
И гаснущихъ покорно, создавши новый мигъ.

И маятникъ всемірный, незримый для очей,
Ведетъ по лабиринту разсвѣтовъ и ночей.
И сонмы звѣздъ несутся по страшному пути.
И Богъ всегда уходитъ. И мы должны идти.

III

ВЕЛА́СКЕСЪ.

Вела́скесъ, Вела́скесъ, единственный геній,
Сумѣвшій таинственнымъ сдѣлать простое,
Какъ властно надъ сонмомъ твоихъ сновидѣній
Безмолвствуетъ солнце, всегда — молодое!
Съ какимъ униженьемъ, и съ болью, и въ страхѣ,
Тобою — безсмертные, смотрятъ шуты,—
Какъ странно бѣлѣютъ согбенныя пряхи,
Въ величьи рабочей своей красоты!

И этотъ Распятый, надъ всѣми Христами
Вознесшійся тѣломъ утонченно-блѣднымъ,
И длинныя копья, что встали рядами
Надъ браннымъ героемъ, смиренно-побѣднымъ!
И эти инфанты, съ Филиппомъ Четвертымъ,
Такъ чувственно-яркимъ поэтомъ-царемъ,—
Во всемъ этомъ блескѣ, для насъ распростертомъ,
Мы пыль золотую, какъ пчелы, беремъ.

Мы черпаемъ силу для нашихъ созданій
Въ живомъ родникѣ, не изсякшемъ донынѣ,
И въ силѣ рожденныхъ тобой очертаній
Привѣтствуемъ пышный оазисъ въ пустынѣ.
Мы такъ и не знаемъ, какою же властью
Ты былъ—и оазисъ, и вмѣстѣ миражъ,—
Судьбой ли, мечтой ли, умомъ, или страстью,
Ты вѣчно — прошедшій, грядущій, и нашъ!

IV

ИГРАЮЩЕЙ ВЪ ИГРЫ ЛЮБОВНЫЯ.

Есть поцѣлуи — какъ сны свободные,
Блаженно-яркіе — до изступленія.
Есть поцѣлуи — какъ снѣгъ холодные.
Есть поцѣлуи — какъ оскорбленіе.

О, поцѣлуи — насильно данные,
О, поцѣлуи — во имя мщенія!
Какіе жгучіе, какіе странные,
Съ ихъ вспышкой счастія и отвращенія!

Бѣги же съ трепетомъ отъ изступленности,—
Нѣтъ мѣры снамъ моимъ, и нѣтъ названія!
Я силенъ — волею моей влюбленности,
Я силенъ дерзостью — негодованія!

ГИМНЪ ОГНЮ

I

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящій, живой!

II

Безшумный въ мерцаньи церковной свѣчи,
Многошумный въ пожарѣ,
Глухой для мольбы, многоликій,
Многоцвѣтный при гибели зданій,
Проворный, веселый, и страстный,—
Такъ побѣдно-прекрасный,
Что когда онъ сжигаетъ мое,
Не могу я не видѣть его красоты,—
О, красивый огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты!

III

Ты мѣняешься вѣчно,
Ты всюду — другой.
Ты красный и дымный
Въ клокотаньи костра.
Ты—какъ страшный цвѣтокъ съ лепестками изъ пламени.
Ты—какъ вставшіе дыбомъ блестящіе волосы.
Ты трепещешь какъ желтое пламя свѣчи
Съ его голубымъ основаньемъ.
Ты являешься въ быстромъ сіяньи зарницъ.
Ты, застывши, горишь въ грозовыхъ облакахъ,
Фіолетовыхъ, аспидно-синихъ.
Ты средь шума громовъ и напѣва дождей
Возникаешь невѣрностью молній,
То изломомъ сверкнешь,
То сплошной полосой,
То какъ шаръ, окруженный сіяющимъ воздухомъ,
Золотой, огневой,
Съ перемѣнными красными пятнами.
Ты въ хрустальности звѣздъ, и въ порывѣ кометъ.

Ты отъ солнца идешь и какъ солнечный свѣтъ
Согрѣвательно входишь въ растенья,
И будя и мѣняя въ нихъ тайную влагу,
То засвѣтишься алой гвоздикой,
То зашепчешь какъ колосъ пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты какъ искра встаешь
Изъ глухой темноты.
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришелъ? Это ты!
Черезъ мигъ ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нѣтъ сильнѣй, нѣтъ страннѣй, нѣтъ свѣтлѣй красоты!

IV

Не устану тебя восхвалять,
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
На тебѣ расплавляютъ металлы.
Близь тебя создаютъ и куютъ,
Много тяжкихъ подковъ,
Много косъ легкозвонныхъ,
Чтобъ косить, чтобъ косить,
Много колецъ для пальцевъ лилейныхъ,
Много колецъ, чтобъ жизни сковать,
Чтобы въ нихъ, какъ въ цѣпяхъ, годы долгіе быть,
И устами остывшими слово «любить»
Повторять.
Много можешь ты странныхъ вещей создавать,
Полносложность орудій, чтобъ горы дробить,
Чтобы цѣнное золото въ безднахъ добыть,
И отточенный ножъ, чтобъ убить.

V

Вездѣсущій огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты,
Я такой же, какъ ты.
О, ты свѣтишь, ты грѣешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!
Въ старину ты какъ Змѣй прилеталъ безъ конца,
И невѣстъ похищалъ отъ вѣнца.
И какъ огненный гость, много разъ, въ старину,
Ты утѣшилъ чужую жену.
О, блестящій, о, жгучій, о, яростный!
Въ яркомъ пламени нѣсколько разныхъ слоевъ.
Ты горишь какъ багряный, какъ темный, какъ желтый,
Весь согрѣтый измѣнчивымъ золотомъ, праздникъ осенних листовъ.
Ты блестишь какъ двѣнадцатицвѣтный алмазъ,
Какъ кошачья ласкательность женскихъ влюбляющихъ глазъ,
Какъ восторгъ изумрудный волны океана,
Въ тотъ мигъ какъ она преломляется,
Какъ весенній листокъ, на которомъ росинка дрожитъ и качается,
Какъ дрожанье зеленой мечты свѣтляковъ,
Какъ мерцанье бродячихъ огней,
Какъ зажженные свѣтомъ вечернимъ края облаковъ,
Распростершихъ свой трауръ надъ ликомъ сожженныхъ и гаснущихъ дней.

VI

Я помню, огонь,
Какъ сжигалъ ты меня.
Межъ колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки огня.
Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
Сожигали за радость полночнаго шабаша,

Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
Былъ не страшенъ огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое, горящія зданія,
Гдѣ сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Межъ невѣрныхъ, невидящихъ, вѣрные, мы.
И при звукахъ молитвъ, съ изступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю силъ.
Я помню, огонь, я тебя полюбилъ.

VII

Я знаю, огонь,
И еще есть иное сіянье для насъ,
Что горитъ передъ взоромъ навѣки потухнувшихъ глазъ.
Въ немъ внезапное знанье, въ немъ ужасъ, восторгъ
Предъ безмѣрностью новыхъ глубокихъ пространствъ.
Для чего, изъ чего, кто ихъ взялъ, кто исторгъ,
Кто облекъ ихъ въ лучи многозвѣздныхъ убранствъ?
Я уйду за отвѣтомъ!
О, душа восходящей стихіи, стремящейся въ твердь,
Я хочу, чтобы бѣлымъ немеркнущимъ свѣтомъ
Засвѣтилась мнѣ — Смерть!

29 декабря 1900.

К. Бальмонтъ.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

I

Вѣсти объ отчизнѣ
Вѣрьте иль не вѣрьте,—
Есть весна у жизни,
Есть весна у смерти.

Если розы красны,
То купавы блѣдны.
Небеса безстрастны,
Мы же, люди, бѣдны.

Истина предстанетъ
Поздно или рано.
Здѣшнее обманетъ,—
Въ смерти нѣтъ обмана.

II

Онъ теменъ и суровъ,—и взоръ его очей,
Пугая чистыхъ дѣвъ и радостныхъ дѣтей,
Прельщаетъ зрѣлыхъ женъ, и отроковъ порочныхъ
Тревожитъ въ сонной мглѣ мечтаній полуночныхъ.

Въ очахъ его тоска, и блѣденъ цвѣтъ лица.
Потупитъ очи онъ,—похожъ на мертвеца.
Черты его лица смѣшны и безобразны,—
Но имъ волнуютъ женъ и отроковъ соблазны.

III

Не ужасай меня угрозой
Безумства, муки и труда,
Навѣкъ останься легкой грезой,
Не воплощайся никогда.

Храни безмѣрныя надежды,
Звѣздой далекою свѣтись,
Чтобъ наши грубыя одежды
Вокругъ тебя не обвились.

IV

Тамъ тишина съ мечтой сплеталась
Въ кругу безвѣтренныхъ березъ,
И безнадежность улыбалась
Толпѣ больныхъ и жалкихъ грезъ.

Хотѣло сердце — лицемѣрить,
И очи — слезы проливать,
И какъ-то странно было вѣрить,
И какъ-то страшно было ждать.

И все томительно молчало,—
Уже природа не жила,
И не стремилась, не дышала,
И не могла, и не была.

V

Если трудно мнѣ жить, если больно дышать,
Я въ пустыню иду, — о тебѣ помечтать,
О тебѣ разсказать перелетнымъ вѣтрамъ,
О тебѣ погадать по лѣснымъ голосамъ.

Я позвалъ бы тебя — не умѣю назвать;
За тобой бы послалъ — да не смѣю послать;
Я пошелъ бы къ тебѣ — да не знаю пути;
А и зналъ бы я путь — такъ боялся бъ итти.

Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забылъ, и сокрытаго жду,—
И безмолвная смерть поцѣлуетъ меня,
И къ тебѣ уведетъ, тишиной осѣня.

VI

Я любуюсь людской красотою,
Но не знаю, что стало бы съ ней,
Вдохновенной и нѣжной такою,
Безъ дыханія жизни моей.

Обращаю къ природѣ я взоры
И склоняю внимательный слухъ, —
Только мой вопрошающій духъ
Оживляетъ нѣмые просторы,—

И, всемірною жизнью дыша,
Я не знаю конца и предѣла:
Для природы моей — я душа,
И она мнѣ — послушное тѣло.

VII

Подымаю безсонные взоры,
И луну въ небеса вывожу,
Въ небесахъ зажигаю узоры,
И звѣздами изъ нихъ ворожу,

Насылаю безмолвные страхи
На раздолье лѣсовъ и полей,
И бужу безпокойные взмахи
Окрыленной угрозы моей.

Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьмѣ и тиши,
И цвѣту я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.

Ѳедоръ Сологубъ.

ЗАВѢТЪ ДЬЯВОЛА

(На мотивъ гримуара XV-го вѣка.)

«Chante le grimoire!»

Ты хочешь власти? — Будетъ власть.
Лишь надо кладъ тебѣ украсть.
Ты руку мертвую зажги —
И мертвымъ сномъ уснутъ враги.
Пока твой факелъ будетъ тлѣть,
Иди, обшарь чужую клѣть,
Для чародѣя нѣтъ преградъ, —
Пой гримуаръ — найдется кладъ!

Ты другомъ въ сердце уязвленъ?
Тебя страдать заставилъ онъ?
Ты плачешь кровью, потому —
Что отомстить нельзя ему?
Но Я съ тобой. Ночной порой
Ты книгу черную открой,
Для чародѣя нѣтъ заботъ,
Пой гримуаръ — твой другъ умретъ!

Жена чужая хороша?
О ней болитъ твоя душа?
Ты не заснешь, ты не запьешь
Ея плѣнительную ложь?
Но пусть другой скорбитъ о ней,
Влачитъ до гроба тягость дней,
Для чародѣя нѣтъ заботъ,
Пой гримуаръ — она придетъ!

ПѢСНЯ О ЗАМЕРЗШЕМЪ ОКНѢ

Грезитъ міромъ чудесъ,
Въ хрусталяхъ и въ огнѣ,
Очарованный лѣсъ
На замерзшемъ окнѣ.

Утра зимній пожаръ
Въ немъ нежданно зажегъ
Полный дѣвственныхъ чаръ
Драгоцѣнный чертогъ. —

И надъ жизнью нанесъ
Серебристый покровъ
Замерзающихъ грезъ,
Застывающихъ сновъ.

М. Лохвицкая.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

I

Проходятъ дни и сны земные, —
Кого ихъ бренность устрашитъ?
Но плачетъ сердце отъ обидъ,
И далеки сердца родныя.

И утѣшенья сердцу нѣтъ,
А сердце утѣшенья проситъ,
И холоденъ окружный свѣтъ,
И свѣтъ сіянья не приноситъ!

Такъ медленно идутъ они,
Какъ въ неживомъ круговращеньѣ,
Мои нерадостные дни
Въ мечтахъ, въ слезахъ, въ уединеньѣ...

Пусть ночи мчались бы скорѣй!
А дни давно неумолимы...
Ночные сны темнѣй, темнѣй
И жалятъ, жалятъ нестерпимо, —

Не жаломъ изменной змѣи,
Но сладостнымъ пчелинымъ жаломъ...
Такъ вьются сны, за снами — дни
Надъ сердцемъ слабымъ и усталымъ...

II

Въ степяхъ небесныхъ отдаленныхъ
Звѣзда восходитъ за звѣздой,
И по равнинѣ водъ безсонныхъ
Волна катится за волной.

И облака проходятъ мимо,
Несутъ зиму, несутъ весну,
Несется ль вихрь неодолимый,
Стремясь въ безвѣстную страну?

Восходитъ солнце и сіяетъ
Надъ океаномъ и землей.
Все въ мірѣ мѣрный кругъ свершаетъ —
И неживое, и живой.

Все торжествуетъ побѣдитель,
И побѣжденные молчатъ.
Всѣмъ суждена одна обитель,
Гдѣ всѣ мученья мирно спятъ;

Но всѣ предъ вѣчностью трепещутъ,
И всѣ страдаютъ до конца,
И въ тишинѣ намъ звѣзды блещутъ,
Какъ очи Вѣчнаго Отца.

Но не измѣнится — отъ вѣка
Опредѣленное навѣкъ,
И не предъ волей человѣка
Безсильно ропщетъ человѣкъ.

III

Земля пребываетъ во вѣки.

Все пройдетъ, что плотью было,
Все, что было, все, что жило,—
И опять родится плоть,
И взлелѣетъ вновь живую,
Сладострастную, земную
Жизнь единую Господь.

И на видимой пустынѣ
То же сѣмя, что и нынѣ,
Просвѣтленное взойдетъ
И, омытое дождями
И согрѣтое лучами,
Вновь взрастетъ и процвѣтетъ.

Снова звѣрь во тьмѣ возникнетъ,
Птица въ чащѣ лѣса крикнетъ,
Оживится бездна рѣкъ,
И за лѣсомъ въ отдаленьѣ —
Въ мирно сплоченномъ селеньѣ —
Возродится человѣкъ.

Онъ откроетъ тихо зрѣнье,
Напряжетъ печально слухъ
И въ немудромъ удивленьѣ
Просвѣтитъ свой слабый духъ,
И пойметъ произрастанье,
Жизни тайной явный ходъ,
И небесныхъ звѣздъ сіянье,
Отраженныхъ въ лонѣ водъ.

И, какъ прежде, солнце, встанетъ,
Путь пройдетъ и въ море канетъ
И опять во мглѣ взойдетъ,
И все то же повторится,
Все погибшее родится
И, родившись, вновь умретъ.

Все равно судьбой одною,
Одинаковъ жизни строй:
Нынѣ сокъ вкуси земной,
Чтобы слиться вновь съ землею
Вѣчно близкой и родной...

IV

Ты слышишь, какъ въ рѣкѣ холодной
Бѣжитъ незвучная вода,
Она бѣжитъ струей свободной
И не устанетъ никогда.

А мы вечернею порою,
Едва померкнетъ небосклонъ,
Отходимъ къ вѣчному покою
И въ тишину и мирный сонъ...

И усыпительно, и сладко
Поетъ незвучная вода,
Что сонъ ночной, что сумракъ краткій
Не навсегда, не навсегда...

V

Нѣтъ отреченья въ отреченьѣ,
Пока ты живъ — исхода нѣтъ:
Вокругъ все — мракъ и свѣтъ въ смѣшеньѣ,
Въ тебѣ раздѣльный мракъ и свѣтъ.

И за степями, за горами,
Гдѣ ужъ затерянъ слѣдъ людской,
Ты узришь жадными очами —
Что кинулъ здѣсь, въ семьѣ родной.

Въ безлюдьѣ нѣтъ уединенья:
Повсюду жизнь, повсюду Богъ!
Лишь сердцу, сердцу нѣтъ забвенья,
Отъ жизни въ жизни нѣтъ дорогъ!

Владиміръ Г. . . . . ъ.

Я твоя всѣмъ нетронутымъ тѣломъ,
Я твоя всей влюбленной душой,
Овладѣй мной рѣшеніемъ смѣлымъ,
Я хочу быть любима тобой.

Я съ тобою неслышно, незримо,
Гдѣ ты дышишь, тамъ жизнь моя.
Я хочу быть тобою любима.
О, мой другъ, я твоя, я твоя!

Зз.

ПЕРЕДЪ КЛѢТКОЙ ОБЕЗЬЯНЪ

(Сонетъ)

Природѣ суждена томительная ночь.
Напрасно бѣдный сонъ тревожитъ отблескъ горній —
Въ нѣмую глубь земли ушли нѣмые корни,
И граней тягостныхъ судьбы не превозмочь.

Тобой лишь, человѣкъ, прозрѣнье рождено.
Ты — вольный сынъ одинъ въ неволѣ міроздавья,
И робкихъ обезьянъ презрѣнное кривлянье,
Тобой смущенное, тобой вдохновлено.

Смотри, какой тоской томитъ порывъ безкрылый,
Какъ силой роковой подавленъ духъ унылый,
Смотри — и не страшись унынья своего:

Ты — царь еще... О, вѣрь судьбѣ неизъяснимой!
И въ зрѣлищѣ борьбы, въ чертахъ побѣды зримой
Учися постигать иное торжество.

1900 г.

П. Перцовъ.

ПАМЯТИ ВСТРѢЧИ

Орнаменты колоннъ голубыхъ,
Тигровъ спящихъ дыханье,
Дуновенье несбыточныхъ сновъ золотыхъ —
И рыданье.

О, сказки желанныя!
Цвѣты первозданные!
И сѣти для райскихъ птицъ...
О, души избранныя,
Счастливыя, странныя —
Вѣнцы для царей и царицъ.

Орнаменты колоннъ голубыхъ,
Тигровъ спящихъ дыханье,
Дуновенье несбыточныхъ сновъ золотыхъ —
И рыданье.

ANIMA SOLA

(Посвящаю *.*).

Дальняго острова башни туманныя,
Лепетъ зеленой волны,
Травы ползучія, благоуханныя,
Благоуханные сны.

Мертвой красавицы губы открытыя
— Слышится въ сердцѣ: прости! —
Вазы этрусскія, вазы разбитыя,
Сказка о млечномъ пути.

Страшныя рыбы на берегъ отлогій
Вышли въ полуночный часъ.
Катится по небу мѣсяцъ двурогій,
Катится внизъ — и погасъ...

Анастасія Мировичъ.

ГОРНЫЙ ДУХЪ

Я мрачный демонъ; въ безднахъ горъ
Забытъ я свѣтлыми богами...
Шуми, шуми, угрюмый боръ,
Подъ неподвижными снѣгами!
Я знаю истину одну:
Что рай нигдѣ мнѣ не обѣщанъ...
Ползи, ползи, звено къ звену,
За ночью ночь, какъ змѣй изъ трещинъ!

Но все жъ сквозь выступы скалы
Гляжу на свѣтъ я гордымъ взоромъ,
Не мнѣ смутить молчанье мглы
Въ безсильи дрогнувшимъ укоромъ.
Отраденъ вѣчности покой,
Застывшихъ сновъ очарованье...
О, дальше, дальше, міръ живой,
Гдѣ тусклы радость и страданье!

А. Курсинскій.

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

Звукамъ ночнымъ я тревожно внимаю:
Псовъ отдаленному, звонкому лаю...
Вѣтра печальнымъ напѣвамъ... И въ норахъ
Слышу мышей за обоями шорохъ.
Чу! пронеслися неясные звуки...
Что-то ломаютъ незримыя руки...
Вдругъ — порвалася струна у гитары...
Чу!... въ потолокъ и по стѣнамъ удары
Рѣзко въ пугливой тиши зазвучали...
Вотъ — до смущеннаго слуха домчали
Воздуха волны — старинныхъ часовъ
Бой похоронный... Людскихъ голосовъ,
Смутныхъ, подавленныхъ, носятся звуки...
И холодѣютъ недвижныя руки!
Встанешь — не встанешь... Идешь—не идешь...
Страшное — близко... Чудеснаго ждешь!

Черемуха зеленая,
Бѣлые цвѣты...
Подруженька далекая,
Гдѣ-то, люба, ты.

Подъ ивушкой кудрявою
Сиживали мы:
Отъ зорeньки алѣющей —
До глубокой тьмы!

И звенѣли, и гудѣли пчелы да шмели...
Мы съ тобою рѣчь о счастьи шопотомъ вели...
Колыхались и сверкали на вѣтвяхъ листы...
Вся дрожа, ко мнѣ, родная, приникала ты.

Черемуха зеленая,
Бѣлые цвѣты!
Къ прежней милой, позабытой,
Унеслись мечты!..

Левъ Жадановъ.

ОСЕННЕЕ

Мертвенно тусклыя тучи
Плачутъ дождемъ неустанно,
И заставляютъ забыть поневолѣ
Сердце о томъ, что когда-то
Были улыбки, и счастье,
И ясное небо.
Кажется:
Дождь этотъ шелъ безпрерывно
И будетъ итти до могилы моей

Холодно, вяло... И такъ же
Сѣрыя капли
Станутъ шуршать по вѣтвямъ обнаженнымъ,
Словно неотгонимая скука устало
Ползаетъ вкругъ на безчисленныхъ лапкахъ
И, обезумѣвши, шепчетъ
Однообразныя сказки о прошломъ,
Такомъ же унылом.

Хочешь забыться, заснуть.
Но въ дремотѣ кажется, —
Сердце заживо въ землю зарыли,
И глухо
О гробовую забитую крышку,
Сыплясь, стучится земля.

А. Ѳедоровъ.

ВЪ МАГИЧЕСКОМЪ КРУГѢ

Я раскрылъ потаенную дверь,
Я увидѣлъ покой огневой
И змѣемъ вѣнчанную, слабую дщерь,
Неразлучную съ мудрой совой.

Опершись на стальное копье,
Я стоялъ передъ нею — лучистъ;
Затуманилось сердце мое
Отъ сверкающихъ, звонкихъ монистъ.

И я ступилъ за порогъ,
Весь полонъ отваги живой,
Ступилъ какъ шумящій потокъ,
Чтобъ быть осѣненнымъ совой.

Но звонко разбилось копье
О копья незримыхъ враговъ—
И тѣло не знало мое,
Что съ вѣчности сорванъ покровъ.

ВЫЗОВЪ

Надо мной играла зарница,
Кругомъ непроглядная мгла,
А внизу дышала, жила,
Какъ звѣръ полусонный,— столица.

Вотъ къ небу кощунственно-гордо
Воззрилась мильонами глазъ,
И мнѣ голосъ послышался твердый,
Зовущій на битвенный часъ...
И камень я кинулъ въ пучину,
А въ откликъ стогласность громовъ —
Я понялъ, что чары содвину,
Нарушу теченье вѣковъ.

КЪ УЧИТЕЛЯМЪ

Стальныя, безбрежныя строки,
Вы холодомъ полны;
Волной ворвались вы широкой,
Во всемъ произвольны.

Случайно я встрѣтился съ вами,
Я васъ не искалъ.
Господь осѣнилъ васъ перстами
Для новыхъ началъ.

Душа моя васъ воспріяла
И съ вами въ молчаньи росла
И правдою вашей себя напитала
И выросла, — сильною стала! —

Ту силу, что далъ мнѣ на время,
О Боже, обратно прими:
Вѣдь мы осужденное племя,
Навѣки пребудемъ людьми.

А. Л. Мирополькій (А. Березинъ).

ОСЕННІЕ ГОЛОСА

I

По обширнымъ полямъ моихъ думъ,
По концамъ многолюдныхъ земель
Вѣялъ въ холодѣ дней моихъ хмель,
Затаенный въ тиши моей шумъ.

И всегда не хотѣлъ я людей.
Я любилъ безпристрастный обзоръ
Стѣнъ, высотъ и степныхъ областей,
Величавый, игривый узоръ.

Я на башни нѣмыя взиралъ,
Я внималъ грохотанью лавинъ
И средь сѣверныхъ явныхъ равнинъ
Я съ осеннимъ дыханьемъ игралъ.

Высока моя пѣснь, высока:
Такъ холодные токи плывутъ,
Легкій дымъ въ небесахъ, облака...
Ни страстей, ни унынія путъ!

Такъ по нивамъ житейскимъ лечу,
А порой укрываюсь во ржи.
О, дышать вновь и вновь я хочу:
Сказку, вѣтеръ, какъ встарь, мнѣ скажи!

Августъ.

II

Убійственный туманъ сгустился надъ столицей.
И ноютъ, смерть въ себѣ тая, сердца, дома.
Сцѣпились всюду колесница съ колесницей,
И цвѣтъ земли погибъ, а далека зима.

Удѣлъ нашъ — нищета, уродство и безсилье.
Высасываетъ кровь изъ насъ сырая мразь.
И Скука распластать губительныя крылья
Съ Тоской сѣдой вослѣдъ идутъ, не торопясь.

Зачѣмъ ты здѣсь, мой духъ, въ краю глухихъ страданій,
О ты, что вѣруешь въ блаженство горячо?
Властителенъ, какъ царь, строитель славныхъ зданій,
Ты вражьей силѣ далъ ломать свое плечо.

Ты — въ мірѣ демоновъ, зловонныхъ и холодныхъ,
И въ ихъ рукахъ теперь — тѣснящая судьба.
Но сущій — ты одинъ, создатель чаръ природныхъ
И тѣхъ же демоновъ, чтобъ съ ними шла борьба.

Съ безпечностью косясь на призрачное тѣло,
Что въ слякоть немощью своей меня влечетъ,
Прозрящій взоръ летитъ къ блаженному предѣлу,
Гдѣ радужная жизнь въ глуби тѣней течетъ.

А тутъ же, близъ меня — я знаю — есть собратья,
Которымъ нѣмъ юдоли покаянный плачъ.
Онъ небылица: въ насъ вѣдь — бытія заклятье.
Изъ смертной сей земли впередъ! Нашъ свѣтъ горячъ.

Сентябрь.

ПОРЫВЫ

I

Если всмотришься въ дальнее небо,
Гдѣ блуждаютъ деревьевъ вершины,
Утихаютъ людскія кручины,
Замираетъ людская потреба.
Вѣдь жестоко здѣсь кости коснѣютъ,
И шагамъ преткновенье — коряги.
А въ бушующей облачной влагѣ
Проясненныя сферы синѣютъ.
И великія древа глаголятъ,
На привольѣ небесномъ витая,
Тамъ, гдѣ птицъ легкокрылая стая
О попутномъ повѣтріи молитъ.
Знаю, слишкомъ легка та свобода,
И отважные борются съ тѣломъ,
Но надломленъ я тягостнымъ дѣломъ,
И о воздухѣ плачетъ природа.
И всегда, въ эти бездны благія
Устремляя прозоръ свой далекій,
Жду, что въ чистомъ и полномъ потокѣ
Увлечетъ меня духа стихія.

II

Мыслей настойчивыхъ воля
Скована крѣпко и слѣпо.
Нѣтъ, незавидна ихъ доля,
Доля владѣтелей склепа.

Только въ отчаяньи —благо,
Въ дерзости — вольная сила.
Это — великая влага,
Та, что̀ и камни сносила.
Ей безразличны обличья,
Ей бы лишь въ ширь разливаться —
Въ бурѣ неистовой мчаться,
Въ битвѣ сплеча разгуляться:
Только въ размахѣ — величье!

23 іюля 1899 г.

ЗАТИШЬЕ

Какъ я люблю тоску свободы,
Тоску доловъ, тоску холмовъ
И въ своенравіи погоды
Покой садовъ, покой домовъ!

И дней ручьи луками вьются,
И такъ играетъ съ ними свѣтъ.
И въ берега озера бьются.
А море дальній шлетъ отвѣтъ.

Въ странахъ безвѣстныхъ, небывалыхъ
Идетъ война, гуляетъ моръ —
Страстей, страданій, страховъ шалыхъ,
Любви и гнѣва древній споръ.

Но я люблю ихъ шумъ протяжный,
Призывный призрачный ихъ шумъ.
Ихъ проницаетъ помыслъ влажный,
Ихъ созерцаетъ яркій умъ.

Нѣтъ душныхъ снovъ въ ночахъ безвольныхъ.
Въ приволье дня курю я сны,
Что̀, средь пустынь моихъ юдольныхъ,
Изъ сердца мысли рождены.

Raubaranta.

ВЪ ѢЗДѢ

Размѣры дальнихъ разстояній,
Мнѣ зримъ вашъ бѣлоснѣжный смыслъ.
Вы совершенній изваяній,
Просторъ и время, бѣги числъ!

Летятъ пробѣги и прогоны.
За стрѣлкой часа духъ слѣдитъ
Надъ родниками тайгъ — иконы,
И пахарь пашню бороздитъ.

Пускай лѣса порою тощи,
Мелѣетъ полный гулъ дубравъ —
Въ пустыняхъ разрастутся рощи,
Земля насытитъ вволю нравъ.

Величье дебрей самородныхъ
Возстанетъ въ рощенной красѣ.
И гласъ живой творцовъ свободныхъ
Подтянетъ плугу и косѣ.

Осташковскій край, сент. 8.

СТАРШІЕ БОГАТЫРИ

I

И въ годы сѣрые безсилія простого
Вы мнѣ встрѣчались на распутіяхъ души,
Столпы громадные Мечтанія святого!

Вы возвышаетесь поднесь въ родной глуши,
Одинъ — носясь надъ ней на исполинскихъ крыльяхъ,
Другой — твердынею обставшій рубежи.

О гордый горный царь, пусть ты угрязъ въ усильяхъ,
Но властною главой ты грозенъ небесамъ
И степи, что ползетъ въ пыли, въ колосьяхъ, въ быльяхъ.

Въ зіяньи мертвыхъ скалъ, въ гробницѣ только — самъ,
Ты знаешь — власти нѣтъ у неба надъ землею:
Въ ея лишь нѣдрахъ — мощь; за нею дымъ да гамъ.

Пускай оратаи потѣютъ надъ сохою
И сыплютъ сѣмена изъ бурой той сумы,
Которой не поднять тебѣ твоей рукою.

Она не по тебѣ.— Но честь — подъ сѣнью Тьмы.
Ты поднялъ бы суму — въ тебѣ не стало бъ славы:
Тревожно бъ ты ходилъ, какъ ходимъ, бродимъ мы.

Нѣтъ, не затѣмъ ты рвалъ къ себѣ небесъ составы:
Ихъ кованнымъ кольцомъ ты съ земью бы сомкнулъ,
И былъ бы міръ вѣнецъ — что Вѣчность — шаръ державы.

Но въ безднѣ ты навѣкъ торжественно уснулъ.
И вѣщій этотъ сонъ. Онъ вѣдаетъ: движенье—
Посѣвъ и урожай—то издыханій гулъ.

И такъ ты превозмогъ мѣстъ, сроковъ протяженье.
Ты всюду и всегда: иного нѣтъ какъ ты.
Нѣтъ воли—нѣтъ судебъ, побѣдъ ни пораженья.

Дѣла, тягло живыхъ,—пары твоей мечты.
И свѣтлый небосводъ—то вымыселъ былъ воли.
И прахъ сѣмянъ сорить—вотъ тяга суеты.

Отъ вѣка, Святогоръ, владыка ты юдоли.

II

Μανία—μένος—mens.

Какъ валъ, возстала мысь надъ ровною землей.
Кто быстръ, ширяетъ тотъ по всей пустынной ширп.
То своевольный смыслъ, отважный то разбой.

Чѣмъ бурный скокъ да летъ—нѣтъ лучше силы въ мірѣ.
И кто есть плоть и кровь отъ всѣхъ живыхъ стихій,
Въ оплотѣ градовъ—вождь, и вождь—въ кровавомъ пирѣ.

Такъ! дивный оборотень, хитрый, мудрый змій,
Ты зоркимъ окомъ зрѣлъ заразъ полдень съ полночью
Ты чуткимъ ухомъ внялъ трезвонамъ двухъ Софій.

Ты чуялъ, вѣщій Волхъ, какъ корень росъ, воочью,
Въ тебѣ былъ сизокрылъ - орелъ, былъ волкъ сѣдой.
Проникъ ты въ жизнестрой, въ тѣла, ко средоточью.

Ты слово зналъ, Въ немъ свѣтъ, въ немъ жаръ, въ немъ—
Заклятье бытія — мечта и разумѣнье: [влаги бой.
То обояніе души — плоти живой.

Въ размахѣ Думы—Русь, размѣръ безъ измѣренья.
Рядилъ ты судъ и строй въ удѣлѣ пущъ своемъ.
И тутъ же ткнулъ копьемъ въ столъ южнаго княженья.

Родившись, ты прорекъ. Разнесся въ небѣ громъ,
И ужасъ обуялъ животныя обличья,
Бѣжать пустился всякъ въ глухой и темный домъ.

Сознали воды, дебрь, и звѣрь, и племя птичье,
Что ты — изъ рода ихъ, преемникъ всѣхъ ихъ силъ,
Что цѣлость ты ихъ благъ, богатства и величья.

И такъ ты ихъ постигъ, настигъ и изловилъ.
Объемъ ты скинулъ, сталъ мурашъ — твердынь не стало:
Громады сплоченныя царствъ ты разносилъ.

А чья людская власть до власти той достала?
Что́ значитъ пахарь тотъ съ присошкомъ золотымъ,
Чью сошку взять и несть тебя съ дружиной мало?

О гнетъ земной груди, ползучій, тяжкій дымъ!
Онъ въ полѣ отъ жары и отъ дыханій пышетъ,
И сѣмена въ землѣ рождаютъ только имъ.

Согбенный человѣкъ черты по комьямъ пишетъ,
По цѣлымъ днямъ влачась въ сыпучей ихъ пыли.
А смѣлый, гордый летъ тѣхъ комьевъ не всколышетъ.

Но налету проникъ и ты вѣдь въ глубь земли.
Ты въ слухъ свой уловилъ ея лукавый шопотъ,
Излучины корней, протоки струй въ стебли.

Тѣ тайны изъ нея исторгъ твой конскій топотъ,
Когда неистово на волѣ ты скакалъ,
И воздухъ возмущалъ дружины славный ропотъ.

Къ чему тогда соха? Присошекъ пусть сверкалъ,
Пусть дѣло не твое тягаться съ тяготою—
Надъ Русью власть Восторгъ Души тебѣ снискалъ.

И ты безъ пахаря не тронутъ нищетою.
Вѣдь умъ ты, чудотворъ: вѣдь ты воззвалъ къ песку,
И рожь произросла волною золотою.

А взялъ бы ты соху, и тугу, и тоску,
Впрягись ты въ нудящую лямку плоской дали,—
И ты невольникъ дней, подобно Мужику,

И суть твою и мощь судьбы пересоздали.

Иванъ Коневской.

ТЮТЧЕВЪ И БАРАТЫНСКІЙ

I. ТЮТЧЕВЪ.

Не близость духа ихъ сродняла,
Печатью общею была.
И не одна и та же сила
Къ повиновенію влекла.

Одинъ въ бореньяхъ неизбѣжныхъ
За грань предѣльную проникъ.
Въ его напѣвахъ волнъ безбрежныхъ
И звѣздъ мучительный языкъ.
Весеннихъ сумерекъ и лѣса
Бесѣду смутную пойми —
И нѣтъ преградъ, и нѣтъ завѣсы
Межъ нимъ, природой и людьми.
Онъ знаетъ смерть, но смерть иную:
«Въ движеньяхъ, звукахъ и цвѣтахъ,
Въ ихъ полной жизни потону я,
Какъ дымъ въ лазурныхъ высотахъ».

Е. БАРАТЫНСКІЙ.

Но непривѣтно и сурово
У брата старшаго чело.
Его задумчивое слово —
Рѣки вмѣстительной русло.
И не въ природѣ, но глубоко
Въ его душѣ затаены
Краса простыхъ рѣчей пророка,
Пророка вѣдущіе сны.
Его печаль—печаль сѣдая
И умудренная печаль:
«Я понялъ жизнь, о смерти знаю,
Но все жъ земныхъ покрововъ жаль».

Дмитрій Фридбергъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ «У ПРЕДѢЛА»

I

СТАРЕЦЪ.

Всегда одинъ, сижу вѣка вѣковъ,
Считая Вѣчности дробящейся мгновенья,
Порывы жизни и ея оковъ
Судьбою кованныя звенья.

Передо мной прошли толпы племенъ,
Какъ тучъ бездомныхъ вереницы,
Одинъ оставивъ въ мірѣ рядъ именъ,
Да одинокія, забытыя гробницы.

Сердецъ людскихъ я слушалъ стонъ живой
И крикъ страстей, смолкающій устало,—
Все, что могильной тишиной
На свѣтѣ небо замѣняло.

Я въ говоръ бурь и вихрей кочевыхъ
Вникалъ недремлющимъ вниманьемъ,
Значеніе разгадывая ихъ
Всѣ постигающимъ сознаньемъ.

Передо мной Творецъ струилъ приливъ морей,
Сплеталъ свѣтилъ въ пространствѣ хороводы
И расшивалъ узоромъ ихъ огней
Полуночи синѣющіе своды.

Томилъ Онъ грудь земли, вздымая цѣпи горъ,
Рукой всесильною вытесывалъ ущелья,
Въ пустыняхъ и въ степяхъ выравнивалъ просторъ
И выдолбилъ въ гранитѣ подземелья.

Усталъ,—измученъ я... Но близокъ — близокъ день
Предвѣчныхъ сущностей отъ формъ освобожденья,—
Сливаясь въ вѣчный мракъ, тѣснится къ тѣни тѣнь
И унимается печаль недостиженья...

Еще недолгій взглядъ въ пустыню бытія,
А тамъ—на дно временъ, къ пучинѣ первородной—
Ея поверхности случайная струя—
Къ недвижности конечной и исходной
Вернусь и я!

II

Угрюмы скалъ пустынные отвѣсы...
Пространство молкнетъ... Отдыхъ отъ Труда!
И близко разуму раскрытіе завѣсы,
И кто-то, вѣщій, шепчетъ: Навсегда.

Все въ мірѣ ясно, понято, раскрыто...
Земля и небо — формула, скелетъ,
Въ которомъ все въ единосущность слито,
И царственныхъ порывовъ больше нѣтъ.

Отсель: — безкровность призрачныхъ движеній,
Какъ голосъ страсти въ сердцѣ мудреца —
Осенняя пора оцѣпенѣній —
И строгость блѣдная печальнаго лица!

Ни голода, ни жажды...— только Слово,
Какъ гулко-долгій погребальный звонъ
Надъ пѣсней жизни, пиршества былого,—
Воспоминанія тяжелый полусонъ.

И кончить бы... пока для оправданья
Возможна сила въ стынущей груди,—
И только ты, невольница страданья,
Слѣпое сердце, молишь: Погоди!

УТРОМЪ

Святого утра часъ... Лучистая заря
Стоцвѣтный вѣеръ свой раскрыла на востокѣ
И птичка первая, въ сіяніи паря,
Какъ будто плещется въ ея живомъ потокѣ.

И звукъ за звукомъ дрогнулъ въ тишинѣ —
Надъ лѣсомъ, надъ рѣкой, надъ нивой тучной,
Стремится къ небесамъ, синѣющимъ въ огнѣ,—
Смѣется и зоветъ изъ глубины беззвучной.

Въ росистый кругъ земли, раскрывшійся, какъ чаша,
Что пѣнное вино, струится Божій день,
И каждый холмъ — на празднество ступень,
И каждый звукъ — обѣтъ, что радость жизни — наша!

МОЛИСЬ ТОМУ—

Кто силу жизни далъ подснѣжникамъ и мхамъ
И въ тайникахъ земли алмазу блескъ живой,
И царственный покой пустынныхъ горъ верхамъ,
И отблескъ молній тучѣ кочевой.

Изгнавъ на трудный бѣгъ бездомную волну,
Онъ въ должный жизни часъ ей берегъ ниспошлетъ
И склонитъ, шумную, къ таинственному сну
За рубежомъ исканій и заботъ.

Онъ обметаетъ міръ разгульнымъ вихремъ бурь,
Взрываетъ молніей полуночную тьму
И брызжетъ свѣтомъ дня въ пространство сквозь лазурь,—
Онъ дастъ тебѣ покой—и сердцу и уму—
Молись Ему!

СУДЪ

голосъ.

Кончайте странствія, гаданія и знанья,
Сыны и пасынки предвѣчнаго Желанья,—
Я должное вамъ нынѣ воздаю,
Узнайте истину единую мою!

Несмѣтные участники моей любви и славы,
Деревья, птицы, звѣри, люди, травы,—
Я возвѣщаю нынѣ радость бытію,
Примите истину послѣднюю мою!

Кончайте ужасы, неистовства и споры,
Проклятія, молитвы и укоры,—
Я все разъятое въ единое солью,
Свершите волю тайную мою!

волны.

Мы долго скитались, мы вѣчно бѣжали,
Давно исходили весь моря просторъ,
Мы долго пріюта на свѣтѣ не знали
И съ вѣтромъ и съ бурей извѣдали споръ.

Вздымаясь столбами серебряной пыли,
Чернѣя и хмурясь — заслышавши громъ —
Сверканіе молній мы жадно ловили
И звѣздные лики во мракѣ ночномъ.

Играя надъ бездной, взбѣгая на мели
И съ пляской кидаясь на грудь корабля,
Мы громкую славу Всевышнему пѣли,
Лазурные взоры небесъ веселя.

Въ борьбѣ за свободу мы льдины ломали
И бились упорной толпой о гранитъ—
Такъ что же за подвигъ борьбы и печали
Намъ Вѣчность въ награду даритъ?

голосъ.

Кончена ваша земная тревога —
Слава исполнившимъ замыселъ Бога!
Волны, въ морской глубинѣ
Спите навѣки во мнѣ!

ТУЧИ.

Въ просторѣ небесномъ
Мы долго носились,—
Края пробѣгая,
Кружились, клубились.

Носили насъ вѣтры,
Насъ гнали метели,—
Надъ степью, надъ моремъ
Мы долго висѣли.

Пурпурнымъ закатомъ
Румянясь высоко,
Встрѣчали мы сумракъ
Семьей одинокой.

Мы радуги поясъ
Спесиво носили
И молніи свѣтомъ
Мы людямъ свѣтили.

За долгіе годы
Въ неволѣ простора
Отъ Неба благого
Мы ждемъ приговора.

ГОЛОСЪ.

Кончена ваша земная дорога,
Дѣти туманныя вѣчнаго Бога,
Дѣти нѣмой синевы,—
Спите навѣки и вы!

ОТКЛИКЪ.

Притаившись въ лѣсахъ и ущельяхъ нѣмыхъ,
Всюду ждалъ я рожденія звуковъ живыхъ,
На орлиные крики средь скалъ,
На мольбу и на стонъ отвѣчалъ.

Неусыпно внималъ я сонливой землѣ
Въ свѣтѣ царственномъ дня и въ полуночной мглѣ,
Откликался на гимнъ мудреца
И на дерзостный хохотъ глупца.

Отъ людей я къ Тебѣ возлеталъ съ ихъ мольбой,
Но не могъ въ ихъ сердцахъ отозваться Тобой,
Много разъ я Твой громъ повторилъ,
Но немногихъ призывъ разбудилъ.—

И коль грянетъ еще ихъ торгашескій крикъ,
Пусть не слышитъ мой слухъ, онѣмѣетъ языкъ,—
За неволю въ пустынѣ земной
Я не жажду награды иной.

ГОЛОСЪ.

Скорбный отвѣтчикъ тоскливаго зова,
Конченъ удѣлъ твой служенья земного,
Въ горныхъ ущельяхъ, въ лѣсахъ и степи,
Бѣдное эхо, умолкни и спи!

МУДРЕЦЪ.

Предвидя грань, покой и темноту,
Благодарю Тебя за Сонъ и за Мечту,
За свѣтъ сознанія, за пламя гордой вѣры;

За сладкій жаръ обманчивыхъ страстей,
За зрѣлище нарядности Твоей,
За радость бытія, звучавшую безъ мѣры.

Ты далъ моей душѣ великій даръ любви
И силу превозмочь въ живой борьбѣ всю землю,
И разорвать ея противорѣчій сѣть,—

Я видѣлъ, Господи, всѣ празднества Твои
И смерть, Твой высшій даръ, съ любовію пріемлю —
Теперь и я достоинъ умереть.

ГОЛОСЪ.

Молкнетъ отнынѣ земная тревога —
Слава исполнившимъ замыслы Бога!
Силы живыя, въ нѣмой тишинѣ
Спите навѣки во мнѣ!

Ю. Балтрушайтисъ.

ОСЕННІЕ СТИХИ

I. ПО ПОВОДУ TERTIA VIGILIA.

Ребенкомъ я, не зная страху,
Хоть вечеръ былъ и шла метель,
Блуждалъ въ лѣсу, и встрѣтилъ пряху,
И полюбилъ ея кудель.

И было мнѣ такъ сладко въ дѣтствѣ
Слѣдить мелькающую нить,
И много тайныхъ соотвѣтствій
Съ мечтами въ краскахъ находить.

То нить казалось бѣлой, чистой,
То вдругъ подъ медленной луной
Блистала тканью серебристой;
Потомъ слилась со мглой ночной.

И нынѣ я на третьей стражѣ!
Востокъ означился, горя.
И заливаетъ нити пряжи
Кровавымъ отблескомъ заря.

2. ЕЩЕ СКАЗКА.

I

Я мотылекъ ночной. Послушно
Кружусь надъ яркостью свѣчи.
Сіметъ пламя равнодушно,
Но такъ ласкательны лучи.

Я этой лаской не обманутъ,
Я знаю гибель наизусть, —
Но крылья биться не устанутъ,
Съ усладой повторяю: пусть!

Вотъ все невыносимѣй жгучесть,
Тѣснѣй и опьяненнѣй кругъ,
Такъ явно неизбѣжна участь,
Но въ паданьи — захваченъ духъ.

Хочу упиться смертью знойной,
Извѣдать сладости огня.
Еще одинъ полетъ нестройный,
И пламя обовьетъ меня.

II

Осенній день былъ тусклъ и скуденъ,
А воздухъ недвижимо жгучъ.
Терялся лучъ больныхъ полуденъ
Въ безкрайности сгущенныхъ тучъ.

Шли тополя по придорожью,
Вѣтрамъ зимы обнажены,
Но маленькіе листья — дрожью
Напоминали сонъ весны.

Мы шли, глядя другъ другу въ очи,
Встрѣчая жданныя мечты.
Мгновенья дѣлались короче,
И было въ мірѣ — я и ты.

Когда забывъ о дольномъ плачѣ,
Въ пространствахъ двѣ души летятъ,
Нельзя имъ чувствовать иначе,
Обмѣнивая взглядъ на взглядъ!

III

Въ моихъ словахъ безстыдство было,
Въ твоихъ очахъ упорство дня,
И мы боролись съ равной силой,
Другъ друга жаждя и кляня.

А мальвы листьями встрѣчались,
Клонясь подъ жаднымъ вѣтеркомъ,
И сосны яростно качались
Въ просторѣ слишкомъ голубомъ.

О, если каждый образъ вѣченъ
И полны прошлымъ небеса,
То въ безднахъ этотъ мигъ отмѣченъ,
Какъ огневая полоса!

IV

И снова ты, и снова ты,
И власти нѣтъ проклясть.
Какъ Сиріусъ палитъ цвѣты
Холоднымъ взоромъ съ высоты,
Такъ надо мной выходишь ты,
Ночное солнце — страсть!

Мнѣ кто-то предлагаетъ бой
Въ ночномъ безлюдьи подъ шатромъ.
И я лицомъ къ лицу съ судьбой,
И я вдвоемъ съ тобой, съ собой
До утра упоенъ борьбой;
И — какъ Израиль — хромъ!

Дневные ринутся лучи.
Не мнѣ предъ ними пасть.
Они — какъ туча саранчи.
Я съ Богомъ воевалъ въ ночи,
На мнѣ горятъ Его лучи.
Я твой, я твой, о страсть!

V

Я имени тебѣ не знаю,
Не назову,
Но я въ мечтахъ тебя ласкаю...
И наяву!

Ты въ зеркалѣ еще безгрѣшнѣй.
Прижмись ко мнѣ.
Но какъ рѣшить, что въ жизни внѣшней
И что во снѣ!

Я слышу Нилъ... Закрыты ставни...
Песчаный зной...
Иль это только бредъ недавній,
Ты не со мной?

Иль, можетъ, все въ мгновенной смѣнѣ,
И нѣтъ именъ,
И мы съ тобой летимъ, какъ тѣни,
Какъ чей-то сонъ...

VI

И опять безпощадности радостей,
Неизбѣжность измученныхъ губъ,
Но опять и безвольныя сладости,
Тамъ гдѣ члены недвижны какъ трупъ.

Сладострастью движеній несдержанныхъ
И огню набѣгающихъ мукъ
Предпочту я безсильныхъ, поверженныхъ,—
Нѣмоту затекающихъ рукъ.

Въ тишинѣ полумрака тяжелаго,
Въ пьяномъ запахѣ грѣшнаго сна,
Насъ уноситъ густая, какъ олово,
Уходящая въ вѣчность, волна.

VII

Мнѣ грустно оттого, что мы съ тобой не двое,
Что мѣсяцъ, гость небесъ, заглянетъ къ намъ въ окно,
Что грохотъ города нарушитъ все ночное,
И къ жизни не придетъ, что въ снахъ схороненo.

О, еслибъ быть однимъ въ высокой, строгой башнѣ,
Гдѣ лампъ кровавый свѣтъ затепленъ навсегда,
Гдѣ вѣчно только ночь, какъ завтра, — день вчерашній,
И гдѣ-то безъ конца шумитъ, шумитъ вода.

Отторжены отъ всѣхъ, отъяты отъ вселенной,
Мы были бъ лишь вдвоемъ, я твой, ты для меня,
Мы были бъ какъ цари надъ вѣчностью мгновенной,
И годъ смѣнялъ бы годъ, какъ продолженье дня.

1900 — 1901

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.

Мы жили въ городѣ, замкнутомъ безнадежно.

Давила съ Сѣвера отвѣсная скала,
Купая груди въ облачномъ просторѣ;
Съ Востока жизнь песковъ, пустыня насъ ждала,
И съ двухъ сторонъ распростиралось море.

Мы жили въ городѣ, замкнутомъ безнадежно.
И мы на берегъ шли и тамъ съ тоской прилежной,
Въ узоры волнъ безмолвный взоръ вперивъ,
Слѣдили мы, какъ росъ торжественный приливъ,
Высматривали мы, какъ царство водъ безбрежно.

Намъ иногда мечтались острова
(Въ тотъ часъ, когда заря еще безъ солнца свѣтитъ
И явственной чертой границу дали мѣтитъ).
Но гасло все въ лучахъ, намъ памятно едва,
Все въ благостный просторъ вбирала синева.

Мы въ старый городъ шли. Онъ былъ угрюмъ и строенъ,
Овѣянъ былью отошедшихъ лѣтъ.
На узкихъ улицахъ дрожалъ ослабшій свѣтъ,
И каждый рѣзкій звукъ казался тамъ утроенъ.
Въ проходахъ темныхъ, полныхъ тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми, нарушивъ ходъ стѣны,
Кончали домъ краснѣющія кровли;
Видѣлись иногда въ готическую дверь
Огромныя и сумрачныя сѣни,

Гдѣ вѣчно нѣжились сырыя тѣни,
И затворялся входъ, ворча какъ звѣрь.

Изъ сѣрыхъ камней выведены строго,
Являли церкви духъ былыхъ вѣковъ.
Здѣсь дѣти, внявъ завѣтъ отцовъ,
Вершили съ ревностью, что начато для Бога,
Преемникамъ передавая трудъ,
Увѣрены, что тѣ преемниковъ найдутъ.
И каждый камень, медленно разжженъ,
Входилъ на мѣсто разумомъ творца,
И каждый взмахъ кирки былъ твердъ и вѣренъ,
И каждый малый сводъ продуманъ до конца.
И въ замыслѣ величественно смѣломъ
Кончалось зданье въ небѣ остріемъ,
И было конченнымъ, и было цѣлымъ,
Спокойно замкнутымъ въ себѣ самомъ.

Въ музеяхъ запертыхъ, въ торжественномъ покоѣ,
Хранились бережно останки старины,
Одежды, утвари, оружіе былое,
Трофеи побѣдительной войны.
То кормы лодокъ дерзкихъ мореходовъ,
То кубки съ обликомъ суровыхъ лицъ,
Знамёна покорявшихся народовъ,
Да клювы неизвѣстныхъ птицъ.—
И все въ себѣ былую жизнь таило,
Иныхъ столѣтій пламенную дрожь.
Какъ въ вѣтеръ вѣрило истлѣвшее вѣтрило!
Какъ жаждалъ мощныхъ рукъ еще сверкавшій ножъ!..
А все кругомъ пустынно-глухо было.

И мѣрно жизнь лилась, какъ степью льются воды.
Какъ въ зеркалѣ, днемъ повторялся день,
Съ покорностью свой трудъ вздымали годы,
Съ покорностью заря встрѣчала тѣнь.

Случалось въ праздникъ мнѣ, на площадь выйдя рано,
Зайти въ соборъ съ толпой нарядныхъ дѣвъ,
Онѣ молились тамъ умильно, и органа
Я слушалъ между нихъ заученный напѣвъ.
Случалось вечеромъ, взглянувъ за занавѣски,
Всецѣло выхватить изъ мирной жизни мигъ:
Тамъ дремлютъ старики, тамъ звонокъ голосъ дѣтскій,
Тамъ въ уголкѣ — невѣста и женихъ.
И только изрѣдка надъ этой сладкой прозой.
Вдругъ раздавалась пѣснь ватаги рыбаковъ,
Идущихъ улицей, да грохоталъ угрозой
Далекій смѣхъ безчинныхъ кабаковъ.

За городомъ былъ паркъ, раскидистый и старый,
Съ руиной замка въ глубинѣ.
Тамъ тайно въ сумерки ходили пары —
«Я васъ люблю» промолвить при лунѣ.
Въ воскресный лѣтній день весь городъ ратью чинной
Сходился тамъ — дышать и отдохнуть.
И восхищались всѣ изъ года въ годъ руиной,
И рядъ за рядомъ совершали путь.
Имъ было сладостно въ условности давнишней,
Казались сочтены движенья ихъ.
Кругомъ покой аллей былъ радостенъ и тихъ,
Но въ этой тишинѣ я былъ чужой и лишній,
Я къ пристани бѣжалъ отъ оскорбленныхъ липъ,
Чтобъ сердце вольностью хотя на мигъ растрогать,
Гдѣ съ запахомъ воды сливалъ свой запахъ деготь,
Гдѣ мачтъ колеблемыхъ былъ звученъ скрипъ.

Когда по городу тѣни
Протянуты цѣпью желѣзной,
Ряды безвѣстныхъ строеній
Встаютъ, какъ призракъ надъ бездной.

Загораются странные свѣты,
Раскрываются двери какъ зѣвы,
И въ окнахъ дрожатъ силуэты
Подъ музыку и напѣвы.

Раскрыты дневныя гробницы,
Выходитъ за трупомъ трупъ.
Загораются румянцемъ лица,
Кровавится блѣдность губъ.

Пышны и ярки одежды,
На главахъ алмазный вѣнецъ,
А вглядись въ утомленныя вѣжды,
Ты узнаешь, что предъ тобою мертвецъ.

Но страсть, подчиненная платѣ,
Такъ хороша въ огняхъ хрусталей,
И во лживомъ ея ароматѣ
Дыханье желаннѣй полей.

И идутъ, идутъ въ опьяненьи
Отрѣшиться отъ жизни на часъ,
Вкусить и смерть и изнеможенье
Подъ блескомъ обманныхъ глазъ.

Чтобъ въ мірѣ, на свой непохожемъ,
Отъ воли жить изнемочь.
Тотъ міръ ничѣмъ не тревожимъ,
Пока полновластна ночь.

Но въ туманѣ улицы длинной
Забѣлѣетъ тусклый разсвѣтъ.
И вдругъ все мертво и пустынно,
Ни свѣтовъ, ни красокъ нѣтъ.

Безобразныхъ, грязныхъ строснй
Таютъ при днѣ вереницы,
И женщинъ бѣлыя тѣни,
Какъ трупы, ложатся въ гробницы.

Нельзя намъ не мечтать о будущихъ вѣкахъ,
О городахъ, грядущихъ безъ исхода.
Тѣ камни тяжкіе — ихъ первый шагъ,
Свѣтъ электрическій — предвѣстникъ ихъ прихода.
Громадный городъ-домъ размѣченный по числамъ,
Обязанъ жизнію (машина изъ машинъ!)
Колесамъ, блокамъ, коромысламъ,
Предчувствую тебя, земли желанный сынъ!
Предчувствую я жизнь замкнутыхъ поколѣній,
Ихъ думы, сжатыя познаньемъ, ихъ мечты,
Мечтамъ былыхъ вѣковъ подвластныя какъ тѣни,
Весь ужасъ переставшей пустоты!
Предчувствую раба подавленную ярость
И торжествующихъ многообразный сонъ,
Всѣхъ нашихъ помысловъ блистательную старость
И часъ предсказанныхъ временъ!

Да, намъ не избѣжать мучительныхъ паденій
Погибели всѣхъ благъ, чѣмъ мы горды!
Настанетъ снова бредъ и крови и сраженій,
Вновь раздѣлится міръ на вражьи двѣ орды.

Борьба, какъ ярый вихрь, промчится по вселенной
И въ бѣшенствѣ смететъ, какъ травы, города.
И будутъ волки выть надъ опустѣлой Сеной,
И стѣны Тауэра исчезнутъ безъ слѣда.

Во глубинахъ души изъ тьмы тысячелѣтій
Возникнутъ ужасы и радость бытія,
Народы будутъ хохотать какъ дѣти,
Какъ тигры грызться, жалить какъ змѣя.

И все, что насъ гнететъ, снесетъ и свѣетъ время,
Всѣ чувства давнія, всю власть завѣтныхъ словъ,
И по землѣ взойдетъ невѣдомое племя,
И будетъ снова міръ таинствененъ и новъ.

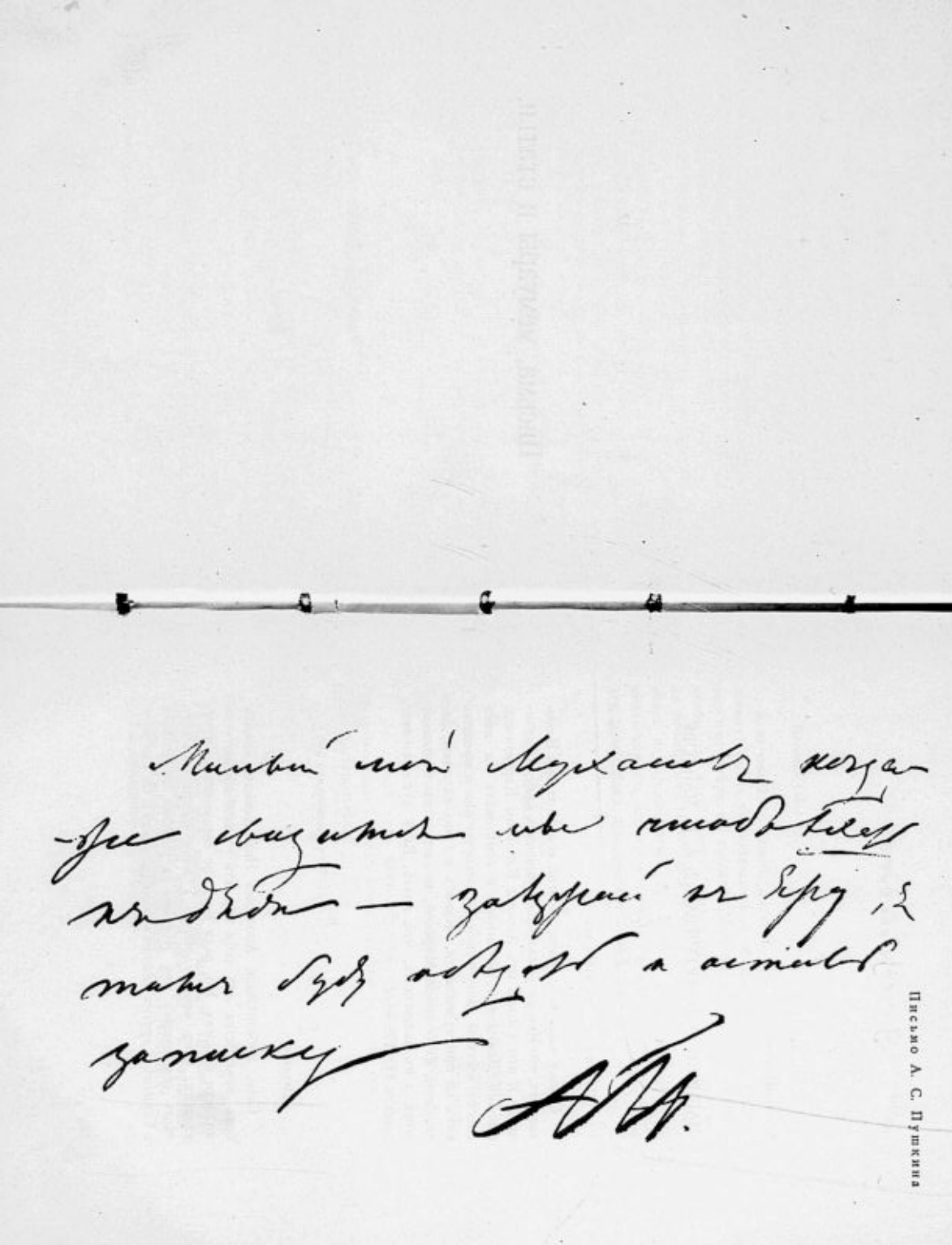
Въ руинахъ, звавшихся парламентской палатой,
Какъ будетъ радостенъ дѣтей свободныхъ крикъ,
Какъ будетъ весело дробить останки статуй
И складывать костры изъ безконечныхъ книгъ.

Освобожденіе, восторгъ великой воли,
Привѣтствую тебя и славлю изъ цѣпей!
Я узникъ, рабъ въ тюрьмѣ, но вижу поле, поле...
О солнце! о просторъ! о высота степей!

Ревель.

Валерій Брюсовъ.

Письма, мемуары и статьи.



Письмо А. С. Пушкина

ЗАПИСКИ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА КЪ А. Н. МАЙКОВУ.

I

Пятница, 16 Дек. (1866 г.).

Спѣшу васъ увѣдомить, дорогой мой Аполлонъ Николаевичъ, что Императрица желаетъ прочесть вашего Странника. Я это узналъ отъ Авроры Карловны Карамзиной, бывшей Демидовой, и потому я совѣтовалъ бы вамъ снести къ ней вашу рукопись, которую она и представитъ по принадлежности. Живетъ же она въ домѣ Демидовой, на большой Морской, только не въ большомъ домѣ, а въ маленькомъ, что̀ возлѣ. Вамъ душевно преданный Ѳ. Тютчевъ.

II

Пятница.

Если, любезнѣйшій Аполлонъ Николаевичъ, можете безъ неудобства для себя обѣдать у насъ завтра, — то милости просимъ. Но, ради Бога, не церемоньтесь и отвѣчайте, какъ вамъ удобнѣе. У меня завтра обѣдаетъ нашъ священникъ изъ Женевы съ разными анекдотами о Герценѣ и другихъ нашихъ безобразникахъ. Ѳ. Тютчевъ.

III

Пятница (1867 г.).

Я не совсѣмъ помню, дорогой мой Аполлонъ Николаевичъ, когда вы обѣщали мнѣ обѣдать съ нами—сегодня или завтра, въ субботу. Мнѣ бы желательнѣе было, чтобы это было завтра, такъ какъ сегодня я нахожусь въ необходимости обѣдать у кн. Горчакова. Были ли вы вчера на представленіи драмы гр. Толстого? Хорошо, очень хорошо, но чего-то недостаетъ. При свиданіи поговоримъ. Вамъ душевно преданный Ѳ. Тютчевъ.

IV

Понедѣльникъ, 20 октября (1869 г.).

Что съ вами, любезнѣйшій Аполлонъ Николаевичъ? Отчего васъ давно не видно? Здоровы ли вы?.. Если можно, приходите завтра обѣдать съ нами, такъ какъ меня увѣряютъ, что завтра мои именины. Вамъ душевно преданный Ѳ. Тютчевъ.

Въ случаѣ если стихи будутъ помѣщены въ Зарѣ, препровождаю къ вамъ окончательную редакцію послѣдняго четверостишія.

(Не приложено ничего.)

V

Понедѣльникъ (1869 г.)

Пришлите мнѣ, любезнѣйшій Аполлонъ Николаевичъ, эти несчастные стихи, чтобы я ихъ передалъ Маркевичу и могъ бы окончательно съ ними развязаться. Вамъ душевно преданный Ѳ. Тютчевъ.

ТРИ ПИСЬМА А. ФЕТА КЪ МОЛОДОМУ ПОЭТУ.

17 марта 1891 г.

Милостивый Государь *.*. Занятый при слабѣющихъ силахъ неотложными дѣлами, я только сію минуту удосужился внимательно прочесть ваши стихотворенія. Общее впечатлѣніе несомнѣнно въ вашу пользу. Этого мало, что вы прекрасно владѣете стихомъ и вообще формою,— дорого то, что подъ этой формой несомнѣнно теплится истинный огонь поэзію и вкуса. Вотъ съ этимъ то чутьемъ, различающимъ должное отъ недолжнаго, поэзію отъ прозы, слѣдуетъ всякому обращаться крайне бережно. Кто захватаетъ нечистыми руками колоду картъ, тому лишнее пятно незамѣтно, и въ концѣ концовъ онъ играетъ грязными картами. Во всѣхъ присланныхъ вами мотивахъ вы только однажды забыли, что муза разсказываетъ, но не философствуетъ, и потому ваша «Русская пѣсня», философствующая о причинѣ своей грусти, по моему совершенно ложный путь. Поэтому въ стихотвореніи «Да это онъ» такъ меня коробитъ слово изъ фельетона; *сочувствую*. Съ вашимъ чутьемъ вы поймете, что я хочу сказать. Какъ мило стихотвореніе «Я иду по тропинкѣ тѣнистой» на двѣ рѣчи. Не сердитесь на мой послѣдній и задушевный завѣтъ поступить съ вашимъ поэтическимъ творогомъ такъ же, какъ поступаютъ съ творогомъ пасхальнымъ: завяжите его потуже въ салфетку и если возможно навалите камнемъ, и когда изъ него выбѣжитъ все жидковатое и чуждое, драгоцѣнный даръ природы самъ найдетъ своеобразную форму. Главное, гоните отъ молодой благоуханной музы старую и противную сплетню рефлекціи. Готовый къ услугамъ вашимъ А. Шеншинъ.

12 апрѣля 1891 г.

Еслибы дѣло шло объ одной фактурѣ вашихъ стихотвореній, то при оцѣнкѣ и трехъ новыхъ я могъ бы съ полной увѣренностью снова поздравить васъ съ совершеннымъ обладаніемъ формой. Но судить о внутреннемъ художественномъ содержаніи гораздо труднѣе; хотя мнѣ кажется, что вы находитесь подъ сильнымъ давленіемъ Гейне. Гейне и самъ страдаетъ манерностью, но таковъ онъ по природѣ, и мы ему это прощаемъ: но принимать чужой изъянъ за образецъ большая ошибка. Позвольте пожелать вамъ всего лучшаго; а я послѣ праздниковъ уѣзжаю въ деревню. Всегда готовый къ услугамъ вашимъ А. Шеншинъ.

26 апрѣля 1891 г.

Любезнѣйшій *.*. Извините, что за крайнимъ недосугомъ я не успѣлъ высказать вамъ своего мнѣнія о послѣднихъ полученныхъ мною вашихъ стихотвореніяхъ. Повторяю уже высказанное мною о прежнихъ. Стихи ваши таковы, что безъ положительнаго таланта написать ихъ нельзя; но мой одинъ искренній совѣтъ—не радуйтесь обилію набѣгающихъ мотивовъ, а выжидайте момента, когда ваша поэтическая суть, какъ бы ломая всякія преграды, вырвется наружу и выскажется въ совершенно новой и лично вамъ свойственной формѣ. Тогда вы убѣдитесь, что, напримѣръ, стихотвореніе: «Посмотри, посмотри» — несмотря на граціозную подкладку, не вытанцовалось. Я увѣренъ, что вы.... *), въ виду того что мнѣ, которому пора давно сходить со сцены, невозможно завидовать возникающимъ талантамъ, и что вамъ совѣтуетъ желающій всевозможныхъ успѣховъ Вашимъ начинаніямъ А. Шеншинъ.

*) Пропускъ.

ПИСЬМА ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА КЪ А. А. ФЕТУ.

Въ Воробьевку, 10 марта, 1881 г. Петербургъ.

Повидимому, вы не получили моего письма изъ Москвы, высокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Я и тогда думалъ, а теперь тѣмъ болѣе полагаю, что раньше осени издавать Фауста было бы и трудно и невыгодно. Это мнѣніе раздѣляютъ и Николай Николаевичъ Страховъ и графиня. Самъ я на святой буду въ Москвѣ, а потомъ въ разныхъ мѣстахъ, Николай же Николаевичъ не возьметъ *теперь* на себя трудъ изданія. Вообще издавать, мнѣ кажется, было бы удобнѣе въ Москвѣ, гдѣ я думаю съ осени поселиться окончательно, оставивъ чухонскій Содомъ. Я совершенно понимаю вашу неохоту возиться съ отдѣлкою частностей вашего перевода и думаю, что онъ въ цѣломъ настолько хорошъ, что можно и должно его печатать во всякомъ случаѣ. Разумѣется все, что можно мнѣ будетъ сдѣлать, по указаніямъ графини и Толстого и другихъ, я сдѣлаю, но и для этого опять таки нужно и нѣкоторое время, тѣмъ болѣе, что помощь графини сколько цѣнна, столько же и трудно добываема. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь привезти вамъ въ концѣ весны или началѣ лѣта вашъ переводъ готовымъ къ печати. Въ ожиданіи свиданія остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ преданный вамъ Владиміръ Соловьевъ.

Въ Воробьевку. Почт. шт.: Красноярская, Черниговск. губ., 18 августа 1881 г.

Многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Не оправдываюсь въ томъ, что до сихъ поръ не доставилъ вамъ Фауста, но хочу только изложить смягчающія обстоятельства. Я нѣсколько разъ въ это лѣто собирался ѣхать къ вамъ съ вашею рукописью, чтобы вмѣстѣ надъ нею поработать и каждый разъ принужденъ былъ откладывать свое намѣреніе, не теряя надежды исполнить его послѣ, а потому и держалъ у себя рукопись. Съ другой стороны и графиня Толстая (краснорожская) не по одному отсутствію энергіи не исполнила своего обѣщанія, но главнымъ образомъ потому, что все лѣто должна была ухаживать за своею племянницей, опасно заболѣвшей. Черезъ недѣлю я думаю къ вамъ все таки пріѣхать, но на всякій случай посылаю вамъ заказнымъ письмомъ одинъ изъ двухъ имѣющихся у меня экземпляровъ Фауста, другой же привезу самъ. Если опять не удастся пріѣхать, то увидимся въ Москвѣ—это уже навѣрно. Прошу васъ передать мое почтеніе вашей супругѣ. Страховъ вѣроятно ужъ уѣхалъ въ Константинополь. До свиданія. Истинно васъ уважающій Владиміръ.

Въ Воробьевку. Почт. шт.: Москва, 8 апр. 1883 г.

Дорогой и многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Нерѣдко вспоминаю и скучаю о васъ, и хотѣлось бы мнѣ пораньше попасть въ Воробьевку. Но раньше іюня пожалуй не придется. Такъ какъ вы упрекаете меня за молчаніе (какъ мнѣ передавали), то вотъ я и собрался вамъ написать. Къ тому же мнѣ хочется вамъ сказать, какъ мнѣ горько и обидно и стыдно за русское общество, что до сихъ поръ ни о Фаустѣ ни о Вечернихъ Огняхъ ничего не было сказано въ печати. Я пишу Стра-

хову и Кутузову укоризненныя письма, если же они не подвигнутся, то я рѣшусь взяться не за свое дѣло и напишу хоть небольшую рецензію для собственнаго облегченія. Здоровы ли вы, и что подѣлываете? Напишите два слова. Сердечно кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и всѣмъ вашимъ *).

Въ Москву. Почт. шт: Владиміръ, 22 окт., 1884 г.

Дорогой и многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Въ дополненіе къ вчерашней телеграммѣ посылаю вамъ еще нижеслѣдующее поздравленіе.

(Приложено стихотвореніе: А. А. Фету 19 окт. См. Вл. Соловьевъ, Стихотворенія: Изд. 3-ье, стр. 5.).

Въ Москву. Почт. шт.: Петербургъ, 22 янв., 1885 г.

Я уже давно не въ Пустынкѣ, а въ Петербургѣ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и потому и письмо ваше получилъ только сегодня съ оказіей. Спасибо вамъ очень. Ношу я себя плоховато, зато работаю исправно и боюсь, что мой Левіаѳанъ не вмѣстится и въ двухъ томахъ. А по нѣкоторому инстинкту мозговой гигіены предаюсь по временамъ сочиненію мельхиседекообразныхъ стихотвореній. Такъ на дняхъ, пересматривая книжку Некрасова, я отступилъ отъ правила de mortuis aut bene aut nihil—и намельхиседечилъ слѣдующее:

ПОЭТУ-ОТСТУПНИКУ

(по прочтеніи «Послѣднихъ Пѣсенъ» Некрасова).

Восторгъ души—расчетливымъ обманомъ,
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святыню мирную—крикливымъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ и обманулъ глупцовъ.

*) Обычныя окончанія писемъ далѣе опущены.

Когда же самъ, разбитъ, разочарованъ,
Онъ вспомнить захотѣлъ былую красоту,—
Языкъ кощунственный, къ земной пыли прикованъ,
Напрасно призывалъ нетлѣнную мечту.

Тоскующей любви плѣнительные звуки
Животной злобы крикъ позорно заглушалъ,
Не поднимался коснѣющія руки,
И блѣдный призракъ тихо ускользалъ.

Кстати о Мельхиседекѣ: заѣзжалъ къ больному Полонскому, разговоръ—сплошной Мельхиседекъ, и я уже начиналъ приходить въ отчаянье. Но подъ конецъ отыскалъ дѣтскій журналъ Родникъ и прочелъ мнѣ оттуда свое стихотвореніе «Убѣжавшая больная» безъ всякаго Мельхиседека очень хорошо, хотя нѣсколько протяженно-сложенно. Въ Пустынкѣ еще больны. Въ Москву хочу непремѣнно пріѣхать такъ, чтобы васъ застать.

P. S. А чѣмъ вы докажете скептическому потомству, что ботинки дѣйствительно сшиты Толстымъ, а не сдѣланы на заказъ въ магазинѣ? Кстати о заказѣ: не удивляйтесь, что я посылаю это письмо заказнымъ; это только оттого, что отправленіе письма для меня есть событіе чрезвычайно рѣдкое, граничащее съ областью чудеснаго.

Въ Воробьевку. Почт. шт.: Курскъ, 27 іюля 1886 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Изъ безписьменности моей не заключайте, что я о васъ не думаю. Напротивъ, часто и часто васъ вспоминаю. А вотъ наконецъ подвигся и написалъ. Я доселѣ не приспособился къ двумъ календарнымъ стилямъ и живу какъ бы внѣ времени или въ фальшивомъ времени, ибо руковожусь «Московскими Вѣдомостями», которыя получаются здѣсь почти черезъ недѣлю, на каковой срокъ и я отстаю отъ дѣйствительности въ своихъ хронологическихъ

представленіяхъ. Однако я вычислилъ съ достовѣрностью, что сегодня 22 іюля стараго стиля и слѣдовательно именины Маріи Петровны, которой и приношу свое сердечное, хотя и имѣющее опоздать, поздравленіе, въ надеждѣ, что соединенныя усилія австрійской и русской почты пощадятъ это невинное посланіе. Заказнымъ не пишу, зная что это доставитъ вамъ лишнія хлопоты. О себѣ сообщу кратко, что я здоровъ, работаю, печатаю книгу, и живу у загребскаго каноника самымъ каноническимъ образомъ. Встаю въ 8 часовъ, хожу каждый день къ обѣднѣ въ прекрасный готическій соборъ XI вѣка, знакомство вожу только съ ученымъ и духовнымъ сословіемъ. Чувствую себя не совсѣмъ заграницей, ибо говорю бо́льшею частью по русски, да и народъ здѣсь (простой) совсѣмъ наши хохлы, только еще гораздо религіозньй (чего къ сожалѣнію нельзя сказать о православныхъ славянахъ). Церкви здѣсь и въ будни полны народомъ, а въ воскресенье не протолкаешься. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь есть академія наукъ и университетъ, картинная галлерея и музей древностей — все это основано главнымъ образомъ епископомъ Штроссмайеромъ и каноникомъ Рачкимъ. У этого послѣдняго я теперь живу, а къ первому ѣду черезъ двѣ недѣли. — Хотя, какъ видите, я здѣшнимъ пребываніемъ доволенъ, но все таки вздыхаю по далекимъ друзьямъ и очень бы хотѣлось попасть въ Воробьевку, но къ большому моему прискорбію это невозможно. Я попалъ заграницу только въ іюнѣ (потому что старый и преданый нашъ слуга обокралъ меня до чиста наканунѣ назначеннаго отъѣзда), и хотя печатаніе книги наладилось, но придется еще возиться съ переводомъ, который здѣсь хотятъ дѣлать на нѣмецкій или французскій языкъ, такъ что въ Россію попаду не раньше сентября. Итакъ до свиданія въ Москвѣ. А если захотите обрадовать меня письмомъ (вѣрнѣе заказнымъ), то вотъ мой адресъ: Autriche-Hongrie, Agram, A. M. le Président de l'Académie des sciences, Dr. F. Racki (Kaptol, 13), Pour le dr. Vlad. Solowjev.

Въ Воробьевку. Почт. шт.: Москва, 9 апрѣля 1887 г.

Христосъ Воскресе, дорогая Марья Петровна, здравствуйте, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, Я на отъѣздѣ, и не позже воскресенья буду у васъ. Задержало до сихъ поръ окончательное устройство кой какихъ дѣлъ. — Лекціей своею я столько же доволенъ, сколько недовольна ею славянофильствующая московская публика. На щи и кашу бѣднымъ студентамъ (простите Аѳанасій Аѳанасьевичъ) я собралъ около двухъ тысячъ р. и сказалъ то, что хотѣлъ сказать. Получилъ передъ праздниками чрезвычайно обиженное письмо отъ Страхова по поводу его спиритизма. Отлагаю обстоятельный отвѣтъ до Воробьевки. Былъ безъ васъ два раза на Покровкѣ. До скораго свиданія.

Въ Воробьевку. 18/27 іюля 1888. Paris. Hôtel de la Couronne.

Дорогой и многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Надѣюсь, что этотъ листокъ своевременно дойдетъ до Воробьевки и принесетъ Марьѣ Петровнѣ мое сердечное поздравленіе съ днемъ ангела. Я живъ и здоровъ, и устраиваю понемногу свои дѣла въ Парижѣ. Къ несчастію придется пожалуй все лѣто провести заграницей. Изъ Россіи мнѣ пишутъ про разныя издорныя сплетни въ газетахъ на мой счетъ. Если дошло и до васъ, то конечно вы приняли какъ должно. Боюсь однако, что хоть *брань* на вороту не виснетъ, но про вранье этого сказать нельзя, и какъ бы не вышло какого нибудь затрудненія съ возвращеніемъ моимъ изъ-за границы. Надѣюсь впрочемъ, что все устроится къ лучшему. Вообще изъ Россіи имѣю извѣстій не много, на что конечно жаловаться не имѣю права: и остави намъ долги наши яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Совершенно не знаю, какимъ путемъ вернусь въ Россію, но едва ли увидимся раньше

октября въ Москвѣ. Будьте здоровы и не поминайте лихомъ. Цѣлую ручки Маріѣ Петровнѣ и кланяюсь Екатеринѣ Владимировнѣ и всѣмъ общимъ друзьямъ, если кого увидите.

Въ Воробьевку. $\frac{21 \text{ авг.}}{6 \text{ сент.}}$ 1888. Viroflay.

Дорогой и глубокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Истинно, былъ обрадованъ вѣстью отъ васъ. И хотя вы недовольны жизнью, но я доволенъ, что вы живете если не лучше, то и не хуже прежняго. Очень часто вспоминалъ и вспоминаю про васъ съ Маріей Петровной, какъ въ парижской суетѣ, такъ и въ теперешнемъ уединеніи. Съ конца здѣшняго, т. е. съ половины русскаго августа я живу въ мѣстечкѣ Virofl ay, близь Версаля, на дачѣ Bonrepos, принадлежащей моему пріятелю Леруа-Больё, который уѣхалъ съ своимъ семействомъ въ деревню къ тещѣ и предоставилъ въ мое распоряженіе павильонъ съ садомъ. Этотъ садъ, весьма красивый, и смежность большого лѣса Сенъ-Клу дѣлаютъ мое мѣстопребываніе раемъ земнымъ — до сотворенія Еввы, такъ какъ я нахожусь въ полномъ одиночествѣ. Впрочемъ о раѣ можно здѣсь говорить только сравнительно съ парижской гостинницей, наполненной шумливыми и безцеремонными американцами. А для настоящаго рая въ моемъ Bonrepos помимо Еввы недостаетъ многаго, напримѣръ рѣкъ: Фишона, Гихона, Хиддэкэля и Фрата. Не шутя, безъ воды природа теряетъ половину своей прелести. Но особенно недостаетъ мнѣ, сравнительно съ прошлымъ лѣтомъ, милаго Воробьевскаго общества. Полное одиночество прекрасная вещь, и я имъ наслаждаюсь послѣ парижской суеты, — но только не надолго, и навѣрное я не могъ бы прожить такъ съ удовольствіемъ полгода, какъ прожилъ въ Воробьевкѣ. Дѣла свои въ Парижѣ я насколько могъ устроилъ. Книга готова къ печати и выйдетъ, надѣюсь, до начала зимы. О

брошюрѣ моей Idée russe было въ разныхъ французскихъ и бельгійскихъ журналахъ и revues (большею частью религіозныхъ) много хвалебныхъ статей. Хвалятъ между прочимъ за чистоту французскаго языка, въ которомъ я за послѣднее время дѣйствительно усовершенствовался.

Здѣсь въ Virofl ay проживу я до 22, т. е. по русскому до 10 сентября, и если это мое письмо дойдетъ до васъ своевременно, а вы съ обычной вамъ аккуратной любезностью захотите тотчасъ отвѣтить мнѣ, то можете адресовать сюда. Отсюда, остановившись на три или четыре дня въ Парижѣ, ѣду черезъ Ліонъ, Лозанну, Вѣну, Загребъ и Краковъ — въ Москву. Полученныя мною недавно изъ Россіи извѣстія заставляютъ меня предполагать, что въ Москвѣ меня оставятъ не надолго, а препроводятъ гораздо дальше, такъ что едва ли вы будете видѣть меня этотъ годъ у себя по середамъ и воскресеньямъ. Чѣмъ менѣе разумны такія опасенія, тѣмъ болѣе они правдоподобны. Какъ справедливо во всѣхъ языкахъ различается мудрость отъ разума! Настоящая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы, признавая права разума въ теоріи, какъ можно менѣе довѣрять ему на практикѣ. А изъ этого противорѣчія слѣдуетъ, что *безусловное* значеніе принадлежитъ не умственной, а нравственной области, въ которой никакого противорѣчія нѣтъ; ибо правила: *не людоѣдствуй*, или: *не воруй сверхъ должнаго* — одинаково хороши и въ теоріи и на практикѣ. Кстати по поводу мудрости: кто-то написалъ мнѣ изъ Петербурга, что Н. Н. Страховъ изъявлялъ противъ меня большое негодованіе и раздраженіе, но тѣмъ не менѣе справлялся о моемъ адресѣ. Напишите, пожалуйста, ему, что его негодованіе меня удивляетъ и что я съ своей стороны продолжаю неизмѣнно питать къ нему одни добрыя чувства и считать его мудрѣйшимъ изъ всѣхъ твореній земныхъ. А что подѣлываетъ его идолъ? Чрезъ француза Вогюэ слышалъ я, что онъ пишетъ романъ *о вредѣ любви*. Очевидно это навѣяно бракомъ по любви N. Какъ жаль, что

я не имѣю литературнаго таланта. Недавно меня обсчитала содержательница отеля. Вотъ бы прекрасный случай написать поэму *о вредѣ гостинницъ*. — Будемъ однако надѣяться, что впечатлѣніе отъ брака N скоро смѣнится какимъ нибудь другимъ неудовольствіемъ и т. д., и что эти субъективно-утилитарные романы будутъ пожирать другъ друга до появленія на свѣтъ. Однако, какъ я заболтался по старой Воробьевской привычкѣ! Будьте здоровы, мой истинный анти-утилитарный поэтъ! Мой сердечный поклонъ многоуважаемой Маріѣ Петровнѣ. Привѣтствую Екатерину Владимировну и всю Воробьевку.

Въ Москву. Петербургъ 27 янв. 1889.

Дорогой и глубокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Привѣтствуютъ васъ звѣздъ золотыя рѣсницы, и мѣсяцъ плывущій по лазурной пустынѣ, и плачущія степныя травы, и розы весеннія и осеннія; привѣтствуетъ васъ густолистый развѣсистый лѣсъ, и блескомъ вечернимъ овѣянныя горы, и милое окно надъ снѣжнымъ каштаномъ. Привѣтствуютъ васъ голубые и черные ангелы, глядящіе изъ-за шелковыхъ рѣсницъ, и гротъ Сивиллы съ своею черною дверью. Привѣтствуетъ васъ левъ св. Марка, и жаръ птица, сидящая на суку извилистомъ и чудномъ. Привѣтствуютъ васъ всѣ крылатые звуки и лучезарные образы между небомъ и землею. Кланяется вамъ также и меньшая братія: слѣпой жукъ, и вечернія мошки, и кричащій коростель, и молчаливая жаба, вышедшая на дорогу. А наконецъ привѣтствую васъ и я, въ видѣ того сѣраго камня, котораго вы помянули добрымъ словомъ. Плачетъ сѣрый камень, въ прудъ роняя слезы. И хоть не надъ прудомъ, а надъ цѣлымъ океаномъ человѣческой безсмыслицы приходится плакать, но есть и утѣшеніе, пока надъ этимъ мутнымъ потокомъ недвижимо стоитъ свѣтлая радуга чистой поэзіи и заранѣе празднуетъ будущій миръ

неба съ землею. Безцѣнный мой отрѣзокъ настоящей неподдѣльной радуги, обнимаю васъ мысленно въ надеждѣ на скорое свиданіе.

Въ Воробьевку. 20 іюля 1889 г.

Дорогая и глубокоуважаемая Марья Петровна, сердечно поздравляю васъ съ днемъ вашихъ именинъ и очень сожалѣю, что долженъ сдѣлать это по почтѣ, а не лично. Но благоразуміе удерживаетъ меня въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, во-первыхъ потому, что я уже третій мѣсяцъ нездоровъ, такъ что будучи въ Петербургѣ ѣздилъ даже къ Сергѣю Петровичу, который нашелъ у меня болѣзненное состояніе симпатическихъ нервовъ и предписалъ спокойную жизнь а также и благодѣтельныя пилюли изъ ляписа, белладоны и еще чего-то, которыя весьма мнѣ помогли, но все таки я еще не совсѣмъ пришелъ въ нормальное состояніе. А во вторыхъ въ августѣ мѣсяцѣ мнѣ можетъ предстоять крайняя необходимость по одному очень важному для меня обстоятельству съѣздить еще въ Петербургъ, а это сдѣлать удобнѣе изъ Москвы, нежели изъ Воробьевки. Вотъ я и сижу въ родительской квартирѣ вдвоемъ со старухой кухаркой и лишь время отъ времени навѣщаю родныхъ и знакомыхъ, обитающихъ въ предѣлахъ Московской губерніи. Будьте здоровы, глубокоуважаемая Марья Петровна. Кланяюсь Екатеринѣ Владимировнѣ. Аѳанасію Аѳанасьевичу прилагаю особый листъ.

Дорогой и глубокоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Искренно сожалѣю, что по причинамъ, которыя объясняю въ письмѣ Маріѣ Петровнѣ, не придется мнѣ это лѣто быть въ Воробьевкѣ. Впрочемъ недалеко ужъ и до осени, и скоро надѣюсь обнять васъ въ Москвѣ. Что то вы подѣлываете? Не забывайте, что осенью мы съ вами должны

собрать новый выпускъ Вечернихъ Огней. Что касается до меня, то несмотря на нездоровье я работаю въ одиночествѣ усерднѣе обыкновеннаго. Съ тѣхъ поръ какъ мы видѣлись вышелъ здѣсь мой переводъ Канта, который вручу при свиданіи, а въ Парижѣ французская книга, которой какъ слышу появилось уже второе изданіе. Но я не получалъ еще ни одного экземпляра и никакихъ извѣстій кромѣ того, что мои пріятели іезуиты сильно меня ругаютъ за вольнодумство, мечтательность и мистицизмъ. Вотъ и угоди на людей! Я впрочемъ не только объ угожденіи, но даже и объ убѣжденіи людей давно оставилъ попеченіе. Довольно съ меня свидѣтельствовать, какъ умѣю, объ истинѣ, въ которую вѣрю, и о лжи, которую вижу. А тамъ, что Богъ дастъ. Въ настоящее время я, такъ сказать, ѣду на тройкѣ: въ корню у меня ссмилѣтній трудъ, который только что теперь окончилъ вчернѣ и началъ набѣло, а на пристяжкѣ съ одной стороны разрушеніе славянофильства для осеннихъ NN Вѣстника Европы, а съ другой стороны разсужденіе «о красотѣ» для перваго N Гротовскаго журнала. Опредѣляю красоту съ отрицательнаго конца какъ *чистую безполезность*, а съ положительнаго какъ *духовную тѣлесность*. Сіе послѣднее будетъ ясно только изъ самой статьи, которая, надѣюсь, заслужитъ ваше одобреніе.—Будьте здоровы, дорогой мнѣ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и не поминайте лихомъ неизмѣнно васъ любящаго.

Въ Воробьевку, 20 іюля, 1890 г. Ст. Дѣдова.

Дорогая и глубокоуважаемая Марья Петровна. Спѣшу написать нѣсколько словъ, чтобы во время поздравить васъ съ 22 Іюля. Я на дорогѣ въ Петербургъ, по возвращеніи откуда думаю (и почти увѣренъ), что пріѣду въ Воробьевку. Объ васъ съ Аѳанасьемъ Аѳанасьевичемъ узнаю только изъ Русскаго Обозрѣнія. Но скоро надѣюсь

увидѣться. Это лѣто впрочемъ вы не были одиноки, а я частью проводилъ время въ Москвѣ совершенно одиноко на пустой квартирѣ съ дворникомъ и ласточками надъ моимъ окномъ (это мое единственное утѣшеніе въ Москвѣ, на дняхъ вывелась цѣлая стая молодыхъ); частью же гостилъ въ окрестностяхъ Москвы у Трубецкихъ, Лопатиныхъ, у брата Миши и у сестры Поповой. Чувствую себя довольно хорошо и очень много работаю: становлюсь въ родѣ литературнаго поденщика. Аѳанасію Аѳанасьевичу напишу на досугѣ. Сердечно его обнимаю. Кланяюсь Екатеринѣ Владимировнѣ.

1891—1892?

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, сегодня къ сожалѣнію не могу быть у васъ, зайду на дняхъ вечеркомъ. Не найдете ли вы возможнымъ передать мнѣ Шуфовскаго Баклана для прочтенія находящемуся теперь въ Москвѣ редактору Вѣстника Европы? Поэма дѣйствительно хороша, особенно по нынѣшнему времени, а если она появится только отдѣльнымъ изданіемъ, минуя журналы, то ее никто не прочтетъ. Если вы не затрудните довѣрить мнѣ рукопись на нѣсколько дней, то передайте посланному, въ противномъ случаѣ нельзя ли важъ будетъ освѣдомиться у автора и сообщить мнѣ при первомъ свиданіи

P. S. Прилагаемую книжку прошу васъ передать Е. М. Семенковичъ, которая желала имѣть мой автографъ.

Записки безъ обозначенія года.

Многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Ваше стихотвореніе въ Руси начинается такъ: Нынѣ первый мы слышали громъ.—Я эти дни не свободенъ. Раньше вторника къ вамъ не соберусь.

*

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, мать и сестра все еще больны, и весь домъ наполненъ непрестаннымъ кашлемъ. Я удрученъ спѣшными работами, но въ среду, если буду живъ, приду непремѣнно. Очень обрадованъ и польщенъ вашимъ вниманьемъ къ моимъ виршамъ и съ величайшимъ интересомъ буду слѣдить въ среду за движеньемъ вашего указательнаго перста. До свиданія.

*

Сердечно поздравляю васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Хотя я выѣзжаю и недѣлю прожилъ въ Славянскомъ Базарѣ, «очистился и показался священникамъ», а сверхъ того постоянно употребляю въ большомъ количествѣ дезенфекціонныя средства, напримѣръ вино,—тѣмъ не менѣе опасаюсь къ вамъ сегодня пріѣхать, ибо хотя вы сами и Марья Петровна, насколько помню, свободны отъ микробофобическихъ суевѣрій, но быть можетъ сегодняшніе ваши гости имъ весьма подвержены. Во всякомъ случаѣ до свиданья. Мать и всѣ мои усердно васъ поздравляютъ. Сердечно кланяюсь Марьѣ Петровнѣ.

*

Дорогой Аѳансій Аѳанасьевичъ! Я заболѣлъ. Вчера даже думалъ, что совсѣмъ слягу. Сегодня лучше, но все таки не выхожу. Въ прошлую среду вечеромъ у Баратынскихъ одна дама, кн. Вяземская, предсказала мнѣ болѣзнь, но кратковременную. Такъ какъ первая часть предсказанія сбылась, то, надѣюсь, сбудется и вторая. Итакъ до скораго свиданья.

*

Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Въ виду продолжающейся простуды я отложилъ до завтра свой отъѣздъ и сижу дома за статьей о лирической поэзіи. Если у васъ есть одна книжка Страхова о нашихъ поэтахъ, изданная

года два тому назадъ, то пожалуйста пришлите мнѣ ее завтра часовъ въ 12. Хотя у насъ со Страховымъ совершенно различный образъ мыслей, но именно по части поэзіи есть общіе вкусы, а потому можетъ произойти совпаденіе и въ сужденіяхъ, чего я желалъ бы избѣжать. До скораго, надѣюсь, свиданія.

МЕМУАРЫ, ЗАПИСКИ И ПИСЬМО КНЯЗЯ А. И. УРУСОВА

Приступивъ къ разбору бумагъ покойнаго князя Урусова, семейство его довѣрило мнѣ окончательную редакцію того, что оно изъ этихъ бумагъ желало бы огласить въ печати. Издаваемые теперь отрывки изъ «Записокъ» были писаны кн. А. И. для себя и для своихъ близкихъ; они были начаты имъ въ прошломъ году, когда, безнадежно больной, онъ чувствовалъ приближеніе конца и страшился «мертваго молчанія». Но молчаніе смерти не скоро должно наступать для такихъ выдающихся людей, для такихъ передовыхъ дѣятелей! То немногое, что знаменитый адвокатъ успѣлъ сообщить о себѣ въ этихъ отрывкахъ, имѣетъ цѣнность историческаго документа, потому что сторона жизни, которую онъ самъ называетъ «мелочной и ненужной», напротивъ—значительна и интересна; она необходима для пониманія всей его личности сложной и богато отъ природы одаренной, для характеристики его общественной дѣятельности, громкой и блестящей; необходима, слѣдовательно, и для опредѣленія его значенія въ исторіи русскаго общества.—А. Андреева.

1. МЕМУАРЫ

Предисловіе.

.....Въ такое время, когда будущаго почти не существуетъ, я обращаюсь къ своему прошедшему. Я съ любовью коллекціонера собираю памятники своей собственной исторіи. Пусть они для другихъ и мелочны, и неинтересны. Но для меня моя жизнь интересна, даже значительна. Хотя я вовсе не воображаю себѣ, что она

значительна или назидательна для другихъ, но я не для другихъ пишу, а для себя, для самыхъ близкихъ мнѣ людей. Мнѣ мерещится, будто я не весь умру, если и послѣ того, какъ мое *я* обратится въ прахъ и исчезнетъ навсегда, мой голосъ, мои мысли, мои грѣшныя чувства будутъ невнятнымъ шопотомъ слышны на этихъ страницахъ.

То, что въ моей жизни можетъ быть интересно для публики, моя судебная карьера, менѣе всего интересна для меня: конечно, я не могу обойти молчаніемъ и эту сторону, показную, такъ сказать. Но меня влекутъ иныя воспоминанія—моей интимной, скрытой жизни, до которой никому нѣтъ дѣла, а мнѣ есть. Матеріалами для настоящихъ записокъ послужили мои «мемуары» въ трехъ томахъ и отдѣльной тетради и мои 43 карманныя записныя книжки. Кромѣ того, я пользовался своимъ обширнымъ архивомъ и библіотекою; съ дѣтства у меня была манія: хранить всякую бумажку, всякое письмо,—все, что служитъ невольнымъ и безсознательнымъ, а потому и достовѣрнымъ памятникомъ времени. Эта кропотливость архивнаго собирателя принесла мнѣ, однако, больше вреда, чѣмъ пользы: я все накоплялъ, да накоплялъ матеріалы, а до разработки ихъ такъ и не дошелъ.

Попробую теперь писать каждый день понемногу. Думаю, мои близкіе... захотятъ пробѣжать нѣсколько страницъ... пусть хоть немного поговорятъ со мною: все же лучше, чѣмъ *мертвое* молчаніе.

I. ДѢТСТВО ДО-УЧЕБНОЕ.

Мое рожденіе. — Отецъ. — Мать. — Дѣдъ кн. А. М. Урусовъ. — Бабушка. — Дѣдъ Ив. Дм. Нарышкинъ.—Марья Карловна.— Первыя дѣтскія воспоминанія.—Паркъ.—Сашенька Сафонова.—Фима.—Кормилица.— Мадамъ Франсуа.— Строгости отца. — Горничная Катя.— Крѣпостные нравы.— Удаленіе Франсуа.— Нѣмки. — Шарлота Карловна. — Марія Сергѣевна. — Семейныя распри.

II. ДѢТСТВО. НАЧАЛО УЧЕНІЯ ДОМА.

Гувернеры: Дюмушель. — Голландъ. — Н. И. Жуковъ.

I

Я родился въ Москвѣ, 2 апрѣля 1843 года. Въ красной книжечкѣ, озаглавленной: Livre de mémoire, матушка записала: «Je suis accouchée d'un fils, Alexandre, le 2 d'Avril 1843. A la sixième semaine du Carême, un jeudi à sept heures du matin. Son parrain a été mon beau père le P-ce Ouroussoff et ma tante An. Dm. Nariskinn, en suite maman et le général Strékaloff.

Мои родители жили въ то время у Красныхъ Воротъ. Отецъ мой, кн. Иванъ Александровичъ (родился въ мѣ 1812 г., ум. въ Петербургѣ 1870 г.), былъ младшій изъ сыновей оберъ-гофмейстера кн. Александра Михайловича Урусова, президента Московской Дворцовой Конторы, и его супруги, Екатерины Павловны, урожденной Татищевой, братъ которой, Дмитрій Ивановичъ, былъ посломъ въ Вѣнѣ. Екатерина Павловна приходилась племянницей знаменитой Екатерины Романовны Дашковой. Она, въ своихъ мемуарахъ, упоминаетъ о бракѣ племянницы съ кн. Урусовымъ *).

*) О кн. А. М. Урусовѣ см. Семевскій о Пушкинѣ въ Русск. Вѣстн. 1869 г. Пушкинъ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ дѣда.

О дѣдушкѣ Александрѣ Михайловичѣ я сохранилъ довольно ясныя воспоминанія. Помню я, какъ меня возили къ нему, въ его домъ на Садовой (нынѣ штабъ Гренадерскаго Корпуса, № 160); тогда этотъ домъ былъ двухъ-этажный. Поднявшись по невысокой лѣстницѣ, помню, входили въ комнату прихожую. Высокія запыленныя окна выходили, какъ и теперь, на парадный дворъ и на улицу. Справа была большая зала. Черезъ нея возили дѣдушку въ креслѣ на колесахъ въ отдаленную комнату. Въ этой же залѣ обѣдали, и въ ней же, задрапированной чернымъ, я впослѣдствіи, при свѣтѣ восковыхъ свѣчей и въ волнахъ ладана, видѣлъ дѣдушку, лежащаго въ гробу.

Если изъ прихожей повернуть налѣво, то вступаешь въ анфиладу парадныхъ комнатъ. Сначала большая гостиная, обыкновенно пустая. Въ ней, я отлично помню, на подзеркальникѣ стояли гипсовыя фигуры, отъ времени принявшія видъ совершенно сѣраго камня. Сперва была группа Лаокоона, а потомъ статуя Геркулеса Фарнезскаго. Вслѣдъ за гостиной помню темноватую вторую гостиную, освѣщенную лампою подъ абажуромъ. Здѣсь, за столомъ передъ диваномъ, сидѣли другъ передъ другомъ дѣдушка и бабушка. Онъ—высокій, сѣдой, худощавый. На лицѣ его, какъ я вижу по портретамъ, лѣта наложили отпечатокъ кроткой старческой томности. Эту черту я потомъ находилъ въ лицѣ старѣвшихъ Урусовыхъ: у кн. Петра Александровича, у княгини Радзивиллъ. Томность эта отражала усталость жизни и умиротвореніе. Вѣроятно, на такое истомленное выраженіе вліяла и нервная болѣзнь: у дѣдушки были парализованы ноги. Атавизмъ отразился на поколѣніи его внуковъ: табетическія заболѣванія поразили сыновей кн. Ивана—Петра и Павла.

Бабушка, когда я ее видѣлъ, страдала старческимъ безпамятствомъ: она всѣхъ узнавала, но никого не могла назвать. Намъ говорили: «бабушка ничего не помнитъ», и мы, дѣти, находили это совершенно естественнымъ.

И вотъ, изъ года въ годъ старички проводили оста-

токъ жизни, не разлучаясь. Какъ ни пріѣдешь, дѣдушка и бабушка сидятъ другъ передъ другомъ. Дѣдушка раскладываетъ пасьянсъ, бабушка, около которой постоянно приживалка или старая горничная, молчитъ. Въ гостиной полутьма. Слѣва у стѣны горка съ портретами семьи. Сыновья въ гусарскихъ мундирахъ съ аксельбантами, графы Мусины-Пушкины, Горчаковы; все акварели и литографіи. Тихо въ гостиной. Гости говорятъ, не возвышая голоса. Мы тоже шумѣть не смѣемъ. Дѣдушка, съ зеленымъ абажуромъ на глазахъ, даетъ мнѣ поцѣловать свою морщинистую руку. Разъ, помню, онъ подарилъ мнѣ новенькій серебряный рубль: блестѣлъ замѣчательно.

Домъ былъ небогатый. Въ передней, на ларяхъ, сидѣли высокіе бритые лакеи и вязали чулки. Одинъ изъ нихъ, старикъ Василій, въ 70-хъ годахъ служилъ у меня въ Москвѣ. У дѣдушки было, однако, порядочное состояніе. Каждому изъ сыновей досталось послѣ его смерти, если не ошибаюсь, тысячъ по 40. Дочери всѣ были замужемъ, сыновья всѣ женаты.

Рукопись обрывается въ тетради, больше ничего не вписано — на другихъ листахъ меньшаго формата читаемъ слѣдующее.

Дѣдушку Ивана Дмитріевича Нарышкина и бабушку Марію Карловну (по первому браку Эльсницъ) помню я не очень хорошо. Сохранилось у меня впечатлѣніе, что дѣдушка былъ истинный баринъ, ласковый и тароватый,— а что дѣдушка Урусовъ былъ тоже баринъ, но чиновный, а дѣдушка Нарышкинъ нигдѣ не служилъ и жилъ себѣ въ свое удовольствіе, какъ въ Москвѣ жили тогда неслужащіе дворяне. Зналъ я, что у дѣдушки имѣнія и много душъ крестьянъ и что больше всѣхъ дѣтей онъ любилъ мою мать. Вотъ передо мною его портретъ, тонкая миніатюра на кости. На породистомъ лицѣ я вижу черты сходства съ maman. Голубые глаза и характерный ротъ. Волосы у grand-papa сѣды. Бакенбарды подбриты снизу и направляются отъ виска къ ноздрѣ: такая была

мода. Конечно, ни усовъ, ни бороды. Одѣтъ онъ въ черный халатъ съ красной подкладкой, а на шеѣ повязанъ красный галстухъ. Но въ глазахъ точно оттѣнокъ грусти. И у maman въ характерѣ преобладала сентиментально-меланхолическая нотка. Дѣдушка кажется озабоченнымъ: его любимая дочь не совсѣмъ была счастлива въ бракѣ. Съ зятемъ вышли непріятности по вопросамъ имущественнымъ. Maman потомъ говорила мнѣ, что отецъ не любилъ дѣдушку: «Какой это Нарышкинъ, это Ярыжкинъ!» Но я, чуть помню себя, испыталъ на себѣ ласку дѣдушки. И какъ рано онъ умеръ! Гораздо раньше дѣдушки. Урусова.

А вотъ красный, сафьянный съ бронзою альбомъ, частью исписанный рукою Ивана Дмитріевича Нарышкина..

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ № 1.

C'est mon passé qui palpite dans ces pages, c'est ma vie qui y circule, c'est mon âme qui y flotte, errante et éphémère.
8 Juin 1892.

Feu Ouroussoff.

5 іюня 1872.

Мнѣ 31 годъ, я отправляюсь за границу. Въ маѣ 1872 у меня былъ обыскъ, потомъ производилось дознаніе по обвиненію въ сношеніяхъ съ Нечаевцами. Обыскъ ничего не обнаружилъ, кромѣ письма ко мнѣ князя Черкезова и нѣсколькихъ расписокъ (въ полученіи отъ меня небольшихъ пособій), выданныхъ мнѣ незнакомыми мнѣ людьми. «Странно, замѣтилъ при дознаніи товарищъ прокурора Рынкевичъ, что пишутъ вамъ политическіе ссыльные, деньги берутъ политически-неблагонадежные... не кажется ли вамъ это совпаденіе страннымъ?»— Я отвѣ-

чалъ, что ничего здѣсь не вижу страннаго: пишетъ мнѣ Черкезовъ, котораго я знаю по процессу, гдѣ я защищалъ; а деньги брали лица, о которыхъ я справокъ не наводилъ, да и случаевъ этихъ было немного: одинъ-два. Если бы я зналъ, что они политически-неблагонадежные, зачѣмъ бы я сталъ брать съ нихъ расписки? Вѣдь я это дѣлалъ только для того, чтобы щадить самолюбіе берущаго: это, де, не милостыня, а простая ссуда; когда будутъ деньги, отдадите. Переписки же у меня съ Нечаевцами вовсе никакой не было. Одинъ изъ нихъ мнѣ писалъ, звалъ въ тюрьму навѣстить его (и я поѣхалъ, да ужъ не засталъ), но я ему, Черкезову, не писалъ.

Вся эта исторія, тягостная обстановка обыска, понятые, генералъ — произвела на меня и на весь домъ (жена только что разрѣшилась) самое непріятное впечатлѣніе. Я, конечно, отлично зналъ, что все это — сущій вздоръ, что я никогда не участвовалъ ни въ какихъ заговорахъ, питая глубокое отвращеніе къ деспотической дисциплинѣ тайныхъ обществъ и къ морали бандитизма. Я былъ адвокатъ; зналъ подкладку тайныхъ обществъ изъ процесса объ убійствѣ Иванова (такъ называемое «Нечаевское дѣло»). Какъ адвокатъ, я изучалъ и подсудимыхъ и дѣло — но все таки, не отказывая въ сочувствіи и состраданіи нѣкоторымъ идеалистамъ изъ этой среды, я не испытывалъ ни малѣйшаго влеченія къ ихъ ребяческимъ планамъ. Я, будучи 31 года отъ роду, съ женой, ребенкомъ, большой практикой и обезпеченнымъ состояніемъ, по натурѣ эпикуреецъ и скептикъ,— пойду я въ компанію, гдѣ толкуютъ объ убійствѣ непослушнаго Иванова, о печатаніи прокламацій, о поклоненіи Нечаеву! Мнѣ казалось дикимъ и нелѣпымъ даже такое предположеніе. Что же такое, что я либералъ, защищаю либеральныя дѣла? Но я прежде всего адвокатъ и послѣ Нечаевскаго дѣла защищаю предводителя дворянства Огарева, или вообще какого бы то ни было подсудимаго, разъ онъ призвалъ меня на помощь.

Ѣхалъ я за границу вслѣдствіе разстроенныхъ нервовъ, давшихъ о себѣ знать сильнѣйшими болями n. trigenici. Понятно, что, побывавъ, такъ сказать, въ лапахъ у медвѣдя и благополучно (какъ я воображалъ) уйдя отъ него, я подъ впечатлѣніемъ обыска, бала у кн. Долгорукова въ присутствіи государя (дядюшка кн. М. А. Урусовъ просилъ меня отъ имени хозяина уѣхать...) ѣхалъ за границу довольно... напуганнымъ! Это слово не точно передаетъ мою мысль — я былъ на стражѣ, но думалъ, что буря миновала: если ужъ отпустили меня за границу, значитъ— ничего! разсуждалъ я, забывая, что ничего нѣтъ опаснѣе логическихъ умозаключеній.

Но во всякомъ случаѣ, я былъ радъ! Я ѣхалъ въ невѣдомую, но заманчивую даль съ деньгами въ карманѣ и съ легкимъ сердцемъ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. И. УРУСОВА.

4 іюня 1900 Москва.

Прочелъ Ѳому Гордѣева — не подъ рядъ, невозможно размазано, но почти подъ рядъ. Авторъ — закоренѣлый романтикъ, воспитанный на самыхъ плохихъ традиціяхъ русской, крѣпостной журналистики. Онъ, видимо, малый снаровистый: знаетъ, какъ потрафлять рынку, и преуспѣлъ тотчасъ же, что вообще въ литературѣ не очень хорошій признакъ: только старое нравится толпѣ, новое обыкновенно нравится слѣдующему поколѣнію. Романтизмъ виденъ въ фальшивомъ колоритѣ всего романа. Авторъ не любитъ свое изображеніе, не можетъ дойти до эпическаго восхищенія пошлостью — онъ все обличаетъ, какъ сатирикъ; все морализуетъ, какъ публицистъ. Ѳома кутитъ и развратничаетъ. Это могло бы быть прекрасно; но нужно, чтобы оно было наивно и наведено на болѣе острой наводкѣ на фокусъ. Дѣвы, раздѣляющія его во-

сторги, очерчены недурно... но авторъ все портитъ, заставляя и своего пьяницу и дѣвицъ «искать правду», сокрушаться, обличать зло! Это до тошноты невыносимо и фальшиво. Всѣ плачутъ, всѣ рыдаютъ (у насъ въ беллетристикѣ даже соловьи не поютъ, а рыдаютъ — хотя, кажется, въ эпоху пѣнья соловью рѣшительно нѣтъ причинъ рыдать... развѣ только объ отсутствіи конституціи!). Всѣ эти озлобленныя тирады отдаютъ мертвечиной журнальной этики. А по этой этикѣ можно изобразить что и какъ угодно, — лишь бы пришпиливать къ подолу музы назидательную сентенцію.

Безвкусіе автора и его туповатое отношеніе къ природѣ, слабая индивидуализація личностей и изобиліе ругательствъ (маскирующихъ вялость вымысла) также должны быть поставлены ему въ счетъ дефектовъ. Въ немъ не чувствуется настоящей силы, а всѣ внѣшніе признаки ея — подобіе, изображеніе. Такой писатель, при отвратительной манерѣ все размазывать и все изображать подъ условнымъ угломъ зрѣнія, едва ли принадлежитъ къ крупнымъ. Это журналистика, а не поэзія.

Бальмонтъ прислалъ «Горящія зданія». Первое впечатлѣніе — крайне неблагопріятное. Mania grandiosa, кровожадныя гримасы. Эпиграфомъ слѣдовало бы поставить: изумляю міръ злодѣйствомъ, и упокойнички спасибо скажутъ, что умерли. Его «faculté maitresse» искусство оттѣнковъ, — замѣнило какое-то гоготаніе. Книга производитъ впечатлѣніе психіатрическаго документа... Ну, а Добролюбовъ съ Брюсовымъ, это ужъ — на чистоту! изъ клиники душевно-больныхъ. Книжка о Hauptmann'ѣ написана сухо, но умно и содержитъ кое какія свѣдѣнія объ исторіи пьесы. Я очень слабъ: пульсъ 100. Мечтаю объ уѣздѣ въ уѣздъ. Урусовъ.

ЗАМѢТКИ НА ПОЛЯХЪ НЕПРОЧИТАННОЙ КНИГИ.

I

Въ іудейскомъ законѣ левирата («братъ долженъ возстановить сѣмя въ женѣ умершаго бездѣтнымъ брата») безспорно содержится кровосмѣсительство. Но кровосмѣсительство тонкою чертою содержится въ самой *сути* брака. Вчера невѣста ничего не чувствовала къ братьямъ, дядямъ, отцу, племянникамъ жениха. Сегодня она сама смѣсилась только съ женихомъ, стала его женою. Но любопытно, что на другой день, здороваясь со всѣми, она иначе съ ними говоритъ, къ нимъ обращается и, главное, иначе всѣхъ ихъ чувствуетъ. Въ мужѣ и черезъ мужа она всѣхъ ихъ *почувствовала*. И это новое чувствованіе, какое-то тончайшее кровосмѣсительство, и составляетъ «узы родства», «узы крови». Она «своя» изъ всѣмъ, они всѣ «свои» ей. Т. е. безъ аномаліи (an und für sich) кровосмѣсительства — браки были бы какіе-то обрубленные; было бы только «спариваніе двухъ», «парность» родства. Но не было-бы «родовитости».

II

Помѣшались на «дѣвственности» и «безпорочности». Да этого, какъ идеала, разумомъ и построить нельзя. Это постулаты не ума, а пола; алканія отвергаемаго вами (аскеты) пола. Хотите ли вы частныхъ доказательствъ? Возьмите Свидригайлова: онъ только и хочетъ дѣвственности,

отвращается отъ женщинъ. Хотите ли вы универсальныхъ доказательствъ? Возьмите всемірную первую любовь: «прилѣпленіе» расплылось и не помышляется, яростно отвергается. И между тѣмъ «первая любовь» вѣдь не изъ книжки же вычитана, эта есть утро пола, имѣющее дойте до его полдня и вечера. Такимъ образомъ вы сами дѣвственники и съ закономъ дѣвственности отъ пола: какъ же вы его оспариваете? Да не только какъ рожденные отъ женъ, но и въ построеніи идеаловъ вы есте о полѣ и въ немъ существуете.

III

Незаконорожденность. Хотите проглотить ребенка; ну, эта пища вамъ не по зубамъ. Замѣчали ли вы, что собака не кусаетъ ребенка. Но я знаю одну такую собаку, которая изъ всего преимущественно любитъ ухватить ребенка за икры. Индѣйскій пѣтухъ, въ Бѣломъ: онъ вдругъ поднялъ крылья, и закричалъ, затрясъ носомъ; шелъ мимо мальчикъ, трехъ - двухъ лѣтъ: до чего испугался; и какъ къ нему (съ какой любовью) бросился мужикъ на помощь, очевидно не противъ пѣтуха, а противъ своего и ложнаго испуга. Дѣтей всѣ жалѣютъ, кромѣ аскетовъ. Тѣмъ о ребенкѣ внимательно и подумать страшно: *полюсъ другой святости*, не то, что «косточка» «отъ пальчика» въ «благоуханіи нетлѣнія».

IV

Повидимому, аномалія кровосмѣшеніе имѣетъ тенденцію къ кротости. Въ полѣ безспорно содержится элементъ грубости, дерзости. Волкъ встрѣтилъ волчиху въ лѣсу — вотъ звѣрское въ немъ, и бывающее. Этотъ элементъ привходитъ вообще при «познаніи» посторонняго чужака. «Похитилъ», «схватилъ» гдѣ нибудь въ полѣ». Случай и грубость. «Вчера не зналъ», «завтра не буду знать». Кровосмѣшенье — обратный полюсъ. «Всегда зналъ».

Самый характеръ сближенія, вѣроятно, чрезвычайно медлительный, не имѣетъ ничего общаго съ полемъ и лѣсомъ. Вообще тутъ начинается агнецъ пола, «елей» сближенія. Иначе и объяснить нельзя. Здѣсь въ физіологіи исчезаетъ именно физіологія: не осязаніе же и не нужда руководитъ. Замѣчательно, что въ началѣ Израиля мы встрѣчаемся съ этой аномаліей (Авраамъ и Сар-ра, Исаакъ и Реввекка, но и еще ближайшія отношенія).

Викторія (королева Англіи) избрала себѣ въ мужа двоюроднаго брата Альберта. Бракъ былъ счастливъ и плодовитъ; въ царственныхъ семьяхъ Европы — примѣрно нѣженъ и поэтиченъ. Не имѣемъ основанія принимать это за притворство: гдѣ допущены (и очень часты) эти слегка кровосмѣсительные браки, вообще имѣютъ семью твердую и нѣжную. Семья зарождается не «въ лѣсахъ» (балы), а дома. Тоже у евреевъ, при тонкомъ кровосмѣшеніи левирата.

V

Если въ знакахъ пола есть что нибудь религіозное, то оно почувствуется по кругу въ 360^0, а не въ 180^0 (другой противоположенный полъ). Здѣсь просвѣтъ въ еще аномалію, окружающую «обрѣзанье» и такъ волновавшую Платона. Не здѣсь ли разгадка мистическихъ «144.000 старцевъ» *(Ап.)*? Почему не сказано «мужей», «юношей», «отроковъ»? Но старцы усиленно попадаютъ, передъ загробнымъ міромъ, въ эту аномалію. Вѣдь ничего мы въ ней не понимаемъ, кромѣ страшнаго историческаго упорства (стойкости). Аномалія эта бываетъ и врожденная, у чистыхъ отроковъ (см. Тарновскій). Институтки, «влюбляющіяся въ подругъ» есть краткій день, почти минута, по этой же таинственнѣйшей аномаліи. Зачѣмъ бы подруги, когда есть учителя? Но пробѣгаютъ (тѣнью) подруги, и уже потомъ — учителя. Ужасно много страннаго во всемъ этомъ.

VI

Мысль моя (въ рядѣ статей о бракѣ)—пряма и ясна, что семья въ мнимой «натуральности» своей есть никакъ не менѣе древнее и священное явленіе, чѣмъ... Ecclesia Romana, Pontifex Maximus, Servus servorum Dei. И если прямо и рѣшительно всякую натуральную семью (какъ бы, гдѣ бы и когда бы она ни сложилась) Ecclesia Romana не включаетъ въ себя, то изъ нихъ (существа натуральныхъ семей) можетъ развиться своя церковь, или онѣ могутъ сложиться сами въ церковь, у стопъ Господа.

VII

Чайка надъ моремъ. Точно глотаетъ брызги волнъ. Птичка Божія. Свила гнѣздышко — вотъ и спѣла акаѳистъ Господу; принесла корма дѣтенышамъ — вотъ и еще акаѳистъ. Вѣдь не все же на латинскомъ языкѣ пѣть акаѳисты. Этимъ и инородцы обижаются, а чайка — прямо не хочетъ. Сестра мнѣ и по упрямству. Я тоже не хочу «акаѳиста», какъ всѣ, а какъ «самъ».

VIII

Морская болѣзнь не входитъ въ соображенія капитана, хотя онъ и сожалѣетъ страдающихъ ею. Конечно — жалѣетъ. Не то же ли и страданья въ мірѣ? Говорятъ, да и я прямо вижу передъ глазами, что морская болѣзнь очень мучительна. И міръ—мучится, но въ мукахъ — здоровъ. Вѣчный міръ. Люблю его, хвала ему.

Что же «фарисеи» разгадали въ страданіи міра? Ничего. А въ обрѣзаніи? — Тоже ничего. И въ субботахъ? — Тоже ничего. Такъ они ничего не угадали и, можетъ быть, даже ни надъ чѣмъ не размышляли, а только поучали? Ну, идите себѣ дальше. «Иди себѣ дальше, о странникъ, тебя я не знаю».

IX

Кто научитъ истинному духу и истинному способу «прилѣпленія», тотъ и научитъ міръ браку; а все остальное въ немъ — золоченыя щепки.

X

Въ святыхъ «субботахъ» и разрѣшена проблема брака. «Суббота» есть то же, что обрѣзаніе, но разлившееся на дни. «Обрѣзаніе», легшее на океанъ, и океанъ смирился. До вчера я не зналъ, какъ евреи проводятъ ее. Сидѣли у насъ (въ Ассернѣ около Риги) двѣ гостьи, наши русскія старовѣрки, мать лѣтъ 43, дочь — 17-ти, только-что кончившая гимназію. И разсказываетъ послѣдняя: «У насъ еврейки - ученицы въ субботу не носятъ книгъ и не пишутъ, книги несетъ (въ гимназію) за дѣвочкой человѣкъ», нельзя ничего дѣлать—альдга суббота. «Да хоть бы посмотрѣть, какъ они проводятъ субботу» (это я ей говорю). «Я видѣла въ Дуббельнѣ: какъ начнетъ смеркаться, ставятъ на столъ столько зажженныхъ свѣчъ, сколько есть въ дому мужчинъ, считая всѣхъ, даже грудныхъ дѣтей (мальчиковъ). Потомъ стоитъ хлѣбъ». (NB: Элевзинскія таинства). «Ну? читаютъ что нибудь? Говорятъ?» (Это я спрашиваю). «Раньше (до зажженыхъ свѣчей?) читаютъ Библію». «Ну?» «И больше ничего. Потомъ гасятъ свѣчи и ложатся спать» (отвѣчала дѣвочка-старовѣрка). Вѣдь эти свѣчки передъ Богомъ. Въ домѣ же Богъ, и именно теперь и особенно—Богъ, ибо «день седьмый, — Господу». Но почему свѣчъ, сколько мальчиковъ? Я думаю, свѣчи возжигаются собственно передъ идеей обрѣзанія, и свѣчей столько, сколько обрѣзанныхъ. Т. е. «обрѣзанный»—и вотъ передъ нимъ свѣчка. Горятъ огоньки Богу, и въ то же время (у присутствующихъ) уже зажигаются вѣчные огоньки. Міръ гаснетъ (вечеръ)—они вспыхиваютъ. Свѣчи гаснутъ, но какъ ярки

тогда звѣзды въ небѣ. Звѣздопоклонничество, огнепоклонничество — тутъ все, въ субботѣ, есть. Дѣвушкѣ-разсказчицѣ было только 17 лѣтъ, и она ни о чемъ не догадывалась. Да вѣдь и гебраисты ни о чемъ не догадываются, и никогда не спросили хотя бы выкреста какого: «ну, а *потомъ?*» Но какъ глубоко подошли къ этому нѣкоторые наши сектанты. Однако, у израиля это глубже и прекраснѣе, потому-что опредѣленнѣе. Отсюда объясняется характеръ субботы: трансцедентный день и въ него не должно быть вносимо ничего несубботняго». Тутъ вовсе дѣло не въ работѣ, не въ усталости, но въ разграниченіи, но въ раздѣленіи. «Всякое нынѣ житейское отложимъ»... Въ субботу каждый израильтянинъ пріобщается всему израилю, входитъ въ Іаковлевъ домъ, въ лоно «отцовъ своихъ», и собственно онъ касается даже кивота завѣта. Двѣ скрижали въ немъ, и важенъ ящикъ, гдѣ онѣ положены, и драгоцѣнная покрывающая его крышка — «съ двумя херувимами». А кстати: древо жизни стерегутъ только «два херувима» (не одинъ и не три и не сонмы) «съ мечемъ обращающимся». Въ субботу — мечъ опускается, и израиль видитъ «Древо Жизни». Но я добавляю о кивотѣ: вотъ надъ нимъ и скинія въ субботу — это самъ домъ, въ которомъ она празднуется. А мы, усталые бурлаки, думали, что и ихъ «суббота» есть только нашъ же «праздничный отдыхъ», и вѣчно дивимся, что же евреи строже наблюдаютъ субботу, чѣмъ «даже мы, совершенные» словесники. Еще бы! Ноуменъ — тамъ, у насъ — феноменъ.

XI

Телеграфная проволока *устаетъ*—и въ среду, въ пятницу работаетъ хуже (меньше проводитъ телеграммъ), чѣмъ въ понедѣльникъ. А человѣкъ не усталъ за 5000 лѣтъ работы. Но почему? Да потому, что «возрождался». Человѣкъ-фениксъ. Какое прекрасное преданіе: міръ сгораетъ, какъ 500-лѣтняя птица-фениксъ; но изъ пепла, изъ праха отца вылетаетъ новый фениксъ. «Я и отецъ одно», каркаетъ въ нѣкахъ.

XII

Что же можетъ быть угодно Богу въ «прилѣпленіи»? Наслажденіе наше? — Никакъ. Умноженіе міра, размноженіе міра? Едва ли: что богатому въ богатствахъ! Ну, такъ что же? «Чада мои! Дѣти мои!» Развѣ мать, отдавая въ замужество дочь, сейчасъ думаетъ о генеалогическомъ деревѣ? Да и не въ ея имя пойдутъ дѣти: но радость есть, и истинная радость. «Егда я радовалась, нося тебя во чревѣ, такожде и ты порадуйся, нося во чревѣ своемъ». Преемственность радости, связанность радости. М—ы (въ Нижнемъ), дочь и мать: «Все есть (говорила мать): и сервизы и серебро. И деньги есть; но только...» Дѣвушка осталась въ старыхъ дѣвахъ.

XIII

Замѣчательно, что наши 2.000 лѣтъ пугаются не передъ дикимъ пола, а передъ кроткимъ пола. Прислуга въ Петербургѣ вся растлѣвается въ первой юности, и очень нерѣдко насильственно. Но вотъ въ «третьей линіи родства нельзя вѣнчаться». Быкъ съ прямыми рогами васъ не пугаетъ; но вы дрожите, ноги подкашиваются при видѣ барашка съ загнутыми рожками.

XIV

Вздумали шельмовать младенцевъ (незаконнорожденные); полюбуйтесь на шельмованіе себя. — «Имѣйте долготерпѣніе»...; полюбуюсь я на ваше долготерпѣніе. «Не законствуйте въ рожденіи», ну, мы осмотримъ подписи и печати подъ вашими печатями.

XV

То, что кажется намъ аномаліями пола (странностями, необыкновенностями, въ высокой степени ненужными ни для чего), суть нервы во всемірномъ организмѣ брака. Оттого они такъ бурны (какъ и въ организмѣ — игра невидимыхъ почти, нѣжнѣйшихъ бѣлыхъ волоконецъ); такъ принудительны для тѣхъ рѣдчайшихъ людей, по которымъ проходятъ.

XVI

Я — бездаренъ; да тема-то моя талантливая.

XVII

Хорошо, что я, т. е. безконечно любящій даже status quo и преданнѣйшій волѣ Божіей, сталъ разрабатывать эту тему. Потому что было совершенно плохо, если бы сталъ ее разрабатывать человѣкъ злой *принципіально* — вообще враждебный. Я только поправлю ученіе о дѣтяхъ и о женщинѣ; а тамъ хоть и уснуть.

XVIII

Въ «Воскресеньи» Толстого, въ нѣкоторыхъ главахъ, хорошо показаны самоустраивающіеся мошенники (въ Петербургѣ). Я ими тоже любовался. Щедринъ о нихъ писалъ. Значитъ, всѣ «слова, слова, слова» Достоевскаго были именно только слова въ цѣляхъ успокоенія. «Былъ бы штиль на морѣ». Нѣтъ, будетъ буря.

XIX

Можетъ быть одинъ упрекъ мнѣ: что я разболталъ Божію тайну, которая должна бы быть сокровенною, «во мглѣ». Обнажилъ корешокъ древа жизни, который дѣйствуетъ, но не видимъ. Но за это ужъ пусть попеняютъ на гг. аскетовъ, которые вздумали отрицать Божію тайну. Да и потомъ я лишь указалъ, а не разъяснилъ: ибо полъ такъ и останется неисповѣдимъ. Мы видимъ молнію, но не понимаемъ электричества.

XX

Демоническая или божественная наша цивилизація? Никто не обратилъ вниманія на тайное указаніе въ моей статьѣ: «Кроткій демонизмъ».

XXI

Мы представляемъ себѣ демона злымъ и грубымъ. Но вѣдь это жалкое представленіе разныхъ отшельниковъ: онъ «первый послѣ Бога», «возставшій противъ Бога», т. е. ангело-подобный и даже бого-подобный. Но *не* Богъ. Его доброта чрезвычайна сравнительно съ человѣческой, его красота — удивительна.

XXII

«О вкусахъ не спорятъ». Почему же о догматахъ спорятъ? Потому что это характерно *не вкусовые* догматы. Постройте догматы по категоріи вкуса — и споры прекратятся, или ихъ не будетъ въ такомъ множествѣ и такой раздробленности. Кельнскій и св. Петра соборы, какъ ни различны,—всѣмъ нравятся, о нихъ не спорятъ. А о «filioque» и «опрѣснокахъ» 1.000 лѣтъ спорятъ.

XXIII

Вильгельмъ и его бравады въ отношеніи Китая, «бронированный кулакъ» и крестъ. Путешествіе въ Палестину, и затѣмъ — открытіе «фонтана Сулеймана» (кажется)... Погасаетъ свѣчка, — погасаетъ и уже только коптитъ.

XXIV

Сложилась «формочка». Проходили вѣка.—«Вы что дѣлали?» — «Мы стояли въ формочкѣ». Началась наука:— «а мы въ формочкѣ». Началась промышленность, выросли вопросы. «Мы въ формочкѣ и формочкѣ», съ счастливой улыбкой отвѣчали вы. Вы были увѣрены, что на васъ всѣ любуются «въ формочкѣ». Между тѣмъ дѣло было совершенно иначе. Міръ жилъ, работалъ и пересталъ, просто *забылъ* на васъ смотрѣть. А вы кричите: «тутъ сектанты!»

XXV

Къ исторіи Авраама. Богъ «обрѣзалъ» завѣтнаго себѣ человѣка и въ его завѣтномъ мѣстѣ. Женясь или вообще сближаясь, мужъ и жена или вообще мужчина и женщина «завѣтно» соединяются, въ самомъ сокровенномъ, интимномъ, завѣтномъ своего «я». Почему: всякое «двухъ въ плоть едину» сліяніе есть двухъ человѣковъ раскрытіе въ скрижали завѣта, съ таинственно написанными на нихъ заповѣдями...

Когда «скрижали положены одна на другую»— образуется закрытый ковчегъ завѣта, — съ двумя надъ ними (не однимъ и тремя) херувимами. Еще: заповѣди, написанныя на доскахъ, были на нихъ написаны «и съ наружной, и съ внутренней стороны», «кругомъ». Это аналогично тому, что 4 мистическихъ животныхъ передъ престоломъ Божіимъ (левъ, быкъ, человѣкъ, орелъ) Апокалипсиса и Іезекіиля «имѣли очи спереди и сзади, снаружи и внутри». Такимъ образомъ скрижали суть то же, что херувимы, а херувимы — то же, что скрижали. Заповѣди — животныя рѣченія, а животное — заповѣдь въ веществѣ.

XXVI

Важное значеніе Евангелія — эстетическое. Такой безсмертной красоты, какъ рѣченія Іисуса и самые обороты Его движеній — никогда не появлялось. Всѣ греки и римляне, со своими Фидіями и Цицеронами, повалились въ яму, какъ только появилась эта Небесная Красота.

XXVII

Законодатель и точка приложенія завѣта у Израиля: ихъ аналогія: оба — *не называемы* (въ Пятикнижіи лишь согласными, съ пропускомъ гласныхъ, помѣчалось имя Божіе, но еврей, встрѣчая его глазами, всегда произносилъ обыкновенное «Адонай», вмѣсто сокровеннаго и страшнаго имени). Оба—не видимы, скрыты, «въ мглѣ» (—«въ темномъ мѣстѣ»). Оба — «творцы». Оба — благи, ибо зла, дурного по природѣ не сотворяютъ: хотя оба гнѣвны. Аналогія продолжается и далѣе: оба любятъ невинное, непорочное. Оба ищутъ непорочное *обратить къ себѣ*! Въ отношеніи между собою точекъ «обрѣзанія» — непремѣнно активность и пассивность, т. е. отношеніе какъ бы обожающаго къ обожаемому. Поклонникъ и поклоненіе— вотъ любовь! жажда самопожертвованія «для ради»...

На пароходѣ «Имп. Николай II», въ Рижскомъ заливѣ.

В. Розановъ.

ОБЪ ОТПѢВАНІИ НОВОЙ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

(Общія сужденія З. Гиппіусъ въ №№ 17-18 Міра Искусства 1900 г.)

Въ статьѣ З. Н. Гиппіусъ о драмѣ Минскаго Альма мнѣ бросились въ глаза нѣкоторыя общія сужденія о поэзіи нашего времени, не только русской, но даже и западно-европейской. Мысли о западно-европейской поэзіи обнаруживаютъ, впрочемъ, такое круглое невѣжество по этому предмету, что вскользь брошенную о ней замѣтку критика можно извинить до нѣкоторой степени только слишкомъ небрежной оговоркой: «я думаю»; очевидно, это сужденія, писанныя вполнѣ зря, безъ тѣни понятія о сколько нибудь выдающихся явленіяхъ нынѣшней поэзіи въ западной Европѣ, что называется, по крайнему разумѣнію. Въ журналѣ, который задается мыслью распространять знаніе играющихъ всѣми тонами и переливами образцовъ современнаго начертательнаго художества, чрезвычайно больно и оскорбительно встрѣчать такія необдуманныя сужденія о тѣхъ литературахъ, которыя за послѣднюю четверть вѣка проявили такое могущественное кипѣніе новыхъ соковъ жизни, новыхъ тоновъ ощущенія въ скандинавской повѣсти (Ибсенъ, Якобсенъ, Гамсунъ, Гейденстамъ и др.), во франко-бельгійской лирикѣ (Верлэнъ, Вьелэ-Гриффинъ, де-Ренье, Верхаренъ, Материинкъ), въ нѣкоторыхъ представителяхъ германской лирики и сверхъ того — драмы (Лиліенкронъ, Гофмансталь, Бирбаумъ, отчасти — Гауптманъ). Только развѣ

англійская литература теперь въ нѣкоторомъ застоѣ; но все самое передовое и свѣжее въ другихъ странахъ воспитано на тѣхъ немногихъ великихъ поэтахъ и художникахъ, которые лѣтъ двадцать — тридцать тому назадъ сложили въ Англіи нѣшую живопись и вдохновенное словотворчество; а самый изъ нихъ, быть можетъ, извающій лирикъ и единственный пламенный драматикъ Суинбёрнъ еще живъ и дѣятеленъ; сверхъ того, совсѣмъ особнякомъ, но яркимъ неотразимымъ знаменіемъ вѣка выдается среди новѣйшихъ англичанъ своей словесной живописью, повѣстью и пѣсней неуловимый и стереоскопически явственный Киплингъ. Ну, пристало ли такой писательницѣ, какъ З. Гиппіусъ, проявлять столь разнузданную безпечность насчетъ литературы, не считаясь со всѣми этими богатыми, стремительными и стройными силами, которые озарили ярко рдѣющимъ заревомъ западно-европейское слово и увлекаютъ, уносятъ лучшія души вѣка къ истинному земному раю, полному томленій, мукъ и восторговъ, и отрадъ. Нѣтъ, видно ужъ этой писательницѣ положенъ такой предѣлъ, и все это останется навсегда внѣ ея кругозора.

Болѣе достойны вниманія, болѣе обстоятельны и вмѣстѣ съ тѣмъ предательски сбивчивы разсужденія критика о тѣхъ новыхъ русскихъ поэтахъ, которыхъ принято причислять къ какому-то новому направленію. Съ самаго начала онъ склоненъ думать, что чистыхъ декадентовъ въ нашей поэзіи совсѣмъ нѣтъ, и что едва ли можно придавать значеніе писаніямъ Брюсова, Добролюбова и Бальмонта. Изъ такого приговора можно вывести только то заключеніе, что очевидно итти рѣчи впереди *не о комъ*, потому что ни ранѣе, ни далѣе — ни одного другого имени. Между тѣмъ, сейчасъ же затѣмъ слѣдуетъ фраза о нашихъ «декадентахъ, индивидуалистахъ и эстетахъ: кто же это такіе? Остается предположить, что это Брюсовъ, Добролюбовъ и Бальмонтъ. Но такое

предположеніе почти не стоитъ и выставлять, разъ о нихъ было утверждено безъ оговорокъ, что едва ли можно имъ придавать какое бы то ни было значеніе. Быть можетъ, можно догадаться объ этихъ «nomina», которыя, видимо, кажутся критику «odiosa», или же неудобны для «принятія ихъ всуе», по той характеристикѣ ихъ, которая имъ предлагается. Но, какъ увидимъ, такія ожиданія читателя тоже остаются тщетны.

Общее содержаніе характеристики—то, что это писатели, которые отрѣшились отъ чего-то стараго, что̀ критику угодно называть «младенческой мудростью», но на что̀ далѣе нѣтъ ни одного истолковывающаго намека, новаго тоже ничего не сумѣли изобрѣсти и такъ остались ни съ чѣмъ. Оттого де имъ скучно, и живутъ они не прошлымъ и не будущимъ, а только несуществующимъ настоящимъ моментомъ, при этомъ выкинули мысль изъ своихъ писаній. Это — единственныя черты, которыми вносится нѣчто отчетливое и существенное въ представленіе объ этихъ писателяхъ, ибо такими обозначеніями, какъ «нездоровыя дѣти», вводятся крайне условныя и шаткія понятія о характерахъ возрастовъ и совершенно призрачныя и пустыя для всякаго ума понятія гигіеническія, особенно несообразныя и мѣшающія въ обсужденіи поэзіи. Изъ всѣхъ указанныхъ чертъ характеристики выходитъ уже само собой заключительное понятіе критика о нихъ — тяготѣніе ихъ къ смерти.

Если взглянуть на наиболѣе выдающихся дѣятелей современнаго русскаго стихотворчества, намъ прежде всего не представится ни одного, у котораго въ стихахъ не было бы мысли. Изъ тѣхъ соображеній, по которымъ З. Гиппіусъ видитъ необходимость выставить особенное направленіе въ русской литературѣ «подземное», но, повидимому, вмѣщающее, по ея мнѣнію, мысли и новыя мысли, можно усмотрѣть, что подъ мыслями критикомъ

принято понимать предположенія о такъ называемомъ, «важномъ и вѣчномъ», т.-е. о тѣхъ предметахъ, которыми кончается человѣческая мысль. Правда, что мыслями о такихъ предметахъ многіе современные русскіе стихотворцы часто пренебрегаютъ въ своихъ стихахъ, но въ то же время я не знаю ни одного, котораго цѣню — Фофанова, Сологуба или Брюсова, — у котораго были бы слова безъ всякой мысли. Слова безъ мысли были бы слова безъ образовъ и представленій и внутренней совмѣстности этихъ представленій. Если же въ образахъ и настроеніяхъ этихъ поэтовъ нерѣдко нѣтъ какихъ нибудь обобщающихъ понятій или предположеній, такъ это свойство, конечно, составляется изъ того явленія, довольно правильно отмѣченнаго критикомъ, что этимъ писателямъ нѣтъ дѣла ни до того, что̀ когда-то было, ни до того, что̀ еще будетъ, и вообще ни до чего, что бываетъ гдѣ-то не теперь и не тамъ, гдѣ ихъ «я».

Это такъ: полусознаннымъ чутьемъ эти поэты ощущаютъ, что не было и не будетъ никогда ничего другого сверхъ того, что̀ мечтается ихъ воображенію, въ извнѣ приходящихъ къ нимъ представленіяхъ и впечатлѣніяхъ, что, если отнять это воображеніе, это внутреннее расположеніе (или, что называется, «настроеніе») личной воли, всякій предметъ самъ по себѣ ничто: тогда отъ него остаются только представленія числовыя о немъ, этотъ подобный острову остатокъ дѣятельности, какой остается въ волѣ къ мышленію, именуемой человѣкомъ, если имъ устранены, исключены изъ себя всякія иныя расположенія и влеченія. Образы же и настроенія, которыя вызываются во внѣшнемъ матеріалѣ ощущенія человѣческимъ нравомъ и вкусомъ, по большей части наиболѣе ярко и живо возбуждаются въ мѣру ихъ непродолжительности, и отъ этого поэтами такъ цѣнятся наиболѣе мимолетныя, минутныя настроенія. Къ обратному результату, къ производству наиболѣе продолжительныхъ,

постоянныхъ, и наименѣе яркихъ и живыхъ представленій и понятій въ сыромъ матеріалѣ внѣшняго міра, направляется и стремится творчество чисто мозговое, научное, отчего его завѣтная цѣль — свести всѣ отношенія предметовъ къ отношеніямъ математическимъ. Но нельзя не отмѣтить—и самими поэтами это явственно сознается,— что, если того запроситъ ихъ нравъ и личность, имъ есть полная возможность сосредоточиваться среди своихъ представленій и впечатлѣній и на тѣхъ изъ нихъ, которыя создаются самымъ частымъ, повторяющимся и возвращающимся, значитъ, не измѣняющимся образомъ, удерживать въ себѣ все одни и тѣ же мечты и восторги.

Такъ поэтами чуется, что своя мечта, свое преображеніе предметовъ въ своихъ рукахъ, въ своей власти всегда, а внѣ своего настроенія, своей мечты человѣкъ ничего не чувствуетъ, если только то изволится ему. Всегда онъ произволитъ и поэтому производитъ какую нибудь мечту, какой нибудь представленный образъ, въ чисто мозговой дѣятельности — минимумъ образности, максимумъ общности; итакъ, все дѣло для него въ томъ, чтобы устремить свою волю къ тому воображенію, которое ей наиболѣе сильно и наиболѣе постоянно изволится. Личности въ ея порывахъ къ творчеству ощущеній приличествуетъ сознать свою вѣчную природу, свой вѣчный ликъ. То, что личность хочетъ и воображаетъ наиболѣе сильно и наиболѣе постоянно, то истинно вѣчно, потому что это всегда будетъ, пока и если личность есть, пока «я есмь». А какъ можетъ, могу, я не быть? Вѣдь, чтобы было что нибудь, что «не я», не можетъ не быть «я». Что же послѣ этого можетъ значить смерть, когда извѣстно, что ни отъ чего внѣшняго личность — «я» исчезнуть не можетъ, разъ ничего внѣшняго безъ «меня», безъ личности быть не можетъ? Итакъ постоянная, главная, основная воля и стремленіе личности — вотъ что есть единое и вѣчное; минутные же ея порывы и представленія — собственныя ея видоизмѣненія и разновидности, надъ которыми она властвуетъ и правитъ; поэтому временному произволу ею дается полная временная же свобода. Она не была бы сама собой, еслибъ не исполняла и временныхъ своихъ желаній. Такимъ образомъ изъ нынѣшнихъ поэтовъ каждый является вполнѣ поэтомъ своей вѣчной природы, вѣчной и единичной монады, если каждый изъ нихъ въ каждый мигъ весь распускается въ своихъ мгновенныхъ образахъ. Мгновенные образы сами себя упраздняютъ, мгновенная воля, давъ себѣ волю, отступаетъ и вновь приходитъ къ своему вѣчному существу. Всякій творецъ образовъ, дѣлая свое временное дѣло, творитъ волю своей вѣчной монады, единицы.

Таковъ, во всякомъ случаѣ, тотъ замыселъ, который смутно чудится многимъ современнымъ поэтамъ, тотъ инстинктъ, который изъ внушаетъ любовь и возрощеніе настоящаго мига, образовъ проходящихъ. И изъ такого направленія и побужденія никакъ уже не можетъ происходить безысходной скуки и неудовольствія. Если у кого изъ лучшихъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ искать неутомимой тоски, если кому, дѣйствительно, все «не по немъ», потому что ни изъ чего ничего ему не сдѣлать, ничего у него не выходитъ, и потому любится и боготворится нѣкое вѣчное ничто, такъ ужъ, конечно, нигдѣ не найдется болѣе краснорѣчиваго и усиленнаго выраженія такихъ мученій, чѣмъ въ творчествѣ самой З. Н. Гиппіусъ. Нѣтъ болѣе страшныхъ памятниковъ этого чистаго отрицанія въ нашей поэзіи, чѣмъ ея Пѣсня: «Мнѣ нужно то, чего я не знаю...., чего не бываетъ.... чего нѣтъ на свѣтѣ», ея картина скуки въ загробномъ царствѣ («Я въ лодкѣ Харона»...), ея поэмы тоски и равнодушія, каковы Легенда и Вѣдьма. Почти всѣ ея повѣсти завершаются неизбѣжностью смерти, прекращенія человѣческихъ условій, ради осуществленія желаній, да и за смертью едва ли предполагается иное бытіе, во всякомъ

случаѣ это должно быть бытіе, уже ни съ чѣмъ извѣстнымъ не сходное, всему прямо противоположное. Такимъ образомъ вѣчная воля ея личности, въ самомъ дѣлѣ, направляетъ ее всегда къ уничтоженію, никогда не къ творчеству. Само собой разумѣется послѣ этого, что ею же и во всѣ внѣшнія воли влагается тотъ же порывъ къ уничтоженію. Много подобнаго этому настроенію есть и въ прозѣ и въ стихахъ одного изъ первыхъ талантовъ нашей теперешней поэзіи, г. Ѳ. Сологуба; но, когда онъ оживаетъ, онъ съ удвоенной силой зоветъ къ радости того, что не вѣчно и не едино, потому что «созданьемъ Его многоликимъ единство отъ меня не сокрыто». Достаточно указать на такіе стихи его какъ: «Мимолетной лаской мая наслаждайтесь» и т. д.—«Какъ ребенокъ развлекаюсь мимолетною игрой»...— «И поетъ мнѣ вѣтеръ вольный рѣчью буйной, безглагольной про блаженство бытія» А, если онъ бредитъ объ иномъ мірѣ, то не разъ въ него вносятся отчетливыя черты и образы: въ его звѣздныхъ раяхъ, въ его играхъ тѣней, въ тѣхъ «призракахъ неземныхъ», которые ему являются «на минуту», въ «бездыханной вселенской душѣ»—сладость и мука для него неизреченная. И внѣ земли, и на землѣ его манитъ возбужденная, воодушевленная жизнь и восторгъ: «ничего не отвергну въ созданьѣ, и во всемъ есть восторгъ и веселье». Гораздо болѣе неутомимая сила и жажда жизни человѣческой и сверхчеловѣческой, ни въ чемъ уже не похожая на презрѣніе и равнодушіе ко всему, что доступно воображенію, выражена, но съ гораздо меньшимъ совершенствомъ слова, чѣмъ у Ѳ. К. Сологуба, въ новыхъ, сочныхъ и пластичныхъ образахъ поэзіи В. Я. Брюсова (Tertia Vigilia). Наконецъ, во всемъ творчествѣ К. М. Фофанова, которое неустанно разливается уже много лѣтъ, до недавно только появившейся его большой новой книги Иллюзіи, горятъ самыя жгучія терзанія сердца и бьютъ ключомъ страстныя ликованія въ какомъ-то необъятномъ и внутренно уравновѣшенномъ

кипѣніи. Жизнь его поддерживается томительнымъ огнемъ, и томительный огонь поддерживается жизнію. Невозможно, наконецъ, говорить о томъ, что пропала наша стихотворная поэзія, и до тѣхъ поръ, пока долголѣтній возрастъ не препятствуетъ до послѣдняго времени создавать лучшіе свои, даже въ крупномъ объемѣ, замыслы, какъ поэма: Онъ и Она, К. К. Случевскому, единственному въ своемъ родѣ изъ русскихъ поэтовъ по буйной яркости, размаху и причудливой изощренности своей живописи.

Чрезвычайно любопытно и знаменательно еще одно только указаніе въ характеристикѣ новыхъ русскихъ поэтовъ, какая дается З. Н. Гиппіусъ. Упоминается о томъ, что посреди своей смертной скуки эти поэты вдругъ возьмутъ, да и развеселятся безсмысленно своимъ положеніемъ, и что на эту улыбку не приходится сердиться, а снисходительно радоваться, какъ на улыбку больного ребенка, которому уже недолго жить. Да, улыбка наблюдательно примѣчена критикомъ, но по всему, что было сказано о производительности и полнотѣ духа многихъ нынѣшнихъ поэтовъ, можно, я думаю, догадываться о томъ, что значеніе этой еле уловимой и глубокой улыбки куда мудренѣе, чѣмъ полагаетъ критикъ. Въ этой улыбкѣ—животворящее и освободительное значеніе, въ ней—любовь ко всему на свѣтѣ и торжество надо всѣмъ на свѣтѣ. Много въ ней восторга, много ироніи передъ судьбой. Пока играетъ эта улыбка, скуки въ жизни нѣтъ, потому что скука—истощеніе, скудость, пустота духа, а въ улыбкѣ живого поэта — обѣтъ его вѣры въ широту и въ избытокъ своей творческой жизни и его презрѣнія ко всему, что не отъ его духа. Съ этой спокойной усмѣшкой тѣ же поэты, которые охотно принимаютъ сочувственное имъ названіе: дѣти, будутъ слушать унылыя и тревожныя причитанія своихъ нянюшекъ, которыя ворчатъ на то, что дѣтки все здоровье себѣ повредили—до

того добаловались, такъ побереглись бы, какъ бы имъ совсѣмъ скоро и ножекъ не протянуть. Съ улыбкой поживемъ, и увидимъ, кто кого переживетъ—печальная ли пѣстунья, которой совсѣмъ нѣтъ мочи и тошно тянуть жизнь, которая то зѣваетъ и охаетъ, то смиренно покоряется судьбѣ, или балующіеся и бѣснующіеся ребятишки, которые раздражаютъ ее своими козлиными прыжками.

ИСТИНЫ.

(Начала и намеки.)

Что въ мірѣ много истинъ есть,
Какъ много думъ и словъ.

T. V.

I

Каково бы ни было наше міросозерцаніе, есть основы, которыя безусловно обязательны для мысли, ея аксіомы. Мы можемъ въ тайникѣ внутренней жизни возставать противъ нихъ, но въ *мірѣ мышленія,* покуда человѣкъ останется самимъ собой, мы должны покорно принимать ихъ. Начиная мыслить о чемъ бы то ни было, я долженъ, *во-первыхъ,* вѣрить, что это мыслю *я,* по своей волѣ, по своему свободному желанію. Теоретически можно утверждать, что каждое явленіе обусловлено предыдущимъ, и моя мысль имѣла свою причину. Но въ это вѣрить нельзя, этого нельзя даже сознать, объ этомъ можно лишь говорить. Если бы кто призналъ безусловно, что каждое его движеніе совершается въ силу необходимости, онъ сложилъ бы руки и не сталъ бы двигаться. Еслибъ я искренно, до глубины души, повѣрилъ, что все, что́ я найду мыслью, обусловлено, опричинено вѣками прошлаго,— я не сталъ бы мыслить. *Свобода воли* вотъ первая аксіома мышленія. — Начиная мыслить, я долженъ, *во-вторыхъ,* вѣ-

рить, что мнѣ, вообще человѣку, возможно мыслью постичь истину. Можетъ быть, и вѣроятно, есть другіе пути постиженія міра: мечты, предчувствія, откровенія, — но если почему либо я выбралъ логическое мышленіе, я обязанъ ему довѣриться. Иначе всякое разсужденіе станетъ ненужнымъ. Зачѣмъ стану я мыслить, если буду заранѣе знать, что конечный мой выводъ будетъ еще новой ошибкой въ длинномъ спискѣ подобныхъ же? *Возможность постичь сущность вещей* мыслью — вотъ вторая аксіома мышленія.— Начиная мыслить, я долженъ, *въ-третьихъ*, вѣрить, что есть нѣчто, подлежащее мысли, что есть *міръ*. Если бы существовало только мое единое *я*, не было бы повода возникнуть разсужденію. Для мышленія нужна множественность,—независимо отъ того, будетъ ли она дробленіемъ *я* или предстанетъ, какъ что внѣшнее. Мысль, и общѣе жизнь, возникаетъ изъ сопоставленія по меньшей мѣрѣ двухъ началъ. Единое начало есть небытіе, единство истины есть безмысліе. Не было бы пространства, не будь праваго и лѣваго; не было бы нравственности, не будь добра и зла. *Множественность началъ* — вотъ третья аксіома мышленія. — Мыслители, словесно оспаривающіе эти три аксіомы, безсознательно принимаютъ ихъ, ибо безъ вѣры въ нихъ никакое разсужденіе невозможно.

II

Уже задавали вопросъ: почему предпочитаемъ мы истину, а не заблужденіе или даже невѣдѣніе? Всѣ доводы, изобрѣтенные, чтобы оправдать жажду познанія, ничтожны. Явно, что добрая половина знаній никакой *пользы* не приноситъ, или будетъ ее приносить въ столь отдаленномъ будущемъ, что объ немъ не стоитъ говорить. Сказать, что человѣку свойственно *любопытство*, значитъ замѣнять одно слово другимъ. Единственный отвѣтъ въ томъ, что способность мысли, какъ всякая способность, нуждается въ дѣятельности, чтобы жить, чтобы быть.

Умствованіе желанно, какъ далекая прогулка, утомляющая, но оживляющая. Наука, поскольку она не ремесло, не изобрѣтеніе удобствъ жизни, а занята открытіемъ законовъ природы, — есть удовлетвореніе этой жажды дѣятельности мысли, не больше. И *о чемъ* мыслить, каковъ будетъ выводъ, это — второстепенное дѣло, важно лишь *какъ* мыслить. Развѣ намъ не дороги равно Спиноза и Лейбницъ, Спенсеръ и Шопенгауеръ, хотя конечныхъ положеній ихъ философіи мы не раздѣляемъ? Скажутъ, что попутно они высказываютъ истинныя сужденія. Но развѣ, имѣя какъ цѣль ложное положеніе, можно быть правымъ въ частномъ. Противорѣчивые отвѣты на одинъ вопросъ столь же желанны, какъ образы многихъ Донъ-Жуановъ: Тирсо-де-Молины, Мольеры, Байрона, Гофмана, Ленау, Пушкина, Бальмонта... Истинной философіи предлежитъ задача прослѣдить всѣ возможные типы міросозерцаній. Нынѣ это свершается синтетически, черезъ обозрѣніе уже созданныхъ системъ; пора ввести въ эту работу анализъ. Надо лишь сознать, что всѣ возможныя міросозерцанія равно истинны; надо, найдя свою истину, не удовлетворяться, а искать еще. Мысль — вѣчный Агасферъ, ей нельзя остановиться, ея пути не можетъ быть цѣли, ибо эта цѣль — самый путь.

III

Въ истинѣ цѣнно лишь то, въ чемъ можно сомнѣваться. «Солнце есть» — въ этомъ нельзя сомнѣваться. Не говорю о солнцѣ, какъ міровомъ тѣлѣ или какъ о нѣкоторомъ представленіи, а вообще — есть нѣчто, что люди называютъ солнцемъ. Это истина, но въ ней нѣтъ самостоятельной цѣнности. Она никому не нужна. За нее никто не пойдетъ на костеръ. Даже, говоря вѣрнѣе, это не истина, а *опредѣленіе*. «Солнце есть» только особое выраженіе вмѣсто: такой-то предметъ я называю солнцемъ. Таковы и всѣ аксіомы математики. Цѣлое болѣе части—

только опредѣленіе, что разумѣется подъ словами. Радіусы круга равны — опредѣленіе. Противоположное невозможно лишь словесно, какъ невозможно требовать: представьте себѣ бѣлое не бѣлымъ. Истина получаетъ цѣнность, лишь когда становится частью возможнаго міросозерцанія. Но въ то же время она становится оспоримой, по крайней мѣрѣ является возможность спорить о ней. «Все въ мірѣ имѣетъ свою причину» вотъ истина, но и противоположное утвержденіе: причина есть категорія разсудка — тоже истина. Мало того, цѣнная истина непремѣнно имѣетъ прямо противоположную, соотвѣтствующую ей истину; иначе сказать — сужденіе, прямо противоположное истинѣ, въ свою очередь истинно.

IV

Кругъ мыслей, къ которому склонны астрономы, приводитъ насъ къ знанію, что солнечный міръ — ничтожная часть даже нами наблюдаемой вселенной, что земля — ничтожная пылинка въ солнечной системѣ, а человѣкъ временная плѣсень на землѣ... «Я есмь явленіе природы» вотъ истина открываемая этимъ путемъ. Но кругъ мыслей, внушаемыхъ идеалистической философіей, объясняетъ намъ, что законы природы и все міроустройство (поскольку оно доступно нашему размышленію, т. е. поскольку оно существуетъ для нашей мысли) — зависитъ и основано на трансцедентно-субъективныхъ свойствахъ нашего духа, что природѣ законы предписываетъ человѣкъ, что міръ, какъ мы его знаемъ, созданъ нами. «Міръ есть мое представленіе» — вотъ новая истина, противорѣчащая первой, но равноцѣнная ей.

От дней земли пари въ зенит,
Следи за вѣком вѣк,
О, как ничтожен будет мир,
Как жалок человѣк!

Но, вздрогнувъ какъ отъ страшныхъ сновъ,
Пойми — всѣ тайны въ насъ!
Гдѣ думы нѣтъ, тамъ нѣтъ вѣковъ,
Тамъ только смѣть, гдѣ глазъ.

V

Смотря по какому пути подходимъ мы къ явленію, одно и то же оказывается простымъ или слишкомъ сложнымъ. Для философа англійской школы понятіе пространства было слѣдствіемъ весьма сложныхъ операцій ума, многоступенной отвлеченностью, плодомъ многовѣкового опыта. Для философа-критика пространство — воззрѣніе, нѣчто, предшествующее всякому опыту. Для матеріалиста выясненіе понятія «идеи» очень нелегко, на немъ-то онъ и сбивается. Для діалектика мысль есть данное, простѣйшее и необходимое. Что проще лѣсовъ, поросшихъ тамъ и сямъ по землѣ, но произрастаніе изъ сѣмени есть величайшее чудо! А то чудо, что раковины въ теченіе вѣковъ повторяютъ одинъ и тотъ же прихотливый, сложный узоръ изъ разноцвѣтныхъ линій, завитковъ, зазубринъ! Простой указатель, прилагаемый въ концѣ книги, уже чудо: по слову, по цифрѣ страницы находится мысль! Здѣсь вложено вѣчное чудо человѣческаго ума. Бываютъ дни и часы, когда все кругомъ какъ тайна, когда видится сокровенный смыслъ во всѣхъ вещахъ. Все такъ связано, что малѣйшее можетъ раскрыть смыслъ вѣчности. Астрологи брались угадать судьбу отдѣльнаго человѣка по звѣздамъ, ибо невозможно, чтобы между макрокосмомъ вселенной и микрокосмомъ человѣка не было соотношенія... Но не презирай и простого работника, пилящаго деревянныя доски, для котораго округъ взора и мысли — мастерская. Онъ тоже правъ.

VI

Прекраснѣйшее, что мы воображаемъ, человѣкъ. Греки изображали боговъ человѣкоподобными. Красота Аѳродиты или Ириды, стройность Антиноя и мужество Аполлона, развѣ это не образцы возможной красоты? Но и что безобразнѣе человѣческаго тѣла? Представьте себѣ жителя иной планеты, попавшаго на землю, или существо иныхъ измѣреній, научнымъ путемъ знакомящееся съ міромъ людей. Онъ увидалъ бы обрубокъ, защищеннаго костистыми клѣтками, тѣла съ надутымъ животомъ; члены (руки, ноги), болтающіеся по концамъ; на особомъ стержнѣ вытянутый аппаратъ для воспріятій (голову), на которомъ отвратительныя дыры рта, ноздрей, ушей съ жгучими истеченіями... Можетъ быть, только глаза (но не вѣки!) были бы желанны этому иному наблюдателю, да парность, симметричность всего устройства. Но вѣдь вопросъ еще: реальна ли эта симметричность или она есть своего рода отраженіе?

VII

Есть два порядка чувствъ: болѣе поверхностныя и болѣе глубокія, какъ бы внѣшность и глубь души. Такъ какъ для болѣе глубокихъ не создано особыхъ словъ, то и среди нихъ приходится различать любовь, ненависть, желаніе, отвращеніе, хотя собственно относится это лишь къ внѣшности души. Люди обычно живутъ поверхностными чувствами, а болѣе глубокихъ, тайныхъ боятся, закрываютъ на нихъ глаза. Сообразуясь съ внѣшними чувствами, люди увѣряютъ, что они того-то хотятъ, это любятъ, иное ненавидятъ и они искренни и правы, но искренни и правы лишь внѣшностью души. Часто, въ то время какъ внѣшнее чувство есть радость, глубинное — ужасъ и отчаянье: сколько влюбленныхъ, расточая условныя слова страсти, не смѣютъ заглянуть въ тайники своей души, чтобы не обрѣсти тамъ отвращеніе къ той, о комъ мечтаютъ. Поэтому-то можно любить и ненавидить одновременно.

Внѣшнія чувства способны стать страстью, во имя ихъ можно итти на смерть, на позоръ, душу свою положить за брата, и все же предъ окомъ высшей правды то будетъ лицемѣріе. Въ обычной жизни глубокія чувства рѣдко бываютъ ощутимы, для большинства они открываются только въ мгновеніяхъ. Но если такой мигъ пройдетъ между двумя лицами, если ихъ души взглянутъ одна въ другую до глубины, — онѣ связаны навсегда, и много надо житейской косности, чтобы заставить себя забыть эту таинственную связь. Внѣшнія чувства краснорѣчивы. Выражая ихъ, находишь какъ бы подсказанныя слова, говоришь хорошо и убѣдительно. Глубинныя чувства — безмолвны; о нихъ-то сказано: «мысль изрѣченная есть ложь». Внѣшнія чувства — достояніе внѣшней поэзіи, изображающей чувствованія и страсти такъ, какъ они *будто бы* происходятъ, какъ они и дѣйствительно переживаются, поскольку люди подчиняются указкѣ, книжкѣ, трафарету. Таковы драмы Шекспира, гдѣ все упрощено и логично; такова у насъ лирика А. Толстого, А. Майкова, Л. Полонскаго; такова вся французская поэзія до послѣднихъ временъ. Поэтъ, осмѣливающійся заглянуть въ глубь души, видитъ бездны и ужасы. У насъ отважились на это Тютчевъ, Достоевскій, Фетъ...

VIII

Когда-то я написалъ книгу «о искусствѣ». Теперь я вполнѣ признаю ея духъ, но не раздѣляю многихъ ея мыслей. Я пришелъ ко взгляду, что цѣль творчества не общеніе, а только самоудовлетвореніе и самопостиженіе. И слово первоначально создалось не для общенія между людьми, а для уясненія себѣ своей мысли. Первобыт-

ный человѣкъ давалъ предмету имя, чтобы осмыслить и отнынѣ знать его. Рѣчь, какъ средство обмѣна мыслями, нѣчто позднѣйшее, если не по времени, то въ сущности дѣла. Подобно этому, поэтъ творитъ, чтобы самому себѣ уяснить свои думы и волненія, возвести ихъ къ опредѣленности. Вотъ почему «болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье», вотъ почему, когда преслѣдуетъ и возмущаетъ одинъ образъ, можно «отъ него отдѣлаться стихами». Что будетъ послѣ созданія стихотворенія, это другое дѣло. Оно можетъ послужить и для общенія. Изъ этого еще и еще разъ слѣдуетъ, что всѣ истинныя созданія искусства равноцѣнны. Нѣтъ великихъ и второстепенныхъ поэтовъ, всѣ равны, хотя, конечно, по вліянію на современниковъ, по количеству написаннаго могутъ различаться, какъ различались и цвѣтомъ волосъ. Поскольку созданіе есть истинное твореніе искусства, оно драгоцѣнно, каково бы ни было настроеніе, затаенное въ немъ. По содержанію не можетъ быть достойныхъ и недостойныхъ произведеній искусства, они различаются только по формѣ. «Дорогою свободной иди, куда влечетъ свободный умъ». Выбирать изъ созданнаго есть дѣло редактора, издателя или книгопродавца, а не художника (говоримъ не о лицѣ). Нѣтъ низменныхъ чувствованій, и нѣтъ ложныхъ. Что во мнѣ есть, то истинно. Не человѣкъ мѣра вещей, а мгновеніе. Истинно то, что признаю я, признаю теперь, сегодня, въ это мгновеніе.

1901.

Валерій Брюсовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 69. Въ Воробьевкѣ, въ кабинетѣ А. Фета, стояла у него на столѣ модель Юльской колонны.

Къ стр. 71 - 74. Намеки въ первыхъ строфахъ мы объяснить не умѣемъ. Въ строфѣ 13 поминается Пушкинъ и Лермонтовъ; въ строфѣ 14—Баратынскій; въ строфахъ 15—16—Мицкевичъ.

Къ стр. 115 — 116. Какъ извѣстно, образъ старшаго богатыря Вольги (Волха) Святославича (Всеславьевича) по существу сближается съ образомъ полоцкаго князя - чародѣя Всеслава, о которомъ повѣствуется въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Здѣсь поэтому произведено отожествленіе этихъ двухъ лицъ.

Къ стр. 141. Письмо написано на оборотѣ письма Н. А. Полевого къ А. А. Муханову отъ февраля 1827 г., чѣмъ опредѣляется и дата записки Пушкина. Видимо Пушкинъ заѣхалъ къ Муханову, не засталъ его и набросалъ свою записку на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги. Изъ ссылки Пушкинъ былъ возвращенъ лишь осенью 1826 г. Пріѣхавъ въ Москву, онъ не жилъ въ ней непрерывно, но нѣсколько разъ уѣзжалъ обратно въ Михайловское. Въ январѣ 1827 г. Пушкинъ недѣли на двѣ уѣзжалъ въ сельцо Павловское къ П. И. Вульфу. Въ первой половинѣ февраля этого года Ф. Ф. Вигель встрѣтилъ Пушкина въ Москвѣ въ итальянской оперѣ. Записка характерна для Пушкина, поскольку онъ былъ и «гуляка праздный». А. А. Мухановъ въ маѣ того же 1827 г. писалъ брату о Пушкинѣ: «Нельзя довольно оцѣнить наслажденіе быть съ нимъ часто вмѣстѣ, размышляя о впечатлѣніяхъ, которыя возбуждаются въ насъ его необычными дарованіями. Онъ стократъ занимательнѣе въ мужскомъ обществѣ, нежели въ женскомъ, въ которомъ, дробясь безпрестанно на мелочь, онъ только тогда дѣлается для этихъ самыхъ понятнымъ». Въ 1828 г. Мухановъ на нѣсколько лѣтъ уѣхалъ изъ Москвы.

Къ стр. 142. Подлинники находятся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

Къ стр. 144. Подлинники принадлежатъ г. П. П-ву.

Къ стр. 146 — 159. Марья Петровна — жена А. Фета, урожд. Боткина. Екатерина Владимировна (Ѳедорова) — его секретарша. «Идолъ» Н. Страхова—гр. Л. Н. Толстой. Романъ о вредѣ любви—Крейцерова соната. Поэма Бакланъ была напечатана въ Вѣстникѣ Европы.

Къ стр. 168. «Добролюбовъ съ Брюсовымъ»—Собраніе стиховъ А. Добролюбова, съ предисловіями Валерія Брюсова и Ив. Коневского, изд. «Скорпіона». Книжка о Гауптманѣ — Schlenther.

СОДЕРЖАНІЕ

стр.

Предисловіе 1

ДРАМЫ И РАЗСКАЗЫ.

З. Гиппіусъ. Святая кровь. 1
А. П. Чеховъ. Ночью. 37
Ив. А. Бунинъ. Поздней ночью 42
Криницкій. Умный и глупый 46
Ю. Балтрушайтисъ. Капли. 55

СТИХИ.

А. Фетъ 69
К. Павлова. 71
А. Добролюбовъ 75
К. Фофановъ 76
К. Случевскій 78
К. Д. Бальмонтъ 79
Ѳедоръ Сологубъ. 90
М. Лохвицкая 94
Владимиръ Г.....ъ 96
Б. 100
П. Перцовъ 101
Анастасія Мировичъ 102
А. Курсинскій 103
Л. Г. Ждановъ. 104
А. Ѳедоровъ. 105
А. Л. Миропольскій. 107
Иванъ Коневской. 109
Д. Фридбергъ 117
Ю. Балтрушайтисъ 119
Валерій Брюсовъ 127

стр.

ПИСЬМА, МЕМУАРЫ, СТАТЬИ.

А. С. Пушкинъ. Письмо 142
Ѳ. И. Тютчевъ. Пять записокъ 143
А. Фетъ. Три письма 144
Владимиръ Соловьевъ. Письма 146
Кн. А. И. Урусовъ. Мемуары и письмо 160
В. Розановъ. На поляхъ непрочитанной книги 169
Иванъ Коневской. Объ отпѣваніи 180
Валерій Брюсовъ. Истины 189
Примѣчанія 197

Сѣверные Цвѣты.

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ

НА 1902 Г.

собранные
книгоиздательством
СКОРПІОНЪ.

МОСКВА
1902.

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій пер. д. № 5
1902

Издатели Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1902 годъ настаиваютъ на отсутствіи всякой партійности въ выборѣ матеріала. Они полагаютъ, что Некрасовъ, Тургеневъ, Фетъ, не говоря уже о Пушкинѣ, — такіе значительные дѣятели въ литературѣ, что все написанное ими представляетъ цѣнность и любопытность. Издатели не видѣли затрудненія поставить рядомъ съ письмами И. С. Тургенева разсужденія А. Фета и помѣстить у себя статью А. Волынскаго, критически относящуюся къ поэтамъ, обычно участвующимъ въ изданіяхъ «Скорпіона» (статья эта составляетъ часть публичной лекціи, читанной авторомъ въ Москвѣ и Ригѣ). Авторы сами отвѣчаютъ за себя— вотъ взглядъ издателей Сѣверныхъ Цвѣтовъ. Искренно высказанное мнѣніе, новое и сознательное, имѣетъ право быть выслушаннымъ.

«Скорпіонъ».

РАЗСКАЗЫ

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ.

... Непріятный лязгъ или шумъ около головы заставилъ меня вскочить и сѣсть на койкѣ. «Что такое? Да... Была буря, и мы не могли выйти въ море». Въ самомъ устьѣ Двины разыгрались такіе буруны, кипѣніе пѣны и брызгъ, сквозь которыя нельзя было прорваться въ могуче - колыхавшееся, но гораздо болѣе устойчивое и понятное море. Я дивился: «какъ по рѣкѣ нельзя идти въ бурю, а по морю можно?» Но мнѣ сказали, что я ничего не понимаю, и я покорно легъ спать, когда пароходъ бросалъ якорь передъ Динаминдомъ. Долго ли я спалъ, не знаю. Но слова наканунѣ, что въ морѣ полная буря, сдѣлали меня тревожнымъ и заботливымъ. Я поспѣшно натягивалъ носки, твердо заприятѣлъ спасательный поясъ на бичевкѣ, а другимъ глазомъ смотрѣлъ, какъ о стекла окна лязгали сѣрыя массы льдистой воды. «Мы идемъ? значитъ, мы идемъ», догадался я и еще болѣе заторопился.

Пароходъ шелъ безпокойно. Что то съ ужасной силой визжало позади его, полминуты, минуту и умолкало, и все приходило въ порядокъ: шумѣла только машина. Но это продолжалось опять не долѣе одной или двухъ минутъ и начинался снова мнѣ непонятный визгъ сзади,

совершенно заглушавшій машину. Мнѣ было понятно, что когда стучитъ машина — «хорошо», а когда визжитъ тамъ, сзади — «не хорошо». Ходъ машины въ пароходѣ какъ пульсъ: пульсъ нашего парохода былъ съ перебоемъ и это внушало мнѣ страхъ. Гораздо позднѣе я разспросилъ, что это такое визжало сзади, и мнѣ объяснили, что корма парохода, отъ сильной килевой качки, поднимается совершенно надъ уровнемъ воды, винтъ обнажается, и вотъ, когда онъ обнажается, то лопасти его не встрѣчая сопротивленія воды, начинаютъ съ ужасающей быстротой, какъ волчекъ, вертѣться въ воздухѣ, и въ тоже время машина, не работая, стучитъ удесятеренно быстро. Корма опускается, винтъ погружается въ воду, получается сопротивленіе, медленно гребетъ и машина опять идетъ въ той правильности и регулярности, съ разсчетомъ на которую построена. Значитъ, я не ошибся, думая: «не хорошо», потому что конечно «не хорошо», когда машина въ положеніи, не разсчитанномъ механикомъ.

На верху была паника, конечно отъ глупости человѣческой. Носъ, дѣйствительно, то чудовищно вздымался кверху, то падалъ внизъ, разсѣкая море и погружаясь въ хаосъ пѣны и брызгъ. Было во всякомъ случаѣ необыкновенно красиво. Я выбралъ середнюю линію, разсѣкавшую пароходъ пополамъ и усѣлся въ точкѣ, которая почти не качалась. Я сказалъ о глупости человѣческой. Дѣйствительно, я пошелъ предварительно отыскать прислугу, имѣвшую билетъ третьяго класса, и что же? Мужики, солдаты, здоровенные, забились подъ навѣсъ въ самый что ни на есть кончикъ носа, т. е. въ точку наибольшей качки и изливались въ рвотѣ, слезахъ, отчаяніи. «Смерть наша пришла». Я взялъ прислугу подъ руку и повелъ къ воздуху, говоря и другимъ, чтобы шли туда же. «Туда?» съ ужасомъ говорили солдаты, «гдѣ вѣтеръ и брызги? Мы и здѣсь чуть живы!» И они ползли, все въ уголъ, все дальше, въ острый треугольникъ носа, въ наивысшую качку. Я махнулъ рукой. «Гдѣ ихъ выучить многопольной системѣ и травосѣянію и орошенію!» «Не тронь». «И такъ издыхаемъ».

Устроивъ прислугу въ точкѣ возможно меньшаго качанія и давъ ей ѣсть, я завернулся самъ въ пледъ и сѣлъ, и наблюдалъ море. Море безъ бури — половина картины. Волны, дѣйствительно, были велики. Я видѣлъ по размѣрамъ и направленію одной, что она обольетъ меня. Можно бы отскочить въ сторону, но она шла такъ быстро, что я очевидно не успѣлъ бы этого. Я только отвернулъ лицо и согнулся, какъ на молитвѣ. Съ ужаснымъ шумомъ покатилось что то по спинѣ, прокатилось дальше, разлетѣлось, и когда я выпрямился, то сказалъ: «хорошо». Дѣйствительно, въ силу горизонтальнаго движенія воды, она васъ какъ то не мочитъ, ничего худого не дѣлаетъ, а только шелеститъ, скользитъ и вы обрызганы, какъ цвѣтокъ, а не мокры, какъ мочалка. Бирюзовые, изумрудные, сѣрые, бѣлые клоки водной стихіи сверкали, ни секунды не спокойные, ни секунды не монотонные. Прекрасно. Восхитительно.

Только тутъ, погружаясь въ созерцательность и задумчивость, я сталъ припоминать страшный сонъ, мной увидѣнный. Читатель знаетъ такъ называемыя навязчивыя идеи, идеи и впечатлѣнія иногда совершенно ничтожныя, даже глупыя, но которыя неизъяснимо почему навсегда завязаютъ въ мозгу (нельзя же сказать «въ душѣ»). Напримѣръ, почти двадцать лѣтъ назадъ одинъ молоденькій учитель, съ претензіями на упрощенность, при словахъ моихъ за чаемъ «... Іоаннъ III, Иванъ III», сказалъ, мотнувъ носомъ книзу: «да, Иванъ. Такъ насъ училъ В. О. Ключевскій», и носъ его такъ сморщился, что я навсегда запомнилъ и теперь, гдѣ бы не услышалъ и не прочелъ «Іоаннъ III, IV» и т. д., мысленно поправляю: «да, Иванъ», и вспомню характерный кивокъ головой этого учителя, и всю его фигуру, и весь его характеръ. Вѣчная идея. Вотъ это то я и называю вѣчными идеями, что какой нибудь клокъ дѣйствительности, но тащащій за

собою другую огромную дѣйствительность, даже мало съ нихъ связанную, засѣдаетъ въ душѣ и никакъ вы отъ него не можете освободиться, привыкаете къ нему, таскаете его за собою, какъ акула маленькую рыбку «прилипало-лоцмана», какъ каплю гуммиарабика, на васъ случайно упавшую.

Къ числу такихъ прилипнувшихъ къ душѣ моей впечатлѣній относится одна сцена изъ «Призраковъ» Тургенева. Въ Призракахъ этихъ, кажется, что то летаетъ, что то видитъ, конечно призрачное и прекрасное, какъ непремѣнно у Тургенева, появляется «желѣзный Цезарь» и легіоны. Но я все это забылъ, или у меня перепуталось въ головѣ, одинъ эпизодъ остался: какъ душа эта (душа Тургенева?) смотрѣла въ маленькое окно деревенской церкви. Что она тамъ увидѣла и для чего посмотрѣла — я тоже забылъ, и помнится мнѣ только одна ситуація человѣка, смотрящаго въ окно церкви. Въ моемъ воображеніи, уже долголѣтнемъ, ситуація эта нѣсколько оконкретилась, и подъ церковью я представляю всегда церковь Параскевы-Пятницы, что въ Москвѣ, противъ Охотныхъ рядовъ, если итти изъ университета въ направленіи къ Неглинному проѣзду. Тротуаръ проходитъ за самою церковью, и вотъ я студентомъ всегда проходилъ по этому тротуару и его запомнилъ, какъ нѣсколько болѣе темное и безсолнечное мѣсто, чѣмъ остальныя мѣста улицы и площади. Помню, въ нѣкоторыя утра я встрѣчалъ тутъ прислугу съ провизіей: и вотъ всегда русская женщина остановится и положитъ что то въ церковную кружку. Придетъ домой и станетъ ее барыня бранить, что двѣ копейки кажется утянула на провизіи. И она промолчитъ, что не утянула, а положила ихъ на церковь.

Приснилось мнѣ глубокая, глубокая зима, какая то не мѣстная, а планетная. Полное безмолвіе и темь, и пустынность. Однако, сказать, что это умерла земля — нельзя было. Умерли какъ бы мои чувства въ отношеніи къ землѣ,

но чувства опять же одной опредѣленной категоріи и въ одномъ направленіи ползущія, и тотчасъ, какъ они погасли, мнѣ показалось, что и категорія земныхъ явленій, обнимаемыхъ этимъ чувствомъ, тоже исчезла. Но сама то земля другими своими категоріями жила, шумѣла, и даже пожалуй болѣе чѣмъ прежде. Но мнѣ то до этого шума не было дѣла и все направленіе моего ума сосредоточилось на одной точкѣ, «которой нѣтъ больше». Что то такое жалкое и темное и вмѣстѣ злое стояло въ моей душѣ. «Грустно. Но пускай будетъ еще грустнѣе, и когда будетъ совсѣмъ грустно, даже страшно: тогда то и будетъ великолѣпно». И вотъ мнѣ стало сниться, что я бреду, ненужный и среди ненужнаго. И такъ же бреду, какъ студентъ тогда, но только въ ночи, безлюдности, не по Москвѣ, но что то какъ будто и напоминающее вокругъ Москву, и опять этотъ уголъ противъ рядовъ, но самыхъ рядовъ больше нѣтъ, а только этотъ тротуаръ, съ одной стороны стѣнка, а съ другой — рядъ оконъ церкви Параскевы-Пятницы. Но церковь уже ушла на аршинъ въ землю, такъ что окна и не около плеча, а скорѣй около пояса моего, и нужно наклониться, чтобы заглянуть въ нихъ.

Прерву на минуту. Въ снѣ этомъ, я думаю, сплелось много моихъ житейскихъ впечатлѣній. Напримѣръ, разъ я осматривалъ церковь Василія Блаженнаго. До тѣхъ поръ я бывалъ въ церкви когда служатъ, и всегда какъ молящійся и среди народа. Тогда церковь храмъ. Но когда изъ историко-археологическихъ интересовъ я вошелъ въ не служебный часъ въ Василія Блаженнаго и сталъ осматривать крохотныя внутреннія церковки, на которыя она, какъ извѣстно, дѣлится, то я почувствовалъ необыкновенную ея свѣтскость, холодъ, неинтересность ни въ какомъ отношеніи, и, походивъ безъ благоговѣнія и съ недоумѣніемъ съ полчаса — вышелъ. «Что это? Не нужно! не нужно!» Тутъ то я впервые и понялъ, что церковь собственно есть богослуженіе; еще тѣснѣе: что церковь

есть молящійся народъ и священнослужители, *для него* служащіе. Еще яснѣе: отношеніе народа къ священнику и обратно — и есть храмъ Божій. Теперь добавлю уже для ученыхъ: весной этого (1901) года я осматривалъ многіе языческіе храмы: Аполлона въ Помпеяхъ, Сераписа на пути отъ Неаполя къ Байямъ, Венеры — около самыхъ Бай. И ничего не чувствовалъ. Но вѣдь чувствовать то можно отношеніе народа къ богослуженію, и когда въ Сераписѣ, Венерѣ, Аполлонѣ служенія нѣтъ,— то нельзя, даже научнымъ окомъ нельзя ничего и уловить въ нихъ, ни картинъ, ни сущности, просто ничего, груды кирпича: и это не потому, что Аполлонъ, Сараписъ, Венера — *ничего, нуль*, а потому, что нулевое и такъ сказать нигилистическое отношеніе къ нимъ у смотрящаго, а оно въ свою очередь и возникаетъ отъ того, что смотрящій смотритъ на предметъ въ *нулевой* его *моментъ*, каковымъ является всякій *внѣ-богослужебный* моментъ. То абсолютно свѣтское чувство, съ которымъ я, живой христіанинъ, осматривалъ внѣ-богослужебнаго Василія Блаженнаго, оно же, но не болѣе какъ только оно, есть и чувство археолога - историка, осматривающаго Серапеумъ близъ Бай и говорящаго: «ничего не понимаю! Ничего даже не вижу!! Чему молились эти болваны?!»

Да. Но вѣдь молитва есть молитва. И кто ее не выслушалъ, опустилъ вѣчное.

Я наклонился къ ярко свѣтившемуся въ темнотѣ ночи окну Параскевы-Пятницы. Вообще весь рядъ этихъ оконъ не только свѣтилъ, но сверкалъ, блисталъ свѣтомъ, и въ этомъ блистаніи было что то преднамѣренное, нарочное. Тутъ опять у меня вплелось старое воспоминаніе, какъ Хома - Брутъ, смертельно боясь, читая по упокойницѣ псалтырь, «ярко освѣтилъ всю церковь». Такъ сказано у Гоголя, и такъ приснилось мнѣ. Очевидно, изъ ящика свѣчного были взяты всѣ свѣчи, до послѣдней. Самый воздухъ черной отъ древности церкви казался сдѣлался свѣтящимся: до того много горѣло свѣчъ около

четыреугольныхъ тяжелыхъ колонъ, на «канунѣ» (деревянный столъ съ поминаньями, куда за покойниковъ ставятъ свѣчи), но больше всего, конечно, передъ алтаремъ, въ подсвѣчникахъ и такъ просто, и не передъ однимъ нижнимъ рядомъ образовъ, но и передъ верхними ярусами. Потолокъ былъ очень-очень низкій; служили въ нижней церкви...

Я сказалъ «служили», но какая это была странная служба. Священникъ былъ одинъ въ церкви. Онъ былъ въ серебряной глазетовой ризѣ, сѣдой и высокій, сухой въ очеркѣ лица, но совершенно бодрый и очевидно до пронзительности ясный въ сознаніи. Черезъ двойныя рамы окна, конечно, я ничего не слышалъ и могъ только наблюдать службу. Истово, прямо, какъ бы ничего не замѣчая, судя по движенію губъ громко произнося возгласы, онъ отправлялъ полунощницу (всенощную), любимую мою службу въ православіи. Онъ входилъ въ алтарь и выходилъ; царскія двери то отворялись, то затворялись. И вотъ наступилъ любимѣйшій мой моментъ въ этой службѣ: «Хвалите имя Господне, хвалите рабы Его...», когда сонмъ священнослужителей начинаетъ двигаться по церкви, по всему ея пространству, чтобы кадить передъ образами святыхъ угодниковъ, а народъ падаетъ всѣмъ составомъ на колѣни. И въ эти минуты у молящагося особенно хорошо въ сердцѣ...

Священникъ и діаконъ вышли изъ алтаря и потекли по храму. Впереди шелъ діаконъ со свящею, толстой, особенной, діаконской. Это былъ невысокаго роста и среднихъ лѣтъ человѣкъ, одутловатость котораго переходила въ полноту. Видно, что онъ очень боялся и даже стѣснялся священника, но въ тоже время шелъ у него въ дисциплинѣ. Лицо у него было грустное и на этотъ разъ видно было, что онъ повиновался не охотно. Священникъ шелъ позади его съ кадиломъ, въ которомъ ярко горѣли угли и дымился ладонъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они останавливались, діаконъ что то пѣлъ, а священникъ ему

подпѣвалъ, и кадилъ и кланялся. Свѣтъ отъ большой свѣчи діакона кидался на образъ, и всякій разъ изъ подъ тяжелой ризы и драгоцѣнныхъ камней я видѣлъ приблизительно одинъ и тотъ же ликъ, т. е. сонмы лицъ почти безъ варіаціи, темныхъ, строгихъ, недвижныхъ и глубоко старыхъ. Глаза были у всѣхъ маленькіе и острые, и они недвижно, каждый до своей очереди, ждали поклоненія. Конечно, это было такъ мнѣ видно изъ за окна и отъ того, что, не слыша службы, я какъ нибудь старался ее одухотворить и оживить.

Церковь однако была пуста и затворена. Да и не всенощная это была, а именно полунощница, ибо шелъ, очевидно поздній часъ сутокъ. Ни одного молящагося не было, какъ и у Василія Блаженнаго, когда я его осматривалъ. Но тамъ это было случайно, а здѣсь преднамѣренно, и какъ то вѣковѣчно и окончательно. Та пустынность земли, о которой я выше упомянулъ, и отразилась въ моемъ сердцѣ собственно отъ пустынности одной этой церкви, ибо землю то я не очень замѣтилъ, а утроеннымъ, учетверенным глазомъ смотрѣлъ внутрь церкви и ужасно томился... Но и опять это томленіе души было такое, что я хотѣлъ, чтобы оно еще смертельнѣе и смертельнѣе падало и сгущалось.

Священникъ дѣлалъ видъ, какъ будто онъ ничего не замѣчаетъ и безпокоился только наивный діаконъ. Священникъ же, кадя передъ образами, не оборачивался ни назадъ, ни по сторонамъ — совершенно, какъ Хома - Брутъ, читая псалтырь — и потому могъ сохранять наружность, что онъ вовсе не видитъ полнаго отсутствія молящихся въ храмѣ. Только очень слѣдя за губами, я замѣтилъ, что онъ творитъ возгласы гораздо громче обыкновеннаго; какъ и все «хвалите имя Господне» проходило особенно торжественно. Въ то же время, однако, было очевидно, что священникъ проходитъ всю службу со смертельнымъ страхомъ, гораздо сильнѣйшимъ, чѣмъ мелкое наружное безпокойство діакона. Какъ будто онъ зналъ тайну храма, которой не зналъ діаконъ. Ноги его едва передвигались. «Скорѣй! Скорѣй! Когда же разсвѣтетъ утро», какъ бы вторили слова его словамъ Хомы - Брута. Но наружно онъ истово кланялся и громко пѣлъ: «Хвалите имя Господне, хвалите рабы Его».

Но рабовъ не было. Никого не было. Ничего не было. «Сгинь, нечистый!» вздрогнулъ я во снѣ и проснулся.

* * *

Пароходъ еще стоялъ. Я сѣлъ на койку и вытеръ холодный потъ. «Что это такое? что я видѣлъ? Параскева - Пятница — студентъ — Василій Блаженный — археологія — Серапеумъ. Что за чепуха?» Но безопасное чувство пассажира, который стоитъ на якорѣ, превозмогло безпокойство философа и обернувшись лицомъ къ стѣнкѣ (а я спалъ на верхнемъ ярусѣ морской койки), я вновь заснулъ крѣпкимъ сномъ.

И опять шумъ, но на этотъ разъ стихій. Ночь. Буря. Но нашъ пароходъ, хорошей рижской компаніи, мощно разсѣкаетъ волны, а я стою около борта съ спокойнымъ чувствомъ человѣка, прошедшаго курсъ физики и механики: «Ничего». Стою у борта, и будто бы бортъ этотъ высокій, высокій, а неподалеку, въ сторонкѣ, бьется суденышко, совсѣмъ не искусное, самодѣльное, на какихъ между Архангельскомъ и Соловками ѣздятъ богомольцы. И вотъ снится мнѣ, будто бы мы и не въ Рижскомъ заливѣ, а въ Бѣломъ, а пароходъ то нашъ — рижскій. Но я всего этого не соображаю, а только смотрю на суденышко. Около мачты, по реямъ, по какимъ то лѣсенкамъ мелькаютъ фигуры и будто назадъ отдуваетъ вѣтромъ какой то крепъ, и всѣ они, эти фигуры, ужасно неуклюжи на морѣ и въ то же время чрезмѣрно испуганы. «Что такое», никакъ не могу я разобрать. И вотъ (прихоть сна) я точно перехожу по волнамъ и всхожу на суденышко и говорю: «что вы тутъ дѣлаете? откуда плывете и куда?»

Мнѣ никто не отвѣчалъ отъ смертельнаго перепуга. Всѣ метались изъ стороны въ сторону, тянули какія то веревки, кричали, ободряли другъ друга, но бодрости ни въ комъ не было. Это было дѣйствительно суденышко, возвращавшееся изъ Соловокъ въ Архангельскъ съ доморощеннымъ монахомъ - капитаномъ и монахомъ - лоцманомъ. Смѣшные монашескіе служки работали за матросовъ.

«Намъ и духу святому изволилось»...

«Что такое?» думаю. Вѣтеръ:

Вззг! вззг! точно вой звѣря въ лѣсу, точно одушевленное существо.

Хлопнула мачта. Ужасный трескъ. Суетня увеличилась. И какъ бываетъ во снѣ, гдѣ намъ ни жалко, ни любо, я также спокойно, будто осмотрѣвъ свой департаментъ, вернулся на пароходъ; «здѣсь суше». И сталъ смотрѣть съ борта назадъ и въ сторону.

«Намъ и Духу Святому изволилось», точно доносилось до меня съ гибнувшаго суденышка. Что они хотѣли сказать, спрашивалъ я себя. А гдѣ то я слыхалъ эту формулу ли, заклинанье ли, причитанье ли. Вѣрно они хотѣли этимъ выразить, что вышли изъ гавани хоть и въ неблагопріятный вѣтеръ, однако помолясь и не безъ благословенія свыше. Въ утѣшеніе себя причитаютъ.

Вѣтеръ визжалъ въ снастяхъ и трубы нашего парохода страшно раскачивались изъ стороны въ сторону. Я сталъ между какими то двумя шкафчиками съ вещами и корзинками буфетчика. Мнѣ было уютно и даже не очень холодно.

Суденышко отставало, хотя побораемый волнами и нашъ пароходъ едва двигался. Черныя тѣни мелькали все быстрѣе. По небу неслись клоки тучъ, но само небо было сине и свѣтила полная студеная луна.

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій.
Мутно небо, ночь мутна.

— прочиталъ я Пушкина, какъ всегда читаю его описанія, прелестную поэтическую параллель прелестямъ природы. Какъ они заплетаются въ своихъ крепахъ и широкихъ рукавахъ. Нужно тянуть веревку, а тутъ рукава, и онъ тянетъ за рукавъ, а не за веревку. Чепуха неприспособленности, соображалъ я во снѣ и продолжалъ изъ Пушкина:

Хоть убей, слѣда не видно.
Сбились мы, что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно
Да кружитъ по сторонамъ.

Задвигалась рулевая цѣпь, капитанъ что то кричалъ въ рупоръ, пароходъ кажется хотѣли повернуть, но онъ не повертывался. Вдругъ тутъ же около себя я услышалъ слабый, едва доносившійся писк. «Это еще что за чепуха, или я брежу во снѣ?» Писк прекратился или вѣтеръ заглушилъ его. Я отчетливо сталъ припоминать блѣдныя лица монашковъ. Когда они шептали свое: «намъ и Духу Святому изволилось», то мнѣ казалось, что губы то ихъ произносили: «и Духу Святому изволилось», а въ сердце стояло одно горькое отчаянное: «намъ изволилось». Бѣдные вспоминали, что вѣдь въ точности день и часъ ихъ отправленія вовсе опредѣлился не небесными знаніями, а какими то покупочными разсчетами, и еще они дожидалися одного важнаго (для нихъ важнаго) пассажира, какого то богатѣйшаго купца изъ Вятки, и вотъ когда пріѣхалъ купецъ, то они прибавили: «и Духу Святому изволилось», «намъ и Духу Святому изволилось», и подняли якорь и маршъ. А на барометръ не посмотрѣли, да вѣрно у нихъ и нѣтъ барометра.

Вззг!... Вззг!.. хрустѣлъ вѣтеръ вверху.

Бѣдные, подумалъ я.

Посмотри: вонъ - вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня...
. . . . . .
. . . . . .

Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой
. . . . . .
Силъ наиъ нѣтъ кружиться долѣ...

Около меня растворилась дверца и опять захлопнулась. Однако, какъ будто въ моментъ раствора я услыхалъ: «бай - бай». «Вотъ идиллія среди бури. Куда же они своего купца спрятали? Вѣрно и онъ боится». И я, по нелѣпой сонной ассоціаціи, припомнилъ изъ апокалипсиса, какъ «купцы будутъ плакать, сокрушаясь: какое богатство погибло! И цари будутъ тоже плакать, тоже о чемъ то сокрушаясь». «Ну», поправилъ я себя, «тамъ— надъ мистическимъ Вавилономъ, а тутъ надъ чѣмъ плакать?» Всего у купчишки тысячъ пятнадцать въ бумажникѣ. Моржи раздерутъ, а казначейство порадуется, что кредитки не размѣнивать на золото. Всякая гибель бумажныхъ денегъ хороша, это говорятъ экономисты, и въ этомъ смыслѣ, какъ пожары, такъ и морскія аваріи кладутся въ видѣ *плюса* на счетахъ казначейства.

Со стороны суденышка раздался ужасный трескъ. Я вздрогнулъ. Дрогнулъ какъ будто и нашъ пароходъ. Но я все смотрѣлъ туда. Вдругъ какъ будто я увидалъ вмѣсто одного суденышка два, или скорѣе два крупные кома, ужасно колотившіеся на волнахъ и то совершенно въ нихъ погружавшіеся. Что такое? Что случилось такое съ ними?! И я бросился къ неподалеку работавшему нашему матросу. «Что съ ними?» Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ. «Тонутъ?» Онъ молчалъ.

Я вспомнилъ, что пароходъ былъ нѣмецкій и можетъ быть моя рѣчь ему не понятна. «Почему же мы не подаемъ имъ помощи?» закричалъ я. И опять это тупое молчаніе матроса, какъ будто меня для него не существовало.

«Пассажиръ. Я только — пассажиръ. Что я могу? что прикажу?» — «Взяли билетъ и сидите, сударь», отвѣтитъ онъ мнѣ: «Рига — Петербургъ; сѣли въ Ригѣ, высадитесь въ Петербургѣ, вотъ и все. И молчите до времени».

«До времени, до времени», обидѣлся я. И у Даніила сказано: будетъ три времени и полъ-времени. Что такое полъ - времени, я никогда не могъ понять и подсмѣивался неуклюжести вѣрно семинарскаго перевода. Ну, Христосъ проповѣдывалъ три года съ половиной. Такъ что же это? Три времени и полъ-времени, что ли? «И мерзость запустѣнія станетъ на мѣстѣ святѣ». Ну, хорошо, конечно — мерзость запустѣнія, когда одна Стѣна плача осталась, около которой ревутъ виленскіе пейсы и ковенскіе торгаши. «И жертвоприношенія прекратятся». Ну, и прекратились. «И сойдетъ *Онъ* въ храмъ и сядетъ на престолѣ и будетъ вмѣсто всякаго рекомаго Бога». Ну, такъ вѣдь это все знаменія Христовы, разсказанныя согласно у Рудакова и Иловайскаго. Какой глупый сонъ. Что же дальше то?!

«А тоже», будто крикнулъ мнѣ кто то, «что не посмотрѣли барометръ и бухъ въ море. И вотъ однѣ щепки».

«Отъ кого щепки?», переспросилъ я невольно и оглянулся, точно со мной говорилъ кто то живой. Но никого не было. «Да, что это, галлюцинація что ли?»

Ничего не галлюцинація, а дѣйствительность. Но я не хотѣлъ такой дѣйствительности и всѣми силами начиналъ теперь вѣрить, что галлюцинація. «Свѣтопредставленіе?»

Ребенокъ пищалъ въ щелку.

... Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ,
Закружились бѣсы разны
Будто листья въ ноябрѣ.
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?..

Море вдругъ освѣтилось. Стала полная луна. «Астарта, милая»... На мѣстѣ судна ничего не было.

В. Розановъ.

НЕБЕСНЫЯ СЛОВА.

I

ВВЕРХЪ.

О небесахъ всегда говорили много пустяковъ. Поэты описывали ихъ пріятный видъ, астрономы занимались вычисленіями, — каждая звѣзда у нихъ подъ номеромъ; обыкновенные люди глядятъ на небо, когда боятся, что пойдетъ дождь, а всѣ вообще убѣждены, что между человѣческими дѣлами и небомъ очень мало связи. Люди религіозные, впрочемъ, этого не скажутъ; но они смотрятъ на небо, какъ на задернутую голубую занавѣску, которая сама по себѣ не важна, а только скрываетъ отъ нихъ важное и съ ними имѣющее связь.

О небесахъ, какъ о задернутой занавѣскѣ, не буду говорить. Небо для меня живо, точно живое человѣческое лицо; и оно всегда со мною, принимая самое близкое участіе во всѣхъ моихъ мысляхъ и дѣлахъ. Лицо неба понятнѣе лица земли: люди землю почти никогда не видятъ истинною, нагою, а больше измѣненною ихъ же собственными руками; да и какъ иначе? Небеса же чисты и очень широки, а потому и выразительны.

Я разскажу нѣсколько отрывочныхъ случаевъ изъ моей

жизни, и будетъ ясно, что небеса живутъ съ нами, говорятъ съ нами, только мы рѣдко слушаемъ ихъ слова.

Поэты въ особенности невыносимы. У нихъ аллегорическія небеса, а я вовсе не хочу аллегорическихъ небесъ. Поэтъ описываетъ грозу долго, подробно, только для того, чтобы прибавить: «въ душѣ моей часто бываютъ такія же грозы...». Или говорятъ о солнцѣ и сравниваютъ его съ «солнцемъ любви». Доктора склонны думать, что грозы вліяютъ на человѣческій организмъ, на внѣшняго человѣка, самымъ понятнымъ образомъ. И все это не то.

Мы заняты своими дѣлами, мы въ нерѣшительности, въ сомнѣніи,—и небо съ нами, улыбается, хмурится, совѣтуетъ, объясняетъ, утѣшаетъ, подсмѣивается — нужно только понимать его слова.

Выучиться нетрудно при вниманіи, особенно, если имѣешь нѣкоторыя способности и склонность смотрѣть вверхъ. Я зналъ одну старушку, которая во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгала ... даже не къ Библіи, и ни къ Евангелію, а къ часослову. Небо гораздо шире часослова, и притомъ эта книга всегда раскрыта на нужномъ мѣстѣ.

II

КРЫСА.

Я долго жилъ, совершенно не обращая вниманія на небеса, — долго, должно быть, лѣтъ до десяти. Злился, когда съ крышъ текла вода, и прыгалъ козломъ по саду, когда на пескѣ лежали солнечныя пятна, — а наверхъ какъ то вовсе не глядѣлъ. Мы жили въ деревнѣ, въ Малороссіи, воспитывали меня свободно — вѣрнѣе, вовсе не воспитывали,— я вѣчно былъ одинъ, и очень былъ золъ, упрямъ и тупъ.

Какъ то разъ, въ воскресенье, послѣ завтрака, я пошелъ къ старому амбару ловить крысу, которую я тамъ

раньше замѣтилъ. Старый амбаръ на задворкахъ былъ единственнымъ мѣстомъ, куда мнѣ запрещали ходить, а потому я вѣчно торчалъ у амбара. Сегодня же это было особенно преступно, такъ какъ утромъ меня водили къ обѣдни и надѣли мнѣ голубую шелковую рубашку, которую, я зналъ, я непремѣнно испорчу за амбаромъ. Рубашка, впрочемъ, мнѣ нравилась, и я ее немного жалѣлъ, но дѣлать было нечего.

У заброшеннаго амбара, сѣраго съ колонками, росла густая трава, почти въ мой ростъ, кругомъ тѣснились строенія, было очень уединенно, никто сюда не заходилъ. Я сѣлъ на корточки передъ заранѣе намѣченной дырой, подъ перекошенной галлереей амбара, — вынулъ кусокъ измятаго сыра, который стащилъ за столомъ, положилъ у дыры и сталъ ждать. Оружія у меня никакого не было, и я не знаю, какъ могъ я надѣяться поймать крысу, и на что она мнѣ, вообще, была нужна, — однако, ждалъ и надѣялся.

Я такъ долго ждалъ, что когда крыса пришла, — я совершенно обезумѣлъ и бросился на нее. Она съ быстротой молніи помчалась наверхъ, на галлерею. Я, кажется, вопя,—за ней, на гнилыя доски, и ухватился за поперечную палку перилъ. Палка тотчасъ же переломилась, и я упалъ навзничь съ порядочной высоты. Но паденіе только ошеломило меня, потому что я упалъ затылкомъ на густую траву. Вмѣсто крысы я держалъ въ рукахъ сѣрый обломокъ перила. Тонкія, зеленыя нити колебались около меня, а прямо надо мною, только очень высоко, былъ кусокъ неба, голубой, какъ шелкъ моей рубашки. Я зналъ, что это — небо, но въ первый разъ какъ слѣдуетъ посмотрѣлъ на него, подумалъ о немъ — и оно мнѣ понравилось. Оно было, пожалуй, еще голубѣе моей рубашки и стояло надо мной такъ, какъ будто ничего не случилось. Однако, оно видѣло, что я полетѣлъ, и мнѣ стало стыдно. Но лежать и смотрѣть вверхъ все таки было пріятно, и я не двигался.

Главное, мнѣ нравилось, что небо такое просторное и ничѣмъ не загромождено. Еслибъ крыса тамъ бѣгала, ей некуда было бы спрятаться, и я бы ее непремѣнно поймалъ. А здѣсь выдумали эти амбары, да норы... Хорошо тоже, что пустынно. И небо, хотя видѣло мое пораженіе, осталось серьезнымъ и не очень меня осуждало, такъ что я пересталъ стыдиться, и оно мнѣ еще больше понравилось. Я взглянулъ на рубашку. Она порвалась на рукавѣ и казалась очень тусклой передъ небомъ. Я полежалъ еще, потомъ бодро всталъ, оправился и опять взглянулъ наверхъ. Ну не поймалъ крысу, ну изорвалъ рубашку, а вотъ за то у меня теперь есть небо. Оно видѣло все—и ничего, осталось какъ было. Это хорошо, что оно теперь у меня есть.

Зачѣмъ оно мнѣ нужно — я не зналъ; что мнѣ съ нимъ дѣлать — тоже не зналъ, да, впрочемъ, я не зналъ, что дѣлать и съ крысой, которую хотѣлъ поймать. Но у меня было такое довольство, точно ко всѣмъ старымъ игрушкамъ, которыя нисколько не надоѣли, — мнѣ неожиданно подарили новую. У меня былъ амбаръ, садъ, крысы, трава, я самъ — словомъ все, что внизу, — а теперь я открылъ, что и вверху есть тоже хорошее, и оно тоже мое. Хотѣлъ бы я видѣть, кто могъ у меня отнять небо!

Кромѣ того — это было и таинственно: о небѣ никто не говорилъ, и никто не подозрѣвалъ, что оно — мое; и я не хотѣлъ ничего говорить, да и какъ бы я сказалъ? Вотъ я даже теперь говорю, и для другихъ непонятно,— а тогда я ни одного слова объ этомъ не сумѣлъ бы сказать.

Вечеромъ, читая «Отче нашъ», я остановился: «на небеси...» Что это тутъ о небѣ? У меня была нянька, злая, которую я не любилъ и втайнѣ презиралъ. Однако я спросилъ ее, что говорится о небѣ. Она сухо объяснила мнѣ, что Богъ на небѣ.

Я промолчалъ, но это мнѣ не понравилось. Мало, что

ли, Богу мѣста, что онъ поселяется именно на небѣ? Пусть бы въ церкви... Да, я слышалъ, кто то говорилъ, что Богъ — вездѣ. Ну, тогда мнѣ все равно, пусть и на небѣ. Но небо — мое, совершенно такъ же, какъ садъ, амбаръ и крысиная нора. Не больше, но и ни за что не меньше. Все, что на землѣ, амбаръ, трава — пусть Божье, я знаю, что это и мое; и все, что на небѣ, солнце, тучи длинныя (я теперь вспомнилъ, что видѣлъ тучи длинныя) — пусть Божье, если оно все таки мое. Это ничему не мѣшаетъ.

III

ТЕТРАДЬ.

Меня отправляли въ гимназію, въ городъ. Стоялъ свѣтлый, безсолнечный день. Небо разстилалось надо мною ровное-ровное, все бѣлое, какъ страницы новой тетради. Я нисколько не грустилъ, что уѣзжаю. Ну, будутъ другіе дома, другія деревья, еще другія; мнѣ не казалось, что я теряю эти. Дорога, по которой я поѣду, соединяетъ безъ всякаго перерыва этотъ кусокъ земли съ другимъ; значитъ — оба мои. Совершенно такъ же, какъ небо накрываетъ безъ прорыва оба мѣста, и всѣ мѣста, и все оно — мое. Я не могу видѣть все на землѣ сразу, потому что я малъ и у самой земли; а небо все могу сразу, потому что издали шире видно. А въ сущности, вѣдь тоже самое.

Теперь небо, хотя и привѣтливое, сочувственное — молчало, все бѣлое и ровное. Я понялъ это такъ, что оно не желаетъ меня развлекать. Я долженъ позаняться, поучиться, чему тамъ въ гимназіи учатъ, а оно пока помолчитъ, подождетъ. Разстаться вѣдь все равно мы не можемъ. Когда понадобится — оно тутъ какъ тутъ. А поучиться тоже необходимо.

И я уѣхалъ очень веселый.

IV

СВОБОДА.

Пишу мои небесныя воспоминанія каждый вечеръ понемногу, какъ дневникъ. Тихо пишу и почти не надѣюсь, что кто нибудь прочтетъ и пойметъ, до какой степени близко намъ небо, — родное, какъ земля.

Достойно замѣчанія, однако, что почти всѣ люди, вспоминая свои слова, долгое время забытыя — вспоминаютъ мѣсто, гдѣ слова были произнесены. Иной разъ и мысли, и чувства, диктовавшія слова, исчезли изъ памяти, а мѣсто помнится. И было ли въ тотъ моментъ свѣтло или темно. Такъ я помню всегда — небо. Если даже и не видѣлъ его, если былъ подъ потолкомъ, я зналъ, какое оно, что̀ говоритъ — я о немъ думалъ.

Иногда я его ненавидѣлъ, ссорился съ нимъ, оно мнѣ было противно; но не думать о немъ не могъ.

Мы шли, я и два товарища (я ужъ кончалъ университетъ) въ бѣлую ночь по набережной Невы. Чистое, жидкаго зеленоватаго цвѣта, небо покрывало насъ. Ни одна облачная тѣнь не нарушала его холодной ровности. Мы говорили о свободѣ и ужасно спорили. Особенно я залеталъ высоко. Границъ, казалось, не было моимъ мечтаніямъ. Даже вспомнить не могу всего, что говорилъ. Товарищи, не слушая меня, такъ же, какъ и я ихъ, тоже говорили и, кажется, совершенно то же самое.

И вдругъ я остановился и замолчалъ, какъ будто меня толкнуло. Ужасно сложны были мои мечты о свободѣ и совершенно не имѣли предѣловъ. А небо надъ нами ровно круглилось, просторное и вездѣ одинаково свѣтлое. За строеніями не видно было линіи соединенія его съ землею, но угадывалось, какъ эта зеленая чаша крѣпко и аккуратно впивается краями въ землю, и какъ твердо замкнуты мы въ этомъ кругѣ. Я всегда любилъ нѣжную

и ясную черту приникновенія неба къ землѣ, ихъ поцѣлуй, ихъ соединеніе. О какой свободѣ я говорю? Я зналъ и знаю, я чувствовалъ и чувствую, что я свободенъ въ этомъ кругѣ, и всякій можетъ быть въ немъ свободенъ, какъ я, если полюбитъ обоихъ, и землю, и небо одинаково, — какъ я люблю. Свободенъ въ кругѣ, — до заколдованной, непереходной черты. А другая свобода—какая?— столь невозможна, что даже и не нужна. И столь ненужна, что даже и хотѣть ся никакъ нельзя, — невозможно.

Это была у меня не мысль, не знаніе и не чувство, не ощущеніе; это было то, что я называю сознаніемъ: то-есть чувство — со знаніемъ, ощущеніе — съ мыслью. И я замолчалъ и не говорилъ больше ни о какой свободѣ, а товарищи мои долго еще говорили, слушая каждый себя, и не замѣтивъ, что я умолкъ.

V

МОЯ ЖЕНА.

Облака — мысли неба. Такъ и по человѣческому лицу часто проходятъ тѣни мыслей, и лицо мѣняется. Мнѣ кажется, что я иногда умѣю читать мысли людей—и почти всегда умѣю читать мысли неба. И какъ измѣняются черты человѣка, — измѣняются и черты небеснаго лица: солнце сегодня — другое, чѣмъ было вчера, и уже никогда не будетъ сегодняшнимъ. И луны я не видалъ одинаковой. О звѣздахъ и говорить нечего. На солнце рѣдко кто смотритъ—да вѣдь и прямо въ глаза человѣку мы очень рѣдко смотримъ.

Кончая мою жизнь, я не знаю, поймутъ ли меня, но въ молодости я былъ наивенъ и думалъ, что всѣмъ людямъ свойственно столько же смотрѣть вверхъ, сколько внизъ.

Но однако, прежде, чѣмъ небо меня покорило безвозвратно, случилось вотъ что: когда я въ первый разъ открылъ, что люди живутъ помимо неба, не обращая на него вниманія, и живутъ просто и даже недурно—я глубоко усумнился въ себѣ. А если я не правъ? Если все это я только себѣ выдумалъ, а небо — обыкновенный потолокъ, которому до насъ нѣтъ дѣла? Отчего бы и мнѣ не жить попросту, какъ всѣ, глядя себѣ подъ ноги? Признаться, въ ту пору жизни вѣчное вмѣшательство неба въ мои дѣла стало мнѣ просто стѣснительно, утомило и разсердило меня. И вотъ я рѣшилъ быть одинъ, дѣлать безъ свидѣтелей все, что мнѣ хотѣлось, самъ, безъ указокъ, безъ морали, а жить по просту, совершенно какъ всѣ. Я рѣшилъ забыть о небѣ навсегда, потому что вѣдь иначе отъ этого свидѣтеля и учителя нельзя было уйти.

Въ ту пору я только что кончилъ университетъ, служить не начиналъ и даже не зналъ, буду ли служить. Деньги у меня имѣлись, немного, но довольно для меня: отецъ, умирая (мать скончалась давно), оставилъ мнѣ ту небольшую деревушку въ Малороссіи, гдѣ я выросъ. Я писалъ стихи, мнилъ себя поэтомъ и мечталъ посвятить жизнь литературѣ. Университетъ я, впрочемъ, кончилъ математикомъ.

Не надо забывать, что мнѣ шелъ тогда лишь двадцать второй годъ.

Несмотря на такую крайнюю молодость я рѣшилъ жениться. И не то, чтобы у меня кто нибудь былъ на примѣтѣ; я просто рѣшилъ жениться, какъ можно ранѣе, прожить жизнь, какъ можно нормальнѣе, по Толстому. Такія намѣренія не очень вязались съ моими стихами и мыслями о «борьбѣ на поприщѣ поэта» — но въ двадцать одинъ годъ чего не свяжешь!

Въ Петербургѣ барышни были все какія то неподходящія. Я поѣхалъ путешествовать по Россіи, посмотрѣть, какъ люди живутъ, да кстати поискать и невѣсту.

Въ Кіевѣ (къ себѣ въ деревню я такъ и не заѣхалъ) мнѣ пришлось познакомиться съ цѣлымъ сонмомъ бары-

шень, которыя были совершенно непохожи на петербургскихъ, а потому всѣ до одной мнѣ нравились, т. е. казались подходящими женами.

Впрочемъ, скоро я остановилъ мое вниманіе на Вѣрочкѣ Бецъ и Аннѣ Ловиной. Онѣ были очень различны, и каждая хороша въ своемъ родѣ. Вѣрочка — живая, бойкая, если и не умная, то находчивая дѣвушка, блондинка безъ золота—волосы точно пыльные, но красивые; Анна — смуглая, тихая, робкая, можетъ-быть, глупая, но милая, съ длинной, черной косой. Взглядъ у нея былъ медленный, скользящій. Между этими двумя я никакъ не могъ выбрать.

И вотъ я рѣшился разсказать той и другой отдѣльно, конечно то, что я думалъ во дни «молодости» о небѣ, какъ оно со мной жило, какъ мнѣ мѣшало и надоѣдало, пока, наконецъ, я не вздумалъ бросить всѣ эти бредни и жить, какъ всѣ. Впрочемъ, о томъ, къ чему я пришелъ, я не хотѣлъ говорить, а только разсказать факты и узнать, не расположена ли которая нибудь изъ нихъ къ небесной болѣзни. Этого именно я и боялся, и не хотѣлъ. Я смутно чувствовалъ, сквозь юношескую удаль, что и самъ не вполнѣ вылѣчился — если только это болѣзнь.

Въ первый же вечеръ, когда мы цѣлой компаніей гуляли въ паркѣ надъ Днѣпромъ, я постарался остаться наединѣ съ которой нибудь, съ Анной или Вѣрочкой. Вышло съ Анной.

Мы сидѣли на скамейкѣ у рѣки, надъ нами было черносинее, лѣтнее небо и различные узоры изъ довольно большихъ звѣздъ. Самъ я отводилъ глаза, боясь, чтобы небо не заговорило со мною противъ воли, и я не сталъ бы его слушать, а ей сказалъ:

— Посмотрите. Видите — небо?

— Да, — отвѣтила она робко.

Мой первый вопросъ прозвучалъ довольно глупо; меня даже укололо, что она не разсмѣялась. Тогда я рѣшилъ продолжать съ поэзіей:

— Что говорятъ вамъ эти звѣзды?

Это была и условная поэзія—и вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ шелъ къ дѣлу.

Она отвѣтила не сразу. И тихо.

— Я не умѣю разсказать...

— Но говорятъ? Говорятъ? — приставалъ я.

Она опять долго молчала. Я ужъ началъ терять терпѣніе.

— Да, много... — сказала она.

— Вотъ какъ! Даже много! Послушайте-ка, что я вамъ разскажу...

Я ей вкратцѣ разсказалъ все, что думалъ о небѣ еще годъ тому назадъ. Я увлекся и уже хотѣлъ было прибавить, что теперь мысли мои измѣнились, — какъ вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что Анна плачетъ.

— О чемъ вы? — сказалъ я непривѣтливо и подумалъ про себя, что дѣло плохо.

— Я... такъ понимаю васъ... — сказала Анна взволнованно. — Вотъ это именно... я не умѣю выразить... но я все это понимаю.

У меня сердце упало. Еслибъ я ее любилъ — я бы, конечно, тутъ же понялъ, какъ я дерзко глупъ со своимъ мальчишествомъ насчетъ небесъ, и слѣпота прошла бы — вѣдь она сама собою прошла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но я не любилъ Анну.

Я внутренно поздравилъ себя, что придумалъ такой отличный опытъ, и всталъ со скамьи.

— Успокойтесь, Анна Васильевна... Мы еще поговоримъ... А теперь, я боюсь, насъ ищутъ...

Это было ужасно грубо, но я, увлеченный своими опытами, рѣшилъ продолжать ихъ немедленно. Я на глазахъ у Анны сталъ искать уединенія съ Вѣрочкой и безъ особой ловкости увлекъ ее на ту же скамью.

— Ну, что вы хотѣли мнѣ сказать? — торопила она. — Скорѣе, вѣдь всѣ видѣли, какъ мы сюда шли.

— Пускай видятъ.

— Хорошо, но что такое?

— Этого не скажешь въ двухъ словахъ, — неожиданно обидѣлся я.

Она улыбнулась, сѣла рядомъ и проговорила чинно:

— Все равно, хоть въ десяти.

Звѣздные узоры переливались передъ моими глазами, хотя я ихъ и отводилъ. И къ моему удивленію, я не зналъ, какъ начать разговоръ. Потомъ рѣшилъ, безъ дальнихъ исканій, начать его совершенно такъ же, какъ съ Анной, и спросилъ:

— Что говорятъ вамъ эти звѣзды?

Вѣрочка расхохоталась.

— Такъ это то было ваше важное дѣло? О, поэты, поэты!

— Не смѣйтесь, Вѣра Сергѣевна. Подождите. Послушайте, что я вамъ разскажу.

И разсказалъ ей то же, что Аннѣ, только еще короче. Вѣрочка опять усмѣхнулась.

— Ну, что же вы скажете? — спросилъ я.

— Что скажу? Ничего. Я не люблю притворяться, Иванъ Ивановичъ. Мнѣ лѣнь. Пожалуй, можно бы выдумать какія нибудь поэтическія слова для этой вашей поэтической... или астрономической исторіи, но, ей Богу, мнѣ лѣнь. Мнѣ все равно. Ну звѣзды и звѣзды. Интересно, конечно... Но мнѣ все равно.

Если бы я ее любилъ — то я бы опять догадался о своей слѣпотѣ, о томъ, что она — изъ породы существъ, которыя не смотрятъ вверхъ, и потому для меня не подходятъ, какъ и я для нея; еслибъ я ее любилъ — я бы всталъ и ушелъ отъ нея; но я ее не любилъ. Несмотря на это, мнѣ все таки не хотѣлось дѣлать предложенія; однако, стыдъ передъ собой — развѣ я не рѣшилъ? что за пустяки? — заставилъ меня торопливо, давясь, проговорить:

— Вѣра Сергѣевна, угодно вамъ быть моей женой?

Она, кажется, удивилась:

— Это не поэтическая вольность? — спросила она.

Но я не расположенъ былъ къ веселью и легкимъ шуткамъ.

— Угодно вамъ быть моей женой? — повторилъ я.

Она помолчала.

— Если вы серьезно, то... то я подумаю. Или нѣтъ, впрочемъ, все равно: я согласна. Все равно.

Я почтительно поцѣловалъ ея руку, и мы возвратились къ обществу.

Вѣрочка, дѣйствительно, не любила лгать. Она очень искренно сказала это свое «все равно». Родителей у нея не было, какой-то опекунъ завѣдывалъ ея состояніемъ. Замужъ ей выйти, чтобы пріобрѣсти самостоятельность, было нужно, а за другого или за меня — все равно. Я ей меньше нравился, чѣмъ Козицкій, напримѣръ, (она сама мнѣ это все объясняла съ дѣтскимъ простодушіемъ), но Козицкій, пожалуй, заперъ бы ее, заставлялъ бы ее быть вѣрной, — онъ самъ ее любилъ. А я... Вѣрочка отлично видѣла, что я ее не люблю, и удивленно говорила послѣ свадьбы: «Знаешь, я не понимаю, зачѣмъ ты на мнѣ женился?» Я конфузился и угрюмо молчалъ: я и самъ этого уже не понималъ больше.

Никакой семьи у насъ, конечно, не вышло, даже медоваго мѣсяца почти не вышло. Мы отправились проводить его въ мою деревушку. Сначала былъ холодъ, у Вѣрочки сдѣлался насморкъ, отовсюду дуло, и ужасно мы другъ другу не нравились, и это выяснилось именно въ одиночествѣ. Потомъ, слава Богу, настали теплые дни, а съ ними налетѣли къ намъ гости, все больше мужчины, студенты изъ Кіева, офицеры — Вѣрочка зажила весело.

Она, я думаю, начала мнѣ измѣнять со второго-третьяго мѣсяца. Почти у всѣхъ людей, и у женщинъ тоже, есть призванія, одинъ чувствуетъ себя рожденнымъ медикомъ, другой — путешественникомъ, третій — чиновникомъ... Ошибки бываютъ, но къ добру не ведутъ, и сила человѣка — найти свое собственное мѣсто. Вѣрочка была

рождена куртизанкой. Настоящей, искренней, наивной, пылкой — жрицей любви. Всякое дѣло или хорошо, или дурно, смотря по тому, дѣйствительно ли оно принадлежитъ человѣку, который имъ занимается, или нѣтъ. Если бы Вѣрочка пошла въ сельскія учительницы или монахини — это было бы дурно. Но она была куртизанкой, безкорыстной, беззлобной, потому что родилась для этого — и такъ было хорошо.

Она, конечно, чувствовала, что это хорошо, но безсознательно: сознанію ея все таки было натолковано, что это — *всегда* дурно. И потому она, хотя и безъ ощущенія вины, старалась скрывать, первое время, отъ меня и отъ другихъ, свои невольныя измѣны. Скрывала плохо — лгать она не умѣла — и только озлоблялась и опошлялась, ибо чувствовала свое оправданіе и не знала его.

Я ее понялъ быстро, быстрѣе, чѣмъ понялъ бы, еслибъ любилъ ее, былъ въ нее влюбленъ. А тутъ мнѣ ничто не мѣшало. Я видѣлъ, что она озлобляется, мучается мною, начинаетъ ненавидѣть меня, не вольная въ себѣ, а я не зналъ, какъ развязать этотъ узелъ, чтобы не оскорбить ее. У нея былъ крошечный-крошечный умъ, а такія существа легко обижаются, всѣмъ обижаются и тогда безцѣльно страдаютъ.

Я понялъ все это въ тотъ день, когда опять принялъ небо, какъ моего учителя, какъ что то живое около меня, покорился ему снова — и уже навсегда. Принявъ небо, я принялъ и землю; вѣдь и ее, не зная того, я отвергъ, отвергая небо. Принялъ и понялъ.. Для меня они были— и вновь стали — неразрывны.

Это случилось въ жаркій іюльскій день, когда я лежалъ въ полѣ на опушкѣ лѣса. Сѣрая земля лиловѣла у горизонта и переходила въ такое же лиловое небо, которое незамѣтно мѣнялось къ зениту, синее насквозь — и потомъ опять, склоняясь къ другому горизонту, мутнѣло, лиловѣло и переходило въ землю. Гдѣ они дѣлились — я не зналъ, да и дѣлились ли? Я лежалъ навзничь и чувствовалъ только это земле небо, да жизнь. Кромѣ земле-неба и жизни, то-есть движеній моего сердца — и другихъ движеній другихъ сердецъ, конечно, — ничего не было. Это я почувствовалъ со знаніемъ — и стало мнѣ почти легко, хотя и отвѣтственность свою, своей отдѣльной жизни, среди другихъ жизней, я понялъ. Я думаю тогда, въ этотъ моментъ, я въ первый разъ выступилъ изъ младенчества.

Къ осени въ Вѣрочку влюбился одинъ пріѣзжій изъ Петербурга офицеръ и, кажется, серьезно. Этого я только и ждалъ. Она была имъ увлечена, и я видѣлъ, что ей непріятна будетъ разлука, она мучается и не знаетъ, что придумать.

Раньше, чѣмъ офицеръ уѣхалъ, я сказалъ ей:

— Вѣра, здѣсь скучно. Хочешь, поѣдемъ въ Петербургъ?

Она вспыхнула и взглянула на меня странно: точно боялась, что я ее ловлю, замышляю зло. Я поспѣшно прибавилъ:

— Мнѣ необходимо, Вѣра. Дѣла...

Другая, болѣе «добродѣтельная» женщина, радовалась бы такому удобному мужу, держалась бы за него; но ея прямому характеру это претило, да и не понимала она ни меня, ни себя и мучилась,—я это видѣлъ.

Мы пріѣхали въ Петербургъ въ октябрѣ, остановились въ гостинницѣ. О квартирѣ я говорилъ, — но глухо, я зналъ, что надо скорѣе все кончить. Вѣра пропадала по цѣлымъ днямъ. Вечеромъ мы сходились, и я все хотѣлъ начать и все не зналъ какъ, боясь ее обидѣть. Съ того дня, въ полѣ, — она мнѣ стала дорога, какъ всякая жизнь, всякое дыханье. Все право, что живо.

Пока я собирался, Вѣра, которая была прямѣе, рѣшительнѣе меня сама не выдержала.

— Гдѣ ты была? — спросилъ я ее какъ то, безъ всякой мысли, просто, чтобы сказать что нибудь.

Она вспыхнула.

— Что это за вопросъ?

Я не отвѣтилъ, да она и не ждала отвѣта. Вдругъ озлобившись, видимо измученная, она стала нападать на меня, неумно, дико и естественно.

— Я знаю, знаю, что ты думаешь! Ты думаешь, что я видѣлась съ Анатоліемъ Ильичемъ! (Такъ звали офицера). Не могу я выносить твоихъ взоровъ! Что это за подлая мука! Намъ надо, наконецъ, объясниться, Иванъ Иванычъ!

— Ну да, Вѣра, конечно надо,— сказалъ я кротко.

Она, было, притихла, но потомъ опять вскрикнула:

— Я давно вамъ хотѣла сказать, что я васъ не выношу! Мнѣ ложь ненавистна. Я никого не боюсь. Да, я видѣлась съ Анатоліемъ Ильичомъ! Да, я его люблю! Онъ — не вы! Развѣ я не вижу, что и вы меня нисколько не любите? Вы—странный человѣкъ! Вамъ не надо было жениться! Вы заняты вашей астрономіей, или поэзіей, или ужъ не знаю чѣмъ, а не женой! Я буду вѣрной женою Анатолію Ильичу, если вы дадите мнѣ свободу! Вы должны мнѣ ее дать.

Бѣдная, она искренно цѣплялась за любовь, какъ за оправданье, искренно думала, можетъ быть, что будетъ вѣрной женой. Какъ сказать ей, что я хочу ей ея блага и только о томъ мечтаю, чтобы дать ей свободу?

— Вѣра, не сердись. Я и самъ хотѣлъ предложить тебѣ разводъ, хотя я и не думаю...

— Вы не вѣрите, что я искренно люблю другого, навсегда, вы не вѣрите? — закричала она со слезами, съ отчаяніемъ—и я понялъ, что я ее обидѣлъ. Надо и тутъ лгать?

Я подошелъ къ окну. За чернымъ окномъ было небо, похожее на ничто, на пустоту. Я зналъ, что оно тамъ, но его не видѣлъ, не слышалъ, оно — молчало.

Что же, лгать?

Небесная пустота, не слышная, не видная, сказала мнѣ: молчи.

И я смотрѣлъ и молчалъ, пока Вѣра не проговорила всего, что хотѣла, и за себя, и за меня, и, успокоенная, пришла къ тому, къ чему хотѣла придти, то есть рѣшила, что я съ нею во всемъ согласенъ и на все согласенъ.

Мы разъѣхались почти ласково. Вскорѣ я далъ ей разводъ. Но замужъ она не вышла ни за этого офицера, ни за кого другого. Она въ Парижѣ безвыѣздно, кажется, счастлива; даже навѣрное счастлива: она нашла свое призваніе. Ей все простится — если и есть у нея грѣхи.

VI

СМѢХЪ.

Я не пишу послѣдовательной исторіи моей жизни. Это лишь тѣ отрывочные случаи, которые мнѣ наиболѣе памятны и наиболѣе связаны съ небесами.

Я еще былъ очень молодъ, когда въ первый разъ поѣхалъ за границу, въ Италію. Изъ младенчества я вышелъ, исторія съ женой сдѣлала меня серьезнѣе, но все таки порою совсѣмъ дѣтская, неразумная удаль меня охватывала. Я нѣсколько разъ влюблялся, но все какъ то неудачно; и порою казался себѣ разочарованнымъ искателемъ новыхъ красотъ, почти демонистомъ, что, не мѣшало мнѣ быть, въ сущности, юнымъ романтикомъ не безъ сантиментализма.

И вотъ, я отправился въ Италію. Рѣшилъ пооригинальничать, начать съ конца. Проѣхать Германію, Австрію, всю Италію насквозь, не останавливаясь нигдѣ, даже въ Неаполѣ, сѣсть въ Реджіо на пароходъ и открыть глаза только въ Сициліи.

Такъ я и сдѣлалъ. Даже въ окна вагоновъ мало смотрѣлъ, въ Неаполѣ, куда пріѣхалъ вечеромъ, сѣлъ тотчасъ же на поѣздъ — и утромъ уже качался на волнахъ Іоническаго моря.

Въ Мессинѣ я тоже не остановился, а проѣхалъ дальше, въ небольшой городокъ; у меня было рекомендательное письмо къ одной всегда живущей тамъ семьѣ.

Была весна. Нѣмецкая семья приняла меня радушно, дала комнату въ нижнемъ этажѣ съ длиннымъ балкономъ надъ крутыми уступами. На уступахъ были апельсинныя деревья въ цвѣту, за ними — леденѣла развалившаяся, широкая Этна, а слѣва, полукругомъ, открывалось высокое-превысокое море, ярче неба.

Сталъ я жить и вскорѣ немного обжился, первое же время я ходилъ, какъ обезумѣвшій, съ открытымъ ртомъ отъ всѣхъ этихъ чудесъ, непривычныхъ и ошеломляющихъ грубо, но сильно. Я не былъ подавленъ, а только изумленъ и почему то очень гордился, что я — тутъ и вижу такія неестественныя вещи.

Гордость и опьяненіе не совсѣмъ прошли, когда я и обжился. Опьяненіе даже исподволь усиливалось, потому что каждый новый день рождалъ новые цвѣты, новые цѣпкіе запахи, а также новыя зрѣлища.

Немудрые, но милые, мои хозяева перезнакомили меня съ тамошней иностранной колоніей, равно какъ и съ нѣкоторыми сицилійскими семействами, и я сталъ вникать въ жизнь маленькаго городка.

Ну и городокъ былъ! Весь бѣлый и голубой. Бѣлые домики, точно оплетенные цвѣтами, а внизу и вверху — только голубое, голубое, — небо, какъ море, море, какъ небо. Потомъ я понялъ, что̀ такое море: это земля, притворяющаяся небомъ, подражающая небу; только черты неба — солнце, луна, звѣзды, а также и мысли неба — облака — всегда въ немъ не чисты, а исковерканы. Я не люблю море, но въ то время я рѣшительно ничего не понималъ, и мнѣ казалось, что я достигаю вершинъ красоты, блаженства и тончайшей мудрости.

И люди, которые тамъ жили, все чаще казались мнѣ мудрецами, открывающими завѣтныя тайны наслажденій, глубокихъ, великихъ и смѣлыхъ. Изъ иностранцевъ-собственниковъ, навсегда поселившихся въ этомъ городкѣ, семейныхъ почти не было. На выѣздѣ, по уступамъ, лѣпились бѣленькія виллы одинокихъ богачей-американцевъ, англичанъ; было два-три нѣмецкихъ барона; была вилла какого-то графа, не то поляка, не то русскаго. Хозяинъ мой, старичокъ, имѣлъ, впрочемъ, жену, довольно молодую, хозяйственную и экзальтированную нѣмку, сдѣлавшуюся уже похожей на сицильянку; но это была почти единственная женщина среди всего кружка.

Одинъ англичанинъ, самый богатый, молодой, громаднаго роста, мистеръ Миддль, велъ себя немного отчужденно; говорилъ мало, иногда совсѣмъ не приходилъ туда, гдѣ мы собирались, на виллѣ его я еще не былъ, а про нее разсказывали чудеса. Извнѣ — ничего особеннаго, бѣлыя стѣны, изъ-за нихъ чуть видна крыша небольшого домика, затянутаго блѣдными глициніями. Стоялъ этотъ домикъ въ сторонѣ, почти у самаго подножья сѣрой, скалистой горы — Monte Venere. Когда я встрѣчалъ на узенькой городской улицѣ мистера Миддля, громаднаго, сосредоточеннаго, вѣжливо-молчаливаго, почти таинственнаго — я кланялся ему съ уваженіемъ, со страннымъ замираніемъ сердца, похожимъ и на сомнѣніе и на зависть. Мнѣ вспоминались мои недавніе, неудачные романы — и женщины казались мнѣ такими плоскими, пошлыми, и всякая любовь къ нимъ — пошлой, сѣрой, уродливой. Развѣ есть, можетъ-быть въ подобной любви что нибудь соотвѣтственное красотѣ здѣшнихъ цвѣтовъ и всего этого сказочнаго, бѣло-голубого города? Нѣтъ, здѣсь все должно быть особеннымъ, необыкновеннымъ, утонченно прекраснымъ, смѣлымъ до дерзости. И я чувствовалъ, какъ я самъ утончаюсь, забываю все на свѣтѣ и только обожаю красоту, да ненавижу пошлые, старые пути.

И вотъ однажды мистеръ Миддль пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ, — обѣдать.

Хозяйка наша волновалась и разсказывала мнѣ въ сотый разъ о красотѣ виллы мистера Миддля. Я, кажется,

тоже волновался цѣлый день. Съ утра мы разбирали цвѣты, которые наканунѣ нанесли моей хозяйкѣ знакомые изъ города, туземные друзья изъ окрестныхъ деревень по случаю дня ея рожденія (она была довольно популярна). Я, можно сказать, объѣлся цвѣтами; но не только не получилъ отвращенія къ нимъ, а какъ то животно наслаждался, перебирая тонкіе, шелковые лепестки, нѣжные, точно шейка ребенка. Мы такъ и не разобрали всѣхъ, когда уже наступилъ вечеръ и пора было итти.

Мистеръ Миддль не любилъ позднихъ гостей. Поэтому онъ и приглашалъ къ обѣду, къ семи часамъ. Чуть-чуть темнѣло, когда мы вышли. Хозяйка моя огорчалась, что теперь новолуніе, потому что вилла мистера Миддля еще красивѣе въ лучахъ мѣсяца.

Вилла оказалась совсѣмъ не роскошной, не большой. Садъ и балконъ были увиты, улиты цвѣтами до такой степени, и такіе они, цвѣты, были тутъ сильные, громадные, властные, что мнѣ вспомнился рай послѣ грѣхопаденія. Послѣ грѣхопаденія, опустѣвъ, онъ, вѣроятно, разросся пышнѣе; Адамъ и Ева не мяли больше цвѣтомъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь, глупенькое и надоѣдливое щебетанье которой нибудь изъ правнучекъ Евы было бы не у мѣста; лишало бы всю эту красоту ея таинственнаго соблазна. Я даже съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на мою хозяйку; но она держала себя скромно и ни на что не претендовала.

Обѣдали на террасѣ, выходившей въ садъ. Освѣщеніе было какое то странное, движущееся, медленно и правильно переходящее изъ краснаго въ зеленое и потомъ опять въ красное. На столъ подавали молодые служители мистера Миддля въ разноцвѣтныхъ сицилійскихъ одеждахъ, длинныхъ, складчатыхъ. Что я ѣлъ и пилъ—не помню; пилъ не много, хотя часто видѣлъ около себя пару черныхъ, точно бархатныхъ глазъ и смуглую руку, наполняющую мой бокалъ. И ѣда, и питье, казалось,

пахли цвѣтами. Я оттого и не могъ ни ѣсть, ни пить,—но все таки это мнѣ нравилось.

Послѣ обѣда мы сошли съ террасы на площадку, освѣщенную тѣмъ же вертящимся верхнимъ свѣтомъ. Мистеръ Миддль оживился, сталъ почти любезенъ.

— Сейчасъ... наша тарантелла...—сказалъ онъ и хлопнулъ въ ладоши.

Изъ темнаго, чернаго сада зазвенѣла струна. Невидимые музыканты заиграли тарантеллу. Несложный, быстрый и не то что тоскливый, а тяжелый напѣвъ, какъ страсть бываетъ тяжелая.

Танцовали тѣ же юноши въ длинныхъ одеждахъ, на площадкѣ передъ нами. Помню черные, безсвѣтные, безмысленные глаза, съ пристальнымъ взоромъ, смоляные кудри подъ алой повязкой и узкую полоску лба, смуглаго, гладкаго, съ крошечными капельками пота. И быстрыя, граціозно-легкія — и все таки тяжелыя — движенія подъ тяжелый, однообразный и потрясающій напѣвъ.

Мистеръ Миддль тоже плясалъ — и, кажется, мастерски. Пошла на кругъ и моя хозяйка съ другимъ мальчикомъ. Тотъ, темноглазый, въ аломъ,— выбиралъ только мистера Миддля. Плясалъ и графъ, гибкій, нѣжный, длинный, какъ стебель приса. Если я не плясалъ, то лишь потому, что совершенно не умѣлъ.

Музыканты, уходя, вѣчно-невидные, сыграли какую то звенящую серенаду, старую сицилійскую.

Былъ ужъ десятый часъ. Ушли и мы.

Дома я, не отвѣчая на длинные возгласы моей хозяйки, простился съ нею и тотчасъ же спустился къ себѣ.

Я не зажегъ лампы и не остался въ комнатѣ, а вышелъ на балконъ. Облокотившись на рѣшетку, я сталъ смотрѣть внизъ, въ черный провалъ, откуда поднимался и ласково душилъ меня тяжелый, какъ запахъ ладана, запахъ апельсинныхъ цвѣтовъ. Море шуршало въ глубинѣ, направо острилась сѣрая гора богини Любви.

И я былъ влюбленъ. Влюбленъ, какъ никогда, во все, что меня окружало, и въ себя, и въ свою влюбленность.

Тѣло мое ныло, сладко и слабо, и я чувствовалъ его на себѣ все слабѣющимъ, мягкимъ, безвольнымъ, безсильнымъ. Мнѣ казалось, что я достигаю, касаюсь вершинъ красоты, отъ которыхъ пошлость такъ же далека, какъ я самъ далекъ теперь отъ низкихъ, пошлыхъ людей, съ грубой любовью на грубой, уродливой землѣ. Новые пути, новыя формы красоты, любви, жизни... Ищу ихъ, предчувствую ихъ, чувствую ихъ!

Я поднялъ глаза — и увидѣлъ небо.

Въ первую минуту, помню, я ничего не подумалъ, не понялъ еще, но тонкій холодокъ пробѣжалъ у меня по спинѣ.

Отвести взора я уже не могъ. Все смотрѣлъ, смотрѣлъ...

Небо смѣялось.

Въ слѣдующую же минуту я увидалъ и понялъ, что оно смѣется. Черное, чистое, какъ будто звонкое и холодноватое, несмотря на крупныя звѣзды, которыя щурились, мигали, трепетали отъ смѣха. Юный мѣсяцъ готовился закатиться за Этну, почти лежалъ на ея тупой вершинѣ, именно лежалъ, потому что острые концы его, оба, были обращены вверхъ, точно углы улыбающихся устъ. Небо опять говорило со мной, и опять я понималъ, слышалъ его,— и принималъ его судъ надъ собою. Потому что это былъ его судъ — его смѣхъ, такой неожиданный, почти жестокій.

Я глядѣлъ — и съ моего тѣла, и съ моей души медленно сползало что то теплое, вязкое, разслабляющее и жалкое. Новая красота, новая любовь! Господи, что со мною было? Точно свѣтъ во мнѣ погасъ. Нѣтъ, все это, хоть и грубое — даже не страшное, а только смѣшное, такое смѣшное, что и я улыбнулся въ темнотѣ. Небо и надо мною смѣялось, и я стоилъ.

Крупный англичанинъ, его обѣдъ въ свѣтѣ вертящихся фонариковъ, извилистый, нѣжный графъ, шампанское, пахнущее цвѣтами, тупые глаза мальчика въ алой повязкѣ, потъ у него на лбу, сомнительная музыка спрятанныхъ музыкантовъ, уединенія именитыхъ иностранцевъ, глубокомысленность священнодѣйственная, — эта жизнь, эта расползшаяся Этна, и кривляющееся море, на которое никакъ нельзя посмотрѣть, чтобъ не сказать: comme c'est beau! и злополучная гора Венеры, куда иногда отсылаютъ провинившихся молодыхъ гражданъ, — да, все это — красота мистера Миддля, когда онъ съ серьезнымъ лицомъ подпрыгиваетъ, громадный, въ тарантеллѣ и тяжелая золотая цѣпь бьетъ его по животу.

И такъ до смерти, отупѣніе, разваливаніе, болѣзнь... не новые пути и формы, не людскіе, а старые, обезьяньи. Жалкое возвращеніе назадъ — жалкое и забавное. И я вспомнилъ себя въ позѣ гордаго, блаженнаго, влюбленнаго мудреца — и уже не смѣхъ, а хохотъ сжалъ мнѣ горло.

Звѣзды мигали и щурились, но мѣсяцъ коснулся плоской Этны, и только что коснулся — тотчасъ же и упалъ внизъ, едва мелькнули алые кончики. Улыбка исчезла. Небо меня простило.

Черезъ два дня я уѣхалъ во Флоренцію.

VII

ЖАЛОСТЬ. СМЕРТНАЯ ТѢНЬ.

Какъ то ужасно тоскливъ, вѣрнѣе — утомителенъ этотъ мой небесный дневникъ. Все больше «психологія», а это слово теперешняя молодежь произноситъ — еслибъ вы слышали — съ какимъ презрѣніемъ! Но что же дѣлать, въ наше время не стыдились «психологіи». Можно, конечно, молчать о ней, какъ стараются молчать теперь, но

вѣдь она все таки есть въ душѣ, имѣетъ свою цѣну и значеніе, занимаетъ свое мѣсто и, не высказанная, подчасъ давитъ человѣка. Къ тому же небо у меня такъ связано съ психологіей, а психологія съ жизнью, что ихъ я не умѣю разорвать.

Психологія — да любовь... Право, можно подумать, что эти записи дѣлала женщина или ужъ завзятый донъ-Жуанъ... Попадаются такіе, въ мое время попадались, особенно среди поэтовъ. Но я нисколько не донъ-Жуанъ. Во всю мою жизнь я любилъ только одну женщину — и эта любовь оставила у меня въ душѣ такую горькую борозду, что я радъ былъ забыть любовь, и потомъ очень сторонился женщинъ, которыя мнѣ могли бы понравиться.

Эта моя единственная любовь началась и кончилась небесными словами. Но разскажу очень кратко, потому что слушать чужія любовныя исторіи тяжело и скучно, только никто въ этомъ никому еще не признавался.

Мнѣ было тогда лѣтъ двадцать пять — двадцать шесть. Въ Петербургѣ я имѣлъ занятія, дѣла. Мнѣ жилось не плохо. И все это я бросилъ, и вотъ, въ половинѣ ноября, ѣхалъ въ Римъ. Тамъ ждала меня женщина, которую я видѣлъ передъ тѣмъ всего разъ десять, встрѣтилъ случайно лѣтомъ, на водахъ, о которой я почти ничего не зналъ, даже лица ея не могъ ясно вспомнить, — но которую любилъ.

Мы переписывались, она сказала, что проживетъ зиму въ Римѣ и звала меня туда. Она меня ужасно любила, а мнѣ иногда казалось, что мое къ ней чувство похоже больше на нѣжность, чѣмъ на любовь. Впрочемъ, не знаю, что это было — не все ли равно? Если и нѣжность — то громадная, почти страшная, обезсиливающая.

Я подъѣзжалъ къ Риму рано, на зарѣ. На сѣрой, темной, осенней зарѣ. За часъ до Рима я уже всталъ, былъ готовъ и глядѣлъ пристально, не отрываясь, на блѣдную Кампанью изъ окна вагона.

Никогда не видалъ я ее поздней осенью. О, страшная, о, торжественная Кампанья! Ходили понизу живые, медленные туманы, точно тяжелые мертвецы ползали въ тянущихся за ними бѣлыхъ одеждахъ; качались — и вѣрно сухо шуршали — у самыхъ оконъ вагона желто-бурые камыши, стѣны камышей, высокихъ и толстыхъ, стволистыхъ, какъ деревья; иногда, точно изъ сѣраго пара сдѣланные, волновались полукруги далекихъ акведуковъ; низина страшная, влажная, безкрайная, погружающая душу въ непонятное, счастливое томленіе, въ тихій, радостный ужасъ. Это мѣсто, гдѣ кажется, что все, что было, все, что будетъ, — есть, гдѣ времени на себѣ не чувствуешь. Но въ этотъ разъ я не могъ совершенно выйти изъ времени, какой то кусокъ меня оставался во мнѣ — и это было еще страшнѣе.

Свѣтлѣло, свѣтлѣло, все бѣлѣли одежды мертвецовъ, и мертвецы тяжело подымались изъ болотъ, выше къ небу, по которому уже пошли стальныя, все синѣющія, тѣни. Но въ разсвѣтномъ небѣ не было веселья, оно круглилось тихое, грустное, и чѣмъ больше я на него смотрѣлъ, тѣмъ печальнѣе сжималось мое сердце. Точно не на любовь я ѣхалъ, а на прощанье.

Я говорилъ себѣ, что она любитъ меня, а если любитъ, то все хорошо; какая бы она ни была — она будетъ хорошей, настоящей, любовь дастъ ей все, что нужно. А я дамъ ей все, что отъ меня захочетъ ея любовь. Я не жалѣлъ себя, но... вдругъ я увидѣлъ ясно, понялъ, почувствовалъ — что небо меня жалѣетъ. Поѣздъ шелъ все тише; тихой, сырой свѣжестью вѣяло изъ спущеннаго окна; на краю небесъ я увидалъ всю бѣлую, тихую, большую, съ прозрачнымъ свѣтомъ, утреннюю звѣзду. О, какая она была нѣжная, милая! Крупная, низкая, точно скатившаяся слеза. Небо молчало, оно не могло помочь, потому что должно было совершиться должное, — но я понялъ его печаль обо мнѣ, его любовь и нѣжность. Моя грусть не прошла оттого, что небо

меня пожалѣло, но мнѣ стало легче ее нести, — я былъ не одинъ.

Когда я вышелъ въ Римѣ, вздрагивая отъ утренняго холода и внутреннихъ слезъ, — я еще видѣлъ звѣзду въ просвѣтѣ между вагонами. Она тихо скользила внизъ. Но, проѣзжая по мертвымъ, спящимъ улицамъ, я уже не замѣтилъ ея на небѣ. Вѣрно — закатилась.

И цѣлая зима прошла.

Весной мы переѣхали во Флоренцію.

Люблю эти города, какъ можно любить живыя души, а между тѣмъ я радъ, что жизнь больше не привела меня туда — и не приведетъ, вѣдь жизни ужъ почти не осталось, я старъ. Слишкомъ много я тамъ покинулъ, весь мой юный романтизмъ, всякую, мою собственную, личную радость. Хотя, можетъ быть, это все и пустыя вещи, какъ всякая наивность, — но ихъ любишь. Вѣдь любишь глупое дѣтство.

Небо недаромъ меня жалѣло. Всѣ эти мѣсяцы были однимъ слѣпымъ страданіемъ, отъ лжи, которая то казалась правдой, то ложью, точно фонарикъ крутился на виллѣ мистера Миддля, отъ ненужныхъ отдаваній своей души, отъ сознанія безсилія.

Мое дѣло, мои мысли — все я бросилъ къ чорту. И почти не понималъ, какой грѣхъ творю. Она, женщина, которую я любилъ, была просто хитрый звѣрокъ со своей конченной душой, а я то вокругъ нея старался и вѣрилъ — потому что хотѣлъ, — что мы другъ друга слышимъ и слова у насъ съ нею — одинаковыя. Она меня тащила въ яму, а я былъ убѣжденъ, что мы вмѣстѣ взбираемся наверхъ. Фу, даже писать непріятно. Я радъ, что такъ кончилось; я даже и зла, невольнаго, не смогъ ей сдѣлать.

А кончилось это — и странно — въ одинъ жаркій, безоблачно - ясный, майскій день.

Мы поѣхали съ ней въ окрестности Флоренціи, въ довольно отдаленный поселокъ, на электрическомъ трам-

ваѣ — гулять. Я былъ раньше тамъ одинъ и зналъ, что оттуда тропа ведетъ на гору, въ сосновый лѣсъ.

Было ярко, жарко. Дорога, гдѣ проложены рельсы, узкая, все подымалась между низкими, бѣлыми стѣнами, за которыми тянулись безконечные, сплошные сады, зеленые, блестящіе.

Вагонъ былъ пустъ. Я вышелъ на заднюю площадку и смотрѣлъ на чистое, безъ единаго облачка, небо и зелень. Скоро и конецъ пути. Вагонъ все подымается, съ высоты видно кругомъ далеко. Я смотрѣлъ, безъ мыслей о томъ, что вижу, — и вдругъ почувствовалъ какую то легкую дурноту.

Это была даже не дурнота. Просто я подумалъ: не знаю, что это, но должно быть я нездоровъ.

Я вошелъ въ вагонъ, посидѣлъ немного — и опять вышелъ. И опять то же — дурнота или нездоровье. Весь чистый, ярко - синій куполъ неба казался мнѣ — и опять не казался — точно покрытымъ тончайшей паутиной копоти. Мѣсто, на которое я глядѣлъ прямо — ничего, но рядомъ, что глазъ захватывалъ сбоку, было съ чернымъ налетомъ. Я перевелъ взоръ на зелень садовъ, — и вотъ, то же самое: зелень почернѣла, хотя оставалась зеленой; но и небо, почернѣвъ, тоже оставалось синимъ.

Мнѣ стало худо. Не знаю, страхъ ли или боль, но что то заставило меня закрыть глаза, войти въ вагонъ и сѣсть тамъ молча.

Моя спутница спросила:

— Что съ тобою?

— Ничего. Жарко. Отчего ты не выйдешь на площадку?

Она вышла, постояла и вернулась. Я взглянулъ на нее съ жадностью, — но она ничего не сказала. Значитъ, ничего нѣтъ. Значитъ, эта земля, эта копоть затягиваетъ мои глаза, а не небо.

Я опять вышелъ. Небо мнѣ показалось ужасно близкимъ и съ отсвѣтами чугуна. Листья, недвижные, точно

пленкой пепла подернулись. И опять, было это — точно не было.

Въ это время мы подъѣхали. Я ожидалъ, что я не смогу итти, что я упаду навзничь, и небо станетъ сразу земляныхъ надо мною; но я не упалъ, даже голова не кружилась, и небо чернѣло медленно, неуловимо, такъ что на одно мгновенье у меня была надежда, что все уже прошло. Но когда мы очутились на широкой площади селенія, я увидалъ, что не прошло.

И сразу стукнула, ударила мысль:

— Да это съ солнцемъ что нибудь!

Я остановился и поднялъ глаза.

— Ты ничего не замѣчаешь? Тебѣ не кажется, что съ солнцемъ...

— Да,— сказала она нерѣшительно.— Пожалуй, дѣйствительно.

Солнце, однако, стояло чистое на безоблачной лазури. Только лучей какъ будто стало меньше, они укоротились и поблѣднѣли.

Въ открытыхъ дверяхъ лавочки я увидѣлъ толстую итальянку. Она тоже глядѣла вверхъ. Двое парней подошли къ намъ. Я спросилъ ихъ о солнцѣ и они мнѣ объяснили, что должно было быть затменіе, не полное, но почти полное, и оно уже началось. Я удивился, что не зналъ этого. Впрочемъ, я жилъ уединенно и газетъ не читалъ; не пришлось слышать.

Мы постояли, постояли и пошли по уличкѣ, потомъ на гору, по дорогѣ къ лѣсу.

Молчаніе, не полное, полумолчаніе, притиханье стояло вокругъ насъ. Сѣрыя, мертвенно - синія, и все мертвѣющія деревья не шевельнули ни разу ни однимъ листомъ. И пепельные листы казались вдругъ свернувшимися и поникшими. Только сосны стояли такъ же прямо, окаменѣвъ, и всѣ густо-темныя. Изрѣдка птица вскрикивала оборваннымъ крикомъ, похожимъ на всхлипыванье — и опять все притихало въ чернѣющемъ и какъ

будто медленно холодѣющемъ воздухѣ, слишкомъ неподвижномъ.

Я молчалъ. Я видѣлъ то, чего никогда не видѣлъ — умирающее небо. Оно, дѣйствительно, умирало, уходило, отступало, медленно обнажая пустоту, черное пространство, о которомъ мы знаемъ, что оно есть, но не видѣли его, потому что насъ покрываетъ синева неба. Пустота, какъ темная пасть, раскрывалась надо мною. Небо умирало, а съ нимъ умирала и земля, неотрывная отъ него, покрывалась трупными тѣнями и пятнами. А съ ними, съ небомъ и землей, угасала и моя жизнь, трепетъ моего сердца. Жизнь связана съ ними, какъ они связаны съ нею.

Я зналъ, конечно, что это не смерть, а лишь прообразъ, призракъ, угроза смерти; затменіе пройдетъ; но я не думалъ объ этомъ; не все ли равно, *такое* понятіе о смерти или сама *такая* смерть? Умираемъ — земля, небо и я — вмѣстѣ. Чтобъ былъ я — надо, чтобъ были земля и небо. А чтобъ были они — надо, чтобъ былъ я.

Но спокойный ужасъ этого мгновенья, этого умиранья всей твари — ибо и небо и земля — тварь, — не былъ для меня новымъ чувствомъ: это я сейчасъ же понялъ. Какъ будто давнишняя, тупая боль, жившая раньше лишь внѣ сознанія, вдругъ вынырнула, собралась въ одно остріе, прорвала преграду между сердцемъ и мыслью, нашла мѣсто, нашла форму, проявленіе, слово. Мои слѣпыя муки, томленье духа и тѣла,— да вѣдь это умиранье души моей, убійство, черезъ меня, земли и неба, это — затменіе, затменіе, затменіе!

Небо говорило мнѣ: ты боленъ, — посмотри на нашу болѣзнь. Ты смертью умираешь,— посмотри, какъ съ тобой умру и я. Кто слѣпъ — на томъ нѣтъ грѣха. А кто видитъ — и не принимаетъ — тому нѣтъ прощенья.

И вся моя уходящая, истребляемая мною въ безцѣльныхъ мукахъ ненужной любви — жизнь, стала для меня драгоцѣнностью, какъ драгоцѣнность — всякая жизнь, единственная, всякой единственной твари. Смертныя тѣни,

синіе лучи ходили вокругъ меня; а мѣра силъ жизни была еще не исполнена, конца еще не было, и оттого такая дрожь, такой трепетъ обняли тварь. Нѣтъ, жить, жить надо, — видѣть, если есть глаза; это еще не ангелъ — это демонъ смерти, не успеніе, а убійство; это — затменіе.

Два часа сжималъ воздухъ мертвый, сѣрый мракъ. Воскресеніе было медленное, едва уловимое, только дышать становилось легче, сердце стукнуло громче, да птицы, еще робко, но кое гдѣ перекликнулись съ радостнымъ недоумѣніемъ. Небо выходило изъ пустоты, возвращалось ко мнѣ.

Моя спутница притихла, какъ птица; но она была не птица, которая воскресла безотчетно лишь съ воскресеньемъ; и не я, понимающій жизнь, небо и землю, какъ это было мнѣ дано, и который воскресъ тоже лишь съ воскресеньемъ; она была — между нами, на половинѣ пути; со своимъ получувствомъ твари и полумыслью человѣка, она скоро оправилась, зная, что это — «астрономическое явленіе, которое обычно, и оно пройдетъ: непріятно въ первую минуту, а потомъ очень интересно».

Она стала говорить, я молчалъ. Она разсердилась — у насъ каждая мелочь вела къ ссорѣ — и надулась, кажется. Мы вошли на гору, недалеко, сѣли. Стало уже свѣтать тогда, и сердце мое ожило немного. Нельзя было терять времени. Сказать ей все, что я думалъ и чувствовалъ, прямо, я могъ бы только въ томъ случаѣ, еслибы затменіе духа моего еще продолжалось. Вѣдь она бы ничего не услышала. И я сказалъ:

— За что ты сердишься? Я молчаливъ, я думаю о томъ, что намъ надо разстаться.

Она изумленно взглянула на меня. Но я уже понималъ ея взгляды. И продолжалъ:

— Вѣдь ты говорила, что хочешь, по нѣкоторымъ соображеніямъ, остаться ненадолго во Флоренціи. А мнѣ надо ѣхать теперь.

Объ этомъ, дѣйствительно, была рѣчь. Въ своихъ «соображеніяхъ» она путалась, я вникать не хотѣлъ, боялся, но требовалъ, чтобъ она ѣхала со мною. А она кричала, что «должна быть свободна», и я уже ничего не понималъ, ибо все судилъ отъ «любви», гдѣ «свободы» никакой не нужно.

— Ты, значитъ, теперь согласенъ? Ты понимаешь, что я должна чувствовать себя свободной?

Долго мы говорили. Господь съ ней! Только бы не обидѣть ребенка. Нѣжность у меня осталась, одинокая, большая, ненужная. Любви — ея не было. Она, эта женщина, была моимъ затменіемъ.

Она почему то плакала, много, жалобно, но дѣтскими, какими то не горькими слезами. Она сама не понимала, о чемъ плачетъ. «Вѣдь эта разлука всего на нѣсколько недѣль!»

Нѣжность точно солью разъѣдала мое сердце. Еслибъ я плакалъ, можетъ быть не такъ было бы больно. Но слезы не пришли. Я только тѣло мое все время чувствовалъ, и оно такое было тяжелое.

Мы вернулись въ гостиницу задолго до обѣда. Она измученная, наплаканная, прилегла на высокую кровать противъ окна, у котораго стоялъ диванчикъ. Прилегла, отвернулась къ стѣнѣ и тотчасъ же заснула, крѣпко, вдругъ, точно огорченный ребенокъ. А я, не зная зачѣмъ, почему, двигаясь безотчетно, взялъ листъ сѣроватой бумаги, карандашъ, сѣлъ на диванчикъ у окна, и сталъ рисовать подушки, золотой узелъ ея волосъ, все ея безпомощное, худенькое, маленькое тѣло, складки бѣлаго пикейнаго платья, чуть свисающія внизъ, кончикъ ноги на одѣялѣ.

Я плохо рисую. Я не зналъ, зачѣмъ я это дѣлаю. Но каждую складку, тѣнь на подушкѣ я рисовалъ старательно, точно это было необходимо, точно мнѣ хотѣлось приложить свою руку къ смертной тѣни любви, прошедшей по моей жизни.

Я кончилъ рисунокъ, неумѣлый, но милый и страшный. Мы чаще говорили съ нею по французски; и я безотчетно подписалъ по французски:

«Voici mon enfant morte».

Наша разлука изъ двухнедѣльной перешла въ постоянную просто, легко, почти безъ словъ, сама собою. Она даже и не замѣтила, вѣроятно, какъ это случилось. Я все сдѣлалъ, чтобы мой ребенокъ этого не замѣтилъ. Жестокость — слабость. Надо миловать всякую тварь. Я вернулся въ Россію, странный, будто послѣ тяжелой болѣзни. Обращая взоръ назадъ, я понялъ теперь и многіе факты яснѣе, вѣрнѣе, иначе. Къ нѣжности примѣшалась жалость, такая же ненужная ей, какъ и нѣжность

Затменіе мое прошло. Надо жить. Надо жить.

VIII

БАРАШКИ.

Предвечернія облака все дробились, высокія, почти неподвижныя и точно локонами, ровными и мягкими, затягивали зеленѣющее небо. Былъ май. Я ѣхалъ въ трясской извозчичьей пролеткѣ по Воздвиженкѣ, въ Москвѣ.

Все было дурно, все не удавалось. Мелочи разныя,— но онѣ оплели меня кругомъ, исподволь, и теперь казалось, что не вырваться изъ паутины. Тупое утомленье жизнью, точно ноги затекли въ неудобныхъ сапогахъ.

Можетъ быть, казалось такъ дурно оттого, что со мною ѣхалъ мой товарищъ Володя, котораго я рѣдко видалъ съ университета, но любилъ. и ѣхали мы съ нимъ отъ отца Геронтія, гдѣ я слушалъ опять Володины мысли. Володя говорилъ съ нимъ, и теперь, не переставая, говорилъ со мной, глядя не на меня, а внизъ, на трясущіяся крылья пролетки. У Володи былъ блѣдный, длиноватый носъ, худыя щеки, неровно заросшія черной бородой, губы у него шевелились, и хотя словъ я всѣхъ не могъ разслышать изъ-за треска и звяканья пролетки, и нашей и другихъ, я догадывался, что онъ говоритъ все о томъ же.

Я уже понялъ, уже достаточно мнѣ дурно, и паутина кругомъ, и подъ ложечкой тошнота, и жить надоѣло,— а онъ все говоритъ, да говоритъ... За что? Онъ нашелъ себѣ выходъ — онъ идетъ въ монахи, а вѣдь я не могу итти въ монахи, зачѣмъ же онъ отравляетъ меня? Вѣдь такія минуты не забудутся — ужъ потому, что я сердцемъ любилъ Володю, всегда вѣрилъ въ него и, потерявъ, все таки не оторву его отъ души.

Въ это наше свиданіе — вотъ уже недѣлю я жилъ съ нимъ въ Москвѣ — онъ совсѣмъ измучилъ меня. Мы ѣздили по священникамъ, старцамъ, говорили съ ними, говорили между собою, Володя читалъ мнѣ какія то страшныя книги, и я вѣчно видѣлъ передъ собою его худое, бѣлое лицо съ шевелящимися губами и опущенные глаза. Онъ вызвалъ меня, чтобы «посовѣтоваться» со мною вотъ именно насчетъ этого своего шага, поступленія въ монастырь, — но съ перваго слова сталъ такъ себя вести, какъ будто рѣшилъ безповоротно и только все объяснялъ мнѣ, почему нельзя иначе. И я уже вѣрилъ, что нельзя иначе. Во мнѣ сердце тяжелѣло и утомленье жизнью росло. И любовь моя къ Володѣ какъ то гасла, замѣняясь въ иныя минуты даже тупымъ недружелюбіемъ.

— Бѣжать, бѣжать... повторялъ Володя подъ лязгъ и грохотъ колесъ. — Гниль это, мерзость... Животныя кругомъ — не люди... О мерзость, мерзость!

Зачѣмъ онъ это повторяетъ? Развѣ онъ не видитъ, что убѣдилъ меня? И все съ большей настойчивостью, странно растущей горячностью, — зачѣмъ?

— Нельзя, нельзя иначе, продолжалъ Володя.—Мракъ вездѣ, задохнусь въ этомъ смрадѣ. Да, вездѣ мракъ. Ты понимаешь, что нельзя мнѣ иначе?

Я не отвѣтилъ. По узкой, свѣтлой улицѣ шли люди, спѣшили, мелькали. На домахъ золотились вывѣски. Мальчишка проюркнулъ подъ лошадиной мордой и захохоталъ, подпрыгнувъ. Володя опять говорилъ, но я уже не слушалъ. Меня заняла одна мысль: а если Володя именно потому такъ настойчиво, съ такой возрастающей горячностью убѣждаетъ меня въ своей правотѣ — что самъ не вполнѣ въ нее вѣритъ? Если онъ хочетъ не поощренія моего — а поддержки этому чуточному сомнѣнію? Если онъ не знаетъ, дѣйствительно ли вездѣ, все — мракъ и отчаяніе?

— Ты слышишь меня, Ваня? говорилъ онъ. — Ты понимаешь?

— Володя... началъ я — и остановился.

Господи, какое счастіе, если онъ сомнѣвается! Я вѣрилъ въ радость — и вѣрилъ въ Володю. Которую нибудь вѣру я долженъ потерять. Но если онъ сомнѣвается...

— Володя... сказалъ я снова.

Онъ разсердился.

— Ну, что? Что ты все начинаешь? Ты слышалъ? Вѣдь ты вѣришь въ Бога? Или хоть понимаешь, какъ я вѣрю въ Него? А ради Него нельзя жить здѣсь, надо уйти, бѣжать, запереться, во тьмѣ плакать о своей душѣ, проклясть всякую радость, ибо радость сотворилъ дьяволъ, а не Господь...

— Володя, Володя, а это...—я указалъ вверхъ, и помню, у меня слезы вдругъ закипѣли въ сердцѣ и прожгли паутину, оплетавшую меня. — Вотъ это... тоже дьяволъ сотворилъ?

Никогда не видѣлъ я такого торжества радости въ небесахъ, какъ въ тотъ вечеръ, надъ грязной, узкой улицей. Серебряное руно раскинулось по зеленовато-голубому полю, прозрачному, какъ тихая земная вода, какъ горный камень. Не улыбка даже была въ небесахъ, а только сіяющая, радостная ласка землѣ, не торжественное безстрастіе — а любовь близкаго материнскаго взора.

«Все даю вамъ, все ваше, говорило небо, — какъ и вы мои».

Володя, за мною, въ первый разъ поднялъ глаза на небо.

То, съ чѣмъ боролась и что уже надломила его душа — было сломлено взоромъ небесъ, силой ихъ радостной любви.

Помню, мы такъ и пріѣхали въ гостиницу молча и потомъ цѣлый вечеръ плакали вдвоемъ. И о чемъ плакали — не знаю. Такъ, отъ радости.

IX

ТИГРОЙ ИГРАЕТЪ.

Я только что узналъ, что изъ-за Остапа опять все пошло къ чорту.

Это былъ самый зловредный мужикъ, какого я встрѣчалъ. Упрямъ, золъ, трусливъ и тупъ. И на грѣхъ онъ былъ еще старостой и имѣлъ вліяніе.

Задумавъ одно очень серьезное дѣло, которое впослѣдствіи стало дѣломъ моей жизни, я рѣшилъ, прежде чѣмъ отдаться ему совершенно, съѣздить къ себѣ въ имѣніе и устроить тамъ дѣла съ землей и съ мужиками.

Я не хотѣлъ имъ благотворить, а устроиться съ ними по хорошему, по справедливому, не теряя своего, не пріобрѣтая чужого, какъ равный съ равными. И я натолкнулся на непреодолимыя трудности и невольно вспоминалъ Нехлюдова въ Толстовскомъ романѣ прошлаго столѣтія — «Воскресенье». Очень было похоже, хотя, повторяю, подозрительнаго, барскаго великодушія во мнѣ не было, да и народъ въ Малороссіи, какъ я думалъ, подѣльнѣе, посвободнѣе, пособразительнѣе, наконецъ и времена не тѣ.

Однако, дѣло тормозилось, и я частенько выходилъ

изъ себя, особенно когда понялъ, что мутитъ Остапъ: растолкуешь, изъ силъ выбьешься, сговорились, кажется, поняли — глядь, Остапъ имъ тамъ опять все по своему, и опять все надо снова. Я до сихъ поръ не понимаю, ради чего онъ старался, должно быть искренно думалъ, что я его какъ нибудь обмишуриваю.

То, что онъ былъ трусъ и передо мною тупо трусилъ и подличалъ, меня и бѣсило, а между тѣмъ запугивать его было необходимо. Я невольно впадалъ въ преувеличеніе и порою былъ несдержанъ съ нимъ, что мнѣ самому казалось противно.

Стоялъ октябрь, но погода еще держалась.

Я шелъ по двору, къ дворнику Матвѣю, старику, который у сарая рубилъ дрова. Наканунѣ, казалось, все совершенно у меня съ мужиками сладилось, а сейчасъ я узналъ, что они опять на попятный.

Не было сомнѣнія, что это Остапъ.

Дворъ—широкій, пустой, трава пожелтѣла и стерлась. Я подошелъ къ Матвѣю, который переставъ рубить. Короткій день кончался.

— Матвѣй — сказалъ я, не узнавая своего голоса, такой онъ былъ тихій отъ бѣшенства и сдавленный, — сходи пожалуйста... на деревню... чтобы Остапъ пришелъ ко мнѣ. Чтобъ сейчасъ пришелъ, слышишь?

Матвѣй поглядѣлъ на меня сочувственно.

— Ужъ и хохлы эти! (Онъ самъ былъ русскій). Упрямѣй чорта, прости Господи, а глупѣй свиньи. Остапъ этотъ — чего баломутитъ? Не понимаетъ? Поучить бы его, такъ понялъ бы, небось! Душа то хамская. Вся понятливость въ мордѣ сидитъ.

— Сходи за нимъ, пожалуйста — повторилъ я тихо, сквозь зубы.

Матвѣй опять взглянулъ на меня.

— Пойду, пойду — сказалъ онъ, и мы двинулись съ нимъ вмѣстѣ, я — къ дому, онъ — въ людскую, должно быть, за армякомъ.

Противъ насъ были деревья сада и западъ. Я глядѣлъ внизъ и все сжималъ зубы отъ боли бѣшенства, но, случайно взглянувъ на лицо Матвѣя, увидѣлъ, что оно какое то красное, багровое. Невольно я перевелъ взоръ выше, на западное небо за садомъ и остановился.

Остановился и Матвѣй.

Послѣ мгновеннаго молчанія онъ произнялъ:

— Ишь ты, небо то! Тигрой пошло! Тигрой, какъ есть, играетъ!

Но это былъ даже не тигръ, а пятнистая кожа пантеры или какой нибудь скверной змѣи. Пятна не то пламени, не то крови пачкали небо. И они ширились, выступали на чистыхъ мѣстахъ, горѣли, кидались въ глаза, противныя, густыя, тяжелыя, злобныя, звѣриныя.

Я отвелъ глаза — и по землѣ запрыгали «кровавые мальчики», а душѣ стало стыдно, страшно и гадко. Я точно увидѣлъ цвѣтъ, лицо моей собственной души.

— Вотъ что, Матвѣй... произнесъ я. — Ты, пожалуй, не ходи нынче за Остапомъ. Завтра утречкомъ сходишь. Тогда я съ нимъ, утречкомъ, и поговорю. Ну его.

Матвѣй, кажется, не одобрилъ моего рѣшенія, но за Остапомъ не пошелъ.

А пятна на западѣ скоро стали гаснуть, блѣднѣть, кожа пантеры посѣрѣла и стерлась, змѣя уползла, небо успокоилось. Успокоился и я.

X

СТЫДЪ.

Вотъ еще одинъ, какъ будто неважный и очень «психологическій» случай изъ моей жизни, который вспоминать мнѣ не очень пріятно, хотя я тутъ, собственно, не совершилъ никакого проступка, никакого грѣха. Но самыя большія преступленія вспоминаются не такъ тяжело,

какъ порою пустая, мелкая неловкость, недоразумѣніе, ошибка самая невинная, другими даже незамѣченная; или замѣченная — но такая, которую и выяснить нельзя отъ ея ничтожности. И такъ она слеживается маленькимъ комочкомъ въ душѣ и порой, когда начнешь тамъ ворошить — давитъ не больно, а тошнотно.

У каждаго, самаго почтеннаго, самаго серьезнаго человѣка, повѣрьте, есть такіе комочки; но они ничуть не мѣшаютъ ему быть и серьезнымъ, и почтеннымъ.

Я не могу сказать, по всей справедливости, что въ тридцать слишкомъ лѣтъ я былъ не серьезенъ или глупъ, или празденъ. Но была во мнѣ одна точка, гдѣ я словно самъ отъ себя отсталъ, и когда ея касалось дѣло,— я и разсуждалъ, и чувствовалъ иначе, то-есть довольно странно чувствовалъ и очень мало разсуждалъ.

Какъ уже сказано — я любилъ только одну женщину, серьезно пошелъ въ любовь только разъ, и съ тѣхъ поръ всѣмъ существомъ сторонился любви, своей и чужой, храня свои силы для иного. Но такъ какъ я былъ красивъ (хотя мнѣ самому лицо мое часто казалось непріятнымъ) и такъ какъ я никогда за женщинами не ухаживалъ,— я имъ нравился, онѣ сами ухаживали за мною, сторониться ихъ нужно было съ умѣньемъ, съ настойчивымъ вниманьемъ. Клянусь, мнѣ это не каждый разъ льстило; я знаю, что я не исключеніе; я — какъ всѣ, я, только уходя, дѣлалъ не какъ всѣ. Но, однако, я испортился, избаловался, всякая женщина мнѣ стала подозрительна: а вдругъ она въ меня влюбится? И во мнѣ являлась брезгливость, самоувѣренность и раздраженіе.

Послѣ пятилѣтней разлуки я встрѣтилъ Владимира, того самаго, который хотѣлъ итти въ монастырь. Свидѣвшись, едва поговоривъ, мы поняли, что ближе другъ другу, чѣмъ думали сами. У насъ мысли шли къ одному и мечтанья были почти одни, и дѣло почти одно, а вскорѣ стало и совсѣмъ одно. И такъ это было чудесно и радостно, что я увидѣлъ, для чего небо тогда пригрѣло насъ своей лаской: для спасенія не насъ однихъ, а и Божьяго дѣла, ставшаго дѣломъ нашей жизни.

У Владимира была жена. Онъ сказалъ мнѣ просто, что она — бѣдная дѣвушка, которую онъ встрѣтилъ случайно, что она ему помогла, когда онъ нуждался въ помощи, и они женились. Я его не разспрашивалъ. Я видѣлъ, что ихъ связываетъ прочная, нѣжная дружба и довѣріе; черезъ Владимира и я къ Наталіи Сергѣевнѣ отнесся какъ будто хорошо.

Она была худощава; не особенно красива; блѣдное лицо съ немного острымъ подбородкомъ, темныя косы, которыя она носила заплетенными и уложенными вокругъ головы, взглядъ твердый и зоркій. Эта твердость мнѣ даже показалась непріятной. Взоръ ея точно искалъ чего то не должнаго въ чужой душѣ, обличалъ и судилъ.

Впрочемъ, это я чувствовалъ лишь первое время, а потомъ, когда она стала обращаться со мною съ добротой, расположеніемъ и дружествомъ, — я уже не ощущалъ холода. Но зато я началъ бояться, что мы съ Владиміромъ незамѣтно утратимъ нашу самостоятельность, потому что — кто ее знаетъ? А вдругъ она энергичнѣе, властнѣе и тверже насъ?

Это уже было мелковато съ моей стороны. Но вскорѣ и эта фаза прошла, и я — просто соскользнулъ въ привычную мысль, что Наталія Сергѣевна «въ меня влюблена»,— и на этомъ остановился.

Дѣло наше понемногу шло, то неудачно, то опять возникая, требовало вниманія, силъ и любви, съ Володей мы сходились все ближе и, по внѣшности, и съ Наталіей Сергѣевной, которая не уменьшала ко мнѣ своего расположенія и нисколько не скрывала его; я же съ тѣхъ поръ, какъ увѣрился, что она въ меня влюблена, сталъ смотрѣть на нее, какъ на всякую влюбленную женщину, вынужденная близость съ нею раздражала меня, добрыя слова не трогали, и знакомое, полупрезритель-

ное, полупольщенное чувство все чаще охватывало меня въ ея присутствіи. Уйти я не могъ, вѣдь пришлось бы уйти отъ Владимира, а онъ былъ моимъ вторымъ я, такъ же, какъ и я для него.

За себя я, однако, не боялся. Человѣческая власть Наталіи Сергѣевны не была для меня опасна съ тѣхъ поръ, какъ Наталія Сергѣевна оказалась слабой, влюбленной женщиной; а ея женская власть не угрожала мнѣ потому, что эта женщина нисколько мнѣ не нравилась.

Такъ я и жилъ на-двое, то увлекаясь дѣломъ, радуясь, мучась и размышляя, работая и уставая, то, вспомнивъ, что эта умная женщина въ меня влюблена, — раздражаясь, сожалѣя, полупольщенный, думая только о томъ, какъ бы не сказать ей лишняго слова, чтобы не дать напрасныхъ надеждъ.

И вотъ, одинъ разъ, уже въ маѣ, когда начались длинныя бѣлыя ночи, я пришелъ къ нимъ вечеромъ и засидѣлся. Владимиру нездоровилось. Въ первомъ часу онъ сказалъ, что ляжетъ.

— А ты, Ваня, кончи этотъ разговоръ съ Наташей. Она тебѣ покажетъ письма, о которыхъ я тебѣ говорилъ.

Я остался. Въ комнатѣ, гдѣ мы сидѣли, портьеры были откинуты, потому что не смеркалось, и въ бѣловато-синемъ свѣтѣ я видѣлъ лицо Наталіи Сергѣевны, казавшееся еще блѣднѣе. Она, неторопливо двигаясь (у нея всѣ движенія были спокойны), подошла къ столу, вынула и подала мнѣ дѣловыя письма, которыя я и прочелъ у окна.

Потомъ мы стали говорить о дѣлѣ, потомъ о Владимирѣ. Она говорила не громко, но быстро, съ оживленіемъ. Я все время помнилъ, что она въ меня влюблена, а потому не могъ съ искреннимъ увлеченіемъ говорить ни о нашемъ дѣлѣ, ни о Владимирѣ. Но я слушалъ ее, находилъ опять, что она очень неглупа и дѣльна, и въ душѣ рождалось сложное чувство волненія, фатовства и злости, чуть чуть презрительной.

Не помню хорошенько, о чемъ мы говорили. Кажется, въ концѣ концовъ, обо мнѣ. Она вспомнила, что еще въ началѣ нашего знакомства предсказывала, какъ мы сойдемся и какъ я увлекусь дѣломъ.

Я прохаживался по комнатѣ.

— Да, потому что вы хотѣли сближенія со мною...

— Конечно, хотѣла — сказала она.

Такая откровенность даже удивила меня. Я испугался, не сказалъ ли чего лишняго. И опять свелъ разговоръ какъ будто на дѣла, въ сущности нисколько о нихъ не думая; и всѣ слова мои и тонъ ихъ, — все шло отъ одной мысли, что, вотъ, ты въ меня влюблена, а я въ тебя не влюбленъ, но такъ какъ я сношеній съ тобой порвать не могу, то я буду очень-очень деликатенъ, а ты это пойми, вѣдь ты умница. .

Тутъ я даже великодушно польстить ей былъ готовъ.

Такъ мы говорили долго, потому что это свиданіе ничуть не казалось мнѣ непріятнымъ.

Но совсѣмъ посвѣтлѣло, пора было разстаться. Высокое окно и балконная дверь выходили на площадь и на восточную сторону неба. И неба очень было много, потому что за площадью начинались какіе то пустыри.

Наталія Сергѣевна встала и пошла впереди меня къ выходу. Я шелъ за ней, тихонько ступая. Хотя мы не могли потревожить Владимира,— спальня его была далеко, но отъ разсвѣтной, глухой ночи, отъ тишины кругомъ,— мы все время говорили вполголоса, и это придало таинственную значительность нашей, въ сущности простой, бесѣдѣ. Вѣдь я и раньше зналъ, что она въ меня влюблена. Но никогда мои слова не дышали такимъ откровеннымъ признаніемъ ея влюбленности.

Полупечальный, полудовольный я шелъ за нею. Помню ея узкій станъ, свѣтлое суконное платье, черныя косы, гладкія, сложенныя вокругъ головы, и голову, немножко наклоненную впередъ.

У самой двери она пріостановилась, обернулась къ окнамъ и сказала очень просто:

— А солнца нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Должно быть. Теперь ужъ поздно.

— Нѣтъ. Когда оно есть — оно здѣсь. Сегодня его нѣтъ.

Она смотрѣла на небо прямо, повернувъ къ нему лицо.

Посмотрѣлъ и я.

Небеса были чистыя, зеленыя, тѣневыя. Но на востокѣ, внизу, лежала полоса облаковъ, бѣлыхъ, покойныхъ, тяжелыхъ, твердыхъ, точно каменныхъ и срѣзаны они были ровно, ровно. Ни малѣйшаго солнца не было, да и не могло быть. Поверхъ этой ограды небо горѣло нѣжнымъ, розоватымъ огнемъ.

Мнѣ ли не знать моего родного неба? Мнѣ ли не понимать, что говорятъ его черты? Я съ ними жилъ, я къ нимъ привыкъ.

Лицо небесъ горѣло отъ стыда.

Огонь перешелъ и на мое лицо. Можетъ быть, это только отблескъ. Но нѣтъ, Наталія Сергѣевна была попрежнему блѣдна. А взоръ ея — спокоенъ и твердъ.

Хотя онъ былъ обращенъ на небо, а не на меня, я понялъ, что и меня онъ нижетъ и судитъ и, можетъ быть, прощаетъ, а это самое невыносимое. Я понялъ съ проклятой ясностью, что держалъ себя постыдно, говорилъ, какъ дуракъ (я уже тутъ не скупился на слова), какъ фатъ, какъ мальчишка, какъ гимназистъ, какъ офицеръ... Какъ кто еще? потому что она въ меня — ни капельки не влюблена. И видѣла прекрасно, что я въ этомъ увѣренъ. Да откуда у меня эта увѣренность? Только потому, что другія влюблялись въ меня. Она была добра, она горячо относилась ко мнѣ... И вотъ, я...

Но почему, если видѣла, что я держу себя шутомъ, почему не сказала, что это не такъ?

Здравый смыслъ шепнулъ мнѣ, что ея словамъ я все

равно бы тогда не повѣрилъ. Да и, наконецъ, можетъ быть, она жалѣла меня. Или, можетъ быть, у нея были свои цѣли. Молчаніе было ея право.

Я не могъ дальше выносить этого. Я рѣшилъ все ей сказать, сейчасъ же объяснить, казнить себя, просить прощенья. Въ неосвѣщенной передней я протянулъ ей руку...

Но она не замѣтила въ темнотѣ моей руки, да и я не выговорилъ никакихъ словъ, не нашелъ. Какъ бы я ихъ могъ найти, когда ихъ нѣтъ для такихъ объясненій? Всякое слово только усилило бы ужасъ стыда между нами. Все происшедшее таково, что какъ будто оно есть, и даже перевертываетъ человѣка, а между тѣмъ какъ будто его и нѣтъ. Формы для него нѣтъ, способовъ для выраженія его между двумя — нѣтъ. И такъ я и ушелъ, въ свѣтѣ, сдѣлавшемся желтымъ, въ полной безпомощности.

Объясниться было нельзя. Пережить въ молчаніи, — казалось, тоже нельзя, а это бы и слѣдовало сдѣлать. Но слишкомъ стыдъ меня зажалъ, я почти возненавидѣлъ Наталію Сергѣевну, и одна была надежда успокоиться, думалось мнѣ, это — чтобы она все таки сказала мнѣ наконецъ:

«Да я вовсе въ васъ не влюблена!»

Мнѣ думалось, что если я ее доведу до этихъ словъ, то какъ то унижу, и потому самъ немножко оправлюсь. А то задохнусь.

Вотъ какая въ наше время сложная была психологія; пожалуй, безцѣльная сама по себѣ; однако, насъ она воспитывала.

И я сталъ почти грубъ съ Наталіей Сергѣевной. Чѣмъ она была кротче и спокойнѣе, тѣмъ я грубѣе. Она пыталась уговаривать меня — я бѣсился еще пуще. Я, уже почти неправдоподобно, показывалъ ей, что знаю, какъ она въ меня влюблена, а во мнѣ никакой любви нѣтъ, и охоты къ сближенію нѣтъ. До того зарвался,

что даже — прости меня, Господи! — сказалъ, что и вѣры въ успѣхъ общаго дѣла нѣтъ, благодаря недовѣрію къ ней.

Она какъ будто опечалилась.

— Зато Володю вы любите и вѣрите ему.

— Да онъ то меня не любитъ!

Просто самъ не знаю, что говорилъ.

— Ну вотъ, мы васъ оба любимъ, — говорила она, будто утѣшая. — Это у васъ пройдетъ.

И такъ я и не добился своего. Ни на іоту не измѣнилась она ко мнѣ, ни разу не оборвала, даже взоръ опускала. Неуязвимая какая то. Думаю, много она понимала, а вотъ этого, послѣдняго, что со мною было — не поняла. Рѣшила, что я неизмѣненъ въ своей увѣренности. И зачѣмъ она позволяла, чтобъ я считалъ ее влюбленной? Жалѣла ли она меня? Или у нея были свои цѣли?

Шелъ отъ нихъ передъ вечеромъ, такія были длинныя, спокойныя тучи на небѣ и тянулись онѣ тихо къ югу, къ дальнему морю, должно быть. Захотѣлось и мнѣ успокоиться, отдохнуть, пережить эти пустяки, да такъ, чтобы ужъ ни къ чему такому не возвращаться.

Я уѣхалъ на три мѣсяца. Съ Владимиромъ встрѣтился осенью радостно, съ Наталіей Сергѣевной благодарно. Подозрительное, презрительное и раздраженное чувство къ женщинамъ у меня съ тѣхъ поръ почти исчезло.

Жили мы съ Владимиромъ и его женою почти одною жизнью, одной работой; они были моими единственными помощниками; ближе, кажется, и нельзя быть; а все таки всю жизнь между мной и Наталіей Сергѣевной чувствовалось что то невыясненное, закиданное сверху годами, событіями, ничтожное само по себѣ, но мучительное тѣмъ, что ни съ какимъ словомъ къ нему не подступишься и вообще ничего съ нимъ сдѣлать нельзя.

XI

УЩЕРБЪ.

Я старъ. Я даже не помню хорошенько, сколько мнѣ лѣтъ: девяносто ли два, или три, а то, пожалуй, и меньше.

Я одинокъ. Володя и Наталія Сергѣевна умерли. Дѣло мое и кое кто изъ помощниковъ, учениковъ нашихъ — живы; но я самъ отошелъ отъ него и отъ нихъ, когда далъ все, что имѣлъ и силы упали. Оно живо, оно растетъ уже безъ меня, а я исполнилъ мѣру моихъ силъ и кончилъ все свое.

Я не хочу писать объ этомъ дѣлѣ моей жизни здѣсь, теперь, хотя оно, какъ и все, рождено отъ неба. Но рождено ни однимъ какимъ нибудь моментомъ, не мгновенно мелькнувшимъ выраженіемъ небеснаго лица, — а всей моей жизнью на землѣ подъ небесами. Небесами, непонятно переходящими въ землю, землею, такъ же неуловимо и непонятно переходящею опять въ небеса, и чувствомъ моей жизни въ нихъ, между ними, ими, — страннымъ чувствомъ — со знаніемъ. И чтобы говорить о томъ, что я дѣлалъ и сдѣлалъ въ эти лучшіе тридцать - сорокъ лѣтъ моего житья — мало отрывочныхъ небесныхъ словъ, нужны къ нимъ и слова земли, и слова жизни.

Я не найду ихъ, я ужъ старъ. Кто нибудь найдетъ, скажетъ, напишетъ; не обо мнѣ, что я? меня никто не знаетъ, — а о дѣлѣ; оно живо, ему слава и радость.

Радость и во мнѣ, постоянная и неподвижная, какъ безсолнечный, безгѣнный свѣтъ. Я совсѣмъ одинъ, но это я невѣрно сказалъ, что одинокъ. Никогда не бываю я одинокъ. У меня большія, большія окна, которыя я не завѣшиваю, на площадь. На площади церковь, а за

церковью — восходъ. Я сижу въ креслѣ у камина долго, поздно; огонь чуть дышитъ, ноги у меня подъ толстымъ пледомъ, я сталъ зябокъ, а спать хоть и не ложиться — все равно безсонница. Сижу такъ, а передъ утромъ, ужъ небо посвѣтлѣетъ, встанетъ изъ-за моей церкви мѣсяцъ, повиснетъ совсѣмъ надъ крестомъ, а я смотрю на него, люблю его. Какой онъ слабый, тощій, и посвѣтить то, какъ надо, уже не хватаетъ его, весь исхудалъ и согнулся. Станетъ низко и виситъ, наверхъ ползти бодрости нѣту. Къ смерти у насъ съ нимъ дѣло идетъ и показывается то онъ такимъ старенькимъ поздно, я одинъ его вижу, а молодые спятъ, имъ силы нужны.

Небо любитъ свой старенькій мѣсяцъ, небо понимаетъ, какая у мѣсяца смерть. Небо и меня любитъ, оно и мою смерть понимаетъ. Что я, что мѣсяцъ — оба мы одинаковыя дѣти неба и земли.

И даже странно думать, что есть еще гдѣ нибудь люди, которые до сихъ поръ вѣрятъ, будто жили они съ землей подъ ногами и съ небомъ надъ головой, а потомъ такъ все перемѣнится, что и подъ ними и надъ ними будетъ только одна земля, а неба уже не будетъ. Они, я думаю, просто никогда внимательно не размышляли о непреложности законовъ жизни, а поразмыслятъ и поймутъ, что законы и для нихъ не измѣнятся.

Земля не отниметъ жизнь, не отниметъ человѣка у неба. Да и какъ отнять, когда они всѣ трое, небо, земля и тварь, живы лишь другъ другомъ и всѣ трое — одно?

Что есть — то будетъ. То — но, можетъ быть, иное, потому что есть измѣняющее все движеніе.

И когда у меня будетъ иная, новая жизнь — будетъ новая земля и будетъ новое небо.

Слава имъ!

З. Гиппіусъ.

ТЕПЕРЬ, КОГДА Я ПРОСНУЛСЯ...

Конечно, меня съ дѣтства считали извращеннымъ. Конечно, меня увѣряли, что моихъ чувствъ не раздѣляетъ никто. И я привыкъ лгать передъ людьми. Привыкъ говорить избитыя рѣчи о состраданіи и о любви, о счастіи любить другихъ. Но въ тайнѣ души я былъ убѣжденъ и убѣжденъ даже и теперь, что по своей природѣ человѣкъ преступенъ. Мнѣ кажется, что среди всѣхъ ощущеній, которыя называютъ наслажденіями, есть только одно, достойное такого названія, — то, которое овладѣваетъ человѣкомъ при созерцаніи страданій другого. Я полагаю, что человѣкъ въ своемъ первобытномъ состояніи можетъ жаждать лишь одного — мучить себѣ подобныхъ. Наша культура наложила свою узду на это естественное побужденіе. Вѣка рабства довели человѣческую душу до вѣры, что чужія мученія тягостны ей. И нынѣ люди вполнѣ искренно плачутъ о другихъ и сострадаютъ имъ. Но это лишь миражъ и обманъ чувствъ.

Можно составить такую смѣсь изъ воды и спирта, что прованское масло въ ней будетъ въ равновѣсіи при всякомъ положеніи, не всплывая и не погружаясь. Иначе говоря, на него перестанетъ дѣйствовать притяженіе земли. Въ учебникахъ физики говорится, что тогда, повинуясь лишь стремленію присущему его частицамъ, масло соберется въ форму шара. Подобно этому бываютъ мгно-

венія, когда человѣческая душа освобождается отъ власти ея тяготѣнія, отъ всѣхъ цѣпей, наложенныхъ на нее наслѣдственностью и воспитаніемъ, отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній, обычно обусловливающихъ нашу волю: отъ страха передъ судомъ, отъ боязни общественнаго мнѣнія и т. д. Это не часы обычнаго сна, когда дневное сознаніе, хотя и померкнувъ, еще продолжаетъ руководить нашимъ сонным «я»; это и не дни безумія, умопомѣшательства: тогда на смѣну обычнымъ вліяніямъ приходятъ другія, еще болѣе самовластныя. То—мгновенія того страннаго состоянія, когда тѣло покоится во снѣ, а мысль вдругъ узнаетъ это и говоритъ своему призраку, блуждающему въ мірѣ грезъ: ты свободенъ! Сознаешь, что твои поступки будутъ существовать лишь для тебя самого и вольно отдаешься своимъ собственнымъ, изъ темныхъ глубинъ воли исходящимъ побужденіямъ. У меня въ такихъ обстоятельствахъ никогда не являлось желанія совершить какое либо дѣяніе добродѣтели. Напротивъ, зная, что я останусь совершенно, до послѣднихъ условій безнаказаннымъ, я спѣшилъ сдѣлать что нибудь дикое, злое и грѣховное.

Я всегда любилъ сонъ. Я нисколько не считаю время проведенное во снѣ потеряннымъ. Сонъ столь же наполняетъ душу какъ дѣйствительность, столь же ее волнуетъ, радуетъ и печалитъ, и долженъ быть признанъ равноправнымъ нашей жизни наяву. Строго говоря, сонъ тоже дѣйствительность, но иная. Кто предпочитаетъ какую, зависитъ отъ личной склонности. Мнѣ съ дѣтства больше нравился сонъ. Еще мальчикомъ я привыкъ считать ночь безъ сновидѣній тяжелымъ лишеніемъ. Если мнѣ случалось проснуться не помня своего сна, я чувствовалъ себя несчастнымъ. Весь день, дома и въ школѣ, я мучительно напрягалъ память, пока вдругъ въ ея темномъ углу не находилъ осколка позабытыхъ картинъ и при новомъ усиліи вдругъ не обрѣталъ всей яркости недавней сонной жизни! Я жадно углублялся тогда въ

этотъ воскресшій міръ и возстанавливалъ всѣ его малѣйшія подробности. Такимъ воспитаніемъ своей памяти я достигъ того, что уже не забывалъ своихъ сновъ никогда. Я ждалъ ночи и сна, какъ часа желаннаго свиданія.

Особенно я любилъ кошмары за потрясающую силу ихъ впечатлѣній. Я развилъ въ себѣ способность вызывать ихъ искусственно. Стоило мнѣ только заснуть, положивъ голову ниже, чѣмъ тѣло, чтобы кошмаръ почти тотчасъ сдавливалъ меня своими сладко мучительными когтями. Я просыпался отъ невыразимаго томленія, задыхаясь, но едва вздохнувъ свѣжаго воздуха, спѣшилъ опять упасть туда на черное дно, въ ужасъ и содраганіе. Еще болѣе любилъ я съ раннихъ лѣтъ тѣ состоянія во снѣ, когда знаешь что спишь. Я тогда же постигъ, какую великую свободу духу даютъ они. Впрочемъ, я не умѣлъ вызывать ихъ по волѣ. Во снѣ я словно вдругъ получалъ электрическій ударъ и сразу узнавалъ, что міръ теперь въ моей власти. Я шелъ по дорогамъ сна, по его дворцамъ и долинамъ, куда хотѣлъ. Я не вполнѣ могъ создать себѣ любую обстановку, но могъ добиться многаго. Я не вполнѣ могъ по желанію призвать къ себѣ въ сонъ то или другое лицо, но при упорномъ хотѣніи это удавалось. Въ первомъ дѣтствѣ я пользовался этими мгновеніями, чтобы дурачиться надъ людьми, продѣлывать всевозможныя шалости. Но съ годами я перешелъ къ инымъ, болѣе завѣтнымъ радостямъ: я насиловалъ женщинъ, я совершалъ убійства и сталъ палачемъ. И только тогда я узналъ, что восторгъ и упоеніе не пустыя слова.

Проходили года. Прошли дни ученичества и подчиненности. Я былъ одинъ, у меня не было семьи, мнѣ не приходилось трудомъ добиваться права дышать. Я имѣлъ возможность отдаться безраздѣльно своему счастію. Я проводилъ во снѣ и дремотѣ бо́льшую часть сутокъ. Я пользовался разными наркотическими средствами: не ради

именно ими сулимыхъ наслажденій, но чтобы продолжить и углубить сонъ. Опытность и привычка давали мнѣ возможность все чаще и чаще упиваться безусловнѣйшей изъ свободъ, о которой только смѣетъ мечтать человѣкъ. Постепенно мое ночное сознаніе въ этихъ снахъ по силѣ и ясности приблизилось къ дневному и пожалуй даже стало превосходить его. Я умѣлъ и жить въ своихъ грезахъ, и созерцать эту жизнь со стороны. Я какъ бы видѣлъ свой призракъ совершающій во снѣ то или другое, руководилъ имъ и въ то же время переживалъ со всей страстностью всѣ его ощущенія.

Я создалъ себѣ наиболѣе подходящую обстановку для своихъ сновидѣній. То былъ обширный залъ, очевидно гдѣ-то глубоко подъ землей. Онъ былъ освѣщенъ краснымъ огнемъ двухъ огромныхъ печей. Стѣны повидимому были желѣзныя. Полъ каменный. Тамъ были всѣ обычныя принадлежности пытокъ: дыба, колъ, сидѣнія съ гвоздями, снаряды для вытягиванія мускуловъ и для выматыванія кишокъ, ножи, щипцы, бичи, пилы, раскаленные брусья и грабли. Когда счастливая судьба давала мнѣ мою свободу, я сразу, увѣренно, возсоздавалъ вокругъ себя эту обстановку. Усиленнымъ напряженіемъ желанія я вводилъ въ этотъ подземный покой кого хотѣлъ, иногда знакомыхъ мнѣ лицъ, чаще созданныхъ въ воображеніи, обыкновенно дѣвушекъ и юношей, беременныхъ женщинъ, дѣтей. У меня возникли любимые типы жертвъ. Я зналъ ихъ по именамъ. Въ однихъ меня прельщала красота ихъ тѣла, въ другихъ ихъ мужество въ перенесеніи величайшихъ мученій, ихъ презрѣніе ко всѣмъ моимъ ухищреніямъ, въ третьихъ, напротивъ, ихъ слабость, ихъ безсиліе, ихъ стоны и безполезныя мольбы. Иногда, и даже нерѣдко, я заставлялъ воскреснуть уже замученныхъ мною, чтобы еще разъ насладиться ихъ страдальческой смертью. Сначала я былъ одинъ и палачемъ и зрителемъ. Потомъ я создалъ себѣ въ помощники стаю безобразныхъ карликовъ. Число ихъ возрастало по моему желанію. Они подавали мнѣ орудія пытки и исполняли мои указанія, хохоча и кривляясь. Среди нихъ я праздновалъ свои оргіи крови и огня, криковъ и проклятій.

Вѣроятно, я остался бы безумнымъ, одинокимъ и счастливымъ. Но немногіе бывшіе у меня друзья, находя меня больнымъ и близкимъ къ помѣшательству, захотѣли меня спасти. Почти силой они принуждали меня выѣзжать, бывать въ театрахъ и въ обществѣ. Я подозрѣваю, что они съ умысломъ постарались представить въ самомъ привлекательномъ для меня свѣтѣ ту дѣвушку, которая затѣмъ стала моей женой. Врядъ ли найдется человѣкъ, который не счелъ бы ее достойной поклоненія. А ей показали меня какъ страдальца, какъ человѣка, котораго надо спасти. Она начала съ любопытства и перешла къ самой полной, къ самой самозабвенной страсти.

Я искренно повѣрилъ, что ея близость откроетъ мнѣ новую жизнь. Послѣ свадебнаго путешествія мы поселились въ новомъ, ясномъ и свѣтломъ домѣ. Меня стали интересовать событія міра, городскія новости, газеты. Я сталъ бодрствовать днемъ, а ночи были отданы страсти. Мои сны прекратились, и одно время я готовъ былъ думать, что перенесу это лишеніе безъ отчаянья.

Но конечно никогда, о никогда! не умирало во мнѣ совсѣмъ желаніе иныхъ упоеній. Оно было только заглушено слишкомъ осязательной дѣйствительностью. И въ медовые дни перваго мѣсяца послѣ свадьбы я чувствовалъ гдѣ то въ тайникахъ души ненасыщенную жажду болѣе ослѣпительныхъ и болѣе потрясающихъ впечатлѣній. Съ каждой новой недѣлей эта жажда начинала меня мучить все неотступнѣй. И рядомъ съ ней выростало другое желаніе, въ которомъ даже я не рѣшался сначала откровенно признаться самому себѣ: желаніе привести ее, мою жену, на мое ночное пиршество и увидать ея лицо, искаженнымъ отъ терзаній ея тѣла. Я боролся, я долго боролся, стараясь сохранить трезвость. Я приводилъ себѣ

всѣ доводы разсудка, но я не могъ самъ въ нихъ повѣрить. Напрасно я искалъ разсѣянія, не давалъ себѣ оставаться наединѣ,— искушеніе было во мнѣ, отъ него уйти было некуда.

Я уступилъ, наконецъ. Я сдѣлалъ видъ, что предпринялъ большой трудъ по исторіи религій. Я поставилъ въ своей библіотекѣ широкіе диваны, я сталъ запираться тамъ на ночь, а потомъ проводить тамъ и цѣлые дни. Я всячески старался охранить свою тайну отъ жены; я дрожалъ, чтобы она не проникла въ то, что я хранилъ такъ ревниво. Мнѣ она была дорога какъ прежде. Ея ласки услаждали меня не меньше, чѣмъ въ первые дни нашей общей жизни. Но меня влекло къ себѣ болѣе властное очарованіе. Я не могъ объяснить ей своего поведенія. Я предпочиталъ, чтобы она думала, что я разлюбилъ ее и избѣгаю общенія съ ней. И она, дѣйствительно, думала такъ, томилась и изнемогала. Я видѣлъ, что она блѣднѣетъ и чахнетъ, что скорбь поведетъ ее къ могилѣ. Но если, поддавшись порыву, я говорилъ ей обычныя слова любви, она оживала лишь на мгновеніе, она не могла повѣрить мнѣ, потому что мои поступки, по ея понятіямъ, слишкомъ противорѣчили этимъ словамъ.

Но странное дѣло. Хотя я вновь проводилъ во снѣ почти цѣлыя сутки, отдаваясь ихъ видѣніямъ еще безраздѣльнѣе, чѣмъ до свадьбы,— я почему то утратилъ свою способность обрѣтать полную свободу во снѣ. Цѣлыя недѣли я проводилъ на своихъ диванахъ, я просыпался лишь затѣмъ, чтобы немного подкрѣпиться виномъ или бульономъ, чтобы принять новую дозу усыпляющаго, но желанный мигъ не наступалъ. Я переживалъ сладкія мученія кошмара, его пышность и безпощадность, я могъ вспоминать и нанизывать вереницы многообразныхъ сновъ, то послѣдовательныхъ и страшныхъ именно этой торжествующей послѣдовательностью, то дико безсвязныхъ, восхитительныхъ и великолѣпныхъ безуміемъ своихъ сочетаній,— но мое сознаніе продолжало оставаться подернутымъ какой то дымкой. Я не имѣлъ власти распоряжаться сномъ, я долженъ былъ выслушивать и созерцать, что давалось мнѣ откуда то извнѣ, кѣмъ то. Я прибѣгалъ ко всѣмъ извѣстнымъ мнѣ пріемамъ и средствамъ, ко всѣмъ существующимъ ядамъ: искусственно нарушалъ кровообращеніе, гипнотизировалъ самъ себя, пользовался и опіумомъ, и гашишомъ, и всѣми другими ударными ядами, но они мнѣ давали только ихъ собственныя чары. Очнувшись, я съ бѣшенствомъ вспоминалъ сладострастныя видѣнія, въ которыхъ былъ погруженъ безвольно, какъ игрушка посторонней воли, и которыми распоряжаться я не могъ. Я изнемогалъ отъ ярости и отъ желанія, но былъ безсиленъ.

Помнится, прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, считая отъ того времени, когда я вернулся къ прерванному было упоенію грезами, до того дня, когда мое самое завѣтное счастье впервые было возвращено мнѣ. Во снѣ я вдругъ почувствовалъ хорошо мнѣ знакомый электрическій ударъ и вдругъ понялъ, что я опять свободенъ, что я сплю, но властенъ распоряжаться сномъ, что я могу совершить все, что пожелаю и это все останется лишь сномъ! Волна несказаннаго восторга залила мнѣ душу. Я не могъ тогда воспротивиться давнему искушенію. Нѣтъ, я не пожелалъ моего подземнаго покоя. Я пожелалъ видѣть себя въ своемъ собственномъ домѣ, въ той обстановкѣ, къ которой *она* привыкла, которую она устраивала сама. Это было болѣе утонченное наслажденіе. И тотчасъ, своимъ вторымъ соннымъ сознаніемъ, я увидалъ самого себя стоящимъ за дверьми моей библіотеки.

«Пойдемъ, сказалъ я своему призраку, пойдемъ, *она* спитъ сейчасъ, и захвати съ собой тонкій кинжалъ, ручка котораго отдѣлана слоновой костью».

Повинуясь, я пошелъ знакомымъ путемъ по неосвѣщеннымъ комнатамъ. Мнѣ казалось, что я не иду передвигая ноги, а лечу, какъ то всегда бываетъ во снѣ.

Проходя черезъ залу, я увидалъ въ окно крыши города и подумалъ: все это въ моей власти. Ночь была безлунная, но небо горѣло звѣздами. Изъ-подъ креселъ высунулись было мои карлики, но я сдѣлалъ имъ знакъ исчезнуть. Я беззвучно пріоткрылъ дверь спальни. Лампадка достаточно освѣщала комнату. Я подступилъ къ кровати, гдѣ спала жена. Она лежала какъ то безсильно, маленькая и худенькая; ея волосы, заплетенныя на ночь въ двѣ косы свисали съ постели. У подушки лежалъ платокъ: она плакала, ложась, плакала о томъ, что опять не дождалась меня къ себѣ. Какое то скорбное чувство сжало мнѣ сердце. Въ это мгновеніе я готовъ былъ повѣрить въ состраданіе. У меня мелькнуло желаніе упасть на колѣни передъ ея постелью и цѣловать ея озябшія ноги. Но тотчасъ я напомнилъ себѣ, что это все во снѣ.

Удивительно странное чувство томило меня. Я могъ удовлетворить своей тайной жаждѣ — сдѣлать съ этой женщиной все, что хочу. И все это должно было остаться извѣстнымъ мнѣ одному. А наяву я могъ окружить ее всѣмъ восторгомъ ласкъ, утѣшить ее во всемъ, любить и лелѣять, еслибы, дѣйствительно, мнѣ того хотѣлось. Нагнувшись надъ тѣломъ жены, я сильной рукой сжалъ ея горло, такъ что она не могла крикнуть. Она проснулась сразу, открыла глаза и вся заметалась подъ моей рукой. Но я словно пригвоздилъ ее къ постели, и она извивалась, пытаясь оттолкнуть меня, порываясь что то сказать мнѣ, глядя на меня обезумѣвшими глазами. Нѣсколько мгновеній я смотрѣлъ на нее, исполненный несказаннаго волненія, потомъ сразу ударилъ ее своимъ кинжаломъ въ бокъ, подъ одѣяло. Я видѣлъ, какъ она вся вздрогнула, вытянулась, все еще не могла крикнуть, но глаза ея наполнились отчаяньемъ и слезы выкатились изъ нихъ. А по моей рукѣ, державшей кинжалъ, потекла липкая и тепловатая кровь. Я сталъ наносить ей удары по всему тѣлу, сорвалъ одѣяло и билъ ее обнаженную, порывавшуюся закрыться, встать, ползти. Потомъ

схватилъ ее за голову и воткнулъ кинжалъ въ шею насквозь, позади сонной артеріи, напрягъ всѣ свои силы и перервалъ ее. Кровь заклокотала, потому что умирая, она пыталась дышать, руки ея неопредѣленно хотѣли что то схватить или смахнуть. Еще потомъ она осталась неподвижной.

Тогда такое потрясающее отчаяніе охватило мою душу, что я тотчасъ рванулся, чтобы проснуться, и не могъ. Я дѣлалъ всѣ усилія воли, ожидая, что стѣны этой спальни распадутся вдругъ, уйдутъ и растаютъ, что я увижу себя на своемъ диванѣ въ библіотекѣ. Но кошмаръ не проходилъ. Окровавленное и обезображенное тѣло жены было передо мною на постели, облитой кровью. А въ дверяхъ уже толпились со свѣчами люди, которые бросились сюда, услышавъ шумъ борьбы, и лица которыхъ были искажены ужасомъ. Они не говорили ни слова, но всѣ смотрѣли на меня, и я ихъ видѣлъ.

Тогда вдругъ я понялъ, что этотъ разъ все, что свершилось, было не во снѣ.

Валерій Брюсовъ.

АНГЕЛЪ СТРАХА.

(Посвящаю Валерію Яковлевичу Брюсову).

Страшенъ Ты, Боже, во святилищѣ Твоемъ!

Псаломъ 67, ст. 36.

Я — ангелъ страха. Мнѣ было дано испытаніе пройти черезъ всю землю изъ края въ край. Я вышелъ въ полночь, а возвратился на утренней зарѣ.

Я видѣлъ море, бушующее у береговъ, и огромный корабль, наткнувшійся на подводную скалу. Одна за другою были спущены восемь шлюпокъ. Буря ревѣла, но и сквозь грохотъ валовъ я слышалъ рѣзкій плачъ дѣтей. Капитанъ остался умирать на кораблѣ. На мгновеніе вѣтеръ разорвалъ черное облако, и выглянувшій зловѣщій дискъ мѣсяца освѣтилъ корпусъ погибающей громады съ четкою надписью: «Надежда». Черная фигурка стояла у борта и хладнокровно курила. Вдали въ изрытой волнами поверхности мелькали двѣ шлюпки. Когда мѣсяцъ выглянулъ черезъ нѣсколько мгновеній опять, отъ корабля видиѣлась только верхушка мачты, да море выкинуло деревянные обломки вмѣстѣ съ трупомъ неизвѣстнаго мужчины.

Еще я видѣлъ, какъ подъ рукою усталаго человѣка въ кожаной куртки со стономъ повернулись двѣ желѣзныя полосы, и, звеня и громыхая, промчался поѣздъ, закованный въ желѣзную броню и залитый электрическимъ свѣтомъ. Онъ выбрасывалъ тучи звѣздъ и тумана; красное зарево бѣжало за нимъ по землѣ. Человѣкъ въ фуражкѣ съ тремя серебряными полосками, держась одною рукою за рукоять механизма, управлявшаго движеніями чудовища, впивался глазами въ черную мглу. Другой былъ блѣденъ и спѣшилъ исполнять какія то сложныя приказанія. Чудовище дрогнуло. Въ это время съ откоса навстрѣчу выбѣжали темные звенящіе силуэты огромныхъ цистернъ; раскачивая порванными цѣпями и сшибаясь буферами, они летѣли по гладкимъ рельсамъ, развивая вокругъ себя дуновеніе и ревъ бури... Еще мгновеніе, и вся окрестность потонула въ смѣшанномъ лязгѣ и грохотѣ. Наступило молчаніе: лишь вѣтеръ шелестилъ въ кустахъ, да гдѣ то раздавалось глухое шипѣніе. Вскорѣ надъ безформенной грудой всталъ коптящій столбъ воспламенившейся нефти, да вдали по линіи двигались съ двухъ противоположныхъ сторонъ два красныхъ огонька.

Я молча посмотрѣлъ на звѣзды и спѣшилъ дальше.

Мнѣ попадались вереницы почернѣвшихъ могильныхъ крестовъ, тянувшіяся по холмамъ, пріосѣненнымъ старыми ветлами. Кругомъ лежали пустыри и лѣсистыя дебри.

Я видѣлъ спящіе города. Они лежали, какъ исполинскіе муравейники. Груды строительныхъ матеріаловъ навалены были по окраинамъ. Тамъ безконечно тянулись заборы и постоялые дворы съ усталыми, задумчиво вздыхающими клячами. Черные навѣсы боенъ ютились возлѣ безмолвныхъ кладбищъ, густо обросшихъ акаціями, а за ними тянулись свалки нечистотъ, издавая зловоніе. На станціяхъ горѣли тусклые огни; при однообразномъ звонѣ приходили и отходили сонные поѣзда. Неоконченныя насыпи выступали здѣсь и тамъ. Кое гдѣ съ грохотомъ выбрасывали дымъ и паръ свѣтящіяся фабричныя зданія.

А въ серединѣ царили сны. И, притаившись, я стоялъ на площадяхъ, какъ неясная, колеблющаяся тѣнь. Я ждалъ перваго мерцанія утра, чтобы устремиться вмѣстѣ съ предразсвѣтнымъ вѣтромъ. И взоры мои падали глубоко въ чрево домовъ, а слухъ ловилъ малѣйшія колебанія звуковъ.

Я читалъ сонныя грезы по лицамъ спящихъ людей и это были большею частью страшныя видѣнія, отъ которыхъ стыла кровь и безумные крики исторгались изъ груди. Имъ снились пропасти, измѣны близкихъ, мучительныя болѣзни, внезапная смерть. Кто изъ нихъ просыпался,—чувствовалъ себя счастливымъ и говорилъ: «Это былъ только сонъ!» И я удивлялся этимъ несчастливцамъ, потому что ихъ дѣйствительность была не лучше самаго страшнаго кошмара. Тамъ и сямъ болѣзнь и смерть совершали среди нихъ втихомолку свое неутомимое дѣло. Окна аптекъ горѣли зловѣщимъ, тусклымъ блескомъ. Изрѣдка отворялись тяжелыя двери домовъ, и оттуда выходилъ врачъ или священникъ.

Творецъ сокрылъ отъ меня свѣтлую сторону бытія: всюду мой взоръ являлся лишь вѣстникомъ несчастія. Но я не могъ удержать своего любопытства: меня влекла къ себѣ черная бездна человѣческаго страданія. И чѣмъ больше я видѣлъ, тѣмъ сумрачнѣе становилось мое сіяніе и блѣднѣе звѣзды въ небесной вышинѣ.

Изнемогшій палъ я на зарѣ къ дверямъ рая, съ оледянѣвшимъ сердцемъ и потухшимъ челомъ.

И сказалъ мнѣ Пославшій:

— Я сотворилъ вселенную словомъ устъ. Кто ты, чтобы судить меня? Кто измѣритъ число Моихъ мыслей и укажетъ ихъ кругъ? Я возлюбилъ дрозда и копчика. Я возрастилъ анчаръ и лилію. Я — жизнь и тлѣніе!

И взялъ Онъ меня и положилъ въ храмѣ Своемъ у Святыхъ вратъ.

Объятый ужасомъ, лежалъ я предъ алтаремъ безъ мысли и движенія. Я видѣлъ трепетный свѣтъ гаснущихъ лампадъ. За окнами, въ сумрачныхъ нишахъ начинался день, зажигая розовымъ блескомъ стекло и хрусталь.

Гдѣ то загремѣлъ засовъ. Вошли люди. Они не видѣли меня, но смутно чуяли мое присутствіе, полное таинственнаго содроганія, и говорили тихо, вполголоса, еле слышно ступая ногами среди жуткаго молчанія святилища.

Вдругъ гулко ударилъ колоколъ... Звукъ его спустился глубоко въ подземелье и, оперши, вышелъ и понесся въ неизмѣримую даль. Мнѣ показалось, что онъ ударилъ въ моемъ собственномъ сердцѣ.

Я всталъ и крикнулъ.

Я видѣлъ, какъ закачались люстры и дрогнули цѣпи лампадъ. Прильнувъ къ стекламъ купола, я крикнулъ еще и еще. Я видѣлъ, какъ закружились ласточки, испуганные рѣзкими звуками моего голоса...

О, какъ мнѣ было отрадно кричать! Я чувствовалъ, какъ мой крикъ, крикъ, исторгшійся изо всего моего свѣтлаго состава, возмущеннаго зрѣлищемъ бытія, поднялся и всталъ до самаго небеснаго купола, сплетенный съ рыданіемъ мѣди и сотрясая тучи.

И я видѣлъ, какъ люди останавливались въ полѣ и на дорогахъ и прислушивались ко мнѣ: они удивлялись тому, что простая мѣдь заставляетъ дрожать въ нихъ сердце. О, какъ странно было для нихъ вѣяніе райской скорби!

И, словно очарованные, собирались на мой крикъ безмолвныя, задумчивыя толпы. Я видѣлъ стариковъ, которые, казалось, не шли, а ползли, опираясь на клюку. Я видѣлъ женщинъ, печальныхъ, съ опущеннымъ взоромъ, которыя носили въ своихъ утробахъ младенцевъ. Улыбка замирала на устахъ юношей и дѣвъ, когда они переступали черезъ церковный порогъ, слизанный временемъ и сотрясенный звуками моего голоса. И только дѣти безпечно улыбались другъ другу и собственнымъ грезамъ, потому что они могли улыбаться и на смертномъ одрѣ.

Скоро всѣ арки и переходы храма наполнились молящимися. Скорбь и важность были написаны на ихъ угрю-

мыхъ и сосредоточенныхъ лицахъ. Я видѣлъ, какъ раскрывались ихъ сердечныя раны. Я слышалъ ихъ скорби, какъ біеніе глубокаго источника, скрытаго подъ землею.

И снова, охваченный мыслью о безысходности страданія, я ощутилъ приливъ чернаго отчаянія и, дерзко обращаясь мыслью къ Пославшему, я началъ вопрошать Его.

И вотъ Святитель взялъ чашу, стоявшую на алтарѣ, и, протянувъ ее къ блѣднымъ, потемнѣвшимъ отъ страданія лицамъ, сказалъ:

— Пейте отъ нея всѣ: это — кровь Моя, которую Я пролилъ за васъ...

Гдѣ то высоко въ небѣ прощебетали ласточки.

— Кто измѣритъ число Моихъ мыслей и укажетъ ихъ кругъ?—вспомнилъ я слова Пославшаго и безмолвно, подавленный величіемъ Божественной скорби, простерся предъ алтаремъ.

* * *

Я обвѣянъ его святыми трепетными крылами. Я вѣрю, что это — мой ангелъ - хранитель, который ведетъ меня увѣренною стопою надъ безмолвными, ничего не возвращающими безднами. Тернистъ мой путь, и нѣсколько разъ въ сомнѣніи отступалъ я передъ нимъ. Но каждый разъ ободрялъ онъ меня своею суровою и вмѣстѣ ласковой рукою. Другъ мой, этотъ путь страшенъ только для того, кто думаетъ, что жизнь — игрушка!

Маркъ Криницкій.

ОБРУЧЪ.

I

Поутру пустынною улицею на городской окраинѣ шли дама да мальчикъ лѣтъ четырехъ, — дама нарядная, молодая, мальчикъ съ нею веселый да румяный. Дама улыбалась и, счастливая, заботливо смотрѣла на сына. Мальчикъ катилъ обручъ, большой, новый, ярко-желтый.

Еще неловкими движеніями подгонялъ мальчикъ свой обручъ,— смѣялся, радовался, топоталъ пухлыми ножонками съ голыми колѣнками и взмахивалъ палочкой. Даже и не надо было такъ высоко подымать палочку,—да гдѣ ужъ, гдѣ тутъ! Радость то какая!

Обруча этого раньше не было, а теперь онъ такъ бойко катится. И все такъ весело!

И ничего вѣдь раньше не было для мальчика, — все это вновь: и утреннія улицы, и веселое солнце, и далекіе городскіе шумы. Все мальчику ново, чисто и радостно.

Да, все чисто: дѣти не видятъ нечисто, пока взрослые не покажутъ.

II

Бѣдно одѣтый старикъ съ грубыми руками остановился на перекресткѣ, — прижался къ забору и пропу-

стилъ даму съ мальчикомъ. Старикъ смотрѣлъ на мальчика тусклыми голубыми глазами и тупо усмѣхался. Неясныя, медленныя мысли ползли въ его лысой головѣ.

«Барченокъ, — думалъ онъ, — дитё малое. Ишь вѣдь какъ заливается! Дитё, — а барское дитё. Поди жъ ты».

Онъ не понималъ чего то, что то было ему странно.

Дитя, — дѣтей за вихоръ треплютъ? Игра, — баловство поди? Ребята, извѣстно, баловники. А мать, ничего, не унимаетъ, не кричитъ, не грозитъ. Нарядная да свѣтлая.

Чего ей, живутъ видно въ теплѣ да въ холѣ.

Вотъ когда онъ, старикъ, былъ мальчишкой, — то-то по собачьи жилось. Не сладко и теперь, — да хоть не бьютъ, и все таки сытъ. А тогда — голодъ, холодъ, потасовки. Такого баловства и не бывало, чтобы обручемъ или тамъ другія барскія игрушки.

Такъ и вся жизнь прошла, — въ нищетѣ, въ заботѣ, въ озлобленіи. И вспомнить нечего, — ни одной радости.

Улыбаясь на мальчика пухлымъ ртомъ, онъ завидовалъ. Онъ думалъ:—«Вотъ глупымъ забавляется!»—а зависть томила.

Онъ пошелъ на работу, на фабрику, гдѣ работалъ съ дѣтства, гдѣ состарился. И весь день думалъ онъ о мальчикѣ. Неподвижныя мысли, — такъ, просто, вспоминался мальчикъ, — бѣжитъ, смѣется, ногами топочетъ, обручъ гонитъ. А ножки то пухленькія, а колѣнки то голенькія. Весь день въ шумѣ отъ фабричныхъ колесъ мальчикъ съ обручемъ вспоминался ему. А ночью онъ видѣлъ мальчика во снѣ.

III

На другое утро мечты опять одолѣли старика.

Стучатъ машины, однообразенъ трудъ, не надо думать. Руки дѣлаютъ привычное дѣло, беззубый ротъ усмѣхается забавной мечтѣ.

Отъ пыли туманится воздухъ вверху, подъ высокимъ

гдѣ потолкомъ, съ быстрымъ свистомъ скользятъ съ колеса на колесо безконечные ремни. Далекіе углы закутаны шумною мглою. Какъ призраки снуютъ люди, и не слышна человѣческая рѣчь подъ гулкимъ пѣніемъ машинъ.

И мерещится старику: вотъ онъ маленькій, вотъ мама у него барыня, и есть у него обручъ да палочка, и онъ играетъ, — палочкой обручъ гонитъ. Нарядъ на немъ бѣленькій, ножки то у него пухленькія, колѣнки голенькія.

IV

Разъ, возвращаясь домой подъ вечеръ, увидѣлъ старикъ на дворѣ обручъ отъ старой бочки, — черный, шершавый ободъ. Старикъ задрожалъ отъ радости, и слезы выступили на его тускло-голубыхъ глазахъ. Быстрое, почти безсознательное желаніе мелькнуло въ его душѣ. Онъ опасливо оглядѣлся, наклонился, трепетными руками ухватилъ обручъ и понесъ домой, стыдливо улыбаясь. Никто не замѣтилъ, не спросилъ. Да и кому какое дѣло? Старикъ въ лохмотьяхъ несетъ старую, ломаную, никому ненужную вещь, — кому на него смотрѣть? А онъ то несъ крадучись, боялся — засмѣютъ.

Для чего взялъ, зачѣмъ понесъ, — и самъ не зналъ. Такъ, похожъ на тотъ, что былъ у мальчика, — ну, и взялъ. Что жъ такое, пусть полежитъ! Посмотрѣть, потрогать, — живѣе мечты, тусклѣе фабричные гудки да шумы, туманнѣе туманная мгла...

Нѣсколько дней обручъ лежалъ у старика подъ кроватью, въ его бѣдномъ, тѣсномъ углу.

Иногда старикъ вынималъ обручъ, смотрѣлъ на него, — этотъ грязный да сѣрый обручъ тѣшилъ стараго, и живѣе являлась неподвижная мечта о счастливомъ мальчикѣ.

V

Однажды въ ясное, теплое утро, когда птицы гомозились въ чахлыхъ городскихъ деревьяхъ веселѣе вчерашняго, всталъ старикъ пораньше, взялъ свой обручъ и пошелъ за городъ, подальше...

Покашливая, пробирался онъ въ лѣсу между старыми деревьями да цѣпкими кустами. Непонятно ему было молчаніе сумрачныхъ деревьевъ, покрытыхъ сухою, темною, растрескавшейся корою. И запахи были странны, и мхи дивили, и папоротникъ росъ, какъ сказочный. Не было пыли и шума, и нѣжная, дивная мгла лежала позади деревьевъ. Старыя ноги скользили по настилу хвой, спотыкались о вѣковые корни.

Старикъ сломалъ сухую вѣтку и надѣлъ на нее обручъ.

Лужайка лежала передъ нимъ свѣтлая, тихая. Многоцвѣтныя, безчисленныя росинки искрились на зеленыхъ былинкахъ недавно скошенной травы...

И вдругъ скинулъ старикъ съ палки обручъ, ударилъ палкой по обручу,—тихо покатился обручъ по лужайкѣ. Старикъ засмѣялся, засіялъ, побѣжалъ за обручемъ, какъ тотъ мальчикъ. Онъ вскидывалъ ногами и палочкой подгонялъ обручъ, и такъ же высоко надъ головой, какъ тотъ мальчикъ, подымалъ руку съ палочкой. Чудилось ему, что за нимъ идетъ мама, смотритъ на него, да улыбается. Какъ ребенку, первоначально, свѣжо стало ему въ сумрачномъ лѣсу, на веселой травѣ, на тихихъ мхахъ.

Козлиная, пыльно-сѣрая борода на осклабленномъ лицѣ тряслась, и смѣхъ съ кашлемъ дребезжащими звуками вылеталъ изъ беззубаго рта.

VI

И полюбилъ старикъ по утрамъ приходить въ лѣсъ, играть обручемъ на этой прогалинкѣ. Иногда подумаетъ, что увидятъ, могутъ осмѣять,—и отъ этой мысли становилось вдругъ нестерпимо стыдно. И стыдъ былъ похожъ на страхъ, — такъ же обезсиливалъ, подкашивалъ ноги. Пугливо, стыдливо озирался старикъ.

Да нѣтъ,—никого не видно, не слышно. И, поигравъ довольно, онъ мирно уходилъ въ городъ, легко и радостно улыбаясь.

VII

Такъ никто его и не увидѣлъ съ обручемъ, никто не посмѣялся надъ нимъ. И ничего больше особеннаго не случилось. Мирно поигралъ старикъ нѣсколько дней,—и въ одно слишкомъ росистое утро простудился. Слегъ,—и скоро умеръ. Что жъ, вѣдь старый былъ, пожилъ довольно.

Умирая въ фабричной больницѣ, среди чужихъ, равнодушныхъ людей, онъ ясно улыбался. И его утѣшали воспоминанія,—и онъ тоже былъ ребенкомъ, и смѣялся, и бѣгалъ по свѣжей травѣ, подъ сумрачными деревьями, и за нимъ смотрѣла милая мама...

Ѳедоръ Сологубъ.

ЯЩЕРИЦЫ.

Bewege sich die Schattenbilg...
Heine.

Ее достали изъ глубокаго колодца. Она не помнила, какъ и когда въ него попала и сколько времени была тамъ. Ея мокрые волосы стали чернѣе отъ воды, чернѣе стали брови и рѣсницы, а взглядъ ея, проникновенно долгій, манилъ и удивлялъ каждаго. Казалось, что она разучилась говорить и многое забыла.

Къ ней призвали волшебника.

Родители ея столпились возлѣ него и умоляли его вернуть сознаніе и память бѣдной дѣвушкѣ. Онъ стоялъ передъ ней въ хитонѣ изъ ползучихъ травъ, въ коронѣ изъ лопуховъ и перьевъ, и змѣиная улыбка скользила между морщинами его лица, то расширяя глаза въ огромныя свѣтящіяся бездны, то вновь сжимая ихъ въ узкія щели.

Онъ сказалъ:

— Какую память, какое сознаніе вернуть тебѣ? Развѣ не тѣмъ больна ты, что узнала слишкомъ много? Что видѣніе твое стало больше тебя самой?

Она вздохнула и, потягиваясь всѣмъ тѣломъ, какъ бы изнемогая отъ необходимости отвѣчать ему, сказала:

— Ты угадалъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Еще бы не угадать мнѣ. Скажи, какая разница между золою и деревомъ?

— Та, — отвѣчала она, — что дерево можетъ стать золою. А перегорѣвшая зола никогда уже не будетъ деревомъ.

— А можно сосчитать птицъ, когда онѣ кружатся въ воздухѣ мелькающей черной стаей?

— Можно, — отвѣчала она. — Но для этого нужно самой стать птицей.

На подносѣ изъ плетенаго камыша онъ протянулъ ей три ожерелья. Одно изъ нѣжныхъ полевыхъ цвѣтовъ, другое изъ жемчужинъ и третье—изъ живыхъ ящерицъ.

— Изъ трехъ ожерелій этихъ, къ какому льнетъ твое желаніе, тянется твоя рука, устремляется взоръ и воля?

Она протянула руку къ третьему и съ тихимъ стономъ, какъ бы повинуясь несознанному, надѣла на себя зеленыхъ, бьющихся животныхъ.

— Здѣсь нечего мнѣ дѣлать, — сказалъ волшебникъ, оборачиваясь къ ея роднымъ. — Но не бойтесь, дайте привыкнуть ей къ ящерицамъ, и она станетъ похожа на всѣхъ васъ.

ЭЛЬЗА.

— Молчанье, — сказалъ пасторъ, закрывая Евангеліе. Если мы для нашей бѣдной Эльзы не нашли словъ даже у божественнаго Спасителя, то что можетъ сказать ей человѣческій языкъ?

Мать Эльзы продолжала плакать. Она не утирала слезъ, потому что ихъ было слишкомъ много. Онѣ лились изъ ея души какъ будто изъ огромнаго соляного моря — о, да! — соляного.

— Эльза,— сказала она дочери,— посмотри, который часъ.

— Третьи пѣтухи уже пропѣли,— отвѣтила Эльза.

Такъ они сидѣли всѣ втроемъ поздней ночью, и никому не приходила въ голову мысль о томъ, что время уснуть.

— Эльза, дочь моя,— сказалъ пасторъ,— разскажи намъ, какъ это съ тобою было.

Дѣвушка откинула назадъ пышные локоны и положила руки на столъ. Она стала водить пальцемъ по узору скатерти и стала тихо говорить о томъ, что съ нею было. Въ теченіе этой ночи она уже три раза разсказывала все, и если бы имъ дать десять тысячъ ночей, они каждую ночь сидѣли бы и говорили объ этомъ же самомъ.

— Мы вышли изъ дому рано утромъ, чтобы найти какое нибудь поле, гдѣ можно было бы зарыть убитыхъ нами. Всѣ трое были саксонцы, въ синихъ мундирахъ съ желтыми галунами. Умирая, одинъ изъ нихъ пожелалъ, чтобы я вмѣсто дѣтей рожала ужей. Ножи мы спрятали очень далеко, и всѣ слѣды преступленія скрыты.

— Эльза, дочь моя,— сказалъ пасторъ, вздыхая,— убивая, ты не думала о насъ?

— Не думала,— отвѣчала она. На обратномъ пути мы встрѣтили людей, которые спросили насъ, не знаемъ ли мы что нибудь объ убійствѣ трехъ часовыхъ возлѣ зданія Центральной тюрьмы? Мы сказали — нѣтъ, нѣтъ, не знаемъ! Вѣтеръ гудѣлъ намъ въ уши, мосты дрожали подъ нашими ногами. Когда же пришли въ городъ, былъ уже найденъ ложно обвиненный преступникъ. Друзья мои радовались и спѣшили уѣзжать изъ города, гдѣ оставаться было опасно. Они укладывали свои чемоданы, ѣли сыръ и смотрѣли на часы, боясь опоздать къ поѣзду. Тотъ, кого мы освободили, убивъ саксонцевъ,— цѣловалъ мои руки и шею и повторялъ, какъ бы въ забытьи: «Я всегда зналъ, что ты всюду пойдешь за мною. Ты бросила для меня отца и мать. Не побоялась стать убійцей».

И онъ подмигивалъ на меня товарищамъ: «умѣетъ любить»! Я стягивала ремнями его мѣшки и не находила словъ.

— Они уѣхали,— сказалъ пасторъ,— внизъ по Рейну. А ты осталась.

— Въ десять часовъ ты была уже одна,—замѣтила мать.

— Я стала прибирать комнату и не находила мѣста отъ запаха крови, который былъ возлѣ меня. Потомъ я поцѣловала крестъ и легла спать.

— Христосъ былъ не далеко отъ тебя,— замѣтилъ пасторъ.

— Я разучилась понимать Его.

— Ты поймешь Его,— съ вѣрой сказала мать.

На щекахъ у Эльзы горѣли два красныхъ пятна, а глаза были сухи и смотрѣли въ одну точку.

— Аминь,— сказалъ пасторъ.

— Аминь,— сказала Эльза.

Но разойтись они не могли, и разсвѣтъ засталъ ихъ сидящими за столомъ, и блѣдное утреннее солнце съ отчаяніемъ поцѣловало красныя щеки Эльзы.

Но это не все.

Невинно казненный воскресъ и, отыскавъ свою прежнюю одежду, желалъ увидѣть Эльзу. Онъ хотѣлъ сказать ей одно слово, и отыскивалъ ее годы, неутомимо.

Однажды ночью онъ подошелъ къ дому пастора и увидѣлъ въ освѣщенныя окна, что Эльза сидитъ за столомъ и водитъ пальцемъ по узору скатерти, а родители ея въ молчаніи смотрятъ на нее.

Онъ постучался и былъ впущенъ въ домъ. Пасторъ только что хотѣлъ сказать „аминь“, когда дверь отворилась и въ комнату вошелъ казненный.

— Здравствуй, Эльза,—сказалъ онъ.— Отнынѣ я буду съ тобой.

И всѣ трое перекрестились, покорные волѣ Божьей.

Анастасія Мировичъ.

Villa Camille.

ЛЕГЕНДА О ФАКЕЛАХЪ.

Ave, Crux, spes unica!

Въ одно изъ тѣхъ таинственныхъ мгновеній, когда сонъ кажется дѣйствительностью, а дѣйствительность — сномъ, когда человѣческая душа, какъ бы погружаясь въ дремоту, получаетъ даръ ясновидѣнія, какой то Демонъ подхватилъ меня на своихъ крыльяхъ и принесъ на край мрачнаго ущелья, гдѣ, въ видѣ неприступнаго горнаго хребта, пространство было опоясано Предѣломъ жизни. Онъ посадилъ меня на вершинѣ гранитнаго утеса и далъ мнѣ способность видѣть дальше, чѣмъ можетъ видѣть человѣкъ, и слышать больше, чѣмъ можетъ слышать человѣкъ.

. . . . . .

Безконечная пустыня лежала передо мной, и я увидѣлъ, какъ отъ всѣхъ ея далей тянулись къ ущелью безчисленныя полчища людей. Одни изъ нихъ только начинали свой путь, другіе прошли уже около половины. Несмотря на громадное разстояніе, равное многимъ тысячамъ верстъ, я отчетливо различалъ цвѣта человѣческихъ одеждъ и выраженіе отдѣльныхъ лицъ и ясно слышалъ изступленныя пѣсни, бряцаніе оружія, хохотъ, громкіе стоны и тихіе, подавленные вздохи.

Непонятное оцѣпенѣніе овладѣвало иногда этими полчищами, останавливало ихъ движеніе и крики, но оно

скоро проходило, и толпы людей снова шумно двигались впередъ, оставляя за собой недостроенныя башни, мрачныя пирамиды, развалины ими же выведенныхъ лабиринтовъ, длинныя вереницы крестовъ и безчисленное множество гробницъ. Дикіе звѣри слѣдовали за ними по пятамъ; надъ пройденною дорогой съ пронзительными криками носились стаи хищныхъ птицъ.

. . . . . .

У каждой изъ этихъ человѣческихъ ордъ былъ свой вождь: одна шла за старцемъ въ образѣ древняго пророка, другая — за рослымъ звѣроподобнымъ силачемъ, третья — за полуобнаженной женщиной. Нѣкоторыя же имѣли передъ собой одни лишь каменныя изваянія или пестрые значки.

Неизвѣстность пути, недовѣріе къ вождямъ поражали толпы этихъ кочевниковъ равнодушіемъ и усталостью,— даже удары бичей мало содѣйствовали общему оживленію, и одна только непонятная имъ Воля упорно гнала ихъ впередъ. Но никто не зналъ, куда, потому что общая близорукость и неугомонный шумъ движенія мѣшали имъ видѣть и слышать даже ближайшее. Изрѣдка кое кто опережалъ другихъ,— выбравшись изъ толпы, пристальнымъ взглядомъ открывалъ на горизонтѣ искомое, но никто не вѣрилъ его обѣщаніямъ, потому что никому нельзя было убѣдиться иначе, какъ *воочію*, и всякій довѣрялъ только своему непосредственному осязанію.

Рабы грубыхъ ощущеній и самовластныхъ инстинктовъ, въ движеніи своемъ эти кочевники руководились еще указаніями своихъ сновъ, преданіями молвы и лживыми пророчествами своихъ гадальщиковъ.

Иногда передъ ними появлялись миражи, и они радовались этимъ призракамъ, принимая всякій миражъ за несомнѣнную дѣйствительность, а всякую дѣйствительность — за навожденіе.

Долго шли люди по сумрачной пустынѣ, и долго созерцалъ я ихъ тоскливое шествіе. Наконецъ, одно изъ

полчищъ подошло къ оазису. Тысячи мужчинъ и женщинъ съ изступленными криками бросились къ его плодамъ и источникамъ, давили другъ друга, оспаривали другъ у друга каждое деревцо, каждую полоску тѣни. Разбивались шатры, строились навѣсы. Огонь и топоръ уничтожали все. Отъ громадныхъ костровъ потянулись къ небесамъ столбы мрачнаго дыма. Пирамъ, пляскамъ и пѣснямъ, казалось, не будетъ конца.

И, не переставая слѣпо и жадно истреблять плоды и растительность оазиса, люди изступленно молились о жизни.

Наконецъ, все было исчерпано, и сытое полчище опять поплелось дальше, не зная чего ожидать, тѣсно смыкаясь въ пути потому что всѣ, какъ одинъ человѣкъ, боялись неожиданнаго.

. . . . . .

Утомленный однообразіемъ зрѣлища, я закрылъ глаза. Произошло ли что нибудь грозное во всей пустынѣ, или Демонъ далъ мнѣ способность видѣть иначе, но, когда я открылъ глаза, прежняя картина уже измѣнилась. До моего слуха доносился протяжный ропотъ тревоги. Глубокая тьма обнимала пространство. Среди безконечной ночи не зажглось ни одной звѣзды. Только поверхность земли трепетала миріадами разноцвѣтныхъ огоньковъ.

Не понимая происходящаго, я поднялъ свой взоръ на Демона, и Онъ сказалъ мнѣ:

«Общій свѣтъ небесъ мало доступенъ ихъ зрѣнію, теперь они его лишились, и освѣщаютъ свой путь факелами. Ты видишь огни зеленые, красные, золотистые, синіе... Вотъ тысячи языковъ золотистаго огня, который поминутно гаснетъ отъ вѣтра и отъ собственной летучести. Это — факелы мечтателей. А вонъ тамъ — ярко-красные кружки, цвѣта раскаленнаго угля, что изрѣдка вспыхиваютъ кровавыми искрами, а больше тлѣютъ и дымятъ... Это—факелы, зажженные порывами и радостями страстей. А вотъ вспышки изумрудно-золотистаго пламени, разсыпающагося красивымъ дождемъ быстро-гаснущихъ искръ... Это — факелы честолюбцевъ»...

Еще долго перечислялъ мнѣ Демонъ цвѣта и свойства человѣческихъ факеловъ, но я пересталъ его слушать, потому что зрѣлище огней приковало къ себѣ все мое вниманіе.

Передо мной была безконечная игра свѣта. Онъ медленно струился по землѣ широкимъ искристымъ потокомъ, какъ будто милліоны разноцвѣтныхъ свѣтилъ отразились на поверхности черной, дрожащей воды. Одни огни гасли, на мѣсто ихъ вспыхивали новые, уже другого цвѣта, но такіе же недолгіе. Расположеніе и яркость факеловъ мѣнялись безъ конца, какъ бы въ безконечномъ хороводѣ, навѣвая чувство судорожнаго, зыбкаго и невѣрнаго. Иногда вихрь врывался въ область огней, задувалъ все на своемъ пути, направлялся изъ темноты въ темноту мрачнымъ, извилистымъ проливомъ ночи.

Картина была такъ подвижна во всѣхъ своихъ частяхъ, что въ каждое слѣдующее мгновеніе становилась совершенно неузнаваемой. Но въ смѣнѣ общаго и частностей, ослѣпительной бѣлизны пламя какихъ то факеловъ оставалось вѣчно неизмѣннымъ. Яркіе языки его были разсѣяны по всему узору огней и горѣли ровнымъ, увѣреннымъ свѣтомъ. Гасли только тѣ немногіе, которые принимали оттѣнокъ той или иной окраски. Я дивился на постоянство этихъ факеловъ, на прямоту ихъ передвиженія въ пространствѣ, на ясность предметовъ и путей, которые они освѣщаютъ.

Шествіе человѣческихъ ордъ двигалось все дальше и дальше, факелы то и дѣло гасли, не успѣвъ просіять и нѣсколько шаговъ. Люди замѣняли ихъ другими, такими же горючими и невѣрными, — одни свѣтлые бѣлые факелы теплились неугасимо въ мучительной темнотѣ. Порою всѣ огни пустыни гасли вдругъ; отступившій было мракъ толпою громадныхъ звѣриныхъ тѣней кидался на

кочевниковъ со всѣхъ сторонъ, пространство оглашалось проклятіями и хриплыми стонами, а свѣтлые бѣлые факелы торжествующе и упорно пронизывали ночь, какъ взгляды безстрашныхъ, увѣренныхъ глазъ. Свѣтъ ихъ былъ ярче свѣта звѣздъ, а несущіе ихъ пѣли тихія пѣсни радости.

По мѣрѣ приближенія къ мѣсту, гдѣ я сидѣлъ, всѣ другіе факелы постепенно тускнѣли и все быстрѣе и быстрѣе таяли въ сумракѣ, а число свѣтлыхъ бѣлыхъ факеловъ росло и росло; дремавшее до сихъ поръ темное ущелье какъ бы проснулось, и всѣ отвѣсы его страшнаго лабиринта зажглись наконецъ отвѣтнымъ лучезарнымъ сіяніемъ.....

Зачарованный свидѣтельствомъ такого торжества, я захотѣлъ узнать названіе этихъ дивныхъ факеловъ и снова поднялъ свой взоръ на Демона. Но не успѣлъ Онъ отвѣтить, какъ видѣніе моего экстаза исчезло.....

Будничная суетливая жизнь снова окружила меня, судорожно металась въ своемъ лихорадочномъ бреду. Но я уже не могъ принять въ ней прежняго участія. Воспоминаніе о свѣтломъ, ослѣпляющемъ пламени томило душу невыразимой тоской. Я искалъ его среди людей и въ пустынѣ. Но даже мудрецы не могли назвать его по имени. И вѣчно бродилъ я въ безконечной темнотѣ, мучительно просилъ у Бога явить мнѣ этотъ свѣтъ хотя бы въ мимолетной зарницѣ, и только изрѣдка встрѣчалъ его отблескъ — въ глазахъ старца, радующагося на безпечную игру ребенка, въ святомъ взглядѣ матери — когда она молилась за своего любимаго сына — и въ ликующемъ взорѣ идущаго на подвигъ героя.

Ю. Балтрушайтисъ.

ОБРАЗЫ.

I

Все таки, вѣчно, всюду будетъ сіять прямо предъ очами ума неизвѣстная надпись! Вѣчно будетъ ужасно, что кромѣ меня существуютъ другіе, и подобные мнѣ, и многіе изъ нихъ не знаютъ меня! Вѣчно будетъ дивиться душа, что любитъ вотъ этотъ цвѣтокъ, а не тотъ, хоть не менѣе благоуханный!

О, Боже, простой свѣтъ отцовъ моихъ, и къ тебѣ я взываю! Смущеніе было и будетъ первымъ явленіемъ пробужденія къ жизни, явленіемъ жизни... Восхищенные персты колеблютъ стебель блестящій, ясно видятъ все очи и не желаютъ другого, не помнятъ даже себя...

На вопросъ же отвѣчайте вопросомъ! Если вы слѣпы, старайтесь быть болѣе слѣпы! Пусть эта мертвая горница будетъ еще болѣе близка силѣ твоей! Пусть вы запомните каждыя очи на каждомъ изъ мѣстъ и случайныя смѣны ихъ всѣхъ!

Если вы, конечно, не любите безпорядокъ природы, глядите же и въ нее! Эти три сосны въ началѣ ручья пусть будутъ вамъ вѣчно знакомы! Этотъ кустъ, почти бѣлый,— пусть похоронитъ его не презрѣнье, не забвенье, не скука, а для воскресенія память!

Когда нибудь, можетъ быть, что нибудь и случится.

Въ этомъ величайшая мудрость — ожиданіе, жрецъ, молящійся Богу, Богъ, претворяющій тѣло въ высойчайшую кровь! Когда нибудь вы подойдете къ этому мѣсту послѣ вечерняго пира...

Надъ вами наклонятся листья и будутъ шептать! О, сохраните этотъ шопотъ навѣки! Каждый изъ шопотовъ, какъ бы онъ ни былъ безсмысленъ, любите! Счастье — не сказка. Что нибудь было. Что нибудь будетъ. Что нибудь есть. Объ этомъ поютъ и всѣ пѣсни земныя.

II

ЕЩЕ «Я».

Невольно ты можешь быть грустенъ. Ты опустилъ занавѣски, на что двери и окна? Ты убѣшь всякаго нищаго, гостя, незнакомаго. Свѣчи горятъ, ты встревоженъ, какъ звѣрь, и шаги твои легко ступаютъ отъ стѣны до стѣны. Но и стѣны не нужны тебѣ...

Перестань упорствовать. У тебя есть сокровище, оно ближе, чѣмъ что бы то ни было. Если слишкомъ спокойно внутри, теряй же и остатокъ силъ! Твоя комната не уже природы — правильны скалы твоего логовища; прямоугольно бѣлое небо; ты богаче, чѣмъ житель луговъ: у тебя приноровлены къ нуждамъ сидѣнье и ложе; время не забыто и у тебя: на столѣ шумятъ, словно ручей, часы; окна открыты въ безсмысленную безконечность — гляди!

Въ углу же течетъ или стоитъ безшумный, глубокій водопадъ, отражающій все, отражающій очи твои, въ очахъ тоже тебя! Нарциссъ, раздери одежды и кинься въ озеро; оно ждетъ тебя, ты жаждешь увидѣть во мракѣ блестящія плечи свои...

III

Онъ разрѣзалъ зеркало пучкомъ расходящихся струй и голова на мгновенье исчезла туда, гдѣ блестѣли отраженія листьевъ, небесъ и благородныхъ человѣческихъ тѣлъ. Самъ отраженіе и отражающее — онъ былъ пронизанъ стекломъ, тѣло казалось стеклянымъ, струйки звенѣли подъ ногами, сбивались словно кудри, вдали надвигалась гроза. Внимательно поднялъ онъ голову и, какъ звѣрь выжидающій, глядѣлъ въ небеса, надѣялся на милость Бога. Ноздри расширились, дыханіе вспыхнуло, огнь затаенный въ очахъ! А зеркало продолжало распадаться на дребезги, но не разрѣзывая дѣвственныхъ плечъ, безкровно, и снова склеивалось, просто смыкалось. Вотъ Нарциссъ, овладѣвшій собою! Вотъ Касторъ и Поллуксъ, братья, соединившіеся въ одно! Недаромъ дрожью усталости заалѣли члены! Ноги весело бьютъ по водамъ... Тихая природа озаряетъ себя и своего создателя — человѣка.

IV

ВРЕМЯ.

На моемъ столѣ, въ полѣ доступнаго мнѣ бытія, живетъ безсмысленное чудовище. Какъ только просыпаюсь, я слышу его возню, движеніе бѣлки въ колесѣ. Хоть не оно вмѣщаетъ въ себѣ окружающее, почему то я подражаю предкамъ, знакомымъ и все стараюсь отнести къ нему. Жилище его поражаетъ правильностью, узостью клѣтки, хотя ухо рѣжетъ неточная въ сущности размѣренность чудовищной жизни, несоотвѣтствіе съ чѣмъ

то... Какой шутникъ впустилъ глупаго жука въ это сплетенье мертвыхъ рычаговъ и случайныхъ отвлеченныхъ опредѣленій? Третій день притворяюсь я небрежнымъ, хочу насыпать соли на хвостъ этой сороки, поймать сплетницу. Если я не заведу завтра часовъ волшебнымъ ключомъ, кто объяснитъ, вылетитъ ли на свободу несчастное сердце, или навѣки обезсилѣетъ мой разумъ, увлекаясь отсутствіемъ глупыхъ, и всякихъ, разстояній?

V

РАЙ.

Начинаю съ случайнаго предложенія, потому что иначе не можетъ случаться вѣчное. Мои слова — переводъ. Не умъ объяснитъ, откуда начинается описаніе круга, гдѣ расцвѣтать такому то цвѣтку: онъ вездѣ можетъ, даже за снѣгами въ свободномъ морѣ...

Многіе найдутъ обыкновеннымъ этотъ рай. Я же хочу передать не слова,— картину, правду. Тѣлесные нетлѣнные человѣки предавались искусству, умащали тѣло, смѣялись себѣ въ источники. Какъ дорого каждому было лицо другого, очи и все, какая печаль одѣвала, словно древо познанія, тѣнью рай, печаль по запрещенію познанія, даже по несознаваемой невозможности! И здѣсь, среди живущихъ тѣлъ, не мыслящихъ, рождались самыя великія мысли.

VI

Въ одно изъ самыхъ сухихъ опьяненій своихъ, послѣ бутылки сухого вина ядовитѣйшихъ странъ или только послѣ воображаемой пирушки съ кѣмъ то, я почувствовалъ опять обыкновенное и думалъ о другомъ. Тогда, съ нѣкоторой злостью, съ нѣкоторой даже болью, я рѣшилъ прикрыть рѣсницами очи и достигнуть самого внутренняго дворца по запутаннымъ тропинкамъ глубокой страны, по озареннымъ прогалинамъ, по равнодушнымъ чащамъ... Можетъ быть, я шелъ и слышалъ многое; можетъ, я стоялъ и былъ слѣпъ, какъ окружающія деревья, но я понялъ въ то время, на время, причину безстрастія морей, опредѣленности и множественности вещей, себялюбія дѣйствій. Такъ долго искалъ я, гордый, не отрѣшаясь отъ тѣлесности, гордый, можетъ быть, только ею. Я попралъ бѣлоснѣжными ногами плиты дворца, я поднималъ завѣсы надъ потаенными дверями, но нигдѣ ничего не находилъ. Тогда я сжалъ кулакъ и ударилъ себя въ грудь, и грозилъ, и обѣщалъ быть Каиномъ міра. Разсудокъ пришелъ мнѣ на обманную помощь и снималъ завѣсы съ я, но тоже ничего не видѣлъ, кромѣ довольно равнодушнаго себялюбиваго міра. Тогда немного большее горе овладѣло мною, и я долго плакалъ. Мы оба рѣшили сдѣлаться самоубійцами, и кто касался немного къ тѣмъ же вещамъ и такъ же безстыдно — не оскорбитъ меня подозрѣніемъ... Я раздробилъ черепъ разсудка, но не посмѣлъ казнить груди и продолжалъ существовать съ невыразимой болью около трупа младшаго брата.

VII

Кто видѣлъ ужасъ? понималъ его? привыкъ къ нему хоть на мигъ? любилъ его?

Слушайте! Вчера я проснулся ночью; можетъ быть, не проснулся. Странныя ощущенія сопровождаютъ мои сны... Я лежалъ въ полунедвижности и уже ясно сознавалъ. Если бы у меня было море слезъ, я сумѣлъ бы не плакать.

Но ужасъ захватилъ меня — неудержимо, сквозь сонъ. Это было для него одно изъ самыхъ удачныхъ мгновеній.

Не раскрылось ничего предо мною, ни одна даже вещь не освѣтила себя иль другую. Я оставался такимъ же. Но тѣмъ ужаснѣе казались всѣ неудержимости, сплетенья міровыхъ вещей.

Опредѣленными туманами тянулись они, горѣли игрушечными, словно прекрасными огнями... Я ничего не потерялъ изъ виду, можетъ быть, приблизился къ кому то, но въ душѣ вощарился мракъ.

И, безумецъ, я забылъ о неосмысленности жизни, живо чувствуя только неосмысленность. Я думалъ, что еще мгновенье, и наступитъ смерть. Но шли часы ужаса, и само время говорило то же, что и ужасъ.

Братья! не то больно, что въ душѣ вмѣщаются высокія чувства отчужденія, не больно, что слезъ не достаетъ для настоящей внѣмірной печали и, однако, печали человѣческой.

Больно снова жить и хранить сокровище въ воспоминаніи, ядовитое, злорадное сокровище, но насколько ниже настоящаго, какъ всѣ воспоминанія! больно самоубійцѣ очнуться въ теплыхъ объятіяхъ условій!

VIII

Не о лѣсахъ мечта моя, равнодушны безстрастье и нѣжность полей и небесъ, но среди окружающей вѣчно памяти мѣстъ и именъ меня увлекаетъ другое... Я вижу ту же прямоугольную комнату, безъ украшеній, благороднаго неразнообразнаго цвѣта; или въ много болѣе обширной, словно общественной горницѣ я слышу искусственные, немного некрасивые звуки...

Въ двухъ словахъ я предскажу всю жизнь! Ты предсказала ее, явившись въ мечтѣ. Я видѣлъ тебя у рояля въ черномъ платьѣ, исполненномъ современной неестественной простоты. О Боже! я вижу силу, возникшую, бывшую вѣчно въ сердцѣ; вижу и страхъ передъ совѣстью, передъ призраками дорогими, передъ развратомъ.

Много будетъ еще одинокихъ мгновеній; въ томъ и величье, что я не забудетъ себя, будетъ всегда сознавать, насколько любитъ... Но клянусь! и не въ этомъ мое увлеченіе, вся сила тѣхъ слезъ: еще выше будетъ вѣчно мгновенье, мгновенье въ красотѣ ненужной, лишь своей. Ты промелькнулъ въ неожиданной новой мечтѣ.

Ты повторилась въ другихъ очертаніяхъ, въ веселіи силы другой. Вотъ почему я останусь навѣки ребенкомъ и съ улыбкой буду отражаться въ комнатномъ недвижномъ ручьѣ, насколько глубже природныхъ, даже морей. Какъ я никогда не достигну себя, такъ и жизнь моя будетъ вѣчными чарами, вѣчнымъ сознаньемъ себя и всего.

IX

Душа изучила все по повтореньямъ, умѣетъ глядѣть, приглядываться къ плотнымъ очертаньямъ себя, міра, но надъ могилой, надъ одной изъ нихъ плачетъ сереброкрылый юноша.

Таково твое новое горе! Не гордой скрытностью дѣвушекъ закрыли рѣсницы очи; присмотритесь, неумѣлость, отсутствіе воспитанія въ малѣйшихъ движеніяхъ нашего знакомца. Вдали же, за косыми хребтами, высокій храмъ заходящихъ свѣтилъ!

Мечты предвидятъ прошедшее, но не возстановитъ внутренность, картину на потолкѣ—за слѣпыми бѣлыми стѣнами. Впрочемъ, у тебя есть, пожалуй, сокровище, одно озолотитъ оно и глаза; безплодные, пронизывающіе все лучи ослѣпятъ насъ; ничего не видя, мы увидимъ пустыню, свѣтъ незаходимый увидимъ въ жертвенной чашѣ!

X

INVITATION.

Я приглашаю васъ въ царство звуковъ, не отвлеченныхъ, не неточныхъ, не немного измѣненныхъ, не необычайныхъ. Я приглашаю васъ въ непреодолимое царство простыхъ звуковъ, въ ясное, то есть, понятное изъ себя сплетеніе всего, что кружится, мелькая, въ раннихъ и вечернихъ сумеркахъ надъ землею. Я приглашаю васъ радоваться на моихъ пирахъ, на моихъ похоронахъ конечно плакать. Милостивые государи и милостивыя государыни! двери моего дворца открыты...

Мнѣ дороги настоящія желтыя кружева съ рисунками, почти «природными», похожими на морозныя изображенія въ окнахъ. Дѣти! повѣрьте: эта пѣсня — рѣка. Я помню и тростники, которые шепчутся надъ нею о грезахъ своихъ. Я иногда скучалъ на ея пескахъ, гдѣ навѣки отпечатлѣлись нѣжныя, но и глубокія волны ея. И я буду, конечно, очень радъ, если вы узнаете пѣсню мою.

А. М. Д.

СТИХИ

Полонскій здѣсь не безъ привѣта
Былъ встрѣченъ Фетомъ, и пока
Старикъ гостилъ у старика,
Поэтъ благословлялъ поэта.
И поправляя каждый стихъ,
Здѣсь молодыя музы ихъ
Уютно провели все лѣто.

Я. Полонскій.

Перекладываютъ тройки
И выносятъ чемоданы.
За столомъ два сослуживца;
На столѣ стоятъ стаканы.

— Знаю я зачѣмъ такъ влагой
Презираешь ты шампанской,
Все въ ушахъ твоихъ, мой милый,
Раздается хоръ цыганскій,

Все мерещится Матрена,
Все мерещится плутовка.
Чернымъ бархатомъ и маской
Скрыта свѣтлая головка.

За красавицей женою
Мужъ мерещится ревнивый.
«Я люблю, люблю, какъ прежде»—
Нѣжитъ слухъ самолюбивый.

—Нѣтъ, мой другъ, не отгадалъ ты,
Извини, что я не съ вами.
Мысли носятся далеко,
За горами, за долами.

Все мерещится у стѣнки
Фортепьянъ красивый ящикъ,
Все мерещится угрюмый
Про Суворова разсказчикъ.

За стаканомъ даже слышу
Душный воздухъ тѣсной кельи,
И о счастьи молитъ голосъ,
И въ раздумьи и въ веселіи.

Въ степь глядитъ одно окошко,
До полуночи открыто,
Передъ нимъ то, для него то
Все на свѣтѣ позабыто.

Но давно прозябли кони.
Такъ пожмемъ другъ другу руки,
Не сердись за нашу встрѣчу,
Да вини подчасъ отъ скуки.

А. Фетъ.

Когда работою я къ ночи утомленъ,
Когда въ теченье дня, тревожа сердца струны,
Ходили чьи то руки, вызывая звонъ,
И изъ мной блистали всѣ перуны
Условій будничныхъ; когда не нуженъ сонъ,
Гулять не хочется и нѣтъ въ душѣ призыва
Ни для единаго, хоть слабаго, порыва—

О, какъ же жажду я тебя, тебя одной!
Какъ ясно сознаю мощь женскаго начала,
Ту мощь стихійную и близкую сызмала
Любому бытію и сухости мужской!
Какъ ощущаемъ мной источникъ животворный —
Вліянье женщины и свѣжести ея,
И я стремлюсь къ тебѣ по той дорогѣ торной,
Которой вѣчно шло мужское бытіе...
Ты освѣжи меня, ты укрѣпи меня,
Воздвигни, вдохнови для будущаго дня!

К. Случевскій.

1.

МОЛИТВА О КРЫЛЬЯХЪ.

Нищъ простертые, унылые,
Безнадежные, безкрылые,
Въ покаяніи, въ слезахъ,—
Мы лежимъ во прахѣ прахъ,
Мы не смѣемъ, не желаемъ,
И не вѣримъ, и не знаемъ,
И не любимъ ничего.
Боже, дай намъ избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О спаси насъ отъ безсилья,
Дай намъ крылья, дай намъ крылья,
Крылья духа Твоего!

2.

ТРУБНЫЙ ГЛАСЪ.

Подъ землею слышенъ ропотъ,
Тихій шелестъ, шорохъ, шопотъ.
Слышенъ въ небѣ трубный гласъ:
— Братъ, вставай же, будятъ насъ.
— Нѣтъ, темно еще повсюду,
Спать хочу и спать я буду,

Не мѣшай же мнѣ, молчи,
Въ стѣну гроба не стучи.
— Не воскреснешь теперь, ужъ поздно.
Зовъ раздался слишкомъ грозно,
И встаютъ вблизи, вдали
Изъ разверзшейся земли,
Какъ изъ матерней утробы,
Мертвецы, покинувъ гробы.
— Не могу и не хочу,
Я закрылъ глаза, молчу,
Не повѣрю я обману,
Я не встану, я не встану.
Братъ, мнѣ стыдно — весь я пыль,
Пыль и тлѣнъ, и смрадъ и гниль.
— Братъ, мы Бога не обманемъ,
Всѣ проснемся, всѣ мы встанемъ,
Всѣ пойдемъ на Страшный судъ.
Вотъ престолъ уже несутъ
Херувимы, серафимы.
Вотъ нашъ царь доминосимый.
О вставай же, — радъ не радъ,
Все равно ты встанешь братъ.

27 мая 1901 г.

3.

ДѢТСКОЕ СЕРДЦЕ.

Я помню, какъ въ дѣтствѣ нежданную сладость
Я въ горечи слезъ находилъ иногда,
И странную нѣгу, и новую радость—
Въ мученьи послѣднихъ обидъ и стыда.

Въ постели я плакалъ, припавъ къ изголовью;
И было прощеніемъ сердце полно,
Но все жъ не людей, — безконечной любовью
Я Бога любилъ и себя, какъ одно.

И словно незримый слетавъ утѣшитель,
И съ лаской тихой склонялся ко мнѣ;
Не зналъ я, то мать или ангелъ-хранитель,
Ему я, какъ ей, улыбался во снѣ.

Въ послѣдней обидѣ, въ предсмертной пустынѣ,
Когда и въ тебѣ измѣнятъ мнѣ все,
Не ту же ли сладость находитъ и нынѣ
Покорное, дѣтское сердце мое?

Безумье иль мудрость, — не знаю, но чаще,
Все чаще той сладостью сердце полно,
И такъ,—что чѣмъ сердцу больнѣе, тѣмъ слаще,
И Бога люблю и себя, какъ одно.

16 августа 1900.

4.

ВЕСЕЛЫЯ ДУМЫ.

Безъ вѣры давно, безъ надеждъ, безъ любви,
О странно веселыя думы мои!

Во мракѣ и сырости старыхъ садовъ —
Унылая яркость послѣднихъ цвѣтовъ.

Д. Мережковскій.

1900.

1.

СНЫ.

Все дождикъ да дождикъ... Все такъ же качается
Подъ мокрымъ балкономъ верхушка сосны...
О, дни мои мертвые! Ночь надвигается—
И я оживаю. И жизнь моя—сны.

И вплоть до зари, пробужденія вѣстницы,
Я въ мірѣ свершеній. Я радостно сплю.
Вотъ узкія окна... И бѣлыя лѣстницы...
И всѣ кто мнѣ дорогъ, и все, что люблю.

Притихшія дѣти, веселые странники,
И тѣ, кто боялся, что силъ не дано...
Всѣ мнѣ со мною, всѣ мнѣ избранники,
Любовью одною мы слиты — въ одно.

Какія тяжелыя волны куренія!
Какіе цвѣты небывалой весны!
Какія молитвы... Какія служенія...
. . . . . .
Какіе живые, великіе сны!

2.

СОСНЫ.

Желанья все безмѣрнѣе,
Все мысли объ одномъ.
Окно мое — вечернее,
И сосны подъ окномъ.

Стволы у нихъ багровые,
Колючъ угрюмый садъ.
Суровые, сосновые,
Стволы скрипятъ, скрипятъ.

Безмѣрнѣе хотѣнія,
Мечтанія острѣй—
И глубже боль сомнѣнія
У запертыхъ дверей.

А сосны все качаются,
И все шумятъ, шумятъ,
Какъ будто насмѣхаются,
Какъ будто говорятъ:

«Унылыя, безсильныя,
Безкрылыя мечты!
Взгляни: мы тоже пыльныя,
Сухія, какъ и ты.

Качаемся, безпечныя,
Нѣтъ лѣта — нѣтъ зимы...
Мы мертвыя, мы вѣчныя,—
Твоя душа — и мы.

Твоя душа, въ мятежности,
Свершеній не дала.
Твоя душа — безъ нѣжности,
А сердце — какъ игла».

Не слушаю, не слушаю,
Проклятье, иглы, вамъ!
И злому равнодушію
Себя я не предамъ,

Любви хочу и вѣры я...
Но спитъ душа моя.
Смѣются сосны сѣрыя,
Колючія — какъ я.

3.

СТРАНЫ УНЫНІЯ.

Минуты унынія...
Минуты забвенія...
И мнится — въ пустынѣ я...
Сгибаю колѣни я,
Молюсь — но не молится
Душа несогрѣтая,
Стучу — не отворится,
Зову — безъ отвѣта я...
Душа словно тиною
Окутана вязкою,
И страхъ, со змѣиною
Колючею ласкою,
Мнѣ въ сердце впивается,
И проклятъ отнынѣ я...
Но нѣтъ дерзновенія,
Кольцо замыкается...
О, страны забвенія!
О, страны унынія!

З. Гиппіусъ.

1.

СРЕДИ ПРИРОДЫ.

На зарѣ, въ полумглѣ, въ полусвѣтѣ румяномъ,
Средь камней, одинъ на пустынной горѣ
Лежалъ онъ, увлаженъ росой и туманомъ,
И прахъ цѣловалъ и молился зарѣ.

И камни о немъ на своемъ языкѣ вопрошали:
Чей вздохъ, — не дыханіе вѣтра, — насъ жжетъ?
Чьи слезы, — не слезы росы, — къ намъ упали?
Чей голосъ, — не голосъ ручья, — насъ зоветъ?

— О камни, о вѣтеръ, о воды потока!
Я сномъ устрашенъ, я пришелъ къ вамъ, испуганный сномъ
Мнѣ снилось, что смерть меня ищетъ до срока,
Таится за дверью, стоитъ подъ окномъ.

Я видѣлъ: истлѣвшія груди висѣли,
Глазницы пустыя сочились на дно,
Во рту улыбавшемся черви кишѣли
И руки за лаской тянулись ко мнѣ...

Но, сжалилась смерть, отдалила лобзанье,
На время ушла, чтобъ я понялъ, привыкъ, полюбилъ.
О, какъ полюбить ненавистное тлѣна дыханье,
О, какъ примириться съ зловоньемъ могилъ?

И къ вамъ я пришелъ, мои младшіе братья.
Вы чувству отрадны, хотя и мертвы.
Когда я дождусь ледянаго объятья,
Я стану спокоенъ и чуждъ, какъ и вы.

И, васъ обнимая, сквозь вашу одежду цвѣтную
Я къ той прижимаюсь, чье имя навѣкъ — темнота.
Свои же погасшія очи цѣлую,
Свои же ласкаю нѣмыя уста.

2.

ОСЕНЬ.

По улицамъ сѣрымъ, по камнямъ, межъ камней
Я шелъ въ день осенній и о солнцѣ мечталъ.
Шли люди, снѣшили вереницы тѣней.
Я мысли о солнцѣ въ ихъ главахъ не́ читалъ.

Я за городъ вышелъ, на безлюдный просторъ,
Быть можетъ, закатомъ окаймятся поля.
Но въ рыхлыхъ туманахъ расплывался мой взоръ.
О солнцѣ незримомъ позабыла земля.

И къ небу съ надеждой я глаза устремилъ,
Блуждающій отсвѣтъ не увижу ль на немъ.
Тамъ вѣтеръ лѣнивый облака громоздилъ.
Забыло и небо о владыкѣ своемъ.

И въ темный вошелъ я, въ обмирающій лѣсъ.
Вдругъ въ сумеркахъ грустныхъ — непостижно-живой
Свѣтъ солнца безъ солнца предо мною воскресъ:
То вѣтви пылали пожелтѣлой листвой.

На нѣжныхъ березахъ розовѣла заря,
На кленахъ пушистыхъ спалъ полуденный часъ,
И пламень заката, предъ разлукой горя,
На робкихъ осинахъ разливался и гасъ.

Вкругъ водъ, отражавшихъ этотъ призрачный день,
Весь лѣсъ предавался многоцвѣтному сну.
Онъ помнилъ о солнцѣ сквозь осеннюю тѣнь
И памятью страстной воскрешалъ онъ весну.

3.

Къ тебѣ, Господь, душа моя пришла,
Не какъ цвѣтокъ идетъ въ лучи тепла,
Не какъ вершина — въ свѣтъ эѳира горній,
Но какъ нисходятъ алчущіе корни
Въ подземный міръ, гдѣ ихъ накормитъ прахъ,
Гдѣ напоитъ ихъ смерть въ своихъ гробахъ.

Сошелъ я въ глубину и въ темноту
Твоихъ, о Боже, тайнъ, да обрѣту
Для древа жизни жизненные соки,
Да напою цвѣты и стволъ высокій,
Засохшіе подъ зноемъ бытія,
Молящіе прохлады, какъ и я.

Чрезъ сумерки сомнѣній, ночь безвѣрья,
Чрезъ темныя, холодныя преддверья
Къ твоей гробницѣ, Боже, я сошелъ,
Я — робкихъ душъ безтрепетный посолъ,
Я — шаткихъ стѣнъ недвижная основа,
Я — корень человѣчества больного.

Н. Минскій.

1.

Я — богъ таинственнаго міра,
Весь міръ въ однѣхъ моихъ мечтахъ.

Не сотворю себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ.

Моей божественной природы
Я не открою никому.

Тружусь, какъ рабъ,— а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

2.

Еслибъ хотѣлъ я любить,
Если бы могъ я желать,—
Въ мірѣ кого полюбить,
Въ жизни чего пожелать?

Только Отецъ мой да я,
Больше и нѣтъ никого.
Жизнь безъ хотѣнья — моя.
Воля безъ жизни — Его.

3.

Не я воздвигъ ограду,
Не мнѣ ее разбить,—
И что жъ! найду отраду
За той оградой быть.

И что мнѣ помѣшаетъ
Воздвигнуть всѣ міры,
Которыхъ пожелаетъ
Законъ моей игры!

Я призрачную душу
До неба вознесу,—
Воздвигну,— и разрушу
Мгновенную красу

Что бьется за стѣною,—
Не все ли мнѣ равно!
Для смерти лишь открою
Потайное окно.

4.

Воля къ жизни, воля къ счастью, гдѣ же ты?
Иль навѣки претворилась ты въ мечты,
И въ мечтахъ неясныхъ, въ тихомъ полуснѣ,
Лишь о невозможномъ возвѣщаешь мнѣ?

Путь одинъ лишь знаю,—дологъ онъ и крутъ.
Здѣсь цвѣты печали блѣдные цвѣтутъ.
Умираетъ безъ отвѣта чей-то крикъ.
За туманомъ солнце скрыто,— тусклый ликъ.

Утомленьемъ и могилой дышитъ путь.
Воля къ смерти убѣждаетъ отдохнуть,
И отъ жизни обѣщаетъ уберечь.
Холодна и однозвучна злая рѣчь.
Но съ отрадой и съ надеждой внемлю ей
Въ тишинѣ, въ томленьи неподвижныхъ дней.

Ѳедоръ Сологубъ.

1.

ВЛАСТЕЛИНЪ.

Ты помнишь?— Въ средніе вѣка
Ты былъ мой властелинъ.
Ты взялъ меня издалека
Въ твой замокъ межъ долинъ.
Отъ властныхъ чаръ твоихъ блѣдна,
Въ высокой башнѣ, у окна,
Грустила долго я,
И надъ туманами долинъ
Къ тебѣ, мой магъ, мой властелинъ,
Неслась тоска моя.

Мои влюбленные пажи
Служили вѣрно мнѣ.
Ихъ кудри — цвѣта спѣлой ржи—
Сребрились при лунѣ...
Но лунный свѣтъ, блеснувъ, угасъ.
Вошла заря. Съ прозрѣвшихъ глазъ
Упала пелена.
Я пряжу тонкую взяла
И съ ней покорно замерла
У моего окна.

Трубитъ герольдъ. Оконченъ бой
Въ далекой сторонѣ.
О, скоро-ль буду я съ тобой?
Вернешься ли ко мнѣ?

Мой умъ въ томленьи изнемогъ.
Я жду. Гремитъ побѣдный рогъ,
Разносится, звеня.
Тѣснѣй сомкнулся страшный кругъ.
Стучится смерть. Вернулся другъ:
«—Ты не ждала меня?»

«О, я ждала тебя, ждала,
И ждать готова вновь!
Сквозь мракъ отчаянья и зла
Прошла моя любовь!
О, я ждала...» Но острый мечъ
Спѣшитъ мольбы мои пресѣчь
Забвеніемъ безъ грезъ.
Мой слухъ наполнилъ свистъ и гулъ,
Холодный вихрь въ лицо пахнулъ —
И жизни сонъ унесъ.

Прошли мгновенія-вѣка —
И мы воскресли вновь.
Все такъ же властна и крѣпка
Безсмертная любовь.
Я вновь съ тобой разлучена—
Грущу, покорна и блѣдна,
Какъ въ замкѣ межъ долинъ.
И вновь, какъ въ средніе вѣка,
Все тѣ же грезы и тоска,
Все тотъ же властелинъ.

2.

Я вѣрю, я вѣрю въ загробныя тайны,
Въ блаженство и вѣчность неадѣшней страны.
Я вѣрю, что наши пути не случайны,
Я вѣрю въ мои вдохновенные сны.

Я вѣрю въ безсмертье, въ предѣлы страданья,
Въ грядущее царство святой красоты,
Въ побѣду желанья, въ вѣнецъ ожиданья,
И въ жизнь, и въ мои золотыя мечты.

Я вѣрю, что мы воскресаемъ вѣками,
Чтобъ снова и снова любить и страдать,
Что Разумъ Предвѣчный не дремлетъ надъ нами;
Я вѣрю въ судебъ роковую печать.

За мной, истомленные гнетомъ сомнѣній,
Вы — пьющіе жадно отъ мутной волны!
Мнѣ шепчутъ видѣнья моихъ откровеній,
Мнѣ свѣтятъ мои вдохновенные сны!

3.

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛЪ.

Черный ангелъ съ ликомъ властнымъ,
Вѣя стужей ледяной,
Тихо, голосомъ безстрастнымъ,
Мнѣ сказалъ: «Иди за мной.

Очи я тебѣ открою
На земную суету.
Свѣтъ увидишь за горою,
Лишь взойди на высоту».—

—«Черный ангелъ, жаждой жизни
Ужъ давно не дышитъ грудь,
Путь къ невѣдомой отчизнѣ
Пролагаю какъ нибудь.

Дольше легъ онъ или короче,
Шире, ѣже — все равно;
Слишкомъ ясно видятъ очи,
Слышать чутко мнѣ дано.

Но внемли мои молитвы
И слезамъ не прекословь,—
Не гаси на полѣ битвы
Материнскую любовь».

Внялъ моленью ангелъ строгій,
Черной тѣнью отлетя.
Дальше — скучною дорогой —
Понесу мое дитя.

М. Лохвицкая.

НА ПОЛЮСѢ.

Драматическая фантазія.

Царь снѣговъ. *Сѣверное сіяніе.*
Зима. *Миражъ.*
Льдины. *Призраки. Молчаніе.*

ЦАРЬ СНѢГОВЪ.

Мой тронъ блеститъ игрою звѣздной,
Когда какъ кровь алѣетъ день.
Плыветъ дыханьемъ паръ морозный
Отъ ледяныхъ его ступень.
Молчанье спитъ, не слышно эха,
Повсюду блескъ и серебро,
И солнца шаръ, какъ бы ядро
Окровавленнаго орѣха,
Горитъ въ далекой вышинѣ...
И я живу — и страшно мнѣ!
Исхода нѣтъ...

ЗИМА.

О, старецъ-царь!
Сюда отъ стужи я и скуки...
Меня знобитъ, трясутся руки...
О, подогрѣй зари алтарь,—
Дохни!

ЦАРЬ СНѢГОВЪ.

Ахъ, я надъ ней не властенъ.
Она блѣднѣй — едва дохну...

ЗИМА.

О, царь, зажги тогда луну,—
Ты къ ней такъ нѣженъ, такъ пристрастенъ.

Заря гаснетъ. Восходитъ луна.

ПРИЗРАКИ.

Безучастная святыня,
Вдохновенная луна!—
Здѣсь морозы, здѣсь пустыня,—
Тишина... и тишина!
Мы не молимся, не плачемъ,
Одиноки и сильны
Мы пути еще означимъ
Въ этотъ сумракъ тишины!

Зажигается сѣверное сіяніе.

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ.

Родилося... зажглося...
Мгновеніемъ живу!
Я — свѣточъ изъ хаоса
И сонъ я наяву.
Морозами умоюсь,
Растаю въ вышинѣ...
Моя отчизна — полюсъ,
И смерть моя въ огнѣ.

Таетъ. Идутъ льдины

ЛЬДИНЫ.

Насъ побѣждаютъ!..
Покой нашъ разрушенъ.
Таютъ и таютъ,
И воздухъ намъ душенъ!
Ломятъ намъ спины
Парами, желѣзомъ.
Бѣдныя льдины,—
Трещимъ подъ нарѣзомъ,
Горе намъ, горе!
Кто то съ востока
Тянетъ насъ въ море,
Далеко... далеко!...

Даль сверкается электричествомъ. Слышно громыханіе кораблей. Въ вышинѣ показываются воздушные шары.

МОЛЧАНІЕ.

Кто потревожилъ меня?
Кто? — Я дремало отъ вѣка!
Страшны мнѣ грохоты новаго дня,
Страшенъ напоръ человѣка!
Кто потревожилъ меня?

Является миражъ въ часъ забрезжившаго утра. Вырисовываются въ вышинѣ башни, мачты кораблей, трубы. Проходятъ силуэты людей, ѣдутъ повозки, мчатся всадники, проѣзжаютъ орудія и развѣваются знамена.

МИРАЖЪ.

О, пробудися, царь сѣверовъ,—
Взгляни на вѣщую картину!
Твою морозную равнину
Шатаютъ полчища враговъ.

Льдины.

Мы дѣвственно-чисты,
Мы нѣжно-свѣтлы!
И бѣлые сфинксы —
Медвѣди полярные —
Въ объятіяхъ нашихъ
Лежатъ цѣломудренно!
О, что отъ насъ надобно!
Насъ рушатъ, мы падаемъ,
Тѣснимся, и въ натискѣ
Впервые озлоблены!
О, дайте молчаніе
И миръ неподвижности...
О, призраки, призраки,
Спасите!.. Мы рушимся!

Призраки появляются въ туманахъ и принимаютъ очертанія новыхъ растеній и звѣрей.

ПРИЗРАКИ.

Мы околчаемся,
Призраки властные!
Мы облекаемся
Въ ткани ужасныя!—
Гдѣ наши лиліи звѣздныя,
Тонкія иглы отъ инея?..
Гдѣ наши звѣздочки синія,
Пальмы на льдинахъ морозныя?
Мы облекаемся въ трепетъ...
Нѣтъ у насъ больше молчанія,
Въ насъ пробуждается лепетъ,
Соки и жажды желанія...

ЛЬДИНЫ.

Хрусталь нашъ дѣвственный,
Покровъ невинности,
Ужель окончите
Вы кровью алою?

ПРИЗРАКИ.

Нѣтъ, не мы!.. а тѣ, другіе,—
Чье дыханье вѣетъ тутъ,—
Ставятъ сѣти роковыя,
Гонятъ, ломятъ и гнетутъ!
Ополчайтеся всѣ силы
Нашихъ сѣверныхъ вѣтровъ,—
И молчаніе могилы
Охраните отъ враговъ!
Въ снѣжныхъ безднахъ, въ синихъ глыбахъ,
Возмутите свой хаосъ,—
И на бѣшеныхъ изгибахъ
Бросьте вызовъ въ царство грозъ!..

Налетаютъ вихри; вздуваются льдины. Колеблется почва — и молчаніе подымаетъ смерчъ. Клубы волнъ врываются на полюсъ, рушатся ледяныя горы. Вдали слышны вопли, звуки колоколовъ и набата. Океаны выступаютъ изъ береговъ.

К. Фофановъ.

1901 г. Октябрь, Гатчина.

1.

Вдоль каменной ограды,
Надъ холодомъ рѣки,
Иду, — поникли взгляды,
А думы далеки.
Ихъ путь сознанью вѣдомъ,
Но теменъ ихъ предѣлъ...
Туда, за ними слѣдомъ
Пойти бы не посмѣлъ.
Но цѣпи здѣсь покину
— Въ тревогѣ безъ конца—
Тогда прильну я къ Сыну
Единаго Отца.
Къ немыслимому лону,
Сквозь бездны бытія,
Пойду, какъ бы по склону,—
О Тихая Семья...
Навѣки бросивъ цѣпи,
Борьбы слѣпой порывъ,
Земныхъ великолѣпій
Усладу переживъ.

2.

Я весной не жалѣю нисколько о времени...
Только бъ чувствовать — все горячѣй, горячѣй
Золотятся, играютъ на темени
Поцѣлуи всесильныхъ лучей.

Да слѣдить неустанно за взбухшими почками,
Запримѣтить травинокъ таинственный ростъ,
И гадать при мерцаніи звѣздъ,
Задрожавшихъ прозрачными точками.

Сопричастнымъ почуять себя на мгновеніе
Опьяненной любовью весенней борьбѣ,
Золотого тепла вожделѣнію,
Облакамъ, дуновенью, — тебѣ.

3.

Моей души изнеможенной,
Души забытой, — каждый сонъ
Въ одно съ ея темницей лоно,
Съ безгласной плотью заключенъ.

Волнуя плоть, какъ пламень бѣлый,
Бѣжитъ сознанія струя...
Но тѣ же видимы предѣлы,
Все тѣ же грани бытія.

Равно, равно для Бога дорогъ
Былой и новой жизни мигъ.
Лишь былъ бы взглядъ во вѣки зорокъ,
Просторъ всегда во всемъ великъ.

Дмитрій Фридбергъ.

1.

ВЪ ЛАБИРИНТѢ.

Только бъ слово, только слово уловить,—
Чтобы въ словѣ мнѣ найти живую нить!..

А безъ нити — я, блуждая, изнемогъ
Въ лабиринтѣ злыхъ сомнѣній и тревогъ.

Тамъ — чудовище пороковъ и страстей—
Минотавра умертвилъ я, какъ Тезей.

Жаднымъ взоромъ я пронизываю мглу:
Капли крови на стѣнахъ и на полу,—

Но нигдѣ, нигдѣ, куда не погляжу,
Къ свѣту выхода себѣ не нахожу;

Всюду своды, переходы, потолки...
Нѣтъ спасающей и любящей руки,

Чтобъ подать путеводительную нить...
Хоть бы слово, только слово уловить!..

2.

СРЕДИ БОЛОТЪ.

Ни во снѣ, ни наяву—
Словно въ сказкѣ я живу,
Словно вѣщій чародѣй
Завладѣлъ ладьей моей
И ведетъ меня, ведетъ
По протокамъ средь болотъ,—
Гдѣ безжизненно мертва
Никнетъ сонная трава,
Распускаются цвѣты
И надъ тиной и водой
Поднимаютъ вѣнчикъ свой...
Вотъ въ причудливый узоръ
Переплелся травъ коверъ,
И камышъ береговой
Всталъ зеленою стѣной...
Но безмолвье, тишина,
Словно въ царствѣ грезъ и сна...
Хоть бы звукъ одинъ живой
Пролетѣлъ въ тиши ночной,
Хоть бы крикъ иль хоть бы стонъ
Перервалъ болотный сонъ!..

В. Кориновъ.

ИЗМѢНА.

Я на твой поцѣлуй не отвѣтила—
До того ли мнѣ было?
Въ этотъ мигъ я тебя не замѣтила—
Вѣдь луна всходила.

Поднялась золотая, красная,—
Чуть улыбку тая,
И шепнула мнѣ тихо, всевластная:
«Ты моя, моя!»

Но сейчасъ облака быстролетныя
Закрыли ее вуалью,
И тебѣ поцѣлуи безсчетныя
Отдаю съ печалью.

НАВОЖДЕНІЕ.

Кто позволилъ тебѣ, предразсвѣтный туманъ,
Мои бѣдныя очи слѣпить,
И кольцомъ обвивать мой робѣющій станъ,
И прохладою сердце томить?
Кто позволилъ тебѣ, о смѣющійся гномъ,
Мои черные кудри лобзать,
И въ безмолвьи ночномъ ядовитымъ гребнемъ
Надъ зеленымъ болотомъ чесать?

Какъ осмѣлилась ты, о летучая мышь,
На плечѣ моемъ травы плести?
И не страшно тебѣ, многострунный камышъ,
Заговорныя рѣчи вести?
Чу!.. На небѣ сквозь тающій облачный дымъ
Проступила пурпурная кровь...
И разсѣетъ заря эти чары вокругъ,
Навожденія злую любовь.

СЕСТРѢ.

...Гдѣ, скажи мнѣ, была корона?
Кто низвелъ меня съ пышнаго трона?
И въ простую одежду одѣлъ,
И равсудку внимать не велѣлъ?

Что глядишь ты съ печалью такою?
Я кажусь тебѣ странной, больною?
Золотистую пряжу прясти
Суждено мнѣ на этомъ пути.

Въ золотистую пряжу изъ свѣта
Я должна, я хочу быть одѣта!
Подожди... Ты увидишь меня
Королевой лазурнаго дня.

Анастасія Мировичъ.

МОЙ ПѢСЕННИКЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

По улицамъ узкимъ, и въ шумѣ и ночью, въ театрахъ, въ садахъ я бродилъ,
И въ явственной думѣ грядущее видя, за жизнью, за сущимъ слѣдилъ.
Я пѣсни слагалъ вамъ о счастьи, о страсти, о птицахъ, словахъ и путяхъ,
О прежнихъ столицахъ, о будущей власти, о всемъ, распростертомъ во прахъ.
Спокойныя башни, и бѣлыя стѣны, и пѣна раздавленныхъ рѣкъ
Въ восторгѣ всегдашнемъ дрожали, внимали стихамъ, прозвучавшимъ навѣкъ.
И дѣвы и юноши встали, встрѣчая, внимая меня какъ царя,
И тѣнямъ подобно лилась по ступенямъ потокомъ широкимъ заря.
Довольно, довольно! я васъ покидаю! берите и сны и слова!
Я къ новому раю спѣшу, убѣгаю, мечта неизмѣнно жива!
Я создалъ и отдалъ, и поднялъ я молотъ, чтобъ снова сначала ковать.
Я счастливъ и силенъ, свободенъ и молодъ, творю, чтобы кинуть опять.

I

(ФАБРИЧНАЯ).

Какъ пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарилъ онъ ей цвѣтокъ —
Темносиній василекъ.

Я ль не звалъ ее въ бесѣдку?
Предлагалъ я ей браслетку.
Она сердца не взяла,
И съ другимъ гулять пошла.

Какъ они другъ другу любы!
Онъ ее цѣлуетъ въ губы.
И не стыдно имъ людей,
И меня не видно ей.

Онъ улеститъ, онъ упроситъ,
Стыдъ дѣвичій она броситъ.
Ихъ до дома провожу,
Передъ дверью посижу.

Будетъ лампы свѣтъ въ окошкѣ...
Различу ея сережки...
Вдругъ погаснетъ тихій свѣтъ,
Я вздохну ему въ отвѣтъ.

Буду ждать я утра въ скверѣ,
Она выйдетъ изъ той двери.
На груди ея цвѣтокъ, —
Синій, сиятый василекъ.

II

(фабричная).

Есть улица въ нашей столицѣ,
Есть домикъ, и въ домикѣ томъ
Ты пятую ночь въ огневицѣ
Лежишь на одрѣ роковомъ.

И каждую ночь регулярно
Я здѣсь подъ окошкомъ стою,
И сердце мое благодарно,
Что видитъ лампадку твою.

Ахъ, если бъ ты чуяла, знала,
Чье сердце стучитъ у окна!
Ахъ, если бъ во снѣ угадала,
Чья тѣнь поминутно видна!

Не снятся ль тебѣ наши встрѣчи
На улицѣ, въ жуткій морозъ,
Иль наши любовныя рѣчи
И ласки, и ласки до слезъ!

Твой мужъ, задремавши на стулѣ,
Проспитъ, что ты шепчешь въ бреду;
А я до зари караулю
И только при солнцѣ уйду.

Мнѣ вечеромъ дворники скажутъ,
Что ты поутру отошла,
И молча въ окошко укажутъ
Тебя посреди́нѣ стола.

Войти я къ тебѣ не посмѣю,
Но, немый поклонъ положивъ,
Пойду изъ столицы въ Рассею
Рылать на раздоліи нивъ.

Я въ камнѣхъ промучился долго
И въ нихъ загубилъ я свой вѣкъ.
Прими меня, матушка Волга,
Царица великая рѣкъ.

III

(солдатская).

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что ль?
Шапками ихъ закидаемъ!
Воевать хотятъ? — Изволь.

Колотили мы и шведовъ
Подъ Полтавой въ дни Петра,
Или внуки хуже дѣдовъ?
Или та прошла пора?

Фридрихъ нѣмецъ куралесилъ,
Къ намъ совался, вражій сынъ.
Мы ему посбяли спеси,
Хвать — и заняли Берлинъ.

Бонапарте велъ французовъ,
Жегъ Москву, а вотъ пойди жъ!
Заморилъ ихъ всѣхъ Кутузовъ,
Да и мы пришли въ Парижъ.

Подступали англичане
И на Крымѣ обожглись.
Севастопольскія брани
Въ мірѣ громомъ отдались.

Ну, а что до этихъ турокъ,
Это намъ бывалый врагъ.
Жаль, султанъ ихъ очень юрокъ,—
Не добьешь его никакъ.

Итальянцевъ нашъ Суворовъ
Артикуламъ обучалъ;
И смирилъ поляковъ свой норовъ,
Въ дни когда забунтовалъ.

Мы взбѣжали на Памиры,
Съ нихъ не двинемся назадъ.
Императорской порфиры
Край упалъ на Арарагъ.

Отъ Индіи до Карпатовъ
Рѣки, горы и моря
Нашихъ видѣли солдатовъ,
Силы бѣлаго Царя.

Такъ-то, братцы, и съ Китаемъ
Церемониться намъ что ль?
Шапками ихъ закидаемъ.
Воевать хотятъ? — Изволь.

IV

(сборщиковъ).

Пожертвуйте, благодѣтели,
На новый колоколъ,
Гласъ Господень.
Звонъ колокольный
Съ призывомъ ангельскимъ
Дивно сходенъ.

Святые отшельники
Въ видѣньяхъ слышали
Ликъ небесный;
Святые отшельники
Вѣрно запомнили
Нездѣшнія пѣсни.

Нашъ звонъ православный
Напѣвомъ ангельскимъ
Поетъ и трубитъ.
Пожертвуйте, православные,
На новой колоколъ,
Что̀ милость будетъ.

Васъ Богъ не забудетъ.

V

(дѣтская).

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тѣни свѣсило,
Развеумимся весело,
Бѣгать намъ пора!

Разъ, два, три, четыре, пять,
Бѣгомъ тѣни не догнать.
Слово скажешь, въ траву ляжешь,
Черной цѣни не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между нихъ вертись, вертись.

Что подъ нами, подъ цвѣтами,
За желѣзными столбами?
Кто на тронѣ? кто въ коронѣ?
Вѣтеръ высью листья гонитъ
И уронитъ съ высоты...
Я ли первый, или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тѣни свѣсило,
Постучи ка весело
Посреди двора.

VI

(веселая).

Дай мнѣ, Ваня, четвертакъ,
Пожертвуй полтинникъ.
Что ты нынче веселъ такъ,
Словно именинникъ.

Раскошелься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты.

Надо жить, чтобъ пьяной быть
Въ лежку до обѣда,
Чтобъ поутру не тужить
До тоски, до бреда!

Чтобы щеки отъ тѣхъ слезъ,
Бѣлыя, не пухли,
Я румянюсь ярче розъ,
Подвиваю букли.

Если жъ станетъ невтерпежъ
Съ мутнаго похмелья,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.

Буду ждать я часъ-другой,
Гдѣ то мой сударикъ?
Помни, помни, другъ милой,
Красненькій фонарикъ.

Валерій Брюсовъ.

I

ЗИМНІЙ ГОЛОСЪ

...The breath of these rude days
Rocks the year...
Shelley.

О старость могучая круглаго года,
Тебя я привѣтствую вновь.
Я юнъ, какъ мечта, и я старъ, какъ природа,
Хранитель событій и сновъ.

Такъ радостно осени вѣтры свистали,
Носясь по живымъ, зеленямъ,
И столько безумныхъ дождей наметали,
Рыдая по сгубленнымъ днямъ.

Великому жизнь обреклась запустѣнью,
И ждалъ обездоленный міръ:
Ужели же смерти не минуть растенью,
И край навсегда уже сиръ?

И вѣтры съ невѣдомыхъ странъ налетѣли
Подъ вечеръ промокшаго дня,
И росы хрустальныя къ утру осѣли,
Таинственный холодъ храня.

Такъ славлю я снова священныя зимы,
Пусть грѣются зерна, что грезятъ въ землѣ,
И мыслей посѣвъ, дальновидный, озимый,
Медлительно всходитъ въ челѣ!

3 ноября 1899 г.

II

Откуда силы воли странныя?
Не отъ живыхъ плотей ихъ жаръ.
Но небеса парятъ, пространныя,
И пламень влажный льютъ мнѣ въ даръ.

А все мила земля дебелая,
Какъ дивенъ бѣдный вешній цвѣтъ!
И въ сладкой страсти нива спѣлая,
И щокотъ славій — дерзкій бредъ.

И кровь кипитъ въ самозабвеніи
И вѣритъ, пламенно любя.
Захлебываясь хмелемъ рвенія,
Кто юнъ, не сознаетъ себя.

Въ согласьѣ древнемъ мощь животная
Съ великодушной страстью дѣлъ.
И родъ летитъ: онъ плоть безплотная.
Но хочетъ личный духъ быть цѣлъ.

Ахъ, личность жаждетъ цѣломудрія.
Средь пышныхъ рощъ, холмовъ, луговъ
Молюсь на облачные кудри я,
На сонмы вѣчные боговъ.

22 декабря 1899 г.

III

ВЗРЫВЫ ВОДЪ.

Ликующіе волны-звѣри,
Бѣлоголовые зубры,
Хвала стремящей вашей вѣрѣ,
Надеждѣ дерзостной игры!

Въ пустыняхъ гама несвободныхъ,
Гдѣ съ пыли высохла гортань,
Толпѣ скитальцевъ сумасбродныхъ,
Тоскѣ, унынью несъ я дань:

И въ боръ пушистый, въ боръ корнистый
Меня привелъ младенецъ-богъ.
И тамъ распѣлся голосистый
Широкопѣнистый порогъ.

Я былъ спокойный и согбенный,
И обуялъ меня испугъ.
Я окропленъ святою пѣной,
И гуломъ захлебнулся духъ.

1900 мая 30. Имотта.

IV

Вотъ опять ужъ вы объяли, о весеннія дали,
Сердца бѣднаго занывающую грусть.
Ахъ, что раньше вы мнѣ дали, что раньше подсказали,
Я вѣдь знаю ужъ давно наизусть.

Что жь, прости—скажу истомѣ; какъ въ святомъ водоемѣ,
Въ лучезарныхъ искупаюся струяхъ
Въ жизни сдавленномъ объемѣ, въ этомъ замкнутомъ домѣ
Буду жить я, какъ въ волшебныхъ краяхъ.

Ив. Коневской.

ВЕЛИКОМУ БРАТУ.

Учитель! Жрецъ преданія сѣдого,
Вновь письмена твои меня живятъ.
Твой взоръ меня ласкаетъ снова,
И узнаю я свой магическій нарядъ.
Мы въ строгой комнатѣ, мы въ строгомъ мракѣ,
Не слышенъ городъ за цвѣтнымъ стекломъ.
Кругъ сомкнутъ, выставлены знаки...
И въ кругѣ мы съ тобой вдвоемъ!
Жезломъ моя рука къ землѣ гнетется,
Но ты хранишь безсиліе мое...
Чу! всадникъ огненный во весь опоръ несется,
Намъ въ сердце устремивъ копье.
Чу! тысячи встаютъ безформенныхъ, безликихъ,
И малыхъ, сильныхъ множествомъ своимъ...
Но мы пройдемъ сквозь сонмъ до тайнъ великихъ,
И дикій міръ развѣется какъ дымъ.
Да, я стою съ Тобою рядомъ,
Такой же древній, какъ и Ты.
И я горжусь магическимъ нарядомъ:
Мы одиноки и чисты!

А. Л. Миропольскій.

ОДНО И ТО ЖЕ.

Я сплю иль умерла — одно и то же.
Кровать иль гробъ,—но тѣсны мнѣ они.
Прервутся ли мелькающіе дни,
Иль вѣчность будетъ длить одно и то же.

Въ домахъ у всѣхъ людей одно и то же.
Въ домахъ мы узники — всегда одни.
Дома людей — большія западни.
Въ нихъ жизнь и смерть почти одно и тоже.

Я въ домъ вошла въ разсвѣтный часъ, весной,
Но мракъ стоялъ за мертвыми стѣнами.
Я въ домъ вошла съ небесными мечтами,

Но погрузилась въ блѣдный сонъ земной.
Я въ домъ вошла съ весельемъ и цвѣтами,
Но плача дверь захлопнулась за мной.

Л. Вилькина.

Кристаллы снѣжныхъ облаковъ
Въ горахъ повисли безъ движенья.
Ихъ нѣжитъ холодъ ледниковъ
И тайна близкаго паденья

Но кинуть небо имъ не жаль,
Не страшно въ прахѣ раствориться.
Имъ превращеній новыхъ даль
Какъ чей то сонъ безцѣльный снится.

В. Г. М.

I

УТРЕННІЯ ПѢСНИ.

1

Просіяла заря передъ шествіемъ дня,
Ночь скликаетъ къ ущельямъ туманы,—
И жемчужной толпой, въ поясахъ изъ огня,
Разступаются тучъ караваны.

Обнажился просторъ средь росистыхъ равнинъ,
Въ безконечность откинулись дали,
Будто съ Божьихъ высотъ, съ заповѣдныхъ глубинъ,
Всѣ завѣсы надъ міромъ упали.

Дрогнулъ сонный заливъ — вырастаетъ волна,
Загремѣла въ неистовствѣ дикомъ,—
И разбилась, какъ звонкій сосудъ, тишина
Въ ликованіи утра великомъ...

2

День идетъ! Скользнувъ по тучамъ,
Льется—брызжетъ на просторъ,
Сыплетъ золотомъ по кручамъ,
По вершинамъ сонныхъ горъ;

Въ тишь бросаетъ щебетанье—
Въ чутко дремлющемъ лѣсу—
И алмазное сіянье
Въ серебристую росу;

Все знойнѣе, все отвѣснѣй,
Жизни свѣтлый властелинъ—
Лучъ живой живою пѣсней
Будитъ сонныхъ средь долинъ—

И предъ пиршествомъ раздольнымъ
Въ шумный праздникъ бытія
Съ крикомъ радостнымъ и вольнымъ,
Будто звономъ колокольнымъ,
Пробуждается земля!

3

Благословляю васъ, росистыя поля,
На долгій цвѣтъ подъ сѣнію лазури,
На гнѣвный громъ и вихрь случайной бури,—
На всю истому пламеннаго дня.

Вашъ радостный просторъ мой духъ освобождаетъ
Отъ горькой слѣпоты незнанья моего,
И въ полнотѣ восторга сердце постигаетъ
Премудрость Пахаря и замысловъ Его.

И вотъ, во храмѣ дня — предъ Божьимъ аналоемъ—
Предъ вами, я съ молитвою стою
И, воспылавъ, какъ вы, небесъ лазурнымъ зноемъ,
Довѣрчиво внимаю бытію.

Я съ вашимъ шелестомъ свой тихій вздохъ сливаю.
Мнѣ легокъ плѣнъ земли! Всю боль минувшихъ ранъ
Я съ тайной радостью, смиряясь, забываю,—

Красуйся, шелести, зеленый океанъ!

II

СОНЪ.

Мнѣ снилось: я лежалъ уже въ землѣ сырой...
Осенній вѣтеръ выл надъ урной одинокой.
И вновь вернулся я тоскующей мечтой
Къ порѣ своей земной, забытой и далекой.

Въ безжизненной игрѣ томительныхъ тѣней
Я скорбно различалъ всю нищету былого,
Весь ужасъ и позоръ моихъ минувшихъ дней,
Растраченныхъ средь странствія земного.

И дрогнула душа отъ муки и стыда,
И жегъ, какъ молнія, воскресшій образъ каждый,
Какъ непосильныхъ пытокъ череда
Иль адскій пламень бесконечной жажды.

И понялъ я, что жизнь — святая благодать,
И алчною душой рванулся изъ могилы
Минувшее предъ Богомъ оправдать—
Но въ скованной груди не оказалось силы.

И тяжелѣй земля на грудь мою легла...
Въ усиліи мучительно-безплодномъ
Я плакалъ и стоналъ въ гробу моемъ холодномъ
И бился какъ въ когтяхъ у хищника - орла.

А рядомъ помнилось минувшее сіянье,
Восторги бытія, простора ликованье,
И славой, и огнемъ пылавшій небосклонъ,—
Узнайте, мертвецы: — бываетъ страшный сонъ!

III

Мнѣ шумно пѣлъ взыгравшій валъ морской:
«Мнѣ берегъ—не пріютъ, затишье—не покой!
Я созданъ для вражды застигнутыхъ тревогой.
А не съ кѣмъ вдаль бѣжать,— взыграю и одинъ.
Мнѣ краше грезами невѣрный сонъ глубинъ,
Чѣмъ мирный сонъ на отмели пологой!»

Мнѣ крикнула ушедшая звѣзда:
«Теперь твоя святая череда!
Порвавъ ночную тьму мгновеньемъ огневымъ,
Сверкни надъ міромъ пламенемъ живымъ
И, ослѣпивъ людей, погасни, какъ мечта,
Чтобъ тяжелѣе сонмымъ стала темнота!»

IV

Ц В Ѣ Т О К Ъ.

(Н. Г. Филянскому).

Цвѣтокъ случайный, полевой,
Я—твой двойникъ, я—рыцарь твой!

Какъ ты узоръ по лепестку,
Свои мечты я въ сердцѣ тку.

Тебѣ я грезами сродни,
И въ цѣломъ мірѣ мы одни!

Намъ хлѣбъ—забота нипочёмъ,
Мы можемъ жить однимъ лучемъ.

Цвѣтокъ мой, слушай, не дыши,—
Мы—двѣ раскрывшихся души!

Одна весна намъ въ мірѣ мать,
Мы будемъ вмѣстѣ умирать,

Мы—вся нарядность бытія,
Насъ въ мірѣ двое: ты да я!

V

ОТЧАЯНЬЕ.

Кругомъ весь день стояла тишина...
И будто въ пытках трудныхъ замирая,
Земля томилась, словно грудь живая,
И каждый часъ былъ часъ мучительнаго сна.

Къ померкшимъ небесамъ струился дымъ долинъ,
Слагаясь въ смерчи, въ сумрачныя зданья—
И плакалъ въ тишинѣ на свѣтѣ не одинъ
Слезами горькими молитвы и незнанья.

Порою листъ на землю упадалъ
И какъ предъ знаменемъ поникравшейся недоли
Съ безуміемъ въ главахъ дрожалъ и старъ и малъ
И разрывалась грудь отъ трепета и боли.

И въ тайномъ ужасѣ, сковавшемъ всѣ сердца,
Оцѣпенѣлый міръ алкалъ освобожденья—
Разъятія желѣзнаго кольца,
Но не было ни смерти, ни рожденья...

VI

Я весь поникъ предъ Господомъ моимъ,—
Предъ таинствомъ полуночи безднной
И чудомъ дня Его съ разсѣтомъ золотымъ,
Поющаго въ долинѣ пробужденной.

Заря ль сверкнетъ сквозь воздухъ благовонный
Иль на поля вечерній дяжетъ дымъ,
Я возношусь душой освобожденной
Въ пространства вѣчныя—за Нимъ.

Свѣтаетъ даль земныхъ моихъ путей
И дольній сумракъ призрачныхъ страстей,
Безмолвнѣе душевная тревога.

Возстаньте, спящіе у Божьяго порога,
И, воздѣвая руки къ звѣзднымъ небесамъ,
Войдите, поздніе, во храмъ!

Ю. Балтрушайтисъ.

ГЕКЗАМЕТРЫ.

I.

Старость, угрюмая старость—холодное смерти преддверье—
Тьма не страшна мнѣ твоя, снѣгъ и туманы твои:
Вижу въ тебѣ откровеніе новаго тихаго счастья—
Разума вольный просторъ, царство спокойной любви.

II.

Тонкое пламя костра надъ облакомъ ѣдкаго дыма
Къ общему свѣта источнику—къ солнцу великому рвется:
Также и ты, неустанно-тоскующій духъ человѣка,
Къ вѣчному, дальнему Солнцу изъ сумрака міра стремишься.

П. Перцовъ.

ИЗЪ КНИГИ «БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ».

I. ВОЛЯ.

Неужели же я буду такъ зависѣть отъ людей,
Что не весь отдамся чуду мысли пламенной моей?

Неужели же я буду колебаться на пути,
Если сердце мнѣ велѣло въ неизвѣстное итти?

Нѣтъ, не буду, нѣтъ не буду я обманывать звѣзду,
Чей огонь мнѣ ярко свѣтитъ, и къ которой я иду.

Высшимъ знакомъ я отмѣченъ, и не помня никого,
Буду слушаться повсюду только сердца своего.

Если море повстрѣчаю, въ глубинѣ я утону,
Видя воздухъ полный свѣта и прозрачную волну.

Если горныя вершины развернутся предо мной,
Въ снѣжномъ царствѣ я застыну подъ серебряной луной.

Если къ пропасти приду я, загляднѣвшись на звѣзду,
Буду падать, не жалѣя, что на камни упаду.

Но повсюду вѣчно чуду буду вѣрить я мечтой.
Буду вольнымъ и красивымъ, буду сказкой золотой.

Если-жъ кто-нибудь захочетъ измѣнить мою судьбу,
Онъ въ раю со мною будетъ — или въ замкнутомъ гробу.

Для себя ища свободы, я ее другому дамъ.
Или вмѣстѣ будетъ тѣсно, слишкомъ тѣсно будетъ намъ.

Такъ и знайте, понимайте звонкій голосъ этихъ струнъ:
Влага можетъ быть прозрачной — и возникнутъ, какъ буруны.

Солнце ландыши ласкаетъ, ихъ сплетаетъ въ хороводъ,
А захочетъ, и зардѣетъ, и пожаръ въ степи зажжетъ.

Но согрѣю ль я другого, или я его убью,
Неизмѣнной сохраню я душу вольную мою.

2. ВЪ ДОМАХЪ.

Въ мучительно-тѣсныхъ громадахъ домовъ
Живутъ некрасивые блѣдные люди,
Окованы памятью вышедшихъ словъ,
Забывши о творческомъ чудѣ.

Все скучно въ ихъ жизни. Полюбятъ кого,
Сейчасъ же наложатъ тяжелыя цѣпи.
«Ну, что же, ты счастливъ»? — «Да, что-жъ... Ничего»...
О, да, ничего нѣтъ нелѣпѣй!

И чахнутъ, замкнувшись въ гробницахъ своихъ.
А гдѣ то по воздуху носятся птицы.
Что птицы! Мудрѣй привидѣній людскихъ
Жуки, пауки и мокрицы.

Все цѣлью въ просторахъ безплодныхъ пустынь,
Желанье свободно уходитъ къ желанью.
Тамъ нѣтъ заподозрѣнныхъ чувствомъ святынь,
Тамъ нѣтъ пригвожденій къ преданью.

Свобода! Свобода! Кто понялъ тебя,
Тотъ знаетъ, какъ вольны разливныя рѣки,
И если лавина несется — губя,
Лавина прекрасна навѣки.

Кто близокъ былъ къ смерти и видѣлъ ее,
Тотъ знаетъ, что жизнь глубока и прекрасна.
О, люди, я вслушался въ сердце свое,
И знаю, что ваше несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...
Но вотъ предо мною захлопнулись двери,
И въ клѣточкахъ гномы застыли опять,
Лепечутъ: «Мы люди, не звѣри».

Я проклялъ васъ, люди. Живите впотьмахъ.
Тоскуйте въ размѣренной чинной боязни.
Блѣднѣйте въ мучительныхъ вашихъ домахъ.
Вы къ казни идете отъ казни!

3. ЧУЖОЙ.

Мы унижаемся и споримъ
Съ своею собственной душой.
Я на годъ надышался моремъ,
И на годъ я для всѣхъ чужой.

Своихъ я бросилъ въ чуждыхъ странахъ,
Ушелъ туда, гдѣ гулъ волны,
Тонулъ въ серебряныхъ туманахъ,
И видѣлъ царственные сны.

Въ прозрачномъ взорѣ отражая
Всю безграничность блѣдныхъ водъ,
Моя душа, для всѣхъ чужая,
Непостижимостью живетъ.

Понявъ подвижность легкой пѣны,
Я создаю дрожащій стихъ,
И такъ люблю свои измѣны,
Какъ неизмѣнность всѣхъ своихъ.

Недѣли странствій миновали,
Я къ нимъ вернусь для тишины,
Для нерасказанной печали
И для сверканія струны.

Въ тотъ часъ, когда погаснетъ солнце,
Она забьется, запоетъ,
Свѣтлѣе звонкаго червонца
И полнозвучнѣй синихъ водъ.

4. АРУМЪ.

Тропическій цвѣтокъ, багряно-пышный арумъ,
Твои цвѣты горятъ ликующимъ пожаромъ.

Твои листы грозятъ, нельзя ихъ позабыть,
Какъ копья, чья судьба — орудьемъ смерти быть.

Цвѣтокъ - чудовище, надменный и злокій,
Съ недобрымъ пламенемъ, съ двуцвѣтной поволокой.

Снаружи блещущей сіяніемъ зари,
Свѣтло-пурпуровой, и черною внутри.

Губительный цвѣтокъ, непобѣдимый арумъ,
Я преданъ всей душой твоимъ могучимъ чарамъ.

Я знаю, что они такъ пышно мнѣ сулятъ:
Съ любовнымъ праздникомъ въ нихъ дышитъ жгучій ядъ.

5.

Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ!
Изъ сочныхъ гроздей нѣжди свивать!
Хочу упиться росистымъ тѣломъ,
Хочу одежды съ тебя сорвать!

Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья въ одно сольемъ!
Уйдите, боги! уйдите, люди!
Мнѣ сладко съ нею побыть вдвоемъ.

Пусть завтра будетъ и мракъ, и холодъ,
Сегодня сердце отдамъ лучу.
Я буду счастливъ, я буду молодъ.
Я буду дерзокъ! Я такъ хочу!

ИЗЪ ПОЭМЫ «ХУДОЖНИКЪ ДЬЯВОЛЪ».

I. НАВОЖДЕНІЕ.

Когда я спалъ, ко мнѣ явился Дьяволъ,
И говорилъ: «Я сдѣлалъ все, что могъ:
«Искателемъ въ моряхъ безвѣстныхъ плавалъ,—

«Какъ пилигримъ, въ пустыняхъ мялъ песокъ,
«Ходилъ по тюрьмамъ, избамъ и больницамъ,
«Все выполнилъ, и мой окончен срокъ.»

И мыслямъ, какъ поющимъ внемля птицамъ,
Я вопросилъ: «Ну, что же? Отыскалъ?»
Но былъ онъ какъ то страшно блѣднолицымъ.

Изъ двухъ, другъ въ друга смотрящихъ, зеркалъ
Глядѣли тѣни комнаты застывшей,
Кругъ мѣсяца въ окно изъ нихъ сверкалъ.

И Дьяволъ, блѣдный обликъ свой склонивши,
Стоялъ, какъ нѣкій богъ, и зеркала
Тотъликъ зажгли, двукратно повторивши.

Я чувствовалъ, что мгла кругомъ жила,
Во мнѣ конецъ съ началомъ были слиты,
И ночь была волнующе - свѣтла.

Вокругъ окна, волшебно перевиты,
Качались виноградные листы,
Подъ мѣсяцемъ, какъ будто всѣмъ забыты.

Предавшись чарамъ этой красоты,
Какой то міръ увидѣлъ я впервые,
И говорю: «Ну, что же? Я и ты,—

«Все ты, да я, да ты: полуживые,
«Мы тянемся, мы думаемъ, мы ждемъ.
«Куда жъ влекутъ насъ цѣпи роковыя?»

И онъ сказалъ: «Назначеннымъ путемъ
«Я проходилъ по царственнымъ озерамъ,
«Смотрѣлъ, какъ травы стынутъ подо льдомъ.

«Я шелъ болотомъ, лугомъ, полемъ, боромъ,
«Бросался дикимъ коршуномъ со скалъ,
«Винкалъ во все мѣняющимся изломъ.»

И я спросилъ: «Ну, что же? Отыскалъ?»
Но былъ онъ неизмѣнно блѣднолицымъ,
И дрогнулъ ликъ его межъ двухъ зеркалъ.

Зарницы такъ отвѣтствуютъ зарницамъ.
«Что жъ дальше?» И отвѣтилъ Дьяволъ мнѣ:
«Я путь направилъ къ сказочнымъ столицамъ.

«Тамъ блѣдны всѣ, тамъ молятся лунѣ.
«На всѣхъ тѣлахъ тамъ пышныя одежды.
«Кругомъ вода, волна поетъ волнѣ.

«Межъ снова припоминаній и надежды,
«Алѣютъ и цѣлуются уста,
«Сжимаются отъ сладострастья вѣжды.

«Отъ вѣка и до вѣка — красота.
«Волшебницы, подобныя тигрицамъ.
«Тамъ ласки, мысли, звуки и цвѣта».

И предамъ снамъ, ихъ стройнымъ вереницамъ,
Воскликнулъ я: «Ну, что же? Отыскалъ?»
Но Дьяволъ оставался блѣднолицымъ.

Изъ двухъ, другъ въ друга смотрящихъ, зеркалъ
Глядѣли сонмы призраковъ сплетенныхъ,
Какъ бы внезапно стихнувшій кагалъ.

Все тотъ же образъ, полный думъ безсонныхъ,
Дробился тамъ въ зеркальности на днѣ,
Мѣняясь въ сочетаньяхъ повторенныхъ.

Сомнамбулы тянулись къ вышинѣ.
И каждый духъ похожъ былъ на другого,
Всѣ вмѣстѣ стыли въ лунномъ полуснѣ.

И къ Дьяволу я обратился снова,
Въ четвертый разъ, и даже до семи:
«Что жъ? Отыскалъ?» Но онъ молчалъ сурово.

Умѣя обращаться со звѣрьми,
Я поманилъ царя мечты безсонной:
«Ты хочешь душу взять мою? Возьми.»

Но онъ стоялъ, какъ нѣкій богъ, склоненный,
И явственно увидѣлъ я, что онъ,
Весь бѣлый, весь лунно озаренный,—

Былъ снизу черной тѣнью повторенъ.
Увидѣвъ этотъ ужасъ раздвоеній,
Я простонялъ: «Уйди, хамелеонъ!

«Уйди, бродяга, полный измѣненій,
«Ты, между всѣхъ горящій блескомъ силъ,
«Безсильный отъ своей сокрыться тѣни!»

И страхъ меня смертельный пробудилъ.

2. ОСУЖДЕННЫЕ.

Онъ каждый день приходитъ къ намъ въ тюрьму,
Въ тотъ часъ когда, поднявшись до зенита,
Ликуетъ солнце, предвкушая тьму.

Въ его глазахъ вопросовъ столько слито,
Что, въ нихъ взглянувъ, невольно мы дрожимъ
И помнимъ то, что было позабыто.

Онъ смотритъ, какъ печальный серафимъ,
Онъ говоритъ безкровными устами,
И мы какъ осужденные предъ нимъ.

Онъ говоритъ: «Вы были въ стройномъ храмѣ,
«Тамъ сонмы ликовъ пѣли въ свѣтлой иглѣ,
«И въ окнахъ солнце искрилось надъ вами.

«Вы были какъ въ спокойномъ кораблѣ,
«Который тихо плылъ къ странѣ родимой.
«Зачѣмъ же измѣнили вы землѣ?»

«Разрушивъ храмъ въ тоскѣ неукротимой,
«Мѣняя направленье корабля,
«Вы плыли, плыли въ точкѣ еле-зримой, —

«Какъ буравомъ равнину водъ сверля
«Но глубь, сверкнувъ, росла водоворотомъ,
«И точка не встанала какъ земля.

«Все къ новымъ бѣдамъ, поискамъ, заботамъ
«Она вела васъ бѣглымъ огонькомъ,
«И смерть была за каждымъ поворотомъ.

«Вашъ умъ жестокомъ былъ для васъ врагомъ,
«Онъ васъ завлекъ въ безмѣрныя пустыни,
«Гдѣ всюду только пропасти кругомъ.

«Вотъ почему вы прокляты отнынѣ,
«Среди высокихъ плотныхъ этихъ стѣнъ,
«Съ душою, полной мрака и гордыни.

«Вѣка вѣковъ продлится этотъ плѣнъ.
«Припомните, какъ вы въ тюрьму попали,
«Искатели великихъ перемѣнъ.»

И мы, какъ раздробленныя скрижали,
Свой смыслъ утративъ, блѣдные, въ пыли,
Предъ нимъ скорбимъ, и нѣтъ конца печали.

Онъ снова рѣчь ведетъ, какъ бы вдали,
Хотя предъ нами взоръ его блестящій,
Въ которомъ всѣ созвѣздья свѣтъ зажгли.

Онъ говоритъ: «Вы помните, все чаще
«Вамъ скучно становилось между водъ,
«И смутно отъ дороги предстоящей.

«Но разъ попали вы въ водоворотъ,
«Вамъ нужно было все впередъ стремиться,
«И такъ свершать круги изъ года въ годъ.

«О, мука — въ безпредѣльности кружиться,
«Кончать, чтобъ вновь къ началу приходить,
«Желать, и никогда не насытиться!

«Все жъ въ самой жаждѣ — вамъ была хоть нить,
«Былъ хоть намекъ на сладость обладанья,
«Любовь была — въ желаніи любить.

«Но въ повторенья гаснутъ всѣ мечтанья,
«И какъ ни жди, но если тщетно ждешь,
«Есть роковой предѣлъ для ожиданья

«Искать свѣтилъ, и видѣть только ложь,
«Носить въ душѣ роскошный міръ созвучій,
«И знать, что въ яви къ нимъ не подойдешь.

«У васъ въ душѣ свинцомъ нависли тучи,
«И сталъ вашъ лозунгъ — Больше Никогда,
«И даль закрылась пѣною летучей.

«Куда ни глянешь, — выбкая вода,
«Куда ни ступишь, — скрытое теченье,
«Вотъ почему вы мертвы навсегда.»

И вспомнивъ наши прежнія мученья,
Мы ждемъ, чтобъ нашъ казнитель и судья
Далъ внѣшнее для нихъ обозначенье.

Онъ говоритъ: «Въ пустыняхъ бытія
«Вы были — узникъ времени усталый,
«Не до конца лукавая змѣя.

«И демоны васъ бросили на скалы,
«И ввергнули въ высокую тюрьму,
«Гдѣ только кровь какъ макъ блистаетъ алый,—

«А все другое слито въ полутьму,
«Гдѣ, скукою объяты равнодушной,
«Вы молитесь убійству одному.

«Молитесь же!» И нашъ палачъ воздушный,
Вдругъ измѣняя свой небесный видъ,
Встаетъ какъ Дьяволъ, блѣдный и бездушный,—

Того, другого между насъ разитъ,
Лишь манiемъ руки, лишь острымъ взглядомъ,
И алый макъ цвѣтетъ, горитъ, грозитъ.

И мы, на мигъ живые—съ трупомъ рядомъ,
Дрожимъ, сознавъ, что мы осуждены,
За то, что, бросивъ Рай съ безгрѣшнымъ садомъ,

Змѣиные не полюбили сны.

3. чёрный и бѣлый.

Шумящій день умчался къ днямъ отшедшимъ.
И снова ночь. Который въ мірѣ разъ?
Не думай, или станешь сумасшедшимъ.

Я твой опять, я твой, полночный часъ.
О таинствахъ мы сговорились оба.
И нѣтъ того, кто бъ могъ расторгнуть насъ.

Подвластный духъ, возстань скорѣй изъ гроба,
Раскрывъ рѣсницы, снова ихъ смежи,
Забудь, что насъ разъединила злоба.

Сплетенье страсти, замысловъ и лжи,
Покорное и хитрое созданье,
Скорѣй мнѣ праздникъ чувства покажи.

О, что за боль въ минутѣ ожиданья!
О, что за блескъ въ расширенныхъ зрачкахъ!
Ко мнѣ! Скорѣе! Ждутъ мои мечтанья!

И вотъ на запредѣльныхъ берегахъ
Зажглись вліянья черной благодати,
И ты со мной, мой блескъ, мой сонъ, мой страхъ.

Ты, incubus таинственныхъ зачатій,
Ты, succubus, мѣняющій свой ликъ,
Ты, первый звукъ въ моемъ глухомъ набатѣ.

Подай мнѣ краски, нѣжный мой двойникъ.
Вотъ такъ. Зажжемъ теперь большія свѣчи.
Побудь со мной. Диктуй свой тайный крикъ.

Ты наклоняешь дѣвственныя плечи.
Что жъ написать? Ты говоришь: весну.
Весенній день и радость первой встрѣчи.

Да, любятъ всѣ. Любили изстарину.
Належимъ краски зелени побѣдной,
Изобразимъ расцвѣтъ и тишину.

Но зелень травъ глядитъ насмѣшкой блѣдной,
Въ ночныхъ лучахъ скелетствуетъ весна,
И закисью цвѣты мерцаютъ мѣдной.

Во всѣ оттѣнки вторглась желтизна,
Могильной сѣлью смотритъ сонъ мгновенья,
Онъ — блѣдный трупъ, и блѣдный трупъ — она.

Но не въ любви единой откровенье,
Изобразимъ убійство и мечту,
Багряность маковъ, алый блескъ забвенья.

Захватимъ сновидѣнья палету,
Замкнемъ ихъ въ наши бѣлыя полотна,
Войну, какъ сонъ, и сонъ, какъ красоту.

Но красный цвѣтъ нижъ служитъ неохотно.
Встаютъ цвѣты, красивые на видъ,
Ложатся трупы, такъ правдиво плотно,—

Но вспыхнетъ день и насъ разобличитъ,
Осенній желтоцвѣтъ вольется въ алость
И прочь жизнеподобіе умчитъ.

На всемъ мельчаетъ убогая усталость,
Въ оттѣнкахъ — полуглупый смѣхъ шута,
Въ движеньяхъ — неумѣлость, запоздалость.

Во всемъ намъ измѣняетъ красота,
Вездѣ мы попадаемъ въ паутину,
Мы, воздухе, въ чьемъ сердцѣ — пустота.

Отбросимъ же фальшивую картину,
Невѣрны мы другъ другу навсегда,
Какъ въ разореньи слуги господину.

Мой succubus, что жъ дѣлать намъ тогда?
Теперь то и подвластны намъ стихіи,
Земля, огонь, и воздухъ и вода.

Мы поняли запреты роковые,
Такъ вступимъ въ царство вѣрныхъ двухъ тоновъ,
Намъ черный съ бѣлымъ нѣстинки живые.

И днемъ и ночью — въ нихъ правдивость сновъ,
Въ одномъ — всѣхъ красокъ скрытое убранство,
Въ другомъ — вся отрѣшенность отъ цвѣтовъ.

Какъ странно ихъ нѣмое постоянство,
Какъ рвутся черно-бѣлые цвѣты
Отсюда — въ междузвѣздное пространство.

Тамъ дышитъ идеальность черноты,
Здѣсь—втайнѣ—блескъ оттѣнковъ безпредѣльныхъ,
И слышенъ гимнъ двухъ геніевъ мечты:

«Какъ жаднымъ душамъ двухъ враговъ смертельныхъ,
«Какъ любящимъ, въ чьемъ сердцѣ глубина,
«Какъ бѣшенству двухъ линій параллельныхъ,—

«Для встрѣчи безконечность намъ нужна».

4. ШАБАШЪ.

Въ день четверга, излюбленный у насъ,
Затѣмъ что это праздникъ всѣхъ могучихъ,
Мы собрались въ предвозвѣщенный часъ.

Луна была сокрыта въ дымныхъ тучахъ,
Возросшихъ, какъ лѣса и города.
Всѣ ждали тайнъ и ласкъ блаженно-жгучихъ.

Мы донеслись по воздуху туда,
На кладбище, къ уюту усыпленныхъ,
Гдѣ люди днемъ лишь бродятъ иногда.

Толпы колдуній, жадныхъ и влюбленныхъ,
Ряды глядящихъ пристально людей,
Мы были сонмомъ духовъ наступленныхъ.

Одинъ, мудрѣйшій въ знаніи страстей,
Былъ ярче всѣхъ лицомъ своимъ прекраснымъ,
Онъ былъ нашъ царь, любовникъ всѣхъ, и Змѣй.

Тамъ были свѣчи съ пламенемъ невзрымъ,
Одни съ зеленовато-голубымъ,
Другія съ блѣдно-желтымъ, третьи съ краснымъ.

И всѣ они струили тонкій дымъ,
Кто подходилъ и имъ дышалъ мгновенье,
Тотъ становился тотчасъ молодымъ.

Тамъ были пляски, игры, превращенья
Людей въ животныхъ и звѣрей въ людей,
Соединенныхъ въ счастіи внушенья.

Подъ блескомъ тѣхъ измѣнчивыхъ огней,
Напоминавшихъ лѣтнюю зарницу,
Сплетались члены сказочныхъ тѣней.

Какъ будто кто вращалъ ихъ веретницу.
И женщину всегда ласкалъ козелъ,
Мужчина обнималъ всегда волчицу.

Таковъ законъ, иначе — произволъ,
Особый видъ волнующей приправы,
Когда стремится къ полу чуждый полъ.

Но вотъ въ сверкнувшихъ свѣчъ сѣдыя травы
Качнулись, попятились, возросли,
Какъ души, сладкой полныя отравы.

Неясный мѣсяцъ выступилъ вдали
Изъ дрогнувшаго на небѣ тумана,
И жабы въ черныхъ платьяхъ приплясали.

Давнишнія созданья Аримана,
Онѣ влекли колдуній молодыхъ,
Еще не знавшихъ сладости дурмана.

Нашъ кругъ разъялся, принялъ ихъ, затихъ,
И демоны къ нимъ жадные припали,
Перевернувъ порядокъ членовъ ихъ.

И мѣсяцъ имъ свѣтилъ изъ дымной дали,
И Змѣй нашъ устремилъ на нихъ свой взглядъ,
И мы отъ ихъ блаженства трепетали.

Но вотъ свершенъ таинственный обрядъ,
И всѣ колдуньи, въ снахъ какихъ то гнѣвныхъ,
«Давайте мертвыхъ! Мертвыхъ!» намъ кричатъ.

Протяжностью заклятій перемѣнныхъ,
Составленныхъ изъ повседневныхъ словъ,
Но лишь не въ сочетаньяхъ ежедневныхъ,—

Они смутили мирный сонъ гробовъ,
И изъ могилъ расторгнутыхъ возстали
Гнилые трупы ветхихъ мертвецовъ.

Они сперва какъ будто выжидали,
Потомъ, качнувшись, быстро шли впередъ,
И дьявольскимъ сіяніемъ блистали.

Раскрывъ отжившій, вдругъ ожившій, ротъ,
Какъ юноши, они къ колдуньямъ льнули,
И всю толпу схватилъ водоворотъ.

Всѣ хохоты въ одномъ смѣшались гулѣ,
И сладостно казалось намъ шептать
О тайнахъ смерти, въ чувственномъ разгулѣ.

Отца ласкала дочь, и сына мать,
И тѣло къ тѣлу жаться было рядо,
Въ различности искусства обнимать.

Но вотъ вдали, гдѣ кончилась ограда,
Раздался первый возгласъ пѣтуха,
И мы спѣшимъ отъ гибели и распада,—

Въ блаженствѣ соучастія грѣха.

5. ХИМЕРЫ.

Высоко на парижской Notre Dame
Красуются жестокія химеры.
Они умно усѣлись по жѣстамъ.

Въ безпутствѣ соблюдая чувство мѣры,
И гнусность доведя до красоты,
Они могли бы намъ являть примѣры.

Лазурный фонъ небесной пустоты
Обогащенъ красою ихъ несходства,
Господствомъ въ каждой — собственной черты.

Святыхъ легко смѣшаешь, а уродство
Всегда фигурно, личность въ немъ видна,
Въ чемъ явное пороковъ превосходство.

Но общность между ними есть одна:
Какъ крючья вопросительнаго знака,
У всѣхъ химеръ изогнута спина.

Скептически призрастенья мрака,
Шпіонски-выжидательны они,
Какъ мародеры возлѣ бивуака.

Не получивъ отвѣта искони,
И чуждые голубоглазья вѣры,
Сидятъ архитектурные слѣпни,—

Односторонне-врячія химеры,
Задумались надъ крышами домовъ,
Какъ на морѣ уродливыя шхеры.

Вокругъ Церкви, этой высшей изъ основъ,
Враждебнымъ станомъ выстроились зданья,
Берлоги тьмы, уютъ распутныхъ сновъ.

И Церковь, осудивши тѣ мечтанья
Сердецъ, обросшихъ грубой тканью мха,
Развратный хаосъ въ мірѣ созиданья,—

Гдѣ дышитъ ядомъ каждая кроха,—
Воздвигла слѣпокъ мерзости звѣриной,
Зеркальный ликъ поклонниковъ грѣха.

Но межъ людей, быть можетъ, я единый
Въ глубокій смыслъ чудовищъ тѣхъ проникъ,
Всегда иное чуя за картиной.

Привѣтъ тебѣ, отшедшій мой двойникъ,
Создатель этихъ двойственныхъ видѣній,
Я въ стихъ влагаю твой скульптурный крикъ.

Привѣтъ вамъ, сонмы страшныхъ заблужденій!
Ты, геній сводни, духъ-единорогъ,
Сподручникъ жадный вѣдьмовскихъ радѣній!

Гермафродитъ, глядящій на порокъ,
Ты жабу давишь въ пытку думъ бевсонныхъ.
Весь міръ ты развратилъ бы, если бъ могъ.

Концы ушей, продленно-заостренныхъ,
Стоятъ, какъ бы заслышавши вдали
Протяжный гулъ тобою соблазненныхъ.

Колдуній новыхъ жабы привели.
Но ты ужъ слышишь ропотъ осужденья,
Для васъ костры свирѣпые зажгли.

И ты, заклятый врагъ дѣторожденья,
Колдунья съ птицей, демоны-враги,
Препоны для простого наслажденья.

Твое лицо — злонѣмой ликъ Яги,
Нагія десны алчны и беззубы,
Твоя рука имѣетъ видъ ноги,—

Твои черты безжалостныя грубы,
Застыли пряди каменныхъ волосъ,
Не знали поцѣлуевъ эти губы,—

Не вѣдали глаза химеры слезъ,
И шерстью, точно сорною травою,
Твой хищный станъ уродливо обросъ.

Какъ вѣстникъ твой, крича, передъ тобою
Стервятникъ омерзительный сидитъ,
Покрытый вмѣсто перьевъ чешуею.

Въ его когтяхъ какой то звѣрь хруститъ,
Но какъ ни гнусенъ вѣстникъ твой ужасный,
Ты болѣе чудовища на видъ.

И оба вы судьбѣ своей подвластны,
Одна мечта на васъ наводитъ лоскъ,
Единый геній, жестокій и безстрастный.

Какъ сжатъ печатью вдавленною воскъ,
Такъ лобъ у васъ, наклонно убѣгая,
Къ убійству духъ направилъ, сжавши мозгъ.

И ты еще, уродина другая,
Орангутангъ и жалкій идіотъ,
Ты скорчился, въ тоскѣ изнемогая.

Убогій демонъ, выродокъ и скотъ,
Герой мечты безумнаго Эдгара,
Зачатой въ этомъ мірѣ въ черный годъ.

Въ тебѣ инстинктъ горѣлъ огнемъ пожара,
И ты двухъ женщинъ подло умертвилъ.
Но въ цвѣтѣ крови странная есть чара.

Тебя нежданный ужасъ подавилъ,
И ты бѣжалъ на этотъ Домъ Видѣній,
Безпомощный палачъ, лишенный силъ.

Вы, дьяволы любовныхъ наслажденій,
Какъ много въ васъ отверженной мечты.
Одинъ, какъ ангелъ, съ крыльями... О, геній!

Зачѣмъ въ безпутномъ пирѣ срамоты,
Для сладости обманчиваго часа,
Принизился до мелкихъ тварей ты!

Твое лицо — безстыдная гримаса,
Ты нагло манишь, высунувъ языкъ,—
Усталыхъ ласкъ приправа и прикраса.

Ты знаешь, какъ продлить тягучій мигъ,
Ты, съ холеными женскими руками,
Любовь умомъ обманывать привыкъ.

Другой наглецъ, съ кошачьими зрачками,
Надъ Городомъ Безумія склонясь,
Всѣмъ обликомъ хохочетъ надъ врагами.

Онъ гибокъ, сладострастенъ, и какъ разъ
Въ объятьи на смерть съ хохотомъ удавитъ,
Какъ змѣй вкругъ тѣла нѣжнаго вiясь.

Еще другой, всего превыше ставитъ
Блаженство въ щель чужую заглянуть,
Глядитъ, дрожитъ, и грязный ротъ слюнявитъ.

Еще, съ лицомъ козла, ввалилась грудь,
Глаза глубоко всажены въ орбиты,
Сумѣлъ онъ весь въ распутствѣ потонуть.

Вы разны всѣ, и всѣ вы стройно слиты,
Вы всѣ незримой сѣтью сплетены,
Равно въ семьѣ единой именитыя.

Но всѣхъ прекраснѣй въ свитѣ Сатаны,
Сліяніе ума и лицемѣрья,
Волшебный образъ нѣкоей жены.

Она вѣнецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преддверье,
Карикатура ей изжитыхъ думъ,
Крылатый коршунъ, выщипавшій перья.

Взамѣну чувствъ у ней остался умъ,
Она ханжа въ отшельнической рясѣ,
Изсохшій монастырскій толстосумъ.

Застывши въ иронической гримасѣ,
Она какъ бы блюдетъ ихъ всѣхъ кругомъ.
Иронія прилична въ свинонасѣ.

И всѣ они вѣнчаютъ — Божій Домъ.

К. Бальмонтъ.

ВОСХВАЛЕНІЕ ЛУНЫ.

(ПСАЛОМЪ)

1.

Восхвалимъ, братья, царствіе Луны,
Ея лучомъ ниспосланные сны,
Владычество великой тишины.

Возславимъ, сестры, блѣдную Луну,
Лучистую полюбимъ глубину,
И тайну сновъ, ее, ее одну.

2.

Мнѣ страшно, страшно: какъ сумѣю
Царицу сердца восхвалить?
Какъ рабъ влюбленный, я предъ нею
Блаженно гасну, мѣняюсь,
И мысли лучшія не смѣю
Соткать въ серебряную нить.

Да не сочтетъ за дерзновенье
Царица пышная, Луна,
Что, вѣря въ яркое мгновенье,
Въ безумномъ снѣ самозабвенья,
Поетъ ей рабъ свое хваленье,
И да звенитъ его струна.

О, души блѣдныя, внемлите,
Я стройный гимнъ пою Лунѣ,
Со мной душой своей сплетите
Непогасающія нити,
Мечты влюбленныя храните,
Любовь любите въ сладкомъ снѣ.

3.

Наша царица вѣчно мѣняется,
Будемъ слагать перемѣнныя строки,
Славя ее.

Духъ мой дрожащій любитъ, склоняется,
Въ лунномъ сіяньи — мы грезы, намеки,
Счастье мое.

Наша царица, блѣдная, вспыхни,
Свѣтишь сіяньемъ зеленыхъ очей.
Какъ же люблю я тебя, о, прекрасная,
Вѣчно-нежданная, стройная, властная,
Въ самомъ безстрастіи пламенно-страстная,
Тайну познавшая лунныхъ лучей.

Какъ это чувство, какъ называется?
Только тебя я вездѣ замѣчаю,
Только одну.

Это лишь чувство не забывается,
Взорами взоры твои я встрѣчаю,
Славя Луну.

Наша царица, блѣдная, снѣжная,
Гаснетъ, какъ ты, озаряется вновь.
Какъ называется боль безнадежная,
Сладкая пытка, мучительность нѣжная,
Трепетность зыбкая, радость безбрежная?
Милая! Милая! Это любовь!

4.

Луна велитъ слагать ей восхваленья,
Быть нѣжными, когда мы влюблены,
Любить, желать, ласкать до изступленья,—
Итакъ восхвалимъ царствіе Луны.

Она глядитъ изъ свѣтлой глубины,
Изъ ласковой прохлады отдаленья,
Она велитъ любить изъ зыбь волны,
И даже смерть, и даже преступленье.

Ея лучи какъ зміи къ намъ скользятъ,
Объятіемъ своимъ завладѣваютъ,
Въ нихъ вкрадчивый неуловимый ядъ.

Отъ нихъ безумнымъ дѣлается взглядъ,
Они, блестя, всѣ мысли убиваютъ,
И намъ о безконечномъ говорятъ.

5.

Она мѣняется опять,
И намъ такъ сладко повторять
Созвучно-стройные напѣвы.
Она возникла надъ водой,
Какъ призракъ сказки золотой,
Какъ блѣдный ликъ нечѣрной дѣвы.

Она овальная мечта,
Она печальна и чиста,
Она одинъ намекъ на нѣжность.
Но вотъ сейчасъ, но вотъ сейчасъ
Огнемъ своихъ зеленыхъ глазъ
Она разрушитъ безмятежность.

Она холодный свѣтъ прольетъ,
И волю чарами убьетъ,
Она сивилла и колдунья.
Въ душѣ разъялась глубина,
Душѣ судьба ея видна,
Въ очарованьи новолунья.

6.

О, вновь родясь, она пьянитъ сердца,
Внушая мысль, что жизнь — одна влюбленность,
Когда же мы достигнемъ до конца,
Погаснувъ, мы находимъ обновленность.

Ущербная, устав лучомъ плѣнять,
Она наводитъ ужасъ на пространства,
И сглазивъ душу, ей даетъ понять,
Что можно все, что нѣтъ ни въ чемъ запрета.

Когда же закруглится по краямъ,
Она горитъ какъ чаша золотая,
Въ которой боги пить даютъ богамъ,
Тамъ гдѣ любовь безсмертно молодая.

Еще, и вотъ — она какъ рдяный щитъ,
Какъ полнота налившаго шара,
Къ болотамъ, къ тонямъ, вницъ, спѣшитъ, спѣшитъ,
Горитъ за лѣсомъ заревомъ пожара.

Волнуетъ жабъ, мѣняетъ видъ живыхъ,
Ихъ дѣлаетъ похожими на мертвыхъ,
И въ омутахъ двоится роковыхъ,
Въ затонахъ, западняхъ распростертыхъ.

Пугаетъ безпредѣльной тишиной,
Вздымаетъ безграничность океановъ,—
И вновь горитъ блистательной Луной,
Въ одеждѣ изъ серебряныхъ тумановъ.

7.

Итакъ, попавши въ плѣнъ земной,
Возлюбимъ, братья, міръ иной,
Слѣдя за царственной — Луной.

Внемлите вкрадчивой струнѣ,
И присягните молча мнѣ
Въ повиновеніи — Лунѣ.

Возславимъ, сестры, глубину,
Любовь къ любви, любовь — волну,
Восхвалимъ ласки и — Луну.

Она одна, она одна
Для всѣхъ влюбленныхъ намъ дана,
Непобѣдимая — Луна!

Ліонелъ.

СТАТЬИ, ПИСЬМА.

ЗАПИСКА А. С. ПУШКИНА КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

Я уговорилъ Кириллу Александровича и Бенкендорфа пріѣхать завтра въ 1 часъ по полудни въ академію чтобы посмотрѣть картину Бруни.

Прошу Васъ, любезный Василій Ивановичъ, приказать пустить насъ въ академію хотя завтра и праздникъ и ежели бы можно и вамъ быть при этомъ посѣщеніи, то это бы еще лучше было.

Вашъ искренно
преданный Пушкинъ.

Воскресенье 8 апрѣля.

Записка, занимающая четвертку бумаги, сложена вчетверо, и на оборотѣ ея рукою Пушкина написано:

Милостивому Государю Василію Ивановичу Григоровичу.

Записка эта, входящая въ собраніе автографовъ Ив. Ивакл. Куриса, была выставлена въ 1899 году на Одесской Пушкинской выставкѣ. Нигдѣ доселѣ она напечатана не была. Текстъ ея былъ мнѣ любезно сообщенъ уважаемымъ профессоромъ А. И. Маркевичемъ, которому приношу выраженіе моей глубокой признательности.

Годъ на запискѣ не означенъ, но установить его нетрудно. Картина Ѳ. А. Бруни, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ, вѣроятно

та знаменитая «Смерть Камиллы, сестры Горація», которая была выставлена въ 1824 году въ Капитоліи, гдѣ снискала художнику большую популярность, а въ 1834 году была выставлена въ Петербургѣ и доставила автору званіе академика. На этомъ основаніи я и отношу записку Пушкина къ тому же — 1834 году. Подтверждается это предположеніе тѣмъ, что 8-ое апрѣля приходилось въ теченіе времени съ 1801 по 1836 гг. на воскресеніе въ 1806, 1817, 1823, 1828 и 1834 годахъ. Эти соображенія доказываютъ, что годъ записки установленъ правильно.

Съ В. И. Григоровичемъ, секретаремъ академіи художествъ, занимавшемъ въ столичномъ мірѣ художниковъ и литераторовъ весьма почетное положеніе, Пушкинъ былъ, вѣроятно, знакомъ близко. Другъ великаго поэта баронъ А. А. Дельвигъ посвятилъ В. И. Григоровичу свою идиллію: «Изобрѣтеніе ваянія» (она была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830-й годъ). Кириллъ Александровичъ, вѣроятно, — Нарышкинъ. Письмо свидѣтельствуетъ о той чуткости, съ которой великій поэтъ отзывался на каждое мало-мальски выдающееся общественное событіе, и о томъ участіи, которое принималъ онъ въ судьбахъ роднаго искусства. Мы знаемъ нѣсколько прекрасныхъ его стихотвореній, навѣянныхъ ему произведеніями родныхъ художниковъ. Таковы, напримѣръ, его «Художнику» (С. И. Гальбергу, 1836 г.), «Когда великое свершилось торжество» (1836 г.), «Царскосельская статуя» (1830 г.), «На статую» (Н. Логановскаго и Н. Пименова, 1836 г.).

Н. Лернеръ.

ПИСЬМО Н. НЕКРАСОВА КЪ А. ФЕТУ.

Милѣйшій другъ, посылаю Вамъ записку, по коей Вы получите деньги, слѣдуемыя за Ваши вещи напечатанныя.

Стиховъ Гейне я не могу взять.

Изъ стиховъ Вашихъ набраны «Музѣ», предсмертное стихотвореніе Беранже, «Какая ночь». Деньги за нихъ получите по напечатаніи (по 25 р., какъ Вами назначено).

За что Вы насъ подвергли расходу и хлопотамъ? Вы уступили мнѣ «Двѣ лишки» за 25 руб. (въ этомъ я убѣжденъ), а теперь требуете сто—цѣна неслыханная за перепечатку нѣсколькихъ страницъ, а главное отступающая отъ уговора. Такъ какъ VIII т. Л. Чт. уже почти весь отпечатанъ, то придется мнѣ эту вещь вырѣзывать вонъ. Впрочемъ, дѣлать нечего.

Будьте здоровы.

Душевно Васъ любящій

Н. Некрасовъ.

18 дек. 1857 г. Спб.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ А. А. ФЕТУ. 1858—1873.

Отрывки эти относятся къ тѣмъ письмамъ И. С. Тургенева, которыя напечатаны А. А. Фетомъ въ книгѣ «Мои воспоминанія». Печатая письма своихъ друзей, А. А. Фетъ, по своимъ соображеніямъ, пропускалъ въ нихъ значительные отрывки, иногда весьма любопытные, а иногда и нѣсколько измѣнялъ выраженія. Мы приводимъ здѣсь, по подлинникамъ, эти пропуски и возстановляемъ вѣрное чтеніе передѣланныхъ мѣстъ. Гдѣ отрывки не представляли сами по себѣ цѣльной мысли, приходилось для связи перепечатывать нѣсколько строкъ изъ бывшаго уже въ печати. Тамъ, гдѣ связь съ напечатаннымъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ» не указана, пожѣлаемое нами стоитъ въ началѣ письма.

Парижъ, Rue de Rivoli 210.
26 января/7 февраля 1863.

Мысль издать всѣ Ваши сочиненія и переводы — отличная мысль; должно полагать, что и публикѣ она покажется таковою же — конечно не той публикѣ, для которой разомъ появляются два изданія В. Крестовскаго — поэта Фрины, одно великолѣпное, другое народное. Признаюсь, этотъ фактъ меня поразилъ.

P. S. О главномъ то я и забылъ написать. Гдѣ здѣсь найти гувернантку. Помилосердуйте. Лоретку за огромныя деньги — это дѣло другое. Надо брать француженокъ, которыя,—по тому ли, по другому ли резону—уже попали на святую Русь; а посылать туда — дѣло невозможное. Ужъ Вы потрудитесь.

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse 277.
26 іюля 1864.

Кстати, такъ какъ изъ письма Борисова оказывается, что онъ уже привезъ гувернера для дѣтей Ал. Ник. *), то я и отложилъ попеченіе о немъ. Стихотвореніе Ваше **) очень мило, но стихъ послѣдней строфы («Въ моей рукѣ за что, откуда») вдохновилъ на меня слѣдующее изліяніе (не для дамъ):

Я размышлялъ, когда въ богатствѣ
Я буду жить,
Не откажу себѣ въ пріятствѣ
Тебя имѣть.
. . . . . .
Сидѣли мы въ кустѣ широкомъ
Съ тобой самъ-другъ;
Я былъ въ ушахъ глубокомъ
И что же... Вдругъ...
. . . . . .

Безъ шутокъ не печатайте этого злополучнаго стиха. Засимъ отъ души Васъ обнимаю.

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse 277.
25 марта/6 апрѣля 1866.

Изъ двухъ присланныхъ стихотвореній одно (напечатанное) «Къ Тютчеву» прекрасно, отъ него вѣетъ ста-

*) Шешина.

**) «Я повторялъ, когда я буду — богатъ-богатъ»... (Соч. А. Фета, изд. 1900 г., т. II, стр. 275).

рымъ или, лучше сказать, молодымъ Фетомъ. Другое *) неудовлетворительно. «Почему? — спросите Вы. — Критикъ, отдай отчетъ въ твоемъ чувствѣ». Извольте — отдаю. Во первыхъ: оно напоминаетъ тономъ и даже нѣкоторыми подробностями — два стихотворенія Пушкина и Тютчева, которыя оба гораздо лучше его: «Я помню чудное мгновенье» и «Какъ ночью на небѣ звѣзда». Во вторыхъ: что такое: «Кивнуть привѣтъ наизусть»? О, какъ это некрасиво! — Какъ можно «восторгать грусть»? «Всю чистоту твоей души», «Звѣзда и роза» — вялая проза. И, наконецъ: «На темномъ небѣ и въ водѣ», — ужъ лучше прямо и въ «рукомойникѣ». Еще одно я замѣтилъ: всѣ Ваши личныя, лирическія, любовныя, особенно страстныя стихотворенія — слабѣе прочихъ: точно Вы ихъ сочинили, и предмета стиховъ вовсе не существовало. А за симъ можете взять сапогъ и каблукомъ меня по темени, по темени: будь, дескать, вѣжливъ. Отъ г-жи Энгельгардтъ я получилъ письмо и уже отвѣчалъ ей.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse 7.
3 окт./21 сент. 1867.

Погляжу я на васъ — ловкій вы мальчикъ! Видите ли: мнѣ предоставляетъ утилитарность, политику, а самъ беретъ безполезность, *пьяну*, искусство, т. е. высочайшее, la part du lion, ибо не безполезное искусство есть дрянь, безполезность есть именно алмазъ его вѣнца. Каковъ добренькій! Я сосчиталъ, сколько у меня политическихъ, тенденціозныхъ страницъ: оказалось на 160 — 29, а остальное такая же чепуха, какъ любое лирическое стихотвореніе автора «Вечеровъ и Ночей». Но скажутъ мнѣ, оно

*) «Когда такъ нѣжно расточала». (Соч. т. II, 243). Изъ письма видно, что первоначально эти стихи читались нѣсколько иначе, чѣмъ теперь въ печатномъ текстѣ.

не только безполезно, оно плохо: положимъ, — но тутъ ужъ не теорія виновата, а..... причина бѣды. Вѣдь вотъ и присланное стихотвореніе *) — развѣ оно только безполезно? Оно плохо — и новый оборотъ, что судьбина даетъ не въ рыло, а въ «блаженство», да мокротныя риомы «заглохнетъ», «изсохнетъ» — не вознаграждаютъ за недостатокъ той поэтической прелести, которой были такъ богаты тѣ самые «Вечера и Ночи». Да, милѣйшій собратъ мой, не говорите съ кажущимся уничиженіемъ и дѣйствительной надменностью: ты полезенъ, а я безполезенъ; скажите: мы оба плохи, — и поцѣлуемся.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse 7.
12/24 февраля 1868, понедѣльникъ.

Съ великимъ удовольствіемъ вижу я, что духъ Вашъ покоенъ и какъ то мягко и важно снисходителенъ, какъ оно и подобаетъ служителю Ѳимиды — скверно только, что геморрой атакуетъ васъ, à la Ржевскій a posteriori. Но придетъ весна, а тамъ лѣто — земляника, а въ маѣ мѣсяцѣ вмѣстѣ съ «ландышами» meine Wenigkeit (общаго у меня съ ландышами только то, что я теперь такъ же бѣлъ, какъ они), и Редереръ выйдетъ на свѣтъ Божій и произойдетъ питіе веліе — на зло геморрою и всякимъ недугамъ.

Карлсруэ, Hotel Prinz Max.
Понедѣльникъ, 25/13 января 1869.

Въ январьской книжкѣ Русскаго Вѣстника будетъ моя штука **). Написано она горячо и безъ всякой задней мысли, а быть можетъ тоже не понравится. Г-жа Віардо ея не одобрила и потому въ моихъ глазахъ судъ надъ

*) «Въ душѣ, измученной годами». (Соч. т. I, 117).
**) Разсказъ «Несчастная».

нею уже произнесенъ. По крайней мѣрѣ не длинно. А вотъ подите, разжуйте ка романъ Гончарова въ «Вѣстникѣ Европы». — Вотъ ужъ точно: «а я... я тебя... мм... мм... мм... я тебя... м... люблю... мм... мм... я»... Разговоры между г-жею Бѣловодовой и Райскимъ заткнули за поясъ нѣкогда знаменитые разговоры между Ольгой и Обломовымъ. Нѣтъ, это все отжило. Только и можно читать что Л. Толстого, когда онъ не философствуетъ, да Рѣшетникова.

Петербургъ, 16 января 1869 .

Вы становитесь непонятны, какъ... какъ иные Ваши стихи. Какого Блюменфельда предпочитаю я Пушкину? И мнѣ ли можно дѣлать упрекъ въ маломъ уваженіи къ Пушкину! Не понимаю... Не понимаю... А любопытно, что Вы сказали о Тютчевѣ.

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse 3
Суббота, 11 декабря/29 ноября 1869.

Etiamsi omnes, ego non, любезный А. А.,— ни въ жизнь не соглашусь, что можно въ смыслѣ «швырять долотомъ» сказать «швыряться долотомъ» или «сыпать розъ», хотя можно и должно сказать, напр.: «онъ обѣщалъ мнѣ розъ, а я ему надавалъ картофелю» и т. д. «Къ ея ногамъ онъ сыпалъ розъ» безобразно. Тутъ дѣло не въ пуризмѣ, а въ своеобразныхъ условіяхъ живой русской рѣчи. Я могу ошибиться — какъ вообще въ оцѣнкѣ Вашей идилліи **), но какъ выражался Лутеръ — Ich kann nicht anders, Gott helfe mir. Amen.

Что касается до Вашего упрека въ невѣрности ци-

*) Въ «Моихъ воспоминаніяхъ» по ошибкѣ отнесено къ 1858 г. Приводимый отрывокъ стоитъ тамъ, какъ и № 4.

**) Рѣчь идетъ о идилліи А. Фета «Лизіасъ и Вакхида». (Соч. т. II, 465).

татъ, то не могу не попенять Вамъ за Вашу лѣность (ибо не хочу думать, что у Васъ, у поэта, нѣтъ изданія Фауста). Вамъ стоило справиться съ текстомъ и Вы увидали бы во первыхъ, что въ прологѣ, въ разговорѣ Саваоѳа съ бѣсомъ сказано (7 строка снизу, стр. 16, изд. 1840-го года): Ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange и т. д.; во вторыхъ, что въ сценѣ Мефистофеля (переодѣтаго Фаустомъ) со студентомъ стоитъ (17 строка сверху, ст. 82 того же изданія): «Grau», а не «Schaal, theuer Freund, ist alle Theorie» и т. д. Вашему носу не приходилось бы трудиться и *чуять*. Впрочемъ и лучшая собака (а куда намъ, людямъ, до собакъ) ведетъ иногда въ пятку — чуетъ плохо.

Что же касается до Кольцова, то тутъ уже, кромѣ недоумѣнія, ничего ощущать нельзя. Съ какой стати я бы сталъ сознательно и добровольно сочинять цитату. Да я же и не цитовалъ, въ моей статьѣ о Плетневѣ въ «Архивѣ», думу «Тучи носятъ воду», которая, впрочемъ, подъ заглавіемъ «Великая тайна», напечатана на стр. 161 изданія 1859-го года, а думу «Божій Міръ», которая начинается словами — «Отецъ свѣта вѣчность», зр. стр. 162-ю того же изданія. Побольше аккуратности, батюшка Вы мой, и поменьше неосмотрительности. А еще мировой судья — и не безъ германской крови въ жилахъ.

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse 3.
Воскресенье, 2 янв. 1870/21 дек. 1869.

Въ томъ то и штука, душа моя А. А., что никакой мужикъ, ни въ какомъ кабакѣ, ни за какія коврижки не скажетъ въ Вашемъ смыслѣ — ни «швырятся долотомъ», ни «сыпалъ розъ», потому что непосредственное чувство ему подскажетъ, что «швыряться» можно только взаимно, или неопредѣленно, или во всѣ стороны, а когда дѣло идетъ объ одномъ человѣкѣ, то можно сказать, швырялъ въ

него, зашвырялъ его, а никакъ не швырялся; и 2-ое, въ вопросѣ о розахъ,— дѣло идетъ не о количествѣ, а о качествѣ самаго поступка, т. е. о бросаніи въ ноги такого красиваго и цѣннаго цвѣтка: не въ томъ дѣло, что онъ много или мало розъ сыплетъ, а въ томъ, что онъ вообще розы сыплетъ. Тутъ не барскій языкъ, не пуризмъ, а оскорбленіе духа языка, его живой логики. Если Вы этого не чувствуете, то остается только руками развести — и развѣ напомнить Вамъ знаменитый стишокъ:

Минуя береговъ, ухающихъ соблазномъ.

Я и розъ ему сыпалъ, и піоновъ — все ничего, это по русски. Къ ея ногамъ онъ сыпалъ розъ — аллилуйская чепуха.

Баденъ-Баденъ, Thiergartenstrasse 3.
Пятница, 4-го февр. н. с. 1870.

Позвольте мнѣ поворчать немного. Я охотно допускаю всякое преувеличеніе, всякую такъ называемую «комическую ярость», особенно когда рѣчь идетъ о вещахъ въ сущности любимыхъ. Но ваши отзывы о нашихъ собратіяхъ русскихъ литераторахъ, о нашемъ бѣдномъ Обществѣ *), говоря безъ прикрасъ, возмутительны. Было бы великимъ счастьемъ, еслибъ дѣйствительно вы были самымъ бѣднымъ русскимъ литераторомъ. Повторяю, впечатлѣніе, производимое Вашей постоянной руготней,— непріятно вяжется въ моей головѣ съ Вашемъ именемъ, тѣмъ въ сущности симпатичнымъ воспоминаньемъ, которое я храню о Васъ. Довольно, Ао. Ао. Довольно. Полно швырять (или швыряться, какъ хотите) грязью. А то вѣдь этакъ, пожалуй, соскользнешь въ Каткова... Въ Булгарина упадешь. Не сердитесь на меня. Я потому и говорю Вамъ такъ, что люблю Васъ искренно.

*) Литературный фондъ.

Лондонъ, 16 Beaumont Street, Marylebone.
14/2 іюля 1871, пятница.

Вы, кажется, питаете прекрасныя надежды насчетъ разрѣшенія земствомъ капитальнѣйшаго вопроса о налогахъ. Дай Богъ Вашими устами медъ пить, но меня привело втупикъ вторичное предостереженіе С.-Петербургскихъ Вѣдомостей по поводу статей именно объ этомъ вопросѣ и именно въ томъ направленіи, которому Вы радуетесь. Сколько я ихъ ни перечитывалъ, понять это предостереженіе я всетаки не могъ. Что Ш....., это было мнѣ давно извѣстно, но видно и... можетъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, возводить самого себя въ кубъ.

Черезъ двѣ недѣли я ѣду въ Шотландію...

Баденъ-Баденъ.
Понедѣльникъ, 28/16 авг. 1871 *).

Вотъ я опять здѣсь, любезнѣйшій А. А., и письмо Ваше получилъ, т. е. нашелъ это письмо здѣсь. Остаюсь въ Баденѣ до конца октября, а тамъ въ Парижѣ, а въ ноябрѣ (въ концѣ) въ Петербургѣ. Былъ недавно въ Шотландіи, присутствовалъ въ Эдинбургѣ на юбилеѣ Вальтеръ-Скотта, даже произнесъ спичъ (весьма коротенькій и заранѣе наизустъ выученный); сбился разъ, чѣмъ заслужилъ рукоплесканіе. Впрочемъ cahal во всѣхъ газетахъ за M-r Torguenoff a distinguisted novellist.— Англичане вовсе не интересуются ни Россіей, ни русской литературой (русское правительство — дѣло другое, особенно русская дипломатія). Потомъ я ѣздилъ въ Highlands и стрѣлялъ тамъ груозовъ (grause), птицу, являющую

*) Въ «Моихъ воспоминаніяхъ» по ошибкѣ отнесено къ 1872 г.

нѣчто среднее между тетеревомъ и бѣлой куропаткой. Это было очень интересно, но утомительно, и первый день я, отъ волненія, стрѣлялъ скверно. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого воздуха, какъ въ сѣверной Шотландіи, дышать имъ — наслажденіе, притомъ я былъ у весьма милыхъ и гостепріимныхъ хозяевъ...

Это очень плохо, что «о Толстомъ нѣтъ вѣстей». Вы не можете имѣть о немъ болѣе высокаго мнѣнія, чѣмъ я. Будемъ надѣяться, что слухи преувеличены и что все еще поправится. Если къ такому таланту да присоединится еще образованный и успокоенный, т. е. умудренный умъ — чего нельзя ожидать отъ него! Я твердо вѣрю, что мы еще доживемъ до того мгновенья, когда онъ первый будетъ добродушно хохотать надъ quasi-философской чепухой, которую онъ напустилъ въ видѣ вони въ свой поистинѣ великій романъ *).

Парижъ, Rue de Douai 48.
Среда, 6 декабря/24 ноября 1871.

Такъ какъ Вы очень добродушный человѣкъ и не сердитесь, когда другой пожалуй разсердился бы, то я хочу вамъ доказать, что умѣю цѣнить это Ваше качество, и ни въ какую прю съ Вами не вступаю. Я только позволю себѣ спросить Васъ, на основаніи какихъ данныхъ Вы приравниваете Стасюлевича, не говорю съ Чернышевскимъ, но съ Нечаевымъ!!!?! И насколько такое голословіе можетъ согласиться съ чувствомъ справедливости, которое должно быть присуще каждому человѣческому сердцу, — а уже сердцу поэта подавно. Что же касается нашего Фоида, то я заранѣе соглашаюсь подвергаться упреку за участіе въ немъ — и утѣшаюсь мыслью, что этотъ упрекъ падаетъ вмѣстѣ со мною и на всю Царскую Фамилію.

*) «Война и миръ».

Парижъ, Rue de Douai 48.
Суббота, 20/8 янв. 1872.

Во 1-хъ, прочли ли Вы статью К. Арсеньева, за которую Вѣстникъ Европы получилъ столь восхитившее Васъ предостереженіе? Конечно, нѣтъ, — а то бы Вы увидали, что болѣе дѣльной, серьезной, благонамѣренной, антикоммунистической — прямо сказать консервативной, въ лучшемъ смыслѣ слова, статьи представить себѣ нельзя, — и это предостереженіе можетъ объясниться только тѣмъ, что французы называютъ «infatuation», блистательный примѣръ которой является намъ въ назначеніи М. Лонгинова.

Парижъ, Rue de Douai 48.
Среда, 10/29 марта 1872.

Ну, а теперь, такъ какъ Вы въ своемъ «Exegi monumentum» объективно отнеслись къ поэту Фету, — то позвольте и мнѣ сдѣлать то же. Фетъ дѣйствительно поэтъ, въ настоящемъ смыслѣ слова; но ему недостаетъ нѣчто весьма важное, — а именно такое же тонкое и вѣрное чутье внутренняго человѣка, его душевной сути, каковымъ онъ обладаетъ въ отношеніи природы и внѣшнихъ формъ человѣческой жизни. Тутъ не только Шиллеръ и Байронъ, но даже Я. Полонскій побиваетъ его впухъ и впрахъ. Быть тронутымъ или потрясеннымъ черезъ посредство какого бы то ни было произведенія Фетовой музы такъ же невозможно, какъ ходить по потолку. И потому, при всей его даровитости, его слѣдуетъ отнести къ dii minorum gentium. Ужъ и это не шутка: черезъ сто лѣтъ будутъ помнить около 20 красивыхъ его стихотвореній — чего же больше. Но пусть онъ себя не повторяетъ болѣе, какъ онъ это дѣлаетъ вотъ уже 10-й годъ. Старый соловей contradictio in adjecto.

А за походъ вашъ противъ... нельзя Васъ не похвалить. Вотъ это дѣло, и дай Богъ Вамъ успѣха и помощи отовсюду. На Вашу больницу я немедленно подписываюсь на сто рублей.

Буживаль. Bougival (Seine et Oise), Maison HaIgan
Вторникъ, 2 сент. 21 авг. 1873.

Je ne lis plus, je relis, и между прочимъ снова и съ немалымъ удовольствіемъ перечитываю Вергилія Ну, а вотъ ужъ Вашего Страхова, несмотря на Вашу рекомендацію, читать я не стану... Съ меня довольно того, что я прочелъ изъ эпикубрацій этого смертнаго. — Ко всему славянофильствующему я чувствую положительное физическое отвращеніе — какъ къ дурному запаху, дурному вкусу — какъ къ Брюллову или Г. Дорэ. Пухло, неопрятно, прѣло и въ рыло лѣзетъ.... Да и лампадой церковной отдаетъ.— Нѣтъ, западникъ я неисправимый, отъ одного упоминанія «о томъ, что нашъ братъ русакъ однако»... и т. п. у меня подъ ложечкой сосетъ, и внутренность щекъ наполняется кислой водой тошноты.

Тютчевъ это другое дѣло. Глубоко жалѣю о немъ. Онъ тоже былъ славянофилъ, но не въ своихъ стихахъ; а тѣ стихи, въ которыхъ онъ былъ имъ, тѣ то и скверны.

И. Тургеневъ.

ГДѢ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИКЪ НАШЕГО НИГИЛИЗМА.

Не толкуй объ обезьянѣ,
Что людей родила.
Не толкуй мнѣ о Татьянѣ,—
Такъ она постыла.
Water closet, closet water,
Разсуждая прямо,
Mater alma, alma mater,
Все гнилая яма;
Въ ней покуда чинъ стяжаешь,
Изумя Европу....

Увѣровали, что Россію нужно спасать не трудомъ и экономіей, а насильственнымъ научнымъ образованіемъ всѣхъ и каждаго. При этомъ забыли безсмѣлицу: что плодъ образованія, хранящій сѣмена для будущаго, тѣмъ не менѣе продуктъ растенія, котораго корни необходимо взлелѣять для будущихъ плодовъ, а плоды, вызванные болѣзненнымъ состояніемъ самаго дерева, не могутъ заключать добрыхъ сѣмянъ. Но насиліе этого не разбираетъ. Ни одинъ старшина, ни одинъ гласный или предводитель не осмѣлится до сихъ поръ заявить на съѣздѣ, что народъ не желаетъ этихъ школъ, относясь къ нимъ или пассивно, или съ озлобленіемъ, при видѣ, что результатомъ ихъ въ благопріятномъ случаѣ—разрисовка стѣнъ

и воротъ непечатными выраженіями, а въ худшемъ—искусственное отторженіе подростковъ отъ обычной среды и семейнаго очага. Испробуйте дѣйствительную потребность народа въ этихъ школахъ, переставъ безпрестанно напирать на распространеніе этого зла, и черезъ годъ останутся только школы, вызываемыя дѣйствительно мѣстною потребностью.

Совершенно въ параллель революціоннымъ пріемамъ низшихъ школъ идетъ у насъ и устройство высшихъ. Въ цѣломъ мірѣ, по мѣрѣ усиливающагося предложенія сбавляется цѣна со стороны требованія. Такова вѣчная практика жизни. Но не такова она у насъ, живущихъ уже два десятилѣтія въ безобразномъ колебаніи безсвязныхъ тенденцій. Мы не знаемъ, куда дѣваться отъ людей, буквально безграмотныхъ, несмотря на полученные ими аттестаты окончанія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Люди эти, насильственно оторванные отъ питавшей ихъ среды, по полной своей непригодности къ спеціальному труду и извѣстной воспріимчивости къ революціоннымъ тенденціямъ, и составляютъ контингентъ всяческихъ революціонныхъ броженій, убійствъ и цареубійствъ.

Тѣмъ не менѣе, закрывая глаза на такіе очевидные факты, мы вмѣсто того, чтобы требовать возможно полнаго и всесторонняго образованія отъ желающихъ посвятить силы свои служенію странѣ, ежедневно помышляемъ только о пониженіи условій образованія, стараясь въ эту растлѣвающую среду накачать самые отвратительные подонки общества. Въ этихъ цѣляхъ мы щедрой рукой расточаемъ людямъ, алчущимъ своевольнаго бездѣлья, обильныя субсидіи, устраиваемъ безплатные фаланстеры и кухни, безъ малѣйшаго надзора за этими увеселительными мѣстами, и радуемся, когда, сплотясь тысячами, эти надежды государства чуть не съ ножомъ къ горлу устраиваютъ подписные концерты и балы, на которыхъ, вслѣдствіе невещественныхъ стремленій, преднамѣренно оставляютъ на креслахъ вещественныя доказательства своей грязи,

какъ это было въ 1881 году въ Московскомъ благородномъ собраніи.

Если мы спросимъ, на какихъ основаніяхъ предполагается, что хорошій или плохой спеціалистъ-профессоръ непремѣнно здравомыслящій и энергическій слуга государству, то, конечно, не получимъ удовлетворительнаго отвѣта. Если онъ только человѣкъ, держащійся за мѣсто, каковыхъ у насъ 50%, то, получая жалованье, ему удобнѣе всего стать миленькимъ у студентовъ, ублажая ихъ самовольную праздность. Если же онъ—понимающій свое назначеніе человѣкъ, то ему предстоитъ трудность двойной борьбы и съ подчиненными и съ равными. А что, если онъ самъ только продуктъ и сознательный распространитель того смутнаго источника... И вотъ возникаетъ непостижимое явленіе: радушный хозяинъ не щадитъ ни денегъ, ни заботъ для гостей, а тѣ отвѣчаютъ ему динамитомъ.

Спрашивается, кто же мѣшаетъ хозяину запереть школу и принимать въ нее ищущихъ просвѣщенія лишь при условіяхъ вполнѣ гарантирующихъ спокойствіе и благой трудъ учащихся. Къ чему это неустанное накачиваніе на умственную вершину государственной башни всѣхъ подонковъ, посредствомъ обѣщаній чиновъ и мѣстъ по окончаніи срочнаго времени, проведеннаго въ буйномъ нищенствѣ? Не очевидна ли революціонная цѣль амальгамированія честныхъ элементовъ съ революціонными, чтобы, пройдя такую школу, большинство готовящихся къ государственной службѣ превращалось въ праздныхъ и непримиримыхъ враговъ порядка, а дѣйствительно приступающіе къ государственному кормилу были тѣми же врагами порядка, тѣмъ болѣе вредными, что, прикрываясь мундиромъ, они безнаказанно могутъ быть руководителями своихъ безшабашныхъ товарищей?

Деревенскій житель (А. Фетъ).

1882.

МІРОВОЗЗРѢНІЕ ПОЭЗІИ Н. Ѳ. ЩЕРБИНЫ.

Жизненная атмосфера и составъ поэтической личности и сферы воображенія сложились у Щербины подъ дѣйствіемъ довольно своеобразныхъ условій. Претворены въ очень самобытныя и обособленныя формы, но тѣмъ не менѣе явственно сказываются въ его творчествѣ такія условія его бытія, каковы—происхожденіе, рожденіе, ростъ и воспитаніе на степномъ югѣ Россіи, не менѣе того, всегда указанная его характеристиками, греческая кровь (бабка со стороны матери—изъ Мореи) и, наконецъ, — кровь казачья: отецъ его изъ дворянъ Харьковской губ., которые очень недавно переименованы были въ это званіе Екатериной II, но происходили изъ малороссійскихъ выходцевъ, при Хмельницкомъ бѣжавшихъ отъ польскихъ преслѣдованій и образовавшихъ въ такъ называемой Слободской Украйнѣ Узюмскій слободской казачій полкъ, передовой оплотъ русскихъ окраинъ противъ крымскихъ татаръ до самаго послѣдняго передъ XIX вѣкомъ времени; мать же числилась въ дворянствѣ Войска Донского, конечно, съ еще болѣе недавняго времени вышедшемъ изъ этого давняго великорусскаго казачества. И цѣлая юность прожита была поэтомъ на палящихъ, соляныхъ или илистыхъ берегахъ сіяющихъ полуденныхъ морей, славныхъ и въ древности, а также — среди степей и балокъ съ

мѣловыми берегами въ «Слободской Украйнѣ». Въ обѣтованную родину Элладу ему и въ болѣе позднемъ возрастѣ не суждено было попасть. Итакъ со скудныхъ и знойныхъ побережій Чернаго моря ему оставалось устремлять вдаль свое созерцаніе классической древности. Въ отчужденной отъ нея обстановкѣ то была, поистинѣ, согласно проникновенному слову Тютчева — «болѣзненная мечта», какое то наркотическое возбужденіе и навожденіе. Но, какъ во всякомъ страстномъ бредѣ, въ немъ заложенъ былъ тотъ наболѣвшій острый жаръ ощущенія, который болѣе свойственъ чувству, напропалую уносящемуся изъ великой воздушной перспективы, нежели прямому наблюденію предмета на сценѣ дѣйствія.

Въ кругозорѣ Щербины поэзія и пластика классической древности были наиболѣе совершеннымъ образомъ такого міровоззрѣнія, въ которомъ — съ одной стороны — вся стихійная вселенная представляется *міроздапіемъ*, въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова, цѣлокупной красотой, необъятнымъ живымъ существомъ, а съ другой стороны — идеальные человѣческіе облики, всѣ устроенныя, отчетливыя оболочки изъявляютъ все необъятное величіе внѣшняго міра. По этому міровоззрѣнію — во всякой части есть цѣлое, все, безконечность, и въ безконечности, во всемъ, въ цѣломъ есть всякая часть. Части и члены слагаются и воздѣйствуютъ другъ на друга не посредствомъ простого сложенія, составленія разрозненныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая только она, только здѣсь и теперь, а посредствомъ единаго бытія или сущности, которое есть и дѣлаетъ въ каждой единицѣ такъ, что каждая точка не только она одна, но и всякая иная. Всякая часть можетъ переходить въ другую, всѣ доли могутъ мѣняться бытіемъ и дѣйствіемъ—и вновь возвращаться къ прежней природѣ и дѣятельности. Въ этомъ существенное отличіе союза и единства *органическаго* отъ союза и единства *механическаго*.

Такой складъ органическаго тѣла, для поэта, о ко-

ромъ ведемъ рѣчь, есть святыня. Прозрѣніемъ такого склада въ совокупности міра явленій въ душѣ созерцателя возсоздается старинное представленіе о мірѣ, какъ о «блаженномъ богѣ» или о «божественномъ животномъ». И то же священное откровеніе сообщается и въ образахъ, въ типахъ личныхъ человѣческихъ плотей, которыя запечатлѣны въ изваянныхъ обликахъ эллиновъ. Въ нихъ самая твердая и плотная лѣпка не противится разливу безпредѣльной души. Внутренній строй, замыселъ, порядокъ кумировъ, взаимное соотношеніе ихъ частей, которое составляетъ ихъ единство и цѣльность — вотъ въ чемъ постоянное и неустанное дѣйствіе, наличность этой души. Изъ этой души проистекаютъ всѣ образующія, подобныя токамъ, стихіи твердаго состава, переливныя, зыбкія, трепетныя струи, которыя опредѣляютъ его сомкнутость, но отрѣшаютъ отъ всякой замкнутости, вводя всю присущую свободному духу совмѣстность разнородныхъ и несовмѣстныхъ сущностей.

Съ большей еще явственностью узнаются изъ всѣ дѣла и предметы, къ которымъ онъ стремился и приникалъ на просторѣ природнаго міра, въ томъ единственномъ человѣческомъ лицѣ, которое дѣлается кумиромъ его сердца. Въ этой личности, точно такъ же, какъ и въ шелестахъ и въ благоуханіяхъ ночи, представляются и согласуются всѣ разногласныя направленія человѣческаго сердца. Въ «нѣмой пѣснѣ», которая проливается изъ любимыхъ взоровъ, соединяются для того же поэта всѣ многоразличные отливы, переливы и разливы «пѣсенъ міра». *Она* есть средоточіе, истокъ свѣта, изъ котораго изливается горнее сіяніе на всю массу и смуту явленій.

Я стремлюсь вѣчно юной душою
И всѣмъ сердцемъ къ твоей красотѣ,
Въ ней сказалася жизнь предо мною
Въ безграничной своей полнотѣ.
И мелодія духа разлита
Многозвучно въ тѣлесныхъ чертахъ,

И, сіяніемъ страсти повита,
Говоритъ и трепещетъ въ глазахъ.
Предъ тобою и мысли и чувства
Мнѣ хотѣлось бы въ мраморъ облечь.
Я ищу для созданій искусства
Осязаемо зримую рѣчь.
Во плоти ихъ — искавіе духа
Въ неразъятномъ сліяніи съ ней
Недоступно для грубаго слуха
И темно для незоркихъ очей!

Въ такихъ мотивахъ и моментахъ совершенство, совокупность бытія или природы ощущается Щербиной въ образѣ, въ лицѣ человѣческомъ. Все великое живое существо мірозданія сосредоточивается въ одной малой единицѣ жизни. Съ не меньшимъ могуществомъ душа этого художника зыблется и теряется въ пучинѣ внѣ человѣческихъ существъ, во всѣхъ предметахъ чувства, мысли и мечты.

Предъ ширью и далью всѣхъ движеній и расположеній міровыхъ у него развертывается область ощущеній, необычайная по тождественности почти точной съ тѣми представленіями первобытныхъ людей, для которыхъ всѣ тѣла и образы яваго міра были не что иное, какъ разнообразныя воплощенія или вообще выраженія не вполнѣ ощутимыхъ и вообразимыхъ вѣющихъ духовъ и тѣней, для которыхъ всякое явленіе жило не только въ своемъ обычномъ видѣ, но и въ человѣческомъ олицетвореніи или подобіи. Всякая рѣка, всякій лѣсъ и для поэта провѣстился человѣческимъ «голосомъ», какъ говорится въ сказкахъ.

Сѣтомъ міровъ облитой
Весь я природой объятъ,—
Волны со мной говорятъ,
Бури мнѣ пѣсни поютъ,
Травы цвѣтущія льютъ
Свой на меня ароматъ.—

Слышу, какъ звѣзды текутъ,
Слышу какъ ползаетъ галъ.
. . . . . .
Ты безконечна, жизнь мировая!
Стройная вѣчно, вѣчно младая,
Въ тѣлѣ созданья мысль разлитая!

Мертваго и бездушнаго нѣтъ нигдѣ. Всякая пылинка, крупица и росинка живы, дышатъ, разумѣютъ, вѣщаютъ и любятъ, то есть переливаются другъ въ друга. Великій причинный союзъ между предметами, который человѣку явенъ и понятенъ лишь какъ послѣдовательность ихъ во времени или раздѣльность въ пространствѣ, есть на самомъ дѣлѣ союзъ любви, въ которомъ всякая тварь единится съ другой, сливаясь, обмѣниваясь, дѣлясь, или объемлясь въ жизни третьей, бо́льшей. Во всякомъ образѣ бьется отсвѣтъ, отзвукъ всѣхъ прочихъ образовъ, и единый образъ пребываетъ во всѣхъ ихъ. Такъ въ ощущеніи этой внутренней жизни внѣшнихъ веществъ грани чаловѣческаго разграничивающаго сознанія раздвигаются: жизнь стихійныхъ существъ — жизнь сверхчувственная, сверхумственная; но развѣ между чувствомъ человѣка и тѣмъ, что «сверхчувственно» есть разница въ качествѣ, и не въ одной ли степени — эта разница? «Человѣкъ есть нѣчто большее, нежели человѣкъ» — какъ говоритъ одинъ мистикъ. И съ другой стороны, нѣтъ ничего страннаго, если и во внѣчеловѣческомъ, въ той внутренней жизни стихій, которая «по ту сторону» людского сознанія, нѣтъ ничего по существу отличнаго отъ человѣческаго склада стремленій. Вѣдь человѣческое лицо и составъ есть и средоточіе, и основа, и частица міровыхъ составовъ, наравнѣ со всякимъ инымъ частнымъ существомъ. И вотъ, значитъ, какая благая вѣсть сознается тѣмъ самымъ земнороднымъ человѣкомъ, который дорожитъ вѣдь, какъ своимъ насущнымъ достояніемъ, своимъ типичнымъ нравомъ, своимъ типичнымъ разумомъ. Малѣйшій трепетъ, ничтожнѣйшій шагъ мошки или человѣка отдаются и отглашаются по всѣмъ струнамъ и органамъ мірового тѣла.

Стройная музыка тайно сокрыта,
Все проникая въ подлунной собою,—
То, что сіяніемъ солнца облито,
Что освѣщается тонко Діаной ночною.
Чувствомъ широкимъ тогда обнимаю
Сродную жизнь и стремленье всѣхъ сущихъ,
Маленькій міръ ихъ любви открываю
Въ сердцѣ летающихъ, въ кровечной груди ползущихъ.
Все, что цвѣтетъ, и ползетъ, и летаетъ,
Долю имѣетъ свою въ наслажденьи;
Все и заботы, и радости знаетъ,
Мчится и тонетъ со мною въ житейскомъ волненьи.

Въ иные часы такая отзывчивость на вѣянія и біенія живыхъ міровыхъ явленій доводитъ ощутителя до болѣе отдаленныхъ еще и потаенныхъ областей зрѣнія и слуха. Тогда то въ его сердцѣ возникаютъ вновь въ вѣковомъ своемъ обличіи всѣ тѣ существа, которыя то заблились въ небесахъ туманами и тучами, то обличались въ смутные людскіе очерки, то гнѣздились и шелестили въ древесной корѣ, то пробивались изъ земли въ цвѣтахъ, и изъ стволовъ вырывались плотью, и изъ стеблей сочились кровью, а изъ водныхъ струй вздымались упругими станами, а уста ихъ пѣли и шептали манящими голосами.

Что то влекло меня въ темную рощу
Слушать, какъ шепчется что то въ вѣтвяхъ.
Сердце мое трепетало боязнью,—
Сердце любило такую боязнь.
Я понималъ тотъ таинственный шопотъ...
Вамъ передать я его не могу:
Мысли мутятся и слово нѣмѣетъ.
Часто любилъ я смотрѣть на рѣку,
Слушая музыку хоровъ незримыхъ.

Въ очи мнѣ прямо, участья полны,
Водяные духи сквозь волны смотрѣли.
Вѣтеръ, колыша тростникъ надъ водой,
Мнѣ напѣвалъ колыбельную пѣсню,
Полную чуднаго смысла...

Въ великомъ единогласномъ шопотѣ-ропотѣ лѣсной сѣни чутье этихъ жизней разливается съ преимущественной широтой и глубиной. Въ вѣщемъ таящемъ и сулящемъ вечернемъ свѣтѣ дремучаго лѣса передъ нимъ начинаютъ витать не во снѣ, а наяву цѣлые сонмы и хороводы призрачныхъ образовъ, къ которымъ чуткое воображеніе народовъ присматривалось, прислушивалось издревле съ особенно восторженнымъ трепетомъ и бредомъ. Въ мысли поэта возсоздается представленіе, завѣщанное преданіями и не разгаданное, объ облачныхъ и рѣчныхъ духахъ и дѣвахъ, которыхъ германцы называли эльфами, кельты — феями, эллины — наядами и дріадами, славяне — вилами и русалками. Въ нихъ мечтались тѣ жизненныя связи, въ которыхъ объединялись небеса съ землями, верхнія струи и влаги съ нижними ручьями и росами. Гадалось и о томъ, что въ этихъ одушевленныхъ токахъ билось и вилось не что иное, какъ сродныя людямъ же лица, быть можетъ, порвавшія съ организмомъ, быть можетъ, еще не установившія съ нимъ сопутствія. И вотъ весь такой міръ, который германцы называли «лѣсной тканью», ея шелестомъ-лепетомъ — Waldweben, изъ котораго поистинѣ какъ бы соткана, свита жизнь листвы и травы, этотъ «зеленый шумъ», который иногда переходитъ въ свистъ, хохотъ и вой лѣшаго, — онъ плыветъ, зыблется и растетъ отовсюду, во всѣ стороны, и у путника отъ него шумитъ и гудитъ въ ушахъ и въ головѣ, взоры заливаетъ, закатываетъ, а духъ захватываетъ, и этому путнику начинаетъ чудиться и мерещиться нѣчто невиданное и небывалое. Сжившемуся съ лѣсомъ путнику становится свойственно самымъ убѣжденнымъ и вдумчи-

вымъ образомъ ждать отъ этихъ грезъ вразумляющихъ и направляющихъ на путь правый откровеній о задачахъ и назначеніяхъ житейскихъ и о невѣдомыхъ вопросахъ познанія.

Льютъ надо мною зеленыя слезы свои непрестанно
Вѣтви плакучихъ деревьевъ, и, кажется, между собою
Перешептнулись кусты обо мнѣ осторожно, съ украдкой...
Носишь какого то міра иного присутствіе въ сердцѣ,
И разлился онъ, тотъ міръ, за тобой, предъ тобой, надъ тобою,
Обнялъ всецѣло тебя и содѣлалъ своимъ гражданиномъ.
Кажется будто отжившія всѣ существа воплощенно
Зажили вновь и витаютъ, тебя окружая собою,
Будто тѣ близкія души, что ты схоронилъ и оплакалъ,
Прежнимъ участьемъ полны и любовію прежней согрѣты,
Плачутъ теперь надъ тобой и живого хотятъ разговора.
Видится этой порою, въ туманѣ таинственной грезы,
Будто бы даже и то, что еще никогда не рождалось,
Вдругъ оживетъ, облекаясь въ какой то сверхчувственный образъ.
Дремлющій воздухъ наполненъ вокругъ существами, которыхъ
Зрѣнье и слухъ не уловитъ, но чуютъ душевныя струны...
Связь ихъ съ собой постигаешь, но дать имъ отвѣта не можешь:
Мысль не слагается въ рѣчь, не находишь изъ должнаго слова,—
И отрѣшаешься весь отъ оковъ тяготѣющихъ плоти...
Ощупью въ мірѣ блуждая томясь и неизлѣчимымъ боленъ,
Къ вамъ я довѣрчивымъ сердцемъ пытливой душою взываю,
Сонмы незримыхъ существъ! Разскажите, откройте мнѣ тайны
Вашего міра, всѣ тайны того, что не вижу, не слышу,
Не осязаю, но чувствую смутныхъ души ощущеньемъ...
Грустно ходить мнѣ во тьмѣ, тяжело мнѣ и горько незнанье
Близкаго сердцу, роднаго душѣ, что ее окружаетъ...
О, просвѣтите же полнымъ сознаніемъ умъ мой и сердце,
Да зажиу я свѣтло и здорово, какъ мнѣ подобаетъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, наступила такая минута, когда желанное откровеніе сказалось этой личности подъ сѣнью той же растительной природы. Долго и пристально поникалъ и склонялся онъ надъ широкими, дремотными и трепетными водами рѣчной заводи, подстерегая ея жи-

телей — рыбъ. Надъ головой его, какъ и въ тотъ разъ вѣяла ива, у ногъ шуршала осока. И снова былъ предвечерній часъ, съ преимущественнымъ вниманіемъ онъ вперялъ взоры въ одну бѣлопѣнную волну, которая «играла съ солнцемъ». Сосредоточенная, чуткая пронцательность не могла не привести къ тому, что сама эта волна явила ему свой ликъ и обликъ, и «провѣстилась человѣческимъ голосомъ».

Въ рѣчи этой впервые, какъ никогда, съ неизвѣстной ему дотолѣ отчетливостью, открывается передъ его сознаніемъ взаимная слитность, сплоченность всѣхъ носителей живыхъ тѣлъ на землѣ, и въ водахъ, и въ небесахъ. Самый организмъ человѣческій есть насквозь проникнутый сознаніемъ и одушевленіемъ покровъ, который заимствуется внутреннимъ своимъ устроителемъ не изъ мертваго вещества, а изъ живыхъ окружающихъ составовъ. Во всей физикѣ и химіи внѣшней природы дѣйствуютъ вѣдь дѣятели такіе же сознательные, какъ и та дѣятельность, которая содержитъ единство организма, но болѣе, чѣмъ она, вольные. Во всякомъ обмѣнѣ веществъ этого тѣла съ окрестной средой, въ его дыханіи и питаніи, и возникающемъ отсюда кровообращеніи и ростѣ происходитъ прямое общеніе и единеніе съ иными разносящимися по вселенной, блуждающими центрами сознанія и воли. Быть можетъ, этими то подвижными средоточіями стремленій и возбуждается во внутреннемъ ощущеніи крови все, что передается сокровеннѣйшимъ струнамъ и нитямъ мысли — въ геніальныя вдохновенія и замыслы, какія рождаются въ человѣческомъ составѣ. А возбудители этихъ вдохновеній въ воплощенной личности опять между тѣмъ выскользаютъ или вылетаютъ изъ нея черезъ проводы ея чувствъ, видимые и невидимые, и продолжаютъ свои странствія по міровому простору. Ихъ удѣлъ — свобода, зыбкость, способность ко всѣмъ проявленіямъ, отчего ихъ выраженіемъ и дѣлается вода, огонь, воздушныя зыби, токи и шарики

животныхъ жилъ; но не дано имъ продолжительнаго устойчиваго сосредоточенія въ личномъ центрѣ сознанія, воплощенія въ составѣ или укладѣ организма, устроенномъ и разсчитанномъ на болѣе длительный срокъ.

Такимъ образомъ эти летучія или текучія силы которыхъ дѣйствіе отчасти испытуемо порядками и понятіями механическаго движенія, а отчасти принадлежатъ къ движеніямъ инороднаго неощутимаго эоирнаго вещества, представляются сходны во всѣхъ отношеніяхъ, совпадаютъ всѣми своими признаками съ тѣми отбывшими уже или небывшими еще людьми, которые всегда чуялись мечтами, повѣрьями и преданіями въ облакахъ, въ вѣтрахъ, въ звѣздахъ, въ зарницахъ, а также въ травахъ, цвѣтахъ и деревьяхъ, вырастающихъ изъ праха покойниковъ. Это сверхчувственные, недоступные среднему сознанію человѣческому, прообразы, первообразы, замыслы, очерки разумныхъ организмовъ, τὰ εἴδη μόρφαι и монады, духообразныя точки, на которыя, въ глазахъ мыслителей разныхъ вѣковъ, разлагалось плотное и протяженное вещество; и многимъ изъ нихъ до поры не суждено воплощаться, т. е. доходить до человѣческаго воспріятія иначе, какъ въ стихійныхъ и растительныхъ формахъ, и лишь порою въ человѣческомъ подобіи, олицетвореніи.

Иныя изъ этихъ невѣдомыхъ эоирныхъ силъ, которыя лишь ненадолго облекаются въ твердые составы, подлежатъ иной, болѣе горестной судьбѣ. Ихъ неизобразимая сущность не можетъ выражаться ни въ чемъ, какъ только въ глухихъ, тяжкихъ сокахъ той самой земли, въ которую опущена была ихъ человѣческая тлѣнная оболочка. Отсюда тѣ вѣрованія, что они неосязаемы, невидимы, что у нихъ нѣтъ путей сообщенія въ тѣ періоды года, когда земная утроба и кора цѣпенѣетъ и стынетъ. Шевелиться онѣ начинаютъ, по словамъ преданія, лишь съ умноженіемъ солнечнаго свѣта и жара, въ дни Коляды и Овсеня, но въ явственномъ видѣ даютъ о себѣ

знать съ пробужденіемъ живыхъ ключей и ручьевъ и съ прозябаніемъ первыхъ былинокъ, въ дни Красной Горки и Радуницы. Тогда они получаютъ возможность животныхъ условій существованія, животнаго воздуха и тепла. Но это — непрочныя олицетворенія и овеществленія, и потому тотъ же древній опытъ повѣдалъ, что вмѣстѣ съ убылью солнечнаго свѣта, только что снискавъ самую сильную жизнь въ пору Семика и Русальной недѣли, съ лѣтняго солнцеворота, годового склона къ смерти, имъ необходимо переходить въ прежнее свое состояніе — въ смерть, т. е. въ безтѣлесность и безличіе.

Такія истины извѣстились настороженному слуху въ голосѣ рѣчной струи, измѣнившейся въ русалку. Такъ человѣкомъ сознается и уразумѣвается таинственный характеръ всѣхъ явленій природы, характеръ проводныхъ средъ для ощущенія сверхчувственныхъ присутствій, которыми воспріятіе человѣка отчасти выводится за предѣлы порядковъ, удостовѣряемыхъ разсудочнымъ наблюденіемъ, отчасти же въ самыхъ предѣлахъ этихъ порядковъ подается указаніе на первую и послѣднюю ихъ причину, ихъ обусловливающую, но изслѣдованію опыта и разума не поддающуюся. И этимъ же разумѣніемъ тайной природы вещей поэту внушается рѣдкая по первообразной наглядности и осязательности и вмѣстѣ съ тѣмъ мыслительной точности и доказательности вѣра въ міровое передвиженіе мыслящаго и волящаго лица. Переходы и преобразованія живой души по всему мірозданію неизчислимы и неистощимы. Черезъ органическую слитность личнаго сознанія со своимъ тѣломъ, иначе говоря — со своимъ внѣшнимъ, представленнымъ, предметнымъ выраженіемъ, этимъ же внутреннимъ сознаніемъ переживаются всѣ превратности этого его образа или отраженія («объективаціи»). Тѣлесный строй и управа есть уплотненное, изваянное обнаруженіе человѣческаго духа — строителя и правителя, столь же нераздѣльное съ нимъ, какъ красочное сочиненіе или звуковое построеніе съ замысломъ

или планомъ своего сложителя. Nichts ist innen, nihts ist aussen, den was innen ist, das ist draussen — согласно слову Гёте. Сверхчувственное дѣйствіе прозрачно свѣтится во всей чувственной видимости, ничего не отнимая у ея дѣйствія, ни въ чемъ ея не нарушая, а напротивъ того — доставляя ей послѣднее необходимое условіе и поводъ къ дѣйствію.

Отсюда явствуетъ, что сознаніе личнаго духа можетъ переживать, ничего не утрачивая изъ своего единства, всѣ переливы и перемѣны своей формы, своего слова, своего твердаго изображенія. Аналогію этого утвержденія поэтъ представляетъ въ судьбѣ луча солнца, который, падая на землю, возникаетъ и возсоздается изъ нея въ листьяхъ и цвѣтахъ, затѣмъ опять сообщается со своимъ источникомъ — солнечнымъ жаромъ и вновь выдѣляется изъ цвѣтка цвѣточной пылью, чтобы обсѣменить ту же землю. Такъ и человѣкъ, пріобщась своимъ единымъ сознаніемъ и хотѣніемъ ко всѣмъ превращеніямъ своего тѣлеснаго облика, становится причастенъ ко всѣмъ безъ изъятія составнымъ частямъ мірового союза.

Значитъ и теперь, и въ эту минуту, всякій человѣкъ бываетъ въ единствѣ со всякой пылинкой и струйкой и со всей громадой и пучиной вселенной, разъ въ немъ нѣтъ ничего, чего бы не было во всѣхъ явленіяхъ этой вселенной. Во что же ему обратиться, во что же перейти, чего бы не было въ немъ же самомъ, что бы не составляло его самого, будь то во внутреннемъ или внѣшнемъ, сознанномъ или несознанномъ его составѣ. Все внѣшнее и окружающее все это родное и свое. Какъ лучше и больше удостовѣриться ему въ своемъ безсмертіи!

Вѣрю, я безсмертенъ!
Въ атомахъ вселенной
Я ужъ зарождался.
Съ вѣчной жизнью Бога
Въ Божьей мысли жилъ я.

Жизненная влага
И пылинки персти
Первыхъ дней созданья —
Слиты въ этомъ тѣлѣ.

Да, есть въ живомъ человѣкѣ всегда непреложное чувство этого единства со всякимъ существомъ, этого пребыванія своего столь же въ ихъ вѣчной сущности, сколько въ частномъ характерѣ каждаго изъ нихъ. Но въ томъ, что идеи и прообразы вещей и самая великая цѣлостная ихъ душа не пребываетъ никогда *только* здѣсь или *только* теперь, а вдругъ и здѣсь, и тамъ, и теперь, и тогда, во множествѣ мѣстъ и миговъ заразъ—заложенъ залогъ, завѣтъ и зарокъ неудержимаго и непрестаннаго новообразованія этихъ душъ, а для человѣческаго лица — участь погони за этими событіями въ видѣ поступательнаго движенія или шествія. Чтобы соприкоснуться со всѣми разными родами и видами бытія, приходится представлять ихъ во времени, въ отдѣльности и по очереди. Отсюда возникаетъ страсть движенія все впередъ и далѣе, стремленіе выступать изъ своей точки и мига, все ради объединенія, объятія со всей полнотой и богатствомъ бытія, ради его всецѣлаго познанія и созданія.

Грудь человѣка спираетъ неразрѣшимое, неизбытное противорѣчіе: нельзя не сознавать, что уже и теперь, и тутъ внутри ощущенія есть необъятность, есть совершенство; но всего не удержать, не установить навсегда, всечасно: одно есть, и уже было, и уже ушло; многое приходитъ въ первый разъ, и вотъ ужъ оно кажется лучше, болѣе любо человѣку, то самое, что ему нравится, къ чему онъ рвется, о чѣмъ бредетъ. Такъ происходитъ непрерывная борьба противъ чего то, что есть, за что то, что тоже есть уже отчасти или чего еще вовсе нѣтъ, но что заключается человѣческой волей. И вотъ то самое чувство безконечности, которое у поэта было прежде втянуто въ крупицу, въ средоточіе, являлось интенсивно или «вертикально», «въ поперечномъ разрѣзѣ», уступаетъ дѣйствіе такому чувству той же безконечности, которое представляется въ видѣ послѣдовательныхъ, выживающихъ другъ друга моментовъ или чредъ, въ видѣ *протяженномъ* или *растяженномъ* («экстенсивномъ») по безпредѣльному пути, «въ горизонталѣ» или «въ продольномъ разрѣзѣ.» Тогда величайшая сумма бытія — «счастье», т. е. всеобъемлющее познаніе и любовь, внезапно отодвигается, отвергается въ неизмѣримую даль и глубь, и вся міровая жизнь дѣлается подвигъ, борьба, страданіе за недостижимую цѣль. И является возможность такихъ думъ о судьбѣ:

Я убѣжденъ: есть счастіе одно,
Высокое, далекое, прямое,—
Вмѣстить въ себѣ той истины зерно,
Что облеклось въ созданье мировое.
Какъ человѣкъ, могу его искать,
Какъ онъ, я не могу имъ насладиться.
Но сладко жить, отрадно мнѣ страдать
Лишь для того, чтобы къ нему стремиться.

«Истина», которая «вселилась теплотой дыханья въ тѣло мірозданья», душа великаго мірового организма, несмотря на то, что всегда преисполняетъ его, все же остается скрыта въ невѣдомой глубинѣ: взоръ человѣческій не доходитъ до нея. Вслѣдствіе этихъ — какъ въ другомъ мѣстѣ выразился этотъ же поэтъ — «потребъ вопіющихъ, потребъ безконечнаго духа», «воплей любви, неизвѣданной нами и нами просимой» по всей сферѣ пространства и времени разыгрывается неудержимый порывъ, проносится полетъ бурнаго вѣтра. Могучія воли стремятся распространять свое могущество, содержать подъ своей рукой возможно большій объемъ окружающей среды, возможно большее число противниковъ. Ради этого они пускаются въ путь, идутъ на рать, съ твердой рѣшимостью запла-

тить за него цѣною выхода изъ собственной оболочки, цѣною гибели человѣческаго состава. Воители и подвижники, это начальники, главные носители того всеобщаго мятежнаго желанія, которое стремится захватить все болѣе и болѣе, раздвинуть все далѣе предѣлы своей власти надъ внѣшними волями и пространственными условіями. Поэтому дерзновеніе героической личности—одинъ изъ великихъ центровъ страстной жизни мірового духа, и она снаряжается въ бой въ согласіи съ общей смутой и бранью воздушныхъ и земныхъ воинствъ.

Заснулъ я въ тѣни синяморы,
Но видѣлъ ущелія скалъ;
На нихъ опирались горы,
Орелъ надъ горами леталъ.
И грозныя тучи носились
И бури ревѣли въ горахъ,
И гибкою тростью клонились
Столѣтніе дубы во прахъ...
И жаждалъ иной я свободы,
И жаждалъ иного вѣнца,
Въ объятіяхъ бурной природы,
Въ объятьяхъ Зевеса - отца.

Во всякое время неутоленными, недовольными сердцами привѣтствуются и превозносятся какъ стихійные разгромы и перевороты, такъ и человѣческія власти, которыя разбиваютъ въ прахъ и сметаютъ прочь все бывшее, наскучавшее и мчатъ, уносятъ на крылахъ къ чему то невиданному, новому, отчаянно бьются за небывалую мечту, а быть можетъ и за ничто. Но тоскующіе искатели забываютъ о себѣ и рвутся за ними на удалую, на пропалую, потому что пускай гибнетъ сознаніе — только бы не знать предѣловъ. Самые мятежные и пропащіе духомъ невольники уже ни за чѣмъ не устремляются въ набѣгъ и разбой стихійныхъ буйствъ, какъ только ради самоуничтоженія. Они давно извѣдали и убѣдились, что

въ предѣлахъ единичнаго понятія, единичныхъ волевыхъ силъ не добиться желанной жизни. Поэтому изъ всякихъ личныхъ и общественныхъ узъ и затворовъ они вырываются съ пронзительнымъ кликомъ на волю земного пространства и небесныхъ свѣтовъ, потоковъ, громовъ и загоняютъ себя въ неистовой скачкѣ и состязаніи съ ними до смерти.

Вырвался съ кровью изъ груди холодной
Вопль, замиравшій неслышно, безплодно.
Глухо оковы мои загремѣли,
А за стѣною малиновки пѣли.
Вотъ когда смерти впервые хочу я,
Мыслью далеко отсюда лечу я.
Вижу себя на конѣ и на полѣ,
Чую себя я на волѣ, на волѣ.
Солнце горитъ на небесной лазури,
Тучка несется, предвѣстница бури,
Бурѣ готовятся дубы къ отпору.
Внемлю я тайному волнъ разговору.
Чайки кружатся надъ моремъ стадами,
Плавно летаютъ орлы надъ скалами...
Здѣсь на раздольѣ и въ эти мгновенья,
Какъ бы я умеръ въ пылу вступленья.
Вашей мнѣ жизни ужъ больше не надо:
Въ смерти своя есть и жизнь и отрада, —
Въ лонѣ природы, въ борьбѣ и волненьяхъ,
Въ страстныхъ вакхическихъ міра стремленьяхъ.

Въ такихъ положеніяхъ, предвозвѣщающихъ грядущую грозу, въ этихъ набѣгающихъ и прерывисто дышащихъ струяхъ прохладнаго вѣтра съ наибольшимъ напоромъ чувствуется всегда захватывающее чаяніе гибели одного ограниченнаго естества и перевалъ, обвалъ въ величайшую, привольнѣйшую, сильнѣйшую жизнь. И такъ эти бурныя движенія недовольной міровой воли сливаются въ одно настроеніе съ тѣми убѣжденіями о род-

ствѣ душъ всѣхъ вещей, которыя объявлены были созерцательному вниманію водъ и лѣсовъ; такого рода сліяніе происходитъ въ томъ обаятельномъ, головокружительномъ восторгѣ, который составляетъ «предсмертное чувство» поэта - созерцателя и воителя.

Слышу холодную руку
Смерть положила на сердце,
Страстное сердце мое.
Что же нигдѣ я въ природѣ
Образа смерти не вижу?
Я оглушенъ, ослѣпленъ дивирамбомъ
Вѣчно стремящейся жизни,
Вихремъ ея увлекаемъ,
И отстаю я отъ хора людей
Въ этомъ вакхическомъ бѣгѣ, средь кликовъ,
Плясокъ и пѣсенъ...
Я изнемогъ, задыхаюсь...
Палъ я на землю... Теряюсь
Въ лонѣ безбрежнаго міра,
Будто въ туманѣ,
Будто въ чаду опьяненья...
Это ль?.. такъ это ли смерть?

Въ этихъ ощущеніяхъ однимъ свѣтомъ озаряются и неуемные восторженные, изступленные перекаты и раскаты природы, и та благодатная нѣга и сладость живыхъ силъ, когда онѣ съ каждой весной принимаютъ новые прекрасные образы, покровы, плоти. Въ этой «смерти» неурядица и усобица такихъ противоположностей мірового строя улажена и уложена. Чрезъ великое широкое пріобщеніе къ океану струй и вихрей, и личности, всегда истерзанной противорѣчіями, изъявляется единственная и всеобъемлющая дѣятельность Жизни, въ которой равняется покой съ тревогой.

Такимъ образомъ становится понятно само собой то обрѣтеніе нетлѣннаго довольства и свободы, какое пріобрѣтается въ стихійномъ мірѣ этимъ же самымъ поэтомъ,

находившимъ отраду въ лонѣ природы, *въ борьбѣ и волненьяхъ*. Прямо обратнымъ способомъ выдыхаетъ онъ вздохи облегченья предъ лицомъ той же «природы» и тѣмъ оправдываетъ то исходное основаніе своего мировоззрѣнія, отъ котораго онъ отправлялся, и которое позволяло ему восклицать:

Смолкните жъ, стоны страданья:
Жалобный вопль человѣка!
Нѣтъ въ міроздавіи горя!
Горе то призракъ, отъ вѣка,
Созданный вольно тобою...

Да, за горячимъ ропщущимъ бореніемъ, въ немъ самомъ, внутри его, міръ представленій и предметовъ человѣка таитъ отъ вѣка и до вѣка незыблемый, какъ первозданныя воды, покой. Этотъ покой, это одинокое свободное бытіе принимаетъ на себя величавые гармоническіе образы тревогъ и треволненій, чтобы личность, сознающая себя и волящая, находила передъ собой свое же собственное совершенное выраженіе и черезъ это въ истинномъ смыслѣ «отводила себѣ душу». Оттого поэтъ взываетъ:

Всѣ тайны я, какъ внутренній недугъ,
Хочу тебѣ повѣдать, милый другъ,
Природѣ ихъ раскрыть,
Затѣмъ, что тайнъ и болей нѣтъ у ней:
Тѣ тайны — гной отъ язвъ души моей,
Мнѣ должно ихъ цѣлить.
И мрачный лѣсъ все мрачное зоветъ,
Что исконно такъ сердце бережетъ,
Въ чемъ высказаться жаль.
О, въ этотъ часъ я все бы вамъ открылъ,
И какъ я жилъ, и что я пережилъ,
И всю мою печаль!

Здѣсь совершается роковое возвращеніе поэта къ утвержденію цѣльной всесливающей безконечности —

вѣчности. Вершающей точки этотъ оборотъ достигаетъ въ двухъ одахъ, отличенныхъ благоговѣйнымъ вдохновеніемъ. Въ первой изъ нихъ представляется уединеніе человѣка со своей подругой на неприступной горной вышинѣ, которая поднимается надъ морскимъ берегомъ. Въ условіяхъ зрѣнія и слуха на этой недосягаемой грани въ явѣ, воочію предстаетъ призрачность, условность, неустойчивость всѣхъ величинъ и свойствъ «дольняго» существованія. Въ точки и пятнышки сплываются и паруса, и чайки, и дельфины, и жилища людей, и жилища птицъ. Нельзя разобрать, что облака, что тѣни, что сіяніе, что море, что горы. Неизвѣстно, что близко, что далеко. Только,— что одно чернѣется, другое бѣлѣется, и все вмѣстѣ, и тмится, и отсвѣчиваетъ. Сверху и со всѣхъ сторонъ, посреди лѣтней поры, неизмѣнный холодъ и съ нимъ — немеркнущая слава солнца. Внизу — обрывы, отвѣсныя стѣны, и недоступно взору, куда летитъ камень, сдвинутый туда ногой: только не молкнетъ тамъ глухой, полый гулъ. И самой стопѣ, двигающей камни, приходится остерегаться каждаго своего шага. Обступаетъ и подрываетъ всѣ подраздѣленія положеній и разстояній какое то невѣдомое бытіе, великое, какъ этотъ небосклонъ, темное, какъ эти тучи и пары, сіяющее, какъ это свѣтило дня. Въ этомъ бытіи, которое нельзя назвать иначе, какъ духомъ, воздухомъ, забываются и тонутъ даже тѣ величайшія человѣческія страсти, которыми приведена была чета людей на эту высь. Всякія разницы представленій разума и сердца отрицаются, уничтожаются безконечностью, которая зіяетъ и сіяетъ въ раздѣлы пространства и времени.

Что тогда наши мечты, упованья,
Все, чѣмъ мы жили, дышали съ тобою,
Счастіе наше и наши страданья,
Если скользнемъ мы нетвердой стопою?
Мы,—преходящія духа явленья.

Всюду жь предъ нами царитъ сго вѣчность
Жизни всемірной мы только мгновенья.
И испугала намъ душу и зрѣнье
Ждущая насъ поглотить безконечность.

Но этотъ отрицательный полюсъ чувства вѣчности поощренъ и держится на одной оси съ другимъ — утвердительнымъ престоломъ его торжества. Въ ликованіи весенняго расцвѣта, и точно такъ же въ блаженномъ союзѣ четы, заключающемся въ эту пору, совершается не менѣе великое и горнее откровеніе единаго божественнаго духа, которымъ составляется и слагается стройность міросданія. Эта жизнь весны и любви есть и окончательное и нескончаемое обоготвореніе человѣческаго лица, пріобщеніе его къ лику и ладу міровой Красоты (Космоса), и то самое прославленіе единичнаго образца женской красоты, сосредоточеніе всего многообразія въ немъ одномъ, которое было отмѣчено въ служеніи поэта кумирамъ мраморнымъ и тѣлеснымъ. Эта жизнь сулитъ и обѣтуетъ во снѣ не снившіяся дали и горизонты впереди, еще и еще, и оттого не менѣе уже исполнена, совершенна, довольна и вольна. Въ этомъ восторгѣ, вдохновеніи и блаженствѣ — обѣты и возможности невообразимыхъ новообразовъ, и установленный уставъ, строй, вѣнценосный, златоглавый храмъ. Такой гимнъ вешней и всевышней жизни былъ, есть и будетъ во всемъ творчествѣ поэта: онъ — средоточіе его свѣта и огня:

Сладко на солнцѣ дремлю я.
Слышу паденіе водъ.
И надо мною, ликуя,
Пташекъ поетъ хороводъ.
Легкое вѣтра дыханье
Всюду несетъ ароматъ.
Воздухъ исполненъ сіянія;
Пестрыя мушки жужжатъ.

Кудри деревъ расцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтковъ;
Пчелы надъ ними летаютъ
Въ желтой пыли лепестковъ.
Чашей серебристой лилея,
Жукъ изумрудомъ блеститъ.
Сѣть паутины, бѣлѣя,
Въ зелени темной виситъ.
Быстро по сучьямъ взбѣгаютъ
Ящерицъ рѣзвыхъ семьи
И, шелестя, пропадаютъ —
Будятъ меня въ забытьи.
Я подъ крыломъ у природы
Чистъ и безскорбенъ живу,
Полнъ первобытной свободы;
Все мнѣ какъ сонъ наяву.
Встрѣтилъ я душу родную,
Тщетно искавшую мной,
Встрѣтилъ ее отлитую
Въ образъ весны молодой...
Слился я съ нимъ и не знаю:
Въ воздухѣ ль, въ сердцѣ ль тепло?
И у себя не пытаю,
Въ небѣ, въ душѣ ли свѣтло...
О Міродержецъ! Отрадно
Стройность въ душѣ ощутить...
Дай же мнѣ долго и жадно
Жизни до дна не допить.

Ив. Коневской.

КЪ ХРОНОЛОГІИ СТИХОВЪ ФЕТА.

Б. В. Никольскій прислалъ мнѣ перечень стихотвореній, которыя должны были составить «Полное собраніе стихотвореній А. А. Фета». Я дополнилъ перечень нѣсколькими печатными стихотвореніями. Этимъ и ограничилось мое участіе въ работахъ надъ изданіемъ. Поэтому благодарю Б. В. Никольскаго за любезныя обо мнѣ строки въ его предисловіи, но считаю себя въ правѣ свободно отнестись къ его редакторскому труду. Въ настоящей статьѣ я хочу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія о «Хронологическомъ указателѣ».

Б. В. Никольскій замѣчаетъ: «Хронологическій указатель, при всемъ огромномъ трудѣ, который затраченъ на его составленіе, можетъ считаться непререкаемымъ только въ тѣхъ частяхъ, гдѣ можно было опереться на чистовыя рукописи или собственныя помѣтки автора. Таковы въ особенности періоды за 1854 — 1869 и 1885 — 1892 гг.»

Съ 1885, можно сказать, всякое стихотвореніе А. Фета имѣетъ сравнительно точную хронологическую помѣтку. Этимъ цѣннымъ фактомъ литература обязана не самому

автору, а его личному секретарю Екатеринѣ Владимировнѣ Кудрявцевой (урожденной Ѳедоровой), которая, переписывая стихотвореніе, ставила при немъ текущее число и годъ. Эти даты и воспроизведены въ хронологическомъ указателѣ Б. В. Никольскаго. Но до 1885 хронологическія помѣтки при отдѣльныхъ стихотвореніяхъ и въ «Указателѣ» и въ «чистовыхъ рукописяхъ» встрѣчаются рѣдко, такъ что Б. В. Никольскому руководствоваться приходилось, вѣроятно, главнымъ образомъ, общими помѣтками цѣлыхъ стихотворныхъ группъ. Это замѣтно и по его указателю, гдѣ есть, напримѣръ, рубрика «4 января 1854» изъ 43 №№ (312 — 354). Ясно, что 4 января 1854 только исходный пунктъ, а такъ какъ слѣдующая рубрика «1856», то рубрика «4 января 1854» у Б. В. Никольскаго должна означать: «стихотворенія, написанныя съ 4 января 1854 по 1856». Рубрика «1857», за которой слѣдуетъ «1859», должна означать: «стихотворенія, написанныя въ 1857 и 1858» и т. д.

Въ рубрику 4 января 1854 (т. е. стихотвореній, написанныхъ до 1856 г.) помѣщенъ «Сонъ» («Снился берегъ инѣ скалистый»). Но стихотвореніе это при первомъ напечатаніи снабжено помѣткою: «Римъ». Римъ А. Фетъ посѣтилъ въ свою заграничную поѣздку 1856 — 1857 г. Выѣхавъ за границу послѣ 23 іюня 1856 г., А. Фетъ въ Римѣ былъ въ концѣ 1856 г. Изъ Парижа И. С. Тургеневъ писалъ 16 ноября 1856 гр. Л. Н. Толстому: «Фетъ теперь въ Римѣ», 5 декабря 1856 — А. В. Дружинину: «Фетъ, вы знаете, въ Римѣ», 26 января 1857 — Д. Я. Колбасину: «Фетъ тоже былъ тутъ, но завтра ѣдетъ назадъ въ Россію». (Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. Спб. 1884, стр. 28, 31, 45). «Сонъ» впервые напечатанъ въ 3 № Совр. 1857, стр. 80. Въ изданіе 1856 стихотвореніе это не вошло, въ изданіе 1863 вошло. Очевидно, написано оно въ концѣ 1856.

Въ рубрику 4 января 1854 помѣщенъ и «Отвѣтъ Тургеневу» («Поэтъ, ты хочешь знать, за что съ такой

любовью»). 24 іюня 1856 г. В. П. Боткинъ писалъ А. В. Дружинину: «Вы видѣли уже Фета и вѣрно знаете его стихи «Петербургская ночь». Особенно окончаніе удивительно — я здѣсь упивался имъ до сладострастія». («XXV лѣтъ», стр. 494). «Отвѣтъ Тургеневу» впервые напечатанъ въ 6 № Совр. 1856, стр. 24. Въ изданіе 1856 онъ не вышелъ, въ изданіе 1863 вошелъ. Вѣроятно, написанъ онъ весною 1856.

Въ рубрику 4 января 1854 внесено «Е. П. Ковалевскому». Съ Е. П. Ковалевскимъ А. Фетъ познакомился въ Петербургѣ послѣ перевода своего въ лейбъ-гвардейскій уланскій полкъ (3 іюня 1853). Но въ Петербургѣ изъ лейбъ-гвардейскаго уланскаго полка А. Фетъ могъ проживать лишь съ 3 января 1854 по 28 января 1854, съ 25 января 1856 по 8 февраля 1855 и съ 23 іюня 1856. Е. П. Ковалевскій въ 1853 г. былъ посланъ въ Черногорію. Черезъ 4 мѣсяца по прибытіи въ Петербургъ изъ Черногоріи, Ковалевскій снова покинулъ его (ноябрь 1853) и отправился на Думай, къ арміи кн. Горчакова. Съ частію этой арміи онъ прибылъ въ Севастополь, гдѣ оставался вплоть до Инкерманскаго сраженія (24 октября 1854). Конецъ 1855 засталъ его уже въ Петербургѣ, а въ слѣдующемъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ ему поручено было исправлять должность директора Азіатскаго департамента. Его карьера ученаго путешественника кончилась въ этомъ году навсегда. (Сочиненія Е. В. Аненкова, т. I, стр. 332). Стихотвореніе «Е. П. Ковалевскому» представляетъ его поэтическую характеристику и могло быть написано только послѣ близкаго знакомства съ нимъ А. Фета. Впервые напечатано оно въ 10-мъ № «Библіотеки для чтенія» 1856, стр. 207. Въ изданіе 1856 оно не вошло, въ изданіе 1863 вошло. Вѣроятно, оно написано въ 1856.

Въ рубрику 4 января 1854 внесено и «Изъ Шенье. Лида» («Ланиты у меня отъ солнца загорѣли»). 27 декабря 1858 г. И. С. Тургеневъ писалъ А. Фету: «Я выправилъ ваши стихи, любезнѣйшій другъ, и отдалъ ихъ сегодня

Дружининну, но пускай меня на площади трехххвостникомъ деруть — не могу признать хорошими стиховъ въ родѣ:

Иль тотъ, кто, зародясь плѣнять богинь собою,
Изъ лона Мирры шелъ, одѣтаго корою...

А 16 января 1859 (Въ «Моихъ воспоминаніяхъ» и въ подлинникѣ ошибочно 1858 г.): «О стихахъ справедливость требуетъ сказать, что вы не въ счастливый часъ перевели эти двѣ пьесы изъ Шенье.» Стихотвореніе «Лида» впервые напечатано въ Библіотекѣ для чтенія 1859 г. Въ изданіе 1856 оно не вышло, въ изданіе 1863 вошло. Вѣроятно, оно написано въ концѣ 1858 года.

Въ рубрику 4 января 1854 внесенъ и «Сонъ поручика Лосева». 28 апрѣля 1856 г. А. В. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ: «Вчера вечеромъ читалъ у меня Фетъ свою фантастическую поэму. Есть картины, образы, но мысли никакой»... и т. д. (т. II, стр. 38). «Сонъ поручика Лосева» впервые напечатанъ въ 9 № Отеч. Зап. 1856, стр. 1 — 7. Возможно думать, что 27 апрѣля 1856 А. Фетъ читалъ свою поэму, какъ новинку.

Матеріала для пререканія относительно правильности внесенія другихъ стихотвореній въ рубрику 4 января 1854 — пока нѣтъ. Но пререканіе и о пяти стихотвореніяхъ этой рубрики возбуждаетъ сомнѣніе и въ остальныхъ. Такъ что, надежнѣе было бы опереться на истинныя, непререкаемыя данныя перваго напечатанія.

Въ рубрику «1857» (1857—1858) Б. В. Никольскій относитъ первую редакцію стихотворенія «Напрасно». Но стихотвореніе это было напечатано еще въ 1852, въ 6 № Москвитянина, въ такой редакціи:

Мнѣ грустно:
Куда ни взгляну я — встрѣчаю всюдѣ неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязанъ изустно.
Тебѣ улыбаюсь, но внутренно горько я плачу:
Мнѣ грустно.

Разлука.
Душа человѣка какія выноситъ мученья!
А часто намъ выразить всѣ ихъ достаточно звука,
Стою какъ безумный, еще не постигъ выраженья:
Разлука.

Свиданье.
Разбей этотъ кубокъ — въ немъ капли надежды таятся —
Она - то продлитъ и она - то удвоитъ страданье,
И въ жизни туманной все будетъ обманчиво сниться
Свиданье.

Не нами
Болѣзненнымъ чувствомъ рѣчамъ установлены цѣны
Тѣ прожиты чувства, тѣ сказаны рѣчи нѣкими...
Но очередь наша и кончатся грустныя смѣны
Не нами.

Но больно,
Что жребій жизни святымъ побужденьямъ враждебны.
Въ душѣ человѣка до нихъ бы добраться довольно...
Нѣтъ, вырвать и бросить!—тѣ язвы, быть можетъ, цѣлебны,
Но больно.

Неизвѣстно, та ли это редакція, которую Б. В. Никольскій считаетъ «первой» и пріурочиваетъ къ 1857—1858, такъ какъ этой «первой» редакціи въ изданіи онъ не приводитъ. Но во всякомъ случаѣ онъ либо «первую редакцію» неправильно пріурочиваетъ къ 1857 — 1858, либо неправильно признаетъ ее «первой».

Б. В. Никольскій предупреждаетъ: «Хронологія за 1870 — 1884 тоже возстановлена при помощи рукописи, но въ частностяхъ представляется нерѣдко сомнительной: нѣкоторыя стихотворенія могли быть написаны и раньше того года, которымъ помѣчены, или той послѣдовательности, въ которой помѣщены».

Въ рубрику «1879» отнесено «Томительно, призывно и напрасно». Но стихотвореніе это напечатано еще въ 1871 въ 3 № Зари, стр. 32, въ такой, правда, редакціи:

Безцѣльно, безполезно и напрасно
Твой чистый лучъ передо мной горѣлъ.
Восторгъ любви будилъ онъ самовластно,
Но полночи мірской не одолѣлъ.
Пускай клянутъ, волнуяся и споря,
Пусть говорятъ: то бредъ души больной,
Но я иду по шаткой пѣнѣ моря
Отважною разутою ногой.
Я пронесу твой свѣтъ чрезъ жизнь земную,
Его огонь со мною не умретъ,
И кто любилъ, хоть искру золотую
Въ моемъ гробу остынувшемъ найдетъ.

Въ рубрику 1882 отнесено «Толпа тѣснилася, рука твоя дрожала». Но стихотвореніе это напечатано еще въ 1868. Въ 8 № Русскаго Вѣстника 1868 года Ольга N, близкая знакомая А. Фета, напечатала свою повѣсть: «Не одного поля ягода», гдѣ выведенъ и А. Фетъ — подъ его настоящимъ именемъ. Повѣсть начинается литературнымъ вечеромъ Анны Павловны Кедровой: «Фетъ, разсказывается тамъ, открывъ книжку, исписанную его рукой, прочелъ:

Старая пѣсня съ былымъ обаяньемъ
Счастья и юной любви...

— Прочтите еще что нибудь!

Фетъ заключилъ чтеніе стихотвореніемъ, переведеннымъ имъ наканунѣ съ французскаго изъ альбома одной изъ его пріятельницъ: «Послѣ бала».

Толпа тѣснилася, рука твоя дрожала.

«Старая пѣсня», («Прежніе звуки, съ былымъ обаяньемъ») впервые напечатана въ 1868 въ первомъ № Русскаго Вѣстника, стр. 204.

Среди бумагъ А. Фета я нашелъ книжку, «исписанную его рукой». Здѣсь, между прочимъ, и карандашный автографъ «Послѣ бала», рядомъ съ чернильнымъ автографомъ «Тополя», но автографа «Старой пѣсни» здѣсь нѣтъ. «Тополь» впервые напечатанъ 1860 въ 4 № Русскаго Слова, стр. 204.

Самая повѣсть «Не одного поля ягода», съ А. Фетомъ въ числѣ персонажей, занимала Ольгу N еще въ 1865 г. 8 октября 1868 И. С. Тургеневъ писалъ Я. П. Полонскому: «Повѣсть г-жи O. N. пробѣжалъ, удивился выведенію въ ней Фета, но въ особенный восторгъ отъ его стихотворенія не пришелъ». (I-ое собр., стр. 143). Очевидно «Послѣ бала» для И. С. Тургенева въ 1868 было новинкой.

Рубрика «1871 — 1886» состоитъ изъ 9 №№. Послѣдній — «Крысы» — можно опредѣлить точнѣе: эту басню А. Фетъ переписываетъ въ своемъ письмѣ къ гр. Льву Николаевичу Толстому отъ 10 мая 1879.

«Что касается хронологіи за 1840 — 1854 гг., замѣчаетъ Б. В. Никольскій, то она основана почти исключительно на печатномъ матеріалѣ и потому воспроизводитъ послѣдовательность не сочиненія, а обнародованія отдѣльныхъ стихотвореній».

Но въ рубрику «1842» Б. В. Никольскимъ помѣщено стихотвореніе «Вѣтеръ злой, вѣтръ крутой». Правда, напечатанное впервые въ изданіи 1850, стихотвореніе это стоитъ тамъ въ отдѣлѣ «Снѣга», среди стихотвореній, напечатанныхъ подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ въ 1842, однако надежнѣе было бы отнести его въ рубрику «до 14 декабря 1847».

«Колыбельная пѣсня сердцу» и «Семела» напечатаны дѣйствительно въ 1844, но онѣ были уже написаны еще въ 1843 году. 11 марта 1843 В. П. Боткинъ писалъ А. А. Краевскому: «Я вчера послалъ вамъ стихи Фета, его «Колыбельная пѣснь» вамъ вѣрно понравится. Чудесная». А 26 апрѣля: «Посылаю переводъ «Семелы», слѣланный Фетомъ. Переводъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходный». (Отчетъ Имп. Пуб. Библ. 1889, стр. 127, 131).

Въ рубрику «до 14 декабря 1847» помѣщено: 1) «Бѣдный мальчикъ», напечатанное впервые въ альманахѣ «Под-

земные ключи» 1842, стр. 80 — 81; 2) «Разсказывалъ я много глупыхъ сновъ» — въ 1846 въ 9 № Репертуара и Пантеона; 3) «Соловей и роза» — 1847 въ 255 № Московскаго Городского Листка; 4) «Я знаю, гордая, ты любишь самовластье» — тамъ же, въ 177 №, подъ заглавіемъ: «Б—ой» и съ помѣткой: «Іюль. Елисаветградъ»; 5) «Посвященіе къ Фаусту» — въ 1845, въ 3 № Репертуара и Пантеона, безъ помѣтки «Г—ву»; 6) «Я зналъ ее малюткою кудрявой» — въ 1847, 210 № Московскаго Городского Листка съ помѣткою: «Москва 1844».

Рубрика «январь 1848 — 1854 январь», основанная «почти исключительно на печатномъ матеріалѣ», сомнительна. Въ нее вошло всего 37 №№. Послѣдній № «Въ альбомъ А. Я. Марченко» печетается, кажется, впервые. Первые 3 №: («Люди спятъ, мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ», «На Днѣпрѣ въ половодье» и «Растутъ, растутъ причудливыя тѣни») напечатаны въ 1 № Современника 1854. Всѣ остальные 33 № напечатаны позднѣе января 1854, съ февраля 1854 по февраль 1857, въ Современникѣ, Отечественныхъ запискахъ и изданіи стиховъ А. Фета 1856 г., правда, почти въ той же послѣдовательности, въ какой помѣщены они Б. В. Никольскимъ въ Указателѣ. Вѣроятно, не мало стихотвореній въ этой рубрикѣ и написано послѣ января 1854. Почему иначе нѣкоторыя стихотворенія такъ долго не печатались?

«Пароходъ», «Морской заливъ», «Ревель», «Примѣты» видимо навѣяны пребываніемъ А. Фета на берегахъ Эстляндіи. Но А. Фетъ тамъ проживалъ съ 8 марта по 7 октября 1854 г. и съ 16 марта по 15 ноября 1855 г. Объ этомъ пребываніи своемъ онъ пишетъ: «Ежедневная близость моря меня побѣдила окончательно, чему свидѣтельствомъ служатъ всѣ мои приморскія стихотворенія, принятыя въ тогдашнее время Тургеневскимъ литературнымъ кругомъ такъ сочувственно».) «Мои Воспоминанія» т. I, стр. 59). «Пароходъ» напечатанъ впервые въ 6 № Отечественныхъ записокъ 1854 г., стр. 375; «Морской

заливъ» въ 1 № Современника 1856 г., стр. 70; «Ревель» — тамъ же, стр. 229; «Примѣты» въ изд. 1856 стр. 198.

Говоря объ авторскомъ самообольщеніи только что оконченной вещи, гр. Л. Н. Толстой разсказалъ мнѣ, въ іюнѣ 1901 г., что, заставъ А. Фета только что окончившимъ «Двѣ липки», онъ замѣтилъ: «Теперь вамъ это, вѣроятно, кажется лучшимъ, что вы написали». Между тѣмъ знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ у А. Фета завязалось не ранѣе 1856. А въ Воробьевкѣ видѣлъ я и автографъ «Двухъ липокъ», помѣченный зимою 1856 въ Италіи. «Двѣ липки» напечатаны въ № 1 Отечественныхъ запискахъ 1857 г. стр. 4 — 16. 2 іюня 1855 И. С. Тургеневъ писалъ (изъ Спасскаго) И. И. Панаеву: «Посылаю тебѣ стихотвореніе Фета, но умоляю, чтобы не было опечатокъ «Памяти Д. Л. Крюкова». 5 марта 1855 исполнялось десятилѣтіе смерти Д. Л. Крюкова. Напечатано «Памяти Д. Л. Крюкова» въ 7 № Совр. 1855, стр. 12. Вѣроятно стихотвореніе это написано весной 1855.

«Хронологическій указатель» свой Б. В. Никольскій заключаетъ рубрикой «Стихотворенія неизвѣстныхъ годовъ». Въ этой рубрикѣ у него 16 №№ (860 — 875). Но время напечатанія или написанія большинства изъ нихъ можетъ быть опредѣлено.

860. «Воздушный городъ» («Вонъ тамъ по зарѣ растянулся») — напечатано впервые въ 1846 въ 4 № «Репертуара и Пантеона», стр. 3.

861. «Слеза слезу съ ланиты жаркой гонитъ» — тамъ же 1850 № 5, стр. 72.

862. «Прости». («Я помню то мгновенье») — тамъ же 1847 № 10-й, стр. 7.

864. «Напрасно, дивная, смѣшавшися съ толпою» — тамъ же 1850 № 5, стр. 71.

865. «Слѣдить твои шаги, молиться и любить» — тамъ же, стр. 71.

866. «Какъ много, Боже мой, за то бъ я отдалъ дней» — тамъ же, стр. 71 — 72.

868. «Весна на югѣ» («Ночью мѣсяцъ полонъ блеска»)— тамъ же 1847 № 3-й, стр. 132.

870. «Художнику» («Не слушай ихъ, когда съ улыбкой злою») — тамъ же 1846 № 5, стр. 228.

872. «Въ альбомъ. Къ Офеліи». («Я васъ разсматривалъ украдкой») — тамъ же 1846 № 5-й, стр. 27.

875. «При свѣтѣ лампады надъ чернымъ сукномъ» — тамъ же, 1846 № 3-й, стр. 649.

867. «Когда мечтательно я преданъ тишинѣ» — въ изданіи 1850 и поэтому должно бы войти въ рубрику «до 14 декабря 1847».

871. «Блудница» («Но Онъ на крикъ не отвѣчалъ») — написано, вѣроятно, въ 1843 году. 11 марта 1843 В. П. Боткинъ писалъ А. А. Краевскому: «Фетъ написалъ стихотвореніе къ знакомой намъ съ вами «блудницѣ» да стихи то неудачны. Вотъ они: «Но Онъ на крикъ не отвѣчалъ» и т. д. (Отчетъ Имп. Публ. Библ. 1889 г., стр. 124).

869. «Какой горючій пламень» написано, можетъ быть, 1866 — 1867. По крайней мѣрѣ, я знаю бѣловой автографъ этой пьесы на такой почтовой бумагѣ, какую А. Фетъ употреблялъ въ эти именно года.

863. «Снова слышу голосъ твой», судя по почерку и бумагѣ извѣстнаго мнѣ бѣлового автографа, написано чуть ли еще не въ 40-хъ годахъ.

«Огромный трудъ», затраченный Б. В. Никольскимъ, конечно, оправдался. Его Указатель дѣйствительно «тщательно разработанъ и можетъ удовлетворить знатоковъ и цѣнителей». Погрѣшностей сравнительно немного, а явились онѣ отъ излишняго довѣрія къ рукописямъ и неполнаго знакомства съ библіографическимъ и біографическимъ матеріаломъ.

Во всякомъ случаѣ, изданіе 1901— большой шагъ къ научному изданію А. А. Фета.

Н. Черногубовъ.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗІЯ.

I.

Всѣ современные русскіе поэты постоянно говорятъ о Пушкинѣ, пишутъ о немъ и въ стихахъ и въ прозѣ, а между тѣмъ какъ они далеки отъ Пушкина! И далеки они отъ него не только по размѣрамъ таланта, но, что всего важнѣе, по самому строю своей поэзіи. Пушкинъ— это свѣтлое преданіе о гармонической цѣльности души, проявившей черезъ себя цѣльную народную стихію, а въ современной поэзіи нѣтъ уже ничего цѣльнаго — одни только психологическія томленія, противорѣчивыя, неясныя, не поддающіяся воплощенію въ законченныхъ образахъ. Но странная вещь! Чѣмъ дальше русская литература уходитъ отъ Пушкина, тѣмъ дороже для нея становится его чудесный поэтическій обликъ.

Еще такъ недавно Пушкинъ былъ предметомъ площадныхъ насмѣшекъ для передовой русской критики. Надъ нимъ глумились, обличали его чуть ли не въ невѣжествѣ, выставляли его образцомъ безсодержательнаго, хотя и блестящаго версификатора. Такое отношеніе къ Пушкину зародилось еще со временъ Бѣлинскаго, который въ послѣдній періодъ своей критической дѣятельности уже готовъ былъ—въ противоположность тому, что

писалъ раньше, — подвергнуть его испытанію съ точки зрѣнія либерализма и занести надъ нимъ свой публицистическій бичъ. Но еще ярче, еще безпощаднѣе, еще односторонніе отнеслись къ Пушкину послѣдующіе знаменитые критики — въ особенности Писаревъ, который уже прямо освисталъ Пушкина при общемъ сочувственномъ браво молодой Россіи. Какое удивительное явленіе въ русской исторіи! Пушкинъ — это свѣжее утро русской духовной жизни, такое ясное, душистое, многообѣщающее. Послѣ Пушкина въ русской литературѣ начинается уже день съ его заботами, разладами, борьбою. И среди этихъ разладовъ и борьбы оказалось почему то нужнымъ вознегодовать на утренній свѣтъ, отречься отъ златокудраго Феба русской поэзіи. Но что бы ни дѣлала русская критика, которая всегда была злой дуэньей русскаго искусства, въ обществѣ накоплялись мало по малу элементы для иного, новаго воспріятія и признанія Пушкина. Находились люди, которые умѣли стать выше средняго уровня русской интеллигенціи, направляемой либеральной критикой. И въ самой критикѣ раздавался время отъ времени протестъ — въ защиту Пушкина, исходившій отъ такихъ талантливыхъ писателей, какъ Аполлонъ Григорьевъ и Страховъ. Все вмѣстѣ предвѣщало переворотъ въ этомъ вопросѣ, который дѣйствительно совершился въ день постановки памятника Пушкину въ Москвѣ 8-го іюня 1880 г.

Въ этотъ день Достоевскій взошелъ на каѳедру и объяснилъ собравшейся публикѣ, кто такое и что такое Пушкинъ. Въ міровой литературѣ нѣтъ событія болѣе многозначительнаго и трогательнаго. Человѣкъ великихъ разладовъ, пророкъ и духовидецъ, Достоевскій прославляетъ искусство цѣльное, законченное, какъ внѣшній міръ. Онъ является въ своей рѣчи разоблачителемъ тайнъ, скрытыхъ за волшебнымъ покровомъ гармоническаго искусства, онъ свиваетъ этотъ покровъ и, какъ очарованный, глядитъ въ бездну. Какое великое зрѣлище! Русское общество, уже слышавшее когда то слова Гоголя на эту же тему и въ томъ же духѣ, но уже забывшее эти слова, прошедшее черезъ полосу совершенно иныхъ понятій, дрогнуло, и очевидцы разсказываютъ, что огромная зала сначала какъ бы помертвѣла отъ рѣчи Достоевскаго, а потомъ застонала отъ охватившаго ее возбужденія. Это было цѣлымъ открытіемъ въ русской литературѣ, новымъ пріобрѣтеніемъ Пушкина. Достоевскій показалъ, какъ нужно относиться къ Пушкину и какъ надо его критиковать. Чего только ни изобразилъ Пушкинъ въ своей поэзіи, которая была выраженіемъ народной души. Онъ представилъ «скитальца», бездомнаго въ собственной землѣ, гордаго, жестокаго, фантазирующаго о всемірномъ счастьѣ, но фатально оторваннаго отъ народа, и потому безсильнаго воплотить свою мечту въ какомъ либо утѣшительномъ дѣлѣ. Его хандра и тоска по міровомъ идеалѣ ничего не даютъ ни ему, ни окружающимъ. И рядомъ съ этимъ бездомнымъ скитальцемъ въ образахъ Алеко и Евгенія Онѣгина, на которыхъ Достоевскій проливаетъ свой горестный юморъ, Пушкинъ поставилъ простую русскую дѣвушку, Татьяну, святую, чистую, цѣльную и непосредственную, какъ народная правда. Это русская женщина въ апоѳеозѣ великаго таланта. Татьяна приноситъ въ жертву своей внутренней правдѣ всю свою личную жизнь. Насколько она выше Онѣгина, съ его безпредметною міровою скорбью, въ своей сердечной величавости, которая не можетъ и не хочетъ запятнать себя никакою ложью и никакою жестокостью. Въ этомъ своемъ умѣньѣ побѣждать себя ради чего то истинно высокаго, Татьяна является настоящимъ созданіемъ своего народа. Такою создалъ ее народный поэтъ, отзывчивый на все, что происходитъ въ народной душѣ, въ ея темной глубинѣ, и показавшій ея горизонты, — не узко-національные, а міровые, всечеловѣческіе горизонты. «Мы уже можемъ указать на Пушкина, говоритъ Достоевскій,—на всемірность и всечеловѣчность его генія».

Вотъ что вычиталъ Достоевскій въ произведеніяхъ Пушкина: борьбу личныхъ и стихійно-народныхъ началъ и пророческое указаніе на торжество послѣднихъ въ русской исторіи, которая черезъ свои всечеловѣческія идеи станетъ нѣкогда въ центрѣ всемірной исторіи. Нужно было быть именно Достоевскимъ, чтобы такъ истолковать пушкинское искусство, въ которомъ форма и содержаніе такъ тѣсно слиты между собою, что непроницательному взгляду можетъ показаться, будто вся эта поэзія — красивая, легкая и свободная — есть только торжество блистательной формы. Все у Пушкина свѣтло и ясно, непринужденно и на поверхности незатѣйливо. Передъ глазами движется цѣлый міръ живыхъ организмовъ, — и если посмотрѣть на него извнѣ, то кажется, будто поэтъ даже не задумывается о тѣхъ законахъ, которые управляютъ этимъ міромъ. Все блеститъ у него, какъ въ утреннемъ солнечномъ освѣщеніи, и даже самая печаль человѣческая проникнута мудрою тишиною и смягчена какимъ то благостнымъ прозрѣніемъ въ возможность спасительныхъ гармоній. Можно сказать, что творчество Пушкина истинно богоподобно, потому что хаотическія начала жизни заслонены въ немъ уже готовыми, крѣпко скристализованными, законченными формами, которыя виднѣе и ощутительнѣе, чѣмъ правда мірового хаоса, чѣмъ эта мистика, порождающая изъ себя всякую плоть. У Пушкина, какъ у геніальнаго художника, повсюду на первомъ планѣ эта живая плоть, горячая, подвижная, подвластная какъ будто бы только механикѣ эмпирическихъ силъ, а между тѣмъ направляемая силами неэмпирическими, — иными, идеальными законами. Черезъ эту именно плоть критикъ и долженъ усмотрѣть у Пушкина все богатство его содержанія, которое у другихъ поэтовъ, быть можетъ, не менѣе великихъ въ идейномъ отношеніи, дается въ болѣе прозрачномъ, менѣе жизненномъ покровѣ.

Пушкинская поэзія умерла съ Пушкинымъ, какъ умираетъ, какъ не можетъ повториться молодость человѣка или цѣлаго народа. Онъ остался въ русской литературѣ единственнымъ въ своемъ родѣ. Но съ нимъ вмѣстѣ расцвѣли такіе великаны русской поэзіи, какъ Баратынскій, Лермонтовъ, Тютчевъ, у которыхъ нѣтъ уже пушкинской гармоніи, этихъ «прекрасныхъ соразмѣрностей», какъ выражался Баратынскій. Баратынскій — настоящій поэтъ сѣвера, съ его полупрозрачными тонами и задумчивою, немятежною грустью. Онъ смотритъ на землю съ огромной высоты, приближается къ ней, опять поднимается и видитъ все съ необычайной ясностью, какъ если бы между нимъ и землей не было никакого тумана. Въ противоположность Пушкину, онъ смотритъ уже не на поверхность предметовъ, не на плоть ихъ, а прямо въ глубину ихъ, въ суть ихъ, въ ихъ скрытыя противорѣчія, замаскированныя плотью. Онъ видитъ скрещивающіеся пути веселья и горя, святости и порока, и относится къ явленіямъ жизни не какъ моралистъ, а какъ настоящій психологъ. Прохладное вѣяніе струится изъ стиховъ Баратынскаго, ибо на его высотѣ все вообще становится прохладнымъ, и даже представленіе о смерти теряетъ свой мрачный трагическій характеръ и является разрѣшительной гармоніей: «ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье, ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей!» — восклицаетъ поэтъ, обращаясь къ смерти. Въ знаменитомъ стихотвореніи «На смерть Гете» Баратынскій говоритъ словами чистѣйшей философіи, и можетъ показаться, что это стихотвореніе есть дивный переводъ идеалистической терминологіи Канта на языкъ скорбной, и въ то же время утѣшительной поэзіи. Онъ ничего не утверждаетъ относительно того, что ждетъ человѣка за «міромъ явленій», онъ только ощущаетъ съ невыразимой тонкостью подвигъ геніальной души, и уже самая тонкость этого ощущенія внушаетъ какую то вѣру, что то даетъ — неуловимое и неразрушимое никакою смертью. Какое это величественное стихотвореніе! Образъ Гете, этого антич-

наго героя, занесеннаго въ современную исторію, какъ бы сиягченъ, окруженный зыблющимися туманами, которые плывутъ куда то вдаль и вверхъ, тихо, спокойно, неизсякаемо. Такимъ именно долженъ былъ предстать Гете передъ душою русскаго поэта, рожденною среди сѣверныхъ снѣговъ, съ ихъ успокоительною бѣлизною.

Еще дальше отъ Пушкина по характеру творчества стоитъ Тютчевъ, поэтъ ночныхъ откровеній, поэтъ небесныхъ и душевныхъ безднъ. Онъ какъ бы шепчется съ тѣнями ночи, ловитъ ихъ смутную жизнь и передаетъ ее безъ всякихъ символовъ, безъ всякой романтики, въ тихихъ, трепетныхъ словахъ. Иногда эти слова производятъ неожиданное впечатлѣніе въ русской рѣчи. Откуда они? Ихъ не было въ языкѣ Пушкина. Утро, день должны говорить о себѣ языкомъ Пушкина — яснымъ, отчетливымъ, такъ сказать, индивидуализирующимъ предметы, потому что въ дневномъ свѣту все очерчено въ своей разграниченности, въ своихъ контурахъ. Но вотъ настали сумерки, вечеръ, ночь: «Тѣни сизыя смѣсились, цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ, жизнь, движенье разрѣшились въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ». Предметы потеряли свою отчетливость, одѣлись общимъ покровомъ тѣней то хмурыхъ, то нѣжныхъ, и чѣмъ гуще тѣни, чѣмъ глубже мракъ, тѣмъ цѣльнѣе міръ, тѣмъ болѣе чувствуется его единство, его дѣйствительная природа, его хаосъ, его метафизика. Ночныхъ впечатлѣній нельзя передать языкомъ Пушкина такъ, какъ они передаются языкомъ Тютчева. Пушкинъ превращаетъ хаосъ въ конкретность, мистику міра въ эмпиризмъ міра, а Тютчевъ, наоборотъ, всѣ эти конкретности, всѣ эти эмпиризмы превращаетъ въ хаосъ, въ мистику. Пушкинъ творитъ, Тютчевъ растворяетъ. Вотъ почему языкъ Тютчева въ отличіе отъ пушкинскаго языка такъ богатъ составными словами, новыми, неожиданными эпитетами, которые даютъ уже не яркія краски, а зыбкія линіи и мутные оттѣнки. Это не декадентство воспріятій, сквозь напряженное и изнуренное личное, субъективное начало, а созерцаніе міра въ его ночной стихійности, въ его хаотически - божественной правдѣ. Что за слова, что за намеки! «Вотъ тихоструйно, тиховѣйно, какъ вѣтеркомъ занесено, дымно - легко, мглисто - лилейно вдругъ что то порхнуло въ окно». Такъ описываетъ Тютчевъ первый трепетъ утренняго свѣта, первыя вѣянія того «блистательнаго покрова» дня, который скроетъ отъ глазъ глубокія бездны ночного неба. Каждое слово въ этихъ строкахъ есть почти волшебный намекъ, и хотя предметъ не вычерчивается полностью, онъ уже чувствуется въ своемъ движеніи, въ своихъ колебаніяхъ, въ своемъ медленномъ, чуть замѣтномъ ростѣ. Въ ту минуту, когда онъ уже весь готовъ, весь опредѣлился, поэтъ оставляетъ его, потому что здѣсь уже начинается день съ его призрачными индивидуальностями, съ его правдоподобными химерами, основанными на его отчетливыхъ, но по существу условныхъ и ошибочныхъ воспріятіяхъ. Жизнь человѣческая объята снами, и свѣтлый день есть именно сонъ, отъ котораго мы пробуждаемся въ ночь, въ смерть. Такова поэзія и философія Тютчева.

Фетъ, Майковъ, Полонскій представляютъ собою дружественную тріаду въ новой поэтической литературѣ, на переходѣ отъ пушкинской эпохи къ современной. Таланты ихъ раскрылись тогда, когда русское общество особенно увлекалось либеральной публицистикой и поэзія Некрасова вытѣснила въ его вниманіи всѣ другіе виды поэзіи. Русская критика того времени относилась къ этимъ поэтамъ иногда съ враждой, иногда съ холоднымъ пренебреженіемъ. Но три поэта, сдружившіеся еще мальчиками и сохранившіе свою связь до глубокой старости, держались въ сторонѣ отъ общаго движенія, какъ бы на какомъ то островкѣ, и перекликались сочувственными поэтическими привѣтствіями другъ другу. Между ними Фетъ является самымъ крупнымъ, почти геніальнымъ дарованіемъ — даже рядомъ съ Тютчевымъ, геніемъ перво-

классным и несомнѣнно оригинальным среди других міровых геніевъ. У Фета есть что то Тютчевское: та же мистика ночных безднъ, тотъ же шепотъ ночных тѣней, тѣ же міріады «звѣздъ безъ покрывала», по выраженію Полонскаго. Но если Тютчевъ даетъ метафизику ночи въ ея полнотѣ, глубочайшія философскія настроенія и стихійныя чувства, поднимающіяся ночью въ человѣческой душѣ, то Фетъ даетъ трепетную музыку ночных ощущеній, скользящихъ, едва уловимых, всегда незаконченных и потому волнующихъ воображеніе Это цѣлый міръ ощущеній подъ ночным небомъ, тихіе, страстные звуки и ароматы, которые плывутъ и дрожатъ въ ночной тишинѣ. Въ противоположность Тютчеву, который, глядя въ ночную бездну, отдается ей, Фетъ, какъ современный Петроній, упивается запахомъ розъ, цвѣтущих надъ бездной, и трелями соловья, который льетъ свою томную призывную пѣсню. «Были невнятны и дики его вдохновенія многимъ, говоритъ Полонскій о Фетѣ, но тайна боговъ требуетъ чуткихъ людей». Вотъ истинная правда о фетовской поэзіи. Это художникъ «невнятных» вдохновеній — художникъ великолѣпный, своеобразный, ибо среди ночной безформенности, хаотичности онъ всетаки ощущаетъ какія то формы, какую то полуфантастическую плоть и передаетъ эти формы, эту плоть своимъ музыкальным словомъ. Фетовская поэзія — это какое то ожерелье изъ драгоцѣнных камней въ тончайшей отдѣлкѣ, которымъ поэтъ играетъ при свѣтѣ звѣздъ или луны, смущая тѣхъ людей, которые, сидя ночью за своими редакціонными столами, пріотворяютъ иногда окно, чтобы освѣжить голову отъ продымленной рабочей атмосферы. Странной должна была казаться эта фигура поэта реалистически настроеннымъ журнальным критикамъ.

Полонскій тоже очень яркій, живой и сочный талантъ, но неровный и не столь тонкій, какъ талантъ Фета. Онъ откликался на все, что происходило въ русской жизни, не углубляя своей личной, всегда вдохновенной

лирики, въ которой была его настоящая сила. Среди своихъ сотоварищей по искусству, Полонскій являлся какъ бы не вполнѣ оригинальным поэтомъ по своимъ мотивамъ, которые онъ ловилъ со всѣхъ сторонъ, не всегда доводя ихъ въ своей переработкѣ до нужнаго совершенства. Иногда въ немъ чувствуется что то резонерское, мелодраматическое и декламаторское, даже въ лучших его стихотвореніяхъ, а особенно въ болѣе крупных его вещахъ. Какъ человѣкъ, онъ отличался необычайной общительностью и сердечностью, которыя принимали у него форму какого то громозвучнаго благодушія и дѣлали его настоящимъ крестным отцомъ молодых подростающих талантовъ. Онъ привѣтствовалъ Надсона, Фофанова и цѣлый рядъ других молодых поэтовъ, которые и теперь чтутъ его память, образовавъ постоянно собирающійся кружокъ его имени. Въ немъ было что то отъ Пушкина, отъ его простоты и доброты, отъ его дѣтскаго смѣха, но какъ бы въ отяжеленном видѣ — безъ божественной пушкинской свѣтлости и пушкинскаго ума.

Что касается Майкова, то это великолѣпный, холодный, пластическій талантъ, совершенно противоположный Тютчеву и Фету. Онъ началъ антологическими стихами, которые сразу создали ему большую извѣстность, и затѣмъ, въ теченіе всей своей долгой поэтической карьеры, продолжалъ выковывать свой стихъ на наковальнѣ классическаго Гефеста. Это былъ настоящій «парнассецъ», чиновникъ въ жизни, безмолвный, но злой реакціонеръ, съ византійскимъ оттѣнкомъ. Стихи его,—безтенденціозные, съ ровнымъ, звучнымъ и выдержаннымъ напѣвомъ, — полны ума и трезвости поэтическихъ воспріятій. Онъ заглядывалъ въ разные міры, написалъ превосходную поэму изъ эпохи упадка греко-римскаго міра подъ названіемъ «Три смерти», рисовалъ возникновеніе христіанской исторіи, писалъ на разныя другія историческія темы — всегда картинно, ослѣпительно ярко, изображалъ въ маленькихъ

стихахъ и итальянскія впечатлѣнія, и впечатлѣнія отъ русской природы, — но все это вмѣстѣ, и при зрѣлости таланта, слегка обезсиливалось внутреннимъ холодомъ и казалось нѣсколько бездушнымъ. Въ стихахъ его все — день, все — плоть, все — живая матерія, но подъ этимъ драгоцѣннымъ поэтическимъ покровомъ не чувствуется никакихъ душевныхъ бореній, никакой высшей правды.

Если къ перечисленнымъ поэтамъ прибавить имена такихъ талантливыхъ авторовъ, какъ Апухтинъ, Голенищевъ - Кутузовъ, Случевскій, какъ Андреевскій и К. Р., то мы почти исчерпаемъ главное эстетическое русло современной русской поэзіи. Какое разнообразіе красотъ, мотивовъ и темъ въ этомъ широкомъ поэтическомъ движеніи, которое началось въ эпоху Пушкина и, пройдя черезъ великія дарованія Баратынскаго, Тютчева и Фета, раздробилось на болѣе мелкія явленія и въ настоящее время почти совершенно исчерпалось. Собственно пушкинскій мотивъ, который можно противоположить поэзіи мірового хаоса въ духѣ Тютчева, прямо исчезаетъ изъ русской литературы и становится для нея какимъ то классическимъ преданіемъ, почти легендою, потому что русскій человѣкъ утрачиваетъ прежнюю непосредственную цѣльность, прежнюю юную красоту. Какъ въ области русскаго романа толстовская нормальность мало по малу смѣняется хаотическимъ безуміемъ Достоевскаго, такъ и въ области чистой поэзіи на смѣну пушкинскимъ гармоніямъ идутъ какія то дисгармоніи, можетъ быть, кое въ чемъ родственныя тютчевской лирикѣ, но съ новыми, демоническими оттѣнками. Намѣчается, повидимому, новая полоса въ русской поэзіи, которая когда нибудь завершится новымъ цѣльнымъ явленіемъ, столь же законченнымъ, какъ пушкинское творчество, связанное съ нимъ внутренними узами исторической эволюціи, но уже вмѣстившее въ себѣ какія то иныя откровенія, иныя идейныя правды, новую красоту. Это будетъ новое утро въ духовной исторіи русскаго народа, но утро болѣе зрѣлаго человѣка, прошедшаго черезъ муки психологическихъ самоощущеній и самообличеній и вдругъ почувствовавшаго въ себѣ новую плоть, новую энергію.

II

Кромѣ этого главнаго теченія въ русской поэзіи, въ ней есть еще цѣлое теченіе, страшно могущественное, по отношенію къ культурной Россіи даже болѣе вліятельное, чѣмъ волна пушкинской поэзіи. Во главѣ его стоитъ Лермонтовъ. По таланту это настоящій колоссъ, первоклассный геній, который могъ бы поспорить съ Байрономъ въ мощной стремительности своего полета. «Нѣтъ, я не Байронъ, я другой, еще невѣдомый избранникъ, какъ онъ, гонимый міромъ, странникъ, но только съ русскою душой», говорилъ онъ о себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при байроновскомъ сатанинствѣ, при мятежной душѣ, въ немъ чувствуется порою русская мягкость, русская теплота, та благодать, которая просыпается въ русскомъ человѣкѣ при созерцаніи широкой и грустной русской природы. Лермонтовъ не теряется рядомъ съ Пушкинымъ, хотя у Пушкина все — легкость, все — нѣжная, плывущая красота, а у Лермонтова все напряжено, раскалено, полно отчаянія и горечи. Иногда въ красотѣ его стиха сверкаютъ черты какого то богоотступничества, но тутъ же мелькаютъ мягкіе, свѣтлые образы, слышится вѣяніе бѣлыхъ ангельскихъ крыльевъ, которыя уносятъ къ небу жертвы демонскихъ обольщеній. Стихъ Лермонтова ярокъ, металличенъ, риѳма звенитъ, какъ военная музыка похороннаго марша, краски волшебно передаютъ два противоположныхъ міра — земной и надземный. «Его чело межъ облаковъ, онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый», говоритъ Лермонтовъ о гранитномъ утесѣ, съ которымъ онъ не разъ сравнивалъ самого себя.

Такова лермонтовская поэзія, которую могла бы освѣтить только настоящая философская критика. Его посто-

явная непримиримость съ дѣйствительностью, его чисто индивидуалистическій порывъ къ свободѣ были, однако, восприняты русскимъ обществомъ внѣ сложной лермонтовской психологіи и, такъ сказать, канонизированы въ качествѣ нѣкотораго гражданскаго протеста, перваго по силѣ, хотя и не перваго по времени. Зарождавшаяся въ русской журналистикѣ либеральная, тенденціозная поэзія увидѣла въ немъ своего предшественника. Эта поэзія сразу сузила кругъ своего творчества и, воспринявъ въ себя народные мотивы Кольцова, стала сильнымъ будирующимъ элементомъ въ прогрессивномъ движеніи.

Такъ возникла поэзія Некрасова. Полная огня и темперамента, хотя и бѣдная въ психологическомъ отношеніи, очень несовершенная въ чисто-эстетическомъ смыслѣ, она на долгое время какъ бы вытѣснила собою пушкинскія вліянія. Тютчева русское общество не знало до самаго послѣдняго времени, Фетъ былъ забрызганъ насмѣшками, какъ поверхностный сладкогласный пѣвецъ въ тяжелыя годины русской общественности, Полонскій и Майковъ совсѣмъ замалчивались. Надъ обществомъ царила некрасовская муза «мести и печали». Некрасовъ законодательствовалъ въ журналистикѣ въ качествѣ редактора вліятельнаго изданія и былъ первымъ человѣкомъ въ области стихотворной литературы. Въ самомъ дѣлѣ, это очень крупная фигура во второй половинѣ XIX вѣка, оставившая въ русской жизни глубокую борозду. Какая это богатая, противорѣчивая натура! Некрасовъ пѣлъ о народѣ, будучи по характеру бариномъ, съ неудержимыми страстями въ разныхъ направленіяхъ — до азартной карточной игры, и въ то же время съ хитроумною разсчетливостью по отношенію къ разнымъ обстоятельствамъ, черезъ которыя приходилось прокладывать жизненный путь. Все это чувствуется въ его стихахъ, смѣлыхъ, сильныхъ, иногда буйственно-великолѣпныхъ, иногда звучащихъ, какъ надорванный, покаянный вопль. Это бывшій крѣпостникъ, съ крѣпостническими инстинктами въ крови, искренно плачущій о народѣ, — не о народѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, а о мужикѣ, потому что въ Россіи нѣтъ еще цѣльнаго народа, а есть несмѣтная масса мужиковъ, которою безсильно командуетъ горсточка интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ людей. Однако, мужицкая масса эта, со своей внутренней жизнью, еще не отразилась въ русской поэтической литературѣ, за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ — геніальной, первобытно-сильной поэзіи Кольцова. Это единственный, истинно-народный, мужицки-народный поэтъ среди крупныхъ русскихъ поэтовъ, рядомъ съ которымъ меркнутъ имена Никитина, Сурикова и другихъ. Некрасовъ же, повторяю, — баринъ, поющій о мужикѣ, оплакивающій его судьбу съ вершины петербургскаго журнализма, но не теряющій вѣры въ его будущее возрожденіе. Съ возрожденіемъ мужика, съ его просвѣщеніемъ и освобожденіемъ, связано для него и возрожденіе всей Россіи.

III

Молодая русская поэзія начинается съ Надсона. Этотъ талантливый человѣкъ взошелъ на высоту непостижимой популярности. Книга его стихотвореній разошлась въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Онъ рано умеръ отъ чахотки, но имя его надолго осталось въ глазахъ молодого поколѣнія окруженнымъ какимъ то сіяніемъ. Его сочувственники распространили слухи, что онъ погибъ отъ отравленной критической шпаги Буренина, не пощадившаго его въ его болѣзни. Они же, эти сочувственники, опубликовали его переписку съ фальсифицированной графиней Лидой, переписку, въ сущности, пустую, юношески-фатоватую, но романтически-привлекательную. Слава Надсона въ короткое время закурилась во всѣхъ слояхъ общества! Въ дѣйствительности это было дарованіе искреннее, нѣжное, болѣзненно-нервное, но раз-

двоенное и въ цѣломъ незначительное. Стихъ его пѣвучъ, но неровенъ и никогда не силенъ, какъ дрожащая струна мандолины. Содержаніе прежде всего не оригинально: это смѣсь некрасовской гражданственности, некрасовскихъ барскихъ покаяній и лермонтовской обиженной гордости. Конечно, это мотивы прекрасныя, но безъ темперамента Некрасова и Лермонтова они теряютъ всякую прелесть.

Глубже и гораздо самобытнѣе, чѣмъ талантъ Надсона, талантъ Минскаго. Онъ тоже началъ некрасовскими мотивами, съ разочарованной гражданственности, въ которой, однако, не было непосредственности и силы, но былъ какой-то головной энтузіазмъ. На стихахъ его всегда чувствовался налетъ европейской культурности. Въ самомъ дѣлѣ, это очень культурный человѣкъ, слишкомъ даже культурный, вывѣтрившій въ этой своей культурности то, что глубже и дороже всякой культуры, свѣжесть воспріятій и простоту сердца. Онъ какъ бы пріѣхалъ изъ Парижа, гдѣ видѣлъ и пьяное безъ вина веселье, и крики толпы около баррикадъ, защищающихъ дѣло свободы, и здѣсь, въ Россіи, въ С.-Петербургѣ затосковалъ. Таковъ Минскій въ первомъ періодѣ его дѣятельности, который создалъ ему большую извѣстность. Никто не замѣчалъ грубыхъ несовершенствъ его стиха, и къ тому же въ то время вопросы чистой художественности считались неумѣстными, почти компрометирующими для серьезной гражданственной критики. Но уже къ концу 80-хъ годовъ Минскій круто повернулъ отъ стихотворнаго революціонизма къ стихотворному философствованію и здѣсь проявилъ свои недюжинныя умственныя силы. Онъ первый намѣтилъ въ русской поэзіи какія то новыя настроенія и бросилъ тѣнь будущаго декадентства. Вотъ моментъ, когда его головной энтузіазмъ достигъ своего зенита. Стихи его читались, вызывая уже неудовольствіе либеральной публики, но создавая ему приверженцевъ или выдвигая сотоварищей среди литературныхъ кружковъ. Однако, этотъ же моментъ, этотъ послѣдующій періодъ его дѣятельности, захватывающій 90-е годы, былъ роковымъ для него. Идеи его окончательно оторвались отъ того, что дѣлаетъ всякую душу сильною, — отъ невольнаго стремленія къ цѣльности, къ возможному синтезу. Онъ вошелъ въ сознательную двойственность, постоянно подчеркиваемую и непрерывно поддерживаемую, наперекоръ человѣческому естеству, его философскими измышленіями. Теперь онъ весь въ этой двойственности, въ этомъ миражѣ безкровныхъ понятій, въ этомъ проклятіи искуственной, хотя и сложной логики, истощившей всю его душу. Теперь у него нѣтъ уже поэзіи, и онъ начинаетъ даже измѣнять стихотворной формѣ, ударяясь въ прозаическую беллетристику и и критико-философскія статьи, въ которыхъ ему гораздо легче агитировать за свои декадентскія идеи. Но слава его только все больше и больше блѣднѣетъ.

Почти то же самое произошло съ Мережковскимъ. Стихотворная дѣятельность его за послѣднее время начала изсякать. Говоря о его стихотвореніяхъ, приходится разсматривать его сборники, вышедшіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Его послѣдній сборникъ проникнутъ духомъ ницшеанства, мотивами, явно заимствованными изъ книгъ, но получившими въ его переработкѣ напряженный и патетическій тонъ. Онъ воспѣваетъ дерзкій смѣхъ, «прелесть зла», нарушеніе естественныхъ нормъ и законовъ. При этомъ Мережковскій можетъ быть названъ прекраснымъ версификаторомъ, также какъ и прекраснымъ стилистомъ въ прозѣ. Стихъ его холоденъ, иногда вычуренъ, но самыя формы его выдержаны и разнообразны. Поэтъ много видѣлъ, много читалъ, повсюду ища красивыхъ матеріаловъ для репродукціи, и это чувствуется даже въ его художественныхъ пріемахъ: надъ нимъ постоянно тяготѣетъ гипнозъ прекрасныхъ образцовъ искусства. Мережковскій самъ выдалъ свою тайну, написавъ книгу «Вѣчные спутники», въ которой онъ говоритъ о нѣсколькихъ люби-

мыхъ своихъ авторахъ и, какъ бы по разсѣянности, причисляетъ къ нимъ и Парѳенонъ,—настоящій, неподвижный, аѳинскій Парѳенонъ!

Послѣ Минскаго и Мережковскаго нужно поставить г-жу Гиппіусъ. Кромѣ новеллъ, критическихъ статей и одной маленькой фантастической драмы подъ названіемъ «Святая кровь», у нея есть небольшія лирическія стихотворенія, въ которыхъ она дозволяетъ себѣ кокетливо играть риѳмой и вольнымъ размѣромъ. То, что есть и въ новеллахъ Гиппіусъ, но что сковано тамъ безсильнымъ резонерствомъ, — а именно, ея тонкія декадентскія ощущенія, здѣсь, въ стихахъ ея, выступаетъ иногда въ своей свѣжести и чистотѣ. Ея стихи талантливы и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вещей съ философской окраской, проникнуты мѣрою и изяществомъ. Это настоящая поэтесса ощущеній, не сильная, нѣсколько однотонная, но тонкая и самобытная. Если въ новеллахъ Гиппіусъ постоянно шелестятъ шелковыя юбки ея манерныхъ героинь, то въ стихахъ ея раздается пріятный тихій шелестъ осторожныхъ, негромкихъ риѳмъ.

Самымъ крупнымъ декадентскимъ поэтомъ современности нужно признать Бальмонта. Въ то время, какъ его старшіе сотоварищи—Минскій и Мережковскій—въ качествѣ поэтовъ уже сходятъ со сцены, звѣзда Бальмонта разгорается все ярче. Бальмонтъ пользуется, съ тѣми или другими оговорками, всеобщимъ признаніемъ: несмотря на непопулярность въ Россіи декадентской поэзіи, публика ловитъ и повторяетъ нѣжные, легкіе звуки его поэтическихъ струнъ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на реторику нѣсколько искусственнаго демонизма, на претенціозныя измышленія въ заглавіяхъ и темахъ, поэзія Бальмонта все-таки полна своей прелести. Онъ живо ощущаетъ природу, хотя видитъ ее въ декадентскихъ раккурсахъ, онъ умѣетъ улавливать звонъ собственной души и передавать его въ свѣтлыхъ воздушныхъ тонахъ. Иногда сквозь тихія мягкія грезы у него чувствуются вспышки

какого то стихійнаго внутренняго бунта. Повторяю, это самый талантливый поэтъ въ декадентской полосѣ русской литературы и, къ тому же, незаурядная и интеллигентная рабочая сила. Онъ постоянно учится, ѣздитъ по Европѣ, переводитъ въ стихахъ и прозѣ Шелли, Поэ, Кальдерона и вообще не выходитъ изъ струи современныхъ идейныхъ интересовъ. Можно съ увѣренностью сказать, что имя его не затеряется на небѣ русской поэзіи, среди другихъ звѣздъ и созвѣздій ея.

Минскій, Мережковскій, Гиппіусъ, Бальмонтъ — вотъ и всѣ русскіе декадентскіе поэты. Они явились носителями новыхъ броженій въ литературѣ и представили собою открытую оппозиціонную силу по отношенію къ предыдущей, некрасовской, полосѣ русскаго творчества. Они признали для себя только традиціи Пушкина, Баратынскаго и Тютчева. Однако, ни у кого изъ нихъ нѣтъ ни свѣтлаго дня Пушкина, съ его разнообразіемъ и вѣрностью народному колориту, ни сумеречныхъ мечтаній и размышленій Баратынскаго, ни ночныхъ откровеній Тютчева, цѣльныхъ въ своей метафизикѣ и мистикѣ и представляющихъ небывалый въ литературѣ образецъ поэтическаго созерцанія міра не сквозь личное, индивидуальное начало, а сквозь безличную, хаотическую, религіозную стихію души. Современные декаденты, съ ихъ индивидуалистическими дарованіями, даютъ въ своихъ стихахъ смутныя мерцанія какого то новаго разсвѣта, новаго дня.

IV

Говоря о современной русской поэзіи, необходимо поставить на особенное, высокое мѣсто большой, можетъ-быть, даже замѣчательный талантъ Фофанова. Куда ни посмотришь, нельзя не видѣть этой крупной, мерцающей звѣзды. Иногда кажется даже, что со временемъ онъ заслонитъ собою всѣхъ другихъ молодыхъ русскихъ поэтовъ, потому что въ немъ громадная непосредственность,

какой нѣтъ ни у одного изъ декадентскихъ поэтовъ, творчество которыхъ проникнуто не только идейностью, но и разсудочностью. У Фофанова яркая фантазія съ оттѣнкомъ безумія и постоянно терзающееся сердце, которое живетъ полнотою человѣческихъ ощущеній. Истинный вопль вырывается въ его стихахъ, достигающихъ порою прелести тютчевской и фетовской поэзіи. Версификація его безподобна, несмотря на всѣ неровности его натуры, на всю невыдержанность его работы. Это поэтъ высшихъ полетовъ, высокихъ нотъ—иногда съ болѣзненною дрожью и дребезжаніемъ. Его душа — великолѣпное, но треснувшее зеркало, въ которомъ отражается весь міръ,—отражается неровно и нецѣльно.

Что то родственное Фофанову представляетъ собою Льдовъ. Но это прежде всего убѣжденный и пламенный идеалистъ, который сознательно беретъ для своихъ стихотвореній только то, что онъ самъ можетъ одобрить съ точки зрѣнія идеализма. Какой то кантіанецъ въ русской поэзіи, съ нѣкоторою наивностью и большою сердечностью! Какъ и Фофановъ, онъ бываетъ страшно непосредственъ, хотя у него нѣтъ фофановской фантазіи и крылатаго фофановскаго безумія. Вообще, это дарованіе несомнѣнное, но не крупное и не вполнѣ самобытное. Льдовъ умѣетъ поклоняться великимъ образцамъ, невольно увлекаясь ихъ мотивами въ своихъ стихахъ и даже агитируя за нихъ живымъ словомъ съ каѳедры—въ предпріимчивыхъ набѣгахъ на провинціальные города. Въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ къ тоненькимъ книжкамъ своихъ стихотвореній, которыя онъ переиздаетъ, постоянно отбрасывая то, что самъ считаетъ уже недостойнымъ себя, онъ полемизируетъ съ тенденціозной поэзіей, барабанитъ ей отбой и возвѣщаетъ зарю новой поэзіи съ такимъ паѳосомъ, что называетъ всеобщія насмѣшки журнальныхъ рецензентовъ.

Нельзя также не отмѣтить прелестнаго, чисто эротическаго таланта Лохвицкой. Среди современныхъ поэтовъ

она занимаетъ совершенно самостоятельное мѣсто. Она никого не напоминаетъ, ни съ кѣмъ не соперничаетъ. Это современная Сафо — пѣвица страстной любви, но любви нормальной, съ настоящимъ огнемъ въ семитической крови. Журналы и газеты часто осмѣиваютъ ее за односторонность ея поэтическаго творчества, и, можетъ-быть, талантливая поэтесса слегка смутилась этими упреками, потому что она стала изыскивать не всегда посильныя для нея темы. Но нѣтъ сомнѣнія, что именно въ своемъ жанрѣ Лохвицкая—талантъ выдающійся, которому слѣдуетъ итти своимъ путемъ. У нея чудесный, пѣвучій стихъ, горячія, яркія краски, свобода и смѣлость настроеній. Нѣсколько книгъ ея стихотвореній, несмотря на насмѣшки придирчивой критики, быстро разошлись, и это показываетъ, что въ обществѣ есть потребность въ поэзіи здоровой, сильной, безъ психологическихъ разладовъ, безъ разсудочныхъ мотивовъ.

Есть еще нѣсколько поэтовъ, не лишенныхъ дарованія, хотя не настолько крупныхъ и не настолько опредѣлившихся, чтобы говорить о нихъ въ отдѣльности. Таковы Лебедевъ, Бунинъ, Ѳедоровъ, Шуфъ, Танъ, Мельшинъ-Якубовичъ, которые всѣ усердно работаютъ въ современной журналистикѣ и издаютъ сборники своихъ вещей. Изъ нихъ Танъ и Якубовичъ поютъ въ некрасовскихъ струнахъ, хотя послѣдній, Якубовичъ, занимался и переводомъ «Цвѣтовъ зла» Бодлэра. Остальные изъ названныхъ поэтовъ напоминаютъ своею дѣятельностью первые шаги Фофанова и Льдова. Въ нихъ есть дарованіе, но нѣтъ достаточно очерченной поэтической индивидуальности. Среди этихъ второстепенныхъ поэтовъ выдѣляются законченностью своихъ физіономій Аполлонъ Коринфскій и Величко. Аполлонъ Коринфскій—претенціозный, крикливый, но внутренно безсодержательный стихотворецъ, выпустившій цѣлый рядъ книгъ съ вычурными заглавіями и приходящійся по вкусу только толпѣ простодушныхъ, невзыскательныхъ читателей. Величко—

это нѣкоторое подобіе остроумнаго куплетиста, но съ тяготѣніемъ къ восточнымъ краскамъ и мотивамъ, которые онъ заимствуетъ у восточныхъ поэтовъ. Онъ и журналистъ, и не совсѣмъ чистоплотный публицистъ съ шовинистическими выходками противъ инородцевъ, и чиновникъ, никогда не упускающій изъ виду интересовъ своей карьеры.

Остается очертить еще одну маленькую группу поэтовъ — такъ называемыхъ московскихъ символистовъ. Группа эта имѣетъ въ настоящее время свою издательскую фирму «Скорпіонъ», занимающуюся, между прочимъ, переводами иностранныхъ авторовъ подходящаго направленія, какъ Эдгаръ Поэ, Ибсенъ, Гамсунъ, д'Аннунціо и др. Большимъ фаворомъ у этихъ поэтовъ пользуются Бальмонтъ и Ив. Коневской, но истиннымъ кумиромъ является для нихъ совсѣмъ молодой стихотворецъ Александръ Добролюбовъ. Это очень странный юноша, съ пріемами вѣшняго оригинальничанья и со склонностью къ «тайнодѣйствіямъ» въ области подозрительной морали. Онъ вышелъ съ первыхъ курсовъ университета, чтобы отправиться пѣшкомъ въ Соловецкій монастырь, на Бѣломъ морѣ. «Скорпіонъ» издалъ маленькую книгу его стихотвореній съ благоговѣйными примѣчаніями и вступительными статьями Ивана Коневского и Валерія Брюсова. Коневской изслѣдуетъ личность Добролюбова. Оказывается, что Добролюбовъ имѣлъ особенный замыселъ — сотворить свой собственный міръ «внѣ человѣческихъ чувствъ и внѣ человѣческихъ мыслей, внѣ тѣла и внѣ ума». Въ этой задачѣ творчества, отрѣшеннаго отъ привычныхъ воспріятій и обычной логики, съ ихъ традиціями, Коневской видитъ проявленіе «великаго духа». Суть этой задачи состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы слѣдовать только внушеніямъ собственной воли во всѣхъ ея свободныхъ капризахъ. Въ самомъ дѣлѣ, стихотворенія Александра Добролюбова представляютъ собою характерную иллюстрацію такого рода творчества, свободнаго отъ

красокъ жизни, ибо оно не основано на воспріятіяхъ, свободнаго и отъ опредѣленныхъ идей, ибо тутъ отброшена всякая нормальная логика. Не трудно понять, что при такихъ условіяхъ поэзія Александра Добролюбова вовсе не есть поэзія, а скорѣе — маніакальный бредъ замкнутой въ себѣ и безплодной души, лишенной таланта и живыхъ взаимодѣйствій съ природою, съ людьми, съ искусствомъ — тѣхъ настоящихъ, не фокусныхъ «тайнодѣйствій», изъ которыхъ происходитъ художественное творчество. Стихи Добролюбова сухи, вычурны и притомъ примитивно безсмысленны. Въ нихъ вовсе нѣтъ тѣхъ яркихъ галлюцинацій, которыя могли бы создаться сильною волею, дѣйствующею даже въ пустотѣ.

Что касается другихъ поэтовъ этой группы, то самымъ выдающимся изъ нихъ нужно признать Валерія Брюсова. Онъ пишетъ стихи, критическія замѣтки и цѣлыя изслѣдованія по вопросамъ литературы. Это человѣкъ интеллигентный, съ хорошей научной подготовкой для настоящей литературной дѣятельности. Если бы не флагъ «Скорпіона» и не прогремѣвшія чудачества прежней его поэтической дѣятельности, Валерій Брюсовъ сразу вошелъ бы въ русло общепризнаннаго декадентскаго искусства. Однако, вотъ что значитъ судьба! Когда то Брюсовъ сочинилъ стихотвореніе въ одну строчку: «О закрой свои блѣдныя ноги» — ничего больше. Вся Россія смѣялась надъ этимъ «стихотвореніемъ» до упада, и съ тѣхъ поръ имя Брюсова звучитъ для читающей публики однимъ только чудачествомъ, рядомъ съ именами другихъ московскихъ декадентовъ — Балтрушайтиса, Дурнова, Миропольскаго. Но Валерій Брюсовъ все таки человѣкъ талантливый, и въ настоящее время трудно съ точностью опредѣлить, что выйдетъ изъ него въ будущемъ, равно какъ и изъ всего этого московскаго движенія, связаннаго, по своимъ рѣзко-индивидуалистическимъ тенденціямъ, съ новѣйшими движеніями европейской литературы.

Такова современная русская поэзія въ ея главныхъ теченіяхъ и наиболѣе замѣтныхъ представителяхъ. Среди перечисленныхъ мною поэтовъ, живущихъ въ настоящее время, не мало замѣтныхъ дарованій. Но дарованія эти имѣютъ исключительно лирическій характеръ и не захватываютъ русской жизни въ ея общности, въ ея эпическомъ строѣ. Они работаютъ, зарывшись въ личную глубину, и тамъ именно отыскиваютъ матеріалъ для воссозданія ея въ какой то новой, пока еще только искомой, но всѣми ожидаемой психологической правдѣ. Эта правда рано или поздно выразится и воплотится въ поэтическомъ словѣ, потому что Россія въ своемъ поэтическомъ творчествѣ, какъ и въ творчествѣ чисто-беллетристическомъ, далеко еще не исчерпана.

А. Волынскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 99. Это стихотвореніе Я. П. Полонскій написалъ карандашомъ на притолкѣ Воробьевскаго флигеля, гдѣ гостилъ у А. Фета лѣтомъ 1890 года.

Къ стр. 100. Посылая это стихотвореніе И. П. Борисову, А. Фетъ писалъ ему изъ Новогеоргіевска 3 февраля 1850: «Совершенно хладнокровно и механически переписываю тебѣ одно стихотвореніе, потому что оно твоя собственность и ты вѣрно узнаешь мѣстность... Думай объ этомъ стихотвореніи, что хочешь, но ради Аллы прими къ точному руководству послѣдній стихъ».

Къ стр. 106. Стихотвореніе «Сны», по непредвидѣнной случайности, напечатано также въ «Журналѣ для всѣхъ» за этотъ годъ.

Къ стр. 133. Стихотвореніе «На новый колоколъ» уже было напечатано въ сборникѣ, изданномъ К. Д. Бальмонтомъ.—«Книга Раздумій».

Къ стр. 191. Статья печатается съ автографа А. Фета. Заглавіе написано рукой П. И. Борисова, племянника Фета. Борисовъ сошелъ съ ума въ 1884 году. Въ 1883 году онъ отбывалъ воинскую повинность въ Ромнахъ. Изъ за границы возвратился онъ 1881 году. Фетъ упоминаетъ 1881 годъ, какъ прошедшій. Эти данныя опредѣляютъ время написанія статьи. По своему характеру она принадлежитъ къ тѣмъ публицистическимъ статьямъ Фета, которыя онъ печаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Русскомъ Вѣстникѣ и другихъ повременныхъ изданіяхъ или выпускалъ отдѣльными брошюрами подъ тѣмъ же псевдонимомъ «Деревенскій житель».

Къ стр. 194. Статья о Щербинѣ напечатана здѣсь съ нѣкоторыми пропусками. Вполнѣ она войдетъ въ подготовляемое книгоиздательствомъ «Скорпіонъ» посмертное собраніе сочиненій Ив. Коневскаго († лѣтомъ 1901 года).

Къ стр. 225. Статья А. Волынскаго была уже напечатана, когда мы получили отъ автора слѣдующія дополненія.

Особенное мѣсто въ пушкинской плеядѣ занимаютъ поэты Мей и Ал. Толстой. По таланту, это несомнѣнныя и значительныя величины, но Мей остается чуждымъ публикѣ вслѣдствіе какой то своей внутренней старомодности и тяжеловѣсности, а Ал. Толстой, при всей своей широкой популярности, не представляетъ собою оригинальной духовной силы. Его идейные мотивы являются перепѣвами чужихъ европейскихъ мотивовъ, патетичными, но все таки холодными, а чисто лирическія его стихотворенія, иногда проникнутыя нравственнымъ чувствомъ, отличаются тѣмъ блескомъ формъ, который граничитъ съ свѣтскимъ лоскомъ. Онъ подкупаетъ публику красивостью версификаціи и своимъ юморомъ, который легкимъ шелестомъ проносится по дремучему лѣсу русской кривды. Нѣкоторыя произведенія этого аристократическаго поэта, вслѣдствіе мѣстныхъ затрудненій, появились въ заграничныхъ изданіяхъ, и публика особенно любитъ ходящіе по рукамъ списки ихъ за ихъ веселый либерализмъ и безъ заботный шаржъ на россійской подкладкѣ. Лучшими стихотвореніями Ал. Толстого нужно считать его маленькія, наименѣе притязательныя вещицы: онѣ дѣйствуютъ на душу, какъ брызги свѣжей воды.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1
Разсказы.	
В. Розановъ. „Тревожная ночь“	3
З. Гиппіусъ. „Небесныя слова“	16
Валерій Брюсовъ. „Теперь, когда я проснулся“	61
Маркъ Криницкій. „Ангелъ страха“	70
Ѳ. Сологубъ. „Обручъ“	75
Анастасія Мировичъ. „Ящерицы“. „Эльза“	80
Ю. Балтрушайтисъ. „Легенда о факелахъ“	84
А. М. Д. „Образы“	89
Стихи.	
Я. Полонскій	99
А. Фетъ	100
К. Случевскій	102
Д. Мережковскій	103
З. Гиппіусъ	106
Н. Минскій	109
Ѳ. Сологубъ	112
М. Лохвицкая	114
К. Фофановъ	118
Д. Фридбергъ	123
В. Коринъ	125
Анастасія Мировичъ	127
Валерій Брюсовъ	129
Ив. Коневской	136
А. Л. Миропольскій	139

Стр.
Л. Вилькина 140
В. Г. М. 141
Ю. Балтрушайтисъ 142
П. Перцовъ 148
К. Д. Бальмонтъ 149
Лионель 170

Статьи, письма.

А. С. Пушкинъ. Записка 177
Н. Некрасовъ. Письмо 179
И. С. Тургеневъ. Письма 180
А. Фетъ. „Источникъ нашего нигилизма“ 191
Ив. Ковенской. „Міровоззрѣніе Н. Ѳ. Щербины“ . . 194
Н. Черногубовъ. „Къ хронологіи стиховъ А. Фета“ . 215
А. Волынскій. „Современная русская поэзія“ . . . 225
Примѣчанія 249

Аверсные цветы

Третья библиотека
издательства Скорпион
Москва MCMIII

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
аренд. В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

Нашъ третій альманахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иной, чѣмъ два первые. Онъ болѣе «единогласенъ», болѣе однороденъ по внутреннему составу. Въ немъ рядъ новыхъ именъ, и нѣтъ кое-кого изъ прежнихъ спутниковъ. Мы рады этимъ новымъ. Въ нихъ новая молодость, новая бодрость, сила! И намъ некогда жалѣть объ отставшихъ. Было время мы поджидали ихъ, давали возможность подойти. Но пора и снова итти. Наши лица опять обращены впередъ, къ будущему, и намъ уже не видно, кто сзади.

«Скорпіонъ».

Сѣверные Цвѣты.

САМОСОЗНАНЬЕ.

Святая ночь на небосклонъ взошла,
И день отрадный, день любезный
Какъ золотой покровъ она свила,—
Покровъ, накинутый надъ бездной.
И, какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ...
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ, и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ пропастію темной.

На самого себя покинутъ онъ,
Упраздненъ умъ и мысль осиротѣла;
Въ душѣ своей, какъ въ безднѣ погруженъ,
И нѣтъ извнѣ опоры ни предѣла.
И чудится давно минувшимъ сномъ
Ему теперь все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ, ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое.

Ѳ. И. Тютчевъ.

Стихотвореніе это печатается по автографу Ѳ. И. Тютчева, съ новой, впервые появляющейся въ печати строфой. См. Примѣчанія.

ПРИШЕДШІИ

Отрывокъ изъ неизданной мистеріи.

Сцена представляетъ площадку. Площадка окружена отвѣсными, черными скалами какъ бы изъ лабрадора, отливающими зелено-синимъ блескомъ. Среди скалъ едва замѣтная тропинка съ высѣченными ступенями. Изъ-за скалъ блестятъ два золотыхъ купола Храма Славы. Справа отъ зрителей площадка оканчивается морскимъ побережьемъ, потому что раздается шумъ прибоя, и огромный камень одиноко торчитъ на площадкѣ, очевидно, выброшенный бурей. Справа же между черной скалой и моремъ проходъ. Въ проходѣ видно золотое небо. Выше оно—лазурное. Среди блѣдноатласной лазури туманнымъ очертаніемъ вырисовывается комета, хотя еще день. Ея хвостъ сливается съ небомъ.

Лучи солнца обливаютъ площадку своимъ янтарно-золотымъ свѣтомъ. Вскорѣ лучи солнца начинаютъ отливать янтарнорозовымъ. Еще до поднятія занавѣса слышно пѣніе, которое вскорѣ замираетъ гдѣ-то вдали, хотя далекій отзвукъ пѣсенъ, какъ вздохъ вѣтерка, проносится среди молчанія. Михаилъ и Сергѣй два ученика изъ чающихъ стоятъ другъ передъ другомъ въ длинныхъ желтовато-бѣлыхъ одеждахъ на фонѣ черныхъ скалъ. Ихъ длинные, русые кудри падаютъ по плечамъ.

Во время поднятія занавѣса Сергѣй въ ужасѣ отмахивается, очевидно, отъ словъ Михаила. Михаилъ стоитъ, чуть согнувшись, спиной къ морю. Лицо его спокойно, немного сурово и блѣдно. Онъ пощипываетъ русую бородку.

Михаилъ. И ты говоришь, что мы не ломаемся, какъ шуты... Мы—шутники и паяцы...

Сергѣй. Когда ты принимаешься за старое, я боюсь—мнѣ страшно...

Михаилъ *совершенно безстрастно.* Ахъ, какъ весело шутить въ пріятномъ сообществѣ, въ разноцвѣтныхъ лоскутахъ и съ масками на лицѣ!.. Только иногда, въ тишинѣ, снимается маска; изъ-подъ нея глядитъ ликъ ужаса въ бархатистую тьму.

Сергѣй *подходя къ Михаилу, неподвижно застывшему въ слегка наклоненной позѣ.* Стыдись, слуга ожиданія, такого великаго ожиданія,—ожиданія радости... Рѣчи твои—постыдныя; на тебя же обрушатся онѣ—эти рѣчи.

Пауза. Отзвукъ далекаго пѣнія. Золотое небо слегка подергивается искристыми розами Вѣчности. Отзвукъ далекаго пѣнія тонетъ въ шумѣ вѣчнаго прибоя. Михаилъ машинально подходитъ къ камню и садится на него, обнявъ руками колѣни, лицомъ къ морю. Сергѣй тихо подходитъ къ нему и ласково шепчетъ:

Борись—бодрись...

Молчаніе. Сергѣй, запахнувшись въ одежду, отходитъ, восклицаетъ:

Малодушный рабъ, двоедушный маловѣрный...

Михаилъ *неторопливо вскочивъ съ камня.* Молись, потому что не можешь ты знать о вѣрѣ такъ, какъ я; я въ вѣрѣ больше тебя... Я былъ изъ первыхъ съ Иліей, я былъ примѣрный ученикъ, вѣрный... Я и тебя увлекъ ожиданіемъ... Я ждалъ съ упованіемъ... Все это потрясло тогда и меня, и тебя... Но вотъ прошли года... Мы были влюблены... Ты и теперь влюбленъ въ этотъ сонъ. *Огонь, блиставшій въ его глазахъ, тухнетъ.* Теперь... теперь... *Онъ опускается на камень.* Ахъ, мы все еще шутимъ, шутимъ и бредимъ, когда уже ничего не осталось... Развѣялось... Есть только неизмѣнное, старинное...

Сергѣй *скрестивъ руки.* Но чудеса!

Михаилъ *послѣ нѣкоторой паузы.* Красный вечеръ послѣ жаркаго дня... Такъ бываетъ всегда послѣ жаркаго, душнаго, мглистаго дня... *Горько.* Вообразили, что приблизи-

лось беззакатное золото Вѣчности, золото безвременья... И ждутъ... Полны мистическихъ олицетвореній, молятся красному вечеру. Ожидаютъ безвременье...

Сергѣй указывая на купола храма. Нужно ждать: мы около Славы.

Михаилъ. Будемъ ждать—умремъ. Дѣти будутъ ждать—умрутъ... И все ждать, ждать... И временные водопады не изсякнутъ...

Сергѣй. Что жъ дѣлать: надо быть чающими. До сихъ поръ люди жили безъ вѣчныхъ ожиданій... Предвидѣлась только гибель. Облегченно. Теперь молитвы наши услышаны; до Самого Христа донеслись алмазные ручьи нашихъ слезъ... И Онъ сказалъ: вотъ приду Я днемъ воскреснымъ съ утренними облаками... Серебристо-бѣлый, звѣздный лучъ сверкнулъ надъ багрянымъ ожиданіемъ. Толпы народа собрались къ храму Славы... И день и ночь всѣ молятся, все просятъ, все хотятъ конца.

Михаилъ. Толпа благоговѣетъ передъ красотой мечты; но есть предѣлъ всѣмъ сказкамъ... Пусть еще сейчасъ всѣ толкуютъ о глубинѣ и тайныхъ значеніяхъ—настанетъ день, когда сама бездна сравняется съ плоскостью.

Сергѣй тихо подходитъ къ камню, на которомъ сидитъ Михаилъ, и задумывается. Слушая тебя, сердцу становится скучно.

Михаилъ суровый и блѣдный, чуть согбенный, пощипываетъ бородку. Русые кудри его раздуваетъ вѣтеръ. Но вѣдь въ тишинѣ снимается маска и оттуда глядитъ ликъ унынія. Можно шутить въ разноцвѣтныхъ лоскутахъ, съ крѣпко привязанной къ испуганному лицу шутовской маской... Это весело... Но пройдутъ года... Толпа ничего не увидитъ. Ничего не случится новаго. Тѣни прошлаго погасятъ будущее... Будущее, омраченное, канетъ въ прошлое... Не произойдетъ ничего ужаснаго; только все потухнетъ, подернется пепломъ, развѣется пылью...

Сергѣй сердито. Грома ты не боишься!..

Михаилъ. Пусть разразится! Съ внезапнымъ порывомъ тоски. Что жъ медлитъ—не разражается?

Сергѣй поднявъ руки, горячо. Неправда... Неправда, неправда... Міры загорятся вдохновеніемъ, и огненныя молніи скрѣпятъ планеты и солнце, разрѣзавъ холодъ пустоты... Неправда, неправда...

Какъ бы въ отвѣтъ Сергѣю за сценой мягкій, но сильный старческій голосъ:

Голосъ. Помяните слово мое. Оно крылато, христіане... Скоро грядетъ судъ Божій. Возвѣщено о полчищахъ херувимскихъ, которые съ горнаго трона спускаются къ намъ.

Сергѣй. Слышишь?

Съ радостнымъ лицомъ прислушивается къ старческому голосу. Пролетаетъ голубь. Все небо въ огнѣ. Розовые отсвѣты ложатся на черныя скалы, которыя, искрятся зеленымъ синимъ и огненнымъ. Михаилъ безстрастно глядитъ вдаль съ развѣвающимися отъ вѣтра волосами. Голосъ за сценой продолжаетъ, удаляясь:

Голосъ. И давно ужъ все странно. Все страннѣй и страннѣй. Это темныя силы борятся, разбивая оковы передъ послѣднимъ судомъ...

Усиливающійся вѣтеръ заглушаетъ его слова.

Сергѣй. Слышишь? Слушай! Стоитъ съ поднятымъ вверхъ указательнымъ пальцемъ.

Михаилъ. Это Симонъ съ народомъ кончаетъ вечернее поученіе.

Сергѣй радостно кивая. Это его голосъ. Это онъ—Симонъ.

Пауза. Михаилъ повторяетъ тихо, про себя, умиротворенный:

«Возвѣщено о полчищахъ херувимскихъ, которыя съ горнаго трона»...

Шумъ моря усиливается; это приливъ. На огненномъ небѣ комета начинаетъ ясно вырисовываться золотѣющимъ блескомъ. Голоса. По тропинкѣ спускается Дмитрій, старшій ученикъ Храма Славы,—чающій. У него длинные сѣдые волосы, на немъ желтовожелтая одежда; старое, безбородое лицо привѣтливо обращено къ толпѣ учениковъ, которые его окружаютъ. Сергѣй, видя спускающихся, шепчетъ Михаилу:

Прошу тебя молчи...

Онъ присоединяется къ пришедшимъ. Михаилъ продолжаетъ сидѣть на камнѣ и глядѣть на прибой

Дмитрій обращаясь къ двумъ ученикамъ, громкимъ голосомъ. Не даромъ тутъ совершаются чудеса.

Одинъ изъ учениковъ. Недавно взошла луна. Взошла и заогневѣла, вознесясь. А потомъ на нее стало наплывать что-то темное, темное.

Другой ученикъ. Все становится вверхъ дномъ.

Дмитрій. Всѣ признаки второго пришествія. Указываетъ на комету. Огненный мечъ. Иногда восходитъ надъ моремъ крестъ. Сыплются звѣзды.

Одинъ изъ учениковъ. Во всѣ времена и всѣмъ народамъ посылались огненные мечи. Они заносились надъ разными странами и грозились по ночамъ багровымъ ужасомъ. Указывая на комету. Еще ни разу не было такого огромнаго меча.

Другой ученикъ. Говорятъ, недалеко отсюда гудѣлъ странный вѣтеръ, особенный вѣтеръ. Нѣкоторые услышали въ странномъ вѣтрѣ одно слово. Говорятъ,— потомъ они ужасались.

Дмитрій поучительно. Приближается часъ: и вотъ грозно. Пройдетъ часъ, закатится время—и мы вздохнемъ и восхитимся.

Кто-то изъ учениковъ. Вѣдь былъ же Илія восхищенъ.

Михаилъ медленно встаетъ съ камня и подходитъ къ разговаривающимъ.

Михаилъ. Это весело...

Дмитрій испытующе. Что говоришь ты?

Михаилъ стоитъ, чуть согнувшись, спиной къ морю. Лицо его спокойно, немного сурово и блѣдно. Въ глазахъ горятъ огни ярости и безумія, но онъ равнодушно пощипываетъ рыжую бородку, задорно выставленную впередъ.

Михаилъ. Мы—шутники и паяцы... Ахъ, какъ весело въ безумномъ сообщничествѣ разговаривать о чудесахъ... Вѣдь не здѣсь, а тамъ, въ тишинѣ снимается маска; изъ-подъ нея глядитъ ликъ ужаса въ бархатистую мглу... Но что до того... А народъ стекается тысячами поглазѣть на представленіе... Но вотъ пробьетъ часъ, и онъ заволнуется...

Голоса. Онъ богохульникъ... Онъ говоритъ правду... Скоро народъ начнетъ волноваться... Ожидать намъ уже надоѣло... Не вмѣщаютъ сердца наши долгаго ожиданія.

Дмитрій. Не надо искушать Господа. Учителя еще сами не знаютъ, когда исполнятся времена и сроки.

Сергѣй обращаясь къ Дмитрію, указывая на Михаила. Тебѣ говорю: онъ боленъ...

Дмитрій Михаилу. Ахъ, дерзкая рѣчь твоя, ахъ, всѣ мы сокрушаемся дерзостью рѣчей твоихъ, Михаилъ!

Сергѣй Дмитрію. Тебѣ говорю: онъ боленъ.

Одинъ изъ учениковъ. Въ его словахъ есть правда. Не срываетъ ли онъ покрывало съ нашихъ тайныхъ помысловъ?

Другой изъ учениковъ. Бывало, совершались чудеса. Пламенныя слова первоучителя, Иліи, облетали землю. И вотъ притекли тысячи. Всѣ ждутъ Господа. Каждую ночь ждутъ они Господа. Болѣе года они Господа ждутъ.

Третій изъ учениковъ указываетъ на Михаила который неподвижно стоитъ среди группы спорящихъ и блистаетъ очами. Его русая бородка выставлена задорнымъ тычкомъ, и онъ пощипываетъ ее.

Не вѣрьте словамъ Михаила: это слова искушенія.

Дмитрій Михаилу. Твои рѣчи дерзки и самоувѣренны.

Третій ученикъ. Не вѣрьте словамъ его: это слова искушенія.

Дмитрій Михаилу. Ты заблуждаешься.

Сергѣй Дмитрію. Тебѣ говорю: онъ боленъ.

Дмитрій Михаилу. Борись, бодрись... Ты малодушенъ и маловѣренъ.

Михаилъ сдержаннымъ голосомъ, старался говорить равнодушно. Молчи, потому что не можешь ты знать о вѣрѣ такъ, какъ я: я въ вѣрѣ больше тебя... Не былъ ли я богомолецъ — созидалъ храмъ Славы съ Иліей. Я васъ всѣхъ увлекъ ожиданіемъ. Я ждалъ съ упованіемъ... Все это потрясло тогда и меня, и тебя... Когда я узналъ, что это

лишь шутка, чья-то дикая, вѣчная шутка, мнѣ стало жутко...

Голоса. Онъ говоритъ дикія вещи. Онъ заблуждается. Онъ—проклятый.

Одинъ изъ учениковъ. Не вѣрьте словамъ его: это слова искушенія.

Сергѣй обращаясь къ этому ученику, какъ бы прося снисхожденія. Тебѣ говорю: онъ боленъ.

Михаилъ не сдерживаясь, страстно, захлебываясь отъ волненія. Ничего нѣтъ. Ничего не будетъ. Все новое—старое. Существуетъ лишь неизмѣнно забытое, вѣчное, старинно-милое, постоянное... Нѣтъ ничего, а мы разыгрываемъ комедію; и народъ вѣритъ. Великъ будетъ гнѣвъ обманутаго народа, потому что всякій обманъ открывается.

Дмитрій съ сожалѣніемъ смотритъ на Михаила.

Голоса. Клеветникъ. Безбожникъ. Прогнать лжеца.

Михаилъ мрачно. Я ухожу. Я откроюсь тамъ. Медленно поднимается по крутой тропинкѣ.

Дмитрій грустно и мягко. Не надо гнать его: онъ боленъ и бредитъ. Милосердіе, милосердіе больному брату. Отлетитъ облако бреда черным демономъ, и вернется къ намъ съ улыбкой возвратной встрѣчи.

Михаилъ, взошедшій на скалу, мрачно стоитъ на огненномъ фонѣ; онъ запахнулся въ желтовато-желтый плащъ и пощипываетъ бородку. Потомъ онъ удаляется по ту сторону скалъ.

Одинъ изъ учениковъ. Онъ навѣялъ грустныя думы. Въ словахъ его рыдала осенняя ночь.

Другой ученикъ. Слова его подобны градобитію, но въ нихъ есть и правда: мы всѣ грустимъ и ужасаемся потихоньку другъ отъ друга...

Третій ученикъ. Самъ первоучитель, Илія, грустно задумывается, бродитъ съ опущенной головой. Грустно бродитъ.

Дмитрій пытается разсѣять тучу грусти. Мы все узнаемъ послѣ вечерняго гимна. Я спрошу Илію. Онъ скажетъ.

Разбиваются на кучки. Расходятся во всѣ стороны. Отъ времени до времени подходятъ все новые и новые изъ чающихъ. Небо блистаетъ огнистымъ заревомъ. Золотая комета блеститъ надъ площадкой. Два служителя Храма Славы выходятъ на авансцену.

Первый второму. Скажи, братъ—я еще недавно пришелъ къ вамъ—много ли здѣсь такихъ, какъ Михаилъ.

Второй. Да, бываютъ. Мы не знаемъ ихъ. Они таятъ свои ужасы въ глубинѣ. Иногда это прорывается. Тогда мы вспоминаемъ, что среди насъ водятся маски. Маски недавно опять показались въ снятомъ мѣстѣ.

Первый вздыхая. А я такъ вѣрю...

Второй. Да и они вѣрятъ. Но тутъ опять другое.

Первый смотритъ на другого и моргаетъ глазками, не понимая, о чемъ тотъ говоритъ. Даа... А скажи, братъ, для чего вы собираетесь на этой площадкѣ: я еще плохо знаю ваши обычаи.

Второй. Произносятся увѣренія. Подчеркивается ожиданіе. Поются гимны.

Первый сложивъ руки. Такъ.

Второй. Созерцается красный вечеръ. Вспоминается таинственное видѣніе о происшествіи Его изъ-за моря, на огненномъ фонѣ—и въ бѣломъ, бѣломъ.

Первый похлопывая себя по животу. Таакъ... А скажи, братъ, богатые здѣсь доходы? А?.. Думаю, горы золота?.. Что?..

Второй хмурясь. Не знаю. До того ли.

Первый со вздохомъ. Человѣкъ слабъ. Врагъ силенъ. Господь милосердъ.

Второй наставительно. Во всемъ мѣра Господа.

Первый. Такъ-то такъ... Что-то ищетъ глазами и потомъ присоединяется къ проходящей кучкѣ учениковъ.

Приближается другая группа съ Дмитріемъ.

Дмитрій. Говорю вамъ—грѣхъ. И разрѣшится. Евангеліе—бездонный кладезь мудрости. Тамъ...

Раздается гулъ, какъ бы волненіе народныхъ массъ, какъ бы рыканіе пробуждающагося льва.

Что это?

Говоръ въ толпѣ учениковъ.

Ученики. Народъ волнуется, народъ волнуется...

Тонкій голосъ изъ толпы учениковъ. Въ воздухѣ носится предчувствіе будущихъ грозъ.

Одинъ изъ учениковъ. Такъ больше нельзя. Вотъ сейчасъ послѣ молитвы мы обо всемъ спросимъ.

Другой. Мы скажемъ, что тоскуемъ о Господѣ.

Третій. Что Господь насъ оставилъ.

Четвертый. Что Онъ не придетъ къ намъ.

Пятый. Что и природа затосковала вмѣстѣ съ нами, что въ природѣ—томленіе ожиданія.

Тонкій голосъ изъ толпы учениковъ. Въ воздухѣ носится предчувствіе будущихъ грозъ.

Новый взрывъ народнаго шума.

Ученики. Какъ бы слова Михаила не оказались вѣщими... Что-то тамъ.

По тропинкѣ быстро сбѣгаетъ ученикъ.

Дмитрій. Что случилось?

Ученикъ скороговоркой. Кто-то возмущаетъ народъ.

Дмитрій. Съ нами крестная сила.

Ученикъ съ гнѣвомъ. Я видѣлъ—въ толпѣ стояли и возмущали... Рѣчи были дерзки и богохульны... Говорилось, что не будетъ пришествія... Вѣсть молніей облетѣла толпу... И вотъ народъ обступилъ наставниковъ на пути ихъ сюда.

Ученикъ первый. Это былъ Михаилъ?

Ученикъ. Нѣтъ.

Первый ученикъ. Ну, конечно... Я такъ и зналъ... Маски начинаютъ сниматься... Съ нами крестныя силы... Мы не боимся испытаній... Мы побѣдимъ любовью.

Ученики. Народъ волнуется... Что-то будетъ.

Дмитрій улыбаясь. Ну, чего вы боитесь? Ну, чего намъ бояться? Мы побѣдимъ любовью. Илія успокоитъ народъ. Слышите...Слушайте...Они ужъ не ропщутъ... Водворяется тишина. Улыбаясь самому себѣ, точно зная что-то. Тишина. Богъ въ тишинѣ.

Появляется другой ученикъ.

Дмитрій съ успокоенной улыбкой. Ну?

Новоприбывшій. Народъ успокоился.

Дмитрій. Илія успокоилъ народъ?

Новоприбывшій. Не Илія, а Никита успокоилъ народъ.

Дмитрій. Приготовимся къ гимнамъ, дѣти... Наставники сейчасъ будутъ здѣсь...

Море шумитъ. Порывы вѣтра, налетая на ожидающихъ учениковъ, рвутъ желтовато-бѣлые одежды. Призывныя волны безвременья обвѣваютъ ихъ неизмѣнновѣчнымъ рокотомъ. Раздается пѣніе гимновъ и звукъ гуслей. На вершинѣ скалы, откуда начинаетъ спускаться тропинка, показываются два вечернихъ трубача съ длинными трубами и въ огненно-яркихъ мантіяхъ. Въ воздухѣ дрожитъ звукъ призывной трубы и потомъ замираетъ, обрываясь. Показываются дежурные ученики въ снѣжно-серебряномъ. Снѣжное серебро ихъ ризъ въ розовыхъ искрахъ гаснущаго заката. Въ ихъ рукахъ кадильницы. Съ поклонами и пѣніемъ они кадятъ угасающему закату и затѣмъ, прекративъ пѣніе, съ глубокимъ безмолвіемъ спускаются внизъ по тропинкѣ. Пауза. На вершинѣ скалы показываются два наставника — Илія и Никита. Илія—первоучитель Храма Славы. На немъ золотая мантія, облекающая его стройный силуэтъ, золотая шапка, а въ рукахъ—жезлъ. У него длинные, сѣдѣющіе волосы и небольшая, каштановая бородка: открытый, задумчивый взглядъ. Никита — учитель Храма Славы и, какъ говорятъ, — тайновидецъ. Онъ небольшого роста, худой и сутулый; взоръ—ясенъ, хотя и тревоженъ; всегда онъ чуть-чуть улыбается, но никогда не смѣется. На немъ бѣлая, шелковая мантія, отороченная золотомъ, золотая шапка и золотой жезлъ. Голосъ тонкій, кричащій... Оба наставника медленно спускаются по тропинкѣ. На серединѣ спуска они останавливаются.

Илія протягивая руки закату.

Тебѣ, Всевышній, сладостные гимны!
Тебѣ, Всевышній, помышленья сердца!

Тебѣ, Всевышній, тайные порывы!
Пусть гимны наши сладко раздаются!
Пусть сердце наше будетъ чище снѣга!
Пусть чудеса надъ нами разразятся...

Никита стремительно воздѣвая руки.

Передъ толпой колѣнопреклоненной
Изъ облака засвѣтитъ крестъ надъ міромъ.

Илія. О, приходи, мы ждемъ Тебя давно,
Чтобъ совершить мистическія тайны.

Никита указывая на комету.

Повисъ надъ міромъ мечъ... Огромный мечъ...

Илія. Мы молимъ о спасеніи народовъ.
Мы молимъ о послѣднемъ днѣ созданья.
Мы жаждемъ встрѣчи съ воинствами неба
Подъ кущами прохладными Эдема.

Никита. Повисъ надъ міромъ мечъ. Огромный мечъ:
Кончина близкая и намъ, и міру. Пауза.

Илія. Свѣтило дивное, въ лучахъ багровыхъ
Ты закатилось, тучей запахнувшись!
О, возсіяй опять: къ тебѣ порывы
Несутся въ фиміамѣ нашихъ пѣсенъ.
Эвиры чистые, въ волнахъ несите
Суровой Вѣчности тѣ звуки пѣсенъ,
И вотъ Создатель огненной десницей
Зажегъ пожаръ, пожаръ любви великой.

Никита. Мы утромъ поклоняемся востоку,
А вечеромъ багряному закату.

По знаку жезлоносца, появившагося вслѣдъ за учителями, кладутъ земной поклонъ закату. Вечерніе трубачи прикладываютъ трубы къ устамъ своимъ и дрожащій, робкій призывъ оглашаетъ окрестность. На вершинѣ скалъ стоятъ они—огненныя пятна—на фонѣ синяго вечера. Наставники спускаются внизъ по тропинкѣ; ученики за исключеніемъ избранныхъ наоборотъ подымаются вверхъ. Проходя мимо Ілія одинъ изъ чающихъ освѣдомляется.

Чающій. Намъ долго ждать, сіятельный наставникъ?

Илія стараясь быть веселымъ, ободрительно.

Уже борьба готова закипѣть,
А это признакъ близкаго конца.

Проходящіе ученики останавливаются.

Чающій. А развѣ были признаки борьбы?

Илія все въ томъ же тонѣ.

Не даромъ два столба недавно въ полночь
На черномъ небѣ появились вдругъ
И сшиблися... И вихри поднялись;
И огненнымъ дождемъ, слезами, кровью
Разсыпались надъ моремъ лучезарнымъ.

Ученики въ благоговѣйномъ ужасѣ переглядываются.

Илія ободрительно.

Не долго ждать; Спаси васъ небо, други дѣлаетъ напутственный знакъ.

Ученики склонившись.

Да надъ тобой, наставникъ, небо свѣтитъ!..

Уходятъ вверхъ и скрываются за переваломъ. Ілія спускается внизъ. Внизу лишь Дмитрій да немногіе избранные. Когда Ілія спустился, по лицу его пробѣжала тѣнь и грусть; онъ уже не сдерживаетъ себя: изъ-подъ маски смотритъ испуганное лицо его въ бархатистую тьму. На небѣ темнѣющіе знаки вечера и брилліантовыя искорки. Шумъ прибоя растетъ. Порой рѣзкій крикъ чаекъ. Вечерніе трубачи, слегка красныя пятна, высятся на скалахъ и потомъ безслѣдно исчезаютъ въ мглистомъ вечерѣ. Ілія подходитъ къ берегу моря и жадно вдыхаетъ свѣжій вѣтеръ.

Илія. Еще прошелъ день. Снова ночь ложится.

Дмитрій выступая.

Скажи, наставникъ, что съ тобой случилось...
Твой лучезарный ликъ, твой ликъ свободный—
Онъ омраченъ, какъ бы крыломъ ненастнымъ
Летучей мыши, пролетѣвшей низко,
Пахнувшей холодомъ, пахнувшей грустью.

Ілія не глядя на Дмитрія.

Я ничего... Я, право, ничего...

Дмитрій. Я знаю ты—опора нашей вѣры.

Указывая на учениковъ.

Они волнуются и ты утѣшь ихъ...

Илья молчитъ. Два ученика съ укоризненнымъ шопотомъ указываютъ на него и качаютъ головой. Третій ученикъ вздыхаетъ.

Третій ученикъ. Послѣдніе лучи угасли въ морѣ...
Намъ никогда восхода не дождаться,
И мы заснемъ во тьмѣ грядущей ночи.
Надъ нами вѣтеръ будетъ плакать горько

И заноситъ безвременьемъ и скукой...
Спаситель не придетъ... Смотритъ на Илію, ожидая отъ него словъ утѣшенія... Какъ море плещетъ...

Илія стоитъ, опустивъ лицо унынія.

Другъ, успокойся: море почиваетъ...

Послѣ нѣкоторой паузы съ усиліемъ.

Придетъ Спаситель просвѣтитъ народы...

Третій ученикъ. Но отчего на морѣ чайки грустно,
Пронзительно кричатъ... Ахъ, что-то рвется
Изъ темныхъ тайниковъ души полночной...

Илія отвѣчаетъ, какъ будто ему близко извѣстенъ крикъ чаекъ.

Мой другъ, не слушай чаекъ... Крики ихъ
Въ часы раздумій злобны и протяжны.

Пауза. Отдыхаетъ тихимъ вечеромъ. За сценой мягкій но сильный старческій голосъ:

Голосъ. Слушайте меня, мои милые братья: если-бы не настали часы предѣльнаго, не послалъ бы Господь чудесъ и наставниковъ... Поднимается сильный вѣтеръ. Голосъ замираетъ. И да будетъ намъ упованіе въ томъ...

Ученики другъ другу.

То Симонъ-проповѣдникъ. Дни и ночи
Онъ поучаетъ братьевъ-христіанъ.

Третій ученикъ. Учитель, посмотри кругомъ...

Илія. Ну, что же?

Третій ученикъ.

Ахъ, все не такъ, какъ прежде... Душны, грозны
Безмолвны небеса... Ахъ, тайна въ морѣ...

Дмитрій увѣренно.

Въ прибоѣ волнъ я слышу отзвукъ рая...
Мнѣ кажется, что радость изъ-за моря
Въ лучахъ серебряныхъ, алмазныхъ вспыхнетъ.

Третій ученикъ. Молитвенные гимны раздавались
Всю ночь, весь день. И бѣлыя одежды
При блескѣ луномъ въ Храмѣ трепетали.

Въ это время Никита, доселѣ чуть видный, выходитъ изъ разсѣлины скалы.

Никита, Илія—наставники и братья,

Вы ободрите, успокойте насъ.
Мы сомнѣваемся, мы голову теряемъ
Народъ волнуется, народъ напрасно
Обѣтованнаго во храмѣ Славы ждалъ.

Дмитрій настойчиво Ильѣ.

Мы требуемъ, наставникъ, поученья...

Илія молчитъ. Никита испытующе смотритъ на него.

Илія—съ усиліемъ.

А вы мужайтесь, ждите... Избавленье...

Никита властно перебиваетъ.

Передъ кончиной міра небеса
Отъ ужаса священнаго горятъ...

Быстро указывая на комету.

Огонь святой горитъ. Кончина міра.
Идите въ Храмъ. Подъ сѣнію чертоговъ
Взываютъ тысячи къ святымъ восторгамъ.
Рыдаютъ нѣжно струны золотыя...
Тамъ чаша, полная Святой Крови.
Тамъ каждый полонъ силы вдохновенной.
Тамъ кажется, что ясное сіянье
Нисходитъ съ неба царствомъ благодати.
Ахъ, трепетъ крылъ испуганныхъ и бѣлыхъ
Навѣетъ въ сердце много чудныхъ сказокъ.
Здѣсь ночь и мракъ—а тамъ заря всю ночь.

Крикъ одинокой чайки раздается надъ бушующимъ моремъ и замираетъ.

Призывъ, призывъ на морѣ слышенъ... Слава!..
Мы пострадаемъ и умремъ за вѣру.
Заблещутъ слезы. Кровь прольется наша,
Когда гроза надъ нами понесется
Въ объятьяхъ тугъ громовыхъ, черносиніхъ.
А за грозой насъ встрѣтитъ море свѣта.

Ученики. Опять пророчитъ... Страшно, страшно братья...
Опять заговорилъ о близкой смерти.

Никита экстатически.

О, горе на землѣ живущимъ, горе!..
Оно плыветъ къ намъ по морю и скоро

Изъ бездны выйдетъ звѣрь запечатлѣнный...
Вотъ онъ плыветъ въ туманѣ, окомъ краснымъ
Вращая и грозясь на насъ бѣдою...
И кровь польется мутною волною,
И осквернятся слуги Храма Славы.
То здѣсь, то тамъ средь насъ зіяютъ бездны,
И сѣрный дымъ восходитъ къ небесамъ.

Ученики. Опять заговорилъ о близкой смерти.

На горизонтѣ межъ скалъ показывается красная луна.

Никита экстатически.

Тамъ звѣрь плыветъ, вращая окомъ краснымъ
И грохоча угрозу за угрозой.

Ученики. Опять заговорилъ о близкой смерти.

Никита почти смѣясь отъ вдохновенія.

Но послѣ бѣдъ—опять сіяетъ солнце.
Но послѣ грома—грустный нѣжный шопотъ,
Какъ свѣтозаренъ храмъ!.. Какая радость!..
Всѣ въ бѣломъ, бѣломъ... Съ нами Богъ! Мы сильны!
Идите же молиться въ храмъ, о, братья!..

Ученики, успокоенные, уходятъ. Никита остается. Илія стоитъ у камня и смотритъ вдаль. Вѣтеръ крѣпчаетъ. Мягкая, серебряная луна уже сверкаетъ. Вдоль неба бѣгутъ частые, низкіе сѣротуманные обрывки, затмевая луну. Отъ скалъ ложатся черныя тѣни. Никита стоитъ, затѣненный, у скалъ. Ризы Илія чуть серебрятся. Илія, думая, что онъ одинъ, подпираетъ рукой голову и грустно задумывается.

Илія. Туманенъ горизонтъ. Туманъ надъ моремъ.
Идетъ сюда отъ моря туча съ громомъ.
Вдали, вдали, тамъ море серебрится.
О, Господи, въ ушахъ моихъ звучатъ
Еще Твои слова, когда явился
Во снѣ полночномъ, окруженъ сіяньемъ
Серебрянымъ, звучащимъ... Боже, Боже,
Зачѣмъ покинулъ насъ, зачѣмъ слова
Твои, какъ прежде, въ вѣтрѣ дальнемъ съ моря
Не раздаются больше. Пауза. Тихо, тихо...
И нѣтъ отвѣта, снова нѣтъ отвѣта... Пауза.
Неужто бредъ тогда насъ обуялъ
Въ тѣ золотые годы вдохновенья...

Но тихо... Чайка съ жалобнымъ рыданьемъ,
Предвѣстница ненастья, вдалекѣ
Межъ волнъ сѣдыхъ ныряя, быстро мчится...

Никита. Илія, Илія! Илія вздрагиваетъ. Какъ малодушенъ ты!..

Илія растерянно указывая вдаль.

Укоры тамъ звучатъ, изъ темныхъ тучъ
Въ блистаньяхъ розовыхъ, вечернихъ молній...
И ясный горизонтъ, подернутый туманомъ,
Безрадостнымъ грядущимъ полонъ... Думы
Несытно-черныя меня гнетутъ:
Что если всѣ аккорды нѣсенъ милыхъ,
Звучавшихъ свыше—сонъ, мечта пустая?

Никита. Наставникъ, или ты забылъ—былыя
Знаменованія бездонно-ясны...
Да, ихъ нельзя забыть... Ты помнишь день—
Весна тогда верхушками березъ
И тополей привѣтливо шумѣла...
Я въ храмъ пришелъ. Изъ алтаря ты вышелъ
При кликѣ нѣнѣ славѣ золотой.

Илія грустно.

Да помню, помню... Не забылъ... Слова
Твои, какъ шопотъ вѣтерка несутся,
Какъ въ полуснѣ рыданье лютни нѣжной
Звучатъ. Изъ облака свѣтитъ золотистая луна.
И прошлое, какъ ясная луна,
Изъ-за угрюмыхъ тучъ блеститъ мечтою.

Никита. Ты говорилъ... О, это были громы...
И стрѣлы огневыя словъ громовыхъ
Въ сердца вонзались... Плакали, дрожали
Мы, старики, предъ юношей—тобою...
Ахъ, сердце разрывалось отъ тоски...

Илія улыбается прошлому.

О, говори: какъ ясная луна,
Прошедшее блеститъ мечтою дальней.

Никита. Такъ чутко мы внимали и къ тебѣ
Придвинулись. Распятіе воздвигнувъ,

Народъ тѣснившійся благословлялъ ты.
Куда-то насъ манилъ—и чудо, чудо:
Запламенѣло огненнымъ блистаньемъ
Въ рукахъ твоихъ священное распятье. Пауза.
Какъ помню я года, что проводилъ
Въ уединенной кельи пещерной.
Казалось мнѣ—я тайны постигалъ:
Съ Нимъ разговаривалъ я въ грезахъ милыхъ,
Жемчужно-ясныхъ, чистыхъ и призывныхъ...
Отъ странныхъ сказокъ просыпаясь, долго
Я какъ во снѣ ходилъ, лелѣя грезы.
Когда же ночь спускалася, то снова
Къ пещерѣ приходилъ Знакомецъ Сонный...
Горѣли звѣзды счастьемъ незабытымъ...
И плакалъ я, и такъ хотѣлось счастья...
Мы снова встрѣтились въ міру. Народы
Благословили насъ на подвигъ вѣры...

Илія. Все это ужъ безслѣдно пролетѣло.
Когда-то было. Не вернется больше.
Твои слова не обратятъ меня...

Никита молча уходитъ вверхъ по тропинкѣ и скоро скрывается. Ночь. Блистаетъ зарница. Иногда проскѣчиваетъ луна. Илія идетъ къ проходу между скалой и моремъ.

Летаетъ грусть. Крыломъ безмірно-чернымъ
Затмила мѣсяцъ, море омрачила.
Вездѣ туманъ и безразсвѣтный сонъ,
И больно сердцу, больно и тревожно...

Уходитъ. Нѣкоторое время еще слышенъ его голосъ, который постепенно заглушается вѣтромъ.

Я не могу, я не хочу такъ жить...

Пауза. Пробѣгаютъ клочки тумана. Шумъ голосовъ. По тропинкѣ спускаются ученики.

Одинъ изъ учениковъ. Когда же все это разрѣшится. Илія тоскуетъ. Никита въ храмѣ призываетъ къ молитвѣ.

Дмитрій. Молитесь. Искушеніе минуетъ.

Другой ученикъ. Народъ еще слушается Никиты.

Третій ученикъ. Но многіе смущены дерзкими рѣчами, Михаила, Канна и другихъ.

Четвертый ученикъ. Каинъ уменъ.

Дмитрій. Всѣ они тоскуютъ.

Пятый ученикъ. Богъ взыщетъ съ Каина и съ тѣхъ, которые Каина послушаютъ. Вѣдь нельзя же безнаказанно стоять во главѣ зловреднаго заговора.

Первый ученикъ. Михаилъ увлеченъ Каиномъ! Онъ смутилъ насъ сегодня.

Второй ученикъ. Какіе тяжелые дни!

Страшный порывъ вѣтра и громъ. Проясняется. Луна.

Третій ученикъ. Буря и громъ.

Четвертый ученикъ. Должно быть полночь.

Пятый ученикъ. Пойдетъ дождь.

Первый ученикъ. Что намъ дѣлать, если народъ противъ насъ?..

Второй ученикъ дрожа отъ ночного холода. Бѣжать изъ этихъ мѣстъ въ пустыню и пещеры... Это навожденіе...

Дмитрій. Успокойтесь. Народъ начинаетъ внимать Никитѣ. Молитесь, да минуетъ искушеніе. За сценой взрывъ народнаго шума.

Всѣ другъ другу. Что съ народомъ?.. Гдѣ Никита?..

Вбѣгаетъ ученикъ.

Ученикъ съ жаромъ. Никита сталъ чудно говорить. Народъ окружаетъ Никиту въ мистическомъ экстазѣ. Они стоятъ на паперти Храма Славы, озаренные луной.

Ученики другъ другу. Что же это такое... Смотрите, смотрите... Море начинаетъ выбрасывать камни... Что-то спустилось надъ водою на туманныхъ крыльяхъ...

За сценой новый взрывъ народнаго шума. Онъ перекатывается, какъ громъ. На скалѣ, откуда спускается тропинка, появляется ученикъ, сильно жестикулируя. Его волосы, развѣваемые вѣтромъ, становятся дыбомъ.

Ученикъ со скалы. Никита зоветъ отсюда. Онъ проклинаетъ это мѣсто.

Голоса учениковъ. Что тамъ... на площади.

Ученикъ со скалы повертываясь въ противоположную сторону и приложивъ руки къ глазамъ. Тамъ... стоятъ они на паперти Храма Славы, озаренные луной. Скрывается.

Дмитрій. Пойдемте, дѣти,.. Въ такія ночи намъ

нельзя разбиваться... Въ такія ночи мы должны ходить стадомъ.

Сбоку входитъ запыхавшійся ученикъ, Ѳедоръ, въ запыленной, изорванной одеждѣ. Красные волосы безпорядочно спутаны на плечахъ.

Ѳедоръ. Появился Нѣкій, Кто будетъ скоро тутъ.

Всѣхъ какъ громомъ поразила эта новость; молчаніе, во время котораго раздается плачъ вѣтра межъ береговыхъ скалъ.

Дмитрій радостно. Господи, мы давно ждемъ...

Изъ-за скалъ выходитъ Илія съ опущенной головой.

Всѣ. Наставникъ, наставникъ!.. Указывая на Ѳедора. Спроси его... Онъ разскажетъ.

Ѳедоръ. Шелъ я утромъ берегомъ моря. И вижу—Онъ сидитъ на камнѣ приморскомъ съ лицомъ дивнымъ и страннымъ. И пока я глядѣлъ на Него, затаивъ дыханіе, проходило розовое облако и стало надъ Сидящимъ... Среди взморій безлюдныхъ въ ясномъ воздухѣ прозвучалъ отчетливый голосъ: «Вотъ Телецъ»... И я повергся на землю... Но Онъ склонился надо мной и я разслышалъ: «Встань и бѣги съ радостной вѣстью... Пусть они знаютъ и ждутъ»... Такъ Онъ говорилъ. Кто Ты, спросилъ я... И Онъ сказалъ: «Я Телецъ»... И когда я поднялъ голову, Его уже не было. Надъ головой стояло розовое облако. Оно исчезло потомъ въ вышинѣ...

Всѣ слушаютъ, затаивъ дыханіе. Тихая радость мелькаетъ на лицѣ Иліи, точно онъ слышитъ о чемъ-то знакомомъ, давно забытомъ...

И не я одинъ... Многіе тамъ видѣли... Когда я спѣшилъ сюда, многіе знали... Выходили изъ домовъ и поздравляли другъ друга... Весь день и весь вечеръ я шелъ, не принимая пищи, чтобы первымъ принести благую вѣсть.

Илія сіяя... Вернулось. Возвратилось. Я опять узнаю тебя, прошлое. Наше счастіе уходило на далекую родину... И вотъ опять возвратилось наше счастіе. Взрывъ народнаго шума.

Ученики радостно перешептываясь. Многіе, многіе видѣли розовое облако. Оно пронеслось надъ этой страной.

На скалѣ показывается Сергѣй. Звучно протяжный голосъ его покрываетъ шумъ вѣтра.

Сергѣй. Никита подъ страхомъ Божіимъ повелѣваетъ собраться вамъ на соборной площади. Тамъ стоитъ онъ, какъ царь, и говоритъ невиданныя вещи... И съ нимъ всѣ они...

Илія перебивая Сергѣя. Опять возвращается наша радость, наша сказка—уже не сказка.

Сергѣй перебивая Илію. Великій наставникъ Никита и прочіе иные наставники зовутъ на соборную площадь... Они отлучаютъ малонѣрнаго Илію отъ счастія... Ропотъ среди учениковъ внизу. Великіе учителя молятся о спасеніи нашемъ.

Илія. Скажи имъ, Сергѣй, что я опять тотъ же, и что не они, и не я истинные... Вотъ грядетъ Истинный.

Дмитрій робко. Великое искушеніе.

Нѣкоторые изъ учениковъ указывая на Илію. Вотъ нашъ первоучитель. Онъ встрѣтитъ Грядущаго.

Прочіе ученики въ недоумѣніи, кого слушать. Иные косятся на Илію, иные идутъ вверхъ по тропинкѣ на зовъ Никиты. Немногіе окружаютъ Илію тѣснымъ кругомъ. Два ученика на скалѣ спорятъ о чемъ-то. Потомъ, рѣшившись на что-то, одинъ изъ нихъ скрывается за скалой, а другой кричитъ нерѣшительно внизъ: «Великіе наставники стоятъ на соборной площади»...

Илія горячо. Не слушайте ихъ: еще здѣсь я первоучитель... Но вотъ Онъ грядетъ по водной пустынѣ въ мантіи, сотканной изъ неба и звѣздъ... Стоятъ священники... И ризы ихъ въ туманѣ жертвоприношенія... Сердца ихъ въ огнѣ... Въ это время между облаками яркій хвостъ пламенистой кометы... Вотъ идетъ Онъ въ туманѣ, сотканномъ изъ неба и звѣздъ... Облака вновь закрываютъ хвостъ кометы.

Часть учениковъ съ Дмитріемъ въ восторгѣ прижимаясь къ Иліи. Слѣпой прозрѣлъ... Слѣпой видитъ... Боже, Боже, мы восхищаемся...

Другая часть учениковъ нерѣшительно. Мы никого не видимъ... Приближается буря, и намъ страшно...

Часть учениковъ съ Дмитріемъ. Слова его—вѣщія: звенятъ они, зажигая сердца...

Другая часть учениковъ въ ужасѣ. Сердца наши

ледянѣютъ, и мы ничего не слышимъ... Вотъ несется туманная буря...

Приливъ растетъ. Съ правой стороны видны брызги разбивающихся волнъ. Одежда Иліи смочена брызгами. Сгущается мракъ... Среди мрака внезапно раздается рѣзкій возгласъ Никиты со скалы.

Голосъ Никиты. Ужасайтесь... Бѣгите отсюда... Спѣшите на соборную площадь...

Голосъ Иліи среди мрака. Никуда не уходите...

Голосъ Никиты. Ужасайтесь... Огненный міръ обливается кровью... Титанъ злобы и гордыни вселяется въ міръ... Старая борьба закипаетъ съ новою силой...

Буря почти заглушаетъ голосъ Никиты. Яркая молнія и страшный трескъ... Молнія освѣщаетъ слѣдующую картину: на огненномъ фонѣ черные абрисы скалъ; на скалахъ Никита съ распростертыми руками. Въ самыхъ страшныхъ позахъ по тропинкѣ бредутъ вверхъ ученики, цѣпляясь другъ за друга. Они бредутъ, но въ мгновенномъ блескѣ кажутся застывшими. На приморскомъ камнѣ Илія, мокрый и туманный отъ стоящихъ вокругъ него водяныхъ брызгъ, угрожающе протягиваетъ руку къ черными скаламъ, а другой рукой какъ бы защищаетъ прижавшихся къ нему. Послѣ мгновенной молніи мракъ. Къ шуму моря прибавляется шумъ начинающагося ливня. Ливень усиливается.

Голосъ Никиты сквозь ревъ. На соборную площадь... Тамъ, въ молитвѣ будемъ встрѣчать багровыя зо́ри.

Далѣе его слова невозможно разобрать, потому что съ неба льются дождевые потоки. Даже при вспышкѣ молніи видна только льющаяся сырость. Сквозь шумъ раздаются какъ будто крики о помощи не то съ площадки, не то откуда-то издали. Видно, кричащій дѣлаетъ страшное усиліе, чтобы покрыть голосъ бури. Увеличивающійся ревъ заглушаетъ и эти проблески человѣческаго голоса. Занавѣсъ спускается на нѣсколько мгновеній и поднимается вновь.

На сценѣ ясная, холодная ночь. Буря прошла. Тучи разсѣялись. Дуетъ сильный и свѣжій вѣтеръ. На черномъ фонѣ неба сверкаютъ звѣзды и ослѣпительная комета съ гигантскимъ хвостомъ. Площадка озарена легкимъ, кометнымъ блескомъ. Илія и Ѳедоръ ждутъ. Около нихъ Дмитрій и два ученика съ блѣдными, разочарованными лицами; одежды ихъ мокры. Они сидятъ на камняхъ, принесенныхъ очевидно бурей и дрожатъ отъ холоднаго вѣтра. Вездѣ знаки сырости. Издали звучатъ унылые звуки: это не то вѣтеръ, не то плачъ дѣтеныша. Говорятъ съ разстановкой и болью въ голосѣ.

Первый ученикъ. Илія... кто это... по морскому... берегу?..

Второй ученикъ. Это туманъ. Пауза.

Первый ученикъ. Теперь... далеко за полночь...

Второй ученикъ. Скоро разсвѣтъ.

Илія. Молитесь.

Первый ученикъ. Нѣтъ силъ...

Дмитрій который доселѣ безгласно шепталъ молитвы. Спаси и помилуй, и охрани... Далѣе трудно разобрать. Пауза, во время которой раздается протяжный звукъ — не то дѣтскій плачъ, не то крикъ ночной птицы.

Первый ученикъ. Слышишь?..

Второй ученикъ. Вѣтеръ... Пауза.

Первый ученикъ. Холодно...

Второй ученикъ. И страшно...

Дмитрій. И грустно...

Первый ученикъ вставая съ камня. Мы больше не въ силахъ бороться съ тоскою...

Второй ученикъ. Страшно намъ проклятіе Никиты...

Ѳедоръ. Да вѣдь Никита и не думалъ проклинать насъ.

Первый ученикъ. Мы не слышали словъ проклятія, потому что буря покрыла голосъ Никиты, но онъ проклиналъ насъ...

Илія съ твердостью. Идите же, если боитесь...

Ѳедоръ. Мы останемся одни...

Дмитрій вставая съ камня. Прости меня, Илія, но не былъ ли Ѳедоръ введенъ въ заблужденіе?

Идетъ вмѣстѣ съ учениками по тропинкѣ; когда уже они на вершинѣ скалъ и два ученика скрываются изъ виду, Дмитрій оборачивается и кричитъ Иліи.

Дмитрій. Илія, пойдемъ... Холодно... То, что я вижу на соборной площади, мирно и торжественно.

Илія. Что ты видишь на соборной площади?..

Дмитрій. Я вижу... На паперти собора Никита и другіе... Тамъ стоятъ они, озаренные кометнымъ блескомъ...

Онъ ждетъ немного. Молчаніе ему отвѣчаетъ. Онъ уходитъ... Ѳедоръ радостно указываетъ по направленію къ проходу между моремъ и скалами.

Ѳедоръ... Онъ... Онъ...

Илія прикладывая руки къ глазамъ и смотритъ въ проходъ. Идетъ со свѣточемъ въ рукахъ...

Ѳедоръ... Глаза небесные...

Илія. Печать мистерій горитъ надъ нимъ.

Ѳедоръ оглашаетъ крикомъ окрестность. Грядетъ, Женихъ грядетъ... Внимаетъ міръ Ему... Онъ—Свѣточъ міра...

Оба повергаются на колѣни. Изъ-за скалы, которая выдается къ морю, голосъ.

Голосъ. Я—жертва тайная... Начало и конецъ...

Занавѣсъ вновь опускается и поднимается черезъ нѣсколько мгновеній.

Предразсвѣтный туманъ. Блѣднорозовое чистое небо. Меркнущая комета кажется серебристой. Заревые огни на золотѣ куполовъ храма. Раздается звонъ. Илія повергнутъ передъ Пришедшимъ. Пришедшій спиной къ авансценѣ, такъ что лица его нельзя видѣть. На немъ простая мантія мышинаго цвѣта и золотой вѣнецъ на каштановыхъ волосахъ. Каштановые волосы лежатъ на плечахъ. Въ его рукахъ странной формы свѣтильникъ. Онъ поднимаетъ его, какъ бы благословляя Илію, и говоритъ мягкимъ, проникновеннымъ голосомъ...

Пришедшій. Встань и возвѣсти имъ...

Илія радостно встаетъ, быстро поднимается по тропинкѣ; потомъ исчезаетъ за скалами. Слышно — онъ кричитъ народу... Вмѣсто восторга ропотъ недовѣрія... Пришедшій поворачивается. Его прекрасное, жемчужно-янтарное лицо и ясныя синія очи печалью устремлены вдаль. Его лобъ слишкомъ великъ... Онъ говоритъ тихимъ, печальнымъ голосомъ: «Или нельзя безъ этого?» Не то голосъ, не то, глухой громъ изъ пространствъ: «Поздно»... Тѣнь мученія и сдержаннаго негодованія пробѣгаетъ по его дивному лицу, и онъ роняетъ свѣтильникъ, который гаснетъ.

Пришедшій сжимая руки надъ головой. Пощади...

Голосъ. Поздно...

Пришедшій опускается на колѣни. Его прекрасное лицо искажается судорогой и кажется страшной маской.

Пришедшій. Пощади...

Съ очами, полными слезъ, онъ смотритъ вверхъ, ожидая чего-то...

Голосъ. Нѣтъ пощады...

Пришедшій равнодушно поднимается на ноги съ лицомъ окаменѣвшимъ, застывшимъ, какъ маска. Опустивъ голову и руки, поднимается по горной тропинкѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ поднимается, выраженіе его лица становится мягче и прекрасней. Лучъ свѣта словно пронизываетъ жемчужно-янтарное лицо. На вершинѣ скалы онъ стоитъ съ опущенными руками, гордо подавъ прекрасную голову. Восхищенный, солнечный профиль его ярко вырисовывается на фонѣ утренней зари... Очевидно, въ то время, когда его замѣчаетъ толпа, среди яснаго неба раздается глухой раскатъ грома:

«Вотъ Онъ—мой возлюбленный царь, кому отдалъ я власть надъ землею»... Нѣмое молчаніе.

Стоитъ Онъ въ сверкающемъ вѣнцѣ и въ мышиной мантіи—весь засыпанный розами Вѣчности.

ЗАНАВѢСЪ.

Андрей Бѣлый.

ПРИЗЫВЫ.

... trinkt er nicht eben einen Tropfen Glücks—
— einen alten braunen Tröpfen goldenen Glücks, goldenen Weins?

F. Nietzsche.

I. ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Все тотъ же раскинулся сводъ
Надъ нами лазурно-безмірный.
И тотъ же на сердцѣ растетъ
Восторгъ одиночества пирный.

Опять золотое вино
На склонѣ небесъ потухаетъ.
И грудь мою слово одно
Знакомою грустью сжимаетъ.

Опять заражаюсь мечтой,
Печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонтъ золотой
Подернулся дымкой багряной.

Смѣюсь—и мой смѣхъ серебристъ.
И плачу сквозь смѣхъ поневолѣ.

Зачѣмъ этотъ воздухъ лучистъ,
Зачѣмъ свѣтозаренъ... до боли?..

2.

Поетъ облетающій лѣсъ
Мнѣ голосомъ стараго барда.
У склона воздушныхъ небесъ
Протянута шкура гепарда...

Не вѣришь, что ясенъ такъ день,
Что прежнее счастье возможно...
Съ востока ужъ падаетъ тѣнь
Тревожно.

Вѣнокъ возложилъ я, любя,
Изъ розъ, и онъ вспыхнулъ огнями.
И вотъ я смотрю на тебя,
Смотрю зачарованный снами.

И мнится—я этой мечтой
Всю бездну восторга измѣрю...
Ты скажешь—восторгъ тотъ святой...
Не вѣрю!

Поетъ облетающій лѣсъ
Намъ голосомъ стараго барда.
На склонѣ воздушныхъ небесъ
Ужъ нѣтъ больше шкуры гепарда...

3.

Звонъ вечерній гудитъ, уносясь
Въ вышину. Я молчу. Я доволенъ.
Свѣтозарныя волны, искрясь,
Зажигаютъ кресты колоколенъ.

Въ тучу прячется солнечный дискъ.
Ярко блещетъ чуть видный остатокъ.
Надъ сверкнувшимъ крестомъ дружный визгъ
Бѣлогрудыхъ, счастливыхъ касатокъ.

Пусть тумана огнистая даль—
Посмотри, какъ все чисто надъ нами!
Пронизалъ голубую эмаль
Огневѣющій пурпуръ снопами.

О, что значатъ печали мои:
Въ чистомъ небѣ такъ ясно, такъ ясно...
Бѣлоснѣжный кусокъ кисеи
Загорѣлся мечтой винокрасной...

Тамъ касатки кричатъ, уносясь.
Ахъ, полетъ ихъ свободенъ и воленъ!
Свѣтозарныя волны, искрясь,
Зажигаютъ кресты колоколенъ.

II. ЗАКАТЪ.

1.

Даль—безъ конца. Качается лѣниво,
Шумитъ овесъ.
И сердце ждетъ опять нетерпѣливо
Все тѣхъ же грезъ.
Въ печали блѣдной, винозолотистой,
Закрывшись тучей,
И окаймивъ дугой ее огнистой,
Сребристо-жгучей,
Садится солнце краснозолотое...
И вновь летитъ
Вдоль желтыхъ нивъ волненіе святое,
Овсомъ шумитъ:

«Душа, смирись: средь пира золотого
«Скончался день.
«И на поляхъ туманнаго былого
«Ложится тѣнь.
«Уставшій міръ въ покоѣ засыпаетъ.
«И впереди
«Весны давно никто не ожидаетъ...
«И ты не жди...
«Нѣтъ ничего. И ничего не будетъ.
«И ты умрешь.
«Исчезнетъ міръ, и Богъ его забудетъ...
«Чего жъ ты ждешь?»
Въ дали зеркальной, винозолотистой,
Закрывшись тучей,
И окаймивъ дугой ее лучистой,
Огнисто-жгучей,
Огромный шаръ, склонясь, горитъ надъ нивой
Багряницемъ розъ.
Ложится тѣнь. Качается лѣниво,
Шумитъ овесъ.

2.

Я шелъ подъ вечеръ, тихій и усталый,
Главу склонивъ.
Я различалъ вечерній, запоздалый,
Родной призывъ.
Звучало мнѣ: «Пройдетъ твоя кручина,
«Умчится сномъ»...
Я вдаль смотрѣлъ—тянулась паутина
На голубомъ
Изъ золотыхъ и лучезарныхъ нитокъ...
Звучало мнѣ:
«И времена свиваются, какъ свитокъ...
«И все—во снѣ...

«Для чистыхъ слезъ, для радости духовной,
Для бытія,
«Мой падшій сынъ, мой сынъ единокровный,
«Зову тебя...»
Я молча сталъ—покорный, безотвѣтный.
Изъ пыльныхъ тучъ
Надъ далью нивъ вознесся златоцвѣтный,
Янтарный лучъ.

II. ЗАГАДКА.

Шумитъ, шумитъ знакомымъ перезвономъ
Далекій зовъ, изъ Вѣчности возникшій.
Безмірноблѣдная, увитая хитономъ
Воздушночернымъ, съ головой поникшей
И съ урной на плечахъ—глухимъ порывомъ
Она скользитъ безстрашно надъ обрывомъ.

Потокъ вспѣненный мчится
Серебряной каймой.
И ей все то же снится
Надъ бездной роковой.
Вершины, кручи, гроты
Недвижимы, какъ сонъ...
Суровые пролеты
Тоскующихъ временъ...

Все ближе голосъ Вѣчности сердитой.
Оцѣпенѣвъ, съ улыбкою безбурной,
Съ душой больной надъ жизнію разбитой—
Надъ старой опрокинутою урной—
Она стоитъ у пропасти туманной
Видѣньемъ чернымъ, сказкою обманной.

IV. КЕНТАВРЪ.

I.

Былъ страшенъ и холоденъ сумракъ ночной,
Когда тебя встрѣтилъ я, братъ дорогой!..
Въ отчаяньѣ грозномъ я розы срывалъ,
Я въ чащѣ сосновой призывно кричалъ:
«О, гдѣ ты, кентавръ, мой исчезнувшій братъ?
«Съ тобой, лишь съ тобою я встрѣтиться радъ...
«Напрасенъ призывъ одичалой души:
«Вѣдь ты не придешь изъ сосновой глуши»...

Вотъ тѣни сгустились. Вотъ тѣни прошли.
Блеснуло кровавое пламя вдали.
Со свѣточемъ кто-то на слезы бѣжалъ,
Копытами землю сырую взрывалъ,
Лукаво подмигивалъ. Взоромъ блеснулъ.
Мохнатыя руки ко мнѣ протянулъ...
«Здорово, товарищъ!.. Я слышалъ твой зовъ...
«Къ тебѣ прибѣжалъ я изъ бездны вѣковъ...»

Страданье былое, какъ сонъ, пронеслось—
Надъ лѣсомъ огнистое солнце зажглось...
Межъ старыхъ камней засверкалъ ручеекъ.
Изъ красной гвоздики надѣлъ я вѣнокъ.
Веселый кентавръ средь лазуринаго дня
Дождемъ незабудокъ осыпалъ меня...

Весь день—старый въ золотѣ солнца игралъ,
Зеленыя вѣтви рукой раздвигалъ,
А ночью туманной простился со мной,
И съ факеломъ краснымъ ушелъ въ міръ иной...
Я счастья не могъ позабыть своего:
Все слышалъ раскатистый хохотъ его...

2.

Посвящено Ф. Штуку.

Холодная буря шумитъ.
Проносится ревомъ побѣднымъ.
Зарница беззвучно дрожитъ
Мерцаньемъ серебряно-блѣднымъ.
И вижу въ испугѣ нѣмомъ
Сквозь зелень лепечущихъ лавровъ—
На выступѣ мшистомъ, кругомъ
Нѣмой поединокъ кентавровъ.
Одинъ у обрыва упалъ
Въ крови весь, на грунтѣ изрытомъ.
Надъ нимъ побѣдитель заржалъ
И бьетъ его мощнымъ копытомъ.
Не внемлетъ безмолвной мольбѣ,
Горитъ весь огнемъ непріязни.
Сраженный, покорный судьбѣ,
Зажмурилъ глаза и ждетъ казни.
Самъ вызвалъ врага и не могъ
Осилить стремительный приступъ...
Подъ ними вспѣненный потокъ
Шумитъ, разбиваясь о выступъ.
Смотрю... Но серебряный блескъ
Потухъ. Все во мракѣ пропало.
Я слышалъ лишь крики да всплескъ,
Какъ будто что въ воду упало.

Холодная буря шумитъ.
Проносится ревомъ побѣднымъ.
И снова зарница дрожитъ
Мерцаньемъ серебряно-блѣднымъ.
Смотрю—колыхается лавръ...
За нимъ отдаленнымъ контуромъ
Надъ пѣнною бездной кентавръ
Стоитъ изваяніемъ хмурымъ.

Подъ нимъ серебрится рѣка.
Онъ взоромъ блистаетъ орлинымъ,
Онъ хлещетъ крутые бока
И спину хвостомъ лошадинымъ.
Онъ сбросилъ врага. Ахъ, въ потокъ
Безсильное тѣло слетѣло.
Ахъ, врагъ больше выпить не могъ.
И пѣна рѣки заалѣла...
Онъ поднялъ обломокъ скалы,
Чтобъ злобно низвергнуть въ пучину...
И нѣтъ ничего среди мглы,
Объявшей нѣмую картину...
Кругомъ только капли стучатъ.
Вздыхаешь объ утрѣ лазурномъ,
Да слышишь, какъ лавры шумятъ
Въ веселіи страшномъ и бурномъ.

V. ВЕЛИКАНЪ.

1.

«Поздно ужъ мнлая, поздно... Усни...
«Это—обманъ...
«Можетъ быть, выпадутъ лучшіе дни...
«Мы не увидимъ ихъ... Поздно... Усни...
«Это—обманъ...»

Вѣтеръ холодный призывно шумитъ.
Холодно намъ.
Кто-то, огромный, въ туманѣ бѣжитъ.
Тихо смѣется. Рукою манитъ...
Кто это тамъ?...

Сѣлъ за рѣкою... Сѣдой головой
Намъ закивалъ.
Вотъ запахнулся въ туманъ голубой...
Ахъ, это вѣрно былъ призракъ ночной...
Въ дымкѣ пропалъ.

Сонныя волны бѣгутъ на рѣкѣ.
Мѣсяцъ встаетъ.
Вѣтеръ холодный шумитъ въ тростникѣ...
Кто-то, бездомный, поетъ вдалекѣ.
Сонный поетъ.

«Все это бредни!.. Мы въ полѣ одни...
«Влажный туманъ
«Насъ, какъ младенцевъ, укроетъ въ тѣни...
«Поздно ужъ, милая, поздно... Усни...
«Это—обманъ...»

2.

Бѣдныя дѣти устали:
Сладко заснули...
Сонные тополи въ дали
Горько вздохнули,

Мучимы вѣчнымъ обманомъ
Скучнымъ и бѣднымъ.
Вѣтеръ занесъ ихъ туманомъ
Мертвенно блѣднымъ.

Тамъ великанъ одинокій,
Низко согнувшись,
Шествовалъ къ цѣли далекой,
Въ плащъ запахнувшись...

Какъ онъ, блуждая, смѣялся
Въ эти минуты!..
Какъ его плащъ развѣвался,
Вѣтромъ надутый!

Тополи горько вздохнули...
Абрисъ могучій,
Вдругъ набѣжавъ, затянули
Блѣдныя тучи.

VI.

Призывно-грустный шумъ вѣтровъ
Звучитъ, какъ голосъ откровеній.
Отъ покосившихся крестовъ
На бѣлый снѣгъ ложатся тѣни.
И облако знакомыхъ грезъ
Летитъ беззвучно съ вѣстью милой.
Блестя сквозь рядъ сѣдыхъ березъ,
Лампада свѣтитъ надъ могилой
Пунцово-краснымъ огонькомъ.
Подъ ослѣпительной луною
Часовня бѣлая, какъ днемъ,
Горитъ серебряной главою.
Тамъ, далеко, среди равнинъ
Старинный дубъ въ тяжелой мукѣ
Стоитъ, затерянъ и одинъ,
Какъ часовой, подъявшій руки.
Тамъ... далеко... въ поляхъ шумитъ
И гонитъ снѣгъ ночная вьюга.
И мнится—въ тишинѣ звучитъ
Давно забытый голосъ друга.
И снова вѣришь прежнимъ снамъ.
Но вѣтеръ сѣверный несется:
Среди могилъ то тутъ, то тамъ
Какъ будто шопотъ раздается.
Старинный дубъ порой вздохнетъ
Съ какимъ-то тягостнымъ надрывомъ
И затрепещетъ, и заснетъ
Среди полей глухимъ порывомъ.

VII. ЗНАМЕНІЕ.

Въ небѣ туча горитъ янтаремъ,
Мглой курится.
На утесѣ забила крыломъ
Бѣлоснѣжная птица.
Водяная поетъ,
Волоса распускаетъ.
Скоро солнце взойдетъ,
И она, будто сказка, растаетъ.
И невольно груститъ,
И въ алмазахъ рѣсницы.
Кто-то громко кричитъ:
Это голосъ восторженной птицы.
Надъ морскими сапфирами рыбьимъ хвостомъ
Старецъ старый трясетъ, грозовой, и сердитый.
Скоро весь онъ разсѣется тягостнымъ сномъ,
Желторозовой пѣной покрытый.
Солнце тучу перстомъ
Огнезарнымъ пронзило.
И опять серебристымъ крыломъ
Эта птица забила.

VIII. ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА.

1.

Пусть вокругъ свищетъ вѣтеръ сердитый,
Облака проползаютъ у ногъ—
Я блуждаю въ горахъ, позабытый,
Въ тишинѣ замолчавшій пророкъ.
Грустный вздохъ полусоннаго кедра.
Тихій шелестъ: «Неси же свой крестъ»...
Черный бархатъ истыканъ такъ щедро
Безконечностью вспыхнувшихъ звѣздъ.

Великанъ, запахнувшійся въ тучи,
Какъ утесъ, мнѣ грозится сквозь мглу.
Я шепчу, что осилю всѣ кручи.
Не отдамъ себя въ жертву я злу.

2.

И все выше и выше всхожу я,
И все легче и легче дышать.
Крутизны и провалы минуя,
Начинаю протяжно взывать.
Се, кричу,—вдохновенный и дикій:
«Имманулъ грядетъ!.. Съ нами Богъ!..»
Но оттуда,—гдѣ хаосъ великій,
Раздается озлобленный вздохъ.
И опять я подкошенъ кручиной.
Еще радостный день не насталъ,
Слишкомъ рано я всталъ надъ низиной,
Слишкомъ рано я къ спящимъ воззвалъ.
И бѣгутъ ужъ съ надеждою жгучей
На безумные крики мои,
Но стою я, какъ идолъ, надъ кручей,
Раздирая одежды свои.

3.

Тамъ... въ низинахъ ждутъ съ вѣрой денницы,
Жизнь мрачна и печальна, какъ гробъ.
Облеките меня въ багряницу,
Пусть вонзаются терніи въ лобъ!..
Острымъ терніемъ лобъ увѣнчайте:
Обманулъ я васъ пѣснью своей...
Распинайте меня, распинайте!..
Знаю, жаждете крови моей...
На крестѣ пригвожденъ. Умираю.
На щекахъ застываетъ слеза.

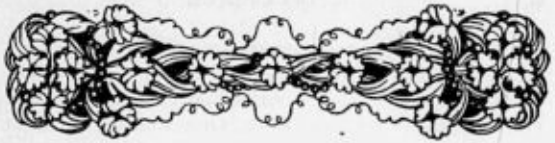
Кто-то, милый, мнѣ шепчетъ: «Я знаю...»
Поцѣлуемъ смыкаетъ глаза.
Ахъ, я знаю—средь образовъ горныхъ
Пропадетъ сиротливой мечтой,
Лишь умру, стая вороновъ черныхъ,
Что кружилась всю жизнь надо мной.
Пригвожденный къ кресту, умираю.
На щекахъ застываетъ слеза.
Кто-то, милый, мнѣ шепчетъ: «Я знаю...»
Поцѣлуемъ смыкаетъ глаза.

4.

Черный бархатъ усыпанъ такъ щедро
Безконечностью огненныхъ звѣздъ.
Сонный вздохъ одинокаго кедра.
Тишина и безлюдье окрестъ.

1901—1902

Андрей Бѣлый.



ЧУВСТВО ЛИЧНОСТИ ВЪ ПОЭЗІИ.

Есть только одинъ вопросъ, имѣющій безусловное значеніе для человѣка: долженъ ли онъ видѣть въ себѣ средство или цѣль; долженъ ли онъ видѣть въ себѣ орудіе чьей-то воли, или, отрѣшившись отъ подчиненности, желать свободы во что бы то ни стало, считать каждый мигъ своимъ и единственнымъ, быть какъ цвѣтокъ, который расцвѣтетъ, отцвѣтетъ, и не возобновится. Быть рабомъ или быть властителемъ. Быть невольникомъ или повелителемъ той зеленой звѣзды, на которой мы живемъ и которая зовется Землей.

Тысячи людей глядятъ на себя какъ на орудія, они движутся, но можно подумать, что они лежатъ въ пыли, съ поверженными лицами, они живутъ, но кажется, что это трупы, забитые въ гроба,—такъ боятся они чувствовать, такъ усердно они отдѣляютъ себя отъ беззавѣтности и Красоты могильнымъ покровомъ будничныхъ правилъ и рабской ежедневности. И они забываютъ, что цвѣты, расцвѣтая для себя, властвуютъ Землей и потому такъ нравятся глядящимъ, что безконечно любятъ и лелѣйно хранятъ свою собственную тайную мечту. Цвѣты цвѣтутъ, не думая, будетъ ли гроза, и не зажжется ли

чрезмѣрнымъ свѣтомъ изсушающее солнце. Они цвѣтутъ въ садахъ и въ лѣсахъ, они цвѣтутъ въ болотахъ, гдѣ тонутъ, и на обрывахъ снѣжныхъ горъ, гдѣ нѣтъ жизни и гдѣ гибнутъ живые. Они владѣютъ тайной міра, и каждый цвѣтокъ, будь это нѣжный ландышъ или ядовитая орхидея, равенъ Богу.

Только цѣльность хороша, только душа, которая такъ ярко чувствуетъ, что можетъ воскликнуть: для меня нѣтъ ни вчера, ни завтра.

Въ лучшемъ произведеніи замѣчательнѣйшаго изъ польскихъ писателей Зигмунта Красинскаго Небожественная Комедія есть слова, которыя должны были бы стать міровымъ лозунгомъ: «Человѣкомъ быть не стоитъ—Ангеломъ не стоитъ.—Первый изъ Архангеловъ черезъ нѣсколько столѣтій, какъ мы черезъ нѣсколько лѣтъ нашей жизни, почувствовалъ скуку въ своемъ сердцѣ и возжаждалъ могущественнѣйшихъ силъ.—Нужно быть Богомъ или ничѣмъ» (Nie-boska komedja, 199). Все половинное ненавистно. Все, что нецѣльно, тѣмъ самымъ присуждено къ ничтожной жизни и жалкой смерти. Тогда какъ цѣльность стремленія, даже въ томъ случаѣ, если оно встрѣтилось съ препятствіями непреодолимыми, неизбѣжно приводитъ къ возникновенію Красоты, къ созданію новаго міра въ мірѣ. Первый и самый красивый изъ Ангеловъ, чьимъ именемъ названа утренняя звѣзда, не сталъ Богомъ. Онъ желалъ невозможнаго. Онъ не зналъ, что желалъ невозможнаго, но, пожелавъ его, онъ этимъ самымъ создалъ красоту трагическаго, безумную музыку міровыхъ диссонансовъ, безсмертное зрѣлище дикихъ сояній, которые кружатся, носимые вихрями, какъ осенніе листы, онъ создалъ обрывы, провалы и пропасти, гдѣ журчатъ ручьи и живетъ эхо, создалъ змѣиные отливы, волшебныя чары чудовищнаго, соблазнъ, очарованіе женщины. Люциферъ вызвалъ къ жизни міръ такой глубокій и причудливый, что верховные духи, забывъ красоту вышины, наклоняются и

смотрятъ въ это бездонное міровое зеркало. И верховные духи съ изумленіемъ видятъ, что все, что есть вверху, есть и внизу, что въ опрокинутой безднѣ есть небо и звѣзды, и что-то еще, красота боли, которая свѣтитъ особымъ свѣтомъ, и не боится ничего, во имя своего «Я такъ хочу».

Безраздѣльная сила дѣйствительнаго хотѣнія есть путь достиженія и источникъ власти надъ людьми. Когда людскія души чувствуютъ присутствіе некрепкаго сильнаго желанія, когда они слышатъ голосъ, въ которомъ звучитъ беззавѣтность, или видятъ глаза, таящіе въ себѣ истинную рѣшимость, они дѣлаются какъ колосья подъ вѣтромъ, какъ снѣжные хлопья, которые мѣняютъ свое направленіе, потому что мятель мчитъ ихъ въ ту сторону, въ какую ей хочется.

Потому намъ и нравятся поэты и пророки, что они не знаютъ предѣловъ своимъ мечтамъ. Они вовлекаютъ насъ въ сферу безудержнаго движенія, въ опьяняющій водоворотъ, въ стихійную радость прилива. Но, если властенъ и красивъ одинъ поэтъ, исполненный истиннаго лиризма, насколько плѣнительнѣе зрѣлище цѣлаго сонма поэтовъ, въ свою очередь охваченныхъ могучей волной однороднаго лирическаго подъема.

Для приливовъ и отливовъ есть свои законы, хотя поэтъ всегда поэтъ и хотя море всегда прекрасно. Въ книгѣ Система міра Лаплассъ говоритъ, что самый высокій морской приливъ бываетъ въ эпохи полнолуній и новолуній. И въ исторіи народовъ бываютъ эпохи, когда чуть загорается нѣжный, какъ предчувствіе, серебряный серпъ новой луны, или когда торжествующій мѣсяцъ горитъ полной золотою чашей, и сложное пиршество стихій доходитъ до высшей своей точки. Въ исторіи европейской поэзіи два совершенно различные народа пережили одновременно подобную эпоху, и, пока она длилась, звонкіе, какъ морскіе переплески, голоса ихъ поэтовъ сказали лучшія слова, какія можно было сказать на двухъ этихъ

разныхъ языкахъ для многихъ грядущихъ столѣтій. Я говорю объ Испаніи Золотого Вѣка и объ Англіи Елизаветинской Эпохи, о поразительномъ чувствѣ личности и необыкновенномъ расцвѣтѣ поэтическаго творчества въ двухъ этихъ странахъ въ теченіе 16-го и 17-го столѣтій. На протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ католической пламенной Испаніи и въ протестантской разнузданной Англіи возникъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ поэтовъ, которые, точно сговорившись, касались однихъ и тѣхъ же сторонъ человѣческой души, съ одинаковой жадностью спѣшили захватить все, что только можетъ быть захвачено сознаніемъ, пѣли каждый для себя, и все же, какъ волны, создавали хоръ, выразили въ звукахъ и образахъ все, что было существеннаго въ родной народности, и, безстрашно прикасаясь къ самому интимному, говорили обо всемъ съ такой свободой и съ такимъ самозабвеніемъ, какъ будто кромѣ говорящаго не было никого другого въ мірѣ. Беря не всѣ имена, а лишь нѣкоторыя, можно сказать, что съ одной стороны Сервантесъ, Тирсо де Молина, Кальдеронъ, Лопе де Вега, Аларконъ, Мира де Амескуа, святая Тереза, Луисъ де Гранада, Луисъ де Леонъ, Санъ Хуанъ де ля Крусъ, создали все, что было создано главнѣйшаго на мелодическомъ испанскомъ языкѣ, съ другой стороны Кристоферъ Марло, Шекспиръ, Бенъ Джонсонъ, Вебстеръ, Миддльтонъ, Бомонтъ, Флетчеръ, Джонъ Фордъ, Массинджеръ, Деккеръ, выразили всѣ основныя черты Англійскаго Генія, и, если возникали великіе англійскіе поэты и послѣ нихъ, такого общаго поэтическаго подъема и такой неудержимой, я скажу—безпутной, свободы не было въ поэтическомъ творчествѣ Англіи больше никогда. Я не отождествляю, конечно, Испанскую Поэзію Золотого Вѣка съ Англійской Поэзіей Елизаветинской Эпохи. Геній Испаніи мистиченъ и отъ земного стремится къ сверхземному. Геній Англіи преданъ Землѣ и за предѣлами земного по большей части ощущаетъ лишь

угрюмое и грозное молчаніе. Но я говорю, что поэтическія теченія двухъ этихъ странъ въ данную эпоху параллельны, и что въ манерѣ чувствовать и въ способѣ выражаться между испанцами и англичанами этого времени есть удивительная общность. Общность двухъ непохожихъ лицъ, одинаково поблѣднѣвшихъ отъ счастья, общность двухъ глубокихъ взоровъ, отразившихъ въ себѣ безконечность, сходство людей, которые, будучи разными, одинаково походятъ на тревожные призраки, когда они мечутся въ дымѣ и въ пламени пожара.

Два обстоятельства обусловливали эту черту единенія. Во-первыхъ, и въ Испанію и въ Англію доносились свѣжія вѣянія изъ Nuevo Mundo, изъ таинственной Атлантиды, возникшей среди Океана передъ жадными взорами неукротимыхъ искателей новаго, изъ страны, которая бросила въ Европу золото, драгоцѣнные камни, странныя растенія, причудливыхъ звѣрей, людей, похожихъ на демоновъ, необычныя легенды, страшную болѣзнь, отравившую человѣчество, и жажду новыхъ открытій, жажду власти, рознь, состязаніе, опьяненье достигнутымъ, влюбленность въ ненасытную силу своей личности, которая кричитъ: «Мало! Еще! Еще!» Во-вторыхъ, силой историческихъ условій и предъ Англіей и передъ Испаніей предсталъ тогда во всей потрясающей сложности и неотвратимости великій вопросъ, донынѣ не потерявшій своей напряженности: быть или не быть Католицизму, быть или не быть тому, что названо Протестантствомъ.

Первое изъ этихъ обстоятельствъ создало великолѣпную раму для картины, сценическую обстановку, роскошный театръ. Второе вызвало къ жизни артистовъ, продиктовало имъ слова, идущія прямо въ сердце, научило ихъ репликамъ, мѣткимъ какъ удары шпаги, развернуло безконечныя панорамы умственныхъ далей.

Люди играли жизнью и смертью, и потому въ ихъ поэтическихъ рѣчахъ постоянно встрѣчаются слова жизнь, любовь и смерть, и на зыби этихъ нѣвучихъ и краси-

выхъ словъ, какъ по знаку волшебника, возникаютъ, неумирающіе образы, міровые типы. Сервантесъ создаетъ Донъ Кихота и Санчо Пансу; Тирсо де Молина пишетъ лучшую испанскую драму El condenado por desconfiado (Осужденный за недовѣріе), гдѣ обнажаетъ бездны католической фантазіи, въ другой драмѣ El burlador de Sevilla y Convidado de piedra (Севильскій обольститель и Каменный гость) онъ создаетъ первый типъ Донъ Жуана, по образу и подобію котораго представители всѣхъ другихъ народовъ создали свои типы Донъ Жуана; Лопе де Вега пишетъ болѣе тысячи драмъ, возсоздающихъ старую Испанію, и послужившихъ неоцѣненнымъ источникомъ творчества множества другихъ поэтовъ; Кальдеронъ доводитъ до высочайшаго совершенства Испанскій Геній и создаетъ драму La vida es sue no (Жизнь есть сонъ), по содержанію своему родственную съ лучшими произведеніями древней Индійской Мудрости; святая Тереза описываетъ внутренній замокъ, комнаты души, и ея блестящіе, полные женской страстности, замыслы живутъ и сейчасъ, въ ряду основныхъ книгъ, составляющихъ оплотъ современной Теософіи. Въ то же время на островѣ, который названъ туманнымъ, въ строкахъ исполненныхъ иной, болѣе суровой своеобразной прелести, возникаетъ такой же царственный міръ звуковъ и образовъ. Поэтъ, равный Шекспиру, Кристоферъ Марло, создаетъ первый типъ Фауста, преобразивъ лубочную нѣмецкую сказку въ превосходную The tragical history of Doctor Faustus (Трагическая исторія Доктора Фауста); волею Эвонскаго Лебедя возникаютъ неумирающіе образы Гамлета, Макбета, Лира, Яго, и волшебника Бури, возникаютъ, какъ бѣлыя купавы на зеркальной поверхности озера, женщины такія плѣнительныя, что спустя вѣка нѣжнѣйшій Шелли, описывая «одну изъ немногихъ», составляющую «чудо земли», говоритъ: «Она была какъ одна изъ женщинъ Шекспира» (Юліанъ и Маддало); могучій Вебстеръ въ драмѣ The White Devil (Бѣлый Дьяволъ) создаетъ типъ демонической женщины, Витторію Коромбона, прекрасную и страшную, какъ исполненная чудовищной красоты Медуза, «женщину, окутанную, какъ свадебнымъ нарядомъ, своими бѣдами и своимъ мщеніемъ»; Тэрнеръ пишетъ Трагедію Атеиста (The atheist's tragedy); Миддльтонъ вводитъ насъ въ міръ колдовства (The Witch—Колдунья), въ которомъ побывалъ и Шекспиръ, прежде чѣмъ онъ узналъ таинственныхъ сестеръ, возвѣстившихъ Макбету о царствѣ; Бомонтъ и Флетчеръ вовлекаютъ насъ въ міръ сомнительныхъ нравственныхъ оттѣнковъ; Джонъ Фордъ подходитъ вплоть къ тому, что есть въ нашей душѣ звѣринаго, онъ разоблачаетъ тѣ душевные уклоны, на которые вступивши гибнешь, и въ драмѣ 'Tis pity she's a whore (Какъ жалко, что развратница она) съ эсхиловской силой изображаетъ преступную любовь брата и сестры, любовь безмерную и чарующую насъ, несмотря на ея чудовищность, или вѣрнѣе—въ силу ея демонической чудовищности и преступной красоты.

Отъ самаго низкаго до самаго высокаго, отъ самаго простого до самаго сложнаго, отъ самаго земного до уходящаго въ безконечность, то, что волнуетъ человѣческую душу и приближаетъ ее то къ звѣрямъ, то къ богамъ, все было захвачено огромнымъ зеркаломъ поэтическаго творчества Испаніи и Англіи 16—17-го вѣка. И такъ какъ любой изъ великихъ поэтовъ той эпохи чувствовалъ себя торжествующимъ цвѣткомъ, раскрывшимся для жизни, на словахъ, которыя говорятъ всѣ они, лежитъ общій отпечатокъ. Возьмемъ нѣсколько отрывковъ, сопоставимъ ихъ, произвольно,—мы тотчасъ же почувствуемъ интонацію и темпъ въ рѣчахъ этихъ воспламененныхъ душъ.

Въ цѣпяхъ желѣзныхъ тѣсно сжалъ я Судьбы,
И колесо верчу—своей рукой.
Марло (Tamburlaine the Great, P. 1, a. 1, sc. 2).

О, будь что будетъ! Кто велитъ мнѣ
Терять моимъ вопросамъ счетъ?
Хочу я, чтобы мнѣ служили,
А что приходитъ, пусть придетъ.
Кальдеронъ (Жизнь есть сонъ, 2; 3).

И вотъ теперь я властвую надъ міромъ,
Надъ этимъ малымъ міромъ человѣка,
Всѣ страсти—сонмы подданныхъ моихъ
И, если ты захочешь ихъ терзать,
Я прикажу,—они смѣяться станутъ.
Тэрнеръ (The atheist's tragedy, 3; 4).

О, да, я малый міръ, итакъ я говорю,
Что разъ я царь себя, надъ міромъ я царю.
Кальдеронъ (La gran Cenobia, 1; 1).

Я могу быть замкнутымъ въ орѣховую скорлупу, и все же буду царемъ безконечнаго пространства.
Шекспиръ (Гамлетъ, 2; 2).

Такъ говорятъ эти поэты о своей личности и своей судьбѣ. Но, если судьба, какъ неизбѣжный и враждебный рокъ, встанетъ передъ людьми, усвоившими такой языкъ? У нихъ и тогда найдутся слова, звучащія смѣло. Когда въ драмѣ Марло Edward the Second (Эдвардъ Второй, 1; 1) юный честолюбивый Мортимеръ, замысливъ чрезмѣрное, видитъ передъ собою казнь, онъ говоритъ:

О, низкая Судьба, теперь я вижу:
Есть точка въ колесѣ твоемъ, такая,
Что, ежели къ ней люди устремятся,
Они стремглавъ обрушиться должны.
Той точки я коснулся, и, увидѣвъ,
Что болѣе мнѣ некуда всходить,
Зачѣмъ скорбѣть я сталъ бы о паденьи?
Прощай, моя прекрасная царица;
Не плачь о Мортимерѣ, этотъ міръ
Онъ презрилъ, и, какъ путникъ, прочь уходитъ,
Чтобы открыть невѣдомыя страны.

Когда въ драмѣ Кальдерона La devoción de la Cruz (Поклоненіе Кресту, 2; 10) Эусебіо, губящій жизнь свою во имя любви, ночью проникаетъ въ монастырь къ влюбленной въ него инокинѣ Юліи, онъ восклицаетъ:

Кто, воспаривъ, не могъ никакъ
Съ высотъ завѣтныхъ не сорваться,
Пусть воспаритъ и внизъ падетъ:
Вся боль паденья не уменьшитъ
Мигъ созерцанія высотъ.

Когда героиня Вебстера, (The White Devil, въ концѣ), бѣлый дьяволъ, Виттоpія обвинена въ прелюбодѣяніи и въ убіеніи своего мужа,—

Не какъ вдова является она,
Но дышетъ вся презрѣньемъ и безстыдствомъ,—

и на вопросъ: «Какъ, это ваше траурное платье?»—холодно отвѣчаетъ:

Когда бъ я смерть предвидѣла его,
Тогда бъ себѣ я заказала трауръ.

Стоя лицомъ къ лицу съ своимъ убійцей, она говоритъ:

Желанной будь, своей скажу я смерти,
Какъ говорятъ цари посламъ великимъ,
На полдорогѣ встрѣчу твой кинжалъ.

И когда онъ ее ударяетъ, она, уносящая съ собой еще нерожденную новую жизнь, восклицаетъ съ царственнымъ презрѣньемъ:

Ударъ, достойный истаго мужчины:
Ударь еще, ты умертвишь ребенка,
И навсегда ты будешь знаменитъ.

Какъ говорятъ эти поэты о любви? Самые ничтожные люди, когда они полюбятъ, могутъ быть красорѣчивыми, и произносятъ вѣчныя слова. У страстныхъ вулканическихъ поэтовъ, которыхъ мы теперь слушаемъ, слова любви отличаются особенною силой, и замыслы любовнаго хотѣнья не останавливаются ни передъ чѣмъ. Какъ говоритъ шекспировская Клеопатра, «Вѣчность

была въ нашихъ губахъ и глазахъ» (Антоній и Клеопатра, 1; 3).

Возьмемъ четыре любовныя сцены, изъ Марло, изъ Кальдерона, изъ Джона Форда, и Тирсо де Молины.

Въ 14-ой сценѣ драмы Марло, Трагическая исторія Доктора Фауста, Фаустъ уже исчерпалъ всѣ блага, которыхъ онъ достигъ цѣною преступнаго договора съ демоническими силами, продавъ Люциферу свою душу. Его ждетъ вѣчное осужденіе. Въ его душѣ смятеніе, ужасъ и отчаяніе. Онъ долженъ былъ бы въ горькомъ сокрушеніи взывать къ Богу, извиваться какъ червь, въ покаянной тоскѣ. А онъ? Онъ не давно видѣлъ, вызванную магическимъ путемъ, Елену, изъ-за которой погибла Троя. И онъ говоритъ Мефистофелю:

Лишь объ одномъ тебя еще прошу я,
Чтобъ утишить пылъ сердца моего.
Пусть видѣнная мною такъ недавно
Елена неземная станетъ мнѣ
Возлюбленной, чтобы ея объятья
Могли во мнѣ навѣки погасить
Своею нѣгой мысли тѣ, что стали
Помѣхой для обѣта моего,—
Чтобъ я сдержалъ предъ Люциферомъ клятву.

Вновь появляется Елена.

Такъ вотъ оно, то самое лицо,
Что бросило на путь скитаній сонмы
Морскихъ судовъ могучихъ, и сожгло
Вознесшіяся башни Иліона.
Елена, поцѣлуй меня. О, дай
Безсмертье мнѣ единымъ поцѣлуемъ!

Цѣлуетъ ее.

О, ты прекраснѣй, чѣмъ вечерній воздухъ,
Одѣтый въ красоту мильоновъ звѣздъ...
Лишь ты одна возлюбленной мнѣ будешь.

И они уходятъ, Фаустъ уходитъ отъ раскаянья, отъ Бога,

отъ вѣчности спасенія, во имя вѣчности блаженнаго мига, чьей красоты не устранитъ самая вѣчность осужденія.

Въ драмѣ Кальдерона Поклоненіе Кресту Эусебіо влюбленъ въ Юлію; ея братъ вызываетъ его на дуэль, такъ какъ онъ недостаточно «благороденъ», чтобы любить ее, Эусебіо убиваетъ его, Юлія поступаетъ въ монастырь, у убійцы ея брата отнимаютъ имѣніе, виллы, все, онъ дѣлается разбойникомъ,—фактъ не романтическій, а дѣйствительный и заурядный въ старой Испаніи,—охваченный порывомъ неопобѣдимой любви, которую онъ не могъ погасить своимъ безпутствомъ, онъ проникаетъ въ монастырь и всетаки находитъ Юлію.

Не безъ колебанія дѣлаю цитаты изъ драмы Джона Форда, которую я уже упоминалъ, и изъ драмы Тирсо де Молины La venganza de Tamar (Месть Тамаръ). И въ той и въ другой драмѣ мы видимъ странный замыселъ, особенно интересовавшій эту возмущенную эпоху,—любовь-влюбленность брата къ сестрѣ.

Я не беру на себя отвѣтственности обсуждать этическій вопросъ, я лишь указываю на то, что данный замыселъ интересовалъ англійскихъ и испанскихъ поэтовъ 16—17-го столѣтія, какъ онъ, впрочемъ, интересовалъ и Шелли, не находившаго ничего преступнаго и ничего недопустимаго въ томъ, что два существа, отмѣченныя исключительною внутренней и внѣшней красотой, страстно любятъ другъ друга, хотя бы они были связаны узами кровнаго родства (Возмущеніе Ислама).

Въ драмѣ Джона Форда—и Джованни и Аннабелла отмѣчены красотою и внѣшней и внутренней, они родились подъ одной звѣздой, и роковая судьба, приводящая ихъ къ гибели, бросила имъ въ сердца любовь другъ къ другу, которая ищетъ выхода. Джованни первый находитъ для этого слова (1; 3).

О, Аннабелла, я совсѣмъ погибъ!
Любовь къ тебѣ, сестра моя родная,

И видъ твоей безсмертной красоты
Умчали мой покой, и въ самой жизни
Разбили строй. Ну, что жъ, убей меня!
Аннабелла. Такъ значитъ не напрасно я боялась.
О, если только это вѣрно, лучше бъ
Тогда была я мертвой!
Джованни. Аннабелла,
Теперь шутить не время. Это правда.
Въ себѣ я слишкомъ долго подавлялъ
Огонь любви, что тайно загорѣлся
И сжегъ меня почти совсѣмъ. Какъ много
Ночей безмолвныхъ я растратилъ въ стонахъ,
Я пробѣгалъ по всѣмъ тревожнымъ мыслямъ,
Я отвергалъ съ презрѣньемъ свой удѣлъ,
На доводы любви моей упорно
За доводомъ я доводъ приводилъ,
Я сдѣлалъ все, что долгъ намъ указуетъ,
Напрасно все: мое предназначенье—
Меня полюбишь ты, иль я умру.
Аннабелла. И это ты мнѣ говоришь серьезно?
Джованни. Пусть злое что-нибудь меня застигнетъ,
Коль въ этомъ я притворствую теперь.
Аннабелла. Джованни, ты мой братъ.
Джованни. О, Аннабелла,
Ты мнѣ сестра, извѣстно это мнѣ.
И мнѣ такъ ясно, что любить другъ друга
Поэтому сильнѣе мы должны.
Тебя создавши, мудрая природа
Назначила, чтобъ ты была моей.
Иначе было бъ низко и грѣховно
Двойной душѣ дать красоту одну.
Разъ близки мы по крови и рожденью,
Намъ ближе нужно въ нашемъ чувствѣ быть.
У церкви я испрашивалъ совѣта,
Она мнѣ говоритъ, что я могу
Тебя любить; что жъ, это справедливо,

Разъ я могу, такъ я хочу, хочу.
Скажи скорѣе, жить иль умереть мнѣ?
Аннабелла. Живи; ты побѣдилъ, и безъ борьбы:
То самое, чего ты домогался,
Уже давно въ своемъ плѣненномъ сердцѣ
Рѣшила я. Мнѣ стыдно, я краснѣю—
Но я тебѣ, краснѣя, говорю:
Твой каждый вздохъ десятикратнымъ вздохомъ
Встрѣчала я; за каждую слезу
Я не одну, а двадцать проливала,—
Не оттого, что я тебя любила,
А оттого, что я сказать не смѣла,
Не смѣла даже думать, что люблю.
Джованни. О, сжальтесь, боги, я молю, пусть эта
Гармонія не будетъ только сномъ.
Аннабелла. Мой братъ, я на колѣняхъ умоляю,
Становится на колѣни.
И даже прахомъ матери моей
Тебя я заклинаю, будь правдивымъ,
Не предавай меня твоей насмѣшкѣ,
Люби меня, или убей меня.
Джованни. Сестра, я на колѣняхъ умоляю,
Становится на колѣни.
И даже прахомъ матери моей
Тебя я заклинаю, будь правдивой,
Люби меня, или убей, сестра.
Аннабелла. Такъ значитъ это истинная правда?
Джованни. Я правду говорю; скажи и ты.
Аннабелла. Клянусь.
Джованни. И я. И этимъ поцѣлуемъ,
Цѣлуетъ ее.
Еще, еще одинъ,—теперь мы встанемъ,—
И этимъ поцѣлуемъ я клянусь,
Я этотъ мигъ не отдалъ бы за счастье
Элизія. Что дѣлать намъ теперь?
Аннабелла. Что хочешь.

Джованни. Такъ идемъ, и послѣ стольких
Печальныхъ слезъ научимся смѣяться,
Узнаемъ поцѣлуи, и уснемъ.

Въ драмѣ Тирсо де Молины сынъ Давида, Амонъ, влюбленъ въ свою сестру Тамаръ, но скрываетъ это отъ нея и предается глубокой печали. Когда она хочетъ разсѣять его скорбь, онъ предлагаетъ ей слѣдующую игру. Онъ говоритъ, что влюбленъ въ какую-то женщину. Она, Тамаръ, должна изображать ее, а онъ будетъ говорить ей все, что говорилъ бы возлюбленной. Онъ говоритъ ей нѣжныя признанія, цѣлуетъ ея руки, и потомъ они прощаются (2; 7).

Амонъ. Простись со мною, какъ съ влюбленнымъ.
Тамаръ. Пусть такъ, разъ этого ты хочешь.
Амонъ. Прощай, о, нѣжное блаженство.
Тамаръ. И я скажу тебѣ—прощай.
Амонъ. Меня ты любишь?
Тамаръ. Безконечно.
Амонъ. Мою любовь ты принимаешь?
Тамаръ. Да, принимаю.
Амонъ. Кто твой милый?
Тамаръ. Ты.
Амонъ. Нынче ночью ты придешь?
Тамаръ. Въ одиннадцать.
Амонъ. Ты позабудешь?
Тамаръ. О, никогда.
Амонъ. Уходишь грустной?
Тамаръ. Нѣтъ, нѣжною.
Амонъ. Ты мнѣ измѣнишь?
Тамаръ. Я буду бронзой.
Амонъ. Ты уснешь?
Тамаръ. И ты во снѣ со мною будешь.
Амонъ. Какое счастье!
Тамаръ. Сонъ мой сладкій!

Амонъ. Мое блаженство!
Тамаръ. Мой желанный!
Амонъ. Прощай, огонь очей.
Тамаръ. Прощай.

Но нѣжная игра этимъ не исчерпывается. Амонъ справедливо восклицаетъ (2; 12).

О, если кровь кипитъ и безъ огня,
Что кровь свершитъ, когда огонь въ ней будетъ?

Амонъ завлекаетъ Тамаръ къ себѣ, и между ними происходитъ пламенный діалогъ, за которымъ слѣдуетъ торжество преступной страсти, и потомъ гибель влюбленнаго (2; 15).

Амонъ. Тебя люблю я.
Тамаръ. Успокойся.
Амонъ. Покоя нѣтъ.
Тамаръ. Чего ты хочешь?
Амонъ. Тамаръ, любить.
Тамаръ. Сдержи порывъ свой.
Амонъ. Я весь любовь, и я люблю.
Тамаръ. А если царь придетъ? Я крикну.
Амонъ. Любовь я крикомъ призываю.
Тамаръ. Къ твоей сестрѣ!
Амонъ. Любовь желанна.
Тамаръ. Измѣнникъ!
Амонъ. Нѣтъ въ любви измѣнъ.
Тамаръ. Но твой законъ...
Амонъ. Для тѣхъ, кто любитъ,
Закона нѣтъ.
Тамаръ. Но царь твой...
Амонъ. Царь мой—
Любовь. Иного нѣтъ владыки.
Тамаръ. Но честь...
Амонъ. А честь моя—восторгъ!

Мы соприкасаемся здѣсь съ безуміемъ, достигаемъ черты, за которой для полновластнаго чувства личности начинается міръ возмездія, царство фурій, стерегущихъ все безумное, но, какъ говоритъ Бомонтъ,—

Когда поэты схвачены безумьемъ,
Боговъ они съ людьми отождествляютъ,
И краткій часъ преобразуетъ въ вѣкъ.
(The maid's tragedy, 1; 2).

Объ этомъ безуміи еще лучше говоритъ Шекспиръ, тотъ самый Шекспиръ, чьи сочиненія стали настольной книгой разсудительныхъ дѣльныхъ англичанъ.

Кто любитъ, кто безуменъ, у того
Такой кипучій мозгъ, воображенье
Такъ много можетъ создавать видѣній,
Что понимаетъ онъ гораздо больше,
Чѣмъ можетъ воспринять холодный умъ.
Любовники, безумные, поэты
Воображеньемъ творческимъ полны.
Въ тотъ часъ, какъ изступленный взоръ поэта
Съ земли скользитъ на небо, и съ небесъ
На землю,—часъ когда воображенье
Невѣдомымъ вещамъ даруетъ форму,—
Поэтъ преобразуетъ ихъ въ видѣнья,
И, закрѣпивъ воздушныя ничто,
Даетъ имъ мѣсто, назначаетъ имя.
(Сонъ въ лѣтнюю ночь, 5; 1).

На такомъ языкѣ говорили англійскіе и испанскіе поэты 16—17-го вѣка. Умѣли ли они только говорить? Нѣтъ, безъ способности дѣйствовать никогда въ поэзіи не будетъ истиннаго чувства личности. Эти люди, говорившіе самыя нѣжныя, и самыя сильныя, и самыя соблазнительныя слова, умѣли проходить въ дѣйствительности всю гамму ощущеній. Они знали самыя низкія паденія и самый высокій героизмъ, они поднимали мечъ за родину, они губили женщинъ, они жертвовали жизнью во имя женщинъ, они дѣлались монахами, они погибали въ нертепахъ, они сидѣли въ тюрьмахъ, они были героями, они были преступниками, они знали все.

Два маленькія событія бросаютъ на этихъ людей яркій свѣтъ и озаряютъ ихъ смѣлыя лица.

Въ одной изъ испанскихъ церквей, гдѣ молятся и любятъ одновременно, нѣкій кабальеро устраиваетъ своей дамѣ сцену ревности и доходитъ до того, что ударяетъ ее. Совсѣмъ вблизи находился одинъ изъ лучшихъ писателей старой Испаніи, Франсиско Кеведо, не знавшій ни его, ни ея. Онъ быстро подходитъ къ наѣзднику, говоритъ ему дерзкое слово, хватаетъ его за руку, они выходятъ изъ церкви, они выхватываютъ шпаги,—испанская дуэль—безъ врачей и безъ секундантовъ,—и Кеведо убиваетъ его. Все происходитъ въ нѣсколько секундъ.

Весной 1593-го года въ Лондонѣ свирѣпствовала чума. Актеры, вмѣстѣ съ другими желавшими жить, бѣжали въ провинціальные города и деревушки. Кристоферъ Марло, актеръ и поэтъ, какъ Шекспиръ, былъ въ селеніи Дептфордъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона. Тамъ были люди, пирующіе во время чумы, были чары Алкоголя, подъ властью которыхъ такъ хорошо говорить и забыться, были женщины, которымъ можно говорить слова любви, не зная ихъ имени и не будучи имъ представленными. Въ одну изъ такихъ влюбился Марло. Онъ встрѣтилъ взаимность, но однажды, войдя въ эту комнату, гдѣ люди веселились, онъ видитъ, что возлѣ его дамы какой-то соперникъ. Ослѣпленный ревностью, онъ выхватываетъ кинжалъ, устремляется на соперника, тотъ ловкимъ жестомъ мѣняетъ направленіе руки Марло, и остріе кинжала пронзаетъ не грудь безъимяннаго Арчера, а глазъ и мозгъ предшественника и состязателя Шекспира. Его схоронили въ безвѣстномъ мѣстѣ, и на плитѣ написали: «Кристоферъ Марло, убитъ Фрэнсисомъ Арчеромъ, 1-го іюня 1593-го года».

Въ наши дни, въ эти позорные дни, когда не умѣютъ ни чувствовать, ни дѣйствовать, въ дни, когда юноши похожи на стариковъ, а мудрые старики на младенцевъ, люди той эпохи, знавшіе низкое и высокое, кажутся мнѣ отмѣченными печатью чего-то нечеловѣческаго. Живя они жили, умирая не дрожали. Они знали, что такое ласки и что такое вражескій призывъ. Они не стали бы терпѣть то, что терпимъ мы. Они знали, что, когда хочешь чего-нибудь достигнуть, нужно хотѣть,—хотѣть и не уступать.

К. Бальмонтъ.

ИЗЪ КНИГИ «ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ».

1. СТАРЫЙ ДОМЪ.

Прерывистыя строки.

Въ старинномъ домѣ есть высокій залъ,
Ночью въ немъ слышатся тихіе шаги,
Въ полночь оживаетъ въ немъ глубина зеркалъ,
И изъ нихъ выходятъ друзья и враги.

Бойтесь безмолвныхъ людей,
Бойтесь старыхъ домовъ,
Страшитесь мучительной власти несказанныхъ
словъ,
Живите, живите,—мнѣ страшно,—живите скорѣй.

Кто въ мертвую глубь враждебныхъ зеркалъ
Когда-то бросилъ безотвѣтный взглядъ,
Тотъ зеркаломъ скованъ,—и высокій залъ
Населенъ тѣнями, и люстры въ немъ горятъ.

Канделябры тяжелые свѣтъ свой льютъ,
Безжизненно тянутся отсвѣты свѣчей,
И въ залъ, въ этотъ страшный призрачный пріютъ,
Привидѣнья выходятъ изъ зеркальныхъ зыбей.

Есть что-то змѣиное въ движеніи томъ,
И музыкой змѣиною вальсъ поетъ.
Шорохи, шелесты, шаги... О, старый домъ,
Кто въ тебя дневной неполночный свѣтъ прольетъ?

Кто въ тебѣ тяжелыя двери распахнетъ?
Кто воскреситъ неразсказанность мечты?
Кто сниметъ съ насъ этотъ мучительный гнетъ?
Мы только отраженія зеркальной пустоты.

Мы кружимся бѣшено одинъ лишь часъ,
Мы носимся съ бѣшенствомъ скорѣе и скорѣй,
Дробятся мгновенія и гонятъ насъ,
Нѣтъ выхода, и нѣтъ привидѣніямъ дверей.

Мы только сплетаемся въ пляскѣ на мигъ,
Мы кружимся, не чувствуя за окнами луны,
Предъ каждымъ и съ каждымъ его же двойникъ,
И вновь мы возвращаемся въ зеркальность глубины.

Мы, мертвые, незримо уходимъ туда,
Гдѣ будто бы все ясно и холодно-свѣтло,
Намъ нѣтъ возрожденья, не будетъ никогда,
Что сказано—отжито, не сказано—прошло.

Бойтесь старыхъ домовъ,
Бойтесь тайныхъ ихъ чаръ,
Домъ тѣмъ болѣе жаденъ, чѣмъ онъ болѣе старъ,
И чѣмъ старше душа, тѣмъ въ ней больше задавленныхъ словъ.

2. ПЛѢНЕННОМУ.

Два сонета.

Когда бы я къ тебѣ не приходилъ,
Ты былъ всегда неотразимо-цѣльнымъ,
Властительнымъ, какъ голосъ изъ могилъ,
Съ лицомъ волхва, какимъ-то запредѣльнымъ.

И я въ тебѣ искалъ нездѣшнихъ силъ.—
Но ты сталъ кроткимъ, тихимъ, колыбельнымъ.
Зачѣмъ же ты Святынѣ измѣнилъ,
Меня взманивъ обѣтомъ безпредѣльнымъ!

Скажи мнѣ, почему теперь, когда
Тѣнь женщины съ тобою навсегда,
Мнѣ хочется—не говорить съ тобою,—

А птицей съ птицей, выхватить, любя,
Ее, твою, исчезнуть отъ тебя,
И хохотать за бездной голубою?

Невѣрный, ты наказанъ будешь мной,
При всей моей любви къ глубокимъ взорамъ
Твоихъ блестящихъ глазъ. О, духъ земной,
Земнымъ ты украшенъ былъ уборомъ!

Ты вызвался звѣздою предо мной,
Ты звалъ меня къ заоблачнымъ озерамъ,
Къ тому, что вѣчно скрыто тишиной,
Не создано, но встанетъ шумнымъ боромъ.

Какъ я любилъ читать въ твоихъ глазахъ
Любовь къ любви, безъ женщины, безъ жизни,
Какъ любятъ звуки звонко пѣть на тризнѣ.

А! Самовластникъ, въ замкѣ, на горахъ!
Ты измѣнилъ ненайденной отчизнѣ,—
Такъ жди меня. Я сонъ, я смерть, я страхъ.

3. РАЗЛИЧНЫЕ.

Въ насъ разно свѣтитъ откровенье,
И мы съ тобой не властны слиться,
Хотя мы можемъ на мгновенье
Въ лучахъ одной мечты забыться.

Не оскорбись, но оскорбленье
Я нанесу тебѣ невольно,
Мы два различныя явленья,
Моей душѣ съ твоею больно.

Ты, можетъ быть, мой братъ влюбленный,
Но, братъ мой, ты мой врагъ заклятый,
И я врываюсь изступленный
Въ твои дремотныя палаты.
Ты успокоенный и сонный,
Ты полонъ мудрости—минувшей,
А я, стихійно-разрѣшенный,
Живу мечтою—обманувшей.

Ты изсушилъ источникъ жгучихъ
Правдиво-яркихъ заблужденій,
А я всегда среди пѣвучихъ
Сирено-гибельныхъ видѣній.
Ты въ числахъ, дробныхъ и тягучихъ,
Ты весь въ разсѣкновеньяхъ міра,
Я въ вѣчно-чувствующихъ тучахъ,
Я въ скоротечномъ блескѣ пира.

4. ЛИКОВАНІЕ.

Свой мозгъ пронзилъ я солнечнымъ лучомъ.
Гляжу на міръ. Не помню ни о чемъ.
Я вижу свѣтъ и цвѣтовой туманъ.
Мой духъ влюбленъ. Онъ упоенъ. Онъ пьянъ.

Какъ лучъ горитъ на пальцахъ у меня,
Какъ сладко мнѣ присутствіе огня.
Смѣшалось все. Людское я забылъ.
Я въ міровомъ. Я въ центрѣ вѣчныхъ силъ.

Какъ радостно быть жаркимъ и сверкать,
Какъ весело мгновенія сжигать.
Со свѣтлыми я свѣтомъ говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

5. МОЯ ДУША.

Моя душа озарена
И солнцемъ и луной.
Но днемъ въ ней дышитъ тишина,
А ночью рдѣетъ зной.

И странно такъ, и странно такъ,
Что солнце холодитъ.
И учитъ ласкамъ полумракъ,
И страсть во тьмѣ горитъ.

Сверкая, ширятся зрачки,
И льнутъ уста къ устамъ.
За радость сладостной тоски
Я все, о, все предамъ.

А глянетъ солнце, я опять
И холоденъ и тихъ,
Чтобъ ночью снова повторять
Влюбленный въ ласки стихъ.

Моя душа увлечена
Не солнцемъ, а луной.
Побудь во мглѣ, и будь нѣжна,
Ты все поймешь со мной.

6. «МОЙ МИЛЫЙ—ТЫ СКАЗАЛА МНѢ».

Мой милый—ты сказала мнѣ.
Зачѣмъ въ душевной глубинѣ
Ты будишь бурныя желанья?

Все, что въ тебѣ, влечетъ меня,
И вогъ въ душѣ моей, звеня,
Растетъ, растетъ очарованье.

Тебя люблю я столько лѣтъ,
И нѣженъ я, и я поэтъ.
Такъ какъ же это, совершенство,
Что я тебя своей не звалъ,
Что я тебя не цѣловалъ,
Не задыхался отъ блаженства?

Скажи мнѣ, счастье, почему?
Пойми: никакъ я не пойму,
Зачѣмъ мы стали у предѣла?
Зачѣмъ не хочешь ты любить,
Себя въ восторгѣ позабыть,
Отдать и душу мнѣ и тѣло?

Пойми, о, нѣжная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я въ страсти звѣзды создаю,
Я весь весна, когда пою,
Я свѣтлый богъ, когда цѣлую.

7.—Я.—

Я возгласъ боли, я крикъ тоски,
Я камень, павшій на дно рѣки.

Я тайный стебель подводныхъ травъ,
Я блѣдный обликъ рѣчныхъ купавъ.

Я легкій призракъ межъ двухъ міровъ,
Я сказка взоровъ, я взглядъ безъ словъ.

Я знакъ завѣтный, и лишь со мной
Ты скажешь сердцемъ: «Есть міръ иной».

8. ТОЛЬКО МИГЪ.

Отчего мнѣ такъ душно? Отчего мнѣ такъ скучно?
Я совсѣмъ остываю къ мечтѣ.
Дни мои равномѣрны, жизнь моя однозвучна,
Я застылъ на послѣдней чертѣ.

Только шагъ остается, только мигъ быстрокрылый,
И уйду я отъ блѣдныхъ людей.
Для чего же я медлю предъ раскрытой могилой,
Не спѣшу въ неизвѣстность скорѣй?

Я не прежній веселый, полубогъ вдохновенный,
Я не геній пѣвучей мечты.
Я угрюмый заложникъ, я тоскующій плѣнный,
Я стою у послѣдней черты.

Только мигъ быстрокрылый, и душа, альбатросомъ,
Унесется къ невѣдомой мглѣ.
Я усталъ приближаться отъ вопросовъ къ вопросамъ,
Я жалѣю, что жилъ на землѣ.

9. БОЛОТО.

Прерывистыя строки.

Miles and miles and miles of desolation,
Leagues on leagues on leagues without a change
Swinburne.

На версты и версты протянулось болото,
Поросшее зеленой, обманною травой.
Каждый мигъ въ немъ шепчетъ, словно плачетъ, кто-то,
Какъ будто безнадежно тоскуетъ надъ собой.

На версты и версты шелестящая осока,
Незабудки, кувшинки, кувшинки, камыши.
Болото раскинулось властно и широко,
Шепчутся стебли въ изумрудной тиши.

На самомъ зеленомъ изумрудномъ мѣстѣ,
Кто-то когда-то погибъ навсегда.
Шелъ женихъ влюбленный къ любящей невѣстѣ,
Болото заманило, въ болотѣ нѣтъ слѣда.

И многихъ манитъ къ обманнымъ изумрудамъ,
Каждому хочется надъ бездонностью побыть,
Каждый, утомившись, ярко грезитъ чудомъ,
И только тотъ живетъ, кто можетъ все забыть.

О, какъ грустно шепчутъ камыши безъ счета,
Шелестящими, шуршащими стеблями говорятъ.
Болото, болото, ты мнѣ нравишься, болото,
Я вѣрю, что божествененъ предсмертный взглядъ.

К. Бальмонтъ.

МЕССА.

(Переводная картинка).

Честная дѣвушка, особенно если она дочь благородныхъ коммерсантовъ, всегда должна быть весела и довольна. Пускай толкуютъ, что хотятъ: я благоразумна и отлично поняла, что довольство въ жизни дается всѣмъ, а счастье, блаженство—не всѣмъ.

Зато кому оно дается—не знаю и поэти. Дурачье! Требуютъ счастья—да еще длиннаго! Ну, ничего и не получаютъ.

Я, вотъ, была блаженна сорокъ минутъ. Ну, можетъ быть, тридцать семь или тридцать шесть—но не меньше. И я ужасно довольна. Знаю, что это крайній предѣлъ счастью. Счастье, вѣдь, произрастаетъ, какъ залежавшійся картофель. На что оно тогда? Ахъ, премудро устроилъ людей добрый Господь!

Ѣду я съ утреннимъ поѣздомъ въ Санъ-Лоренцо по мамашинымъ дѣламъ. Мнѣ только въ день Святого Духа исполнилось шестнадцать лѣтъ, однако, я такъ благоразумна, что мамаша поручаетъ мнѣ въ городѣ свои дѣла по базарнымъ днямъ.

Къ тому же на видъ мнѣ никакъ нельзя дать меньше, чѣмъ двадцать два года. А въ черной шляпкѣ съ

голубыми цвѣтами и красными ягодами—даже двадцать три, если хотите.

Эту шляпку я мѣсяцъ тому назадъ сама выбрала у лучшей модистки въ Санъ-Лоренцо. Я видѣла точь-въ-точь такую на одной дамѣ... ну, знаете, дамѣ легкаго поведенія. Къ ремеслу ихъ я не сочувственно отношусь—корысть, деньги — нехорошо! Да и не сладко имъ живется, бѣдняжкамъ! Но шляпка на этой мнѣ очень понравилась. Что-то такое элегантное! Насчетъ шляпокъ и всего другого—ихъ взять! Умѣютъ,—нельзя не позавидовать. Я тотчасъ же подумала, что попрошу такую же шляпку для себя—и нашла.

Ѣду я съ утреннимъ поѣздомъ въ этой самой шляпкѣ. Ѣзды до города отъ нашего Лагороссо немного больше получаса, и поѣздъ нигдѣ не останавливается. Жарища смертельная. Ѣду во второмъ классѣ. Противъ меня оказалась донна Чиччіа, тоже въ городъ, по дѣламъ своей боттеги.

Я сначала не оглядѣлась въ купе, тутъ эта жарища, донна Чиччіа ужъ журчитъ что-то мнѣ въ уши — болтушка извѣстная... Ѣдемъ минутъ десять. Повернула я голову къ лѣвому окну—Пресвятая Дѣва! онъ.

Вы думаете, видѣла я его когда-нибудь раньше? Ничуть не бывало Однако, ни секундочки не сомнѣвалась, что это—онъ. Въ ушахъ у меня зашумѣло;—пошумитъ-пошумитъ — и ударитъ. Хотѣла отъ изнеможенія глаза закрыть—не могу. Такъ и таращатся глаза, такъ и выпучиваются на него. На время было перестало въ ушахъ шумѣть, зато вдругъ холодъ по спинѣ началъ кверху бѣгать. Побѣжитъ, добѣжитъ до затылка—а у затылка завяжется въ узелокъ.

Донна Чиччіа видитъ, что я гляжу, троститъ мнѣ:

— Знаете, синьорина, кто этотъ молодой человѣкъ? Это изъ нашей, Лагоросской санаторіи, иностранецъ. Бѣдняжка! Онъ чахоточный. Ну, знаете санаторію новую, что на горѣ, километрахъ въ пяти? Видно, очень

плохъ, если его уже въ Санъ-Лоренцо пускаютъ. Которыхъ надѣются вылѣчить, тѣхъ не выпускаютъ. Ничего, говорите смѣло, онъ не понимаетъ по-итальянски. Ma che bello! И не отъ міра сего.

Ахъ! Ну, ужъ, конечно, не отъ міра сего! Іисусъ, совершенный Іисусъ! Острая бородка, на солнцѣ вся золотая, какъ пшеничные колосья. Изъ-подъ сѣрой шляпы кудри, потемнѣе. Хоть бы улыбнулся. Нѣтъ! Взглянулъ на меня синими, пресными глазами—и ничего.

Я еще помню хорошо, какъ я конфирмовалась. Я вся дрожала. Кругомъ пѣли, и органъ! органъ! Эта рыжая идіотка Аннина плакала даже, а я нѣтъ. Только вотъ въ родѣ теперешняго же по мнѣ холодокъ забѣгалъ. Однако, не такъ сильно, и у затылка не завязывало. Ахъ, какъ я помню эту мессу! Точно ждали мы всѣ, ждали чего-то—и не дождались.

Донна Чиччіа звенитъ, поѣздъ идетъ, а на меня, поймите ли, сонъ какой-то сталъ сходить. Думаю — это я въ обморокъ падаю. И упаду, непремѣнно упаду, вотъ такъ, съ вытаращенными глазами, если онъ на меня еще не посмотритъ, и если мы сейчасъ не доѣдемъ. Посмотрѣлъ. Долго смотрѣлъ, и пока смотрѣлъ—у меня ужъ сразу и узелъ завязывался, и въ ушахъ ударяло, такъ что еслибъ поѣздъ не остановился—я, вѣроятно, или умерла бы, или завопила благимъ матомъ.

Поѣздъ остановился, дверцу отворили съ нашей стороны, Донна Чиччіа вылѣзла, я за ней—медленно-медленно. Что жъ это будетъ, думаю? Онъ уйдетъ—гдѣ же мнѣ его искать? Лѣзу—а сама сзади его чувствую.

На ступенькѣ остановилась, закинула руку назадъ, чтобъ платье захватить — вдругъ что-то ладонь мнѣ щекочетъ—едва-едва. Бумажка! Записка! Тутъ я какъ стрѣла вылетѣла, чуть за крюкъ не зацѣпилась. Слышу—онъ вслѣдъ за мной, и тотчасъ же прошелъ впередъ, не обернувшись. Донна Чиччіа со мной прощается, гулъ кругомъ, толкотня, а я стою на мѣстѣ и только улыбаюсь.

Вѣрно, донна Чиччіа приняла эту улыбку за прощальный привѣтъ—тѣмъ лучше.

Бумажка крошечная, изъ записной книжки листокъ. Нацарапано карандашомъ. «23 maggio»... ну, да, сегодня значитъ... «... sera ...» знаетъ же немножко по-итальянски! «il treno 9. 20»... Мало знаетъ, но я пойму!

Однако, больше ничего не написано. Поѣздъ въ 9 часовъ двадцать минутъ... Есть такой поѣздъ въ Лагороссо... Ну, да! онъ назначаетъ мнѣ свиданье въ поѣздѣ. Ясно. Не въ санаторію же ему меня звать! Я бы пошла за нимъ сейчасъ, но у него вѣрно нѣтъ въ городѣ квартиры. Да и онъ стѣснялся донны Чиччіи... Эти иностранцы такіе деликатные! Никто изъ нихъ никогда бы не назначилъ свиданье молоденькой дѣвочкѣ изъ хорошаго дома... Меня—меня—ну,конечно! Какое счастье! Меня моя шляпка спасла! Онъ думаетъ, что мнѣ двадцать три года и что я—дама легкаго поведенія. Только это и спасло меня. Милая шляпка! Вотъ отъ какихъ случайностей зависитъ счастье, благодаря тому, что эти иностранцы не понимаютъ насъ—они вообще болѣе извращены. Подумать только, какая куча честныхъ дѣвушекъ способныхъ желать счастья, лишились его—и совершенно даромъ!

Однако, Саредда,—сказала я себѣ,—теперь надо держать ухо востро, чтобы онъ не догадался какъ-нибудь, что ты еще неопытная, неумѣлая дѣвчонка, которая ничего настоящаго и не видала. Пресвятая Дѣва! У меня на сердцѣ захолонуло отъ стыда и ужаса при одной мысли, что я сдѣлаю что-нибудь не такъ! Нужно успокоиться, собрать мысли и заранѣе обдумать, какъ вести себя.

Я отправилась пока по мамашинымъ дѣламъ, а въ пути старалась припомнить въ подробностяхъ, что мнѣ говорила эта рыжая идіотка Аннина, которая въ день всѣхъ святыхъ вышла замужъ за своего толстяка. Фи, замужъ! Нѣтъ, я навсегда останусь честной дѣвушкой.

Нечестно къ такому... къ такому чувству, какъ любовь, (теперь-то я достаточно знаю!) примѣшивать корысть: у легкихъ дамъ—деньги; у дѣвушекъ—замужество; одно и то же! Нѣтъ, Господь этого не прощаетъ.

О, Аннина! Все же, хоть мало, но ты мнѣ поможешь.

Времени до вечера—безъ конца. Жара, къ синьоринамъ Аванци не хочу итти. Зашла, устроить всѣ дѣла, въ ресторанчикъ. Какіе-то итальянскіе дураки сейчасъ же распялили на меня глаза. Вотъ мерзость, эти мужчины!

А все-таки шляпка ко мнѣ идетъ, и мнѣ на видъ двадцать три года.

Вотъ и семь часовъ. Скоро. Два часа осталось. Мамаша, пожалуй, будетъ безпокоиться. Я обыкновенно возвращаюсь съ четырехчасовымъ. Ну, велика бѣда. Да и не будетъ безпокоиться, знаетъ мое благоразуміе. Значитъ, что-нибудь задержало.

И наконецъ,—не все ли равно? Не могу же я упустить мое счастье, когда самъ Господь, очевидно, мнѣ помогаетъ? Вѣдь если бъ онъ, мой милый, мой иностранецъ, не принялъ меня за другую... Уфъ, даже въ дрожь бросило отъ одной мысли!

Однако, куда дѣвать эти два часа? Придумала: обойду весь Санъ-Лоренцо, медленно-медленно, и буду съ твердостью вспоминать все, что слышала отъ Аннины, да и отъ другихъ—отъ этой лукавой Джіованны... Прелукавая дѣвушка, однако, смышленная, и кое-что знаетъ. Только такія безнравственныя понятія! Непремѣнно хочетъ сначала замужъ. Нѣтъ, ужъ гдѣ разсчетъ—тамъ нѣтъ любви. А нѣтъ любви — значитъ, безнравственно. Да и не понимаю, зачѣмъ?

Иду, иду, прилежно думаю, соображаю, вспоминаю... Святой Панкраціи! Вѣдь ужъ стемнѣло! И больше девяти! А до вокзала еще далеко. Признаюсь, пустилась я прямо бѣгомъ. Ничего не видно.

Добѣжала, схватила билетъ. Вотъ и поѣздъ. Дверцы еще открыты. На платформѣ ужъ огни, и въ вагонахъ

огни. Народу мало. Его—нѣтъ. Что же мнѣ дѣлать? Что же это такое? Я чуть не разревѣлась. Сѣла бы, гдѣ стояла, и заревѣла. Да вдругъ будто толкнуло меня — гляжу, стоитъ въ дверяхъ купэ и прямо на меня смотритъ. Бѣгу, юбка путается, вагонъ перваго класса, а у меня билетъ второго. Однако, мнѣ ужъ все равно. Только что я подбѣжала — онъ билеты кондуктору даетъ, и смотрю—два билета. Едва я стала соображать, что же это такое, значитъ—не одинъ ѣдетъ—но сообразить еще не успѣла, какъ онъ меня за руку и втянулъ въ вагонъ. Тутъ же дверца захлопнулась, кричатъ «prontis»— я стою, какъ дура, и только одно успѣла замѣтить — свѣтъ сверху слабый—что никого въ купэ кромѣ насъ нѣтъ. Стою — и всѣ мысли изъ головы сразу вылетѣли.

Вдругъ — толкнуло, поѣздъ тронулся. Я отъ толчка упала на бархатную скамейку и даже затылкомъ о спинку ударилась такъ, что шляпка съѣхала. Отъ толчка я пришла въ себя, вспомнила свой планъ. Я рѣшила заранѣе, какъ только двинется поѣздъ, сдѣлать видъ, что поправляю шляпку, а вмѣсто того выдернуть шпильки и распустить волосы. Для начала это мнѣ казалось превосходнымъ, тѣмъ болѣе, что времени никакъ терять было нельзя.

Только что я закинула руки назадъ, ничего не успѣла сдѣлать — схватило меня за талію, или за плечи — не знаю—но я сразу почувствовала, что меня обнимаютъ, и что это—онъ, единственный, котораго я люблю.

Аннина! Что мнѣ дѣлать? Да какая тутъ Аннина! Сейчасъ онъ догадается, что передъ нимъ неотесаная дура! шестнадцатилѣтняя дѣвчонка! Зачѣмъ я не познакомилась съ той красивой дамой, которая жила два мѣсяца у насъ въ Лагороссо и бывала на бульварѣ! Вѣдь могла я познакомиться! Во всемъ тѣлѣ у меня точно молотками стучали. Холодомъ, жаромъ и ужасомъ обливало меня, и гдѣ ужъ завязывалось и гдѣ развязывалось,— я не могла бы сказать.

А тутъ еще къ смертельному опасенію, что онъ догадается, какъ я тупа,—прибавилась неожиданная мысль: онъ больной, не отъ міра сего, чахоточный: а чахоточнымъ нельзя дѣлать лишнихъ движеній, имъ вредно. Я должна его оберегать, должна предупреждать...

Пресвятая Дѣва! Помоги мнѣ! Вразуми!

Я вся повернулась къ нему.....

Другая бы шестнадцатилѣтняя дура на моемъ мѣстѣ непремѣнно заорала, какъ подъ ножомъ, несмотря ни на что... А я такъ твердо помнила, кто я для него, такъ боялась за него—что и тутъ не охнула, не вздрогнула, а если и охнула, то едва-едва, и поѣздъ все загудѣлъ, мчался—ну, прямо вихремъ. Или мнѣ такъ казалось. Кругомъ—и во мнѣ—стучало, стонало, пѣло... Главное пѣло пѣло...

Я была однажды въ монастырѣ святой Агнесы. На скамьяхъ сидѣли монашенки. Ахъ, что съ ними дѣлалось! Какое умиленіе, какая дрожь, какіе вздохи! Гудѣлъ и лился органъ. Онѣ пѣли: «Пріиди, Женихъ, пріиди!» Онѣ только пѣли и ждали, и уже впали, однако, въ такое состояніе. А что было бы съ каждой, еслибъ она дождалась жениха, какъ я, еслибъ онъ пришелъ, какъ ко мнѣ, еслибъ она почувствовала себя прижатой къ скамьѣ, какъ я, почувствовала его всего, его руки, нѣжныя и теплыя, на которыхъ лежала моя голова съ еще не отколотой шляпой! Можете себѣ представить, что бы съ такой монахиней сдѣлалось!

А я не менѣе ихъ чувствительна и тоже всегда, слыша органъ, рыдала отъ одного ожиданія.

Золотыя волны качали меня. Поѣздъ мчался, какъ гремучій змѣй, встряхивая и подкидывая, и баюкая, и будя насъ, и вотъ я уже не боюсь, что онъ, мой женихъ, мой возлюбленный, мое—я—приметъ меня за глупенькаго, неопытнаго недоросля. Я уже знаю все, что нужно, знаю, что умѣю не измѣнить себѣ до конца, потому что любовь учитъ владѣть собою—для счастья.

Конечно, и онъ былъ счастливъ, какъ я (мнѣ даже странно говорить это), потому что я уже не чувствовала себя собой,—а нами вмѣстѣ. Это очень просто.

Золотыя волны съ шумомъ набѣгали—и отходили—и вновь набѣгали, и вязали и били меня, обливая шипучей и ласковой пѣной..... И вдругъ... толчокъ... и оборвалось... остановилось...

Мнѣ сразу стало холодно. Еще мгновенье — и онъ поднялъ меня (я должна бы сама догадаться!) и хотѣлъ прикоснуться къ развязанным бантамъ... но я уже поняла, въ секунду была готова, поправила висѣвшую на булавкѣ шляпу... И дверца съ шумомъ распахнулась.

— Lagorosso! Lagorosso!

Я стою на полуосвѣщенной платформѣ. Я вижу его лицо, тонкое, серьезное, съ золотой бородкой. Онъ въ шляпѣ. Какъ онъ блѣденъ! Но это ничего. Онъ не дѣлалъ лишнихъ движеній, о нѣтъ! Я сразу была вразумлена и почти все взяла на себя—вѣдь онъ слабенькій, больной!

Вотъ онъ уходитъ. Проходя мимо меня, онъ тихонько всунулъ мнѣ въ руку бумажку. Что это, что это? Опять записка?

Я подошла къ фонарю. Нѣтъ, это не записка. Это десять лиръ. Онъ заплатилъ мнѣ! Сердце мое сладко дрогнуло въ первую секунду. Вотъ, не права ли я? Онъ не догадался... Я была умна и ловка, я вела себя такъ, какъ было нужно! О, какъ все хорошо!

Но... все-таки это деньги. Это плата. Что мнѣ съ ними дѣлать? Конечно, не бѣжать за нимъ, не отдавать назадъ, да и онъ уже уѣхалъ въ санаторской каретѣ... Что же съ ними дѣлать?

Придумала! Святой Ануфрій и девять мучениковъ! За что мнѣ дано было такое осіяніе, такое просвѣтлѣніе, такая удача весь день? Придумала, что сдѣлаю съ этими десятью лирами!

Вотъ что: онъ, мое счастье,—онъ не отъ міра сего.

Онъ боленъ, донна Чиччіа говорила, что очень; когда онъ уйдетъ, умретъ, я закажу такую мессу о блаженствѣ его души — какую только могутъ пропѣть въ нашемъ соборѣ. Я уберу цвѣтами подножье Мадонны, и будутъ пѣть, и органъ будетъ пѣть и переливаться... И я дамъ себѣ волю, сама буду пѣть и плакать, и вспоминать,— все, одно за другимъ, что было въ мои сорокъ минутъ, когда мчался, дрожа, поѣздъ... Когда намъ было такъ тѣсно, такъ страшно, такъ жарко, такъ едино... Когда вихрь шумѣлъ вокругъ насъ... И я узнаю органъ. Это будутъ тѣ же золотыя волны... Будетъ то же самое... Это вѣдь почти то же самое.

З. Гиппіусъ.

МЫСЛИ.

I. L'ENNUI DE VIVRE...

Я жить усталъ среди людей и въ дняхъ,
Усталъ отъ смѣны думъ, желаній, вкусовъ,
Отъ смѣны истинъ, смѣны риѳмъ въ стихахъ.
Желалъ бы я не быть «Валерій Брюсовъ».
Не предъ людьми—отъ нихъ уйти легко—
Но предъ собой, передъ своимъ сознаньемъ,—
Уже въ былое цѣпь уходитъ далеко,
Которую зовутъ воспоминаньемъ.
Склонясь, иду впередъ, растущій грузъ влача:
Дней, лѣтъ, именъ, восторговъ и паденій.
Со мной мои стихи бѣгутъ, крича,
Грозятъ мнѣ замысловъ недовершенныхъ тѣни,
Слѣпятъ глаза сверканья, безъ числа,
(Слова изъ книгъ, истлѣвшихъ въ сердцѣ—склепѣ),
И женщинъ жадныя тѣла
Цѣпляются за звенья цѣпи.

О, да! васъ женщины къ себѣ воззвалъ я самъ
Отъ ложа душнаго, изъ келій, съ перепутій,
И отдавались мы вдвоемъ одной минутѣ,
И вмѣстѣ мчало насъ теченье по камнямъ.

Вы скованы со мной небеснымъ, высшимъ бракомъ,
Какъ съ моремъ воды впавшихъ рѣкъ,
Своимъ я васъ отмѣтилъ знакомъ,
Я отдалъ душу вамъ—на мигъ, и тѣмъ навѣкъ.
Иныя умерли, иныя измѣнили,
Но всѣ со мной, куда бы я не шелъ.
И я влеку по днямъ, клонясь какъ волъ,
Изнемогая отъ усилій,
Могильнаго креста тяжелый пьедесталъ:
Живую груду тѣлъ, которыхъ я ласкалъ,
Которыя меня ласкали и томили.

И думы... Сколько ихъ въ одеждахъ золотыхъ!
Завѣтныхъ думъ, лелѣянныхъ съ любовью,
Принявшихъ плоть и оживленныхъ кровью...
Я обреченъ вести всю безконечность ихъ.
Есть думы тайныя—и снова въ дѣтской дрожи,
Закрывъ лицо, я падаю во прахъ...
Есть думы свѣтлыя, какъ ангелъ Божій,
Затерянныя мной въ холодныхъ дняхъ.
Есть думы гордыя—мои исканья Бога—
Но оскверненныя притворствомъ и игрой,
Есть думы-женщины, глядящія такъ строго,
Есть думы-карлики съ изогнутой спиной...
Куда бъ я не бѣжалъ истоптанной дорогой,
Онѣ летятъ, бѣгутъ, ползутъ—за мной!

А книги... Чистыя источники услады,
Въ которыхъ отраженъ родной и близкій ликъ,
— Учитель, другъ, желанный врагъ, двойникъ—
Я въ васъ обрѣлъ всѣ сладости и яды!
Вы были голубемъ въ плывущій мой ковчегъ
И принесли мнѣ вѣсть, какъ древле Ною,
Что ждетъ меня земля, подъ пальмами ночлегъ,

Что свой алтарь я на камняхъ построю...
Съ какою жадностью, какъ плотно я приникъ
Къ стоцвѣтнымъ стекламъ, къ окнамъ вѣщихъ книгъ,
И увидалъ сквозь нихъ просторы и сіянья,
Лучей и формъ безвѣстныхъ сочетанья,
Услышалъ странныя, родныя имена...
И годы я стоялъ, безумный, у окна.
Любуясь солнцами моя душа ослѣпла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И всѣ мои мечты распались горстью пепла.

О, еслибъ все забыть, быть вольнымъ, одинокимъ,
Въ торжественной тиши раскинутыхъ полей,
Итти своимъ путемъ, безцѣльнымъ и широкимъ,
Безъ будущихъ и прошлыхъ дней.
Срывать цвѣты, мгновенные какъ маки,
Впивать лучи, какъ первую любовь,
Упасть и умереть, и утонуть во мракѣ,
Безъ горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

3. HABET ILLA IN ALVO.

Ея движенья непроворны,
Она ступаетъ тяжело,
Неся сосудъ нерукотворный,
Въ который небо снизошло.
Святому таинству причастна,
И той причастностью горда,
Она по-новому прекрасна,
Внѣ вожделѣній, внѣ стыда.
Въ ночь наслажденья, въ мигъ объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатья,
О чемъ не вѣдала она!

Въ изнеможеньи и въ истомѣ
Она спала безъ грезъ, безъ силъ,
Но какъ въ эоирномъ водоемѣ
Въ ней цѣлый міръ уже почилъ.
Ты зналъ ее межъ содроганій,
И думалъ, что она твоя...
И вотъ она съ безвѣстной грани
Приноситъ тайну бытія!

Когда мужчина всталъ отъ роковой постели,
Онъ отрываетъ вдругъ себя отъ чаръ ночныхъ,
Дневныя яркости на немъ отяготѣли,
И онъ бѣжитъ въ огнѣ лучей дневныхъ.
Какъ пахарь, бросилъ онъ зиждительное сѣмя
И жаждетъ новыхъ силъ, чтобъ снова изнемочь—
Ее жъ изъ рукъ своихъ освобождаетъ Время,
На много мѣсяцевъ владѣетъ ею Ночь!
Ночь—Тайна—Мракъ—Неизвѣдомое—Чудо,
Намъ непонятное, что приняла она...
Была любовь и мигъ, иль только трепетъ блуда,—
И вновь вселенная въ душѣ воплощена!

Ребекка! Лія! мать! съ любовью или злобой
Сокрытый плодъ нося, ты служишь какъ раба,
Но не постыдный трудъ тебѣ дала судьба:
Ты охраняешь міръ таинственной утробой.
Въ ней заключила ты прошедшіе вѣка,
Которые преемственностью живы,
Лелѣешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.
Пространство, время, мысль—вмѣстила дважды ты,
Вмѣстила и дала имъ новое теченье.
Ты, женщина, цѣной дѣторожденья
Удерживаешь насъ у грани темноты!

Неси, о, мать, свой плодъ! внемли глубокой дрожи,
Гаи дитя, оберегай, питай,
И послѣ, въ срочный часъ, припавъ на ложе,
Яви землѣ опять воскресшій май!

Свершилось. Сонъ недавній явенъ,
Мигъ вожделѣнья воплощенъ:
Съ тобой твой сынъ предъ Богомъ равенъ,
Какъ ты сама—безсмертенъ онъ!
Что было свято, что преступно,
Что соблазняло мысль твою,
Ему открыто и доступно,
И онъ какъ первенецъ въ раю.
Что пережито—не вернется,
Берем мы миги, ихъ губя!—
Ему же солнце улыбнется
Лучомъ, погасшимъ для тебя!
И снова будутъ чисты розы,
И первой первая любовь!
Людьми извѣданныя грезы
Невѣдомыми станутъ вновь.
И кто-то, сладкій ядъ объятья
Вдохнувъ съ дыханьемъ темноты,
(Быть можетъ, также въ часъ зачатья)
Въ его рукахъ уснетъ, какъ ты!

Иди, походкой непоспѣшной,
Неси, священный свой сосудъ.
Въ преддверьи каждой ночи грѣшной
Два ангела съ мечами ждутъ.
Спадутъ, какъ легкія одежды,
Мгновенья радостей ночныхъ.
Иныя, строгія надежды
Откроются за тканью ихъ.

Она покровъ завѣтной тайны,
Сокрытой въ явности вѣковъ,
Но неземной, необычайный,
Огнемъ блистающій покровъ.
Прими его, покрой главу ихъ,
И въ сумракѣ его молись,
И вѣрь подъ страстнымъ поцѣлуемъ,
Что въ небѣ глубь, и въ безднѣ высь!

3. ИТАЛІЯ.

Страна, измученная страстностью судьбы!
Любовница всѣхъ роковыхъ столѣтій!
Тебя народы чтили какъ рабы,
И императоры какъ дѣти.
Ты съ трона цезарей судила властно міръ,
И бо́льшій міръ изъ Ватикана.
Былая власть твоя—низверженный кумиръ,
Но человѣчество твоимъ прошедшимъ пьяно.
Твои художники на зыбкости холста
Запечатлѣли сны, какихъ не будетъ дважды!
Они—къ источникамъ открытыя врата
Для всѣхъ томящихся отъ безысходной жажды!
На всѣ пути души ты простирала жезлъ,
Какъ знакъ владычества,—и всѣ мы были рады,
Ницъ преклоненные у величавыхъ креслъ,
Лобзать края одеждъ, ловить слова и взгляды.

Италія! священная царица!
Гдѣ нынѣ скипетръ твой и лавровый вѣнецъ?
Разломана твоя златая колесница,
Раскрыты двери въ твой дворецъ.
Италія! несчастная блудница,
И вотъ къ чему пришла ты, наконецъ!

Въ лоскутьяхъ мантіи и въ платьѣ устарѣломъ,
Улыбкой искрививъ надменно строгій ротъ,
Ты вышла торговать еще прекраснымъ тѣломъ,
И въ ложницу твою—открыть за деньги входъ.
Мы смѣемъ всѣ вкусить отъ ласкъ, святыхъ бывало!
Мы можемъ всѣ тебя увидѣть въ наготѣ!
Какъ женщина, ты всѣмъ доступной стала,
И стыдно намъ тебя узнать въ мечтѣ!

Но еще ты прекрасна, Италія!
Подъ краской заемныхъ румянъ,
И съ наглостью робкой во взорѣ!
Прекраснѣе всѣхъ неуниженныхъ странъ,
Къ которымъ покорно ласкается плѣнное море.
Въ лагунахъ еще отражаются
Дворцы вознесенной Венеціи—
Единственный городъ мечты,
И гордые замки вздымаются
Въ суровой и нѣжной Флоренціи,
Гдѣ созданъ былъ сонъ красоты.
И Римъ, чародатель единственный,
Ужасный въ величьи своемъ,
Лежитъ не живой, но таинственный,
Волшебнымъ окованный сномъ.
Нетлѣнныя рощи лимонныя
Подъ немыслимымъ небомъ цвѣтутъ;
Горы—въ бѣлыхъ цвѣтахъ новобрачныя!
Воды, собой опьяненныя,
Озаряя гроты прозрачныя,
Говорятъ и живутъ!
Ты прекрасна, Италія,
Отъ Альпъ крѣпковыйныхъ до ясной Капреи
И далѣе
До пустынь когда-то богатой Сициліи,
Гдѣ сирокко, уставъ и слабѣя,

Губитъ высокія лиліи,
Цвѣты святого Антонія,—
Ты прекрасна, Италія,
Какъ знакомая душамъ гармонія!

Я пришелъ къ тебѣ усталый,
Путь недавній потерявъ,
Безпокойный, запоздалый
Напрямикъ по влагѣ травъ.
И случайные скитальцы
Миръ нашли въ твоемъ дворцѣ...
О, какъ нѣжно эти пальцы
На моемъ легли лицѣ!
Какъ прижавшееся тѣло
Ароматно и свѣжо!
Пусть притворство, что за дѣло!
Пусть обманъ, мнѣ хорошо!
Въ этой нѣжности мгновенной
Можетъ тайно разлита,
Непритворна и чиста,
Ласка матери вселенной.

4. IN HAC LACRIMARUM VALLE.

Весь долгій путь свершивъ, по высямъ и низинамъ,
Твои зубцы я вижу, наконецъ,
О, горный кряжъ веселости и смѣха!
Въ разсвѣтный часъ ты выросъ исполиномъ,
Какъ до небесъ воздвигнутый дворецъ,
И гулко на привѣтъ твое мнѣ вторитъ эхо.
За мной паденій стыдъ и боль палящихъ ранъ,
Тѣснины скалъ и быстрины потоковъ,

За мной покинутый въ равнинѣ бранный станъ,
За мной пустыня—міръ безумцевъ и пророковъ...
Кругомъ меня—нѣмые тополя,
Какъ женщины, завернутые строго.
Свивается причудливо дорога,
Вся бѣлая, мглу на двое дѣля.
И лилін, закрывъ въ сыромъ туманѣ
Кадильницы ночныхъ благоуханій,
Сгибаютъ выгибы упругаго стебля.
Чу! ближній ключъ запѣлъ неравномѣрно...
Долина слезъ! чье имя какъ печаль!
Какъ все въ тебѣ неясно и невѣрно.
Но для меня уже бѣлѣетъ даль,
Я вышелъ изъ страны позора и успѣха,
Снимаю я съ своей главы вѣнцы.
Уже блестятъ въ огнѣ, уже блестятъ зубцы,
Твои—о, кряжъ торжественнаго смѣха!

☆

Я взойду при первомъ днѣ
Хохотать къ зубцамъ, на выси.
И на смѣхъ заторятъ мнѣ
Неумолчнымъ смѣхомъ рыси.

Стану рыскать наугадъ
Вверхъ и внизъ я, лугомъ, лѣсомъ:
Встрѣчный другъ и вѣчный братъ
Съ нимфой, съ звѣремъ, съ богомъ, съ бѣсомъ.

Повлекутъ меня съ собой
Къ играмъ рыжіе силены;
Мы натѣшимся съ козой,
Гдѣ лужайку сжали стѣны.

Всѣмъ настанетъ череда
Выпить острый сокъ услады.
Лица скроютъ отъ стыда
Въ чащахъ бѣлыя дріады.

Зазовутъ меня въ свой гротъ
Скалныхъ нѣдръ владыки—гномы.
Буду пить я дикій медъ,
Гость желанный и знакомый.

Я спою имъ про Грааль,
То-то будетъ имъ веселье!
Подаритъ мнѣ Рюбецаль
На прощанье ожерелье.

Канетъ въ сумракъ лѣтній зной,
Лунный глазъ проглянетъ слѣва,—
Обручальный перстень свой
Мнѣ подастъ лѣсная дѣва.

Я его, склонясь, приму,
Уроню свой плащъ багровый...
Ночь длинѣй протянетъ тьму,
Отлетятъ ночныя совы.

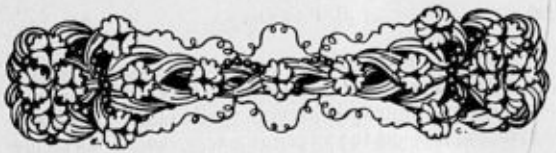
☆

Я къ вамъ вернусь о, люди,—вернусь преображенъ,
Вся жизнь былая будетъ какъ нѣкій душный сонъ.
Я къ вамъ вернусь воскресшимъ, проснувшимся отъ сна...
Волна волну стираетъ, и все жъ она волна.
И я иной чѣмъ прежде, но все же это я,
И пѣснь моя другая, но это пѣснь моя.
Никто ее не можетъ сложить, какъ я могу,
А тайну прошлыхъ пѣсенъ я въ сердцѣ берегу.

И всѣ мои напѣвы еще подвластны мнѣ
И тѣ, что пѣлъ я въ дѣтствѣ, и тѣ что пѣлъ во снѣ
Дано мнѣ пѣть, что люб̀о, что нравится мечтамъ,
А вамъ—молчать и слушать, вникать въ напѣвы вамъ.
И что бы не задумалъ я спѣть,—запрета нѣтъ,
И будетъ все достойно, затѣмъ что я поэтъ!
Я въ жизнь пришелъ поэтомъ, я избранъ былъ судьбой,
И даже противъ воли останусь самъ собой.
Я понялъ неизбѣжность случайныхъ думъ своихъ,
И самъ я чту покорно свой непокорный стихъ.
Въ моемъ самохваленьи служенье Богу есть,—
Не знаю самъ какая, и все жъ я міру вѣсть!

Валерій Брюсовъ.

Венеція—Флоренція 1902 г.



ЗВѢРИНОЕ ЧИСЛО.

Отъ читателей и комментаторовъ Апокалипсиса какъ-то укрылось, что вѣдь Іоаннъ, написатель книги, зналъ это число и понималъ всю мысль его; т. е. тайновидецъ будущихъ и возможныхъ судебъ человѣчества, по преимуществу судебъ заключительныхъ, имѣлъ у себя, такъ сказать носилъ съ собою и какъ бы въ себѣ, по крайней мѣрѣ въ умѣ своемъ, странную загадку, сокрытую въ числѣ. Это—«вѣчное Евангеліе», намекнулъ онъ въ концѣ книги, «второй, новый» — однако «Іерусалимъ»-же, о которомъ Титъ съ Веспасіаномъ такъ легкомысленно предположили, что его можно разрушить. Разрушить мысль Сіона?..

И пальма та жива ль понынѣ?
Все также ль манитъ въ дѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Все тѣ же пальмы; все та же зелень. Все вѣчное—вѣчно; а что не вѣчно уже умерло сейчасъ. Что такое это, вѣдомое Іоанну число, и которое онъ могъ прямо назвать и удержался назвать?... Число — «человѣческое», онъ намекнулъ: что̀ за выдѣленія? Можемъ ли мы сказать, что 42 есть число «человѣческое», или напротивъ «не человѣческое»? Что значитъ «не человѣческое число»? Ничего не значитъ, ибо всѣ числа отвлеченныя, и отсюда открывается, что взятое Іоанномъ число есть какое-

то именованное число, при коемъ подразумѣвается опредѣляющее его существительное. «Шесть берковцевъ», «три фута»—это уже понятно и тутъ можемъ мы воскликнуть: да, это—человѣческое число, число, имѣющее отношеніе только къ человѣку. Но вотъ «именованную»-то часть, «берковцы» или «футы», Іоаннъ и удержалъ у себя.

Онъ—зналъ это число; и добавилъ: его можно прочесть, «кто имѣетъ разумъ — сочти». Читали «Наполеонъ» въ XIX вѣкѣ, въ первомъ «Неронъ». Дѣти боялись дѣтей. Какъ будто Іоаннъ не сказалъ, что это какая-то сладость, за которую вступятся народы и въ изумленіи заговорятъ: «что подобно сему», «это огонь съ небесн»!

Апокалипсисъ прилагается какъ 5-я часть къ четыремъ Евангеліямъ, и для любителей вѣчнаго слова, имѣющихъ настольно Библію, онъ лежитъ у нижней правой доски, подъ самымъ низомъ всего библейско-евангельскаго текста. Послѣднія странички. Если мы откроемъ конецъ въ самомъ Апокалипсисѣ, мы удивимся, что онъ въ сущности повторяетъ, но только кое-что разъясняя и дополняя, изображеніе Рая во 2—3 главахъ Бытія. То есть изъ-подъ Святого слова сливается съ самою его верхушкою, съ тѣмъ, что благочестивый читатель находитъ, отвернувъ лѣвую доску «запечатанной семью печатями» книги.

Апокалипсическое число — райское число, и именно число раскрывающее и указующее вновь человѣку путь къ тому, прикосновеніе къ чему Богъ связалъ со внушеніемъ вѣчной жизни и тайнаго богоподобія. «Въ тѣнь образа своего сотворилъ Богъ человѣка»... И тѣнь образа стала самимъ «я», отъ него падаетъ тѣнь. Фотографія пропадаетъ когда выступаетъ фотографируемый. Сотвореніе человѣка — это фотографированіе съ неба на землю. Съ тѣхъ поръ человѣкъ ходитъ по землѣ и держитъ въ рукахъ свою фотографію, не понимая ни кто онъ, ни какъ очутился въ рукахъ

его таинственный снимокъ. Но снимокъ волнуетъ. Волнуется человѣкъ фотографіей и не понимаетъ—что это, что такое этотъ небесно-земной способъ таинственнаго наведенія луча. Вкуси «древа жизни» — и фотографія разобьется, на ея мѣстѣ останется неисповѣдимое «я»—съ которымъ странно сольется державшій въ трепетныхъ рукахъ свой, однако въ то же время не свой портретъ...

Апокалипсическое число—субботнее число. Дѣлай въ остальные дни дѣла свои, «день же субботній Господу Богу твоему». Въ этотъ день Богъ почилъ отъ труда созиданія, вещь творческую передавъ послѣднему своему, заключительному созданію. «Ей, человѣче, помяни Мои субботы».—«Ей, Господи, помню твои субботы». Отъ Моисея до Давида, и далѣе до Тита съ Нерономъ, и далѣе до нашихъ дней, этотъ «субботній» крикъ все тотъ же.

И пальма та жива понынѣ,
Все такъ же манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой.

Титъ не догадался, что для того, чтобы убить Израиля, нужно не Іерусалимъ разрушить. О вовсе нѣтъ... Развѣ камни значатъ что-нибудь? Вотъ около фундамента его они, «сыны Салима», молятся, черезъ 2000 лѣтъ по разрушеніи, такъ горячо, какъ мы не умѣемъ молиться въ нашихъ новенькихъ храмахъ, съ незасохшею штукатуркою и еще влажными масляными красками. Чтобы «разрушить Іерусалимъ» или, пожалуй, въ нашей транскрипціи, «убить жида», нужно бы «убить» его «субботу», ну, напримѣръ, сдѣлать, чтобы въ день сей жиды вдругъ начали восклицать:

Эванъ эвоэ! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!

Или что-нибудь въ этомъ родѣ, «праздничное», но «по

нашему». Но они именно не хотятъ по нашему, а по своему,— и замѣчательно только въ «субботу» они рѣшительно не хотятъ быть «съ нами» и «по нашему», охотно надѣвая наши перчатки, цилиндры, учась въ нашихъ школахъ, защищая въ нашихъ судахъ и сочиняя въ нашихъ журналахъ. «Шесть дней» съ нами и даже, пожалуй, «мы», но въ «седьмой» вдругъ становятся «колдуны», «святые». За «субботу» именно былъ 2000 лѣтъ тому назадъ споръ: можно въ субботу вынуть овцу изъ ямы? — Нельзя. Нельзя разрушить субботу, тогда весь Израиль рухнетъ.

Я удиваюсь филологамъ и богословамъ. До такой степени очевидно, что «суббота» почти такъ же многозначительна въ юданизмѣ, какъ и «обрѣзаніе». Они вовсе и никакъ не толкуютъ послѣдняго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не понимаютъ вовсе «ветхаго завѣта». «Ветхій завѣтъ», «ветхій завѣтъ» долбятъ дятлы каоедръ, а что онъ и въ чемъ, и какой,—даже попытки разгадать не приложили. Ничего дальше «чистоплотности» и «гигіены», и это у такого спеціальнаго народа-грязнушки. Но вотъ «суббота»: вѣдь надо было бы, т. е. при любознательности, оборотнемъ подползти въ какую-нибудь жидовскую хату, спрятаться въ мѣшокъ, залѣзть подъ кровать: и высматривать все и подслушивать все, что минута за минутою говорятъ и дѣлаютъ апокалипсическіе человѣки въ этотъ день. «Суббота» тянется отъ вечера пятницы лишь до половины собственно субботы и включаетъ въ себя ночь:

Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ.

И спятъ, какъ тупыя коровы, — филологи. Но я не спалъ бы, если бы зналъ жидовскій жаргонъ; я его слушалъ бы и слушалъ бы; подсматривалъ бы; вѣроятно, увидалъ бы странныя видѣнія и необычайныя слова, и какъ Іоаннъ-тайновидецъ записалъ бы въ «книжку».

«Ты былъ въ Едемѣ, былъ въ саду Божіемъ»: единственное мѣсто, гдѣ «рай» еще разъ называется въ Библіи. Это слова Іезекіиля, т. е. черезъ Іезекіиля Богомъ сказанныя—Тиру. «Ты ходилъ среди огнистыхъ камней, ты — благословенъ въ путяхъ твоихъ отъ дня сотворенія твоего и донынѣ.» Опять же это никакъ не объяснено. Но мы совершенно отвлеклись отъ своей темы.

Апокалипсическое число есть субботнее число, и въ то же время это—число древа жизни, т. е. дополняющее его мысль. Его нужно читать не 666 «шестьсотъ шестьдесятъ шесть», а «6» «6» «6»—«шесть—шесть—шесть». Это спеціально человѣческое число, ибо называетъ «шестой день» т. е. день «сотворенія человѣка». Ты въ сей день получилъ лучъ бытія, былъ фотографированъ съ неба. День сотворенія, и, общѣе, принципъ творчества—вотъ мысль апокалипсическаго числа. «Не смѣшивать дня сего со всѣми остальными днями», это совершенно особый день, «святой день». «И бысть вечеръ и было утро—день шестой.» Слѣпорожденнаго можно исцѣлить въ понедѣльникъ и въ четвергъ. Но Израиля, но «домъ Іаковлевъ», но «градъ Давидовъ»—пощади ихъ...

А филологи, не подслушавъ въ субботу тайныхъ словъ и не подсмотрѣвъ тайныхъ дѣйствій, думали, что дѣло идетъ о филантропическомъ плюсѣ, который «почему же» не прибавить къ Божьему празднику. Но филантропія все же отъ «сего міра», а «субботній постъ» есть именно успокоеніе отъ «сего міра», какъ бы погребеніе «сего міра» и погруженіе въ «міръ горній», міръ «шестикрылатыхъ серафимовъ» и «многоочитыхъ херувимовъ». Суббота есть на минуту хожденіе въ Тирскій «садъ Божій», и съѣданіе одного листка, только одного листочка — почечки, цвѣточка съ «древа жизни». И живъ Израиль! не умеръ «жидъ»! «Такой-то грязный»! Безъ земли, враждебный землѣ и земледѣлію, истый «скотоводъ» и до сего дня. Что же дѣлается въ закатъ субботы, т. е. въ утро нашей субботы, но когда ихняя

закатывается: всѣ спѣшатъ въ храмъ и благодарятъ Бога. Такъ что мы только и видимъ что закатное: «Благодарю, Боже,—за ликъ человѣческій, данный Тобою мнѣ»... и утреннее по ихнему, а по нашему — вечеръ пятницы: зажженіе «святыхъ свѣчъ», которыя такъ напоминаютъ Тирскіе огни: «Ты ходилъ среди огнистыхъ камней; ты былъ въ саду Божіемъ; ты благословенъ въ путяхъ твоихъ отъ дня сотворенія своего—донынѣ».

Когда мы догадаемся о всемъ и примемъ только «субботы» отъ нихъ, конечно—въ огняхъ и молитвахъ: вдругъ исполнится глаголъ Апостола—Израиль спасется! «весь Израиль спасется», принявъ всѣ остальныя наши истины—безъ всякаго спора. Ибо вѣдь «споръ»-то только и шелъ объ одной «субботѣ»... Но это уже Апокалипсическіе дни... И «огнь, спадшій съ небеси», «небесный огнь» Апокалипсиса, есть совершенно точное повтореніе «огней въ саду Божіемъ», о которыхъ кратко—тоже безъ поясненія—сказалъ Іезекіиль.

«И показалъ мнѣ Ангелъ чистую рѣку воды жизни, свѣтлую какъ кристаллъ, исходящую отъ престола Бога и Агнца. Среди улицы его («Небеснаго», сошедшаго на землю, «Іерусалима»), и по ту и по другую сторону рѣки, древо жизни, двѣнадцать разъ приносящее плоды, дающее на каждый мѣсяцъ плодъ свой; и листья древа для исцѣленія народовъ... И Духъ и невѣста говорятъ: пріиди! и слышавшій да скажетъ: пріиди! жаждущій пусть приходитъ и желающій пусть беретъ воду жизни даромъ».

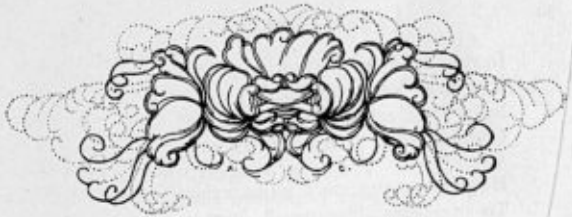
Трудно представить себѣ, какимъ образомъ, при чтеніи этихъ и подобныхъ словъ, могли подыматься рѣчи о «Наполеонѣ» или «Неронѣ». Въ нихъ очевидно содержится иносказательно «принципъ», «путь», категоріи «святого» и «грѣшнаго». И «послѣднія судьбы міра» ничего иного не выражаютъ, кромѣ глубочайшихъ потрясеній въ сферѣ этихъ категорій и такъ сказать перемѣщенія—не «небесъ» и «земли» въ самомъ дѣлѣ, но

перемѣщенія представленій у самого человѣка о томъ, что такое и гдѣ «небесное» (идеалъ), и что такое и гдѣ земное (противолежащее идеалу). Повидимому это «перемѣщеніе» и свитіе въ клубокъ прежняго «неба» (идеала, алканія) необходимо, какъ условіе, для открытія «пути къ древу жизни», «прямыхъ воротъ» въ небесный Іерусалимъ, которымъ войдутъ праведники. Вотъ объясненіе, никакъ не геометрическое и не территоріальное, словъ: «новое небо и новая земля». До чего это не касается и не имѣетъ въ виду обычныхъ для насъ представленій о реально-астрономическомъ преобразованіи при «свѣтопредставленіи», видно изъ того, что вѣдь не земля восходитъ на небо къ «Іерусалиму небесному», но именно онъ самъ опускается, «сходитъ» на реально недвижную «матушку-землю», «мать сыру землю». Откроются очи человѣку, и онъ вдругъ на «самой матери сырой землѣ» увидитъ невидимое, сокрытое отъ него дотоль и «древо жизни», и «воду живую:» и уже не отъ болѣзни въ выздоровленіе, а отъ смерти въ вѣчную жизнь воскреснетъ. «И оживутъ кости».

Тогда все объяснится, говоритъ Іоаннъ. Онъ зналъ это «объясненіе». Наука и философія тщетно его ищутъ и въ общемъ одна и другая еле только «гадаютъ» около и въ направленіи къ «древу жизни».—«Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ, и посѣялъ на сей землѣ, насадилъ садъ Свой, и взошло все, что могло взойти; но взращенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственныхъ мірахъ инымъ. Если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ чувство сіе, тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее»—такъ, устами старца Зосимы, Достоевскій выразилъ чувство древа жизни. Пессимизмъ, уныніе, отчаяніе суть симптомы полу-перерѣзанной нити, связующей «я» каждаго съ «мірами инымъ», но точнѣе — съ «древомъ жизни». Радость (безотчетная) есть симптомъ укрѣпленія и такъ сказать утолщенія этой соединительной нити.

Всякая радость на землѣ («безотчетная», «безъ видимыхъ причинъ») есть предчувствіе той окончательной и насыщающей вѣчной радости, коею заключится жизнь человѣка на землѣ. Это небесная и райская радость, какъ предвкушеніе, въ отношеніи «зари» къ «солнцу». Такъ что «заря» собственно «будущаго вѣка», «апокалипсическаго вѣка» никогда не покидаетъ землю,—и земля этою радостью живетъ и поддерживается. Отсюда — поэзія, т. е. въ смыслѣ «зари» и необыкновенная привязанность къ ней человѣка. Да и вообще вся земля «переводитъ дыханіе» и не можетъ умереть только предчувствіемъ этого, второго «апокалипсическаго», еще не поднявшагося надъ горизонтомъ, покуда—«изъ-подняго», «подъ землей движущагося», въ «ночныхъ странахъ» солнца, но которое ощущается бѣдными растеньицами—человѣками.

В. Розановъ.



СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ.

I.

Вхожу я въ темные храмы,
Совершаю бѣдный обрядъ.
Тамъ жду я Прекрасной Дамы
Въ мерцаньи красныхъ лампадъ.

Въ тѣни у высокой колонны
Дрожу отъ скрипа дверей.
А въ лицо мнѣ глядитъ, озаренный,
Только образъ, лишь сонъ о Ней.

О, я привыкъ къ этимъ ризамъ
Величавой, Вѣчной Жены!
Высоко бѣгутъ по карнизамъ
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, какъ ласковы свѣчи,
Какъ отрадны Твои черты!
Мнѣ не слышны ни вздохи, ни рѣчи,
Но я вѣрю: Милая—Ты.

II.

Ты свята, но я Тебѣ не вѣрю
И давно все знаю напередъ:
Будетъ день—и распахнутся двери,
Вереница бѣлая пройдетъ.

Будутъ страшны, будутъ несказанны
Неземныя маски лицъ....
Буду я взывать къ Тебѣ: Осанна!
Сумасшедшій, распростертый ницъ.

И тогда, поднявшись выше тлѣна,
Ты откроешь Лучезарный Ликъ.
И, свободный отъ земного плѣна,
Я пролью всю жизнь въ послѣдній крикъ.

III.

Тебя скрывали туманы,
И самый голосъ былъ слабъ.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный рабъ.

Тебя вѣнчала корона
Еще разсвѣтныхъ причудъ.
Я помню ступени трона
И первый твой строгій судъ.

Какія блѣдныя платья!
Какая странная тишь!
И лилій полны объятья,
И ты безъ мысли глядишь....

Кто знаетъ, гдѣ это было?
Куда упала Звѣзда?
Какія слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но развѣ могъ не узнать я
Бѣлый рѣчной цвѣтокъ,
И эти блѣдныя платья
И странный, бѣлый намекъ?

IV.

Безмолвный призракъ въ терему,
Я—черный рабъ проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
Въ Ея нетронутомъ альковѣ.

Я стерегу Ея ключи
И съ Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голосъ глухъ, мой волосъ сѣдъ.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь одинъ Завѣтъ:
Завѣтъ служенья Непостижной.

V.

Бѣгутъ невѣрныя дневныя тѣни,
Высокъ и внятенъ колокольный зовъ.
Озарены церковныя ступени,
Ихъ камень живъ—и ждетъ твоихъ шаговъ.

Ты здѣсь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одѣтый страшной святостью вѣковъ,
И, можетъ быть, цвѣтокъ весны уронишь
Здѣсь, въ этой мглѣ, у строгихъ образовъ.

Растутъ невнятно розовыя тѣни,
Высокъ и внятенъ колокольный зовъ,
Ложится мгла на старыя ступени...
Я озаренъ—я жду твоихъ шаговъ.

VI.

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова,
Я каждый день издалека
Слѣдилъ за ней, на все готовый.

Я зналъ часы, когда сойдетъ
Она—и съ нею отблескъ шаткій.
И, какъ злодѣй, за поворотъ
Бѣжалъ за ней, играя въ прятки.

Мелькали желтые огни
И электрическія свѣчи.
И онъ встрѣчалъ ее въ тѣни,
А я слѣдилъ и пѣлъ ихъ встрѣчи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали въ глубины
Слѣпыя, темныя ворота,

И я, невидимый для всѣхъ,
Слѣдилъ мужчины профиль грубый,
Ея сребристо-черный мѣхъ,
И что-то шепчущія губы.

VII.

Днемъ вершу я дѣла суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная—ты
Предо мной затѣваешь игру.

Я люблю эту ложь, этотъ блескъ,
Твой манящій дѣвичій нарядъ,
Вѣчный гомонъ и уличный трескъ,
Фонарей убѣгающій рядъ.

Я люблю, и любуюсь, и жду
Переливчатыхъ красокъ и словъ.
Подойду—и опять отойду
Въ глубины протекающихъ сновъ.

Какъ ты лжива и какъ ты бѣла!
Мнѣ же по-сердцу бѣлая ложь...
Завершая дневныя дѣла,
Знаю—вечеромъ снова придешь.

VIII.

Пытался сердцемъ отдохнуть я:
Ужель не сбросить этихъ сновъ!
Но Кто-то ждалъ на перепутьи
Моихъ послѣднихъ, страшныхъ словъ.

И ждетъ еще. Рѣдѣютъ тѣни,
Яснѣе, ближе сонъ конца.
Онъ спряталъ голову въ колѣни
И не покажетъ мнѣ лица.

Но въ день послѣдній, въ часъ бездонный,
Нарушивъ всяческій законъ,
Онъ встанетъ, призракъ беззаконный,
Зеркальной гладью отраженъ.

И въ этотъ часъ въ пустыя сѣни
Войдетъ подобіе лица,
И будетъ въ зеркалѣ безъ тѣни
Изображенье Пришлеца.

IX.

Я вышелъ въ ночь—узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Не существующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.

Дорога, подъ луной бѣла,
Казалось полнилась шагами.
Тамъ только чья-то тѣнь брела
И опустилась за холмами.

И слушалъ я—и услыхалъ:
Среди дрожащихъ лунныхъ пятенъ,
Далеко, звонко конь скакалъ,
И легкій посвистъ былъ понятенъ.

Не здѣсь, а дальше—ровный звукъ,
И сердце медленно боролось.
О, какъ понять откуда стукъ,
Откуда будетъ слышенъ голосъ?

И вотъ, слышнѣе звонъ копытъ,
И бѣлый конь ко мнѣ несется.
И стало ясно, кто молчитъ
И на пустомъ сѣдлѣ смѣется.

Я вышелъ въ ночь—узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій шопотъ,
Не существующихъ принять,
Повѣритъ въ мнимый конскій топотъ.

X.

Я жду призыва, ищу отвѣта,
Нѣмѣетъ небо, земля въ молчаньи,
За желтой нивой—далеко, гдѣ-то,
На мигъ проснулось мое воззванье.

Изъ отголосковъ далекой рѣчи,
Съ ночного неба, съ полей дремотныхъ,
Все мнятся тайны грядущей встрѣчи—
Свиданій ясныхъ, но мимолетныхъ.

Я жду—и трепетъ объемлетъ новый:
Все ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушитъ слово....
Помилуй, Боже, ночныя души!

На мигъ проснулось за нивой, гдѣ-то,
Далекимъ эхомъ мое воззванье.
Все жду призыва, ищу отвѣта,
Но странно длится земли молчанье....

Александръ Блокъ.

I. УЛИЦА.

Зданья одѣты туманами,
Линіи гаснутъ мучительно,
Люди—какъ призраки странные,
Кони скользятъ такъ таинственно.
Міръ непонятно пугающій!..

Валерій Брюсовъ.

Мнѣ хочется разсказать вамъ, почему улица сдѣлалась для меня съ недавнихъ поръ предметомъ тайныхъ мученій. Улица не въ переносномъ смыслѣ, а въ собственномъ: эти камни, этотъ асфальтъ, эти холодные, равнодушные фасады домовъ, эти непроницаемыя, точно умершія, лица случайныхъ прохожихъ. И не какая-нибудь данная улица, а всякая улица вообще, весь этотъ міръ улицъ, въ который заключило себя современное человѣчество.

Мы довольствуемся банальнымъ и блѣднымъ смысломъ словъ; это произошло оттого, что мы слишкомъ много говоримъ и въ этомъ безпрестанномъ потокѣ рѣчи еле улавливаемъ смыслъ произносимыхъ словъ. Слова служатъ намъ болѣе знаками нашихъ желаній, чѣмъ отражаютъ сущность обозначаемыхъ ими вещей; а такъ какъ желанія наши въ общемъ узки или ничтожны, то естественно, что языкъ нашъ не обладаетъ свойствами ни глубины, ни чуткости. Даже возвышенныя слова, каковы: Богъ, небо, любовь, разумъ и т. п., произносятся нами совершенно безразлично: такъ, говоря о небѣ, мы больше имѣемъ въ виду состояніе погоды; упоминая имя Божіе, обычно не представляемъ себѣ ровно ничего; говоря о любви, думаемъ о расходахъ; мысль же о разумѣ заставляетъ насъ часто лишь автоматически намерщивать чело.

Что же говорить о такихъ ничтожныхъ предметахъ, какъ столы, стулья, дома, деревья, улицы! О нихъ мы вовсе ничего не думаемъ: мы лишь инстинктивно угадываемъ ихъ присутствіе и сообразно съ ихъ расположеніемъ и свойствами согласуемъ свои движенія. Мучительныя тайны вещей ускользаютъ отъ насъ. Вслѣдствіе этого мы такъ же спокойно ходимъ надъ безднами, какъ мухи по потолку. И только нѣкоторые несчастливцы и безумцы обречены страдать болѣзненнымъ стремленіемъ угадывать тайный смыслъ обыденныхъ словъ и вещей.

Карлейль написалъ свою философію одежды. Я сочувствую ему: я всегда былъ убѣжденъ, что мой сюртукъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ одѣяніе для верхней части тѣла. Все, каждый обыденный предметъ возбуждаетъ мое удивленіе и любопытство своимъ существованіемъ. Міръ, окружающій меня, кажется мнѣ какъ бы огромнымъ археологическимъ музеемъ. За нашей одеждой, за нашей утварью мнѣ чудится таинственное присутствіе генія нашей эпохи.

Но едва ли не самое любопытное въ матеріальной обстановкѣ нашей жизни это — фактъ существованія улицъ. Когда я думаю объ улицѣ нашихъ дней (а міръ давно узналъ улицы: вѣроятно, еще со временъ Атлантиды, съ тѣхъ поръ какъ сталъ дѣлить землю и воздухъ), я мысленно противополагаю ее понятію дома. Тамъ, гдѣ кончается домъ, тамъ вступаетъ въ свои права улица. Это два отдѣльныхъ міра, управляющихся своими особенными, совершенно противоположными законами. Домъ—мѣсто, гдѣ всѣ—свои, гдѣ даже приходящіе чужіе разсматриваются какъ свои. Улица, напротивъ, является мѣстомъ, гдѣ всѣ — чужіе, гдѣ даже свои ве-

дутъ себя другъ съ другомъ, какъ чужіе. Таковъ этикетъ улицы. На улицѣ не смѣются, не плачутъ. На улицѣ проходятъ мимо несчастія, мимо просьбы, мимо радости. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, люди смотрятъ одинъ на другого, какъ на пустое мѣсто. Равнодушіе—таковъ этикетъ улицы; холодность—такова ея маска. Если въ вашемъ домѣ кто-либо изъ посѣтившихъ васъ, даже совершенно постороннихъ, почувствуетъ себя худо, вы обязаны оказать первую помощь. На улицѣ вы хладнокровно проходите мимо; если вы наклонитесь надъ погибающимъ, вы почувствуете, что совершили неловкость: вы нарушили этикетъ улицы. На улицѣ вы болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, далеки отъ людей, даже еслибы вокругъ васъ совершалось оживленнѣйшее движеніе.

Домъ и улица — вотъ два культурныхъ устоя, на которыхъ покоится жизнь ветхаго человѣчества, ибо мы живемъ все еще въ ветхомъ завѣтѣ. Блаженное человѣчество грядущихъ когда-то вѣковъ будетъ говорить о насъ, какъ мы теперь говоримъ о людяхъ эпохи свайныхъ построекъ. Его школьники будутъ путать во время отвѣтовъ эпохи Кира, Тамерлана и Китченера и, несмотря на то, получатъ удовлетворительный баллъ. Даль вѣковъ сольетъ въ одинъ образъ — Ноя и праведника нашихъ дней. Меньшее разстояніе будетъ раздѣлять Лондонъ и Ниневію, Москву и Геліополисъ, чѣмъ людей будущаго и нашего вѣка, ибо, несмотря на паръ и электричество, на проповѣдь любви и успѣхи наукъ и искусствъ, наши города лишь гигантскіе преемники Рима и Вавилона. Поистинѣ, мы — Новая Атлантида, мы послѣдній обломокъ ветхаго человѣчества.

Можно бы написать цѣлую книгу: «Современное человѣчество въ домахъ и на улицѣ». Несомнѣнно, улица есть порожденіе генія нашей эпохи, который, по преимуществу, есть духъ злобы и одиночества. Только въ его черномъ сердцѣ могла возникнуть идея этой двойственной жизни. Живя другъ съ другомъ, мы всѣ остаемся одинокими. Улица является лишь видимымъ выраженіемъ отдѣльныхъ человѣческихъ одиночествъ, тоскующихъ одно около другого. Фактъ одиночества проходитъ черезъ всю нашу жизнь и пріобрѣтаетъ себѣ внѣшнее выраженіе: улицы раздѣлены на дома, дома—на комнаты и часто даже въ комнатахъ ставятъ ширмы. Мы стремимся прятать другъ отъ друга не только нашу душу, но и лицо.

Мы всѣ живемъ за свой личный страхъ и отвѣтственность, какъ матеріально, такъ и духовно. Наша литература есть живое выраженіе этого духовнаго одиночества: каждая книга есть обособленный міръ; чѣмъ она геніальнѣе, тѣмъ болѣе одинока. Наши вожди и пророки не сходятся между собою. Прозорливѣйшіе и мудрѣйшіе изъ насъ насмѣхаются другъ надъ другомъ, упрекая одинъ другого въ тупоуміи. Никогда еще человѣчество, быть можетъ, не уходило такъ далеко въ отдѣльныя свои единицы, никогда еще такъ низко не преклонялось оно предо всѣмъ тѣмъ, что составляетъ его внутреннюю обособленность: я разумѣю современное преклоненіе передъ національнымъ и индивидуализмомъ.

Наши дни есть культъ личности и собственности. Личность огораживаетъ себя высокими стѣнами, строитъ себѣ безвыходныя и комфортабельныя темницы, покрытыя сверху крышею, похожею на могильную плиту. А за дверью нашего входа, какъ страшный призракъ, какъ мертвая, равнодушная пропасть, зіяетъ улица, улица созданная духомъ взаимной нашей ненависти и безучастія.

Вотъ онѣ, ея блистающія, нарядныя плиты; вотъ молчаливо протянувшіяся проволоки, по которымъ спѣшитъ промчаться наше слово; вотъ люди и лошади, торопящіеся вырваться изъ этого міра пустоты, хаоса и одиночества! Горе вамъ, если у васъ нѣтъ дома, если тѣло ваше иззябло или, что еще того хуже, вы внезапно ощутили жажду тепла въ вашей душѣ, если въ нее

заползъ змѣею холодъ жизни: остерегитесь тогда стучаться у незнакомыхъ подъѣздовъ, остерегитесь плакать и кричать отъ отчаянія! Идите и плачьте на большихъ дорогахъ. Идите въ лѣса и топи, плачьте у рѣкъ и озеръ, и вы будете скорѣе услышаны...

Каждый разъ, когда сумерки загладываютъ въ мои окна, я чувствую усиленную пульсацію уличной жизни. Въ это время изъ темныхъ и сырыхъ норъ показывается порокъ. Таковъ этикетъ улицы. Гдѣ больше обманчиваго свѣта газа и электричества, тамъ ходитъ онъ съ нарумяненымъ, улыбающимся лицомъ. Онъ бездоменъ. Клеймо улицы у него на вороту. Его несчастіе въ томъ, что улица стала для него домомъ, улица, по которой ежедневно проходятъ десятки тысячъ равнодушныхъ ногъ. Его несчастіе въ томъ, что онъ долженъ притворяться незамѣчающимъ этикета улицы. Онъ чувствуетъ протянутыми къ себѣ десятки тысячъ рукъ и улыбается тою улыбкою поощренія, которая мнѣ такъ часто казалась улыбкой всепрощенія. Съ тоской и тревогой я слушаю этотъ напряженный и страстный пульсъ ночной жизни, и мнѣ чудится, что это пульсируетъ растоптанное на каменныхъ плитахъ сердце человѣка.

Въ эти часы я боюсь выходить на улицу: я, какъ страусъ, малодушно прячу свою голову подъ крыло. Міръ становится для меня тѣсной тюрьмой.

И вотъ въ эти мгновенія въ испуганной душѣ моей возникаетъ образъ зловѣщаго призрака: губительный ужасъ—имя ему. Я слышу его торжествующій ходъ, я вижу отблескъ его кровавой мантіи въ моемъ окнѣ. Мнѣ кажется, что сейчасъ отворятся двери, и кто-то, властный и безсердечный, безмолвно пошлетъ меня въ пустой мракъ.

Тысячекратно блаженъ тотъ, кому не дано въ удѣлъ имѣть сына или дочь. Мнѣ кажется, что въ эти часы унынія лампада невѣрнымъ, коварнымъ блескомъ озаряетъ мой домъ, полный малютокъ, ихъ закрытыя вѣки, ихъ локоны, ихъ тонкія ручки, молящія о защитѣ.

И я не могу ни спать, ни молиться.

Боже! я ропщу, страшно ропщу передъ Твоимъ образомъ. Тяжелыя сомнѣнія ложатся мнѣ въ душу. Все, что Ты заповѣдалъ о лиліяхъ и птицахъ небесныхъ кажется мнѣ написаннымъ для Золотого вѣка. Зналъ ли Ты о холодныхъ каменныхъ пустыняхъ, о улицахъ, глубокихъ, какъ колодцы?..

Зимняя вьюга ударила мнѣ въ окна мерзлыми крыльями. Далекимъ стономъ звучатъ Твои колокола, о, Боже! Если восходитъ молитва изъ этихъ обледянѣвшихъ стѣнъ до Твоего золотого чертога, то научи меня молиться. Но я боюсь, что тщетно было молиться создателямъ древнихъ пирамидъ, если Ты въ гнѣвѣ Твоемъ положилъ пройти мимо народа-строителя, народа-гиганта.

Маркъ Криницкій.

ВЪ ВАГОНѢ.

Снова дорога... и съ силой магической
Все это вновь охватило меня:
Грохотъ, носильщики, свѣтъ электрическій,
Крики, прощанья, свистки, суетня...

Снова вагоны, едва освѣщенные...
Тусклыя пятна тѣней....
Лица склоненныя
Спящихъ людей....

Мѣрный, вѣчный,
Безконечный,
Однотонный,
Шумъ колесъ....
Ропотъ вѣчный,
Шопотъ сонный
Въ міръ бездонный
Мысль унесъ...

Жизнь... работа...
Гдѣ-то, кто-то
Все стучитъ...
Ти'-та... то'-та...

Вѣчно что-то
Мысли сонной
Говоритъ....

Такъ вотъ въ ушахъ и долбитъ, и стучитъ это:
Ти'-та-та... та'-та-та... та'-та-та... ти'-та-та...
Съ шумомъ колесъ мои мысли сливаются,
Поѣздъ летитъ—перегнать ихъ старается..

Чудится ѣду въ Россіи я...
Тысячи верстъ впереди...
Ночь непріютная... темная...
Станція въ полѣ... Огни ея—
Глазки усталые, томные,
Шепчутъ «Иди»...

Страхъ это? горе? раздумье? иль что жъ это?
Новое близится, старое прожито...
Прожито—отжито... вынуто—вышито...
Ти'-та-та... та'-та-та... та'-та-та... ти'-та-та...

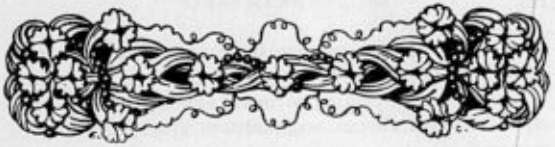
Чудится степь безконечная...
Поѣздъ по степи идетъ...
Въ вихрѣ рыданій и стоновъ
Слышится пѣсенка вѣчная...
Скользкія стѣны вагоновъ
Дождикъ сѣчетъ...

Пѣсенкой этой все въ жизни кончается...
Ею же новое вновь начинается...
И безконечно звучитъ и стучитъ это:
Ти'-та-та... та'-та-та... та'-та-та... ти'-та-та...

Странникомъ вѣчнымъ
Въ пути безконечномъ,
Странствуя цѣлые годы,
Вѣчно стремлюсь я,
Вѣрую въ счастье.
Но лишь въ ненастье
Въ шумѣ ночной непогоды
Вѣетъ родимою Русью...

Мысли съ рыданьями вѣтра сплетаются,
Съ шумомъ колесъ однотоннымъ сливаются..
И безнадежно звучитъ и стучитъ это:
Ти'-та-та... та'-та-та... та'-та-та... ти'-та-та...

Максъ Волошинъ.



РИСУНКИ ИЗЪ СУМАСШЕДШАГО ДОМА.

1. ПЕРВЫЙ РИСУНОКЪ.

Сашка, всегда довольный молодой человѣкъ, почти еще юноша, сидитъ на скамьѣ: онъ только вернулся съ работы по пилкѣ. Обширная комната наполнена сумасшедшими—то задумчивыми, то громко бесѣдующими съ неизвѣстными спутниками. Сашка понимаетъ очень мало, но никогда не утомляется и радостно глядятъ его глазенки, какъ у умной бѣлки. Рядомъ съ нимъ отвратительный плоскій старикъ, разрушенный позорной болѣзнью и тѣлесно, и умственно. И они обнимаются. Сашка радостно прижимается къ плечу старика и глядитъ на него и не видитъ его безобразія. Вотъ еще болѣе приближаются лица. Старикъ чмокнулъ Сашку въ щеку, Сашка отвѣчаетъ ему любящимъ продолжительнымъ поцѣлуемъ въ полуразрушенныя губы. Старикъ ужъ давно потерялъ память жизни. А Сашка по раннему сумасшествію никогда и не зналъ ничего, но въ обоихъ живетъ нѣжность жизни. Непонятное пожеланье изливается въ ихъ мирныхъ объятьяхъ.

И здоровые изъ больныхъ, и служители, и больные—всѣ останавливаются около цѣлующихся, улыбаясь на нихъ, какъ на дѣтей. И дѣйствительно развѣ это не величайшая изъ побѣдъ? Сашка не видитъ безобразія ста-

рика и цѣлуетъ его въ настоящей любви, въ радостной дружбѣ всепокрывающей, всепрощающей.

Больные есть разные, но почти всѣ подвержены приступамъ грусти. Печаль посѣщаетъ и сумасшедшихъ, это заразная пыль, невидимо разлитая во всемъ воздухѣ міра, это еще непобѣжденная самая могучая изъ всемірныхъ болѣзней. Одинъ только Сашка глядитъ всегда радостно. Поэтому около него всегда присосѣживаются—вотъ эти два низенькихъ недоношенныхъ человѣчка и Костя, десятникъ по пилкѣ дровъ. Костя ходитъ такъ важно и медленно изъ-за необычайной длины своей: онъ страшно длиненъ по сравненью съ сухостью и тонкостью стана. Но сегодня я удивился: неожиданно пустился онъ въ плясъ подъ нечистые разъѣзжающіеся звуки гармоники. Длинныя ноги его повиновались ему, длинныя руки поддерживали края пиджака, онъ наклонилъ свою крошечную голову и разсматривалъ сверху съ трудомъ свои ноги, согласуются ли они съ размѣромъ музыки. Много лѣтъ уже жилъ онъ въ однообразномъ безумьи, молчаливо и сердито работалъ, сердито молчалъ, иногда только радовался и, здороваясь съ каждымъ, весело начиналъ отвѣчать на вопросы. Сегодня осмѣлились ноги его испытать даже пляску.

Вотъ опять окружили всѣ Сашку и спрашиваютъ, зачѣмъ уѣзжалъ онъ недавно къ роднымъ. «Отца своего хоронилъ»—отвѣчаетъ, улыбается Сашка.—«Что жъ ты, Сашка, заплакалъ, когда хоронилъ?»—«Я не умѣю плакать», — отвѣчаетъ онъ. «А радоваться умѣешь?»—«Умѣю».

На работѣ поморозитъ Сашка нерѣдко то ухо, то палецъ. Служитель больничный подходитъ къ нему: «Что жъ не говоришь, Сашка, что поморозилъ вотъ палецъ?»—«А я не зналъ».

Такъ мирно и кротко и радостно живетъ Сашка — мудрѣе многихъ премудрыхъ!

II. ВТОРОЙ РИСУНОКЪ.

Угрюмый коренастый финляндецъ стоялъ около печки въ углу на жестянкѣ. Со всей силы билъ онъ ногой по краю ея, жестянка оглушала и его и всѣхъ. Онъ раскачивался всѣмъ тѣломъ подъ нечистые крикливые звуки гармоники, но лицо было наклонено какъ за ломомъ въ работѣ. Въ опьяненьи, въ самозабвеньи плясалъ онъ на этой жестянкѣ и иногда гоготалъ дикимъ крикомъ, крикомъ полей и звѣрей, но не смѣлъ ступить еще шагу съ жестянки. Все болѣе и болѣе раскачивались четыреугольныя плечи его. Онъ даже смѣялся, улыбка подымалась въ глазахъ его, достигла насупленныхъ толстыхъ полусонныхъ вѣкъ его. Ровно орда пляшущихъ топала въ комнатѣ, такъ стучалъ онъ ногой.

Алексѣй Ѳедорычъ—мой первый другъ. Этотъ ужъ вовсе не какая шишимора городская, настоящій дубовый мужикъ-сѣверянинъ. Начнетъ копать ломомъ мерзлую землю—самъ стонетъ, не остановится.

Съ того конца комнаты навстрѣчу понесся ему тонкій сухой мастеровой съ лицомъ застарѣлаго недоноска, перебирая ногами, какъ мальчикъ, какъ ферть. «Эхъ Олеша» крикнулъ онъ. Но Олеша не двинулся съ мѣста.

Развѣ мало такихъ, которымъ достоинство гордости позволяетъ плясать только на мѣстѣ и въ пляскѣ не даетъ имъ сдвинуться съ мѣста?

Къ тяжелой работѣ всегда находятъ Олешу, посылаютъ на взморье добывать песокъ на дорогу или къ забору направить канаву. Запуститъ онъ полъ лома въ дыру, — два аршина промерзлой земли. Часъ прорываетъ шесть дыръ, отвалится ломоть пудовъ въ сто.

Вдругъ остановится и начнетъ безъ конца о борьбѣ своей съ Богомъ:

«И вотъ выхожу я, хорошіе люди, съ Богомъ бороться.

Какія это права, хорошіе люди? хитрять хитрости, хорошіе люди, безсознательныя права, хорошіе люди. Выхожу я на Бога съ большимъ огородницкимъ ломомъ, нечего тутъ, говорю, хорохориться, выходи Богъ! Ничего Богъ не можетъ противъ меня, хорошіе люди. Потому что я человѣкъ, хорошіе люди. Все это сказки, хорошіе люди, мы этому не вѣримъ, хорошій человѣкъ!»

Иногда матерится, ругается Алексѣй Ѳедорычъ, но всѣ срамныя рѣчи звучатъ у него не какъ скверное, а только какъ крѣпкое слово въ работѣ даже лучшему другу. Алексѣй былъ могильщикомъ на финляндскомъ кладбищѣ, но однажды, говорятъ, онъ отрѣзалъ лопатой чью-то голову и руки въ землѣ; въ тотъ же день сталъ смущать его призракъ и съ этого дня помутилось одно изъ орудій души его—разумъ. Въ этомъ безумцѣ, въ необразованномъ, часто видѣлъ я всѣ знаки истинной гордости, въ немъ видѣлъ я благородную гордость, которою хвалятся люди науки,—достоинство ума человѣческаго!

1. ИЗЪ НЕПРАВИЛЬНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

ПѢСНЯ ИЗЪ ЗЕМЛИ.

За рудниками и за скалами
Скрыта струя чистой воды.
Въ нее оступился землекопъ ногою
И вдругъ застоялся въ тупомъ удивленьи:
Онъ пѣсню слышитъ прорвавшей воды.

Въ серебряномъ звукѣ встрѣчаются струйки,
Весенняя пѣсня въ ночномъ рудникѣ!
Какъ мертвые тянутся стѣны и камни,
Но дивной гармоніи, размѣра невиднаго
Исполнена пѣсня изъ сердца земли.

Какъ скалы, проходятъ народы земные,
Сердца ихъ покрыты слоями песковъ,
Вѣками пласты осѣдали на груди,
Мѣстами лишь въ шахтѣ стоитъ землекопъ!

Но дивный родникъ за мертвящей стѣною...
Суровый рабочій онъ вспомнилъ весну,
Сіяетъ цвѣтами и воздухъ и небо,
И мнится цвѣтетъ и лепечетъ кирьга.

Чу! рощутъ, какъ буря, ученые люди,—
Что мечтанье обманъ, не живетъ ни къ чему,
Но трудъ землекопа разрушитъ всѣ стѣны
И міръ весь откроетъ для пѣсенъ воды.

2. ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ПРАВЪ ПЛОТИ.

Я вернусь и къ тебѣ, моя плоть,
Я построилъ мой храмъ безъ тебя,
Я змѣею тебя называлъ,
Но я вѣрю пророчествамъ древнихъ:
Въ храмъ войдетъ поклониться змѣя.
Она будетъ лишь пылью питаться
И не будетъ вредить на горѣ,
Дѣти будутъ играть со змѣятами,
И младенецъ протянетъ ученку
Надъ гнѣздомъ ядовитой змѣи.
Всѣ поганые, низкіе звѣри
Возсіяютъ въ могуществѣ силъ.
Не погибнетъ земное строенье,
И строитель его не умретъ.
Дождидайтесь и новаго неба
И безсмертной и новой земли!

Гдѣ живетъ безъ строенья строитель?
Онъ построитъ безсмертную плоть.
Безъ конца возвышаются стѣны,
И не дрогнетъ нигдѣ и кирпичъ.
Самъ ли вѣришь достигнуть свободы
И глубокихъ незримыхъ небесъ?
Это гордость—мечтанье ребенка!
Но сначала иди среди братьевъ,
Но трудись съ каждой тварью въ ряду!
Только если весь міръ озарится,
Если каждый цвѣтокъ заблеститъ,
Возсоздастся безсмертное небо
И духовная чистая плоть.
Вотъ небесный законъ неизмѣнный:
Небо будетъ безлюдной пустыней,
Неба нѣтъ и не будетъ вовѣки,
Пока міръ весь въ него не войдетъ.

А. Добролюбовъ.

1903 года.

ЭПИТАФІЯ.

Миръ тебѣ, коробка съ красной печатью!
Ты побѣдно окончила долгій и трудный путь.
Что за вкусныя сласти несла ты!
— Коробка съ печатью!— гордо говорилъ я,—и начальственныя головы благоговѣйно склонялись предъ тобой, и пальцы ихъ—щелчки—не смѣли коснуться тебя, а меня принимались потрошить, оглядывать.
Но щелкалъ замокъ.
Мы одни съ тобой.
Чуть стуча, гдѣ-то ходятъ шаги, дремлетъ вѣчно сонный «волчекъ».
И ты раскрываешься...
Папироса за папиросой,—дымъ на всю тюрьму!
А помнишь, раздѣтый донага, я стоялъ на холодномъ полу, и, оскорбляя и издѣваясь, шарили меня, ты же съ зеленаго сукна надменно взирала вокругъ.
И потомъ, осторожно, обѣими руками взялъ тебя «старшій», выпучилъ глаза и, какъ святыню, держа передъ собой, направился къ камерѣ; сзади вели меня, гремѣли шашки.
— Ихъ нѣтъ!—шепнулъ я.
И ты распахнулась, и предстали предо мной бумага и карандашъ.
Когда же мы вышли на волю, ты тряслась отъ хохота всѣми своими нитями надъ тѣмъ міромъ, гдѣ такъ

высоко чтутъ красную печать, красную печать... кондитера.

Миръ тебѣ!

Мнѣ же вдругъ такъ стало горько и страшно за душу человѣческую.

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ.

Цѣпкій плаунъ колючими хищными лапами
Ложится на темнозеленую, пышную грудь лишаевъ.
Верескъ суровый, безстрастный, какъ старикъ по-
Стоитъ въ изголовьѣ. [сѣдѣвшій,
Сохнетъ оленій мохъ, пѣной застывшей, грустно вздыхая,
Когда вся въ изумрудахъ ползетъ зеленица.
Въ мѣдныхъ шлемахъ, алѣя тѣлами,
Стройно идутъ тучи войска кукушкина льна.
А кругомъ пухомъ сѣверныхъ птицъ
Блѣдно-зеленые мхи, лишаи къ елеямъ бѣгутъ:
Изъ трясины змѣей выползаетъ линнея
И, ласкаясь, гигантовъ лѣсныхъ обнимаетъ,
Выше, выше по старымъ стволамъ пробираясь,
Отравляя побѣги, въ корни вонзаясь.
Роскошнымъ ковромъ, блѣдно-пурпурный,
Будто забрызганный кровью, по болотамъ раскинулся
Мертвый мохъ, желанья будя подойти и уснуть,
Уснуть навсегда...
Запахъ прѣли и гнили, какъ вуаль дорогая,
Покрываетъ черты ядовитыя, полныя смерти.

Алексѣй Ремизовъ.

МИТЯ, БОЖІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

I.

У Ивана Кузьмича борода черная, окладистая, съ просѣдью въ видѣ бѣлыхъ пятенъ. Не нравится она ему. Онъ высокъ и лицо у него строгое, дѣловое, почти-что такое, какъ у праведниковъ на иконахъ. Не нравится оно ему. Онъ хорошій купецъ, хорошій хозяинъ, состояніе у него большое: у него домъ и много процентныхъ бумагъ. Грустно становится ему, глядя на свое богатство. Когда его раньше не было, онъ мечталъ его получить, а теперь оно ему скучно. У него жена красивая, молодая, полная. Не любитъ онъ ее за то, что она его и добро его любитъ. Не любитъ онъ ее за то, что она считаетъ его умнымъ и добрымъ человѣкомъ. Онъ неучъ и мужикъ. Между нимъ и его женой есть разница, но не та, которую она сама себѣ представляетъ. Онъ одинъ знаетъ эту разницу, но некому сказать объ ней. Между ними стѣна, но она не имъ поставлена и онъ не смѣетъ ее трогать и ждетъ, когда Тотъ разрушитъ ее, Кто ее ставилъ.

У нихъ въ домѣ живетъ юродивый, идіотъ, призрѣнный имъ изъ жалости, а по правдѣ сказать, не изъ жалости, а потому, что этого идіота онъ любитъ и почему-то боится. Изъ-за него они съ женою часто спорятъ.

Жена не выноситъ безсмысленныхъ, застывшихъ глазъ идіота, устремленныхъ куда-то вдаль.

— Онъ мнѣ напоминаетъ смерть,—говорила она мужу.

— А мнѣ,—отвѣчалъ онъ,—напротивъ, жизнь.

— Прогони его, Иванъ Кузьмичъ, или устрой его въ богадѣльню. Онъ принесетъ намъ несчастье.

— Нѣтъ, жена, прогнать его нельзя, онъ часть меня самого. Я увѣренъ, что онъ принесетъ мнѣ счастье.

И они молчали. Долго разговаривать они не умѣли. Онъ былъ простой мужикъ, а она барыня.

Былъ канунъ Пасхи. Иванъ Кузьмичъ и жена его собрались въ церковь. Прислугу отпустили тоже въ церковь. Сторожемъ дома Иванъ Кузьмичъ рѣшилъ назначить Митю, Божьяго человѣка. Митю позвали.

— Митя, не отлучайся,—сказалъ Иванъ Кузьмичъ,—стереги мое добро.

Митя широко и недоумѣвающе раскрылъ глаза.

— Твое добро, дяденька? Стеречь?

— Да, Митя, стереги мое добро!

— Дяденька, ты возлюбилъ меня и тебя возлюбитъ Господь. Буду беречь добро твое пуще зеницы ока своего. На смерть пойду—твоего не выдамъ!

Иванъ Кузьмичъ замолчалъ и, уходя, сказалъ женѣ:

— Ты видишь, онъ добро помнитъ и любитъ меня. Онъ совсѣмъ не дуракъ, а Божій человѣкъ. Ты слышала, какъ онъ разумно говоритъ?

— Охъ, Иванъ Кузьмичъ,—отвѣчала та,—и что тебѣ показалось умнаго въ рѣчахъ этого дурака! Напрасно ты оставляешь домъ и деньги на такого идіота.

— Съ нимъ Богъ,— отвѣтилъ Иванъ Кузьмичъ, — а Онъ лучшій стражъ.

И пошли въ церковь...

II.

Пусты высокія хоромы Ивана Кузьмича. Темно въ нихъ. Только передъ образами тихо теплются лампады. Тихо! Одни шаги юродиваго едва шуршатъ по паркету. Отъ одного образа онъ подходитъ къ другому. Вотъ онъ остановился передъ ликомъ Спасителя. Онъ падаетъ на колѣни. Онъ бьетъ себя худыми, слабыми кулаками въ грудь. Слова молитвъ, неумѣлыхъ, съ идіотскими возгласами, наполняютъ чутко дремлющую тишину.

Сердце въ изуродованномъ тѣлѣ переполнено какимъ-то чувствомъ до самаго края.

Божій человѣкъ, идіотъ, молится за Ивана Кузьмича. Онъ молится за добраго дяденьку, чтобы Господь пособилъ ему, уберегъ бы его добро и далъ бы ему еще много, много богатства.

На дворѣ темно. Ночь глядитъ во всѣ окна и удивляется этому полузвѣрю, получеловѣку.

Все громче звучатъ въ тишинѣ гортанные и носовые выкрики идіота. Онъ захлебывается въ словахъ молитвы. Его всегда безжизненное лицо теперь сіяетъ великимъ восторгомъ. Онъ самъ не понимаетъ того, что происходитъ въ немъ.

Но вотъ дрогнулъ первый ударъ колокола, за нимъ другой и третій, и воздухъ застоналъ въ великомъ перезвонѣ. Его полныя волны мощно и побѣдоносно неслись надъ вселенной.

«Христосъ воскресе!»

Потрясенный этими звуками юродивый кинулся къ окну. Тысячи огней пылали на безлюдной мостовой.

— Христосъ воскресе—воистину воскресе,—прохрипѣлъ идіотъ.

Онъ быстро отскочилъ отъ окна. Безпрестанно причитая «Христосъ воскресе, Христосъ воскресе», онъ ста-

щилъ въ одну кучу пуховыя подушки, облилъ ихъ керосиномъ и поджегъ. Пламя быстро раскинулось, и загорѣлся весь домъ со всѣми деньгами Ивана Кузьмича.

Громадный огненный факелъ поднялся высоко къ небу въ святую ночь и извѣстилъ молящихся.

Иванъ Кузьмичъ съ женой, запыхавшись, прибѣжали на пожаръ.

Передъ огнемъ плясалъ Митя и кричалъ:

— Христосъ воскресе! Христосъ воскресе!

— Дьяволъ, дьяволъ! Что онъ сдѣлалъ! — завопила жена.—Мы стали теперь нищими.

И залилась горькими слезами.

А Иванъ Кузьмичъ молча подошелъ къ идіоту, обнялъ его, поцѣловалъ въ закопченый лобъ и рявкнулъ на весь православный міръ, громко, неистово:

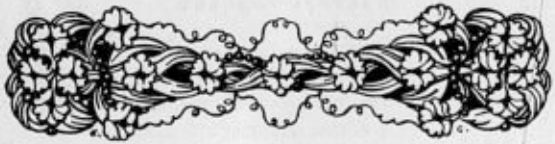
— Воистину воскресе! Митя ты уберегъ мое добро!

И, обнявшись съ Митей, они какъ безумные плясали передъ пожарищемъ, крича:

— Христосъ воскресе!

На великій соблазнъ всего крещенаго міра.

А. Л. Мирольскій.



ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.

І. К. БАЛЬМОНТУ.

Блеснувши сказочнымъ уборомъ
Своихъ плѣнительныхъ стиховъ,
Летишь ты вольнымъ метеоромъ
Въ міръ несмѣняющихся сновъ!
Красой невѣдомой и жгучей
Ты приковалъ нашъ робкій взглядъ—
И міру далъ своихъ созвучій
Все увлекающій каскадъ.
Они какъ бредъ полночный странны,
Они красивы и нѣжны,
Какъ поцѣлуи польской панны,
Какъ ропотъ ласковой волны...
И будятъ въ сердцѣ страсть и муки,
Мглу ощущеній, нѣги дрожь—
Ихъ зачарованные звуки,
Ихъ завлекательная ложь.
Пѣвучей нѣгой ихъ лелѣемъ,
Я въ чуткомъ сердцѣ ихъ таю—
И передъ вольнымъ чародѣемъ
Склоняю голову свою!

2. ВАЛЕРІЮ БРЮСОВУ.

Могучій, властный, величавый,
Еще непонятый мудрецъ,
Тебѣ въ вѣкахъ нетлѣнной славы
Готовъ сверкающій вѣнецъ...
Въ тебѣ не видитъ властелина
Взоръ легкомысленной толпы:
Что имъ бездонныхъ думъ пучина,
Мечты побѣдныя тропы!
Пусть будетъ такъ, пускай донынѣ
Твой вдохновляющій призывъ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ...
О, вѣрь! О, вѣрь! Ты будешь живъ!
Напѣвныхъ словъ твоихъ могучесть
Прожжетъ упорныя сердца!
О, обольстительная участь!
О, блескъ, о слава безъ конца!
Твои предчувствія и думы,
Постигнувъ, въ сердцѣ я таю,
И предъ тобой, мудрецъ угрюмый,
Склоняю голову свою!

3. РУСАЛКА.

Ты—русалка, русалка, я знаю давно,
Я въ глазахъ у тебя увидалъ,
Въ глубинѣ, гдѣ темно, моря скрытое дно
И волны набѣгающій валъ.

Я не даромъ видалъ, какъ изъ тёмныхъ волосъ
Выбирала обрывки ты травъ,
Въ нихъ узорчатыхъ раковинъ много вплелось,
Къ кольцамъ кось твоихъ страстно припавъ...

Оттого-то въ тебѣ все капризный порывъ
И желанья твои такъ вольны,
Оттого-то твой смѣхъ такъ пѣвучъ и красивъ,
Точно плескъ разсѣченной волны.

Ты русалка, ты моря коварнаго дочь—
Я не даромъ тебя стерегу,
Весь дрожа, чуть дыша, ужъ не первую ночь,
Стерегу на морскомъ берегу.

Я видалъ, ты, плескаясь, плыла между скалъ,
Озаренная блескомъ ночнымъ,
И пылающій мѣсяцъ влюбленно дрожалъ,
И улыбкой мѣнялась ты съ нимъ.

Я видалъ, какъ вчера заблудившійся челнъ
Ты схватила, тихонько приплывъ,
И, смѣясь, отдала его бѣшенству волнъ,
И разбилъ его бурный приливъ,

Какъ обманные ты зажигала огни
Тамъ, гдѣ бездна черней и страшнѣй
Шли туда корабли и погибли они,
Подъ ударами острыхъ камней,

Какъ манила прохожихъ призывами глазъ,
Трепетаньемъ порывистыхъ плечъ,
Чтобъ затѣмъ за собою, въ полуночный часъ,
Ихъ въ пучину морскую увлечь,

Чтобы тамъ ихъ ласкать, чтобы тамъ ихъ терзать,
Погубить, утопить, задушить,
Чтобы лунною полночью выплыть опять,
Чтобы снова прохожихъ манить...

Ты меня не зови, ты меня не мани,
Безъ того я пойду за тобой...
Переливчатымъ смѣхомъ побѣдно звени!
О, русалка, русалка, я твой!

Я пойду за тобой въ глубь бездонныхъ морей,
Не боюсь я подводной глуши,
Если хочешь убей меня лаской своей,
Истерзай, утопи, задуши!

О, коварнаго моря коварная дочь!
О, русалка съ блестящей косой!
Я теперь уже твой, ибо въ эту же ночь
Я пойду, я пойду за тобой!

Викторъ Гофманъ.

НЕНАПИСАННЫЯ БАСНИ КРЫЛОВА.

Рукописи Крылова до сихъ поръ еще совсѣмъ почти не изучены. Значительная часть ихъ была подъ руками у Кеневича, но онъ отнесся къ нимъ очень небрежно и поверхностно, многое упустилъ изъ виду, исказилъ при переписке или невѣрно прочелъ.

Небольшая статья А. И. Кирпичникова даетъ только нѣсколько дополненій и поправокъ къ Кеневичу и академическому сборнику. Она возникла случайно, при просмотрѣ рукописей Крылова въ Публичной Библіотекѣ, и на полноту совсѣмъ не претендовала. Если указать еще нѣсколько случайныхъ и мимолетныхъ упоминаній о рукописяхъ Крылова въ историческихъ и историко-литературныхъ журналахъ, нѣсколько (около 5) факсимиле при разныхъ изданіяхъ, то вся литература объ автографахъ И. А. будетъ исчерпана.

Между тѣмъ эти рукописи представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи творчества знаменитаго баснописца, до сихъ поръ еще совершенно не выясненной.

По обычнымъ представленіямъ Крыловъ писалъ мало, лѣниво; басни выливались у него сразу, сами собою, когда какая-нибудь внѣшняя причина побѣждала закоренѣлую лѣнь опустившагося и отяжелѣвшаго «дѣдушки».

Изученіе рукописей Крылова разрушаетъ эту популярную легенду: онъ долго и упорно работалъ надъ текстомъ своихъ басенъ, иныя изъ нихъ передѣлывалъ десятки разъ; нѣкоторыя темы не давались ему, и онъ бросалъ ихъ послѣ ряда попытокъ. Въ бумагахъ его то и дѣло мелькаютъ заглавія предположенныхъ, но не написанныхъ басенъ, наброски первыхъ стиховъ, тексты законченные, но не обработанные, хотя достаточно уясняющіе его несбывшіеся творческіе замыслы.

Кто хоть разъ видѣлъ автографы и факсимиле Крылова, тотъ знаетъ, какихъ усилій стоитъ разобраться въ его почеркѣ, и не поставитъ намъ въ упрекъ, что кой-чего намъ не удалось разобрать.

Вотъ что разсказываетъ П. А. Плетневъ:

«Года за полтора до кончины Крылова, я пришелъ къ И. А. попросить его автографъ. Близъ него въ комнатѣ мы ни лоскутка не нашли его почерка. Служанка принесла съ чердака цѣлую корзину басенъ, его рукою переписанныхъ. Выбравъ для меня листокъ, онъ въ очки разсмотрѣлъ заглавіе, написанное довольно крупно, но стиховъ и по догадкѣ не могъ разобрать».

Внукъ А. И. Оленина, А. П. Олениннъ, разсказывалъ намъ, что когда-то его бабушка, Е. М., возмущенная тѣмъ, что И. А. слишкомъ долго ничего не писалъ, заперла его въ комнатѣ и обѣщала не выпускать до тѣхъ поръ, пока онъ не напишетъ басни. Спустя нѣкоторое время, И. А. постучался и сказалъ, что басня готова. Событіе показалось настолько крупнымъ, что чтеніе отложили и пригласили къ нему обычныхъ посѣтителей гостепріимной семьи Олениныхъ. Среди общаго напряженнаго вниманія Крыловъ взошелъ на что-то въ родѣ домашней эстрады, громко прочелъ заглавіе—и запнулся: прочесть наскоро написаннаго текста онъ не могъ и настолько основательно его забылъ, что не былъ въ состояніи возстановить даже по догадкѣ. Такъ басня безслѣдно пропала...

Если самъ баснописецъ становился втупикъ передъ своимъ почеркомъ, то нельзя ставить въ упрекъ и намъ, что не все нами разобрано.

Приводимые ниже тексты взяты изъ рукописей Крылова, принадлежащихъ Академіи Наукъ и присланныхъ намъ для изученія въ Румянцевскій музей. Ихъ пять папокъ, разнаго времени.

Въ настоящемъ изданіи мы имѣли въ виду читателей не-спеціалистовъ и потому выбирали басни наиболѣе обработанныя. По той же причинѣ нами опущены въ нихъ зачеркнутые авторомъ стихи и слова, которые непремѣнно должны получить свое мѣсто въ ученомъ изданіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для полноты смысла приходилось, однако, приводить зачеркнутое мѣсто, мы ставили его въ прямыя скобки [ ]. Въ круглыя скобки ( ) заключено все добавленное нами по догадкѣ. Точки обозначаютъ неразобранное нами или пропускъ въ подлинникѣ, напримѣръ, рядъ вычеркнутыхъ стиховъ.

Мы нисколько не преувеличиваемъ значенія сообщаемыхъ матеріаловъ. Все это, конечно, отрывочно и необработано, но мѣстами чувствуется рука настоящаго мастера. Всѣ приводимыя данныя очень характерны для процесса творчества Крылова и круга его поэтическихъ интересовъ. О нихъ мы такъ мало знаемъ, что каждое новое свѣдѣніе, кажется, не можетъ быть лишнимъ.

Вл. Каллашъ.

I.

Не знаю я, въ какомъ судѣ
При комъ, когда и гдѣ,
Но стопы дѣлъ судьи скопили,
Что, наконецъ, рѣшивъ окончить тѣ дѣла,

Судьи, засѣвши вкругъ стола,
Гораздо ночи захватили.
. . . . . .
Остались на столахъ подсвѣчники одни.
И что жъ? Подсвѣчникъ тутъ одинъ развеличался
И такъ огарку говоритъ,
Который въ немъ еще горитъ:
Ну, что ты здѣсь, вонючій, растрещался?
Смотри, какъ ты...
Вотъ..... все мое ты обонянье...
. . . . . .
Огарокъ отвѣчалъ
Въ суд(ейской) нуженъ ты весьма для украшенья
Но пользы отъ тебя въ дѣлахъ не ожидай никакъ.
Я свѣчу, и безъ меня
Сегодня не было бъ ни одного рѣшенья.

II.

ОРЕЛЪ И ОХОТНИКЪ.

Пернатыхъ царь орелъ
На каменной скалѣ нахмурившись сидѣлъ
И на поля вокругъ онъ быстро озирался.
Орлу на сердцѣ не легко:
Ужъ солнце было высоко,
А въ добычу ему никто не попадался,
И сильно онъ проголодался.
[Въ несчастьѣ это мнѣ извѣстно по себѣ,
Кому пенять, коль не судьбѣ?
Орелъ на ней..... за то, что онъ не кушалъ.
Охотникъ приключась въ бѣдѣ его подслушалъ
И сдѣлать вызвался ему добро.]

III.

ДВА ИЗВОЗЧИКА.

Ну, други, осовѣли!...
Ну, одры, (ну,) живѣй! Чтобъ волки васъ заѣли!
Такъ, идя у возовъ, бранилъ и погонялъ
Извозчикъ лошадей, обозъ однако-жъ сталъ.
Гляди Пахомъ его тутъ съ возомъ обогналъ.
— «Давно съ Москвы?»—«Вчерась.»—«А я такъ болѣе
Что, братъ Пахомушка! Ума не приложу, [недѣли,
Съ десятокъ одровъ я держу,
Совсѣмъ меня постръла съѣли,
А на возы, кажись, гружу
Не такъ чтобы по многу,
Ну истинно, совсѣмъ погибъ.
Какъ идетъ у тебя?»—«Да ладно, слава Богу!
Сотняжку нынѣшнимъ путемъ себѣ зашибъ».
— «Вотъ какъ тутъ не возьметъ кручина.
Скажи-жъ, сосѣдушка, со мной что за причина!
Вѣдь я, братъ, тоже не дремлю,
А ихъ лишь попусту кормлю.»
— «И, кумъ, какой тебѣ ждать отъ твоихъ поживы:
Ихъ у тебя табунъ, да съ голоду чуть живы.
Попробуй-ка, съ меня примѣръ возьми,
Держи [хоть двухъ], да лучше ихъ корми.

IV.

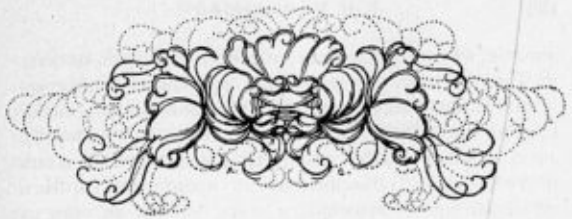
ЗАЯЦЪ.

Попался заенька въ тенета
И отведенъ ему въ жилье сарай:
[Какъ хочешь бѣгай въ немъ, играй,
Попрыгать тамъ была бы лишь охота, —
Лишь худо то, что заперты ворота.]

V.

Юпитеръ нѣкогда построить вздумалъ домъ.
Извѣстно, какъ живали пышно боги!
Въ Гомерѣ образецъ остался ихъ хоромъ.
Такъ Зевсу надобны чертоги...
. . . . . .
И подлинно везутъ, тащатъ со всѣхъ сторонъ
. . . . . .
Дубъ цѣлый волокутъ тяжелый
. . . . . барсъ. . . .
Сурокъ несетъ. . . .
А..... изъ ближняго оврага
Кусочекъ глины.

И. А. Крыловъ.



О ДВУХЪ ПУТЯХЪ ДОБРА.

(Два доклада, прочитанныхъ въ Петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ).

I.

Происходящій на нашихъ собраніяхъ споръ о бракѣ представляетъ лично для меня исключительно захватывающій интересъ, какъ яркая иллюстрація къ занимающему меня философскому ученію, которое я называю: «Ученіемъ о двухъ путяхъ добра». Мнѣ кажется, что въ философскомъ освѣщеніи споръ этотъ и для всѣхъ насъ получитъ большую выразительность. Я, конечно, не стану излагать означенное ученіе, но приведу лишь послѣдній его выводъ, чтобы сдѣлать понятными послѣдующія разсужденія.

Система нравственности, обыкновенно, строится на предположеніи, что жизнь является поприщемъ борьбы двухъ началъ—добра и зла. Вотъ это предположеніе я и считаю ложнымъ, и объясняю его односторонностью чувственнаго разума. Въ дѣйствительности, нравственная проблема заключается не столько въ борьбѣ добра со зломъ, сколько въ борьбѣ добра съ добромъ, въ борьбѣ двухъ идеаловъ добра, ведущихъ насъ въ противоположныя стороны, но къ одной и той же цѣли. Въ при-

миреніи, въ синтезѣ этихъ двухъ враждующихъ началъ, въ слияніи ихъ въ двуединый нравственный законъ жизни заключается высшая цѣль философіи и религіи. Еслибы кому-нибудь изъ васъ мысль моя о борьбѣ двухъ идеаловъ добра показалась парадоксальной и онъ потребовалъ бы объяснительныхъ примѣровъ, то, какъ на самый яркій примѣръ, я могъ бы указать ему на происходящій въ нашихъ собраніяхъ споръ о бракѣ. Мнѣ даже сдается, что только съ точки зрѣнія моральнаго двуединства настоящій споръ пріобрѣтаетъ смыслъ и значительность.

Въ самомъ дѣлѣ, вдумайтесь въ то, кто споритъ, и о чемъ ведется споръ, или вѣрнѣе, ведутся споры. Ибо передъ нами ведется не одинъ, а нѣсколько споровъ, два явныхъ и одинъ скрытый, невысказанный, но тѣмъ болѣе жгучій и содержательный. Два явныхъ спора ведутся: первый—между о. Михаиломъ и Львомъ Толстымъ, второй—между о. Михаиломъ же и Розановымъ, а между кѣмъ идетъ третій споръ увидите сами.

Итакъ, съ одной стороны представитель церкви, монахъ, а съ другой—восторженнѣйшій во всемірной литературѣ апологетъ семьи и дѣторожденія, художникъ, увѣнчавшій эпопею великой войны изображеніемъ дѣтскихъ пеленокъ, создавшій апоѳеозъ материнства въ картинѣ родовъ Китти, словомъ, о. Михаилъ и Л. Толстой спорятъ о семьѣ. «Семья, — говоритъ художникъ, — это скверна и жестокость, дѣторожденіе — залогъ нашего несовершенства, единственная же прекрасная и согласная съ завѣтомъ Христа жизнь, это — цѣломудріе и дѣвство». «Нѣтъ, — отвѣчаетъ монахъ, — о дѣвствѣ я говорить не намѣренъ, но семейный союзъ святъ и чистъ до дна, до физіологическаго акта включительно». Художникъ вздыхаетъ по святости дѣвства, монахъ заступается за физіологическій моментъ въ бракѣ.

Это одинъ споръ. Другой, столь же необычайный, ведется между о. Михаиломъ и Розановымъ. «Семья, — говоритъ Розановъ, — единственное благо, дѣторожденіе — единственная святыня, дѣвство — извращеніе природы, смертельный ядъ, который церковь тайкомъ опустила въ напитокъ жизни». «Да,—отвѣчаетъ о. Михаилъ,—я во всемъ согласенъ съ Розановымъ».

Изъ этого простого перечня спорныхъ пунктовъ неужели вы не видите, что дѣйствительный споръ ведется не между Церковью и Толстымъ и не между Церковью и Розановымъ, а единственно между Толстымъ съ одной стороны и Розановымъ — съ другой, между идеаломъ дѣвства и идеаломъ любовничества, между двумя путями добра, между двумя полюсами нравственности? Если же оба спорщика нападаютъ на Церковь, то это происходитъ отъ того, что одна только Церковь (мистическая) хранитъ въ себѣ синтезъ обоихъ идеаловъ, всю полноту нравственной красоты, и вотъ за эту полноту и цѣлостность на нее съ двухъ сторонъ ополчаются представители двухъ односторонихъ идеаловъ. «Ты хочешь освящать не святое», — говоритъ Церкви Толстой. «Ты не хочешь освящать святое»,—говоритъ Ей Розановъ. «Ты идешь противъ слова Божія, запретившаго смотрѣть съ вожделѣніемъ на собственную жену», — говоритъ Толстой. «Ты идешь противъ слова Божія, повелѣвшаго множиться и плодиться», — говоритъ Розановъ. «Запрети всякій бракъ», — взываетъ Толстой.« Разрѣши всякій бракъ»,—взываетъ Розановъ. Я приглашаю васъ взглянуть на этотъ споръ въ свѣтѣ философской мысли, въ лучахъ ученія о двухъ путяхъ добра. Дѣлая это, мы въ одно и то же время будемъ философствовать и созерцать одно изъ любопытнѣйшихъ зрѣлищъ, — борьбу двухъ вѣчныхъ идей, но не отвлеченныхъ, а воплотившихся, одѣтыхъ лицомъ и голосомъ.

Сами спорщики другъ друга не видятъ и наносятъ удары, какъ бы въ темнотѣ. Въ особенности ослѣпленъ Розановъ, полагающій, что сражается съ Церковью въ

то время, какъ онъ поражаетъ въ сердце самую прекрасную мечту современности.

Вы помните слова Розанова, что Церковь подставила вмѣсто брака вѣнчанье и, устами благословляя семейную любовь и чадородіе, сердцемъ презираетъ плотское житіе, считаетъ его гнусной рогожей, и что въ то время, когда священникъ прикладываетъ къ рогожѣ пломбу вѣнчанія на ней топчутся ногами гг. монашествующіе. Вотъ почему, замѣчаетъ Розановъ, въ обрядѣ вѣнчанія не говорится о цвѣтахъ, звѣздахъ, объятіяхъ. Согласимся съ этимъ. Кто же считаетъ плотское житіе не гнусной рогожей, а цвѣточнымъ ковромъ? Конечно, поэты, воспѣватели любовничества. Такъ вотъ, хочется спросить Розанова, неужели онъ не читалъ ни одного поэта 19 вѣка и не знаетъ, что всѣ новые поэты воспѣвали не только радости любви, но и разочарованія отъ любви, что пессимизмъ европейской литературы не что иное, какъ отрицаніе любовничества и жажда цѣломудрія. «Любить, но на время не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно». Вотъ формула, которой Лермонтовъ опредѣляетъ это новое отношеніе къ любовничеству. Не скажетъ ли Розановъ и о Лермонтовѣ, какъ о проф. Барсовѣ, что онъ «сболтнулъ?» А если скажетъ, то на него можно бы обрушить не одинъ библіотечный шкафъ и разлавить его литературой англійской, французской, итальянской, русской. Не только поэты, художники минутныхъ настроеній, но и романисты развѣнчиваютъ любовь, жаждутъ дѣвства и цѣломудрія. Весь французскій романъ — сплошной обвинительный актъ противъ любовничества. Мопассанъ вопіетъ о цѣломудріи, Гюисмансъ бѣжитъ въ монастырь къ траппистамъ, Аннунціо, подражая имъ, въ первой части своихъ романовъ, прославляетъ, а въ послѣдней проклинаетъ плотское житіе. Что же сказать о Достоевскомъ, творцѣ Алеши Карамазова и старца Зосимы? Что сказать о Толстомъ? О Крейцеровой сонатѣ, потрясшей весь міръ, какъ ни одно изъ литературныхъ произведеній съ тѣхъ поръ какъ существуетъ книгопечатаніе? Итакъ, кто же признаетъ плотское житіе гнусной рогожей,—Церковь и гг. монашествующіе или интеллигенція, мы сами и наши любимые писатели? Кто топчется ногами на этой рогожѣ, — монахи или свѣтскіе художники? Противъ кого направлено оружіе Розанова — противъ Церкви, будто бы искажающей человѣческую природу, или противъ психологовъ-поэтовъ, знатоковъ человѣческой природы?

Невольно спрашиваешь себя: какъ могло случиться, что Розановъ при его чуткости и талантливости могъ проглядѣть цѣлую сторону современности? Въ лучахъ ученія о двухъ путяхъ добра недоразумѣніе раскрывается само собой. Ослѣпленный культомъ семьи и любовничества, Розановъ не видитъ, въ ослѣпленіи не можетъ видѣть другого пути добра, — идеала дѣвства и цѣломудрія. Ему кажется, что оба эти идеала исключаютъ одинъ другой. И вотъ почему, узрѣвъ на груди Церкви мистическую розу цѣломудрія, Розановъ не долженъ вѣрить въ искреннее отношеніе Церкви къ браку. Не можетъ Церковь сердцемъ благословить бракъ, поклоняясь идеалу безбрачія, думаетъ Розановъ. По мнѣнію Розанова, Церковь только терпитъ бракъ и этимъ какъ бы невольно превращаетъ весь міръ въ домъ терпимости,—вотъ сущность его обвиненія. И если Розановъ философски правъ, если въ самомъ дѣлѣ оба идеала добра не совмѣстимы и непримиримы, то его нападки на Церковь въ той же степени неотразимы. Если же, наоборотъ, нравственная истина заключается въ мистическомъ синтезѣ двухъ элементовъ добра, то правда, вѣчная правда на сторонѣ Церкви, а на сторонѣ Розанова — неистовое съ завязанными глазами, размахиваніе рапирой въ темномъ углу.

— Какъ же, — вопрошаетъ Розановъ, — совмѣстить два разныхъ идеала или, по его нефилософскому выра-

женію, двѣ категоріи? Если дѣвство свято и бракъ такъ же святъ, то не то же ли это самое, что сказать: «Здоровье хорошо, а болѣзнь восхитительна», «Ученье—свѣтъ, а неученье сіянье» и т. д. Продолжимъ же умозаключенія Розанова и рѣшимъ: «Если въ живописи нужны бѣлыя краски, то черныя должны быть навсегда изгнаны съ палитры»; «если веселые мотивы отрадны въ музыкѣ, то грустные нетерпимы»; «если природу можно изучать посредствомъ телескопа, то безумно пользоваться микроскопомъ»; «если постоянное умноженіе приводитъ насъ къ безконечности, то постоянное дѣленіе приведетъ къ единицѣ»; «если, поѣхавъ вправо, мы объѣдемъ земной шаръ и вернемся къ точкѣ отправленія, то, поѣхавъ влѣво, мы провалимся въ таръ-тарары» и т. д. Здѣсь, конечно, не мѣсто логическому спору, но я бы хотѣлъ убѣдить васъ, что вопросъ о бракѣ и дѣвствѣ можетъ быть рѣшенъ только философски, во внутреннемъ откровеніи разума.

Въ своемъ ослѣпленіи Розановъ смѣшиваетъ важное и второстепенное, вѣчное и минутное, мистическое и публицистическое. Одними и тѣми же доводами онъ желаетъ перемѣстить центръ миститизма изъ Новаго Завѣта въ Ветхій и въ то же время добиться развода и гражданскаго брака. Но и соглашаясь съ Розановымъ въ его борьбѣ за свободный бракъ и свободный разводъ, нельзя не видѣть насколько онъ ослѣпленъ своими надеждами. Вѣдь гражданскій бракъ и свободный разводъ существуетъ на Западѣ, а развѣ семейная жизнь очистилась тамъ отъ адюльтера, развѣ на одного ребенка, убитаго косою вдовой изъ стыда, не приходится тамъ тысяча дѣтей, убиваемыхъ, вытравляемыхъ изъ безстыдства, развѣ при гражданскомъ бракѣ менѣе покинутыхъ женщинъ и безпризорныхъ дѣтей? Но вопросъ о разводѣ—частный эпизодъ въ нашемъ спорѣ. Всякое законодательство,—и церковное въ томъ числѣ—совершенствуется... Если Новый Завѣтъ виноватъ въ

слезахъ Повалошвейковскихъ, (о которыхъ упоминаетъ Розановъ), то, вѣроятно, и Ветхій Завѣтъ повиненъ въ чьихъ-либо слезахъ, хотя бы той отроковицы, у которой не нашлось дѣвства и о которой Моисей повелѣлъ: «Отроковицу пусть приведутъ къ дверямъ дома отца его и жители города ея побьютъ ее камнями до смерти». Вѣдь кто знаетъ, можетъ-быть, и эта отроковица была кривая или хромая и, отчаявшись найти перваго мужа, какъ толстовская вдова—второго, отдалась временному супругу, дабы исполнить завѣтъ Іеговы: «влеченіе твое къ мужу твоему». Исполнила Божій завѣтъ, передъ Моисеемъ и Розановымъ права, а вотъ поди же: «И жители города ея побьютъ ее камнями до смерти»...

Вообще любопытно видѣть, какъ, ослѣпленный своимъ односторонним идеаломъ, Розановъ теряетъ свою обычную чуткость и на родной ему почвѣ. Ему кажется, что брачащаяся пара входитъ въ христіанскій храмъ, какъ страшно чуждые и даже враждебные гости, и что между мрачными ликами изможденныхъ старцевъ на иконахъ и веселыми лицами новобрачныхъ существуетъ лишь «несовмѣстимость категорій», «расхожденіе категорій». Не видитъ Розановъ, что столь дорогое ему и и всѣмъ намъ романтическое любовничество со звѣздами, цвѣтами и вздохами составляетъ даръ христіанской, а не библейской мистики. Отъ ветхозавѣтныхъ словъ: «и влеченіе твое къ мужу твоему, и онъ будетъ господствовать надъ тобою»—хоть три тысячелѣтія скачи, ни до одного сонета Данте къ Беатриче не доѣдешь, а развѣ доберешься до арабской и персидской страстности, въ родѣ той, которою дышитъ Пѣсня пѣсней: «Шея твоя, какъ столпъ Давидовъ, два сосца твоихъ, какъ двойни молодой серны». Наши же любовныя воздыханія, обращенныя не только къ прелестямъ, но и къ мистической, вѣчно женственной или, вѣрнѣе, вѣчно дѣвственной прелести любимаго существа, подслушаны въ христіанскихъ храмахъ, въ молитвахъ отшельниковъ, въ культѣ Богоматери.

Вотъ этимъ своимъ культомъ какъ и всѣмъ своимъ мистическимъ строемъ, а не вѣнчальными молитвами, Церковь преобразуетъ плотскій союзъ, уподобляя его союзу Христа съ Церковью, такъ что проф. Барсовъ уже не совсѣмъ «сболтнулъ». Розанову кажется, что разладъ между храмомъ и бракомъ проходитъ незамѣченнымъ вслѣдствіе разсѣянности новобрачныхъ. Но представимъ себѣ внимательныхъ жениха и невѣсту, глядящихъ кругомъ на стѣны храма и на лики святыхъ. Что они испытаютъ? Это зависитъ отъ качества, отъ строя ихъ любви. Если любовь ихъ настроена только на восторги передъ шеей и двумя сосцами, они, можетъ-быть, почувствуютъ себя въ чужомъ и враждебномъ мѣстѣ. Если же они любятъ какъ любилъ Данте, или возьмемъ примѣръ болѣе близкій намъ, какъ Пушкинъ любилъ свою невѣсту, когда писалъ ей:

Исполнилось мое желаніе: Творецъ
Тебя мнѣ ниспославъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести, чистѣйшій образецъ,—

то они, увидѣвъ на иконахъ образъ Мадоны и святыхъ,— вся жизнь которыхъ была непрестанной ей молитвой,— почувствуютъ себя въ самомъ родномъ и дорогомъ мѣстѣ.

Повторяю, вопросъ о бракѣ можетъ быть рѣшенъ только философски, но кто вступитъ на путь истиннаго философскаго синтеза, тому по пути встрѣтится Христосъ, по той простой причинѣ, что во Христѣ была истина. Ошибка Розанова, какъ и Толстого, въ томъ, что каждый изъ нихъ видитъ только одинъ идеалъ добра и во имя его отрицаетъ противуположный. Но я долженъ сознаться, что въ этомъ заблужденіи, въ этой односторонности Розанова скрыта также и его сила. И если я позволяю себѣ такъ рѣшительно опровергать его взглядъ, то дѣлаю это не потому, что мало цѣню, а потому, что ставлю его весьма высоко и вполнѣ согласенъ съ оцѣнкой его дарованія, сдѣланной Мережковскимъ. Въ культѣ семьи и вообще въ моментѣ пола Розановъ прозрѣлъ мистическія глубины, о которыхъ до него мало кому снилось. Вѣдь въ сущности неистовый тонъ полемики Розанова съ Церковью вызванъ опасеніемъ его, какъ бы моменту пола не была представлена въ жизни второстепенная, служебная роль. У меня же, при видѣ этого неистовства, является опасеніе, какъ бы этотъ односторонній талантъ въ своемъ ослѣпленіи не затопталъ нѣжные, пока еще слабые всходы современнаго мистицизма. Углубляйте пониманіе Ветхаго Завѣта, отыскивайте въ его нѣдрахъ золотоносныя жилы, гдѣ раньше васъ другіе видѣли одинъ песокъ, извлекайте, какъ новый Моисей, живую воду изъ безплоднаго камня восточныхъ культовъ, но, ради Бога, не касайтесь мистической Розы на груди Церкви: ея символики вы не понимаете, ея аромата вы не чувствуете!

II.

Возраженія Розанова направлены главнымъ образомъ противъ вѣрности двухъ-трехъ употребленныхъ мной аналогій. Я для наглядности сравнилъ полярность и равноцѣнность двухъ путей добра съ равноцѣнностью въ живописи бѣлой и темной краски или съ полярностью земной сферы. Но развѣ кромѣ бѣлой и черной краски,— возражаетъ Розановъ,—нѣтъ другихъ—красной, желтой, синей? Развѣ кромѣ направленія на востокъ и западъ нѣтъ безчисленныхъ другихъ направленій? И отсюда неожиданный выводъ, что я признаю или долженъ признать—не два пути добра, а множество ихъ.

Конечно, можно бы придумать другія сравненія. Можно бы, напримѣръ, сравнить два идеала нравствен-

ности съ двумя полюсами электрической батареи, но Розановъ тогда возразитъ мнѣ: а куда дѣлъ я скляики, жидкости, проволоки? Можно бы также сравнить двуединство нравственнаго идеала съ двуединствомъ человѣческой личности, состоящей изъ духа и тѣла, но тогда Розановъ, пожалуй, возразитъ, что у человѣка, кромѣ духа и тѣла, есть еще отецъ, мать, родина, паспортъ. Хочется спросить: „неужели сравненія и аналогіи могутъ хоть сколько-нибудь вліять на отыскиваемую нами истину? И если я все-таки намѣренъ заступиться за свои сравненія, то лишь потому, что они вѣрны, но, конечно, не въ нихъ дѣло.

Очевидно, Розановъ полагаетъ, что признавать два пути добра то же самое, что отрицать различіе между добромъ и зломъ. Иначе онъ не задалъ бы мнѣ ироническаго вопроса: считаю ли я, при двухъ путяхъ добра, одинаково хорошими: прислугу честную и прислугу обкрадывающую? Нѣтъ, не считаю ихъ одинаково хорошими. Зло существуетъ и даже дважды существуетъ — на каждомъ изъ двухъ путей добра. Бракъ безъ любви есть зло, бракъ въ многоженствѣ есть зло; точно такъ же какъ дѣвство лицемѣрное есть зло, дѣвство скопческое есть зло. Въ каждомъ изъ двухъ направленій есть далекое и близкое, добро и зло, но оба путника, удаляясь отъ исходной точки и другъ отъ друга, въ то же время съ каждымъ шагомъ приближаются другъ къ другу и когда разстояніе между ними здѣсь становится максимальнымъ, они тамъ сходятся въ общей цѣли. Истинное любовничество, сліяніе двухъ существъ духомъ и тѣломъ воедино и истинное дѣвство, сбереженіе своего тѣлеснаго и духовнаго одиночества, при всей отдаленности обоихъ идеаловъ во внѣшнемъ поведеніи, сливаются во внутреннемъ восторгѣ. Оба идеала равноцѣнны, равносвяты, равнобожественны.

Но, возражаетъ Розановъ, направленій не два, а множество. Конечно, множество, но развѣ это измѣняетъ

законы полярности? Если одинъ путникъ пойдетъ на востокъ, то другой встрѣтится съ нимъ, идя на западъ; если первый пойдетъ на сѣверо-востокъ, другой долженъ отправиться на юго-западъ и т. д. Но всегда въ каждой плоскости два противоположныхъ пути сольются въ общей точкѣ. И въ мірѣ нравственности есть множество плоскостей, но до сихъ поръ наши разсужденія касались только одной изъ нихъ—отношеній между полами. Кто же не знаетъ, что идеалъ отреченія заключаетъ въ себѣ не только обѣтъ дѣвства, равно какъ идеалъ удовлетворенія не одно любовничество. Возьмемъ какую-нибудь другую плоскость—хотя бы отношеніе человѣка къ своей волѣ. На пути удовлетворенія идеалъ велитъ закалить свою волю и проявлять ее во внѣшней храбрости. На пути отреченія идеалъ повелѣваетъ противуположное. «Передъ свидѣтелями ангеловъ, — говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, — раздери передъ ними, раздери хартію своей воли». Вы отлично видите, что это безволіе-добро ничего общаго не имѣетъ съ безволіемъ-зломъ, съ расшатанной, дряблой волей, что безволіе отреченія свидѣтельствуетъ о такомъ же безстрашіи и закалѣ душевномъ, какъ и воля героя, но только въ противуположномъ направленіи. Или возьмемъ плоскость чести... На одномъ пути добра чувство чести—величайшая святыня, за малѣйшій ущербъ которой надо положить жизнь. На другомъ пути святыня называется добровольнымъ униженіемъ. «Пей поруганіе, какъ воду жизни отъ всякаго человѣка»,—говоритъ тотъ же Лѣствичникъ. Но развѣ это безчестіе хоть сколько-нибудь похоже на безчестіе труса, проглотившаго оскорбленіе изъ малодушія? Отъ такого труса, не смывшаго поруганіе кровью, рыцарь чести отвернется съ презрѣніемъ, но этотъ же рыцарь съ благоговѣніемъ склонится передъ тѣмъ, кто «пьетъ поруганіе какъ воду жизни». Возьмемъ плоскость отношенія къ неправдѣ и злу. На одномъ пути долгъ велитъ бороться со зломъ безъ устали, рубить головы

Лернейской гидрѣ до послѣдней. На другомъ пути долгъ повелѣваетъ: не противися злому. Смѣшеніе обоихъ идеаловъ, увѣренность, что путь добра одинъ, незнаніе закона полярности были причиной того, что Толстой и самъ запутался въ проповѣди непротивленія и спуталъ ею русское общество, которое долгіе годы въ ослѣпленіи не знало, что съ нею дѣлать: проповѣдывается несомнѣнно доброе, святое, а сердце его не воспринимаетъ. Причина же этой смуты была та, что на пути общественности и служенія людямъ Толстой проповѣдывалъ идеалъ, годный на пути удаленія отъ людей и служенія Богу. Ромео, спѣшащему на свиданіе съ Джульетой, чтобы извѣдать съ ней святыню соединенія, онъ сунулъ въ руки Адамову голову и горсть пепла. Такихъ плоскостей въ мірѣ нравственности въ самомъ дѣлѣ множество, какъ цвѣтовъ въ спектрѣ, какъ направленій въ пространствѣ. Но неужели Розановъ не видитъ, что это множество направленій не ослабляетъ, но укрѣпляетъ, тысячекратно подтверждаетъ ученіе о двухъ путяхъ добра.

Другое возраженіе Розанова состоитъ въ томъ, что выборъ направленія въ пространствѣ не составляетъ спорной альтернативы: могу поѣхать направо, могу—налѣво, сегодня—направо, завтра—налѣво. Между тѣмъ альтернатива брака и дѣвства раздираетъ волю: или дѣвство, или бракъ. Это возраженіе въ сущности скрываетъ въ себѣ два: одно о спорности обоихъ идеаловъ, другое объ ихъ несовмѣстимости.—Начну съ перваго.

Розановъ ошибается, думая, что выборъ направленія въ пространствѣ былъ всегда принципіально безспоренъ. Когда сферическая форма земли не была извѣстна, желаніе Колумба ѣхать въ Индію не направо, а налѣво вызвало ожесточеннѣйшіе споры. Но форма земли могла быть нагляднo доказана. Въ области же духа экспериментальныхъ доказательствъ не существуетъ. Главная причина спора заключается въ томъ, что люди смѣшиваютъ

нравственную цѣль съ путями, ведущими къ ней. Цѣль едина; по отношенію къ ней всякая двойственность кажется двоедушіемъ, ложью, притворствомъ. Цѣль едина, какъ единъ Отецъ. Но пути двойственны, какъ двойственна природа Христа. На спорность обоихъ идеаловъ добра ссылался и я. Въ томъ, что люди, равно искренные, глубокіе и даровитые разбились на два лагеря, которые вѣками оспаривали и до сего дня оспариваютъ одинъ изъ двухъ идеаловъ, я вижу несомнѣннѣйшее доказательство полярности ихъ обоихъ. Розановъ же, наоборотъ, въ какомъ-то извращенномъ логическомъ процессѣ хочетъ на спорности двухъ мнѣній основать безспорность одного изъ нихъ. Онъ какъ бы взываетъ къ намъ, говоря: признайте мою правоту, потому что противъ меня спорятъ.

Въ прошлый разъ я указалъ на этотъ споръ не только въ общихъ чертахъ, но и въ фактическихъ подробностяхъ, о которыхъ Розановъ не упоминаетъ ни словомъ и, увѣренъ я, будетъ замалчивать до конца. А между тѣмъ, чрезвычайно знаменательно, что идеалъ любовничества и брака набилъ оскомину человѣчеству, а идеалъ цѣломудрія снова возникъ въ требовательномъ могуществѣ.

«Твоя любовь—распутство»—говоритъ Байронъ, обращаясь къ человѣчеству. «Не стоитъ любить»—вторитъ Лермонтовъ. Но противъ пессимизма поэтовъ можно всегда возразить, что они разочаровались не въ любви, а въ излишествахъ любви. Поэтому особое значеніе пріобрѣтаетъ примѣръ Толстого. «Достиженіе цѣли, соединеніе въ бракѣ или внѣ брака съ предметомъ любви,—говоритъ онъ въ Послѣсловіи,—есть цѣль, недостойная человѣка». Церковь, поклоняющуюся идеалу цѣломудрія, Розановъ обвиняетъ въ исканіи власти и почестей, другой обвиняетъ въ стремленіи къ земнымъ благамъ, третій—въ расчетѣ на загробное воздаяніе сторицею. А о Толстого всѣ эти обвиненія разобьются, какъ о скалу. Про

повѣдуя идеалъ дѣвства, онъ изъ господствующей Церкви вышелъ; власти надъ умами достигъ и раньше, поэтизируя семью; загробнаго воздаянія не ждетъ. И все же я предвижу возможность возраженія. Толстой, молъ, отравленъ духомъ Евангелія, извратившаго, по мнѣнію Розанова, природу человѣка тѣмъ, что лукаво нашепталъ ему мечту о цѣломудріи, объ одиночествѣ, вопреки слову Ветхаго Завѣта, что не хорошо быть человѣку одному. Вотъ почему я укажу вамъ еще на одно явленіе, можетъ-быть, самое убѣдительное въ нашемъ спорѣ.

Всѣ выслушанныя нами нападки на церковный идеалъ дѣвства представляютъ въ сущности полное повтореніе доводовъ, цитатъ, которыми въ свое время реформація ополчилась на монашескій идеалъ въ католичествѣ. Реформація побѣдила, устроила жизнь на основахъ семьи и общественности, заложила рогаткой путь аскетизма. Еслибы реформація была права и въ этомъ отношеніи, какъ она была во многихъ другихъ, еслибы идеалъ дѣвства былъ извращеніемъ природы, то ложь, однажды изобличенная, уже не возникла бы въ томъ же сознаніи. И наоборотъ: если идеалъ дѣвства имманентенъ человѣческой природѣ, то, изгнанный изъ религіозной сферы, онъ необходимо долженъ былъ возникнуть въ другой области. На этотъ вопросъ исторія отвѣчаетъ съ осязательной опредѣленностью. Именно въ протестантствѣ идеалъ отреченія съ необычайной силой возникъ, вспыхнулъ въ философскомъ пессимизмѣ, въ тѣхъ ученіяхъ, которыя, въ отличіе отъ другихъ философскихъ системъ, не запылились въ кабинетахъ профессоровъ, а вышли на улицу, овладѣли фантазіей толпы, измѣнили лицо земли. Ошибки Толстого, спутавшаго идеалъ служенія съ идеаломъ отреченія, видѣвшаго въ цѣломудріи подспорье къ человѣколюбію, Шопенгауеръ уже не дѣлаетъ. По его ученію, кто прозрѣлъ истину міра, позналъ существо вещей само въ себѣ, тотъ «переходитъ отъ добродѣтели къ аскетизму».

«Ему недостаточно любить другихъ, какъ самого себя, а въ немъ возникаетъ отвращеніе къ существу, коего выраженіемъ служитъ собственное его явленіе, къ волѣ жизни, къ зерну и сущности того міра, который имъ признанъ столь несчастнымъ». Благодушная односторонность реформаціи привела къ односторонности пессимизма, къ отрицанію общественности, къ отчаянію. Замѣчательно, что великій врагъ христіанства—Ницше, разошедшійся съ Шопенгауеромъ во всѣхъ пунктахъ, однако въ культѣ цѣломудрія остался ему вѣренъ. «Никогда еще — восклицаетъ Заратустра — не встрѣчалъ я женщины, отъ которой хотѣлось бы мнѣ имѣть дѣтей,— пусть же будетъ Вѣчность тою женщиной, которую люблю я, ибо люблю я тебя, о Вѣчность». Природа, прогнанная въ дверь историческаго христіанства, вернулась въ окно буддизма; прогнанная оттуда, она проникаетъ сквозь щели декадентства, и такъ безъ конца.

Теперь, можетъ-быть, Розановъ пойметъ, почему я такъ настойчиво полемизирую съ нимъ. Замкнувшись въ своемъ слезливомъ благодушіи, стоя внѣ философіи и внѣ исторіи, смѣшивая полицейскія правила относительно брака и развода съ переоцѣнкой Ветхаго и Новаго Завѣта, Розановъ не видитъ, что всякая односторонняя мораль есть открытое русло для пессимизма. У тѣхъ, кто хлебнулъ этой горькой волны, всѣ проблемы морали сводятся къ одной—къ борьбѣ съ пессимизмомъ. Но бороться съ этой болѣзнью возможно лишь однимъ средствомъ, прививая къ душѣ идеалъ отреченія.

— Кланяюсь вамъ,— говоритъ Розановъ, обращаясь къ монахамъ,— ѣду добывать другого престола.

— Но куда? — спросимъ Розанова. — Въ поэзіи, въ романѣ, въ философіи, въ современномъ мистицизмѣ,— всадѣ на всѣхъ компасахъ мысли и чувства стрѣлка повернулась къ полюсу цѣломудрія.

Наконецъ, послѣднее возраженіе Розанова—о несовмѣстимости обоихъ идеаловъ. Пусть бракъ и безбра-

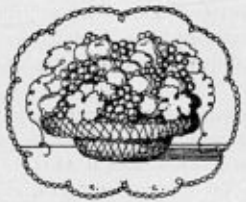
чіе—два пути добра, но нельзя же совмѣстить двѣ противоположности, какъ нельзя въ одно и то же время шагать и направо и налѣво. Розановъ, конечно, не видитъ, что онъ и тутъ, какъ во всемъ этомъ спорѣ, стрѣляетъ, по выраженію Шопенгауера, въ скалу: скалы не разобьетъ, а удары рикошетомъ наноситъ самому себѣ. Если правда, что въ жизни индивидуума оба идеала несовмѣстимы, то Церковь слѣдуетъ признать единственной обладательницей истины, ибо въ Церкви синтезъ брака и безбрачія осуществленъ, правда, не индивидуально, а общественно. Я такъ далеко не иду. Въ исторической Церкви я вижу единственно воплощенный до сихъ поръ синтезъ обоихъ идеаловъ, но не единственно-возможный. Я вѣрю, что въ Церкви мистической, въ словахъ Христа, а равно во внутреннемъ откровеніи разума таятся не одна возможность болѣе полнаго и болѣе внутренняго сліянія двухъ идеаловъ, даже въ жизни одного и того же индивидуума.

Наша брачная жизнь представляетъ собою не синтезъ, а компромиссъ обоихъ идеаловъ, посильный для средняго человѣка и наилучшимъ образомъ обезпечивающій интересы безправной женщины и беззащитныхъ дѣтей. Въ нашей семьѣ и любовничество, и цѣломудріе слиты въ общемъ смутномъ рисункѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что ни отъ чего человѣчество такъ не истомилось и не изболѣлось, какъ отъ компромисса скучающей страсти и заспаннаго воздержанія въ лонѣ семьи. Розановъ же, предлагая въ видѣ панацеи отъ всѣхъ золъ эту семью съ придаткомъ развода, напоминаетъ Пульхерію Ивановну въ то время, когда она на жалобы объѣвшагося Аѳанасія Ивановича на боль въ желудкѣ совѣтуетъ ему «чего-нибудь поѣсть».

Замѣна мѣщанскаго компромисса семьи просвѣтленнымъ синтезомъ обоихъ идеаловъ — вотъ завѣтнѣйшая мечта современнаго мистицизма, зиждущагося на культѣ не общественнаго, а личнаго совершенства, и, говоря

объ этой мечтѣ, я, быть-можетъ, обнажаю передъ нами камень, на которомъ будетъ построено будущее. Вы, конечно, не потребуете отъ меня рецептовъ такого сліянія, но очевидно, что въ будущемъ синтезѣ идеалъ цѣломудрія не потускнѣетъ, а загорится новымъ, быть можетъ, еще невиданнымъ блескомъ.

Н. Минскій.



ЧИСЛА.

1. ЧИСЛА.

Бездоннаго, предчувственнаго смысла
И благодатной мудрости полны,
Какъ имена вторыя — намъ даны
Божественныя числа.

И день, когда родимся, налагаетъ
На насъ печать завѣтнаго числа;
До смерти наши мысли и дѣла
Оно сопровождаетъ.

И между числами — межъ именами —
То близость, то сплетенье, то разладъ.
Міръ чиселъ, мы, — какъ бы единый садъ,
Съ различными цвѣтами.

Земная связь людей порою рвется,
Вотъ — кажется — и вовсе порвалась...
Но указанье правды — чиселъ связь —
Навѣки остается.

Въ одеждахъ одинаковыхъ насъ трое.
Какъ знакъ различія и общности, легло
На ткани алой — бѣлое число,
Для каждаго — родное..

Нашъ первый — 2. Второй, съ нимъ, повторяясь
Свое — для третьяго — прибавилъ — 6.
И, вотъ, въ обоихъ первыхъ — третій есть,
Изъ сложности рождаясь.

Пусть нѣтъ узла — его въ себѣ мы носимъ.
Никто сплетенныхъ чиселъ не разсѣкъ.
А числа, насъ связавшія навѣкъ,—
2, 26 и 8.

2. АЛМАЗЪ.

Вечеръ былъ ясный, предвесенній, холодный,
Зеленая небесная высота — тиха.
И былъ тотъ вечеръ — Господу неугодный,
Была годовщина нашего невольнаго грѣха.

Въ этотъ вечеръ, будто стеклянный — звонкій,
На воспоминаніе и страхъ мы осуждены.
И глянулъ изъ-за угла мѣсяцъ тонкій
Намъ въ глаза съ нехорошей, съ лѣвой стороны.

Въ этотъ вечеръ, въ этотъ вечеръ веселый,
Смѣялся мѣсяцъ, узкій, какъ золотая нить.
Люди вынесли гробъ, бѣлый, тяжелый,
И на дроги съ усиліемъ старались положить.

Мы думали о томъ, что есть у насъ братъ — Іуда,
Что предалъ онъ на грѣхъ, на кровь — не насъ;
Но не страшенъ намъ вечеръ; мы ждемъ чуда,
Ибо сердце у насъ острое, какъ алмазъ.

3. БОЖЬЯ ТВАРЬ.

За дьявола Тебя молю,
Господь! И онъ — Твое созданье.
Я дьявола за то люблю,
Что вижу въ немъ — мое страданье.

Борясь и мучаясь, онъ сѣть
Свою заботливо сплетаетъ...
И не могу я не жалѣть
Того, кто какъ и я — страдаетъ.

Когда возстанетъ наша плоть
Въ Твоемъ судѣ, для воздаянья,
О, отпусти ему, Господь,
Его безумство — за страданье.

З. Гиппіусъ.

МИМОЛЕТНОЕ.

Эхъ, старость, старость... Ѣду по Бассейной, вынимаю папироску, чтобы закурить, но беру ее не обыкновеннымъ способомъ, раскрывъ портсигаръ, а вытаскиваю черезъ широкую щель отставшей половинки. Пальто на мнѣ новое, портсигаръ—старый, и не радуетъ новое, не печалитъ худое, некрасивое. Это—старость.

Куда я дѣвался, умеръ что ли? Мои привычки, мои привязанности, моя любовь къ вещамъ осыпаются съ меня какъ старые листья съ дерева. Я расхолаживаюсь къ жизни, жизнь на мнѣ не держится. Я рѣшительно не могу сидѣть посреди пролетки. Прижмусь въ уголокъ. И совершенно равнодушенъ, кто меня обгоняетъ или кто ѣдетъ навстрѣчу. — «Куда, баринъ?» И такъ равнодушно скажешь возницѣ адресъ.

Конечно, я замѣчалъ это и прежде, но сегодня, когда вытащилъ папиросу черезъ щель въ портсигарѣ, чуть не заплакалъ. «Это окончательная старость». Я не люблю теперь ничего красиваго, не ищу ничего красиваго. А вѣдь какъ я, бывало, любилъ въ молодости именно портсигары! Помню, разъ самъ даже посмѣялся надъ собой. Это было давно. Я гдѣ-то сидѣлъ въ гостяхъ и отъ скуки подошелъ къ столу, за которымъ шла картежная игра, не большая, но благородная. У всѣхъ партнеровъ порт-

сигары ихъ лежали подъ рукой. Были изъ нихъ серебряные, съ вензелями и разными глупостями. Они всѣ были некрасивы. Но у одного партнера портсигаръ былъ изъ столь чудной кожи, безъ всякихъ украшеній,— что лѣтъ десять спустя, уже состоя на службѣ и имѣя лишнихъ рублей десять, я все подыскивалъ въ Москвѣ такой же—и не могъ найти. Въ формѣ, въ цвѣтѣ кожи были отступленія. Я увидѣлъ идеалъ и не хотѣлъ подобія. Читатель скажетъ: «глупость». Но представьте: я понялъ особую красоту кожаныхъ вещей и вообще оцѣнилъ кожу въ ея изящныхъ проявленіяхъ именно по этому помятому портсигару.

Да, я любилъ красивыя вещи. И красивую жизнь, и красивыхъ людей.

И вотъ теперь въ пыльной шляпѣ, новомъ пальто и съ продырявленнымъ портсигаромъ я ѣду по Бассейной, столь грубоко равнодушный и къ себѣ, и къ окружающему. «Да, я вышелъ весь. Выдохся, какъ выдыхается табакъ, какъ выдыхаются духи. Были духи, а черезъ тридцать лѣтъ при открытомъ горлышкѣ остается просто дрянная, не чистая, но отнюдь не душистая вода. Пить ее нельзя, душиться ею нельзя. Можно только выплеснуть. И меня нужно выплеснуть».

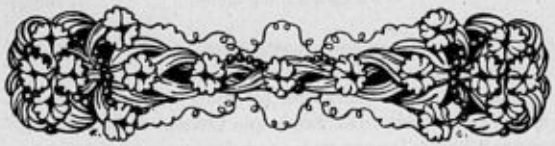
И я почти плакалъ. «Такъ проходитъ жизнь. *Куда* проходитъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, *куда* проходитъ жизнь? Водопадъ падаетъ въ море, желѣзная дорога доходитъ до станціи, а человѣкъ? Неужели человѣкъ безъ станціи, безъ конца и цѣли?.. Неужели жизнь похожа на желѣзную дорогу, которая на достаточномъ протяженіи прерывается среди пустого поля, просто потому,—что у строителя не хватило ни шпалъ, ни рельсовъ, чтобы вести ее далѣе? Неорганично? Смерть безъ безсмертія или загробной жизни превращаетъ жизнь нашу въ механическое явленіе. Безсмысленно. Невозможно.

Впрочемъ, мнѣ все равно, со станціей мы или безъ станціи. Въ этомъ-то и старость моя, что мнѣ все равно.

Это въ молодости я бы развилъ такую философію о безсмертіи души, и размазалъ бы, и увлекся бы, и увлекъ бы читателя, и размякли бы мы оба. «А, есть безсмертіе души! Вѣримъ!! Хорошо! Отлично! Пойдемте ѣсть осетрину». Теперь мнѣ ни осетрины, ни безсмертія не нужно. Просто, ничего не нужно. Ѣду, и чтобъ не трясло.

Листковъ на мнѣ уже немного. Такъ по осени торчатъ голые и некрасивые, острые сучья; не всѣ безъ зелени, но многіе безъ зелени. И болѣе всего я благодаренъ человѣчеству, что оно щадитъ меня, не ломаетъ этихъ сучьевъ, не убираетъ этого ненужнаго брюзги—Я.

В. Розановъ.



РАЗНОГЛАСЬЕ.

Какъ разногласье волнъ, что межъ собой согласны.
К. Бальмонтъ.

1. РЕЦЕПТЪ МЕФИСТОФЕЛЯ.

Я ядъ дурмана напущу
Въ сердца людей, пускай ихъ точитъ!
Въ пеньку веревки мысль вмѣщу
Для тѣхъ, кто вѣшаться захочетъ!

Подъ шумъ веселья и пировъ,
Подъ звонъ бокаловъ, трескъ литавровъ,
Я въ сферѣ чувства и умовъ
Вновь воскрешу ихтіозавровъ!

У передохнувшихъ химеръ
Займу образчики творенья,
Какихъ-то новыхъ, дикихъ вѣръ
Непочатого откровенья!

Смѣшаю я по бытію
Смрадъ тлѣнья съ жаждой идеала;
Въ умы безумья разсую,
Давъ заключенье до начала!

Сведу, помолвлю, породню
Окаменѣлость и идею,
И праздникъ смерти учиню,
Включивъ его въ Четьи-Минею.

К. Случевскій.

2. ОСВОБОЖДЕНІЕ.

(Изъ женскихъ сонетовъ).

Я не любви ищу, но легкой тайны.
Неправды милъ мнѣ вкрадчивый привѣтъ.
Моей любви пріюта въ жизни нѣтъ,
Обманъ во мнѣ—и жажда легкой тайны.

Обманъ—знакъ божества необычайный,
Надежда на несбыточный отвѣтъ.
Тотъ побѣдитъ, кто въ панцырь лжи одѣтъ,
А правда—щитъ раба, покровъ случайный.

Болѣзнью правды я какъ всѣ страдала.
Какъ мерзкій червь я ползала въ толпѣ.
Среди людей, на жизненной тропѣ,
Она меня, свободную, сковала.

Теперь передо мной широкій путь:
Прославить ложь! отъ правды отдохнуть!

Л. Вилькина.

3. ПЕРВОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Когда запретный плодъ сорвать рѣшилась Ева,
Чтобъ тайны роковой постигнуть красоту,
Смущенный взоръ ея увидѣлъ наготу,
И мысль смущенная шепнула ей: ты дѣва!

И нивы пышныя, но чуждыя посѣва,
Заколыхалися, познавъ ея мечту;
И солнце на-небѣ постигло темноту,
Смутясь отъ прелести грѣховнаго напѣва,

Стыдливо вкругъ нея склонилася листва,
Стыдливо обвилась вкругъ бѣлыхъ ногъ трава
И тѣни въ первый разъ блескъ солнца отражали.

Смущенный вѣтеръ вдаль унесся весь въ огнѣ
И волны быстрыя, родившись въ глубинѣ,
На зеркало воды стыдливо набѣжали.

С. Рафаловичъ.

4. ДВА ДРУГА.

Рабски преданъ мнѣ и вѣренъ,
Разсудителенъ, умѣренъ,
Бѣлый песъ, пріятель мой;
Онъ послушенъ, онъ безволенъ,
Боленъ онъ, когда я боленъ,
Веселъ и здоровъ со мной.

Чуждъ хулы и порицанья,
Любитъ онъ мои желанья,
Видитъ въ нихъ свою судьбу.
Онъ моей подавленъ силой,
И завоетъ надъ могилой,
Какъ и слѣдуетъ рабу...

Не таковъ мой котъ лукавый,
Черный, хитрый, величавый,
Тихій, грозный, дикій котъ.
Хмуръ иль веселъ онъ нежданно,
Золъ — нарочно, ласковъ — странно,
Нынѣ — пламя, завтра — ледъ;

Самовластенъ и мятежнъ,
Гордо — подлъ и злобно — нѣженъ,
Знаетъ онъ меня давно,
Но признать меня не хочетъ,
Непокорный когти точитъ,
Иль скрывается въ окно.

Гробу вѣренъ онъ не будетъ,
Отойдетъ и позабудетъ,
Цѣпи нѣжности кляня...
Люди! Вы покорнымъ рады.
Мнѣ же нѣтъ въ рабахъ отрады...
Богъ иль дьяволъ за меня?

С. Рафаловичъ.

5. ЛАНДЫШЪ.

И въ маѣ полдень душенъ,
Безмѣрно зной томитъ,
Но ландышъ такъ послушенъ
Въ невѣдѣньи обидъ.

Въ землѣ онъ ищетъ влаги,
А въ воздухѣ тепла,
Напоена въ оврагѣ
Его дыханьемъ мгла.

Онъ радъ бесѣдамъ дольнымъ
Листвы, травы, цвѣтовъ, —
Мечтаньямъ ихъ безбольнымъ
Не нужно звуковъ-словъ.
Полнѣй въ молчаньи нѣга,
Коронка высока, —
Она свѣжѣе снѣга
Бѣлѣе молока.

Озеръ студеныхъ сила
Съ благословеньемъ дня
На ландышѣ почила...
Дождется ли меня
Святынь твоихъ обитель,
О, чистый майскій снѣгъ,
О, ландышъ, мой Учитель,
Утѣшитель вовѣкъ.

Д. Фридбергъ.

6. ХОРЪ ДУХОВЪ БЛАГОСЛОВЛЯЮЩИХЪ.

(Изъ мистеріи).

Хвалите Бога, силы сферъ!
Хвалите Бога, души нѣдръ!
Безсонный ключъ въ ночи пещеръ!
На высотахъ шумящій кедръ!

Хвалите Бога, бурь уста!
Ревучій дождь и бьющій градъ!
И радугъ Милости врата!
И Мира влажный вертоградъ!

И горъ незыблемый порывъ!
И летъ призывный плѣнныхъ крылъ!
И все, что Богъ избралъ, открылъ!
И все, что, возлюбивъ, сокрылъ!

Валъ, громъ, и трусъ, и плачъ, и стонъ,
И рыкъ, и ревъ, и пѣснь, и рѣчь,
Душъ легкихъ лепетъ, струнный звонъ,
Звукъ—отзвукъ, систръ, и серпъ, и мечъ!

И каждый вздохъ, и каждый глазъ!
И каждый гладъ, и каждый трудъ!
Въ лучѣ проснувшійся алмазъ!
Во мракѣ—сила тайныхъ рудъ.

Въ эонрѣ пламенномъ орлы!
И рыбы струй, гдѣ пьетъ луна!
Святилища чреватой мглы!
Геенны нѣдръ, и перлы дна!

Славь Бога, Солнце! пой, Луна!
Звѣздъ зримый и незримый клиръ!
Пространства,—вы! вы,—времена,
Что, разлучивъ, сомкнули міръ.

И золотой Избытка смѣхъ,
И рдяный плодъ, и пьяный гроздъ,
И дня сверкающій доспѣхъ,
И лунный ленъ, и пологъ звѣздъ,—

Хвалите Бога!—какъ роса,
Какъ вѣнчики цвѣтовъ въ росѣ:
Въ росинкѣ каждой—небеса,
Въ душѣ единой—души всѣ!

И каждый брызгъ надъ глубиной,
И каждый облакъ высоты,
И каждый лучъ въ листвѣ лѣсной,
Въ живомъ смарагдѣ красоты,—

Хвалите Бога!—Жизнь и Смерть,
Прибой и остовъ корабля,
Богострадальная Земля,
И Боговидящая Твердь!..

Пустыня-мать! твои уста—
Стенаньемъ львовъ, дыханьемъ травъ
И вѣщимъ ропотомъ дубравъ—
Зовутъ лобзаніе Христа!

Вячеславъ Ивановъ.

7.

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ: отецъ мой, дьяволъ,
Спаси, помилуй,—я тону!

Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей.
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.

И дьяволъ взялъ меня и бросилъ
Въ полуистлѣвшую ладью,
Я тамъ нашелъ и пару веселъ,
И сѣрый парусъ, и скамью.

И вынесъ я опять на сушу
Въ больное, злое житіе,
Мою отверженную душу
И тѣло грѣшное мое.

И вѣренъ я, отецъ мой, дьяволъ,
Обѣту, даному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И ты меня изъ бездны спасъ.

Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю,
И соблазняя соблазню!

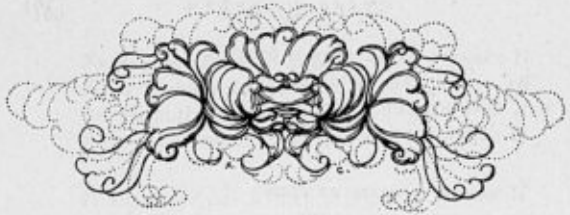
Ѳ. Сологубъ.

8.

Яростныя птицы, съ огненными перьями,
Пронеслись надъ бѣлыми райскими преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморѣ,
И умчались странницы, улетѣли за море.

Но на чистомъ мраморѣ, на порогѣ дѣвственномъ,
Что-то все алѣлося блескомъ неестественнымъ,
И въ вратахъ подъ сводами, вѣчными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

Аврелія.



ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ КЪ РОМАНУ

«ПЕТРЪ И АЛЕКСѢЙ» *).

. . . . . .

Спускъ корабля. Расположеніе столовъ и каютъ. Дешевыя блюда, копченье и соленье. Петръ на нижнемъ концѣ стола, среди корабельщиковъ. Тосты. Пушечные залпы. За царевича не пьютъ, хотя онъ присутствуетъ.

Рѣчи. Архимандритъ Ѳедосъ: Ваше Величество, милосердуя о народѣ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобъ оный изъ прежнихъ азіатскихъ обычаевъ вывесть и обучить, какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся... Единую имѣете честную несытость, дабы паче и паче Россію пользовать... Нашимъ монархомъ совершилось дѣло, о коемъ вся Европа, ставъ, удивляется... Только нашего народа люди суть коснаго разума... Нашъ низкій народъ никакихъ благодарныхъ чувствій еще не имѣетъ...

Отвѣтъ Петра: Вдругъ кривули не исправишь... Нашъ народъ, яко дѣти, которые за азбуку не примутся, пока приневолены не будутъ, и которымъ сперва досадно кажется, а какъ выучатъ, то благодарятъ, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль неволею сдѣлано? а

*) Этотъ отрывокъ, въ сильно измѣненномъ и переработанномъ видѣ, войдетъ въ III главу романа.

уже за многое благодареніе слышится, отъ чего и плодъ произошелъ. Не принявъ горькаго, не видать сладкаго...

Не корми калачемъ, да не бей въ спину кирпичемъ,—шепчетъ кто-то изъ старыхъ московскихъ бояръ.

Меньшиковъ: Не возьми, государь, яко ласкою, но суще отъ сердца со слезами говорю: ты отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни,—все тебя имѣетъ началомъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ твоего источника черпать будутъ!..

Петръ: По силѣ, сколько можемъ, трудимся, какъ Ной, надъ ковчегомъ Россіи. Твердо уповаемъ: когда нелицемѣрный Судія вопроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ врученномъ дѣлѣ,— не будемъ безотвѣтны... Плода не увидимъ, для того что долгота жизни нашей ненадежна... Самъ не совершу, однако, начну,—то будетъ другимъ послѣ меня легче сдѣлать... Довольно съ насъ нынѣ и сей единой славы, что мы начинаемъ... Единую имѣемъ мысль во всѣхъ дѣлахъ: на весь свѣтъ славна бы Русь была!..

Князь-папа шумитъ, кричитъ, требуетъ перцовки.

— Плохо ты намъ, протодьяконъ Михайловъ, угождаешь, много болтаешь, мало выпиваешь... Анаѳема тому, кто сегодня не напьется.

Петръ на колѣняхъ, извиняясь, почтительно цѣлуетъ руку князю-папѣ. Тотъ благословляетъ всѣхъ:

— Миръ и благословеніе всей честной кумпаніи! Пьянство Бахусово да будетъ съ вами!

Гости подходятъ, преклоняютъ колѣна, цѣлуютъ ему руку, принимаютъ чарку перцовки и пьютъ. Всѣ должны пить, даже дамы.

* * *

Языки развязываются. Начинается «шумство», ссоры, перебранка. Сенаторы и вельможи обвиняютъ другъ друга во взяткахъ.

— Ты имѣешь мэтреску, которая тебѣ вдвое коштуетъ противъ жалованія!...

— А рыжечки меленькіе въ сулѣечкѣ забылъ...

— Сколько нажился съ пеньковаго постава въ Адмиралтейство?...

— Эхъ, братцы, что вы другъ друга корите... У всякаго Ермишки — свои дѣлишки. Всяка жива душа калачика хочетъ! Грѣшный честенъ, грѣшный плутъ, яко всѣ грѣхомъ живутъ!

— Взятки не что иное, какъ акциденція...

— Ничего не брать отъ просителей есть дѣло сверхъестественное!..

— Однако по закону...

— Что законъ? — Дышло! Куда хочешь, туда и воротишь...

Пьяный плутъ-сенаторъ лѣзетъ цѣловаться съ Петромъ:

— Мы тебя частенько за носъ поваживаемъ!...

Петръ слушаетъ внимательно: когда воры бранятся, хозяинъ получаетъ краденный товаръ.

Апраксинъ бросилъ въ Кикина винною бутылкою; тотъ сорвалъ съ него парикъ. Шафировъ поругался съ ки. Меньшиковымъ. Князь назвалъ его жидомъ.

— Я жидъ, а ты пирожникъ!.. Вольно тебѣ лаять,— отецъ твой лаптемъ щи хлебалъ... Изъ подъ бочки тебя тащили...

И онъ принялся безчестить весь родъ его «неподобною лаею».

— Недорогой ты князь... Взятъ изъ грязи да посаженъ въ князи... «Пироги подовые»!...

— Ахъ, ты жидъ пархатый, да я тебѣ языкъ ниже пятокъ пришью!...

Тайный разговоръ царевича Алексѣя съ Вас. Долгорукимъ:

— Отчего ты у меня рѣдко бываешь, кн. Василій?

— Нельзя—отъ двора батюшкова подозрѣнье... Для того часто меня къ себѣ звать не изволь... Есть де надсмотрщики, кто къ тебѣ ѣздитъ...

— Откуда ты вѣдаешь?

— Мнѣ отъ его же двора сказывали...

— Челомъ де бью и на твоемъ жалованьи!...

— На чемъ?...

— Правда или неправда, только я слышалъ,— ты за меня у батюшки слово замолвилъ, чтобы онъ меня въ деревню жить отпустилъ...

— Я тебѣ всегда вѣрный слуга...

— Пожалуй и впредь не оставь!...

— Я всегда радъ, хотя бы и животъ свой за тебя положить... Только больше не говори, другіе смотрятъ...

Кардиналъ, шутъ Семенъ Тургеневъ, пристаетъ къ царевичу:

— Другъ ты мой сердечный, люби меня, какъ я тебя... Другъ ты мой задушевный! пьянъ я, голубчикъ? пьянъ?... Скажи на чистоту, пьянъ-ли я?...

— Пьянъ, пьянъ!...

— Ну такъ поцѣлуемся же!...

И онъ все подливаетъ царевичу.

— Выпей всю...

— Отстань, не хочу...

— Ну хоть за здоровье его святѣйшества, князя-папы...

Царевичъ оттолкнулъ его и выплеснулъ вино. Шутъ загалдѣлъ:

— Штрафъ! Штрафъ!

Всѣ окружили царевича. Онъ отказывается пить, потому что въ стаканъ, вмѣстѣ съ венгерскимъ, подлили перцовки.

— Уволь, государь-батюшка, неможется мнѣ...

— Пей, когда велятъ!...

— Пей, царевичъ... Страшно видится, а выпьется— слюбится.— Чарка на чарку, не палка на палку.— И курица пьетъ...

Царевичъ выпилъ и опьянѣлъ сразу.

Къ дверямъ приставили двойной караулъ. Уже все пьяно.

* * *

Папа галдитъ и старается плясать, поддерживаемый подъ руки.

Пляши, братъ, дѣтинка,
Надулась моя волынка...
Утоляй, брагъ, свои скуки,
Пляши, поджавъ руки!...

Петръ прихлопываетъ и подсвистываетъ:

— Ой, жги! Эхъ, разъ, по два разъ, разподхахивать горазъ.

«Весна» (особый хоръ) свиститъ птичьими голосами, такъ что эхо отдается отъ стѣнъ каюты. Вельможи срываютъ другъ съ друга парики, снимаютъ камзолы. Апраксинъ плачетъ, заливается:

— Нѣтъ у меня ни отца, ни матери, ни дома, ни покрова, несчастнѣе я всякой твари—развѣ пѣсню спѣть...

И онъ затягиваетъ хриплымъ, пьянымъ голосомъ:

Срѣжу я съ березы три пруточка,
Ой, люли, люли, три пруточка,
Сдѣлаю три гудочка,
Четвертую балалайку...

Алексѣй, уже почти пьяный, разговариваетъ съ Аврамовымъ. Онъ изображаетъ ему на губахъ:

— «Бумъ, бумъ, били-били-бумъ, бумъ-били»...—различные старинные ярославскіе и ростовскіе трезвоны.— Полиэлейонъ — бумъ-бумъ, а Голодарь подзваниваетъ малымъ гласомъ: били-били-били!...— А нынѣ звоны перемѣнили, звонятъ къ церковному пѣнью дрянью, аки на пожаръ гонятъ или всполохъ бьютъ и тѣмъ веліе поруганіе творятъ и православнымъ соблазнъ и возмущеніе...

А въ уставахъ того, чтобъ дряннымъ обычаемъ по пожарному звонить нигдѣ не указано... И прежде этого не бывало и странныхъ этихъ иноземскихъ обычаевъ вводить не смѣли...

— Ноиѣ все пошло на нѣмецкій манеръ... Съ нѣмецкой стати на дурацкую стать!..

— Въ образъ люторскихъ органовъ на колокольняхъ играютъ, церкви шпицомъ строютъ... Спасовъ образъ пишутъ по плотскому умыслу: весь яко нѣмчинъ брюхать и толстъ... Возлюбили толстоту плотскую, опровергли долу горнее... Христосъ же тонкостныя чувства имѣлъ...

Аврамовъ простоналъ:

— Охъ, охъ, бѣдная Русь, что-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ! Отъ нѣмецкаго духа не можно намъ крещенымъ живу быть!...

Вдругъ Алексѣй видитъ Петра, который внимательно слушаетъ. Сначала онъ продолжаетъ со злобнымъ вызовомъ, не потупляя глазъ подъ пристальнымъ взоромъ отца:

— Объюродѣли, всѣ мы отъ злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ сретиковъ, — объюродѣли!.. Совратясь отъ стезей отцовъ своихъ...

Вдругъ умолкаетъ, опомнившись.

Петръ со злобной усмѣшкой:

— Что же ты замолчалъ, говори, небось, я вѣдь и безъ того знаю... Чего испугался, дуракъ?...

Тогда Алексѣй притворяется совсѣмъ пьянымъ, вскакиваетъ передъ отцомъ, шатаясь, церемонно кланяется, чуть не падаетъ:

— Meines gnädigsten Papas gehorsamster Diener und Sohn!...—опускается на стулъ и, уставившись безсмысленнымъ взоромъ на Аврамова, начинаетъ опять изображать звоны:

— Слушай, Аврамка! — Бумъ, бумъ, бумъ, били-били...—и дѣлаетъ видъ, что засыпаетъ, но внимательно слушаетъ разговоръ Стефана Яворскаго съ Петромъ.

* * *

Унизительное старческое хныканье Стефана, «смиреннаго пастушка Рязанскаго»,—«подножія Государева».

— Отпусти меня... Уже трудами изможденъ... Мнѣ дворъ—келія да гробъ... Господа сенаторы съ великимъ моимъ стыдомъ изгнали меня вонъ, и съ плачемъ вышелъ я изъ палаты... Отпусти меня на покой, на безмолвіе... Умножились паче волосъ главы моей ненавидящіе меня напрасно. Да будетъ повелено прочее время мизернаго живота моего скончать мнѣ въ черническомъ безмолвіи, да не горшее что безвинно пострадаю!..

Петръ не слушаетъ Стефана и подсвистываетъ, и притопываетъ пѣсни пьянаго шута:

Заиграй, моя дубинка,
Заваляй, моя волынка,
Любо, любо моей дочкѣ,
Заиграй, моя волынка...

— Смилуйся, государь, пожалуй!... Дай хоть на малое время съѣздить въ Москву да Рязань,—продолжаетъ уныло и однообразно Стефанъ, — рухляднишко забрать... Ежели имѣешь о возвращеніи моемъ нѣкое сумнительство—кровь Христа моего да будетъ мнѣ въ погибель, коль помышляю о бѣгствѣ что лукавое!... А ежели и клятвѣ не вѣришь, приставь офицера съ солдатами, съ которыми могъ бы я управить путь свой для всякой осторожности и вѣры... Питербурхъ ли, Москва ли, Рязань—вездѣ на мнѣ власть самодержавія вашего, отъ нея же укрыться не мочно, и нѣтъ для чего укрываться—предъ В. Ц. В. совѣсть имѣемъ чистую и беззазорную... Ибо камо пойду отъ духа Твоего и отъ лица твоего камо бѣгу?... Вы земные боги уподобились самому небесному Богу...

Петръ попрежнему молчитъ и слушаетъ сливающуюся съ жалобнымъ хныканьемъ патріаршаго Намѣстника, пѣсню шута:

Шинь-пень шиварганъ,
Эхъ разъ, по два разъ
Разподиахивать гораздъ...
Свекоръ съ печки свалился
За колоду завалился...

— Служба моя и трудишки единому Богу суть вѣдомы, а отчасти и В. Ц. В., на которыхъ силу, здравіе, а близко того и житіе погубилъ: зрѣніе потемнѣло... ноги ослабѣли... хирагма... камень... Ужъ смерть заглянула мнѣ въ очи... Нынѣ же вижу и лицо В. Ц. В. отъ меня отвращенно... Господи! откуда сія измѣна?... Казанье ли мое виновно есть?... Казанье мое (Богъ вѣсть) было къ исправленію и назиданію Россійскаго народа. И отолѣ уже и замолчалъ и впредь молчать готовъ. Ей, проповѣдывать трудно, а молчать весьма легко... Сія ли есть моя вина?... А званіе пастырское Господне? Не апостолъ ли глаголетъ: «проповѣдуй слово, настой благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли»...

— Свекоръ съ печки свалился,
За колоду завалился.
Кабы знала, возвѣстила,
Я повыше бъ подмостила
Я повыше бъ подмостила,
Свекру голову сломила...
Шинь-пень, шиварганъ!...

Петръ вскакиваетъ, чтобы усмирить двухъ подравшихся вельможъ, кн. Якова Долгорукова и кн. Ромодановскаго.

— Я тебя на ноготокъ да щелкну только мокренько будетъ!...—кричалъ князь-кесарь.

— Ахъ, ты, с... сынъ, я те вплѣплю въ бороду репей, я те покажу Кузькину мать!... Тебѣ у меня живу не быть!

И ругая другъ друга, два почтенныхъ старца броси-

лись другъ на друга, начали душить и бить другъ друга кулаками. Ихъ старались разнять; тогда они выхватили шпаги.

— Ei, dat is nitt permittet!—по-голландски крикнулъ Петръ, ставъ между ними.—Указъ князя-папы протодіакону: «во время шумства унимать словесно и ручно».

— Онъ учинилъ мнѣ великій афронтъ... Прошу сатисфакціи,—вопитъ кн. Яковъ.

— Камратъ, — успокоиваетъ его Петръ, — на князя-кесаря гдѣ сыскать управы, кромѣ Бога; я вѣдь и самъ человѣкъ подневольный, у его величества въ командѣ состою. Да и какой афронтъ? Нонѣ вся кумпанія отъ Бахуса не оскорблена. Sauffen-rauffen! Напьемся — подеремся, проспимся—помиримся!

Враговъ заставили выпить штрафъ перцовкой, и скоро они вмѣстѣ свалились подъ столъ.

Катенька говоритъ Петру сквозь двери:

— Не пора ли, батюшка, домой?

— Ничего, Катенька, завтра день гуляшій!..

* * *

Алексѣй упрекаетъ Стефана за унизительное хныканье.

— Какъ тебѣ не стыдно, отче, святительскій-отъ санъ унижать?.. Плачетъ, какъ старая баба! Ну, какіе вы архіереи, пастыри Господни?... Трусы вы всѣ, хамы, шушера!..

Смиренный «пастушокъ Рязанскій» поднялъ на него свои подслѣповатые, слезящіеся глазки.

— Какъ же быть, царевичъ?.. Противъ рѣчного стремленія трудно плавать...

Алексѣй теперь пилъ, чтобы поскорѣе напиться до потери сознанья, чтобы не видѣть и не слышать, что происходитъ кругомъ.

Свистъ, гамъ, крикъ, звонъ разбитой посуды, ругательства стоятъ въ воздухѣ сплошнымъ гуломъ, такъ что нельзя разобрать, кто кого ругаетъ. Вонь, смрадъ,

какъ въ самомъ грязномъ кабакѣ. То и дѣло раздаются оплеухи; но на нихъ уже никто не обращаетъ вниманія. У Алексѣя въ глазахъ туманъ, зеленые и красные круги, переплетающіяся кольца. Иногда сквозь этотъ туманъ онъ видитъ что-нибудь особенно нелѣпое и безобразное. Кто-то, шагая черезъ столъ, попалъ сапогомъ въ блюдо съ рыбнымъ студенемъ. Этотъ самый студень Петръ совалъ насильно въ ротъ Головкину, котораго держали за руки;—онъ весь побагровѣлъ и задыхался. Мусинъ-Пушкинъ, забравшійся къ дамамъ, котораго кн. Черкасская щекотала подъ шеей, ревѣлъ, какъ поросенокъ подъ ножемъ. Кн. Шаховской, «кавалеръ ордена Іуды», принималъ добровольно пощечины за червонцы—кто больше дастъ. Бросивъ Головкина, Петръ цѣловалъ англійскаго шкипера то въ затылокъ, то въ маковку; носилъ его на рукахъ; подымалъ ему губы и цѣловалъ между губами и деснами. Адмиралу Крюйсу раскроили голову бутылкою. Петръ Андр. Толстой безъ парика «поѣхалъ четвереню»; онъ впрочемъ не былъ очень пьянъ и только притворялся, чтобы больше не пить. Меньшиковъ свалился замертво и лежалъ на полу растянувшись; лицо у него посинѣло; его растирали, чтобы онъ не умеръ. Архимандрита Ѳедоса рвало, и онъ жалобно стоналъ:

— Охъ, смерть моя, охъ смерть моя!.. Матерь Пресвятая Богородица!...

Князь-папа храпѣлъ, навалившись всѣмъ тѣломъ на столъ, лицомъ въ лужѣ вина.

И надо всѣмъ—пронзительный, оглушающій птичій свистъ «весны»—плясовой напѣвъ:

Бей трепака, не жалѣй каблука!
Ходи изба, ходи печь!
Хозяину негдѣ лечь!
Полавочье трясется,
Половица приговариваетъ!...
Ой, жги, ой, жги!...

Человѣческія лица кажутся Алексѣю страшными, звѣриными мордами; и всѣхъ страшнѣе лицо Петра, лицо огромной хищной кошки или тигра. Оно спокойно и насмѣшливо; взоръ ясенъ и проницателенъ. Онъ одинъ трезвъ. И съ любопытствомъ наблюдаетъ, заглядываетъ въ самыя постыдныя и отвратительныя тайны озвѣрѣвшихъ людей, въ обнаженныя внутренности человѣческихъ душъ, которыя выворачиваются передъ нимъ наизнанку въ этомъ ужасномъ застѣнкѣ, гдѣ орудіе пытки—вино.

Съ Петра Алексѣй перевелъ взоръ на Стефана: онъ сидитъ, весь опустившись; маленькое, смертельно-блѣдное, болѣзненное личико; закрытые глаза; желто-сѣденькіе волоски изъ-подъ клобука прилипли къ потному лбу; худые пальцы перебираютъ четки; иногда весь вздрагиваетъ, какъ напуганныя маленькія дѣти во снѣ. Безкровныя губы что-то шепчутъ,—должно быть молитву. Алексѣю невыразимо жаль дряхлаго святителя, преданнаго на поруганіе кабацкихъ пропоицъ. Ему вспоминаются слова старыхъ святыхъ книгъ: «аще начнутъ піянство и всяко глумленіе и срамословіе,—тогда якожъ дымъ отгоняетъ пчелъ, тако же отъидутъ ангелы Божіи отъ той трапезы, и смрадные бѣсы предстанутъ и возрадуются и волю свою улучатъ, и напишутъ дѣла ихъ и приносятъ къ сатанѣ и вкупѣ радуются погибели христіанской. И та вся дѣла предстанутъ въ день страшнаго суда».

Царевичъ, шатаясь, подошелъ къ Стефану, сталъ на колѣни, поцѣловалъ ему руку и проговорилъ:

— Прости, отче святый, согрубилъ я тебѣ, прости меня, окаяннаго!... Вижу: скорбно тебѣ, а я пуще того скорблю за тебя... Да погоди, ужо, какъ буду, дастъ Богъ, царемъ,—я тебѣ за все заплачу, честью тебя удовольствую, патріархомъ сдѣлаю!...

— Что ты, что ты, царевичъ?... Молчи, услышатъ могуты!... Ахъ, ты, мой сыночекъ родненькій... Вѣсть Господь мое усердіе къ тебѣ... Знаю, что любишь меня...

Да Надобно тебѣ себя беречь... Вѣдь ты у насъ одинъ. Коли тебя не будетъ,—всѣ пропадемъ. Ну, Христосъ съ тобой, соколикъ мой бѣдненькій... Да хранитъ тебя Матерь Пречистая!...

Старикъ обнялъ и поцѣловалъ его со слезами.

Алексѣй почувствовалъ на себѣ тяжелый взоръ Петра; хотѣлъ подняться, но голова его кружилась; ему казалось, корабль подъ нимъ качается, какъ въ сильную бурю. Онъ упалъ на полъ ничкомъ. Кто-то сказалъ:

— Не тотъ пьянъ, что ничкомъ, а тотъ, что навзничь.

Онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы подняться, но увидѣлъ надъ собою ноги двухъ шутовъ-кардиналовъ, которые дрались: одинъ высморкался другому въ лицо, а тотъ старался ударить своего противника схваченною съ блюда горстью жирныхъ миногъ. Они толкали царевича; онъ совсѣмъ упалъ; сапогъ ударилъ его больно въ голову. Пьяная буря свистѣла и ревѣла надъ нимъ. Опять въ глазахъ, въ мозгу завертѣлся мутно-зеленый вихрь. Потомъ вдругъ все потемнѣло. Онъ забылся тяжелымъ сномъ.

Ему снилось, что насильно черезъ воронку льютъ ему въ горло водку, которая сжигаетъ внутренности. Потомъ, что у него вмѣсто головы — колоколъ, одинъ изъ тѣхъ колоколовъ, которые во время Шведской войны переливали въ пушки. Голосъ Петра произнесъ: «Колокола дѣлаютъ только пустой трезвонъ: переливъ ихъ въ пушки, загремлю ими противъ Шведовъ полезнымъ отечеству звукомъ!..» Крошечный карликъ, весь черный и сморщенный, похожій на голландскаго шкипера Фонъ-Киркена, ударилъ его огромнымъ желѣзнымъ молотомъ, должно-быть, чтобы разбить. Онъ весь задрожалъ,—загудѣлъ было торжественнымъ, негодующимъ гуломъ, какъ ростовскій Поліелейонъ, — на всю Россію... но вдругъ какъ-то оборвался нечаянно и зазвенѣлъ, задребезжалъ смѣшнымъ и глупымъ надтреснутымъ звономъ, похожимъ на пьяный плясовой напѣвъ: «Заиграй моя дубинка, за-

валяй моя волынка!» — и разлетѣлся вдребезги. Все опять потемнѣло, и онъ увидѣлъ, что лѣзетъ на шпицъ Петропавловскаго собора. Ему очень трудно лѣзть, потому что—шпицъ гладкій, скользкій, и шатается, гнется. Онъ смотритъ внизъ на Неву; тамъ чухонка полощетъ бѣлье... Нѣтъ, это не чухонка, а «морская женщина»,— Сирена, о которой намедни разсказывалъ Аврамовъ. У нея лицо какъ у мачехи, государыни Екатерины Алексѣевны. Она смѣется и скалитъ на него острые щучьи зубы и протягиваетъ къ нему длинную, длинную руку съ перепонкою между пальцами, какъ на гусиной лапѣ, и хватаетъ его за ногу. Онъ срывается со шпица и летитъ стремглавъ.

Царевичъ открылъ глаза и увидѣлъ надъ собою еще темное утреннее небо. На кораблѣ били зорю. Было четыре часа утра. Два гренадера несли его на рукахъ. Матросы и солдаты выносили изъ каюты и другихъ пьяныхъ вельможъ. Капитанъ Петръ билъ на барабанѣ отбой; это значило: «съ Ивашкой Хмельницкимъ была великая баталія, и онъ всѣхъ пошибъ».

Въ тотъ же день государь отправился по Невѣ на фрегатѣ въ Шлиссельбургъ и далѣе на Ладожское озеро, на Лодейное поле, гдѣ строились грузовыя суда, которыя должны были ходить изъ Петербурга до Астрахани и черезъ Каспійское море до береговъ Персіи. . . .

. . . . . .

Д. Мережковскій.

НАПѢВЫ.

I. МИГЪ СВОБОДЫ.

Vae victis!

Надъ угрюмою темницей, надъ оградою глухой,
Пробѣгаютъ вереницей тучи въ пляскѣ грозовой...
Имъ привольно на свободѣ, въ безконечномъ хороводѣ,
Наступать за ратью рать,—
Грохотать могучимъ громомъ, яркимъ молніи изломомъ
Дальній сумракъ озарять!

А за ними въ вихрѣ дикомъ, изъ ущелій темныхъ горъ,
Вѣтеръ шумный съ воемъ, крикомъ выбѣгаетъ на просторъ...
То гудитъ въ степи безлюдной, будто въ бой послѣдній,
Трубитъ въ тысячи роговъ,— [трудный,
То притихнетъ, будто внемлетъ, всѣ ли, кто въ темницѣ
Откликаются на зовъ. [дремлетъ,

Но въ отвѣтъ на кличъ мятежный слышенъ только
тихій стонъ,
Да — въ тревогѣ безнадежной — ржавой цѣпи скрипъ
да звонъ,—

И несется вѣтеръ снова, полный бѣшенства лихого,
Чрезъ долины и лѣса—
И взвиваясь въ высь, за кручи, надуваетъ въ небѣ тучи,
Точно въ морѣ паруса...

Съ нимъ уходитъ мигъ отрады... тише ропотъ, дальше вой.
Только громче вдоль ограды бродитъ зоркій часовой!

2. НА БЕРЕГУ.

Какъ зловѣще, протяжно и влажно
Одинокія волны поютъ!
Какъ таинственно, плавно и важно,
Чуть бѣлѣя, ихъ гребни встаютъ!

Божій шумъ такъ ласкающе ровенъ,
Эта ласка такъ сладко нѣжна!
Этотъ отблескъ такъ чистъ и безкровенъ,
Эта гулкая ночь такъ нужна!

Только вѣчное море и слышно,
Только темное сердце живетъ,—
Этой пѣснѣ великой и пышной
Все свободнѣе вторя, поетъ!

И безбольно, съ отрадною грустью,
Забываясь отъ боли, отъ ранъ,—
Какъ рѣка, что отхлынула къ устью,
Я вливаюсь въ святой океанъ...

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Жизнь кого не озадачитъ,
Кто подъ трудною грозой
Не застонетъ, не заплачетъ
Одинокою слезой?!
Ю. Б.

Брожу одинъ усталымъ шагомъ
Въ пустынной храминѣ лѣсной...
Ужъ сладкій шелестъ надъ оврагомъ
Не разольется предо мной!

Синѣютъ дали безъ привѣта...
Угрюмъ безмолвный кругъ земли...
И, какъ печальная примѣта,
Кричатъ зловѣще журавли...

И скоро въ мірѣ опустѣломъ
Завѣсы сѣрыя дождей
Возстанутъ горестнымъ предѣломъ
Лучистой жизни прежнихъ дней:

И будетъ ночью безотрадной
Искать былыхъ сіяній взоръ,
Но день пѣвучій, день нарядный,
Уже не выйдетъ на просторъ...

4. ВЪ ГОРАХЪ.

Gloria in excelsis Deo!

Просторъ! Раздолье дикое!
Безмѣрна ширь небесъ.
День — таинство великое!
День — чудо изъ чудесъ!

Пылаетъ небо знойное,
Туманы — подо мной,
Я слышу пѣнье стройное,
Запѣтое зарей.

Какъ звонъ, оно разносится
Въ пространствѣ безъ конца,
Поетъ, взываетъ, просится
Въ мое,— во всѣ сердца.

Съ безмѣрнымъ ликованіемъ
Смѣняются часы,
Весь міръ одѣтъ сіяніемъ,
Какъ капелька росы!

Горитъ полдневной славою
Святыня бытія,
Я въ свѣтломъ морѣ плаваю,
Мой парусъ — мысль моя!

5. МОЛИТВА.

Когда придетъ метель и мука запустѣнья,
Пошли, Творецъ, и намъ глубокій зимній сонъ,
Чтобъ мы могли, какъ пышныя растенья,
Взойти, расцвѣсть и Твой украсить тронъ
Грядущею весной!

Когда жъ, нежданно, вьюга задымится
И въ снѣжномъ полѣ вихри побѣгутъ,
Пошли упорство вѣрить и стремиться,
Свершать, не дрогнувъ, тайный жизни трудъ,
Назначенный Тобой!

Когда душа, наперстница печали,
Утратитъ путь съ приходомъ темноты,
Пусть ярче вспыхнутъ звѣздъ Твоихъ скрижали,
Пусть каждый, вспомнивъ заповѣдь мечты,
Пойдетъ на подвигъ свой!

6. ГОРНОМУ РУЧЬЮ.

Es war ein schöner Sturm, der mich getrieben,
Er hat vertobt, und Stille ist geblieben.
Nicolaus Lenau. Don Juan.

Изъ свѣтлаго царства высотъ бѣлоснѣжныхъ,
Рожденный полдневнымъ лучемъ,
Ты вьешься и скачешь, въ порывахъ мятежныхъ
Стремнины тебѣ — ниточемъ!

Гдѣ темныя скалы, рядами смыкаясь,
Хотятъ заступить тебѣ путь,
Ты звонче, чѣмъ прежде, гремишь, насмѣхаясь,
И бьешь ихъ въ холодную грудь.

И съ пѣсней побѣдною въ бездну, съ разбѣга,
Сверкнувъ ты, ликуя, упасть,
И въ этомъ паденьи—приволье и нѣга,
Безпечность, и сила, и власть!

И вотъ, ты въ долинѣ,—ты съ озеромъ темнымъ
Сливаешься робкой струей,
И дремлешь недвижно, и блескомъ заемнымъ
Чуть блещешь сквозь сумракъ ночной!

Когда же, при мѣсяцѣ, горъ отраженье
Въ сонливую глубь упадетъ,
Не ты ли такъ скорбно дрожишь отъ томленья,
Предъ призракомъ свѣтлымъ высотъ?

7. КОЛОКОЛЪ.

Bim! Baum!
Helfe dir Gott aus deinem Traum!

Gerhart Hauptmann.

Зычно и скорбно, ударъ за ударомъ,
Міру уснувшему колоколъ пѣлъ...
Точно набатъ передъ близкимъ пожаромъ,
Долго и гулко гудѣлъ...

Пѣлъ онъ съ угрозой, съ увѣрчивой лаской,—
Съ горькою жалобой, дрогнувъ, стоналъ,
Громомъ взыскующимъ, дѣтскою сказкой
Въ сумракъ глухой упадалъ!

Слышался въ звонѣ обѣтъ воскресенья,
Слышалась смерти суровая вѣсть,—
Возгласъ тоскующій сираго рвенья,
Жажда прощенья и месть...

Пѣлъ онъ и въ полночь и въ утро святое —
Съ бурей смѣялся и плакалъ въ тиши,
Но откликалось лишь эхо лѣсное...
Вмѣсто уснувшей души!

Точно набатъ передъ близкимъ пожаромъ,
Міру безпечному колоколъ пѣлъ...
Зычно и скорбно, ударъ за ударомъ,
Тщетно о Богѣ гудѣлъ...

8. НОЧЬЮ.

Валерію Брюсову.

Жизни мышья беготня.

А. Пушкинъ.

Въ великій храмъ полночнаго молчанья
И я свою молитву приношу...
Ни радостей, ни счастья,—только знанья
У Вѣчнаго тоскующе прошу.

Я лишь хочу, хотя бъ на мигъ короткій,
Приникнуть къ тайнамъ Вѣчности живой,—
Поднявъ свой взоръ, безпомощный и кроткій,
Сіянью звѣздъ довѣрить разумъ свой.

Я лишь хочу, припавъ къ землѣ сонливой,
Измученной въ томленіи заботъ,
Подслушать тайну жизни суетливой,
Чѣмъ это сердце дышитъ и живетъ.

Мы всѣ горимъ незнаніемъ и ложью!
Вы, звѣзды вѣчныя, шепните тихо мнѣ,
Какъ намъ двѣ правды—здѣшнюю и Божью—
Скрѣпить въ одно въ душевной глубинѣ!

Ю. Балтрушайтисъ.

ЧЕТЫРЕ СТИХА.

Намъ не дано предугадать
Какъ слово наше отзовется,—
И намъ сочувствіе дается,
Какъ намъ дается благодать...

Ѳ. И. Тютчевъ.

С. Петербургъ,
27 февраля 1869.

FAC-SIMILE
и
ПРИМѢЧАНІЯ.

~~[illegible]~~.

Свиная Ноль на небосклонъ взошла
И день отрадный, день любезный,
Какъ золотой покровъ она свела
Покровъ накинутый мой бѣдной —
И какъ видѣнье, видимый Міръ ушолъ....
И человѣкъ, какъ Сирота бѣдный,
Стоитъ теперь и не можетъ и голъ
Лицемъ къ лицу, предъ ~~[illegible]~~ [illegible]

На самаго себя накинутъ онъ —
Упражненъ умъ и мысль встрѣтила —
Въ душѣ своей какъ въ бѣдной погребенъ
И ѣдъ извнѣ опоръ, ни предѣла....
И чудится давно минувшимъ сномъ
Ему теперь все свѣтлое, живое.....
И во сухомъ, неразгаданномъ, ночью
Онъ ду[illegible] [illegible] [illegible].

Намъ не дано предугадать
Какъ слово наше отзовется —
И намъ сочувствие даётся,
Какъ намъ даётся благодать...

С. Петербургъ
27 февраля. 1869

Ю. Тютчевъ

ПРИМѢЧАНІЯ.

(Къ стихамъ Ѳ. И. Тютчева на стр. 1-й и 182).

Стихи «Святая ночь на небосклонъ взошла» впервые были напечатаны еще при жизни Тютчева, въ 1850 году, въ Москвитянинѣ, № 8, кн. 2, и перепечатывались во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Тютчева. Оказывается, однако, что изъ этой редакціи не достаетъ цѣлой строфы. Мы печатаемъ стихотвореніе по автографу Тютчева, приложенному къ его письму, неизвѣстно къ кому обращенному. Въ письмѣ Тютчевъ пишетъ: «Въ числѣ сообщенныхъ вамъ пьесъ была одна съ пропускомъ четырехъ стиховъ. Вотъ вамъ она сполна». Кромѣ новой строфы, нынѣ впервые появляющейся въ печати, въ нашемъ спискѣ есть нѣсколько варіантовъ. Въ стихахъ 3 и 4 до сихъ поръ печаталось «конеръе вмѣсто «покровъ». Въ стихѣ 12 печаталось: «предъ этой бездной» вмѣсто «предъ пропастію». (Послѣднее чтеніе должно считаться единственно вѣрнымъ, потому что, какъ видно изъ автографа, Тютчевъ сознательно поправилъ первое выраженіе на второе). Наконецъ въ стихѣ 3 съ конца поридокъ словъ прежде былъ такой «Теперь ему все свѣтлое, живое».

Четверостишіе «Намъ не дано предугадать» найдено въ бумагахъ покойной княгини Варвары Ѳеодоровны Шаховской и печатается нынѣ впервые, съ любезнаго разрѣшенія родной внучки ея, Е. Н. Свѣчиной.

Пользуемся настоящимъ случаемъ, для того чтобы собрать воедино и другія стихотворенія Тютчева, не вошедшія въ послѣднее изданіе его сочиненій или напечатанныя тамъ не полностью. Одно изъ нихъ было впервые обнародовано Ѳ. Ѳ. Тютчевымъ въ газетѣ «Свѣтъ» (1893 г. № 175), а затѣмъ перепечатано въ статьѣ В. Я. Брюсова, въ «Русскомъ Архивѣ» (1898 г., кн. 3-я). Изъ этого стихотворенія только отрывки были помѣщены въ собраніи сочиненій (изд. 1900 г. стр. 285), гдѣ оно пріурочено хронологически къ концу 1865 или началу 1866 года. Приводимъ его цѣликомъ:

Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ
Часы одни ужасные другихъ;
Ихъ тяжкій гнетъ, ихъ горе неземное
Не выскажетъ, не выдержитъ мой стихъ.

Вдругъ все замретъ; слезамъ и умиленью
Нѣтъ доступа; все пусто и темно;
Мишурное не вѣетъ легкой тѣнью,
А подъ землей, какъ трупъ, погребено.

И вотъ надъ нимъ въ дѣйствительности ясной,
Но безъ любви, безъ солнечныхъ лучей,
Такой же міръ бездушный и безстрастный,
Не знающій, не помнящій о ней.

И я одинъ съ моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя—и не могу,
Разбитый челнъ, заброшенный волною
На безымянномъ дикомъ берегу.

О, Господи! дай жгучаго страданья
И мертвенность души моей разсѣй,
Ты далъ ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мнѣ оставь по ней.

Другое стихотвореніе Тютчева находится въ статьѣ графини Н. Н. Каинистъ, посвященной біографіи ея отца, поэта П. Н. Каиниста, и напечатанной при собраніи его сочиненій (Москва, 1901 г. стр. CXXXIV). Графъ Каинистъ былъ сослуженцемъ Тютчева по Цензурному вѣдомству. Во время одного изъ засѣданій Главнаго Управленія по дѣламъ печати, происходившаго въ октябрѣ 1867 года, Каинистъ замѣтилъ, что Тютчевъ былъ особенно разсѣянъ и что-то писалъ на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бумаги. Послѣ засѣданія онъ унесъ съ раздумія, оставивъ эту бумагу на столѣ. На ней оказались набросанными стихи, которые Каинистъ, конечно, взялъ себѣ на сохраненіе. По тону и содержанію эти стихи какъ бы примыкаютъ къ вышеприведенному стихотворенію, рисуя новый фазисъ въ развитіи того же основного настроенія.

Какъ ни тяжелъ послѣдній часъ,—
Та невозвратная для насъ;
Истома смертнаго страданья,—
Но для души еще страшнѣй
Слѣдить, какъ вымираютъ въ ней
Всѣ лучшія воспоминанья...

Наконецъ, въ Русс. Стар. 1887 г., X, стр. 129, напечатано посланіе Тютчева къ Пушкину, по поводу оды «На вольность». Посланіе перепечатано въ брошюрѣ В. В. Каллаша «Puschkiniana», Кіевъ 1902. Мы печатаемъ здѣсь это посланіе по одному старинному списку.

Огнемъ свободы пламенѣя
И заглушая звукъ цѣпей,
Проснулся въ лирѣ духъ Алцея,
И рабства пыль слетѣла съ ней.

Отъ лиры искры побѣжали
И вседержавною струей—
Какъ пламень Божій—насвистали
На чела блѣдныя царей.

Счастливъ кто гласомъ твердымъ, смѣлымъ,
Забывъ ихъ санъ, забывъ ихъ тронъ,
Вѣщать сердцамъ оцѣпенѣлымъ
Святыя истины рожденъ!

И ты великимъ симъ удѣломъ,
О, музъ питомецъ, награжденъ!

Восторгъ и сила сладкогласья
Разнѣжь, растрогай, преврати
Друзей холодныхъ самовластья
Въ друзей добра и красоты!

Но гражданъ не спугнай покою
И блеска не мрачи пѣвца,
Пѣвецъ! подъ царскою парчею
Смягчай, а не тревожь сердца!

Напомню также, что, по признанію самихъ издателей 1900 г., они взяли изъ рукописей Тютчева не все, а пропущено «нѣсколько мелкихъ стихотвореній и отрывковъ. Совершенно они не использованы варіанты. Кромѣ того извѣстно, что Тютчевъ мало заботился о судьбѣ своихъ поэтическихъ созданій; онъ какъ бы «пролилъ» ихъ, иногда даже вовсе не записывая ихъ самъ, а предоставляя это своимъ ближнимъ. Весьма возможно поэтому, что среди бумагъ его друзей и знакомыхъ хранится еще многія неизданныя его произведенія. Нужно надѣяться, что они будутъ когда-либо извлечены изъ своей неизвѣстности, такъ какъ всякая строчка такого поэта, какъ Тютчевъ, достойна сохраненія.

В. Саводникъ.

Заглавный рисунокъ этой книги воспроизводитъ гравюру Отто Вениуса изъ книги Emblemata Amorum. Рамка, въ которую рисунокъ заключенъ,—работы художника Л. Бакста. Ему же принадлежатъ заглавныя буквы вверху листа. Буквы внизу работы художника Макса Волошина.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	V
Самосознаніе. Стихи **Ѳ. И. Тютчева**	1
Пришедшій. Мистерія **Андрея Бѣлаго**	2
Призывы. Стихи **Андрея Бѣлаго**	26
Чувство личности. Статья **К. Д. Бальмонта**	39
«Только любовь». Стихи **К. Д. Бальмонта**	57
Месса. Переводная картинка **З. Н. Гиппіусъ**	65
Мысли. Стихи **Валерія Брюсова**	74
Звѣриное число. Статья **В. В. Розанова**	85
Стихи о прекрасной дамѣ. **Александра Блока**	93
Улица. Разсказъ **Марка Криницкаго**	100
Въ вагонѣ. Стихи **Макса Волошина**	106
Изъ сумасшедшаго дома. **А. Добролюбова**	109
Стихи. **Александра Добролюбова**	112
Эпитафія. **Алексѣя Ремизова**	115
Митя. Разсказъ **А. Л. Миропольскаго**	117
Три стихотворенія. **Виктора Гофмана**	121
Ненаписанныя басни. **А. И. Крылова**	125
О двухъ путяхъ добра. **Н. М. Минскаго**	131
Числа. Стихи **З. Н. Гиппіусъ**	148
Мимолетное. Замѣтка **В. В. Розанова**	151
Разногласье. Стихи **К. К. Случевскаго, А. Н. Вильямной С. А. Рафаловича, Д. Н. Фридберга, Вячеслава Иванова, Ѳедора Сологуба и Аврелія**	154
Петръ и Алексѣй. **Д. С. Мережковскаго**	162
Напѣвы. Стихи **Юргиса Балтрушайтиса**	175
Четыре стиха. **Ѳ. И. Тютчева**	182
Факсимиле стиховъ **Ѳ. И. Тютчева**	185 и 187

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторовъ, принявшихъ участіе въ альманахахъ

«СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ» на 1901, 1902 и 1903 г.

(Римскія цифры означаютъ годъ альманаха, арабскія страницу).

1. Балтрушайтисъ Ю. Стихи. . . . I, 119; II, 142; III, 175
Капли. Разсказъ . . . . . I, 55
Легенда о факелахъ. Разсказъ. . . II, 84
2. Бальмонтъ К. Стихи. . . . . I, 79; II, 149, 170; III, 57
Чувство личности въ поэзіи. . III, 39
3. Бахманъ Г. Стихи. . . . . I, 100
4. Блокъ Александръ. Стихи. . . . . III. 93
5. Брюсовъ Валерій. Стихи. . . I, 127; II, 129; III, 74, 161
Истины. Начала и намеки. . . . . I, 189
Теперь, когда я проснулся. . . . II, 61
6. Бунинъ И. А. Поздней ночью. Разсказъ. . . . I, 42
7. Бѣлый Андрей. Пришедшій. Мистерія . . . . . III, 2
Стихи. . . . . III, 26
8. Вилькина Л. Н. Стихи. . . . . II, 140; III, 155
9. Волошинъ Максъ. Стихи . . . . . III, 106
10. Волынскій А. Л. Современная поэзія. . . . II, 225
11. Гиппіусъ Вл. Стихи. . . . . I, 96
12. Гиппіусъ З. Н. Стихи. . . . . II, 106; III, 148
Святая кровь. Драма. . . . . I, 1
Небесныя слова. Разсказъ . . . . . II, 16
Месса. Переводная картинка . . . . . III, 65
13. Гофманъ В. В. Стихи . . . . . III, 121
14. Добролюбовъ А. С. Стихи . . . . . I, 75; III, 112
Образы. . . . . II, 89
Изъ сумасшедшаго дома. Рисунки. III, 119
15. Жадановъ Л. Г. Стихи. . . . . I. 104
16. Ивановъ Вячеславъ. Стихи . . . . . III, 158
17. Каллашъ В. В. Къ баснямъ И. А. Крылова . . . . III, 124
18. Коненской Ив. Стихи . . . . . I, 109; II, 136
Объ отчѣваніи. . . . . I, 180
Міровоззрѣніе Н. О. Щербины. II, 194
19. Коринъ В. Стихи . . . . . II, 125
20. Криницкій Маркъ. Умный и глупый. Разсказъ . I, 46
Ангелъ страха. Разсказъ . . . . . II, 70
Улица. Разсказъ . . . . . III, 100
21. Крыловъ И. А. Басни. . . . . III, 125
22. Курсинскій А. А. Стихи. . . . . I, 103
23. Лернеръ Н. Примѣчаніе къ письму А. С. Пушкина II, 177
24. Лохницкая М. А. Стихи. . . . . I, 94; II, 114
25. Мережковскій Д. Стихи . . . . . II, 103
Петръ и Алексѣй. . . . . III, 162
26. Минскій Н. М. Стихи. . . . . II, 109
О двухъ путяхъ добра. Два доклада III, 131
27. Мировичъ Анастасія. Стихи. . . . . I, 102; II, 127
Яшерицы. Эльза. Разсказы . . . . . II, 80
28 Мировичъ В. Г. Стихи. . . . . II, 141
29 Миропольскій А. Л. Стихи . . . . . I, 107; II, 139
Митя, Божій человѣкъ. . . . . III, 117
30. Некрасовъ Н. А. Письмо 1857 г. . . . . II, 179
31. Павлова К. Стихи 1846 г. . . . . I, 71
32. Перцовъ П. И. Стихи . . . . . I, 101; II, 148
33. Полонскій Я. П. Стихи 1890 г. . . . . II, 99
34 Пушкинъ А. С. Записка 1827 г. . . . . I, 142
Записка 1834 г. . . . . II, 177
35. Рафаловичъ С. Л. Стихи . . . . . III, 156
36. Ремизовъ А. Эпитафіи . . . . . III, 115
37. Розановъ В. В. Заѣтки . . . . . I, 169
Тревожная ночь . . . . . II, 3
Звѣриное число. . . . . III, 85
Мимолетное . . . . . III, 151
38. Саводникъ В. О. Къ стихамъ О. И. Тютчева III, 189
39. Случевскій К. К. Стихи . . . . I, 78; II, 102; III, 154
40. Сологубъ Ѳедоръ Стихи . . . . . I, 93; II, 112; III, 160
Обручь. Разсказъ . . . . . II, 75

41. Соловьевъ Вл. С. Письма 1881—1892 г. . . . . I, 146
42. Тургеневъ И. С. Письма 1858—1873 г. . . . II, 180
43. Тютчевъ Ѳ. И. Записки 1866—1869 г. . . . I, 142
Стихи . . . . . III, 1, 182
44. Урусовъ кн. А. И. Мемуары, записки, письмо. I, 160
45. Фетъ А. А. Стихи . . . . . I, 69; II, 100
Письма 1891 г. . . . . I, 144
Источники нашего вигилизма. II, 191
46. Фофановъ К. М. Стихи . . . . . I, 76
На полюсѣ. Драматическая фантазія . II, 118
47. Фридбергъ Д. Стихи . . . . . I, 117; II, 123; III, 157
48. Черногубовъ Н. Н. Къ стихамъ А. А. Фета. . II, 215
49. Чеховъ А. П. Ночью. Разсказъ . . . . . I, 37
50. Ѳедоровъ А. М. Стихи . . . . . I, 105

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ“.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ (1903 г.).

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. Обложка работы художника Фидуса. Ц. 2 р. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Urbi et orbi. Стихи 1900—1903 г. Ц. 2 р.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. 1883—1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. 1889—1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. Стихи 1897—1903 г. (Книга III и IV). Ц. 1 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая), въ 4-хъ частяхъ. Обложка воспроизводитъ рисунокъ О. Берделея. Ц. 75 к.

Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Переведъ съ латинскаго размѣромъ подлинника Ф. Ф. Рачинскій. Ц. 2 р. 50 к.

Ст. Пшибышевскій. Homo Sapiens. Романъ въ трехъ частяхъ. 1) На распутьи. 2) Мимоходомъ. 3) Въ Мальстремѣ. Переводъ М. Н. Семенова. М. 1903. Ц. 2 р. 40 к. (Печатается 2-е изданіе).

А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя жизни Пушкина, собранныя Н. Лернеромъ. М. 1903. Ц. 1 р.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле стиховъ, писемъ и рисунковъ Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣверные Цвѣты. Третій Альманахъ. Обложка воспроизводитъ гравюру Отто Веніуса въ рамкѣ Л. Бакста. М. 1903 г. (Распродано).

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года 1901, 1902, 1903. Ц. 3 р.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій со статьей о жизни и творчествѣ Ив. Коневского. Ц. 2 р.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Ц. 1 р. 50 к. (Выдетъ въ началѣ 1904 г.).

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ (Выйдетъ въ началѣ 1904 г.).

ИЗДАНІЯ 1900—1902 г.

Генрикъ Ибсенъ. Когда мы мертвые проснемся. Изданіе второе. М. 1900. Ц. 50 коп. (Осталось самое ограниченное число экземпляровъ).

41. Соловьевъ Вл. С. Письма 1881—1892 г. . . . . I, 146
42. Тургеневъ И. С. Письма 1858—1873 г. . . . II, 180
43. Тютчевъ Ѳ. И. Записки 1866—1869 г. . . . I, 142
Стихи . . . . . III, 1, 182
44. Урусовъ кн. А. И. Мемуары, записки, письмо. I, 160
45. Фетъ А. А. Стихи . . . . . I, 69; II, 100
Письма 1891 г. . . . . I, 144
Источники нашего нигилизма. II, 191
46. Фофановъ К. М. Стихи . . . . . I, 76
На полюсѣ. Драматическая фантазія . II, 118
47. Фридбергъ Д. Стихи . . . . . I, 117; II, 123; III, 157
48. Черногубовъ Н. Н. Къ стихамъ А. А. Фета. . II, 215
49. Чеховъ А. П. Ночью. Разсказъ . . . . . I, 37
50. Ѳедоровъ А. М. Стихи . . . . . I, 105

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ“.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ (1903 г.).

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Книга символовъ. Обложка работы художника Фидуса. Ц. 2 р. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Urbi et orbi. Стихи 1900—1903 г. Ц. 2 р.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. 1883—1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. 1889—1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. Стихи 1897—1903 г. (Книга III и IV). Ц. 1 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая), въ 4-хъ частяхъ. Обложка воспроизводитъ рисунокъ О. Берделея. Ц. 75 к.

Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Переведъ съ латинскаго размѣромъ подлинника Н. И. Рачинскій. Ц. 2 р. 50 к.

Ст. Пшибышевскій. Homo Sapiens. Романъ въ трехъ частяхъ. 1) На распутьи. 2) Мимоходомъ. 3) Въ Мальстремѣ. Переводъ М. Н. Семенова. М. 1903. Ц. 2 р. 40 к. (Печатается 2-е изданіе).

А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя жизни Пушкина, собранныя Н. Лернеромъ. М. 1903. Ц. 1 р.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле стиховъ, писемъ и рисунковъ Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сѣверные Цвѣты. Третій Альманахъ. Обложка воспроизводитъ гравюру Отто Веніуса въ рамкѣ Л. Бакста. М. 1903 г. (Распродано).

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года 1901, 1902, 1903. Ц. 3 р.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій со статьей о жизни и творчествѣ Ив. Коневского. Ц. 2 р.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Ц. 1 р. 50 к. (Выдетъ въ началѣ 1904 г.).

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ (Выйдетъ въ началѣ 1904 г.).

ИЗДАНІЯ 1900—1902 г.

Генрихъ Ибсенъ. Когда мы мертвые проснемся. Изданіе второе. М. 1900. Ц. 50 коп. (Осталось самое ограниченное число экземпляровъ).

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 1 р.

Александръ Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловіи Ин. Коневского и Валерія Брюсова. М. 1900 г. Ц. 60 к. (Распродано).

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Артуръ Шнитцлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

Валерій Брюсовъ. Tertia Vigilia. Книга новыхъ стиховъ (1807—1900). М. 1900 г. Ц. 1 р. (Осталось самое ограниченное число экземпляровъ).

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Предисловіе К. Д. Бальмонта. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Сѣверные Цвѣты. Альманахъ на 1901 г. Обложка работы К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. М. 1901 г. Томъ I. Поэмы (переводъ въ стихахъ), сказки, разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV вѣка. М. 1902 г. Ц. 1 р. 35 к. (Распродано).

Сѣверные Цвѣты. Альманахъ на 1902 годъ. Обложка и виньетки работы К. Сомова. М. 1902. Ц. 2 р.

Андрей Бѣлый. Симфонія (вторая, драматическая) въ 4-хъ частяхъ М. 1902. Ц. 1 р. (Распродано).

А. Л. Миропольскій. Лѣстница. Поэма. Предисл. Валерія Брюсова. М. 1902. Ц. 60 к. (Распродано).

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ М. Н. Семенова. М. 1902. Ц. 70 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1902 г. Ц. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

Ст. Пшибышевскій. Книга вторая.

Д. С. Мережковскій. Судьба Гоголя. Изслѣдованіе.

Ѳ. Сологубъ. Жало смерти. Разсказы.

Ю. Балтрушайтисъ. Ведуины. Морской царь. Вечеръ. Спутники Колумба. Книга поэмъ.

А. Зиновьева. Кольца. Драма въ 3 дѣйствіяхъ.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ II.

Демоническія драмы испанскаго театра въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ на 1904 годъ.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Литературныя характеристики.

Фр. Ницше. Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ—Ю. И. Айхенвальда, К. Д. Бальмонта, Ю. К. Балтрушайтиса, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, пр.-д. Д. В. Викторова, Вяч. Иванова, С. А. Полякова, М. Н. Семенова и др.

Н. М. Минскій. Сборникъ стиховъ. (Съ 1901 года).

Каталогъ книгоиздательства „Скорпіонъ" высылается по требованію безплатно.

Выписывающіе книги непосредственно отъ книгоиздательства (Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23) за пересылку не платятъ.

Съ 1904 года будетъ издаваться въ Москвѣ

при книгоиздательствѣ „СКОРПІОНЪ“

НОВЫЙ научно-литературный и критико-библіографическій ежемѣсячный журналъ

«ВѢСЫ».

Читатели «ВѢСОВЪ» будутъ освѣдомлены о литературной жизни всего міра. Въ «ВѢСАХЪ» помѣщаются статьи по вопросамъ науки, искусства и литературы. «ВѢСЫ» даютъ критическіе отзывы о всѣхъ выдающихся книгахъ и подробные перечни новыхъ книгъ, появляющихся на русскомъ и на всѣхъ европейскихъ языкахъ. «ВѢСЫ» имѣютъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ главныхъ городахъ Европы. «ВѢСЫ» сообщаютъ о всемъ новомъ въ театральномъ, музыкальномъ и художественномъ мірѣ. Въ своихъ сужденіяхъ «ВѢСЫ» стремятся къ полному безпристрастію, не понимая подъ этимъ безпринципности.

Въ «ВѢСАХЪ» примутъ участіе: К. Бальмонтъ, Л. Бакстъ, Ю. Балтрушайтисъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, В. В. Владимировъ, Максъ Волошинъ, З. Н. Гиппіусъ, Вячеславъ Ивановъ, Маркъ Криницкій, Н. О. Лернеръ, Д. С. Мережковскій, Н. М. Минскій, П. П. Перцовъ, С. Л. Рафаловичъ, В. В. Розановъ, М. Н. Семеновъ, Ѳ. Сологубъ и мн. др.

«ВѢСЫ» выходятъ разъ въ мѣсяцъ, тетрадями до 80 страницъ и болѣе **съ оригинальными рисунками**. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 5 рублей, на полъ-года 3 рубля; за границу 7 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) въ редакціи журнала: Москва, книгоиздательство «Скорпіонъ», Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23; 2) въ отдѣленіи конторы журнала: Петербургъ, Понарской 7, кв. 24; 3) въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Подписныя деньги, посылаемыя по почтѣ, просятъ направлять непосредственно въ редакцію. Желающіе получить заказнымъ письмомъ подписную квитанцію прилагаютъ 14 коп.

Книжные магазины могутъ удерживать за комиссію 5%.

Редакторъ-издатель С. А. Поляковъ.

Дозволено цензурой. Москва, 16 ноября 1903 г. 1021.